

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

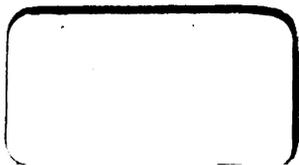
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

GPI/xx

9/с)
1190

115/18/2

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

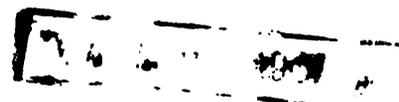
ИСТОРИА ЛѢТОНСЦА.

18155

КНИГА ШЕСТАЯ.

Издана подъ редакціею

... д. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича.

Державна Библиотечна
БИБЛИОТЕКА УРСР

КИЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра,
В. Завадскаго. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.

1892.

2
1

~~~~~  
Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго универ-  
ситета св. Владимира. Деканъ *Т. Флоринскій*.  
~~~~~


ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1891 году.

Сообщенія, помѣщенныя въ сокращеніи:

	СТРАН.
О посмертномъ сочиненіи М. В. Юзефовича: „Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи“.— <i>А. В. Романовича-Славатинскаго</i>	2
Изъ исторіи Кіева и Юго-Западнаго края въ 1811 и 1812 гг.— <i>О. И. Левичкаго</i>	3 и 7
О волосистости лица, какъ расовомъ признакѣ.— <i>И. А. Сикорскаго</i>	5
Результаты археологической экскурсіи въ Аккерманскій уѣздъ, предпринятой весною 1891 г.— <i>Ө. И. Кнауэра</i> .—Выводы о раскопкахъ, произведенныхъ г. Кнауэромъ,— <i>В. Б. Антоновича</i>	10
Протоіерей Алексѣй Андріевскій.— <i>В. Б. Антоновича</i>	14
Этнографическія данныя о Барской околичной шляхтѣ до конца XVIII вѣка.— <i>М. С. Грушевскаго</i>	15
О культѣ египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря.— <i>А. И. Сонни</i>	16
Къ вопросу объ имени „Русь“.— <i>В. З. Завитневича</i>	18

	СТРАН.
О свойствахъ и значеніи литературной дѣятельности И. А. Гончарова.— <i>В. Н. Малинина</i>	21
Раскопки на Княжей горѣ въ 1891 г.— <i>Н. Ѳ. Бляшевскаго</i>	21
<i>Извлеченіе изъ отчета о составѣ и дѣятельности Общества Нестора летописца въ 1891 году</i>	24

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Археологическія замѣтки.— <i>А. И. Соболевскаго</i>	1
Вторая археологическая экскурсія въ Припетское По- лѣсье.— <i>В. З. Завитневича</i>	11
По поводу „Дрогичинскихъ древностей“.— <i>И. В. Лу- чицкаго</i>	73
Историческій очеркъ Батурина.— <i>А. М. Лазаревскаго</i> .	106
Кіевскіе воеводы, губернаторы и генераль-губернаторы отъ 1654 по 1775 г.— <i>В. И. Щербини</i>	123
Приложенія къ этой статьѣ.	138
Служба въ Сибири Демьяна Многогрѣшнаго.— <i>Н. Н. Оглоблина</i>	149
Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи и объ отношеніи къ нему мѣстнаго магистрата.— <i>А. А. Андріевскаго</i>	171
Приложенія къ этой статьѣ.	190
Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзій М. Ю. Лермонтова.— <i>П. В. Владимірова</i>	198
Мотивы міровой поэзій въ творчествѣ Лермонтова.— <i>Н. П. Дашкевича</i>	231
Поминка по Л. К. Лазаревичѣ, сербскомъ писателѣ.— <i>А. І. Степовича</i>	253

ОТДѢЛЪ Ш.

М а т е р і а л ы.

	СТРАН.
Святаго Кирилла, ексарха Александрійскаго, игумена, Наука о противной уніи.—Сообщилъ <i>А. С. Крыловскій</i>	3
„Росписной списокъ“ г. Кіева 1700 г.—Сообщилъ <i>про- тоіерей П. Г. Лебединцевъ</i>	31
Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ и Записки Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородскаго.—Сообщилъ <i>В. П. Горленко</i>	23
Брань честныхъ семи добродѣтелей з семи грѣхами смертными, в человѣцѣ путнику такъ всегда, яко наипаче въ дни с-тя вел. чтиридесятницы, резидуочая. По чину седмиць ея имагинацѣю цвѣтческою и риѣзомъ описанная 1737 года апрѣля 9 дня (Іоасафомъ Горленкомъ).—Сообщилъ <i>В. П. Горленко</i>	107
О разборѣ архива графа П. А. Румянцева-Задунайскаго (Записка М. О. Судіенка).—Сообщилъ <i>В. С. Иконниковъ</i>	138
Приложеніе: Древній помянникъ Кіево-Печерской лавы (конца XV и начала XVI ст.)—Сообщилъ <i>С. Т. Голубевъ</i> .	I.

11

12

13

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ

Историческаго Общества Нестора лѣтописца

въ 1891 году.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1891 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 27 ЯНВАРЯ.

а) Д. чл. *А. А. Андріевскій* въ сообщеніи своемъ „*О кievскомъ войтѣ Иванѣ Сычевскомъ (1754—1766 гг.)*“ охарактеризовалъ дѣятельность этого войта и его постоянную борьбу съ членами магистрата изъ-за права распоряженія городскими доходами, борьбу, доходившую до суда вслѣдствіе безчисленныхъ взаимныхъ жалобъ войта и магистратскихъ урядниковъ и обвиненій въ присвоеніи и тѣмъ и другими общественнаго имущества (Статья эта напечатана въ „*Кiev. Старинѣ*“ за май-іюнь 1891 г.).

б) Д. чл. *Т. Д. Флоринскій* прочелъ сообщеніе *А. И. Соболевскаго*: „*Археологическія замѣтки*“ (Напечатано во II отдѣлѣ настоящей книги).

Замѣчанія по поводу этого чтенія были сдѣланы *В. С. Иконниковымъ*, *В. З. Завитневичемъ*, *Ю. А. Кулаковскимъ*, *П. С. Иващенко* и *Т. Д. Флоринскимъ*.

в) Д. чл. *Ө. Я. Фортинскимъ* былъ произведенъ разборъ 1-й книги „*Историческаго Обзорчія*“, изданной Историческимъ Обществомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ (Разборъ этотъ напечатанъ въ „*Университетскихъ Извѣстіяхъ*“ за февраль 1891 г.).

г) Д. чл. *Ю. А. Кулаковскій* въ дополненіе къ реферату, читанному имъ въ засѣданіи 25 ноября 1890 года, сообщилъ свои замѣ-

чавія относительно описанія г. Ищуржинскимъ катакомбы, открытой въ г. Керчи весной 1890 г. (описание это помѣщено въ X выпускѣ „Извѣстій ученой Таврической комиссіи“).

II. ЗАСѢДАНІЕ 10 ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. *В. З. Завитневичъ* ознакомилъ членовъ Общества съ результатами своей „*Второй археологической экскурсіи въ Приплетское Полесье*“ (напечатано во II отдѣлѣ настоящей книги).

б) Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сообщилъ „*О посмертномъ сочиненіи М. В. Юзефовича: „Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи*“.

„Въ бумагахъ покойнаго М. В. Юзефовича“, по словамъ предисловія въ этому посмертному труду, „оказалось много замѣтокъ, набросковъ и отдѣльныхъ статей, въ совокупности которыхъ рельефно обрисовываются какъ взглядъ автора на историческое прошлое Россіи и ея современную жизнь, такъ и самая личность и характеръ автора, всецѣло посвятившаго себя отстаиванію дорогихъ ему русскихъ интересовъ...“ Трудъ разбора и редактированія для печати этихъ замѣтокъ принялъ на себя сынъ покойнаго, Б. М. Юзефовичъ.

Это-политическая исповѣдь: она заключаетъ въ себѣ и историческое міровоззрѣніе автора, и характеристичеку событій, и нѣкоторые неизвѣстные факты. Последніе особенно достойны вниманія.

Историческое міровоззрѣніе—мистическое: оно складывалось подъ вліяніемъ славянофильской доктрины и особенно Хомякова (русское *соборное* начало въ противоположность западному *индивидуализму*). Нео-славянофильство повліяло также: авторъ знакомъ съ доктриной Данилевскаго („мы должны смотрѣть на себя не какъ на государство, а какъ на *особую часть свѣта*“). Сказалось и вліяніе Ѳ. Достоевскаго о провиденціальной роли Россіи. Но во взглядѣ на Петра и его реформы М. В. Юзефовичъ расходится со своими наставниками („ни въ чемъ Петръ не отступалъ отъ основъ нашего историческаго строя, ни въ чемъ не касался коренныхъ началъ народнаго духа...“). Переходъ съ національнаго пути на чужой совер-

шился у насъ съ воцареніемъ Александра I, „гуманнаго космополита, а не русскаго царя - самодержца. Рѣзкое порицаніе реформъ Сперанскаго и выборъ Аракчеева, заключившаго серію такихъ временщиковъ, каковы были Малюта Скуратовъ и Биронъ, показываетъ, что Александръ самъ началъ опасаться послѣдствій своихъ реформъ“. Произошло ополяченіе отобранныхъ Екатериной II русскихъ областей: „я самъ зналъ лично нѣсколькихъ помѣстныхъ кіевскихъ дворянъ, которые при импер. Александрѣ I перешли въ польскую вѣру и ополячились потому, что, какъ сами они объявляли, борьба съ полонизмомъ подъ русской властью стала невозможной“. Послѣ 1812 года мы перестали быть русскими, стыдась признать себя таковыми; изъ Парижа заимствовали приемы революціонной политики; основано тайное общество, „союзъ благоденствія“, благовидныя цѣли котораго получили санкцію даже верховной власти, какъ сознался самъ импер. Александръ кн. Ил. Вас. Васильчикову въ 1821 г, при представленіи подробныхъ свѣдѣній о заговорѣ; проектъ конституціи былъ найденъ мятежными поляками въ бумагахъ цес. Константина Павловича; но вмѣсто конституціи были введены *военныя поселенія*. Интересенъ и сообщаемый на стр. 21 фактъ ихъ возникновенія. Рѣзко очерчены печальныя послѣдствія политики императора; разочарованный въ дѣятельности всей своей жизни, онъ не снесъ нравственнаго потрясенія и сошелъ въ могилу. Иной типъ—императоръ Николай, не испорченный воспитаніемъ: „онъ созналъ ложность пути и задумалъ отыскать заброшенный и старый путь“. Произошло возрожденіе исторіи. Хомяковъ основалъ школу славянофиловъ. „Русскій изъ русскихъ“ понималъ вредъ крѣпостнаго права (интересный фактъ на стр. 27). Политика образумленія: покровительство наукъ и искусству (Уваровъ), протекціонизмъ Канкринна, созданіе сахароваренія; бумажные денежные знаки покупались съ преміей въ 10⁰/о... Громадныя сооруженія „державнаго строителя“. Императоръ Николай „не давалъ власти влеченіямъ страсти надъ велѣніями долга“.

III. ЗАСѢДАНІЕ 24 ФЕВРАЛЯ.

Д. чл. О. И. Левицкій охарактеризовалъ „*Настроеніе общества Кіевской губерніи въ 1812 г.*“ на основаніи старыхъ дѣлъ Кіев. центр. архива: въ виду извѣстныхъ тогда симпатій поляковъ въ Франціи и

поклоненія ихъ генію Наполеона, русское правительство, готовившееся къ войнѣ съ послѣднимъ, съ большою тревогою смотрѣло на Юго-Западный край, въ которомъ почти всѣ помѣщики и дворяне принадлежали къ польской народности. Подъ вліяніемъ этого опасенія, между прочимъ, былъ отмѣненъ сборъ ополченія въ Кіевской губерніи, начавшійся—было при несомнѣнномъ патріотическомъ воодушевленіи всѣхъ сословій, особенно крестьянскаго. Послѣдствія доказали, что правительственныя опасенія были напрасны; поляки юго-западныхъ губерній, за немногими исключеніями, не измѣнили государственному долгу; но тѣ мѣры, которыя принимала мѣстная администрація для предупрежденія предполагаемой измѣны, сами по себѣ порождали тревожное настроеніе въ краѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ которымъ происходили военныя дѣйствія.

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого сообщенія было высказано В. И. Щербиной и И. И. Малышевскимъ.

Д. чл. *И. В. Лучинскій* сдѣлалъ библиографическое сообщеніе о новыхъ изданіяхъ Полтавскаго земскаго статистическаго бюро.

Д. чл. *А. І. Степовичъ* сказалъ нѣсколько словъ о скончавшемся сербскомъ писателѣ *Лазарѣ Лазаревичѣ* (См. II-й отдѣлъ настоящей книги).

IV. ЗАСѢДАНІЕ 17 МАРТА.

Д. чл. *Т. Д. Флоринскій* прочелъ рефератъ, посвященный „Памяти д-ра *Фр. Миклошича*“ (Напечатанъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1891 г., № 4).

Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* представилъ „Отчетъ объ осмотрѣ имъ археологическихъ музеевъ въ западно-славянскихъ земляхъ“, именно: во Львовѣ (Института имени Оссолинскихъ, гр. Дзѣдушицаго, Ставропигіи), Краковѣ (Академія наукъ и вн. Чарторыйскихъ), Прагѣ (Народнаго и г. Бюргера), Вѣнѣ, Грацѣ, Загребѣ, Пештѣ и Бѣлградѣ. Хранящіеся въ нихъ предметы бронзоваго вѣва имѣютъ много общаго съ такими же предметами южно-русскихъ музеевъ; другіе предметы характеризуютъ типы желѣзнаго вѣва: Гольштадтскій и Лятенскій, а также похоронные обряды въ курганахъ и гробницахъ западно-славянскихъ земель; въ музеяхъ Львова, Вѣны и Бѣлграда находятся, кромѣ того, и этнографическія коллекціи, доказывающія значеніе со-

хранившихся архаическихъ формъ въ современныхъ предметахъ для опредѣленія предметовъ первобытной древности путемъ сравненія.

Въ этомъ же засѣданіи избранъ въ дѣйствительные члены Общества Нестора и. д. редактора журнала „Кіевской Старины“ *Евгеній Александровичъ Кивлицкій*.

V. ЗАСѢДАНІЕ 31 МАРТА.

Д. чл. *И. А. Сикорскій* сдѣлалъ сообщеніе „*О волосистости лица, какъ расовомъ признакъ*“:

Среди русскаго населенія въ губерніяхъ сѣверныхъ, южныхъ и среднихъ въ Европейской Россіи, а также и въ сибирскихъ, можно наблюдать отдѣльныхъ индивидуумовъ съ особеннаго рода волосистостью лица, именно, съ *хорошо развитой бородой, состоящей изъ прямыхъ, мало выющихся, волосъ при весьма жидкихъ или вполнѣ отсутствующихъ бакенбардахъ*, что сообщаетъ физиогноміи типическій видъ (Референтъ демонстрировалъ при этомъ свои наблюденія фотографическими портретами такихъ лицъ).

Измѣрительное изслѣдованіе такихъ субъектовъ показало, что они *всегда* брахицефалы, часто ультрабрахицефалы. Къ двумъ постояннымъ признакамъ (брахицефалія и отсутствіе волосистости лица) часто присоединяются другіе, а именно: желтоватый пигментъ въ радужной оболочкѣ глаза, желтоватый цвѣтъ кожи или, по крайней мѣрѣ, желтоватый оттѣнокъ кожи нижняго и верхняго вѣкъ и груднаго соска. Всѣ эти признаки передаются отъ отца къ сыну въ нисходящихъ поколѣніяхъ.

Субъекты съ подобнаго рода особенностями принадлежать, по мнѣнію референта, къ остаткамъ вымершихъ расъ, составлявшихъ переходъ отъ желтой расы въ кавказской, т. е. къ урало-финскимъ народностямъ.

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого доклада сдѣлалъ *В. Б. Антоновичъ*.

Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* ознакомилъ Историческое Общество съ написанною имъ, по порученію Академіи Наукъ, *Рецензією на сочиненіе сенатора Н. П. Семенова: „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“*. *Хроника*

дѣятельности Комиссіи по крестьянскому дѣлу. Томъ II. Второй періодъ занятій. Въ этой рецензіи авторъ объяснилъ значеніе сочиненія, посвященнаго такому великому событію, какъ фактъ отмѣны крѣпостнаго права, значеніе особенно важное потому, что сочиненіе это написано не только очевидцемъ, но и крупнымъ дѣятелемъ совершившейся реформы; затѣмъ референтъ обстоятельно передалъ содержаніе труда г. Семенова, съ изложеніемъ наиболѣе замѣчательныхъ сторонъ его, и охарактеризовалъ сочиненіе, указавъ, что дастъ оно для русской науки.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 19 МАЯ.

Д. чл. Ю. А. Кулаковскій прочелъ рефератъ: „*Надписи Боспорскаго царства*“¹⁾, въ которомъ рассмотрѣлъ изданную г. Латышевымъ книгу: „*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*“. Референтъ отмѣтилъ прежде всего, что изданіе г. Латышева заключаетъ въ себѣ 508 эпиграфическихъ текстовъ, найденныхъ на территоріи Керчи, Тамани, Анапы и устья Дона, гдѣ въ древности лежалъ городъ Танаисъ. Большинство этихъ надписей было опубликовано уже въ разнымъ періодическихъ ученыхъ изданіяхъ, и лишь нѣкоторыя являются въ сборникѣ впервые въ печати. Г. Латышевъ для своего изданія по возможности провѣрилъ всѣ надписи по подлинникамъ или новымъ снимкамъ. Охарактеризовавъ затѣмъ въ самомъ лестномъ смыслѣ почтенный трудъ автора и отмѣтивъ его выдающіяся достоинства, референтъ подробнѣе остановился на нѣкоторыхъ общихъ фактахъ изъ жизни Боспорскаго царства, которые могутъ быть уяснены на основаніи эпиграфическаго матерьяла, сведеннаго нынѣ въ одно цѣлое, и въ заключеніе указалъ на болѣе важныя по своему содержанію изъ числа новыхъ надписей.

Д. чл. П. В. Голубовскій представилъ „*Нѣсколько соображеній по вопросу о князѣ Турѣ*“, о которомъ, какъ о пришельцѣ изъ-за моря, давшемъ имя г. Турову и туровцамъ, глухо упоминаетъ наша лѣтопись изъ сопоставленія фактовъ, добытыхъ лингвистикой, археоло-

¹⁾ Рефератъ этотъ появился въ видѣ рецензіи на страницахъ Журн. Мин. Н. П., 1891, май, стр. 171—182.

гіей, антропологіей и друг. наукама, референтъ пришелъ къ выводу, что съ г. Туровымъ могли быть связаны, кромѣ политическихъ традицій, еще и религіозныя, а княземъ Тура сдѣлали изъ патронимическаго (или эпонимическаго) героя по политической необходимости ¹⁾).

Въ обсужденіи затронутаго г. Голубовскимъ вопроса приняли участіе В. Б. Антоновичъ, П. В. Владиміровъ и В. З. Завитневичъ.

Д. чл. А. А. Андриевскій сообщилъ „Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ и отношеніи къ нему мѣстнаго магистрата“ (см. это сообщеніе во II отдѣлѣ настоящей книги).

По произведенной баллотировкѣ избраны въ дѣйствительные члены: *Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій* и *Павелъ Андреевичъ Ивановъ*.

VII. ЗАСѢДАНІЕ 18 СЕНТЯБРЯ.

а) Д. чл. А. В. Романовичъ-Славатинскій помянулъ научную дѣятельность скончавшагося 30 мая настоящаго года члена Общества Нестора-лѣтописца, профессора *Д. Г. Тальбера*. Перечисливъ и охарактеризовавъ его важнѣйшія работы по тюрьмовѣдѣнію, которымъ онъ занимался въ первый періодъ своей дѣятельности, и по уголовному праву, составлявшему предметъ послѣдующихъ его изслѣдованій, референтъ указалъ на высочія нравственныя качества Д. Г., „трудолюбиваго, скромнаго, но мыслящаго и работающаго“.

б) Д. чл. С. Т. Голубевъ отмѣтилъ научное значеніе работъ и изданій по исторіи Литвы и западной Руси скончавшагося почетн. члена Общества *М. О. Кояловича*.

в) Д. чл. О. И. Левицкій, въ дополненіе къ реферату, прочитанному имъ въ засѣданіи 24 февраля этого года, сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ „*Изъ исторіи Кіева и Юго-Западнаго края въ 1811 и 1812 гг.*“²⁾; на основаніи имъ же разысканныхъ архивныхъ матеріаловъ, референтъ представилъ любопытную картину общественныхъ и политическихъ тревогъ, охватившихъ Юго-Западный край въ 1811 и 1812 гг. Страшный пожаръ, испепелившій въ 1811

¹⁾ Рефератъ этотъ помѣщенъ въ „Кіев. Стар.“ за 1891 г., № 10.

²⁾ Напечатано тамъ-же.

году большую часть Кіева, а равно случившіеся въ томъ же году пожары во многихъ городахъ Юго-Западнаго края породили всеобщее убѣжденіе въ существованіи нарочитыхъ поджигателей, розыски которыхъ, не приведшіе ни къ какимъ результатамъ, еще болѣе усиливали тревожное настроеніе жителей. Едва окончились пожарныя тревоги, какъ наступили другія—уже политическаго характера.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 6 ОКТЯБРЯ.

а) Секретарь Общества Н. П. Дашкевичъ прочелъ краткую поминку по скончавшемся почетномъ членѣ Общества Нестора лѣтописца *Высокопреосвященномъ Платонѣ, митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ*, составленную отсутствовавшимъ поч. чл. *И. И. Малышевскимъ*:

„Вмѣстѣ съ Кіевомъ и наше Историч. Общество Нестора лѣтописца понесло утрату въ лицѣ почившаго святителя Платона, котораго оно имѣло честь считать своимъ почетнымъ членомъ. 73-й въ многолѣтнемъ ряду кіевскихъ архипастырей, онъ найдетъ достойную оцѣнку себѣ въ исторіи русской іерархіи, въ частности въ исторіи кіевской іерархіи, богатой знаменитыми именами. Членамъ Общества извѣстны стадіи многолѣтняго служенія Русской церкви и Россіи, а также и выдающіяся характеристическія черты свѣтлой и симпатической личности архипастыря, пріобрѣвшаго общее уваженіе въ Россіи. Не говоря о качествахъ и заслугахъ его, какъ іерарха, напомнимъ, что русскія патриотическія идеи и стремленія повсюду одушевляли архипастыря и въ его дѣятельности, и въ его отношеніяхъ къ окружающей средѣ. Онъ вѣрилъ въ богатство и могущество жизненныхъ силъ Россіи, въ даровитость духовной природы русскаго народа, любилъ ссылаться и на слышанные имъ въ этомъ смыслѣ отзывы интеллигентныхъ людей нерусскаго происхожденія. Признавая за русскими людьми и нѣкоторые недостатки, какъ напр. недостатки выдержанности, послѣдовательности и солидарности, препятствующіе болѣе усиленному и могучему проявленію природныхъ духовныхъ силъ, онъ полагалъ надежду на успѣхи просвѣщенія и нравственно-общественнаго воспитанія въ духѣ христіанской истины и вѣры православною. Онъ скорбѣлъ о печальныхъ явленіяхъ въ русской жизни, о заблужденіяхъ въ области вѣры и мысли, но не смущался, вѣруя въ торжество лучшихъ началъ жизни, русской мысли и единой

православной христіанской истины. Повторяю, онъ свѣтло и благодушно смотрѣлъ на будущность Россіи и церкви русской, русскаго народа и, несмотря на преклонность лѣтъ, жаждалъ еще пожить, чтобы быть свидѣтелемъ всякаго преуспѣянія ихъ въ лучшему. Почтимъ эту вѣру въ почившемъ святителѣ вмѣстѣ съ симпатичнѣйшими качествами его души; напоминая объ этой одной изъ характерныхъ чертъ почившаго архипастыря, я увѣренъ, что многимъ при этой вспоминаются и другія. Почтимъ же досточимаго архипастыря обычнымъ вставаніемъ“.

б) Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* сообщилъ о произведенной имъ „раскопки у села Кальника, Липовецкаго уѣзда“ лѣтомъ этого года группы кургановъ. Эта раскопка дала референту возможность опредѣлить время сооруженія тавъ называемыхъ городищъ-майдановъ, бывшихъ до сихъ поръ необъяснимымъ явленіемъ для археолога; въ курганахъ обнаруженъ погребальный обрядъ скинскаго періода, при чемъ особенности въ обрядѣ свидѣтельствуютъ о существованіи среди скиновъ нѣсколькихъ племенъ, имѣвшихъ различные обычаи.

в) Д. чл. *В. И. Щербина* указалъ на новыя найденныя имъ данныя объ объемѣ власти „*кіевскихъ воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ съ 1654 по 1775 г.*“ (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

—

Въ дѣйствительные члены Общества избраны по баллотировкѣ: проф. *Николай Михайловичъ Бубновъ* и проф. *Леонидъ Сергѣевичъ Бьлоричъ-Котляревскій*.

IX. ЗАСѢДАНІЕ 27 ОКТЯБРЯ.

Настоящее торжественное засѣданіе Общества, посвященное памяти *М. Ю. Лермонтова*, по случаю истеченія 50-лѣтія со времени смерти его,

а) открылось рѣчью д. чл. *П. В. Владимірова*: „*Объ историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетахъ въ поэзіи М. Ю. Лермонтова*“ (напечатана во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги);

б) вторая рѣчь была произнесена секретаремъ Общества *Н. П. Дашкевичемъ*, выдѣлвшимъ „*мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова*“ (также напечатана во II-мъ отдѣлѣ).

в) Это засѣданіе, состоявшееся въ день чествованія памяти пр. Нестора, было вмѣстѣ и годовымъ, а потому помощникомъ секретаря *И. М. Каманинымъ* былъ прочтенъ отчетъ о дѣятельности членовъ и состояніи имущественныхъ и денежныхъ средствъ Общества (Извлечение изъ отчета напечатано въ концѣ настоящаго отдѣла).

Х. ЗАСѢДАНІЕ 10 НОЯБРЯ.

а) Д. чл. *И. В. Лучинскій* сдѣлалъ сообщеніе: „*Къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западною Русью (по поводу „Дроичинскихъ древностей“)*“ (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги.)

б) Д. чл. *Ө. И. Кнауэръ* ознакомилъ Общество съ „*результатами небольшой археологической экскурсіи, предпринятой имъ по Аккерманскому уѣзду, Бессарабской губерніи, весной этого года*“. Эти результаты слѣдующіе:

А) Раскопка двойнаго кургана у селенія Павловки (Аккерманскаго у. Бессараб. губ.).

Двойнымъ курганомъ называются два кургана, соединенные валомъ. Подобныхъ двойныхъ кургановъ въ той мѣстности нѣсколько. Въ описываемомъ курганѣ одинъ (№ I) выше и шире другого (№ II). Центръ вала въ сущности также не что иное, какъ небольшой курганъ (№ III), засыпанный при сооруженіи №№ I и II съ двухъ сторонъ такъ, что образовалось между названными курганами что-то въ родѣ соединяющаго ихъ вала.

№ I—вырыто 15 остововъ, большинство которыхъ находились въ замѣчательно твердой, очевидно нѣкогда вязкой и утрамбованной, высохшей впоследствии землѣ; лишь остовы №№ 3, 7, 10, 14 и 15 лежали въ могильныхъ ямахъ, зарытыхъ мягкой землею. Курганъ этотъ относится по меньшей мѣрѣ къ двумъ различнымъ эпохамъ: къ эпохѣ скелетовъ №№ 14 и 15 въ надпочвенной могилѣ (красныя кости и краска охра безъ предметовъ; типъ череповъ длинноголовый) и къ эпохѣ остальныхъ остововъ въ насыпной части (типъ череповъ короткоголовый, безъ красныхъ костей, за то при нихъ предметы изъ бронзы, золота и желѣза). Главный остовъ въ насыпной части

№ 10: человекъ съ лошадыю въ одной узкой, оставленной при сооруженіи кургана изъ утрамбованной земли, могильной ямѣ; головы ихъ лежали вмѣстѣ, а равно и ноги. Отъ лошади, впрочемъ, похоронили лишь отсѣченныя голову и ноги. Оба были обложены деревомъ. Найдены при нихъ: ромбовидныя стрѣлы, дужка отъ сгнившаго деревяннаго колчана, ножъ, два стремени, кольца, уздечка, длинный мечъ: всѣ изъ желѣза; далѣе, бронзовая пряжка и костяная пуговка съ разрѣзанными концентрическими кружками; наконецъ два золотыхъ кольца безъ спайки.

№ II—отрыто три скелета, изъ которыхъ главный № 2: человекъ съ лошадыю. Голова послѣдней лежала на груди перваго. Какъ у I, 10, такъ и здѣсь, погребали не всю лошадыю, но лишь отсѣченныя ея голову и ноги. Въ мордѣ лошади была желѣзная уздечка, какъ и у I, 10. Типъ чел. черепа короткоголовый (I, 10). У № 3, на уровнѣ почвы, найдено довольно много бусъ изъ синеватаго стекла и краснаго янтаря и два орнаментированныхъ и муравленыхъ горшка. Въ изолированномъ мѣстѣ этого кургана найдены бронзовая чаша вмѣстѣ съ бронзовымъ топоромъ, такъ наз. цельтомъ. Не было въ этомъ курганѣ ни краски, ни красныхъ костей; сооруженъ онъ былъ сначала изъ камней, а затѣмъ засыпанъ землею.

№ III (валъ)—отрыто 8 остововъ, изъ которыхъ главный № 4: человекъ съ лошадыю (цѣльною?), голова съ головою. Черепъ и кости человека—со слѣдами краски; слѣды краски были и въ окружавшей его землѣ. Кромѣ того, при немъ найдены горшочекъ и обломки желѣза отъ какого-то предмета (уздечка?); эти послѣдніе попали сюда, можетъ быть, случайно. Типъ чел. черепа длинноголовый. У № 1 найденъ костяной предметъ съ просверленнымъ отверстіемъ и со слѣдами полировки, величиною въ пятакъ.

Разныхъ эпохъ сооруженія нельзя было различать въ №№ II и III. Во всѣхъ трехъ курганахъ камни, дерево, черепки и сосуды.

Найденный въ № II цельтъ, какъ предметъ зап.-европейской бронзовой эпохи, по мнѣнію проф. В. Б. Антоновича, даетъ намъ возможность обозначить юго-восточный предѣлъ этой бронзы на нижн. Днѣстрѣ.

Особенностями, сравнительно съ результатами, добытыми мною раскопкой кургановъ Саратовскихъ (ср. „Чтенія въ Общ. Н. Л.“, кн. III, 1889 г., и кн. IV, 1890 г.), являются: 1) внутренніе курганы въ №№ I и II (утрамбованный—каменный); 2) погребеніе однѣхъ отсѣ-

ченныхъ ногъ и головъ лошадей въ №№ I и II (можетъ быть и въ III). Что же касается 3) такъ наз. цельга и 4) желѣза (и лошади) при красныхъ костяхъ (III, 4), то они здѣсь могли играть роль случайности. Въ виду множества общихъ, очень характерныхъ, даже рѣшающихъ вопросъ, чертъ, которыя встрѣчаются какъ у Саратовскихъ, такъ и у Павловскихъ кургановъ, не думаю, чтобы вышеприведенныя несомнѣнныя особенности дозволяли установить особый погребальный типъ для послѣднихъ, отличающійся отъ типа первыхъ (за исключеніемъ, пожалуй, кургана № 10).

Найденныя желѣзные стремена опредѣляютъ, по крайней мѣрѣ для насыпныхъ частей описанныхъ кургановъ, *terminum ad quem*.

Б) Списокъ археологическихъ (не курганныхъ) предметовъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ того же уѣзда.

1. Монеты (34), найденныя въ Аккерманѣ: римскихъ 10, греческихъ 19 (изъ нихъ 11 тирасскихъ и 1 Лисимаха Діадоха изъ Электрона), позднѣйшаго времени 5. Кромѣ того двѣ турецкія монеты, найд. въ другихъ мѣстахъ.

2. Паста, или предметъ украшенія, изъ античнаго (греч.) стекла съ характернымъ изображеніемъ какого-то, вѣроятно греческаго, божества (Деметры, Исиды?); найдена въ Аккерманѣ.

3. Стрѣлы: 2 стальные ромбовидныя и 1 бронзовая ромбовидная; найдены въ разныхъ мѣстахъ.

4. Крестъ (старообрядческій; распятіе Христа), найденный около колоніи Фриденсфельда (въ Саратовской долинѣ, въ 14 верстахъ къ сѣверу отъ кол. Сараты).

5. Молотокъ каменнаго или бронзоваго вѣка изъ порфирита, просверленный и изяцно полированный; найденъ въ колоніи Саратовъ на глубинѣ 1 аршина въ твердомъ почвенномъ слоѣ (въ наносной землѣ долины).

Далѣе, въ Аккерманѣ найдены:

6. Греческая глиняная лампочка.

7. Греческая глиняная урна простой работы; въ мѣстѣ, гдѣ она найдена, было кладбище.

8. Обломокъ мраморнаго камня съ очень интересною греческою надписью. Мѣсто, гдѣ найденъ камень (у вѣрности, ближе къ центру города, на глубинѣ 1 сажени), рѣшаетъ спорный вопросъ о

положеніи древняго Тираса: этотъ городъ находится на томъ-же мѣстѣ, гдѣ находится нынѣ Аккерманъ; подъ нынѣшнимъ Аккерманомъ, слѣдовательно, вроеся древняя греческая колонія Тирасъ, на чтѣ и указываютъ подземные ходы и проч.

На основаніи изложенныхъ въ этомъ сообщеніи фактовъ представилъ нѣсколько выводовъ поч. чл. *В. Б. Антоновичъ*. По его мнѣнію, въ общенныхъ г. Кнауэромъ свѣдѣніяхъ о курганахъ заслуживаютъ вниманія три подробности. Во 1-хъ, видно, что это были этажные курганы, насыпанные не въ одно и то же время, а нѣсколько разъ. Средніе скелеты, похороненные вмѣстѣ съ частями лошади, очень характерны. Извѣстно уже нѣсколько примѣровъ находенія скелетовъ съ частями лошадиныхъ. Эти скелеты принадлежатъ желѣзному вѣку: при нихъ найдены желѣзный мечъ и ромбовидныя стрѣлы. То обстоятельство, что погребали покойниковъ не съ цѣлою лошадыю, а лишь съ ея частями (головою и ногами), указываетъ, что съ человѣкомъ какъ бы хоронили умъ и быстроту лошади. Курганы этого рода извѣстны въ уѣздахъ Кіевскомъ, Каневскомъ и въ сѣверной части Херсонской губерніи. Эти курганы представляютъ собою совершенно отдѣльный типъ, отличный отъ скифскихъ и отъ славянскихъ кургановъ. Можетъ быть онъ заключаетъ слѣдъ похороннаго обряда какого-нибудь изъ кочевыхъ народовъ, занимавшихъ эти степи въ средніе вѣка, Половцевъ или Печенѣговъ. Во 2-хъ, при окрашенныхъ скелетахъ найдено желѣзо, но не вполне ясно, какъ думать о немъ, такъ какъ рѣчь идетъ лишь объ обломкахъ желѣза и частицахъ ржавчины. Эти неопредѣленные крохи могли зарониться изъ верхнихъ этажей и не могутъ служить характернымъ признакомъ; а если бы то были остатки цѣлыхъ желѣзныхъ вещей, то пришлось бы взять сложившееся мнѣніе объ окрашенныхъ скелетахъ. Въ 3-хъ, найденъ бронзовый цельтъ. Западная граница похороннаго обряда людей бронзоваго вѣка тянется по Западному Бугу и затѣмъ переходитъ въ бассейнъ Днѣстра; благодаря раскопкѣ *Ө. И. Кнауэра* приобрѣтенъ еще одинъ фактъ для установленія границы похороннаго обряда бронзоваго вѣка. Доселѣ наиболѣе удаленныя въ востокъ находки этого рода были сдѣланы Пулавскимъ въ бассейнѣ Смотрича. Теперь оказывается, что упомянутая граница доходила до Днѣстра. Такимъ образомъ раскопка *Ө. И. Кнауэра* прибавляетъ еще одинъ фактъ для археологической топографіи.

Ю. А. Кулаковскій указалъ на то, что и въ не тронутыхъ ранѣе нигѣмъ Керченскихъ гробницахъ оказывались металлическія вещи не намѣстѣ; вѣроятно, это надо приписать овражкамъ.

в) Д. чл. А. В. Розовымъ сдѣлано небольшое дополненіе къ реферату А. И. Сонни: „Памятникъ древнегреческаго искусства, хранящійся въ музей университета св. Владимира“, читанному въ засѣданіи 9 декабря 1890 года. По мнѣнію А. В. Розова, правители Галикарнасса (въ Каріи) изображали Зевса Стратіотоса съ чертами, близко сходящимися съ фигурою и вооруженіемъ въ статуэткѣ, о которой сообщилъ г. Сонни.

Въ дѣйствительные члены Общества избраны большинствомъ голосовъ: *Василій Григорьевичъ Ляскоронскій и Николай Федотовичъ Бѣляшевскій.*

XI. ЗАСѢДАНІЕ 24 НОЯБРЯ.

а) Поч. чл. В. Б. Антоновичъ, на основаніи документовъ мѣстнаго университетскаго архива, изобразилъ дѣятельность и судьбу *протоіеря Алексѣя Андріевскаго* въ тяжелый для православнаго духовенства 1789 годъ ¹⁾. То было время, когда распространившійся слухъ о готовящемся народномъ возстаніи встревожилъ землевладѣльцевъ и побудилъ ихъ принять мѣры къ открытію предполагавшагося заговора. Съ этой цѣлью учреждены были въ городахъ Юго-Западн. края такъ наз. Порядковыя коммисіи, которыя привлекали къ своему суду всѣхъ лицъ, казавшихся по чему-либо подозрительными, и подвергали ихъ суровымъ наказаніямъ за мнимыя преступленія противъ уніи и власти владѣльцевъ, особенно же за возбужденіе будто-бы крестьянъ къ бунту; жертвами подозрительности дѣлались чаще всего православные священники, обнаружившіе упорство и нежеланіе присоединиться къ уніи; въ числу такихъ священниковъ принадлежалъ и протоіерей Алексѣй Андріевскій. Сначала онъ былъ уніатскимъ священникомъ, но во время Коливщины возвратился къ православію и съ тѣхъ поръ сталъ его ревностнымъ защитникомъ. Около 20 лѣтъ онъ оставался безъ прихода, и только въ 1785 г., благодаря поддержкѣ отличавшагося вѣротерпимостью кн. Ксаверія Любомірскаго, становится священникомъ Покровской церкви

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“, № 1, 1892 г.

въ с. Бабичахъ (Черкаскаго уѣзда), принадлежавшемъ къ Межиричскому влючу. Призванный за свою энергію къ управленію Мошнянскимъ благочиніемъ, Андріевскій направилъ всѣ усилія къ восстановленію православія въ окрестныхъ селахъ Межиричскаго влюча; усилія его увѣнчались успѣхомъ; но наступившія въ 1789 году смуты остановили его дальнѣйшее движеніе; уніатское духовенство воспользовалось ими, чтобы привлечь Андріевскаго къ отвѣтственности передъ Порядковой комиссіей, куда онъ былъ вскорѣ и взятъ. Его обвинили, главнымъ образомъ, въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту, и основаніемъ для этого послужила какъ самая дѣятельность о. Алексѣя вообще, такъ и вещи, найденныя у него при обыскѣ: 4 ружья, 2 пистолета и кухонный ножъ, а также русскія рукописныя книги, въ числѣ которыхъ находилась и лѣтопись о войнахъ Хмельницкаго, которую будто-бы священникъ часто читалъ своимъ прихожанамъ. По приговору комиссіи о. Андріевскій былъ заключенъ на 12 лѣтъ въ Каменецкую крѣпость, гдѣ долженъ былъ содержать себя собственнымъ трудомъ. Дальнѣйшія документальныя свѣдѣнія о судьбѣ этого борца за православіе прекращаются; по мнѣнію референта, въ 1793 г. онъ долженъ былъ получить свободу, когда Каменецкая крѣпость была передана русскому коменданту.

Дополненіе къ этому реферату было сдѣлано поч. чл. II. I. *Лебединцевымъ*.

б) Д. чл. М. С. *Грушевскій* сгруппировалъ разбросанныя въ многочисленныхъ актовъ, хранящихся въ мѣстномъ архивѣ, „этнографическія данныя о Барской околичной шляхтѣ до конца XVIII вѣка“.

Референтъ отмѣтилъ прежде всего любопытныя характерныя черты въ исторіи и общественномъ строѣ Барскаго старства, которыя обращаютъ на него особенное вниманіе изслѣдователя (значеніе въ колонизаціи, оборонѣ окраины и въ первоначальной исторіи козачества; организація старостинскаго управленія; устройство шляхетскихъ околицъ; оригинальный характеръ околичной шляхты) и ближайшимъ образомъ обратился къ опредѣленію этнографическаго облика мѣстной околичной шляхты. Этнографическая основа ея была туземная, южно-русская, какъ видно изъ данныхъ люстраціи XVI в.; иноплеменные элементы (поляки, волохи, южные славяне, даже татары) хотя въ значительномъ числѣ проникали въ ея среду, но ассимилировались ею, и до конца XVIII в. околичная шляхта въ массѣ

сохраняетъ южно-русскій этнографическій обликъ. Указавъ на чисто южно-русскій характеръ прозвищъ, референтъ обратился къ разговорному языку, вѣрѣ и бытовой обрядности шляхты; по его мнѣнію, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ шляхта весьма близко стояла къ народной массѣ или была съ нею тождественна. Польское вліяніе, проникавшее разными путями, было довольно поверхностно, и въ общемъ околичныи шляхтичъ по своему развитію, быту, условіямъ общественной жизни ближе стоялъ къ массѣ народной, чѣмъ къ заурядному польскому дворянству. Дѣйствительно, околичныи шляхтичи, поддерживая довольно близкія и непринужденныи отношенія съ крестьянами, не оставались вполнѣ безучастными и къ народнымъ движеніямъ.

в) Д. чл. А. И. Сонни представилъ нѣсколько соображеній „о культѣ египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря“. Весною настоящаго года г. Кнауэромъ въ Аккерманѣ была пріобрѣтена греческая надпись, незадолго передъ тѣмъ найденная тамъ же при постройкѣ дома. Въ этой надписи, не вполнѣ сохранившейся, упоминаются имена Сераписа и Изиды, что свидѣтельствуетъ о существованіи культа египетскихъ божествъ въ древней Тирѣ, лежавшей на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана. Указанное обстоятельство побудило референта сопоставить всѣ слѣды поклоненія египетскимъ божествамъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря. Специальной части своего доклада реф. предпослалъ нѣсколько замѣчаній общаго характера объ египетской религіи, объ ея эллиенизированіи Птолемеискими царями путемъ замѣны Озириса Сераписомъ и Гора Гарпократомъ (между тѣмъ какъ третье лицо древне-египетской троицы, Изида, осталось неизмѣненнымъ), наконецъ о переходѣ новаго культа изъ Александріи въ Грецію и Римъ и о постепенномъ его тамъ распространеніи. Изъ Рима, гдѣ почитаніе Птолемеискихъ божествъ достигло своего апогея въ концѣ II и въ началѣ III в. по Р. Х. (при императорахъ Коммодѣ, Септиміи Северѣ и Каракаллѣ), александрійскій культъ распространился по всему лицу римской имперіи: археологическія находки свидѣтельствуютъ о существованіи его въ Испаніи, Галліи, Британніи, Прирейнскихъ и Придунайскихъ областяхъ. Главными распространителями его въ провинціяхъ являются римскіе солдаты: вистра легионовъ, эти могущественныи разсадники римской культуры въ варварскихъ странахъ, вмѣстѣ съ послѣднею передавали мѣстнымъ жителямъ и поклоненіе божествамъ, наиболѣе почитаемымъ въ данное

53121

время въ столицѣ имперіи. На берегахъ Чернаго моря египетскій культъ, по мнѣнію докладчика, распространился инымъ образомъ— путемъ торговыхъ сношеній съ Александріей, о существованіи которыхъ уже въ сравнительно раннее время (III и II ст. до Р. Х.) свидѣтельствуютъ частыя находки Птоломейскихъ монетъ въ южной Россіи. Подтвержденіе своего мнѣнія референтъ видитъ въ надписи конца II ст. по Р. Х., найденной на мѣстѣ древнихъ Томі, въ которой упоминается объ алтарѣ Сераписа, сооруженномъ въ этомъ городѣ товариществомъ александрійскихъ торговцевъ. На основаніи монетъ съ изображеніями Сераписа и Изиды, принадлежащихъ городамъ на западномъ берегу Чернаго моря, можно заключить, что культъ египетскихъ божествъ въ этихъ мѣстахъ наиболѣе процвѣталъ въ ту же самую эпоху, какъ и въ Римѣ: въ концѣ II и въ первой половинѣ III ст. по Р. Х. Къ этому самому времени, по мнѣнію референта, относится пріобрѣтенная г. Кнауэромъ надпись, съ чѣмъ вполне согласуется форма ея буквъ. Кромѣ Томи и Тирь, референтъ указалъ на слѣды египетскаго культа въ слѣдующихъ мѣстностяхъ сѣвернаго побережья Чернаго моря: островъ Бѣлый (Λευκή, нынѣ Змѣиный), Ἰσαχῶν λιμῆν (на мѣстѣ Одессы), Ольвія (надпись времени Александра Севера. Латышевъ, I, № 97¹, стр. 222), Пантикапея (монеты боспорскихъ царей съ египетскими эмблемами, статуэтки и другія изображенія египетскихъ божествъ), полуостровъ Тамань. Всѣ могилы, въ которыхъ были найдены слѣды египетскаго культа, относятся къ римской эпохѣ.

Референтъ, между прочимъ, замѣтилъ, что съ культомъ египетскихъ божествъ, существовавшимъ въ Тирѣ, можно связать находку, до сихъ поръ стоявшую совершенно особю: въ Галиціи, по притокамъ Буга, нашлись разныя египетскія вещи (статуэтки Озириса и Изиды, части „систровъ“), которыя были описаны почетнымъ членомъ Общества Нестора г. Петрушевичемъ (Львовское „Слово“, 1877, № 82).

По этому поводу поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* сообщилъ, что имѣлъ случай лично осмотрѣть часть этихъ вещей въ Народномъ Домѣ во Львовѣ: металлическіе предметы, которые г. Петрушевичъ принялъ за части систровъ (музыкальныхъ инструментовъ, употреблявшихся въ богослуженіи Изиды), не что иное, какъ лошадиныя уздечки, каковыя часто встрѣчаются въ могилахъ бронзоваго вѣка; античное же происхожденіе бронзовой статуэтки Изиды показалось ему нѣсколько сомнительнымъ.

Замѣчаніе по поводу этого сообщенія было сдѣлано еще и *Ю. А. Кулаковскимъ*.

Въ настоящемъ засѣданіи единогласно возведенъ въ почетные члены Общества Нестора предсѣдатель *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, по случаю исполнившагося 25-лѣтія его ученой и служебной дѣятельности.

Въ дѣйствительные члены по произведенной баллотировкѣ избраны большинствомъ голосовъ Иннокентій Θεодоровичъ *Анненскій* и Николай Прокофьевичъ *Василенко*.

Слушали докладъ о желаніи нѣкоторыхъ изъ вновь избранныхъ членовъ получить всѣ вышедшія до сихъ поръ книги „Чтеній“.

Опредѣлили: выдавать вновь избираемымъ членамъ, по уплатѣ ими членскаго взноса, только книги, выходящія со времени вступленія этихъ членовъ въ составъ Общества.

ХІІ. ЗАСѢДАНІЕ 8 ДЕКАБРЯ.

а) Засѣданіе открылось выраженіемъ со стороны предсѣдателя *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* благодарности Обществу Нестора лѣтописца за избраніе его въ почетные члены.

б) Д. чл. *В. З. Завитневичъ* прочелъ сообщеніе „*Къ вопросу объ имени „Русь“*“. Въ разсказѣ начальной лѣтописи о призваніи Варяговъ, въ словахъ лѣтописца: „Рѣша Русь, Чюдь, Словѣни и Кривичи“..., вариантъ *Русь*, встрѣчающійся въ громадномъ большинствѣ древнѣйшихъ списковъ, принадлежитъ первоисточнику, текстъ котораго во всей чистотѣ сохранился въ Лѣтописцѣ патріарха Никифора, помѣщенномъ при Новгородской Кормчей конца XIII в. (около 1282 г.). Въ послѣднемъ памятникѣ, а равно въ лѣтописяхъ: Новгородской *первой* и Псковской *второй*, ни слова не говорится о томъ, чтобы призванные Варяги назывались Русью. Встрѣчающіяся въ Начальномъ сводѣ пояснительныя слова, называющія призванныхъ Варяговъ Русью—позднѣйшая вставка. Что Русская земля получила свое названіе не отъ призванныхъ въ 862 году Варяговъ, это видно изъ того, что имя Русь хорошо было извѣстно на югѣ еще въ первой половинѣ IX вѣка, что доказывается такими памятниками, какъ жи-

тія: св. Георгія Амастридскаго, св. Стефана Сурожскаго, св. Кирилла, славянскаго первоучителя, и др. Имя Русь не было также названіемъ крымскихъ Готовъ; на тождество этихъ Готовъ съ Русью не найдено указанія ни въ одномъ памятникѣ. Напротивъ, въ житіи св. Кирилла, Готы упоминаются наряду съ Русью, какъ два отдѣльные народа. При рѣшеніи вопроса о томъ, откуда къ намъ проникло имя Русь, необходимо руководствоваться слѣдующими данными. Изъ сохранившихся до нашего времени памятниковъ русской письменности имя Русь въ первый разъ упоминается въ Договорахъ съ Греками, т. е. въ памятникахъ греко-русскаго происхожденія. Составитель Начальнаго лѣтописнаго свода сознается, что извѣстіе о томъ, когда „начася прозывать Русская земля“, онъ впервые вычиталъ „в лѣтописаньи Гречьстѣмъ“. Кремонскій еписковъ Ліутпрандъ (X в.) свидѣтельствуетъ, что нашихъ предковъ „Греки называютъ Руссами“ (Graeci vocant Russos), какъ бы давая этимъ знать, что имя Русь было греческаго происхожденія. Левъ Діаконъ свидѣтельствуетъ, что имя Ρῶς было простонароднымъ (κοινή διάλεκτος) у Грековъ. Всѣ эти данныя направляютъ мысль изслѣдователя къ тому выводу, что имя Русь возникло на греческой почвѣ, въ средѣ греческаго простонародья и съ нимъ, по всей вѣроятности, на первыхъ порахъ соединялось представленіе вообще о сѣверныхъ варварахъ арійскаго корня, которыхъ Греки этимъ именемъ, „a qualitate corporis“ (по выраженію Ліутпранда), старались отличить отъ другихъ варваровъ неарійскаго происхожденія. Изъ устъ греческаго простонародья слово Ρῶσος или Ρῶσαῖος, въ началѣ IX вѣка, стало проникать въ литературу въ формѣ Ρῶς, которая заимствована и въ текстѣ греческой Библии (Іεζεχ., XXXVIII, 2), что будетъ понятно, если мы вспомнимъ, что имя это въ первый разъ встрѣчается у писателей духовныхъ. Когда образовавшееся на Днѣпрѣ Варяжское государство вступило въ договорныя отношенія съ Византіей, Греки для названія этого государства выдвинули свой собственный терминъ. Въ Договорахъ слово Русь означаетъ державу кievскихъ князей вообще и всѣхъ ихъ подданныхъ въ частности. Въ дальнѣйшей перепискѣ кievскаго правительства съ Византійскимъ дворомъ первое волей-неволей стало называть себя Русскимъ. Изъ памятниковъ междунаrodnаго права и памятниковъ греческой письменности слово Русь проникло и въ Начальную лѣтопись, гдѣ оно имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ,

оно имѣетъ здѣсь то же широкое значеніе, какое придается ему въ Договорахъ; во-вторыхъ, съ нимъ соединяется представленіе о кievскомъ правительствѣ и его постоянномъ войскѣ, которое слѣдуетъ отличать и отъ народнаго ополченія и отъ отрядовъ временно на-нимаемыхъ Варяговъ. Противорѣчіе терминологіи письменныхъ памятниковъ съ сознаниемъ народа, продолжавшимъ считать себя „Словѣнскимъ языкомъ“ и называвшимъ себя то племенными, то областными (отъ городовъ) названіями, породило вопросъ о происхожденіи имени *Русь*. Такія выраженія договоровъ, какъ напр.: „Мы отъ рода Рускаго, Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ“ и др.,—въ виду современной лѣтописцу практики, показывавшей, что всѣ эти Карлы, Инегельды, Фарлофы, приходили изъ-за моря,—породили въ сознаниі лѣтописца мысль, что имя Русь принесено было изъ-за моря Варягами; вотъ онъ и сталъ доказывать: „сиче бо ти звахуся Варязи и Русь... отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля“. Народное сознание однакожь долго чуждалось имени Русь. Какъ терминъ этнографическо-географическій, имя это сначала перенесено было на Кіевскую волость, какъ непосредственно связанную съ кіевскимъ правительствомъ. Другія же волости вплоть до XIII в. чуждались этого имени, хотя въ общегосударственномъ смыслѣ слово Русь продолжало употребляться, особенно образованными людьми, каковъ напр. авторъ „Слова о полку Игоревѣ“. Но уже съ начала XIII в. широкое значеніе (обще-русское) слова Русь замѣтно начинаетъ вытѣснять его узкое значеніе (Кіевской волости) и, наконецъ, совершенно беретъ надъ нимъ перевѣсъ.

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе поч. чл. *И. И. Малышевскій* и д. чл. *А. А. Дмитріевскій*. Первый сказалъ слѣдующее: вопросъ какъ о происхожденіи Руси, такъ и происхожденіи этого названія, есть одинъ изъ тѣхъ спорныхъ и всегда новыхъ вопросовъ, по которому, если возбуждать пренія, то для нихъ не достанетъ не только одного, но и многихъ засѣданій. Поэтому, не касаясь разныхъ другихъ сторонъ вопроса, позволю себѣ обратить вниманіе на одно обстоятельство. Предполагая, что названія Россы, Руссы и т. д. явились сперва у грековъ и отъ нихъ уже усвоены нами, слѣдовало бы точнѣе выяснить: что могло означать это названіе. Референтъ утверждаетъ, что оно указывало на внѣшній видъ или цвѣтъ. Если такъ, то греческое *ροσσιος*, латин. *russus*, итал. *rossi*, означаетъ

собственно не свѣтлорусый, а *красный*, что въ примѣненіи къ волосамъ значитъ *ярко-рыжій*. Слѣдовательно, и Руссы, которыхъ греки называли этимъ словомъ, были скандинавы, а не славяне, потому что скандинавы, какъ англичане и наши сѣверо-западные финны, обыкновеннѣе всего рыжіе, а славяне—русые, свѣтло-русые.

в) Д. чл. *В. Н. Малининъ* въ рефератѣ своемъ „о свойствахъ и значеніи литературной дѣятельности *И. А. Гончарова*“, охарактеризовалъ реалистическую школу въ русской литературѣ, созданную Пушкинымъ и Гоголемъ, высказалъ мнѣніе о принадлежности Гончарова къ плеядѣ писателей 40-хъ гг., каковы гр. Левъ Толстой, Тургеневъ, Достоевскій и друг., писателей, продолжавшихъ развитіе тѣхъ началъ, которыя положены были Пушкинымъ и Гоголемъ. По предмету и правиламъ своего творчества Гончаровъ ближе стоитъ къ Пушкину, чѣмъ къ Гоголю; у послѣднаго выведены типы отрицательные, тогда какъ у перваго они положительные; таковы же они и у Гончарова; даже Обломовъ, не смотря на свою инертность, окажется типомъ прогрессивнымъ, если прослѣдить его дальнѣйшее видоизмѣненіе рядомъ съ прогрессивнымъ движеніемъ русскаго общества. Перешедши къ характеристикѣ индивидуальных особенностей литературной дѣятельности Гончарова по предмету и правиламъ художественнаго творчества, референтъ указалъ на рѣдкость появленія въ свѣтъ произведеній Гончарова и объяснял это явленіе тѣмъ, что Гончаровъ приступалъ къ созданію новаго произведенія лишь тогда, когда въ его фантазіи создались вполне ясныя и отчетливыя образы героевъ; дальнѣйшій процессъ творчества былъ безсознательнъ. Такимъ образомъ, являясь ближайшимъ преемникомъ Пушкина въ области романа, Гончаровъ стоитъ на одной высотѣ со своимъ предшественникомъ, а такое положеніе само собою опредѣляетъ значеніе его литературной дѣятельности.

г) Д. чл. *Н. О. Блѣшевскій* сообщилъ о результатахъ „раскопки на *Княжеской горѣ*“ произведенной имъ 1891 г.

Княжая гора представляетъ собой длинный и узкій гребень нагорнаго праваго берега Днѣпра съ расположеннымъ на немъ городищемъ; она находится у с. Пекарей (Черкас. уѣзда), верстъ на семь ниже г. Канева. Укрѣпленіе горы защищено валомъ и рвомъ лишь со стороны поля; три же другія стороны представляютъ глубокіе и довольно крутыя обрывы къ Днѣпру и къ двумъ оврагамъ по сто-

ронамъ. Вслѣдствіе вырубкн роспаго долгое время на горѣ лѣса, обрывы эти стали размываться дождями и сползать; при этомъ выступали на свѣтъ разныя древнія вещи; сосѣдніе крестьяне расхищали ихъ, а произведенными съ цѣлью разысканія клада раскопками внѣшній видъ горы былъ совершенно изуродованъ.

Въ теченіе лѣта 1891 года референтъ произвелъ правильную раскопку и изслѣдованіе горы на пространствѣ 100 саж. въ длину и 14 саж. въ ширину. Раскопка обнаружила слой чернозема, перемѣшанный съ камнями, востями, черепками и другими остатками былой здѣсь жизни человѣка; это культурный слой, въ которомъ и сосредоточиваются находимые предметы; по вершинѣ горы тянулся не высокій бугоръ (изъ камня и глины), раздѣлявшій гору на двѣ длинныя и узкія террасы; на нихъ встрѣчаются въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой глинобитныя печи, свидѣтельствующія, подобно кускамъ глины съ отпечатками плетенія, о существованіи на горѣ жилыхъ построекъ. Найденные при раскопкѣ предметы могутъ быть относимы къ двумъ эпохамъ: древнѣйшей—каменнаго вѣка—и великокняжеской. Къ первой относятся: молотки, изъ коихъ одинъ, разломанный при сверленіи въ немъ дыры, также какъ и цилиндрики, получающіеся обыкновенно отъ сверленія, вмѣстѣ съ найденными тутъ же шлифовальными камнями, указываютъ на мѣстное производство шлифованныхъ каменныхъ орудій; кромѣ того, діаритовая булава, кремневая орудія: ножъ, скребки, пила, и цѣлая коллекція рѣдко встрѣчающихся костяныхъ орудій: острыхъ, имѣвшихъ форму стрѣлъ, и просто неотдѣланныхъ; два долота; черепки отъ сосудовъ, сработанныхъ безъ помощи гончарнаго круга; глиняныя грузила отъ рыбныхъ сѣтей и группа каменныхъ цилиндровъ, служившихъ для растиранія зеренъ.

Гораздо большее количество предметовъ относится къ великокняжеской эпохѣ. Они раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ: 1) предметы священные: кресты и образки каменные, желѣзные, серебряные, створчатые разной формы и величины, съ изображеніями и надписями и безъ оныхъ; 2) принадлежности построекъ: желѣзные пробои, петли, задвижки, гвозди, замки, ключи и проч.; 3) остатки земледѣльческихъ орудій: наральники, чересла, косы и серпы; и продуктовъ: ражи, гречихи и проса, для храненія которыхъ служили найденныя тутъ же ямы; 4) остатки орудій рыбной ловли: желѣзные

крючки, свинцовыя грузила, крючки съ желѣзными блесками и желѣзныя лапки для подъема затонувшихъ сѣтей и желѣзная же острога; 5) слѣды охоты: клыки дикаго кабана, 6) орудія пчеловодства: два инструмента для подрѣзанія и выбиранія меда; 7) орудія кузнечнаго ремесла: два молотка и наковальня; 8) предметъ литейнаго мастерства: недодѣланное литое металлическое зеркальце; 9) плотничьи и столярныя инструменты: топоры, долота, буравы, стамески, желѣзко отъ рубанка; 10) предметъ товарной работы: точеная деревянная чашка; 11) орудія огородничества: два заступа; 12) указанія на существованіе домашнихъ животныхъ: лошади, вола (кости) и овцы (ножницы для стрижки шерсти); 13) предметы домашняго обихода: ножи, вресало, черепки горшковъ для варки пищи и амфоръ для храненія напитковъ, остатки металлической посуды, жернововъ для приготовленія муки; 14) остатки одежды: парча, шерстяныя матеріи (ножницы для стрижки овецъ) и холстъ (найденныя нитки). пуговицы и бубенчики; 15) многочисленныя предметы украшеній: стекляныя и даже серебряныя браслеты, каменныя, стекляныя и янтарныя бусы и проч. Большое количество украшеній найдено отдѣльно въ трехъ кладахъ: 1-й кладъ—изъ 45 предметовъ: серебряныя серьги различной формы и кіевскія гривны; 2-й кладъ—изъ 42 предметовъ: серьги, кольца и перстни, и 3-й кладъ, наибольшій и важнѣйшій, состоитъ изъ серегъ, бляшекъ, бусъ, крестиковъ, панатій, браслетъ, подвѣсокъ, обручей, перстней, цѣпочки, небольшого кинжалчика и двухъ вещей неизвѣстнаго употребленія. Предметы во всѣхъ кладахъ большею частью серебряныя, хотя встрѣчаются также золотыя и мѣдныя. Наконецъ, въ горѣ найдено пять цѣльныхъ человѣческихъ скелетовъ, по которымъ можно заключать о высокомъ ростѣ и вѣрнѣе о сложеніи жившихъ здѣсь людей.

Изъ этого бѣглаго перечня предметовъ, найденныхъ при раскопкѣ, можно видѣть, какой богатый матеріалъ для науки хранить въ своихъ вѣдрахъ Княжая гора.

Положеніе горы при устьѣ р. Роси, раньше впадавшей въ Днѣпръ почти у подошвы ея, даетъ основаніе для предположенія, что городище это—остатокъ лѣтописнаго города Родни, разрушеннаго въ 980-мъ году.

Въ дѣйствительныя члены Общества избранъ большинствомъ голосовъ Николай Александровичъ *Леопардовъ*.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VI, отд. I.

**Извлеченіе изъ отчета о составѣ и дѣятельности
Общества Нестора лѣтописца въ 1891 году.**

I. Составъ Общества.

Къ началу 1891 года Общество числило въ своемъ составѣ 21 почетнаго и 97 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіе года за смертію вышло 2 почетныхъ члена и 3 дѣйствительныхъ.

Въ почетные члены возведенъ предсѣдатель Общества М. Ф. Владимірскій-Будановъ, и вновь избрано 10 дѣйствительныхъ.

Такимъ образомъ къ началу 1892 года Общество состоитъ изъ 20 почетныхъ и 104 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ составѣ должностныхъ лицъ Общества перемѣнъ не произошло.

II. Дѣятельность Общества.

а) Въ теченіе 1891 года Общество имѣло 12 засѣданій, въ которыхъ сдѣлано 30 сообщеній ¹⁾, касавшихся археологій (9 сообщеній), антропологій (одно), политической и бытовой исторіи (3), исторіи права (3), исторической этнографіи (3), исторіи русской литературы (3), славяновѣдѣнія (2) и библиографіи (6); кромѣ того, прочтено три некролога о членахъ общества, скончавшихся въ теченіе года.

---

¹⁾ Содержаніе сообщеній см. выше, стр. 1—23.

б) Въ началѣ 1891 года была закончена печатаніемъ и выпущена въ свѣтъ 5-я книга „Чтеній“ и затѣмъ начата печатаніемъ 6-я.

III. Библиотека Общества.

А) Въ библиотекѣ къ началу 1891 г. состояло на лицо 484 названія историческихъ сочиненій и матеріаловъ въ 903 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года путемъ обмѣна „Чтеній въ Обществѣ Нестора“ на изданія другихъ учрежденій и обществъ получено значительное число таковыхъ изданій, именно: отъ Одесскаго общества исторіи и древностей, Московскаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, Императорской Археологической комиссіи (въ Спб.), Археографической комиссіи (въ Спб.), Московскаго археологическаго общества и Виленской археографической комиссіи; изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества наибольшее число книгъ пожертвовалъ А. М. Лазаревскій. Всего получено 178 названій въ 319 томахъ и брошюрахъ.

Затѣмъ къ началу 1892 года состоятъ на лицо 662 названія въ 1222 томахъ и брошюрахъ.

Б) Въ отдѣлѣ рукописей къ началу 1891 года было 2 книги и 9 отдѣльныхъ документовъ.

Въ теченіе года поступили:

а) два отдѣльные документа (отъ А. М. Лазаревскаго): 1) грамота короля Яна-Казимира отъ 6 февраля 1676 г. краковскому бургомистру Казимиру Контелли на дворянство и 2) вѣдомость отъ 26 ноября 1781 года о количествѣ оказавшихся по ревизіи въ Кіевскомъ уѣздѣ душъ, „какъ въ окладѣ, такъ и въ неокладѣ состоящихъ“;

б) двѣ фотографическія копіи писемъ А. Д. Кантемира (отъ А. В. Романовичъ-Славатинскаго);

в) рукоп. книги:

1) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, рукописная копія со 2-го печат. изданія Императорской Академіи Наукъ 1737 г.

2) Варіантъ лѣтописи Грабянки (обѣ книги поступили отъ А. М. Лазаревскаго)

3) Универсалы кіевскихъ митрополитовъ Варлаама Ванатовича и Рафаила Заборовскаго и указы Кіевской духовной консисторіи за 1728—1736 гг. (отъ студ. университета П. В. Стефановича).

Такимъ образомъ, въ отдѣлѣ рукописей къ началу 1892 года имѣется:

а) отдѣльныхъ документовъ—11; б) фотографическихъ снимковъ—2; в) книгъ—5.

В) *Нераспроданныхъ изданій Общества* къ началу 1892 года остается:

а) „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца“: 1-й книги—52 экзempl.; 2-й—128; 3-й—50; 4-й—212; 5-й—220.

б) „Трудовъ III-го Археологич. съѣзда“, бывшаго въ Кіевѣ,—56 экземпляровъ (каждый изъ 2-хъ томовъ съ атласомъ).

в) „Указателя выставки III-го Археологическаго съѣзда—157 экземпляровъ.

г) „Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси“—286 экз.

д) „Поминки по А. А. Котляревскомъ“—98 экз.

IV. Касса Общества.

Суммы Общества Нестора лѣтописца, съ 1-го декабря 1890 г. по 8 декабря 1891 г., находились въ слѣдующемъ состояніи:

Къ 1 декабря 1890 г. оставалось въ наличности 1090 р. 13 к.

Въ теченіе 1891 года поступило:

1) изъ государственнаго казначейства	800 р.
2) членскихъ взносовъ всего лишь	190 р.
3) отъ продажи изданій Общества	126 р. 62 к.

Итого 2206 р. 75 к.

Изъ этой суммы употреблено:

1) на изданіе V книги „Чтеній“	962 р. 26 к.
2) на бібліотеку	43 р.
3) на канцелярскіе расходы	26 р. 42 к.
4) на прислугу и расходы по засѣданіямъ	89 р. 28 к.

Итого 1120 р. 96 к.

Затѣмъ къ 8-му декабря 1891 года остается въ наличности 1085 руб. 79 коп.

ОТДѢЛЪ II.

СООБЩЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I. Русь.

Вопросъ о происхожденіи и значеніи этого слова — вопросъ давній и различно рѣшаемый. Одни видятъ въ немъ скандинавское слово, другіе славянское, третьи даже готское, но ни одно мнѣніе не можетъ быть признано за доказанное и общепринятое. Скандинавизмъ слова *Русь* не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ; то же можно сказать и о готизмѣ, такъ какъ мы не считаемъ доказательствомъ случайнаго совпаденія звуковъ этого слова со звуками готскаго прилагательнаго *hróthis* славный.

Остается славянство слова *Русь*. Оно имѣетъ за себя многое. По своему образованію и окончанію *Русь* есть имя собирательное того типа, къ которому принадлежатъ древнее и современное *чернь* = черные люди, черный народъ, древнія *молодь*, *погань*, *невѣдомость* (Лѣтоп. по Ип. сп. 265, 592, 19) = молодые люди, поганые, невѣжды, соврем. *юль* = голяки, древнее *Чудь* = чужіе¹⁾, древнее (лѣтописное) *Сербы* = сербы, древнее (лѣтописное) *Самоудь* = самоуды и т. п. Отношеніе его къ прилагательному *русъ* тождественно съ отношеніемъ собирательныхъ *чернь*, *погань* къ прилагательнымъ *чернъ*, *поганъ* и т. п. Корень этого слова можетъ быть исконнымъ славянскимъ; вѣроятно,

---

¹⁾ Корень *чуд-*, откуда прилагательное *чужь*. Собирательное *чудь* должно было образоваться еще въ ту пору, когда *д* не успѣло перейти въ *ж*.

онъ тотъ же, что въ прилагательномъ *русь*. И такъ, *Русь* могло первоначально значить: *русые* люди, народъ съ *русыми* волосами.

Взглянемъ на наши древнія названія народовъ. Одни изъ нихъ взяты нами отъ тѣхъ народовъ, которые мы ими называли, т. е. мы употребляли или употребляемъ тѣ названія, которыми эти народы именовали сами себя: *Литва* = лит. *Lėtuvia*. Другія перешли къ намъ отъ сосѣдей. Третьи были составлены нами самими изъ нашихъ собственныхъ корней и суффиксовъ. Такъ, мы дали свое названіе Германцамъ, сосѣдившимъ съ нами на западѣ: *нѣмцы*, отъ *нѣмъ* (сравни *чернецъ* отъ *чернъ*, *блѣецъ* отъ *блѣъ* и т. п.), характеризуя имъ Германцевъ, какъ людей, говорящихъ невнятно; точно также мы дали свое имя Финнамъ: *чюдъ*, указывая имъ, что Финны—народъ чужой. Названіе *Русь* могло быть дано нами пришельцамъ съ сѣвера, Скандинавамъ, отличавшимся отъ другихъ извѣстныхъ намъ народовъ свѣтлыми волосами¹⁾, но не осталось за ними. Когда князья скандинавскаго происхожденія засѣли съ своими дружинами въ главныхъ городахъ Россіи и стали быстро ассимилироваться со своими славянскими подданными, эти послѣдніе стали именовать себя (въ отличіе отъ тѣхъ Славянъ, которые сохранили свою независимость) народнымъ названіемъ князей, т. е. *Русью*. Сравни названіе по имени завоевателей южныхъ Словѣнъ—Болгарами, приволжскихъ Болгаръ—Татарами, ороманенныхъ Галловъ—Франками. Получивъ новое значеніе, слово *Русь* постепенно перестало прилагаться съ Скандинавамъ (хотя оно было прилагаемо еще авторомъ Несторовой лѣтописи), тѣмъ болѣе, что рядомъ съ нимъ стало входить въ употребленіе, въ качествѣ синонима, скандинавское *Варязи*, а потомъ и болѣе частныя скандинавскія названія народовъ: *Свеи*, *Мурмане* и т. д.

II. Хрваты²⁾.

Списки нашей Начальной лѣтописи, говоря о Хорватахъ какъ Бѣлыхъ, такъ и придунайскихъ, передаютъ ихъ названіе двойкимъ

¹⁾ Трудно сомнѣваться, что русскіе Славяне столѣтій 10 назадъ были всѣ и на сѣверѣ, и на западѣ гораздо болѣе брюнетами, чѣмъ теперь. Какъ извѣстно, въ настоящее время брюнеты Великоруссы еще не рѣдкость.

²⁾ Срв. статью Поливки: „*Chorvat, Charvat* či *Chrvat*?“ въ изданіи Елника „*Slovanský Sborník*“ за 1884 г., а также Миклошичевъ „*Etymologisches Wb.*“

образомъ. Старшій Лаврентьевскій списокъ имѣетъ *Хрвате* (стр. 5), *Хрвате* (12), *Храваты* (44, дважды), *Хорваты*, *хорватскыя* (119); въ сгорѣвшемъ Троицкомъ сп. было *Хрвате*, *Хорвате*; въ другихъ спискахъ мы постоянно находимъ *Хорвате* и т. п. Написаніе *Хорватъ*, съ *о* передъ *р*, легко могло произойти изъ *Хрзватъ*, вслѣдствіе, съ одной стороны, ранней утраты этого названія живымъ русскимъ языкомъ, съ другой—привычки переписчиковъ передѣлывать встрѣчавшіяся въ рукописяхъ нерѣдко (особенно въ концѣ XIV и въ XV вв.) ц.-слав. написанія, въ родѣ *трѣгъ*, *взѣгъ*, въ русскія *торгъ*, *волегъ*. Въ виду этого мы должны отдать предпочтеніе въ правильности написаніямъ *Хрватъ*, *Хрватъ* и признать древнѣйшею русскою формою этого названія форму *Хрзватъ*. Если мы обратимся въ старымъ памятникамъ, написаннымъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ, то найдемъ въ нихъ данныя, подтверждающія нашъ выводъ. Константинъ Багрянородный пишетъ *Χρωβάτοι*, *Βαλοχρωβάτοι*; въ грамотѣ объ учрежденіи пражской епископіи, вѣроятно, XI в. мы читаемъ: *Crovati et altera Chrovati*; грамоты хорватскихъ князей, папъ, венгерскихъ королей изстари имѣютъ *Chrovati*, *Chrobati*, *Croati* (см. между прочимъ „Rječnik“ Юго-славянской Академіи); здѣсь въ *ro* можно видѣть передачу слав. *ръ*, но никакъ не *зр*.

Покойный Гейтлеръ сблизилъ названіе *Хорватъ* съ литовск. *szarwas* оружіе, *szarwotas* вооруженный и призналъ его значащимъ *armatus* („Etimologija jmena Hrvat“, Rad Jugoslav. Akad., кн. XXXIV, 1876 г.); проф. Первольфъ принялъ это сближеніе („Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“, I, 94), но оно, мало пригодное и для *Хрзватъ*, совсѣмъ не пригодно для *Хрзватъ*.

III. Обезы.

Наши лѣтописи три раза упоминаютъ о народѣ *Обезахъ*. Кіевская лѣтопись, подъ 1154 годомъ¹⁾, сообщаетъ намъ, что вел. кн. Изяславъ Мстиславичъ взялъ себѣ жену „изъ *Обезъ*“, что его сынъ (отъ первой жены) встрѣтилъ свою мачиху „въ порозѣхъ“ (днѣпровскихъ).

¹⁾ Лѣтопись по Ипатскому сп., стр. 322.

Галицко-волынская лѣтопись, подъ 1201 годомъ ¹⁾, упоминаетъ объ одномъ Половцѣ, котораго Владимиръ Мономахъ заставилъ бѣжать „во *Обезы*, за Желѣзная Врата.“

Новгородская лѣтопись, подъ 1224 годомъ ²⁾, повѣствуя о нашествіи Татаръ, рассказываетъ о плѣненіи ими Ясовъ, Касоговъ и *Обезъ*.

Изъ другихъ памятниковъ древне-русской письменности, упоминаніе о народѣ *Обезахъ* находится въ Печерскомъ Патерикѣ, въ Толковой Паллѣ и въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ.

Въ первомъ памятникѣ ³⁾ рассказывается о прибытіи въ Кіевъ изъ Цараграда иконописцевъ Грековъ и *Обезовъ*.

Во второмъ, по списку XIV в. ⁴⁾, при народномъ названіи *Аверъ*, передающемъ греческое названіе Ἰβηρες (Chronicon Paschale, Боннское изд., I, 57), находится глосса: „иже суть *Обезы*.“

Третій памятникъ ⁵⁾ говоритъ объ отправкѣ царемъ греческимъ Грека, Славянина и *Обезянина* въ Вавилонъ для взятія знаменья у святыхъ трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила. Они нашли въ Вавилонѣ лѣстницу съ надписями на греческомъ, славянскомъ и *обезжанскомъ* языкахъ.

Несомнѣнно, *Обезы* жили на Кавказѣ, были православными людьми, имѣли значительныя сношенія съ Греціею. Нѣкоторые изъ нихъ, художники, даже проживали въ Царьградѣ. Отожествленіе ихъ въ Паллѣ съ Иверами показываетъ, что русскіе въ древности считали *Обезовъ* и *Грузинъ* за одинъ народъ.

Поясненіе Плато-Карпина: „*Obesi sive Georgiani*“ рѣшаетъ вопросъ объ *Обезахъ* окончательно: *Обезы*—русское названіе *Грузинъ*.

IV. Олегъ.

Какъ извѣстно, у насъ существуютъ два мнѣнія объ имени *Олеги*. По однимъ, это—вполнѣ славянское имя; по другимъ, въ немъ мы имѣемъ дѣло съ именемъ скандинавскимъ.

¹⁾ Та же лѣт., стр. 480.

²⁾ Новгородск. лѣт. по Синод. сп., стр. 215.

³⁾ Яковлевъ, Памятники русской литературы XII и XIII вв., стр. 121.

⁴⁾ Извѣстія А. Н., X, стр. 670.

⁵⁾ Славянскій Сборникъ, III, стр. 133—134.

Мы имѣемъ два несомнѣнно скандинавскихъ имени, принадлежавшихъ русскимъ князьямъ—*Рюрикъ* и *Игорь*, или *Ингворъ*. Они оба находились въ живомъ употребленіи у русскихъ князей до XIII в., но не пользовались даже въ княжескихъ семьяхъ особенно большою любовью¹⁾. Ни одинъ изъ сыновей Владимира Св. не назывался ни *Рюрикомъ*, ни *Игоремъ*; между сыновьями Ярослава мы видимъ лишь одного *Игоря*; ни одинъ изъ внуковъ Ярослава не носилъ имени *Рюрика* или *Игоря*. Частныя лица, не князья, повидимому совсѣмъ не употребляли этихъ именъ, и мы не знаемъ теперь ни одного мѣстнаго названія, ни одной фамиліи или прозвища, которыя могли бы вести происхожденіе отъ *Рюрика* или *Игоря*. Почти то же можно сказать и о древней Руси: лѣтописи и документы сохранили намъ лишь одно названіе *Игоревъ бродъ* (Лѣтоп. по Ипатск. списку, подъ 1160 г.).

Иное дѣло имя *Ольгъ*. Оно употреблялось у князей сравнительно часто; между прочимъ, его носили братъ Владимира Св. и внукъ Ярослава I, послѣдній вмѣстѣ съ своимъ многочисленнымъ потомствомъ, до самаго XIV в. Частныя лица, не князья, хотя и рѣдко, но все таки пользовались именемъ *Ольгъ*, и мы знаемъ Ивана *Ольгова*, предка Адашевыхъ, въ концѣ XV—нач. XVI в. (Историч. Вѣстникъ 1890 г. № 5, стр. 389)²⁾. Мѣстныя названія нашего времени указываютъ на употребленіе этого имени въ тѣхъ мѣстахъ Руси, гдѣ въ древности не было ни одного князя *Ольга*; таковы: *Ользи* (древняя форма им. п. мн. ч.), деревня Новгородской губ. Демянскаго уѣзда (Новгородскій Сборникъ, III, 11)³⁾, *Ольгово*, деревня близъ Полоцка (существовавшая уже въ XVI в.: Оглоблинъ, въ „Сборникѣ Археологическаго Института“, т. IV, стр. 54), *Волово*, дер. С. Петербургской губ., *Ольовцы*, дер. Виленской губ. Лидскаго у. Сверхъ того, мы знаемъ: *Ольги*, дер. Псковской губ., *Ольгово*, 1) дер. Московской губ. и 2) дер. въ Галиціи, *Ольовку*, нѣсколько деревень въ

¹⁾ Женское скандин. имя *Малфрундъ* тоже употреблялось очень рѣдко. Мы знаемъ лишь двухъ лицъ съ этимъ именемъ (второе подъ 1167 г., Лѣт. по Ип. сп. 361). Имя *Рогинда* едва ли можетъ быть съ достаточнымъ основаніемъ признано за скандинавское.

²⁾ Документъ 1507 г. (Акты Калачова, I, № 53) упоминаетъ еще о Кирѣ *Ольговѣ*, велико-княжескомъ тиунѣ.

³⁾ Срв.: *Миронки*, дер. Валд. у., форма мн. ч. отъ *Миронки*.

Курской, Орловской, Полтавской и Черниговской губ., *Ольжеево*, дер. Виленской губ. ¹⁾. Древняя Русь также имѣла подобныя мѣстныя названія. Мы знаемъ, кромѣ *Ольмовой* могилы подѣ Киевомъ, село *Ольжичи*, тоже подѣ Киевомъ, *Ольмово* поле, въ Черниговскомъ княжествѣ, рѣку *Ольга*, въ Ятвяжской землѣ (Лѣт. по Ип. сп. 186).

Имя *Ольга* имѣло при себѣ женское имя *Ольга* (срв. *Ростиславъ* и *Ростислава* и т. п.), которое носили нѣсколько русскихъ княгинь и отъ котораго происходитъ нѣсколько современныхъ мѣстныхъ названій (*Ольжино* болото, съ древнимъ *ж*, Орловской губ., *Ольгинъ* крестъ, Петербургской г., и т. п.). Какъ извѣстно, это имя довольно рано сдѣлалось христіанскимъ.

Все это показываетъ, что имя *Ольга* было довольно распространено въ древней Руси и что, слѣдовательно, и оно, и имя *Ольга*—имена туземныя, славяно-русскія (срв. ц.-слав. нарицательное *олг* и др.-русск. собств. имена *Ольбъгъ*, *Ольма*, *Ольстинъ*).

Впрочемъ, мы не желаемъ связать, что вѣщій *Ольга* былъ Славяно-руссъ по происхожденію. Онъ могъ быть Скандинавомъ, но его скандинавское имя, *Helgi*, было замѣнено въ народѣ народнымъ, очень близкимъ къ нему по звукамъ, славянскимъ именемъ *Ольга*. Точно также мы отнюдь не отрицаемъ того, что св. *Ольга* была Скандинавка: ея скандинавское имя *Helga* сохранено намъ Константиномъ Багрянороднымъ (~Ελγα).

У. Жидята.

Лѣтописи упоминаютъ объ Новгородскомъ епископѣ XI в. (Лука) *Жидята*. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей думаютъ видѣть въ названіи его Жидятою—указаніе на его еврейское происхожденіе. Но напрасно.

Здѣсь передъ нами *имя*, не христіанское, а мірское, языческое. Духовныя лица въ памятникахъ древне-русской письменности называются обыкновенно христіанскими именами; но нерѣдко также наименованіе ихъ по-мірски. Новгородская 1-я лѣтопись упомина-

¹⁾ Названіе города *Ольговъ*, Курск. г., вѣроятно, искажено изъ *Ольбъгъ*; во всякомъ случаѣ мѣстное населеніе называетъ этотъ городъ *Ольговъ*.

еть о попѣ *Воятъ*; писецъ галицко-волинскаго евангелія 1164 г., дьяконъ, находитъ нужнымъ сообщить, что его по-мірски зовутъ *Добрило*; писецъ новгородскаго евангелія 1270 г. называетъ себя сыномъ попа *Лотыша*; даже въ началѣ XVII в. священники московской Руси довольно часто именуютъ себя *Жданами*, *Молчанами* и т. п.

Собственныя имена на *ята*, очень распространенныя въ древней Руси, принадлежатъ къ числу уменьшительныхъ. Мы знаемъ по духовной XIII в. имя *Климьята* отъ *Климентъ*, по лѣтописямъ имена *Гюрята* отъ *Гюрій*, *Петрята* отъ *Петръ*, которыя дѣлаютъ несомнѣннымъ, что имя *Жирята*—уменьшительное отъ *Жирославъ*, *Твердыта*—отъ *Твердиславъ*, *Вышата*—отъ *Вышеславъ*, *Воята*—отъ *Воиустъ*. *Жидята*—уменьшительное отъ обычнаго въ древнемъ Новгородѣ имени *Жидиславъ*.

VI. Царь.

Въ книгѣ г. Дьяконова: „Власть московскихъ государей“ (Спб. 1889), мы между прочимъ читаемъ:

...великій князь Василий Темный былъ названъ (послѣ отверженія имъ Флорентійской уніи и по паденіи Константинополя) „благочестія ревнителемъ и мудрымъ изыскателемъ св. правилъ богоустановнаго закона св. апостолъ и св. отецъ преданія, иже въ благочестіи цвѣтущимъ“...авторъ „Слова...еже на Латину“ называетъ Василія „истинныя вѣры боговѣнчаннымъ *царемъ* всея Руси“, яспо обозначая этимъ, что титулъ царя прилагается къ нему, какъ къ единственному представителю православія.

Такимъ образомъ г. Дьяконовъ утверждаетъ, что названіе *царь* стало прилагаться впервые къ Василию Темному вслѣдствіе того, что послѣ паденія Константинополя онъ остался единственнымъ православнымъ государемъ.

Прослѣдимъ исторію слова *царь*.

Слово *цѣсарь*, *цѣсарь*, откуда у южныхъ Славянъ и у насъ *царь*,—слово, бывшее уже въ IX вѣкѣ народнымъ болгарскимъ и означавшее вообще государя. Переводчики евангелія и другихъ церковныхъ книгъ постоянно употребляютъ это слово, когда рѣчь идетъ о государѣ, при мѣняя его и къ государю Византіи, и къ государямъ еврейскимъ,

персидскимъ, македонскимъ, индійскимъ и т. д. Въмѣстѣ съ книгами слово *царь*, въ значеніи государя, перешло отъ Болгарь къ Сербамъ и къ Русскимъ и у тѣхъ и у другихъ быстро вошло въ живое употребленіе. Русскіе, по меньшей мѣрѣ съ XIII в., кромѣ императора Византіи, называютъ царями почти всѣхъ тѣхъ государей, для которыхъ у нихъ нѣтъ изстари установившагося названія (въ родѣ *король*, *князь*). Такъ, они называютъ царемъ Батюя (лѣтописи и житіе св. Михаила Черниговскаго) и его преемниковъ¹⁾; позже, съ XV в., то же названіе придается ими ханамъ крымскому, казанскому, астраханскому, шемахинскому, сибирскому, султану турецкому, шаху персидскому, владѣтелю Грузіи и т. д. и сохраняется у нихъ за поселенными въ Россіи (служилыми) татарскими ханами (Ширъ-Алеемъ и друг.). Вообще съ названіемъ *царь* въ старой Руси вовсе не связывается представленія о православномъ государѣ.

Попытки примѣнить это названіе въ русскимъ князьямъ начались довольно рано. Тіунъ Наславъ, сдѣлавшій около 1125 года приписку въ такъ называемомъ Мстиславовомъ Евангеліи, изъявилъ въ ней желаніе обрѣсти себѣ „честь и милость отъ Бога и отъ своего *царя*“, разумѣя подъ послѣднимъ вел. кн. Мстислава Владимировича. Авторъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ трижды употребилъ слово *царь*, говоря о русскихъ князьяхъ: „*царя* ли, князя ли ва (Бориса и Глѣба) проглаголю?“... „По истинѣ вы *царя царемъ* и князя княземъ“.... „Колико ся имаши потрудити, да заступнича обрящеша въ сѣмьртному *царю* приводяща“ (списокъ XII в. Чтенія Общ. ист. и др. 1870 г. № 1, лл. 7 об., 9). Даніилъ Заточникъ, по одной редакціи его Слова, назвалъ своего князя „сыномъ великаго *царя* Владимира“ (рѣчь идетъ, повидимому, о Мономахѣ). Писецъ волынскихъ Словъ Ефрема Сирина XIII в., сохранившихся въ спискѣ 1492 г., обозначилъ дату своего труда словами: „при *царствѣ* благовѣрнаго *царя* Володимѣра, сына Василькова“; а одинъ изъ его собратьевъ, писецъ московскаго Евангелія 1339 г., выхваляя Ивана Калиту, выразился такимъ образомъ: „всея русской земли поминая (дат. самостоят.) веле-

¹⁾ Для русскихъ людей XIV—XV вв. татарскій ханъ былъ *царь* по преимуществу; такъ мы читаемъ въ договорѣ в. кн. Василія Темнаго 1437—1440 г.: „а ци побдегъ *царь* ратію...., есте воевали со *царемъ*,....путь честь ко *царю* (Акты Археогр. Э., I, 25).

гласно державу его *царства*.“¹⁾ Но примѣненіе названія *царь* къ русскимъ князьямъ до XV в. рѣдко.

Русскіе памятники второй половины XV в. употребляютъ титулъ *царь* въ примѣненіи къ московскимъ великимъ князьямъ уже часто. Вотъ что, напримѣръ, читается въ записи псковской Палеи 1494 г. (Рум. Муз.): „при великомъ князи *царь* всея Руси Иване Васильевичѣ.“ Или въ записи новгородскаго Апостола 1495 г. (Рум. М.): „при державѣ богороднаго и богохранимаго, въ благочестіи же превысочайшаго, въ господствѣ пречестнаго, въ странахъ пресловущаго, честнѣйшаго паче всѣхъ *царя* рускаго великаго князя Ивана Васильевича всея Руси.“

Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, находится въ связи не съ отверженіемъ Флорентійской уніи и не съ паденіемъ Византіи, а съ усиленіемъ у насъ южно-славянскаго вліянія, черезъ посредство Аѳона.

Съ конца XIV в., вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, начинается сильный притокъ къ намъ южно-славянскихъ книгъ всякаго рода, почти исключительно переводныхъ, между прочимъ богослужебныхъ, и замѣчается на нашей письменности сильное вліяніе письменности южно-славянской—въ литературныхъ приемахъ, въ начертаніи буквъ, въ орфографіи. Проводниками этого вліянія были какъ южно-славянскіе выходцы, особенно—Пахомій Сербъ,—такъ и Русскіе, ходившіе на Аѳонъ и нерѣдко жившіе тамъ по долгу. Они на Аѳонѣ находили себѣ убѣжище въ рускомъ Пантелеймоновомъ монастырѣ, который въ то время повидимому находился въ постоянномъ общеніи съ болгарскимъ Зографскимъ монастыремъ и съ сербскимъ Хилендарскимъ и пользовался вмѣстѣ съ ними повровительствомъ и поддержкою южно-славянскихъ государей.

Если мы взглянемъ на южно-славянскіе памятники, то увидимъ въ нихъ тотъ титулъ, которымъ Русскіе стали съ XV в. надѣлять своихъ князей,—въ примѣненіи къ южно-славянскимъ государямъ. Болгарскіе властители, начиная съ Симеона, именуются постоянно царями; сербскіе, хотя не всѣ, но официально или не официально

¹⁾ Отмѣтимъ еще въ *болгарскомъ* Прологѣ 1339 г.: святѣи *царичъ* рускии Олги (Погодинъ, Образцы слав.-русскаго древнеписанія).

также пользуются этимъ названіемъ. Обычный титулъ греческихъ императоровъ: „въ Христа Бога благовѣрный *царь* и самодержецъ“, употребляется южно-славянскими государями даже въ ихъ собственныхъ документахъ.

Такъ, мы читаемъ въ надписи 1230 г.: „азъ Іоаннъ Асѣнь въ Христа Бога вѣрны *царь* и самодержецъ Българомъ;“ въ хрисовулѣ 1342 г.: „въ Христа Бога вѣренъ *царь* самодержецъ всѣмъ Българомъ Александръ.“

Богослужбныя книги, исправленныя у южныхъ славянъ въ XIV в., въ молитвахъ о государѣ и въ другихъ мѣстахъ постоянно называютъ его *царемъ*.

Первымъ писателемъ XV в., рѣшившимся наименовать московскаго великаго князя *царемъ*, былъ, какъжется, Пахомій Сербъ. По крайней мѣрѣ, впервые въ его сочиненіяхъ мы находимъ названіе Василія Темнаго *царемъ* и самодержцемъ (какъ было уже указано А. С. Павловымъ въ его извѣстномъ разборѣ „Обзора полемическихъ сочиненій“ пов. Попова, стр. 287). Тотъ же Пахомій въ своихъ трудахъ говоритъ не разъ вообще о *царяхъ*, подразумѣвая подъ ними русскихъ князей („видяще неправедная отъ *царей* . . . дѣмая“, „*царей* обличаху“ и т. п.).

Авторитетъ Пахомія, какъ писателя, въ глазахъ современниковъ былъ такъ великъ, что цѣлый рядъ послѣдующихъ русскихъ агіографовъ воспользовался его литературными приемами, его введеніями и заключеніями, его отдѣльными фразами. Понятно, примѣненіе названія *царь* въ московскому великому князю, сдѣланное Пахоміемъ и подтвержденное богослужбными книгами, не могло быть оставлено безъ вниманія. Оно находится уже въ современномъ Пахомію трудѣ, 1461 г., принадлежащемъ неизвѣстному русскому подражателю Пахомія (но не самому Пахомію, какъ думалъ А. С. Павловъ)—въ „Словѣ . . . еже на Латину.“

Такимъ образомъ слово *царь* стало употребляться какъ синонимъ словъ *великій князь*, рядомъ съ ними. Нашъ первый государь княжикъ, Грозный, нашелъ нужнымъ внести его въ свой офиціальныи титулъ.

А. И. Соболевскій.

ВТОРАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСКУРСІЯ ВЪ ПРИПЕТСКОЕ ПОЛЪСЬЕ.

Археологическія розысканія въ предѣлахъ Мозырскаго уѣзда, при первой моей экскурсіи, дали мнѣ возможность установить южную границу *дреговичскаго* погребальнаго типа ¹⁾. Границей этой была рѣка Припеть, гдѣ дреговичскій типъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ соприкасается съ древлянскимъ типомъ погребенія въ *ямахъ*. Настоящія мои розысканія—въ Рѣчицкомъ уѣздѣ—произведены были съ цѣлью опредѣлить восточную границу того же дреговичскаго типа. Такъ какъ такою границею всего естественнѣе было предполагать р. Днѣпръ, то я и произвелъ на этотъ разъ раскопки по правому берегу Днѣпра въ пространствѣ между устьями рѣкъ Припети и Березины. Точнѣе районъ моихъ раскопокъ можно опредѣлить трехугольникомъ, основаніе котораго составляетъ линія, соединяющая м. Лоевъ на Днѣпрѣ съ с. Мибуличи, отстоящимъ въ западу отъ Лоева приблизительно на 40 верстъ въ прямомъ направленіи. Вершиной этого трехугольника можно признать г. Рѣчицу. Въ топографическомъ отношеніи область этого трехугольника отличается всѣми характерными особенностями Припетскаго Полѣсья: это въ значительной степени покрытая лѣсомъ

---

¹⁾ См. Чтен. въ Истор. Общ. Нестора Лѣт., кн. 4, Отд. II: „Изъ археол. экскурсіи въ Припетское Полѣсье;“ стр. 1—29.

низменность, гдѣ болотистыя мѣстности чередуются съ песчаными, съ нѣкоторою примѣсью по мѣстамъ чернозема. По пути изъ Лоева въ Мивуличи, въ разстояніи около 35 верстъ отъ перваго, встрѣчается рѣчка Брагинка. Начинаясь сѣвернѣе 52 град. с. ш., рѣчка эта течетъ на югъ параллельно Днѣпру и ниже м. Брагина впадаетъ въ значительное Брагинское озеро. По выходѣ изъ этого озера, въ разстояніи около 15 верстъ отъ послѣдняго, Брагинка раздѣляется на два рукава. Лѣвый рукавъ, круто поворачивая къ востоку, впадаетъ въ Днѣпръ; правый же, продолжая течь параллельно Днѣпру, впадаетъ въ Припетскій заливъ Боруха. Такимъ образомъ, при посредствѣ Брагинки, рассматриваемая область непосредственно связана доступнымъ для легкихъ судовъ воднымъ путемъ съ одной стороны съ Днѣпромъ, съ другой стороны съ Припетью. Слѣдуетъ также отмѣтить, что Лоевъ расположенъ при устьѣ р. Сожи, посредствомъ которой данная область связана съ восточнымъ побережьемъ Днѣпра.

Свои раскопки я началъ съ Лоевскаго могильника.

Лоевскій могильникъ расположенъ въ 4 верстахъ къ сѣверо-западу отъ м. Лоева, въ густомъ молодомъ лѣсу, въ сосѣдствѣ съ урочищемъ *Грѣгорово поле*, по склону праваго берега небольшого ручейка, текущаго изъ расположеннаго вблизи Моховскаго озера въ Днѣпръ. Всѣхъ кургановъ въ этой группѣ насчитывается свыше 70. Вокругъ нѣкоторыхъ видны слѣды рововъ и вообще впадинъ, образовавшихся, какъ можно думать, при сооруженіи насыпей. Къ юговостоку отъ могильника, въ разстояніи около одной версты, находится „городокъ“, представляющій сильное, несомнѣнно древнее, частію естественное, частію искусственное, укрѣпленіе; а въ промежуткѣ между этими двумя пунктами, на пахатномъ полѣ, находится площадь, занимающая пространство около двухъ десятинъ, густо усыпанная черепками отъ битой посуды очень грубой работы того же характера, какимъ отличаются черепки, встрѣчающіеся въ насыпи кургановъ. Насыпь кургановъ въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ свѣтлаго песку, составляющаго подпочвенный слой въ данной мѣстности. Въ этомъ могильникѣ мною раскопано 15 кургановъ. Самый значительный изъ нихъ имѣетъ 2 арш. 4 в. отвѣсной высоты при 39 арш. въ окружности.

Изъ 15 раскопанныхъ въ этомъ могильникѣ кургановъ въ одномъ ничего не оказалось, въ другомъ обнаруженъ *слой угля* для

ною 3 арш. 8 в., шириною 1 арш. 4 в. и около $\frac{1}{4}$ арш. толщиною. Во всѣхъ остальныхъ курганахъ обнаружены ясныя слѣды погребенія покойниковъ на *почвенномъ слое* въ направленіи съ запада на востокъ. Въ нѣкоторыхъ курганахъ сохранились остатки желѣзныхъ гвоздей, которыми, вѣроятно, сбиты были деревянные гробы. Посуды не обнаружено. Только въ одномъ случаѣ попало нѣсколько грубыхъ черепковъ въ насыпи кургана, куда они могли попасть случайно.

Въ разстояніи 3 версты къ сѣверо-западу отъ предыдущаго могильника находится могильникъ *Моховской* на высокомъ, круто спускающемся, берегу Моховскаго озера, при которомъ расположена д. Моховъ. Площадь, занятая этимъ могильникомъ, теперь покрыта молодымъ кустарниковымъ лѣсомъ и занимаетъ пространство около 4 десятинъ, на которомъ курганы расположены густою массою. Большая часть кургановъ имѣетъ форму усѣченнаго конуса съ крутыми боками и завалившеюся серединою. Возлѣ многихъ изъ нихъ видны ямы, которыя по мѣстамъ образуютъ прерывающіеся рвы. Всѣхъ кургановъ въ этой группѣ насчитывается свыше 600. Это самый значительный могильникъ въ данной мѣстности. Самый крупный курганъ въ этомъ могильникѣ имѣетъ 3 арш. 13 в. отвѣсной высоты (изъ глубины рва) при 75 арш. окружности. Мною раскопано 26.

По характеру содержимаго раскопанные курганы дѣлятся такимъ образомъ. Въ *одномъ* курганѣ ничего не обнаружено. Въ *одномъ* покойникъ погребенъ былъ въ *ямѣ*, глубиною въ 1 арш., въ деревянномъ гробу и обращенъ былъ *головою на свѣрзь*. Въ *деяти* курганахъ обнаружено *трупосожженіе* и въ *пятнадцати* покойники погребены были на *почвенномъ слое*.

Въ курганахъ съ трупосожженіемъ, въ свою очередь, замѣчено слѣдующее подраздѣленіе. Въ двухъ курганахъ сожженные кости собраны были въ *урны* (обычныя по формѣ для данной мѣстности горшки) и поставлены въ *насыпи* кургана, т. е. гораздо выше почвеннаго слоя, при чемъ въ одномъ курганѣ обнаружено *два слоя пепелища*: одинъ оказался въ самой насыпи кургана, на $\frac{3}{4}$ арш. ниже урны; это пепелище состояло изъ золы и древеснаго угля, разбросанныхъ отдѣльными пятнами и неправильными линіями; другое пепелище обнаружено на почвенномъ слое; оно занимало почти всю площадь, занятую основаніемъ кургана; но въ центрѣ этой площади выступало ясно очерченное четырехугольное пятно, имѣвшее

форму гроба. Здѣсь, т. е. на почвенномъ слоѣ, по всей вѣроятности, сожженъ былъ покойникъ, а остатки сожженныхъ костей собраны были въ урну и поставлены въ верхней части насыпи. Но какъ образовалось верхнее пепелище? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только предположительно: оно могло быть слѣдствіемъ или совершенной тризны или сожженной жертвы. Въ остальныхъ шести курганахъ съ трупосоженіемъ останки сожженныхъ покойниковъ найдены были на почвенномъ слоѣ, при чемъ въ двухъ изъ нихъ обнаружены были слѣды лишь *лежача обжога* костей; въ одномъ изъ послѣднихъ костякъ даже не выведенъ былъ изъ своего естественнаго положенія, т. е. онъ сохранилъ тоже положеніе, какое имѣютъ костяки въ курганахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ; дѣйствию огня больше всего подверглись оконечности костяка.

Въ курганахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ прежде всего необходимо отмѣтить слѣдующій фактъ. Во всѣхъ курганахъ этого типа подъ костяками обнаруженъ былъ *тонкій слой* золы почти безъ всякой примѣси угля. Площадь, занятая этимъ слоемъ, не вездѣ была одинакова по своему объему; но вообще границы ея не отходили далеко отъ самого костяка. Толщиною слой золы по мѣстамъ доходилъ до одного вершка. Встрѣтившись съ такимъ фактомъ, естественно попытаться объяснить его. Возможно, что зола въ данномъ случаѣ приносилась извнѣ. Если такъ, то подсыпаніе ея могло имѣть тройкій смыслъ: во первыхъ, она могла замѣнять собою бѣлый песокъ и, слѣдовательно, служила эстетической стороной погребальнаго обряда; во вторыхъ, она могла замѣнять известь и способствовала предохраненію покойника отъ быстраго разложенія¹⁾; въ третьихъ, она могла быть принадлежностью домашняго очага, и тогда съ подсыпаніемъ ея соединялся извѣстный религіозный смыслъ. Но возможно, въ данномъ случаѣ, и другое предположеніе. Возможно, что зола эта была слѣдствіемъ практиковавшагося обряда *обжиганія* покойниковъ. Что обрядъ обжиганія покойниковъ практиковался у нашихъ предковъ, это отчасти видно изъ вышеспри-

---

¹⁾ Въ простонародьи зола, наравнѣ съ солью и известью, употребляется для предохраненія некоторыхъ предметовъ отъ порчи. Допуская эту мысль, необходимо предположить, что зола въ данномъ случаѣ не только подсыпалась, но что ею покойникъ и сверху посыпался.

веденнаго примѣра; съ нимъ мы еще встрѣтимся позднѣе. Отсутствие же среди золы крупныхъ частицъ древеснаго угля (мелкія замѣчались) легко объясняется тѣмъ, что обжиганіе совершалось не на кострѣ, а при посредствѣ *березовой коры*, которою обкладывался покойникъ и которая сожигалась. Что при погребальныхъ обрядахъ наши предки иногда дрова замѣняли березовою корою, доказательство этого представлено будетъ ниже. Допустивъ это предположеніе, мы поймемъ, почему зола въ разсматриваемыхъ случаяхъ группируется, главнымъ образомъ, около костяковъ и въ нѣкоторомъ удаленіи отъ послѣднихъ слой ея преобразуется.

Въ нѣкоторыхъ курганахъ этого втораго типа замѣчена еще слѣдующая особенность, особенно ясно выступившая въ одномъ курганѣ. Въ насыпи кургана, на глубинѣ 1 арш. 14 в., показалась кайма четырехугольной формы, обнаружившая слѣды разложившагося дерева. Длина каймы 4 арш. 12 в., ширина 3 арш.; въ глубину она продолжалась до почвеннаго слоя. По угламъ каймы замѣчены были круги, образовавшіеся, повидимому, отъ стоявшихъ здѣсь деревянныхъ столбовъ. Внимательное наблюденіе привело меня къ слѣдующему предположенію относительно причины образованія этой каймы: по угламъ поставлено было четыре деревянныхъ столба и при посредствѣ ихъ сооружено было четыре такихъ же стѣнки высотой въ 1 арш. и 2 вершка. Постройка эта, служившая чѣмъ-то въ родѣ sklepa, сверху покрыта была, кажется, бревенчатымъ потолкомъ; по крайней мѣрѣ на уровнѣ верхней части стѣнокъ, на пространствѣ окаймленной ими площади, замѣтны были полосы бурого цвѣта, образовавшіяся, повидимому, отъ разложенія дерева. Внутри этой постройки, на почвенномъ слоѣ, оказалась новая четырехугольная кайма, означавшая, судя по объему, мѣсто стоявшаго деревяннаго гроба, который поставленъ былъ въ срединѣ первой постройки. На уровнѣ предполагаемаго потолка найдено было желѣзце, въ родѣ небольшого шила. На почвенномъ слоѣ, на мѣстѣ предполагаемаго гроба, найдены: желѣзный браслетъ, кусочекъ желѣза отъ неизвѣстнаго предмета и черепки отъ посуды очень грубой работы, найденные въ слоѣ чернаго перегноя съ примѣсью древеснаго угля. Слѣды такой же постройки обнаружены были еще въ двухъ курганахъ; но въ этихъ двухъ случаяхъ онѣ оказались гораздо меньшими по объему, что должно быть поставлено въ связь съ сравнительно

небольшой мѣдвѣнокъ круглой формы. У края того здѣсь, вмѣсто пробной ланки, находится остриемъ, отличающееся отъ обычныхъ для данного типа половецкихъ т. е. головныхъ или обрубленных были на западъ, остриемъ на востокъ.

Въ числѣ особенностей Моховскаго могильника должно еще отмѣтить слѣдующее. Въ четырехъ курганахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слое, найдено было оружіе, состоявшее изъ трехъ желѣзныхъ боевыхъ топоровъ и одного желѣзнаго косяка. Всѣ эти предметы найдены были вблизи берцовыхъ костей правой ноги. Слѣдуетъ также отмѣтить, что также, напр., предметы, какъ ручныя кольца, которыя въ курганахъ Моховскаго были всегда сдѣланы изъ круглой проволоки, въ Рѣчицкомъ они изготовлялись изъ бронзовыхъ пластинокъ. Въ числѣ украшеній здѣсь попадаются также бѣлхи, бубенчики, бусы, сдѣланныя изъ витой спирали бронзовой проволоки, обвитые тавромъ же проволокою шейныя обручи все это найдено въ разложившемся состояніи, словомъ, такіе предметы, которые совершенно не встрѣчались въ курганахъ Моховскаго типа. Въ самомъ способѣ ношенія украшеній въ Рѣчицкомъ замѣчена слѣдующая особенность: женскія украшенія, повидному, не показались выше шеи, такъ что въ этихъ курганахъ не встрѣчаются ни ушные серьги, ни такъ называемыя височныя и висѣвшіяся въ волосы кольца. Все это наводитъ на мысль, что женщина здѣсь, повидному, не ходила съ открытою головою.— Какъ особенность Моховскаго могильника, отмѣтимъ еще фактъ присутствія въ одномъ курганѣ, на ряду съ костями взрослого человѣка (женщины), небольшого гробика съ остатками маленькаго ребенка. Гробикъ стоялъ съ правой стороны и возлѣ него помѣщено было два небольшихъ горшочка: одинъ съ правой стороны, другой, имѣющій форму маленькаго стаканчика или рюмки, возлѣ головы.

Каменскій могильникъ расположенъ возлѣ деревни Болпени (съ южной стороны), отстоящей на 9 верстѣ къ западу отъ мѣстечка Лоева. Площадь, занятая могильникомъ, гдѣ 10 тому назадъ еще покрыта была густымъ хвойнымъ лѣсомъ, что способствовало сохраненію курганныхъ насыпей. Въ настоящее время, благодаря уничтоженію лѣса, песчанныя насыпи кургановъ подъ влияніемъ вѣтра почти совершенно уничтожены и находившіяся подъ ними предметы погребальнаго обряда во многихъ курганахъ были обнажены и разнесены мѣстными поселянами. Между прочимъ, въ одномъ курганѣ найдены

были желѣзный топоръ и два такихъ же копья, одно изъ которыхъ въ испорченномъ видѣ мною приобрѣтено. Могильникъ этотъ расположенъ на краю болота, въ сосѣдствѣ съ большимъ озеромъ. Судя по сохранившимся слѣдамъ, всѣхъ кургановъ въ этой группѣ насчитывалось до 20. Мною обследовано 18; остальные два совершенно уничтожены.

Во всѣхъ обследованныхъ курганахъ этого могильника обрядъ погребенія совершенъ былъ на *почвенномъ* слоѣ. Въ 14 курганахъ обнаружены костяки, въ большинствѣ случаевъ полу-разрушенные, лежавшіе на такомъ же *пепелищѣ*, какое констатировано было и въ Моховскомъ могильникѣ. Въ одномъ курганѣ сохранился лишь слѣды пепелища, безъ костяка, который, по всей вѣроятности, или совершенно разложился или выброшенъ былъ наружу и уничтоженъ. Одинъ курганъ испорченъ былъ при устройствѣ смоляной печи. При обследованіи его однакожъ найдено было двѣ бронзовыхъ бляшки совершенно такихъ же, какія встрѣчались и въ другихъ курганахъ этого могильника. Наконецъ, въ двухъ остальныхъ курганахъ обнаружены костяки—въ одномъ два, въ другомъ одинъ, безъ признаковъ пепелища. Между принадлежностями погребальнаго обряда заслуживаютъ вниманія: присутствіе оружія въ формѣ желѣзныхъ топоровъ и копій, присутствіе посуды и такіе же по характеру своему предметы женскаго украшенія, съ какими мы встрѣчались и въ Моховскомъ могильникѣ. Вообще, Колпеньскій могильникъ, со стороны погребальнаго обряда, представляетъ явленіе, совершенно аналогичное съ Моховскимъ могильникомъ или, по крайней мѣрѣ, съ тою частію кургановъ послѣдняго, въ которыхъ покойники не сожигались, но погребались (собственно зарывались).

Сенской могильникъ расположенъ при деревнѣ *Сенское*, отстоящей на пять верстъ въ югу отъ д. Колпени, въ урочищѣ *Козлово кургань*, находящемся въ разстояніи около 3 верстъ отъ Днѣпра. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитывается до 25. О первоначальной внѣшней формѣ ихъ теперь судить трудно. Съ значительною вѣроятностью можно утверждать, что они имѣли коническую форму съ куполообразными вершинами. Самая большая высота 1 арш. 8 в. Самая обширная окружность 43 арш. Многіе изъ кургановъ теперь распахиваются, причемъ обнаруживаются жженныя кости и изрѣдка попадаются бусы. Мною раскопано 9 кургановъ.

Въ двухъ курганахъ этого могильника обнаружены были *жжен-* нныя кости, смѣшанныя съ золою и *древеснымъ* углемъ, находившіяся въ *насыпи* кургана, т. е. выше уровня земли. Въ одномъ курганѣ кости собраны были въ *юртшохъ* и поставлены въ насыпи на самой незначительной высотѣ, такъ какъ и самъ курганъ оказался приземистымъ. Въ другомъ курганѣ, тоже въ насыпи, на высотѣ около 1 арш., обнаруженъ *цѣлый слой* жженныхъ костей, смѣшанныхъ съ золою и *древеснымъ* углемъ. Тутъ же найдены черепки отъ разбитаго горшка. Въ остальныхъ *семи* раскопанныхъ курганахъ этого могильника оказались *пепелища*, находившіяся на *почвенномъ* слоѣ, съ значительною примѣсью по мѣстамъ *древеснаго* угля, и только въ одномъ курганѣ этого типа среди золы обнаружены мелкія частицы *пережженныхъ* костей. Въ настоящемъ могильникѣ тоже открыто присутствіе оружія; именно, въ курганѣ съ остатками трупосожженія, въ *насыпи*, найденъ желѣзный топоръ.

Изъ Сенскаго могильника я перенесъ свои раскопки въ область р. Брагинки. Здѣсь, на лѣвомъ берегу этой рѣки, между деревнями *Малейки* и *Городище*, расположенъ могильникъ, извѣстный среди мѣстнаго населенія подъ названіемъ *Курганье*. Курганы этой группы разбросаны на сравнительно большомъ пространствѣ по одному, по два и больше. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются значительнымъ объемомъ и достигаютъ до 100 арш. въ окружности и до 4½ аршинъ отвѣсной высоты. По внѣшней формѣ—одни, при широкомъ основаніи, оканчиваются плоскими вершинами, другіе, на оборотъ, при сравнительно небольшомъ основаніи достигаютъ значительной высоты и оканчиваются куполообразными вершинами. Многие изъ кургановъ этой группы *распаханы*, другіе *разрыты* владонсвателями. Возлѣ тѣхъ и другихъ видны слѣды золы, угля и мелкихъ частицъ *жженныхъ* костей. Всѣхъ кургановъ въ этой группѣ въ настоящее время можно насчитать, если имѣть въ виду и совершенно *распаханные*, свыше 30. Мною раскопано 6, и въ томъ числѣ самый крупный изъ нихъ.

Отдѣльно отъ этой группы, въ разстояніи около одной версты въ юговостокъ, въ урочищѣ *Горки* подъ *Котловицами*, расположено еще нѣсколько кургановъ, по типу схожихъ съ предыдущими. Вполнѣ сохранились только два изъ нихъ; а на прилегающемъ къ

нимъ пахатномъ полѣ можно указать слѣды еще двухъ другихъ. Въ этой группѣ мною раскопанъ одинъ.

Въ раскопанныхъ курганахъ этого могильника обнаружены были на почвенномъ слое *пепелища*, состоявшія изъ зола и мелкаго угля. Слѣды жженныхъ костей удалось подмѣтить лишь въ одномъ курганѣ. Есть однакожъ основаніе думать, что въ другихъ курганахъ кости не обнаружены не потому, чтобы ихъ тамъ не было, а потому, что ихъ трудно было подмѣтить въ сыромъ перегноѣ. Что это предположеніе вѣроятно, видно изъ того, что во всѣхъ тѣхъ курганахъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ были раскопаны владискателями или распаханы плугомъ, подъ воздѣйствіемъ солнца, дождя, вѣтра и другихъ атмосферическихъ вліяній, кости, такъ сказать, вывѣтрились и выступаютъ на поверхности земли въ видѣ микроскопическихъ частичекъ, иногда почти совершенно превратившихся въ известку. Иногда, впрочемъ, между мелкими частицами попадаются и довольно крупныя. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ тѣми же фактомъ, который раньше отмѣченъ былъ въ Сенскомъ могильникѣ. По свидѣтельству мѣстныхъ крестьянъ, въ одномъ изъ раньше раскопанныхъ кургановъ разсматриваемаго могильника найденъ былъ горшокъ со жженными костями, среди которыхъ попадались и нѣкоторые предметы, напр. цѣпь.

Характерную особенность этого могильника составляетъ фактъ присутствія въ могилахъ *деревянныхъ столбовъ*. Признаки присутствія такихъ же столбовъ еще раньше замѣчены были мною въ нѣкоторыхъ курганахъ Сенскаго могильника; но такъ какъ тамъ они выступали не вполне ясно, то, вслѣдствіе новизны факта, не были поняты; предполагалось, что они были слѣдствіемъ гніенія пней большихъ деревьевъ. При изслѣдованіи же настоящаго могильника вполне выяснилось, что это были не пни, а настоящія деревянные столбы. Въ нѣкоторыхъ курганахъ ихъ было по два, въ другихъ по одному. Начинаясь въ верхнихъ слояхъ курганной насыпи, они опускались внизъ на аршинъ или полутора аршина *ниже уровня земли*. При круглой формѣ они имѣли около $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ. Въ одномъ курганѣ обнаружены были даже куски сосноваго дерева, вертикальное направленіе слоевъ котораго показывало направленіе столбовъ. Въ песчаныхъ насыпяхъ кургановъ деревянные столбы оставили по себѣ слѣды въ видѣ круглыхъ вертикальныхъ слоевъ чернозема.—

Въ этомъ же могильникѣ, именно, въ курганѣ, расположенномъ въ урочищѣ *Горки подъ Котловицами*, найденъ *железный топоръ*, лежащій на почвенномъ слоѣ среди пепелища.

Шкураты—Пожарки—Михуличи. На правомъ берегу р. Брагинки, по большой почтовой дорогѣ, идущей изъ м. Брагина чрезъ имѣнне Городище въ село Хойники, расположены три вышеназванна селенія. Между этими селеніями, почти непрерывною цѣлью тянется цѣлый рядъ кургановъ, которые для удобства обозрѣнія могутъ быть раздѣлены на двѣ половины: 1, къ *востоку* отъ селенія Пожарки и 2, къ *западу* отъ него. Всѣ эти могильники расположены въ заросляхъ, находящихся среди пахатныхъ полей. Многіе курганы, расположенные по краямъ могильниковъ, теперь уже распахиваются. Курганы, расположенные къ *востоку* отъ селенія Пожарки, находятся въ урочищѣ *Горки возлѣ Пашиковки* и дѣлятся на двѣ группы: въ одной изъ нихъ насчитывается до 100 кургановъ, въ другой—около 25. Въ свою очередь, курганы, находящіеся къ *востоку* отъ того же селенія, расположенные по пути изъ Пожарокъ въ Шкураты, точно также могутъ быть подраздѣлены на три группы, или вѣрнѣе сказать—они группируются около трехъ отдѣльныхъ центральныхъ пунктовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое отдѣльное центральное ядро: въ *первомъ* изъ нихъ, если вести счетъ отъ Пожарокъ, лежащемъ въ сосѣдствѣ съ теперешнимъ христіанскимъ кладбищемъ этой деревни, насчитывается 36 кургановъ, во *второмъ*—14, и въ *третьемъ*, лежащемъ ближе къ Шкуратамъ—87. Кромѣ этихъ основныхъ могильниковъ, по большой дорогѣ разбросано еще нѣсколько кургановъ, стоящихъ по одному, по два и служащихъ какъ бы связующими звеньями между основными группами. Въ общемъ, въ разсматриваемой мѣстности можно насчитать до 270 кургановъ. Мною произведены раскопки въ каждой изъ выше отмѣченныхъ пяти могильныхъ группъ, причемъ изслѣдовано 35 кургановъ.

Въ могильникѣ, расположенномъ въ урочищѣ *Горки возлѣ Пашиковки*, какъ сказано было, слѣдуетъ различать двѣ группы: *большую* и *меньшую*. Всѣ значительные курганы первой группы окружены полными рвами. Самый крупный изъ нихъ достигаетъ до 2 арш. 4 вершк. высоты, при 60 арш. окружности. Курганная насыпь, съ вѣшной стороны, имѣютъ видъ полушарій съ приплюснутыми вершинами. Въ раскопанныхъ *семи* курганахъ этой группы

обрядъ погребенія состоялъ въ *трупосожженіи*. Во всѣхъ этихъ курганахъ покойники *сожжены* были на почвенномъ слоѣ. Въ одномъ изъ нихъ остатки сожженныхъ костей собраны были въ урну (горшокъ) и оставлены на мѣстѣ сожженія. Въ остальныхъ шести курганахъ собранные остатки сожженныхъ костей найдены были *выше* почвеннаго слоя, на значительной высотѣ въ насыпи кургана. На почвенномъ же слоѣ, т. е. на мѣстѣ сожженія покойниковъ, оказались лишь *пепелища* съ слѣдами дѣйствія сильнаго огня. Затѣмъ, въ двухъ курганахъ кости собраны были въ урны и поставлены на глубинѣ, болѣе чѣмъ на полуаршинъ отъ поверхности насыпи. Въ остальныхъ четырехъ не оказалось урнъ, и только въ одномъ курганѣ попало нѣсколько черепковъ отъ битой посуды. Въ этихъ четырехъ курганахъ кости оказались ближе къ поверхности насыпи, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ (отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ арш.).—Къ числу выдающихся особенностей настоящаго могильника слѣдуетъ отнести фактъ присутствія въ двухъ курганахъ, среди человѣческихъ костей, *костей животныхъ*: въ одномъ случаѣ замѣчены кости крупнаго травояднаго—быка или лошади, въ другомъ кости небольшого животнаго—овцы или свиньи. Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что и въ *Куряныи* Малейки-Городищенскомъ въ одномъ курганѣ найденъ зубъ большаго травояднаго животнаго. Если же принять во вниманіе, что среди мелкихъ остатковъ пережженныхъ костей весьма трудно бываетъ отличить кости животнаго отъ костей человѣка, то за констатированнымъ только что фактомъ придется признать болѣе широкое распространеніе, чѣмъ это обнаружено моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Далѣе, въ двухъ курганахъ этого могильника обнаруженъ фактъ присутствія такихъ же деревянныхъ *столбовъ*, съ какими мы встрѣчались и въ предыдущемъ могильникѣ. При этомъ вполне удалось выяснитъ, что вершина столба начиналась на той же высотѣ, на какой находилось и небольшое собраніе жженныхъ костей съ кусками разбитаго горшка и что она вполне совпадала съ площадью, занятою костями. Для уясненія взаимнаго отношенія между костями и курганными столбами весьма важно будетъ отмѣтить еще слѣдующій фактъ. Въ одномъ курганѣ этого же могильника, начиная съ самаго перваго штиха насыпи, до одного аршина глубины, попадались кусочки мелкихъ жженныхъ костей. На глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. оказался цѣлый горшокъ со жженными костями, ко-

Изъ 8 кургановъ, раскопанныхъ въ *первомъ* могильникѣ, въ двухъ ничего не найдено; въ одномъ покойникъ погребенъ былъ въ ямъ глубиною въ 1 арш., въ деревянномъ гробу; въ остальныхъ пяти покойники похоронены были на *почвенномъ* слоѣ въ деревянныхъ гробахъ. Нѣкоторые изъ этихъ гробовъ сохранились такъ прекрасно, что есть возможность способъ приготовления ихъ описать съ полною точностью. Толщина колотыхъ сосновыхъ досокъ доходила до 2 вершковъ; концы ихъ отрублены были острымъ орудіемъ, правдоподобнѣе всего топоромъ. Гробы сдѣланы были изъ двухъ продольныхъ досокъ, двухъ поперечныхъ и верхней крышки; но нижней гробовой доски подмѣтить не удалось. Поперечныя доски поставлены были вертикально; продольныя же въ нѣкоторыхъ гробахъ оказались гораздо длиннѣе, чѣмъ это нужно было, такъ что въ головахъ и ногахъ оставались свободные концы длиною, около $\frac{1}{2}$ аршина. Гробы сбиты были желѣзными гвоздями. Любопытно то, что гробъ такого же приготовления оказался и въ той могилѣ, гдѣ покойникъ погребенъ былъ въ ямѣ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій фактъ *обжиганія гробовъ*, съ полною ясностью выступившій въ четырехъ курганахъ. Обжиганіе совершалось такимъ образомъ. Приготовленный изъ толстыхъ деревянныхъ досокъ гробъ сверху обкладывался толстымъ слоемъ березовой коры, которая въ одномъ случаѣ прибитая была къ верхней крышкѣ гроба желѣзнымъ гвоздемъ; затѣмъ березовая кора зажигалась. Когда кора воспламенялась и гробъ обугливался, его засыпали землею, послѣ чего огонь конечно потухалъ. Этимъ обжиганіемъ наши предки, очевидно, старались достигнуть того, что теперь достигается посредствомъ герметически закупоренныхъ гробовъ: обугленный гробъ, во первыхъ, самъ не скоро подвергался гніенію, во вторыхъ, онъ предохранялъ содержимое въ немъ отъ вліянія сырости.

Изъ раскопанныхъ пяти кургановъ *второй* Пожарковской группы въ двухъ покойники лежали въ *ямахъ*, изъ которыхъ одна имѣла въ глубину 1 арш., другая только $\frac{1}{4}$ арш.; въ остальныхъ трехъ покойники погребены были на *почвенномъ* слоѣ въ деревянныхъ гробахъ, сбитыхъ желѣзными гвоздями (въ двухъ случаяхъ).

Наконецъ въ *третьей* Пожарковской группѣ раскопано было 13 кургановъ. Въ шести изъ нихъ покойники погребены были на *почвенномъ* слоѣ, въ другихъ шести—въ *ямахъ*, глубина которыхъ не

вездѣ была одинакова: начная отъ $1\frac{1}{2}$ арш., она доходила до 2 арш. 10 в. Въ послѣднемъ случаѣ, при указанной глубинѣ, яма имѣла 5 арш. 5 вершк. въ длину и 3 арш. 4 в. въ ширину, такъ что представляла изъ себя нѣчто въ родѣ погребальной камеры. Такая глубина ямы въ данномъ случаѣ объясняется желаніемъ совершить погребальный обрядъ на подпочвенномъ слоѣ изъ бѣлаго песку. Во всѣхъ 12 курганахъ покойники лежали головами на западъ. Слѣды гробовъ обнаружены въ трехъ курганахъ: въ двухъ—съ погребеніемъ въ ямахъ и въ одномъ—съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ. Въ одномъ изъ первыхъ двухъ случаевъ гробъ обложенъ былъ березовою корою.—Между предметами погребальнаго обряда ничего типичнаго во всѣхъ трехъ послѣднихъ группахъ не найдено. Можно отмѣтить развѣ фактъ присутствія въ одномъ женскомъ ожерельи *аметистовыхъ* бусъ, которыя для данной мѣстности составляютъ большую рѣдкость. Посуда встрѣчается лишь въ видѣ отдѣльныхъ черепковъ и то въ насыпяхъ кургановъ.

Бросая общій взглядъ на данныя, добытыя при раскопкѣ трехъ послѣднихъ могильниковъ, которые составляютъ какъ бы три группы одного могильника, нельзя не обратить вниманія на отсутствіе единства въ формѣ погребальнаго обряда. Въ виду того, что съ погребальнымъ обрядомъ соединялось извѣстное религиозное представленіе, закрѣпившее выработанную норму, разнообразіе формъ погребальнаго обряда въ одномъ и томъ же могильникѣ является фактомъ, надъ которымъ должно остановиться вниманіе археолога. Курганы съ погребеніемъ въ ямахъ стоятъ на ряду съ курганами, въ которыхъ покойники погребены на поверхности земли, при чемъ курганы обомъ этихъ типовъ такъ перемѣшаны между собою, что провести между ними какую нибудь грань нѣтъ никакой возможности. А между тѣмъ на ряду съ этими двумя формами здѣсь встрѣчается еще третья—форма обжиганія гробовъ. Любопытно то, что въ одномъ курганѣ съ обжиганіемъ огонь проникъ внутрь гроба, такъ что костякъ оказался сильно обуглившимся. И такъ, еще одно мгновеніе и средство, употреблявшееся для сбереженія покойника, совершенно уничтожило бы его, и обрядъ зарыванія въ землю превратился бы, вопреки желанію погребавшихъ, въ обрядъ трупосожженія. Этотъ фактъ тѣмъ интереснѣе, что нѣчто аналогичное съ нимъ уже раньше встрѣчалось въ Моховскомъ могильникѣ. Во всякомъ

случаѣ для насъ важно то, что люди, хоронившіе своихъ покойниковъ на одномъ общемъ кладбищѣ и можетъ быть жившіе въ одномъ селеніи, одни зарывали покойниковъ въ землю, другіе хоронили ихъ на поверхности земли, третьи сверхъ того еще обжигали гробы, въ которыхъ покойники погребались. Какъ объяснить это явленіе, объ этомъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Урочище *Горки возлѣ Микуличскаго двора*. Могильникъ, носящій это названіе, находится къ западу отъ с. Микуличи возлѣ усадьбы Микуличскаго фольварка. Онъ является какъ бы продолженіемъ линіи, по которой растянута выше рассмотрѣнные группы кургановъ, и отстоитъ не больше трехъ верстъ къ западу отъ Пашковскаго могильника. Площадь, занятая микуличскими курганами, покрыта лѣсомъ, одиноко брошеннымъ среди пахатнаго поля. Между курганами этого могильника встрѣчается нѣсколько большихъ, крупнѣйшіе изъ которыхъ достигаютъ до 3½ арш. отвѣсной высоты и до 70 арш. въ окружности, при чемъ большіе не сгруппированы вмѣстѣ, а безъ всякой системы окружены средними и малыми. Многіе изъ нихъ, не только большіе, но и малые, окружены рвами. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитано 52, и кромѣ того отдѣльно въ полѣ расположено еще 8: въ одномъ мѣстѣ 1, въ другомъ 2, въ третьемъ 5. Мною раскопано 10 кургановъ изъ главной группы и 3 изъ числа 5-ти.

Раскопанные курганы Микуличскаго могильника дѣлятся на двѣ категоріи: въ десяти изъ нихъ покойники погребены были въ *ямахъ*, въ трехъ на *почвенномъ* слоѣ. Послѣдніе три относятся къ главной группѣ и принадлежатъ къ разряду незначительныхъ по объему, такъ что съ значительною вѣроятностью можно утверждать, что если не во всѣхъ, то въ большинствѣ малыхъ по объему кургановъ, практиковался обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ, тогда какъ въ самыхъ крупныхъ изъ нихъ несомнѣнно покойники хоронились въ *ямахъ*. Особенность кургановъ этого втораго типа состоитъ въ значительной *сложности* погребальнаго обряда, чѣмъ Микуличскій могильникъ вообще выдѣляется изъ ряда другихъ могильниковъ, изслѣдованіемъ которыхъ я занимался. Сложность эта выступаетъ прежде всего въ устройствѣ могилъ. Обычныя въ этой мѣстности короткія и узкія ямы, приспособленныя обыкновенно къ величинѣ гроба, здѣсь значительно увеличиваются въ объемѣ, такъ что, по

опущеніи въ нихъ гроба, кругомъ остается еще значительное пустое пространство, величина котораго не можетъ быть однакожь подведена подъ опредѣленную норму. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ разсматривать и то обстоятельство, что полагаемая въ могилу принадлежности погребальнаго обряда кладутся частію въ гробу при самомъ покойникѣ, частію же отдѣльно, внѣ гроба. Особенно важно то, что даже такіе предметы, какъ огниво, кремь, сѣра и губка, встрѣчающіеся въ другихъ могильникахъ обыкновенно у бедра покойника въ особой сумкѣ, здѣсь, наряду съ нѣкоторыми другими принадлежностями имущества покойника, кладутся внѣ гроба, отдѣльно. Къ числу особенностей этого могильника слѣдуетъ отнести также употребленіе известки, какъ для обмазыванія стѣновъ могилъ, которыя въ такомъ случаѣ приближаются къ могильнымъ склепамъ, такъ и для засыпанія гробовъ. Въ крупныхъ по объему курганахъ известка начинаетъ попадаться на поверхности ямъ; чѣмъ глубже, тѣмъ количество ея увеличивается и, наконецъ, вокругъ гроба она преобладаетъ; но любопытно то, что известка въ данномъ случаѣ употреблялась въ сыромъ видѣ, не пережженная или мало обожженная. Въ виду полнаго отсутствія въ данной мѣстности извести (свидѣтельство мѣстнаго помѣщика), фактъ употребленія ея при похоронахъ показываетъ, что обычай этотъ развился, по всей вѣроятности, гдѣ то въ другой мѣстности и что народъ, державшійся этого обычая, повидимому, еще сравнительно недавно появился въ данной области, и, встрѣтившись здѣсь съ затрудненіями относительно поддержанія этого обычая, сталъ измѣнять его, что выразилось въ томъ, что въ нѣкоторыхъ могилахъ известка замѣняется березовой корой,—фактъ, не составляющій исключенія въ данной мѣстности.—Есть много характернаго и въ предметахъ, которые попадаютъ въ курганахъ мѣстнаго могильника. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить сравнительно значительный процентъ кургановъ съ оружіемъ: въ четырехъ курганахъ (изъ 13) найдены желѣзные топоры, находившіеся у праваго или лѣваго бедра; и кромѣ того въ одномъ изъ этихъ же четырехъ кургановъ найденъ сравнительно длинный желѣзный ножъ, находившійся у лѣвой берцовой кости (засапожный), который скорѣе можетъ быть отнесенъ въ разрядъ оружія, чѣмъ къ орудіямъ домашняго обихода: по крайней мѣрѣ, и по своей длинѣ (самое левіе $3\frac{1}{2}$ вершка), и по своему мѣстонахожденію онъ отли-

новъ, которая распадается на два могильника, раздѣленныхъ пространствомъ около одной версты: 1, *возль Дубовицы* и 2, *возль Заужелья*. Въ первомъ могильникѣ насчитывается около 113 кургановъ, во второмъ около 70. Въ первомъ, въ свою очередь, можно отмѣтить нѣсколько центровъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга значительной глубины ярами. Вокругъ многихъ кургановъ обѣихъ группъ замѣтны рвы. Самые крупные изъ нихъ достигаютъ до 2½ арш. высоты и до 70 арш. въ окружности. Однообразіе внѣшней формы отсутствуетъ. Въ Холмечскомъ могильникѣ мною раскопано 29 кургановъ: 13 въ дубовицкой группѣ и 16 въ заужельской.

Изъ 13 кургановъ дубовицкой группы въ *одномъ* открыты признаки *трупосожженія*: на почвенномъ слое оказалась куча пережженныхъ костей, смѣшанныхъ съ золою и древеснымъ углемъ. Въ *двухъ* курганахъ оказались *груды костей разныхъ животныхъ*. Въ остальныхъ *десяти* покойники погребены были на *почвенномъ слое* съ обычнымъ обращеніемъ головы на западъ. Нѣкоторые покойники положены были въ деревянныхъ гробахъ, сбитыхъ желѣзными гвоздями. Одинъ гробъ обложенъ былъ березовою корою; возлѣ этого же гроба обнаружены слѣды извести. Въ этомъ именно гробу, поверхъ костяка женщины, длиною 2 арш. 6 в., обнаруженъ былъ костякъ маленькаго ребенка, лежавшаго на большомъ костякѣ тѣлѣ, что голова его приходилась возлѣ лѣваго плеча женщины, а ножки—возлѣ праваго бедра. Правую руку женщины ребенокъ придерживался въ верхней своей части, лѣвою—въ нижней. Головной черепъ женщины въ лобной своей части съ лѣвой стороны прибитъ былъ тупымъ орудіемъ. Изъ предметовъ, найденныхъ въ этихъ курганахъ, заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующіе. Въ двухъ курганахъ найдены желѣзные топоры: одинъ большой, т. е. обыкновенный по величинѣ, другой маленькій въ родѣ маленькаго молотка, длиною 1½ вершка и шириною (у лезвія) 1 вершокъ. Въ двухъ курганахъ найдены чашки изъ кости мѣстной черепахи: въ одномъ курганѣ—двѣ, въ другомъ—одна. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ два кургана, наполненные костями животныхъ. Оба они принадлежатъ къ числу самыхъ крупныхъ въ могильникѣ. Въ одномъ изъ нихъ, въ насыпи кургана, на глубинѣ 1 арш. отъ поверхности насыпи, оказалась громадная куча костей, между которыми ясно удалось отличить: шесть головъ быка, двѣ головы лошади, три головы домашней вozy и массу дру-

гихъ костей, принадлежавшихъ названнымъ животнымъ. Всѣ эти кости свалены были въ беспорядкѣ. Ниже костей, на самой поверхности земли (высота насыпи 2 арш. 6 в.), обнаружены были слѣды круглой ямы, которая на глубинѣ 1 аршина имѣла до 2½ арш. въ діаметрѣ. На днѣ ямы, состоявшей изъ бѣлаго песку, составляющаго подпочвенный слой, оказалась подстилка изъ березовой коры. Въ этой-то ямѣ оказалась новая, уже небольшая кучка костей, среди которыхъ удалось подмѣтить нѣсколько головъ овцы и одну голову свиньи. Въ другомъ курганѣ того же типа (высота 2 арш. 9 в., окр. 69 арш.), на почвенномъ слоѣ, съ сѣверной стороны, обнаружено кострище, остатки котораго, состоящіе изъ угля и жженыхъ костей, собраны вмѣстѣ; тутъ же по одиночкѣ разбросаны были куски разбитаго глинянаго горшка, сдѣланнаго на гончарномъ станкѣ. Въ центрѣ кургана, въ нѣкоторомъ углубленіи, оказалась масса костей быка, свиньи, собаки, волка (?) и множество костей птицъ, начиная отъ гуся и оканчивая самыми мелкими породами. Ниже, подъ костями, оказались куски смѣшанной съ золою глины, подвергшейся сильному дѣйствию огня. Эти почти окаменѣвшія груды глины представляютъ, очевидно, слѣды огнища, которое находилось гдѣ-то по сосѣдству и на которомъ, вѣроятно, приготавливались въ пищу всѣ указанные животныя и птицы. Подъ насыпью этого же кургана, съ восточной стороны, обнаруженъ большой запасъ березовой коры, которая, повидимому, въ данномъ случаѣ замѣняла дрова. Въ промежуткѣ между складомъ коры и грудой костей найдено бронзовое литое колечко съ прикрѣпленнымъ къ нему уголькомъ, яснымъ доказательствомъ того, что кольцо находилось въ огнѣ и принадлежало, вѣроятно, сожженному покойнику.—Таково содержаніе обоихъ этихъ кургановъ. Во второмъ курганѣ почти все понятно: кострище обнаруживаетъ слѣды совершеннаго трупосожженія; кости птицъ и животныхъ представляютъ остатки богатой тризны; груды обожженной глины говорятъ о мѣстѣ, на которомъ справлялась тризна; березовая кора служила прекраснымъ горючимъ матеріаломъ при сожженіи тризны; а можетъ быть березовая кора играла видную роль и при сожженіи покойника. Но что сказать о первомъ курганѣ? Допустимъ, что кости животныхъ этого кургана точно также представляютъ остатки похоронной тризны. Допустимъ также, что самъ покойникъ, по которомъ совершалась эта тризна, погребенъ гдѣ ни-

будь по сосѣдству, подъ другимъ курганомъ. Но что значить второе собраніе костей животныхъ, погребенныхъ въ нижнемъ ярусѣ, при обстановкѣ, говорящей о большомъ въ немъ вниманіи погребавшихъ? Эти кости не просто засыпаны были землею; они погребены были совершенно такъ же, какъ погребались люди. Уже самое отдѣленіе костей нижняго яруса отъ костей верхняго яруса показываетъ, что между ними была какая-то разница. Не умѣя объяснить этого факта, я позволю себѣ высказать лишь слѣдующую догадку. Въ Минской губерніи по мѣстамъ попадаются каменные изображенія разныхъ живыхъ существъ. Мнѣ, напр., лично приходилось видѣть изображеніе каменнаго змія. Извѣстенъ также фактъ существованія каменнаго гуся. Эти каменные изображенія, конечно, ничто иное, какъ языческіе идолы. Такое объясненіе не противорѣчитъ существующему взгляду на возрѣніе Славянъ на природу. Но если у нашихъ предковъ существовали изображенія боготворимыхъ существъ, то, конечно, могли существовать и религіозные культы въ честь ихъ. Нельзя-ли, поэтому, въ содержимомъ настоящаго загадочнаго кургана видѣть слѣды проявленія религіознаго культа въ честь какаго нибудь животнаго? Возможно, напр., что въ этомъ курганѣ погребено было какое нибудь священное животное, вмѣстѣ съ которымъ зарыты были и другія животныя по аналогіи съ тѣмъ, какъ, напр., съ знатными людьми погребали ихъ рабовъ, женъ, ихъ имущество и т. д. Къ сожалѣнію, оказавшіяся въ ямѣ кости найдены были въ такомъ положеніи и состояніи, что разобраться въ нихъ было трудно. На основаніи того общаго впечатлѣнія, которое получилось при вскрытіи этого кургана, я рисую себѣ слѣдующую картину, за соотвѣтствіе которой дѣйствительности однакожь не ручаюсь. Сначала, повидимому, изрѣзано было въ куски нѣсколько мелкихъ животныхъ (овецъ и свиней), которыя брошены были на дно ямы и сверху присыпаны были землею. Затѣмъ, повидимому цѣликомъ, положено было новое животное болѣе нѣжнаго сложенія, можетъ быть собака (голова не отыскана), и опять присыпано было землею. Далѣе слѣдовалъ остовъ домашней козы, которая, повидимому, зарыта была въ стоячемъ положеніи, потому что голова ея оказалась выше остальныхъ костей. Значительно выше, наконецъ, закопана была главная масса костей, которыя, по всей вѣроятности, были остаткомъ совершеннаго пиршества.—Если же оставить въ сторонѣ все то, что от-

восится къ области лишь вѣроятнаго и что могло явиться слѣдствіемъ разнаго рода случайностей, то все же несомнѣннымъ въ разсматриваемомъ курганѣ должно быть признано то, что дно ямы съ особымъ вниманіемъ приготовлено было къ погребенію одного или нѣсколькихъ животныхъ, съ которыми въ сознаниі погребавшихъ соединялось какое то особенное представленіе.

Изъ 16 кургановъ Заужельскаго могильника въ двухъ прямыхъ слѣдахъ погребальнаго обряда не обнаружено, въ трехъ оказались *кострища на почвенномъ слоѣ*, а въ остальныхъ 11 найдены костяки, лежавшіе *на почвенномъ слоѣ* въ обычномъ направленіи, при полномъ почти отсутствіи гробовъ; только въ одномъ курганѣ обнаружены слѣды разложившихся гвоздей, которыми, вѣроятно, сбитъ былъ деревянный гробъ. Изъ предметовъ, найденныхъ въ этомъ могильникѣ, бросаются въ глаза, во первыхъ, чашка головного черепа, лежавшая возлѣ правой руки покойника, у головы котораго сваленъ былъ остовъ другаго челоуѣка съ остальной частью головныхъ костей, во вторыхъ, арабская серебряная монета X вѣка и византійская монета Константина Порфиророднаго (948—959).

Въ разстояніи около 14 верстъ къ сѣверу отъ м. Холмечь лежитъ дер. *Леваши*. Къ сѣверу отъ этой деревни, вблизи фольварка *Бригидово*, расположенъ могильникъ въ урочищѣ *Казаковъ Садъ*, которое находится на правомъ высокомъ берегу Днѣпра и отдѣляется отъ послѣдняго луговою полоскою. Площадь, занятая могильникомъ, покрыта густымъ молодымъ дубнякомъ, необыкновенная густота котораго не позволяла точно опредѣлить числа кургановъ. Говоря приблизительно, ихъ здѣсь насчитывается до 150. Почти всѣ курганы этой группы отличаются хорошою сохранностью; многіе оканчиваются острыми вершинами; около многихъ видны слѣды рововъ. Самые крупные изъ нихъ достигаютъ до $4\frac{1}{2}$ арш. высоты и больше 80 арш. въ окружности.—По сосѣдству съ этимъ главнымъ могильникомъ, на пахатномъ полѣ, расположены еще двѣ группы, изъ которыхъ одна совершенно распахана; другая, нѣсколько болѣе сохранившаяся, находится вблизи самой усадьбы Бригидово. По объему курганы этой группы незначительны; нѣкоторые изъ нихъ кругомъ опажаны, другіе совсѣмъ распаханы. Всѣхъ ихъ въ настоящее время можно насчитать до 25; они группируются около двухъ центровъ, раздѣленныхъ пространствомъ приблизительно въ 100 аршинъ. Въ урочищѣ

Казяковъ Садъ раскопано 13 кургановъ, а въ Бригидовскомъ могильникѣ только 3.

Изъ 13 кургановъ, раскопанныхъ въ урочищѣ Казяковъ Садъ, въ двухъ слѣдовъ погребальнаго обряда не обнаружено, въ другихъ двухъ покойники погребены были на *почвенномъ* слой въ обычномъ направленіи; а въ остальныхъ 9 курганахъ оказались слѣды *трупосожженія*: кострища оказались на *поверхности земли*; здѣсь сожжены были покойники и здѣсь же оставлены были собранные въ кучу остатки кострищъ съ пережженными костями. Почти во *всѣхъ* этихъ курганахъ попадались куски битыхъ глиняныхъ горшковъ, въ которыхъ, судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, приносился огонь для зажигания костра. Между этими 9 курганами одинъ оказался съ такими особенностями, которыя даютъ право отнести его къ разряду такъ называемыхъ *тажмыгъ*. По объему онъ принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ въ могильникѣ (Вис. 4 арш. 2 в. Окр. 81 арш.). На глубинѣ одного аршина отъ поверхности насыпи, ближе къ южной сторонѣ кургана, найденъ костякъ, обращенный головою на западъ. Сѣвернѣе его, на томъ же уровнѣ, обнаруженъ другой костякъ, положенный въ томъ же направленіи; у праваго бедра этого костяка найденъ обычный желѣзный ножикъ. На этомъ же уровнѣ оказались черепки отъ большого глинянаго сосуда. Ниже, на глубинѣ около 1¹/₂ арш. отъ поверхности насыпи, оказалось кострище съ остатками сожженныхъ костей. На самомъ почвенномъ слой обнаружены слѣды другого кострища или вѣриѣ—пенелница; въ самомъ центрѣ кургана найденъ слой золы около 1/4 арш. толщиной, въ которомъ попадались микроскопическія частицы сожженныхъ костей. Толщина слоя, въ направленіи отъ центра въ периферію, уменьшалась. Самая зола въ разныхъ мѣстахъ окрашена была въ разные цвѣта—слѣды сожженныхъ предметовъ. Итакъ, въ этомъ курганѣ совершенно ясно выступаютъ три отдѣльныхъ яруса и двѣ существенно отличныхъ формы погребальнаго обряда. Самый обрядъ трупосожженія въ среднемъ ярусѣ, повидимому, не тотъ, что въ нижнемъ ярусѣ. Въ нижнемъ ярусѣ покойникъ сожженъ былъ на большомъ огнѣ, который испепелилъ множество предметовъ, сожженныхъ съ покойникомъ. Объ этомъ говоритъ толстый слой золы, перемѣшанный съ разноцвѣтными остатками какъ-то не только органическихъ вообще, но и животныхъ, предметовъ. Тутъ, повидимому, мы

разложенію и найдены въ беспорядкѣ. Въ большей части кургановъ найдены разбитые горшки, находившіеся на одномъ уровнѣ съ костяками, но не занимавшіе въ отношеніи къ нимъ одного определеннаго положенія. Въ одномъ курганѣ, на ряду съ костякомъ, въ сѣверо-западномъ углу, найдено небольшое собраніе *обожженныхъ* костей и тутъ же куски разбитаго горшка. Были-ли это кости человека, или животнаго, опредѣлить нельзя было. Въ другомъ курганѣ оказалось два костяка, лежавшіе рядомъ параллельно другъ другу. Наконецъ, въ третьемъ курганѣ нижняя часть костяка оказалась въ такомъ положеніи, какъ будто бы покойникъ при погребеніи поставленъ былъ на колѣняхъ. Между предметами этого могильника заслуживаютъ вниманія характерныя бубенчики выше указаннаго типа.

Къ сѣверо-востоку отъ д. Яновки, въ разстояніи около 4 верстъ отъ нея, лежитъ д. *Адамовка*, а въ сосѣдствѣ съ нею, въ томъ же направленіи отъ Яновки, расположены еще два селенія: дер. *Степановка* и село *Засна*. Площадь, находящаяся между этими тремя селеніями, представляетъ равнину, насколько помнитъ мѣстное населеніе, никогда не бывшую подъ большимъ лѣсомъ. На этой равнинѣ, которая въ центрѣ нѣсколько возвышается, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ Днѣпра, расположены 4 группы кургановъ: двѣ изъ нихъ лежатъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ деревнями Адамовкой и Степановкой; другія двѣ, какъ бы параллельныя первымъ, расположены въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты къ сѣверо-востоку отъ первыхъ, ближе къ с. Заснѣ, и занимаютъ самый возвышенный пунктъ настоящей равнины; такъ что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ двѣ адамовскія и двѣ степановскія группы. Многіе изъ злѣшнихъ кургановъ совершенно распаханы; уцѣлѣвшіе сохранили форму полушарій то съ тупыми, то съ болѣе острыми вершинами. Болѣе другихъ уцѣлѣла (Степановская группа № 1, т. е. ближайшая къ деревнѣ. Къ этой же группѣ принадлежитъ и самый большій курганъ по объему, достигающій до 4 арш. высоты при 71 арш. въ окружности. Въ центрѣ четырехъугольника, образуемаго четырьмя указанными курганными группами, поле, на пространствѣ около трехъ десятковъ, усѣяно черепками отъ глиняной посуды: по способу приготовленія значительная часть черепковъ носитъ на себѣ слѣды очень грубой, первобытной работы. Всѣхъ кургановъ въ этихъ четырехъ могильникахъ насчитано 202. По отдѣльнымъ группамъ они распредѣляются та-

кимъ образомъ: въ адамовской группѣ № 1 всѣхъ кургановъ 33, мною раскопано 9; въ адамовской № 2 всѣхъ 40, раскопано 10; въ степановской № 1 всѣхъ 97, раскопано 15, въ степановской № 2 всѣхъ 32, раскопаны только 1. Слѣдовательно, всѣхъ кургановъ въ этихъ четырехъ группахъ мною раскопано 35.

Господствующей формой погребенія во всѣхъ этихъ могильникахъ былъ обрядъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ. Отступленіе отъ этой нормы встрѣтилось лишь въ 7 курганахъ, изъ которыхъ въ 4 покойники погребены были въ *ямахъ*, а въ 3 оказались слѣды *трупосожженія*. По отдѣльнымъ группамъ эти 7 кургановъ распределены были такимъ образомъ: 3 кургана съ погребеніемъ въ *ямахъ* принадлежали адамовской группѣ № 2, а 1—степановской № 1. Что касается кургановъ съ трупосожженіемъ, то всѣ они принадлежали степановской группѣ № 1. Любопытно то, что во всѣхъ 4 курганахъ съ погребеніемъ въ *ямахъ* костяки совершенно не сохранились; отъ погребальнаго обряда въ этихъ курганахъ, подъ однимъ изъ которыхъ оказалось двѣ могильныхъ ямы, сохранились лишь темныя пятна,—слѣды разложившихся предметовъ (гроба и костяка), а въ одной могилѣ кромѣ того сохранился горшокъ. Это обстоятельство легко объясняется необыкновенною сыростью подпочвеннаго слоя, состоящаго изъ красной глины: на глубинѣ одного аршина, гдѣ начинается слой глины, здѣсь уже начинаетъ выступать вода; а между тѣмъ на этомъ именно слоѣ въ данномъ случаѣ и погребены были покойники. Возможно поэтому, что самый обрядъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ былъ уступкой условіямъ, бороться съ которыми оказалось невозможнымъ: погребать покойниковъ въ *ямахъ*—это значило почти тоже, что опускать ихъ въ воду, а поэтому въ силу необходимости стали хоронить ихъ на поверхности земли. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ томъ, что указанные немногіе курганы съ погребеніемъ въ *ямахъ* были первымъ опытомъ появившагося въ данной мѣстности населенія, опытомъ, современнымъ основанію этихъ могильниковъ.

Курганы съ трупосожженіемъ принадлежали, какъ сказано было, степановской группѣ № 1. Курганы этой группы вытянулись длинной полосой въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Большинство курганныхъ насыпей этой группы принадлежитъ къ разряду незначительныхъ по объему. Но между ними рѣзко выдѣляется три

къ которому принадлежатъ оба эти кургана, по характеру находимыхъ въ могълахъ предметовъ, принадлежитъ къ разряду богатыхъ: кромѣ предметовъ, цѣнныхъ по металлу (серебряныхъ и золотыхъ), здѣсь попадаются предметы несомнѣнно привозные, свидѣтельствующе о существованіи у даннаго народа торговли. Вотъ почему этого могильника нельзя сопоставить съ могильниками тѣхъ первобытныхъ народовъ, у которыхъ, вслѣдствіе ничтожества ихъ культурнаго развитія, березовая кора является необходимою и единственною принадлежностью погребальнаго комфорта. Не лишне, далѣе, будетъ отмѣтить, что между раскопанными въ рассматриваемыхъ могильникахъ курганами нѣсколько оказалось такихъ, въ которыхъ погребено было по нѣскольку покойниковъ. Раньше уже замѣчено было, что подъ одною насыпью обнаружено было двѣ ямы, отдѣленныхъ одна отъ другой тонкимъ простѣвкомъ; въ другомъ курганѣ оказались два костяка (мужской и женскій), лежавшихъ рядомъ; въ третьемъ курганѣ, вмѣстѣ съ костякомъ зрѣлаго человѣка (длиною 2 арш. 8¼ вершка), обнаружены остатки дѣтскаго костяка, лежавшаго возлѣ головы (съ лѣвой стороны) перваго. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ четвертый курганъ, который можетъ быть названъ семейнымъ. Здѣсь, въ одномъ деревянномъ гробу, сбитомъ желѣзными гвоздями, оказались три костяка: два принадлежали взрослымъ людямъ, одинъ дѣтскій. Костяки взрослыхъ людей, плотно прилегая одинъ къ другому, находились въ слѣдующемъ положеніи: мужской костякъ, длиною 2 арш. 10 в., лежалъ на лѣвомъ боку; костякъ женскій, длиною 2 арш. 5 в., лежалъ на правомъ боку; лица покойниковъ, обращенныя одно къ другому, непосредственно соприкасались между собою. Мужчина правою рукою обнималъ у пояса женщину; лѣвая рука женщины, находясь подъ правою рукою мужчины, опущена была къ поясу послѣдняго; обѣ верхнія ноги (мужчины и женщины) лежали параллельно одна другой; правая (нижняя) бедровая кость женщины покрывала лѣвую (нижнюю) бедровую кость мужчины. За спиною мужчины, приблизительно у пояса его, лежалъ дѣтскій костякъ, обращенный головою къ ногамъ большаго костяковъ и, слѣдовательно, какъ бы смотрѣвшій имъ въ лицо.—Что касается, наконецъ, предметовъ, найденныхъ въ курганахъ, то здѣсь я позволю себѣ отмѣтить лишь слѣдующее. Въ одномъ курганѣ найдена небольшая, но очень характерная, серебряная бланка, приби-

тая въ кусочку дерева четырьмя серебряными гвоздиками. И сама бляшка, и способъ приерѣвленія ея очень много напоминаетъ собою бляшки, которыми, въ одномъ изъ мивуличскихъ кургановъ, озовано было деревянное ведро. Въ другомъ курганѣ, у праваго бедра мужскаго костяка, оказался небольшой (совершенно разложившійся) кожаный мѣшочекъ, застегивавшійся при посредствѣ небольшой бронзовой пряжки; въ мѣшочкѣ хранились: огниво, камень, сѣра и точильный оселокъ. Послѣдній фактъ заслуживаетъ вниманія потому, что онъ позволяетъ точно опредѣлить назначеніе небольшихъ бронзовыхъ пряжекъ, которыя встрѣчаются и въ другихъ курганахъ, но тамъ назначеніе ихъ не выступаетъ съ такою ясностью.

Сѣвернѣе д. Степановки, по пути изъ этой деревни въ д. *Горошковъ*, расположенъ новый могильникъ, въ которомъ теперь насчитывается до 41 кургана. Ни по объему, ни по формѣ курганы эти не представляютъ ничего характернаго. Площадь, занятая могильникомъ, покрыта лѣсомъ, часть котораго расчищена подъ поле.

Въ этомъ могильникѣ раскопано 6 кургановъ. Во всѣхъ ихъ найдены костяки, лежавшіе на *почвенномъ* слоѣ и обращенные головами на западъ. Въ нѣкоторыхъ курганахъ попадались желѣзные гвозди, которыми, очевидно, сбиты были деревянные гробы. Словомъ, по формѣ погребальнаго обряда этотъ могильникъ принадлежитъ къ тому же типу, къ которому принадлежатъ и предшествующіе могильники. Изъ особенностей этого могильника можно отмѣтить развѣ слѣдующій фактъ: въ одномъ курганѣ оказалось два покойника, причемъ ручныя и тазовыя кости одного изъ нихъ (праваго) сложены были возлѣ головы.

Въ разстояніи около 10 верстъ къ сѣверу отъ с. Засны находится деревня *Казаевока*. Въ разстояніи около двухъ верстъ къ сѣверу отъ этой деревни, по пути въ г. Рѣчицу, лежитъ небольшая группа кургановъ, въ которой насчитывается 12 насыпей. Площадь, занятая этимъ могильникомъ, покрыта рѣдкимъ, больше кустарниковымъ, лѣсомъ, брошеннымъ среди пахатныхъ полей. Самый большій курганъ въ этой группѣ подымается не выше 2 арш. Внутренность трехъ самыхъ большихъ въ группѣ кургановъ раскопана кладочка-телями, которые, впрочемъ, до уровня, на которомъ находились костяки, не докопались.

Во всѣхъ 7 раскопанныхъ курганахъ этой группы покойники погребены были въ *ямахъ* глубиною въ 1 арш., на подпочвенномъ слоѣ изъ красной глины. Въ одномъ курганѣ удалось замѣтить, что этою же глиною вымазаны были стѣнныя могилы. Въ нѣкоторыхъ могилахъ сохранились остатки деревянныхъ гробовъ. Въ трехъ курганахъ найдено по два костяка, которые въ двухъ могилахъ лежали въ отдѣльныхъ ямахъ, раздѣленныхъ простѣнкомъ въ $\frac{1}{2}$ арш., въ третьей могилѣ они лежали рядомъ въ одной ямѣ.

Въ сосѣдствѣ съ этимъ могильникомъ, въ разстояніи около $\frac{3}{4}$ версты отъ д. Казазаевки, надъ озеромъ „Вышняя рѣчка“, въ урочищѣ „Дивій лугъ“, расположенъ другой могильникъ, въ которомъ выдѣляется гигантскихъ размѣровъ курганъ подъ названіемъ *Олотовы* или *Волотова* могила, имѣвшая 150 арш. въ окружности. За исключеніемъ Олотовой могилы, всѣ курганы этой группы настолько незначительны по объему, что, при собираніи свѣдѣній о курганахъ, Волостнымъ Правленіемъ они не были даже замѣчены. Въ настоящее время значительная часть кургановъ этой группы раскопана грабарами при сооруженіи желѣзной дороги. Въ это же время вертикальными слоями раскопана и большая часть Олотовой могилы. Что найдено въ этой могилѣ грабарами, Казазаевцы не знаютъ; но въ другомъ курганѣ, небольшомъ по объему, по свидѣтельству послѣднихъ, найденъ желѣзный *топоръ*, по описанію, той же формы, какая является господствующею и въ другихъ могильникахъ этой области. Мною лично въ этомъ могильникѣ раскопанъ лишь одинъ курганъ, въ которомъ покойникъ погребенъ по тому же обряду, какъ и въ предыдущемъ могильникѣ.

Въ сосѣдствѣ съ этими двумя могильниками, на пахатномъ полѣ, находился третій. Но при самомъ посѣщеніи площадь, занятая имъ, была засѣяна яровымъ хлѣбомъ, при чемъ точно опредѣлить мѣсто нахожденіе кургановъ оказалось невозможныхъ; очевидно, всѣ они въ настоящее время совершенно распаханы.

Въ 3 верстахъ къ юго-западу отъ д. Казазаевки и приблизительно въ такомъ же разстояніи отъ г. *Рычицы*, находится новый могильникъ, извѣстный Казазаевцамъ подъ названіемъ „*Курганы за Свиридовскимъ шляхомъ*“. Это курганье расположено среди густаго вѣковаго бора. На нѣкоторыхъ курганахъ попадаются деревья до $4\frac{1}{2}$ арш. въ обхватѣ. Въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты отъ могиль-

ника находится „долгое“ болото, часть котораго носить названіе „Дрягва“. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитано 72. Болѣе крупныя изъ нихъ достигаютъ до 3 арш. отвѣсной высоты, при 70 арш. въ окружности. Около самыхъ курганныхъ насыпей по объему замѣтны полныя рвы. Мною изслѣдовано 15 кургановъ.

По формѣ погребальнаго обряда курганы этого могильника не отличаются однообразіемъ. Въ 2 курганахъ покойники зарыты были въ *ямахъ*; въ 4—на *почвенномъ* слоѣ; а въ остальныхъ 9 встрѣтился обрядъ *трупопожженія*. Во всѣхъ послѣднихъ курганахъ покойники сожжены были на почвенномъ слоѣ; но съ остатками кострища не вездѣ поступлено было одинаково. Въ 7 случаяхъ остатки сожженныхъ костей и древеснаго угля оказались въ верхнихъ слояхъ курганныхъ насыпей. На почвенномъ же слоѣ въ такомъ случаѣ обнаружены были лишь пепелища съ мелкими остатками пережженныхъ костей. Тутъ же изрѣдка попадались нѣкоторые не сгорѣвшіе предметы (каменная буса) и нѣредко куски битой посуды, причемъ, въ одномъ случаѣ, на внутренней сторонѣ горшка, замѣчены слѣды древеснаго угля,—новое подтвержденіе того предположенія, что въ горшкахъ, по всей вѣроятности, приносился огонь на могилу. Что касается двухъ остальныхъ кургановъ этого типа, то въ нихъ остатки кострища оставлены были на томъ же мѣстѣ, гдѣ покойники и сожжены были, т. е. на почвенномъ слоѣ; съ той только разницею, что въ то время какъ въ одномъ курганѣ они брошены были въ беспорядкѣ, въ другомъ курганѣ кости собраны были въ горшокъ, который покрытъ былъ черепкомъ отъ другаго горшка, остальные части котораго тутъ же разбросаны были.

Курганъ за Свиридовскимъ шляхомъ было послѣднимъ могильникомъ, изслѣдованнымъ мною въ настоящую экскурсію. Но нѣсколько раньше мною же раскопано было 8 кургановъ въ сосѣдней могильной группѣ, расположенной въ четырехъ верстахъ въ западу отъ г. Рѣчицы, между деревнями Ребуса и Гориводы. Здѣсь погребальный обрядъ тоже оказался смѣшаннымъ: въ однихъ (5) курганахъ покойники зарыты были на *почвенномъ* слоѣ, въ другихъ (3) они сожжены были и кости оставлены на мѣстѣ сожженія въ урнахъ и безъ урнъ.

Таковъ тотъ археологическій матеріалъ, который мнѣ удалось собрать во время послѣдней археологической экскурсіи. Изъ сказан-

наго видно, что всѣхъ кургановъ на этотъ разъ мнѣ удалось раскопать 245. Если исключить изъ этого числа 8 такихъ, въ которыхъ ясныхъ признаковъ погребенія обнаружить не удалось, то всѣ остальные 237 могутъ быть раздѣлены на слѣдующія три категоріи: 1) въ 144 курганахъ покойники погребены были на *почвенномъ* слоѣ, 2) въ 36—зарыты были въ *ямахъ* и 3) въ 58 курганахъ обнаружены слѣды *трупосожженія*. Итакъ, первое, что бросается въ глаза при самомъ общемъ знакомствѣ съ добытыми мною въ этотъ разъ археологическими данными,—это безразличное чередованіе на сравнительно небольшой территоріи трехъ своеобразныхъ формъ погребальнаго обряда. Это безразличіе выступитъ еще рельефнѣе, если обратить вниманіе на то, что указанные три формы нерѣдко всѣ встрѣчаются въ одномъ и томъ же могильникѣ. Изъ изслѣдованныхъ мною 23 курганныхъ группъ, которыя могутъ быть признаны отдѣльными могильниками, только 10 оказалось такихъ, въ которыхъ та или другая погребальная форма выступаетъ въ чистомъ своемъ видѣ, безъ примѣси другихъ. Именно: въ 6 могильникахъ встрѣтилась только форма погребенія на почвенномъ слоѣ, въ 3—только форма трупосожженія и въ 1—только форма зарыванія въ ямахъ. Да и эти цифровыя данныя едва-ли могутъ быть признаны вполне точными, такъ какъ почти ни одинъ изъ этихъ 10 могильниковъ вполне не изслѣдованъ. Только относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можно утверждать, что въ нихъ другая погребальная форма не встрѣтилась бы, такъ какъ громадное большинство кургановъ этихъ могильниковъ было раскопано. Любопытно также и то, что могильники, въ которыхъ известная погребальная форма является исключительною или, по крайней мѣрѣ, господствующею, не сгруппированы вмѣстѣ, въ той или другой опредѣленной мѣстности, а сплошь и рядомъ перемежшаны съ могильниками, въ которыхъ господствуютъ другія формы. Эта пестрота въ чередованіи формъ выступитъ еще полнѣе, если обратить вниманіе на то, что рассматриваемыя три основныя формы въ данномъ случаѣ далеко не отличаются строгимъ однообразіемъ и устойчивостью типа, а, въ свою очередь, имѣютъ свои подраздѣленія. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ могильникахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ встрѣчаемъ систематически-правильное *подсыпаніе золы*, что въ другихъ могильникахъ этого типа не встрѣчается. Однообразіе типа нарушается также и обрядомъ *обжиганія гробовъ*,—фактъ рѣдкій, но

въ высшей степени характерный. Точно также и обрядъ трупосожженія въ разсматриваемой области не отличается строгою устойчивостью формы. Такъ, въ однихъ курганахъ этого типа мы встрѣчаемъ только *пепелища на почвенномъ слое* при полномъ отсутствіи болѣе крупныхъ остатковъ трупосожженія. Въ другихъ курганахъ, на ряду съ такими пепелищами, въ *насыти кургановъ* встрѣчаются собранные вмѣстѣ *пережженные остатки костей въ урнахъ и безъ урны*. Наконецъ, въ третьихъ курганахъ на *почвенномъ слое* встрѣчаются *полные остатки трупосожженія*, т. е. гдѣ покойникъ былъ сожженъ, тамъ остатки кострища и засыпаны были землею. Кромѣ того, въ курганахъ съ пепелищами попадаются *деревянные столбы*, на которыхъ, по всей вѣроятности, ставились урны съ костями. Большимъ однообразіемъ отличается форма зарыванія *въ ямахъ*. Но и среди кургановъ этого типа выдѣляется *Микуличскій* могильникъ, въ которомъ столько, хотя и мелкихъ, но своеобразныхъ особенностей, что его трудно подвести подъ общую норму кургановъ этого типа.

Итакъ, первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ разсматриваемымъ археологическимъ матеріаломъ, это рѣзко бросающееся въ глаза разнообразіе формъ погребальнаго обряда, встрѣчающееся въ области, во первыхъ, незначительной по пространству, во вторыхъ, съ трехъ сторонъ ограниченной такими значительными рѣками, какъ Днѣпръ, Березина и Припеть. Казалось бы, что въ такомъ уголѣ всего естественнѣе было бы встрѣтить населеніе, принадлежавшее къ одному опредѣленному этнографическому типу, а поэтому и отличающееся строгимъ однообразіемъ и устойчивостью формъ погребальнаго обряда. Въ виду сказаннаго естественно возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ-ли тремъ указаннымъ формамъ погребальнаго обряда придавать серьезное этнографическое значеніе, и нельзя ли допустить, что наши языческіе предки, принадлежа къ одному и тому же племенному типу, могли безразлично практиковать каждую изъ этихъ трехъ формъ, не придавая серьезнаго значенія тому, будутъ-ли ихъ покойники зарыты въ ямахъ, или на поверхности земли, или, наконецъ, сожжены на кострѣ? Есть, повидимому, основанія думать, что наши предки въ этому относились не безразлично. Такъ, лѣтописецъ, описывая обрядъ трупосожженія, замѣчаетъ, что этому обряду слѣдовали только Радимичи, Вятичи и Сѣверяне, т. е.

Славяно-русскія племена, жившія только къ востоку отъ Днѣпра. Въ свою очередь, изъ лѣтописи же мы знаемъ, что Аскольда и Дира, Олега и Игоря не сожигали, а *погребли* по обряду зарыванія въ землѣ. Ольга, по Прологу XV в., завѣщая Святославу похоронить себя по христіанскому обряду, „заповѣда ему съ землею равно погрестись, а могилы не сути, ни триниъ творити, ни бдына дѣяти“. Здѣсь Ольга предупреждаетъ, чтобы ее не хоронили по извѣстному языческому обряду, который, очевидно, отличался отъ обряда, практиковавшагося у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. Есть также указаніе и на то, что Славяно-руссы не любили отступать отъ установившихся уже формъ погребальнаго обряда. На это есть указаніе въ извѣстномъ житіи Константина Муромскаго, хотя написанномъ не ранѣе второй половины XVI в., но составленномъ на основаніи болѣе древнихъ источниковъ. Здѣсь, между прочимъ, говорится о томъ, что когда этотъ князь похоронилъ своего сына Михаила (въ началѣ XII в.) по христіанскому обряду, то „невѣрніи людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе“.... Это удивленіе не имѣло бы мѣста, если бы „невѣрніи людіе“ относились безразлично къ формѣ погребальнаго обряда.

Изъ этихъ фактовъ можно сдѣлать заключеніе, что если не всѣ три разсматриваемыя формы, то, по крайней мѣрѣ, двѣ изъ нихъ были характеристическими особенностями погребальнаго обряда нѣкоторыхъ племенъ, и что къ особенностямъ этимъ, разъ онѣ установились, наши предки относились, повидимому, не безразлично. Если такъ, то чѣмъ же объяснить столь безразличное отношеніе къ указаннымъ формамъ населенія разсматриваемой области? При обзорѣ формъ погребальнаго обряда въ мозырскомъ уѣздѣ, мы тамъ тоже встрѣтились съ двумя типами (погребеніемъ въ ямахъ и на почвенномъ слоѣ) и объяснили это тѣмъ, что р. Припеть была границею двухъ племенъ: древлянъ и дреговичей, у каждаго изъ которыхъ практиковался свой особый погребальный обрядъ. Нельзя-ли эту же точку зрѣнія примѣнить и къ данному случаю? Въ самомъ большемъ числѣ кургановъ, раскопанныхъ въ рѣчицкомъ уѣздѣ, покойники были погребены на почвенномъ слоѣ; а эта форма, какъ раньше сказано было, составляетъ характеристическую особенность *дреговичскаго* погребальнаго типа. Вотъ почему представляется вполне вѣроятнымъ, что населенія дреговичей на востокѣ доходили до Днѣпра. Но въ нѣкото-

рыхъ курганахъ этого типа здѣсь встрѣтилась такая особенность, которая въ мозырскомъ уѣздѣ не встрѣчалась: это присутствіе въ курганахъ нѣкоторыхъ могильниковъ этого типа *зола*. Не встрѣчаясь въ мозырскомъ уѣздѣ, насколько, по крайней мѣрѣ, можно судить на основаніи моихъ раскопокъ, особенность эта, какъ обнаружено раскопками В. Б. Антоновича ¹⁾, встрѣчается на югѣ Припети, въ области древлянскихъ поселеній, а равно и въ системѣ З. Двины, какъ это можно судить на основаніи раскопокъ Е. Р. Романова ²⁾. Ясно, что фактъ присутствія зола въ курганахъ съ обрядомъ зарыванія покойниковъ въ землю имѣлъ очень широкое распространеніе и поэтому долженъ быть исключенъ изъ признаковъ, характеризующихъ тотъ или другой племенной типъ. Это же слѣдуетъ сказать и относительно формы погребенія въ *ямахъ*, которая, какъ самая естественная и практически удобная, имѣла самое широкое распространеніе. Вотъ почему по отношенію къ данному случаю сущность вопроса сводится къ тому, почему въ области дреговичскихъ поселеній отступленіе отъ этой формы въ пользу погребенія на *почвенномъ слоѣ* сдѣлалось господствующимъ и почему въ рѣчицкомъ уѣздѣ, гдѣ, предполагается, жили тоже дреговичи, обѣ эти формы практиковались безразлично, хотя и съ преобладаніемъ формы погребенія на *почвенномъ слоѣ*? При обзорѣ кургановъ адамовской группы № 2 уже высказана была мысль, что обрядъ погребенія на *почвенномъ слоѣ* могъ выработаться изъ формы погребенія въ *ямахъ* и былъ слѣдствіемъ приспособленія населенія къ условіямъ данной мѣстности, отличающейся необыкновенною сыростью почвы и близостью подпочвеннаго слоя, въ которомъ появляется вода. Вполнѣ вѣроятно, что населеніе этого края при своемъ появленіи въ этой области придерживалось обряда погребенія въ *ямахъ*. Но встрѣтивъ здѣсь условія, неблагоприятствующія практикѣ этой формы, стало измѣнять ее въ пользу формы погребенія на *почвенномъ слоѣ*. Съ этой точки зрѣнія обрядъ погребенія въ *ямахъ* является лишь болѣе ранней формой, которая позднѣе уступила свое мѣсто формѣ погребенія на *почвенномъ слоѣ*. Съ этой точки зрѣнія становится вполнѣ понятнымъ и то, почему обѣ эти формы безразлично чередуются въ однихъ и

¹⁾ Чтен. въ Ист. Общ. Н. Л. кн. V, стр. 23.

²⁾ Древности. Т. XXIII, вып. 1, стр. 151, № 28.

тѣхъ же могильникахъ. Смѣшеніе двухъ этихъ формъ встрѣчалось и въ мозырскомъ уѣздѣ; но тамъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ могильникахъ, курганы этихъ двухъ типовъ не чередовались между собою безразлично, а группировались около отдѣльныхъ центровъ. Въ рѣчицкомъ же уѣздѣ ничего подобнаго подмѣтить не удалось, хотя смѣшеніе этихъ двухъ формъ встрѣтилось въ 8 могильникахъ. Не слѣдуетъ выпускать изъ виду и слѣдующаго обстоятельства. Обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ въ другихъ областяхъ Россіи, насколько извѣстно, встрѣчается не часто. Арабскіе писатели, часто упоминающіе о погребальныхъ обрядахъ славянъ и Руссовъ, знаютъ лишь двѣ формы обряда: трупосожженіе и погребеніе въ ямахъ; о погребеніи же на почвенномъ слоѣ ни одинъ изъ нихъ не упоминаетъ. Между тѣмъ въ Припетскомъ полѣсьи эта форма является господствующею. Здѣсь лежитъ новое доказательство того, что форма эта могла зародиться въ данной мѣстности и явилась, какъ слѣдствіе приспособленія населенія къ топографическимъ особенностямъ края.

Не легко также объяснить фактъ появленія въ рассматриваемой области обряда трупосожженія. Изъ показанія лѣтописи видно, что обрядъ трупосожженія господствовалъ у племенъ, жившихъ на востокѣ отъ Днѣпра. Археологическая практика въ значительной степени подтверждаетъ это показаніе. Изъ раскопокъ В. Б. Антоновича, г. Гамченки и моихъ извѣстно, что на западѣ отъ Днѣпра господствовалъ похоронный обрядъ зарыванія покойниковъ въ землю. Напротивъ, раскопки Д. Я. Самоквасова въ Черниговской губерніи обнаружили, что на восточной сторонѣ господствовала форма трупосожженія. Въ виду этого естественно возникаетъ мысль: не слѣдуетъ ли появленіе обряда трупосожженія на западной сторонѣ Днѣпра объяснять занесеніемъ его путемъ колонизаціи населенія съ восточной стороны. Мысль эта вполне правдоподобна; однакожь принятіе ея встрѣчаетъ слѣдующее затрудненіе. На основаніи вышеуказанныхъ раскопокъ, г. Самоквасовъ изслѣдованные имъ курганы съ трупосожженіемъ дѣлитъ на два вида: „Курганы большей величины, прикрывающіе собою кострища, и курганы малой величины, заключающіе въ себѣ сосуды съ сожженными человѣческими костями“. Въ курганахъ перваго вида покойниковъ сжигали на кострахъ, которые устраивались на земляной насыпи, и тутъ же остатки кострища присыпались землею. Такъ что въ курганахъ этого вида, въ насыпи, на извѣстной

высотѣ отъ поверхности земли, встрѣчаются и кострища, и остатки сожженного покойника съ его имуществомъ. Въ курганахъ малаго вида кострища не встрѣчаются; покойниковъ въ этомъ случаѣ сжигали не въ курганахъ, а гдѣ-то на сторонѣ; въ курганахъ же, т. е. въ ихъ насыпи, ставили лишь сосуды со жженными костями ¹⁾. Оставляя въ сторонѣ первый видъ кургановъ, принадлежавшихъ лишь самымъ знатымъ покойникамъ, относительно втораго вида замѣтимъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ той формой обряда, которая описана у арабскихъ писателей Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты. По словамъ Ибнъ-Фодлана, курганъ въ память сожженного Руса насыпанъ былъ не на мѣстѣ сожженія его, а на мѣстѣ, гдѣ стояла вытащенная изъ рѣки ладья; слѣдовательно, курганъ этотъ не прикрывалъ кострища. ²⁾ Дополненіемъ къ этому свидѣтельству служить показаніе Ибнъ-Дасты, по словамъ котораго, славяне, по сожженіи покойника, на другой день „собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую затѣмъ ставятъ на холмъ“ ³⁾. Обращаясь теперь къ курганамъ рѣчицкаго уѣзда, необходимо признать, что встрѣчающаяся въ этихъ курганахъ форма трупосожженія не вполне тождественна съ только что описанной формой. Здѣсь покойники всегда сжигались не въ насыпи кургана, а на почвенномъ слоѣ; здѣсь, далѣе, курганъ всегда, за самыми рѣдкими развѣ исключеніями, насыпался на томъ же мѣстѣ, на которомъ покойникъ былъ сожженъ. Что же касается сожженныхъ костей, то онѣ, въ однихъ курганахъ оставались на мѣстѣ сожженія, въ другихъ—ставились въ насыпи кургановъ въ урнахъ и безъ урнъ; въ третьихъ, наконецъ, онѣ совершенно отсутствовали; но за то въ этихъ курганахъ оказывались деревянные столбы, на которыхъ, какъ раньше предположено было, вѣроятно и ставились урны съ костями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ тою формою погребальнаго обряда, которая описана у нашего лѣтописца. Вотъ относящееся сюда извѣстное классическое мѣсто изъ лѣтописи „И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имаху... Аще кто умряше, творяху надъ нимъ, и поселѣ творяху кладу (владу) велику, и възложашуть и на кладу (владу) мертвеца, сожъжаху, а по семъ собравше кости,

¹⁾ Труды Третьяго Археологич. Съѣзда. Т. I. Сѣверскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи, стр. 205. 206.

²⁾ А. Я. Горнави. Сказан. Мусульм. писат. о Слав. и Русскихъ, стр. 101.

³⁾ Тамъ же, 265.

вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ“ (П. С. Р. Л. т. I, 6). Итакъ, по свидѣтельству нашего лѣтописца, кости сожженнаго на вострѣ (крада) покойника собирали въ небольшой сосудъ и ставили „на столпѣ на путехъ“. Пониманіе послѣднихъ словъ лѣтописца составляло для археологовъ до послѣдняго времени большое затрудненіе. Котляревскій въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „О погребальныхъ обрядахъ Славянъ“¹⁾ выраженіе „на столпѣ“ назвалъ настолько страннымъ, что отказался понимать его въ точномъ смыслѣ, и предложилъ понимать подъ словомъ *столпъ* въ данномъ случаѣ высокую могилу или по просту курганъ. Толкованіе это направлено къ примиренію свидѣтельства лѣтописи съ вышеприведеннымъ показаніемъ Ибнъ-Дасты и съ данными археологіи, показывающими, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наши предки дѣйствительно ставили погребальныя урны въ насыпи кургановъ. Мнѣніе это принято было и нѣкоторыми другими археологами. Нельзя однакожь не замѣтить, что въ основаніи этого взгляда положено искусственное толкованіе прямаго и яснаго выраженія лѣтописца, точное пониманіе словъ котораго приводитъ къ совершенно другому выводу. Слово „столпъ“ не разъ употребляется въ лѣтописи и съ нимъ всегда соединяется то же значеніе, какое и мы теперь съ нимъ соединяемъ. Для обозначенія же могильнаго кургана въ лѣтописи употребляется слово „могила“. Затѣмъ, толкованіе это не вполне мирится и съ контекстомъ рѣчи. По словамъ лѣтописца, урны ставились не просто „на столпѣ“, но „на столпѣ на путехъ“, т. е. они ставились на такихъ столбахъ, которые находились на мѣстахъ пересѣченія путей. Утверждать же, что мѣстомъ для своихъ владбищъ наши предки избирали непременно перепутья, это значитъ—противорѣчить дѣйствительности, которую можно повѣрить на безчисленномъ количествѣ примѣровъ. А между тѣмъ самъ Котляревскій приводитъ одно, не лишнее, по его мнѣнію, вѣроятіе, извѣстіе, по которому „въ старину у насъ на распутьяхъ стояли столбы, чуряки (чурь-пенать, предокъ), и мимо ихъ никто не проходилъ безъ какой нибудь жертвы“²⁾. Гдѣ сходились дорожные пути, тамъ чаще всего могли сходиться и границы племенныхъ волостей, тамъ же всего естественнѣе было при-

¹⁾ Стр. 122.

²⁾ Тамъ же, 124.

существовать и душамъ предковъ, охранявшихъ эти границы. Но души предковъ были добрыми гениями лишь для своихъ, для чужихъ же онѣ представляли враждебную силу. Отсюда, очевидно, ведетъ свое происхождение повѣріе, со всею свѣжестью и по настоящее время сохранившееся въ Бѣлоруссіи, по которому на распутьяхъ слетаются враждебныя челоуѣву силы, для предохраненія отъ которыхъ ставятся кресты. Этотъ очень древній обычай ставить на распутьяхъ кресты, не имѣя для себѣ основанія въ системѣ христіанскаго вѣроученія, ведетъ свое происхождение, по всей вѣроятности, еще отъ болѣе древняго языческаго обычая ставить на этихъ же мѣстахъ столбы, представлявшіе грубое изображенія идоловъ. Тутъ не лишне будетъ вспомнить слѣдующее свидѣтельство Ибнъ-Фодлана. Каждый изъ Русовъ, во время прибытія ихъ судовъ къ лворному мѣсту въ Итилѣ, „подходитъ, говоритъ Ибнъ-Фодланъ, къ высокому вставленному (въ землю) столбу, имѣющему лице, похожее на челоуѣческое, а кругомъ его малыя изображенія, позади этихъ изображеній вставлены въ землю высокіе столбы. Онъ же подходитъ къ большому изображенію, простирается предъ нимъ и говоритъ: о господине!“ и т. д. Вотъ подобныя-то столбы и ставились, по всей вѣроятности, „на путехъ“, на нихъ-то и поставлялись урны съ прахомъ покойниковъ. Позволительно думать, что столбы, встрѣтившіеся, между прочимъ въ Малейки-Городищенскихъ курганахъ, и имѣли то именно назначеніе, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Нужно помнить, что Малейки-Городищенскій могильникъ расположенъ при переправѣ чрезъ р. Брагинку. Въ виду болотистости береговъ этой рѣчки, можно думать, что данный пунктъ искони былъ мѣстомъ переправы, и поэтому этотъ могильникъ, при самомъ возникновеніи своемъ могъ находиться „на путехъ“. Что касается того, что столбы въ данномъ случаѣ поставлены были въ курганахъ, а не отдѣльно отъ нихъ, то и тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Тамъ же Ибнъ-Фодланъ, сказавъ о холмѣ, воздвигнутомъ Русами въ память покойника, добавляетъ, что они „вставили въ средину (холма) большое дерево халанджъ, написали на немъ имя (умершаго) челоуѣва и имя русскаго царя и удалились“. Итакъ, обычай ставить въ курганахъ или на курганахъ столбы существовалъ у русскихъ славянъ. Что же касается обычая дѣлать надписи,

¹⁾ Гаркави. Тамъ же, 95.

то онъ, конечно, могъ появиться позднѣе, съ появленіемъ грамотности, и вообще въ ту пору онъ не могъ быть общераспространеннымъ. Но въ нѣкоторыхъ курганахъ Малейки-Городищенскаго могильника попадалось по два столба. Какъ же объяснить этотъ фактъ? Объясненіемъ его можетъ служить слѣдующее свидѣтельство Ибнъ-Дасты, относящееся къ погребальному обряду, практиковавшемуся у Славянъ. Когда умираетъ кто-нибудь изъ нихъ, говоритъ Ибнъ-Даста, то жена, которая особенно его любила, „приноситъ въ трупу его *два столба* и вбиваетъ ихъ стойма въ землю, потомъ владутъ третій столбъ поперекъ, привязываютъ посреди этой переладины веревку, (жена) становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ шеи. Когда она такъ сдѣлала, скамья принимается изъ подъ нея и она остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ, а по смерти ее бросаютъ въ огонь, гдѣ она и сгораетъ“ ¹⁾. Относительно показаній Ибнъ-Дасты о погребальныхъ обычаяхъ Славянъ Котляревскій замѣчаетъ, что они отличаются полною историческою правдивостью: „такъ говорить можетъ, замѣчаетъ онъ, только очевидецъ или тотъ, кто записалъ показаніе достовѣрнаго очевидца“ ²⁾. Гаркави же, наоборотъ, видитъ въ приведенномъ мѣстѣ новое доказательство того, что Ибнъ-Даста будто бы только „спуталъ извѣстія своего предшественника, Ибнъ-Фодлана“ ³⁾. Съ нашей точки зрѣнія, сопоставленіе показаній этихъ двухъ арабскихъ писателей служитъ лишь подтвержденіемъ той, добытой путемъ археологическихъ раскопокъ, истины, что обрядъ трупосожженія у нашихъ предковъ не отличался строгимъ единствомъ формы, и что, въ частности, только что приведенное свидѣтельство Ибнъ-Дасты находитъ подтвержденіе себѣ въ фактѣ присутствія въ нѣкоторыхъ Малейки-Городищенскихъ курганахъ двухъ столбовъ. Столбы эти ставились, вѣроятно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ сожигали покойника съ его женою, и благодаря своему вертикальному положенію, они совершенно не сгорали; этимъ объясняется то, почему слѣды столбовъ обнаруживаются не только ниже поверхности земли, т. е. въ тѣхъ ямахъ, въ которыя они вставлены были, но

¹⁾ Гаркави. 265.

²⁾ Погр. Об. Сл. 55.

³⁾ Стр. 265, прим. 3.

и въ насыпи кургановъ. Впрочемъ, если бы это объясненіе почему нибудь признано было не удачнымъ, тогда всего естественнѣе было бы фактъ присутствія въ курганахъ двухъ столбовъ объяснить тѣмъ, что они предназначались для постановки на нихъ двухъ урнъ: фактъ присутствія въ курганахъ двухъ и даже болѣе урнъ съ сожженными костями извѣстенъ археологіи.

Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что, принимая показаніе лѣтописца о столбахъ въ буквальномъ смыслѣ, мы какъ будто становимся въ противорѣчіе съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Разсматриваемое показаніе относится къ племенамъ, жившимъ на востокъ отъ Днѣпра; тамъ, слѣдовательно, скорѣе всего и былъ бы встрѣтиться обычай ставить урны на столбахъ; но тамъ-то онъ, насколько извѣстно, до этого времени еще никѣмъ не былъ обнаруженъ. Этому обстоятельству не слѣдуетъ однакожъ придавать рѣшающаго значенія. Тутъ еще возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить появленіе у лѣтописца разсматриваемой замѣтки? Позднѣйшія раскопки показали, что содержащееся въ этой замѣткѣ описаніе погребальнаго обряда не охватываетъ собою всѣхъ формъ, практиковавшихся хотя бы напр. у Радимичей и Сѣверянъ. Кромѣ двухъ формъ трупосоженія, въ области радимичскихъ и сѣверянскихъ поселеній мы еще встрѣчаемся съ обрядами зарыванія въ ямы въ насыпи кургана и на почвенномъ слоѣ, о чемъ лѣтописецъ однакожъ не упоминаетъ. Почему? По всей вѣроятности потому, что лѣтописецъ и не задавался цѣлью представить намъ полную характеристику всѣхъ формъ погребальнаго обряда, которыя практиковались у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, а отмѣтилъ лишь ту форму, которая больше всего поражала его христіанское сознаніе. Стоявшіе на распутьяхъ столбы съ урнами не могли не обращать на себя вниманіе каждаго проѣзжаго, тѣмъ болѣе, что съ ними всегда соединялось извѣстное суевѣрное представленіе. Не нужно также забывать, что встрѣчающаяся у него характеристика нравовъ нашихъ языческихъ предковъ носить на себѣ печать обличенія. Вообще, показаніямъ древнихъ писателей въ подобныхъ случаяхъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ широкаго обобщенія. Если вѣрить, напр., подобнымъ показаніямъ, то придется признать, что обычай сожигать или погребать живыхъ женъ съ умершими мужьями былъ общей нормой у славянъ, а между тѣмъ, на основаніи произведенныхъ до этого времени раскопокъ, можно съ увѣренностью ут-

ставляется необходимымъ искать другой основы для объясненія происхождения разсматриваемаго обряда.

Прежде всего посмотримъ, какъ относились къ трупосожженію тѣ народы, у которыхъ оно практиковалось. По словамъ Ибнъ-Фодлана, Русь, на предложенный ему вопросъ, отвѣтилъ: „Вы, арабы глупый народъ, ибо вы берете милѣйшаго и почтеннѣйшаго для васъ изъ людей и бросаете его въ землю, гдѣ съѣдаютъ пресмыкающіяся и черви; мы же сжигаемъ его въ огнѣ, въ одно мгновеніе, и онъ въ тотъ же часъ входитъ въ рай“¹⁾. По этому объясненію покойниковъ сожигали, съ одной стороны, для того, чтобы предохранить ихъ отъ съѣденія червями и пресмыкающимися, съ другой стороны, чтобы ускорить ихъ переходъ въ рай. По словамъ Масуди, Бурджане, сожигая своихъ покойниковъ, говорили: „мы сжигаемъ ихъ въ этомъ свѣтѣ, посему они не будутъ сожжены на томъ свѣтѣ“²⁾. Здѣсь выступаетъ уже другая мысль: для перехода въ новый міръ сожженіе не нужно; оно нужно уже по переходѣ въ этотъ новый міръ; несожженные здѣсь, будутъ сожжены тамъ. Торгоуты, у которыхъ обрядъ трупосожженія практикуется и понинѣ, вѣрятъ, что между прочимъ прахъ покойниковъ нуженъ богу для того, чтобы ихъ воскресить³⁾. Здѣсь, такимъ образомъ, трупосожженіе не связано съ вопросомъ о загробной жизни. Чѣмъ же объяснить такое несогласіе во взглядѣ разныхъ народовъ на одно и то же явленіе? Казалось бы, что одно и то же явленіе, порожденное однѣми и тѣми же причинами, у всѣхъ людей должно бы вызвать одно и то же объясненіе. Несогласіе это всего естественнѣе объяснить всеобщимъ стремленіемъ, путемъ осмысленія непонятнаго факта, придать ему религіозное значеніе, котораго онъ не имѣлъ при своемъ возникновеніи. Случайно возникшему явленію позднѣе стали приписывать религіозное объясненіе, которое у каждаго народа, сообразно съ особенностями его міровоззрѣнія, получилось особое. Съ подобнаго рода явленіемъ мы встрѣчаемся и въ христіанствѣ. Извѣстно, что нѣкоторымъ христіанскимъ обрядамъ, возникшимъ первоначально изъ практической необходимости, теперь придается серьезное символическое

¹⁾ Гаркази. 100.

²⁾ Тамъ же. 127.

³⁾ Рефератъ А. А. Ивановскаго, читанный на послѣднемъ (VIII-мъ) археол. съѣздѣ въ Москвѣ.

значеніе. Что касается обряда трупосожженія, то онъ, по всей вѣроятности возникъ на той же основѣ, на какой возникъ и обрядъ зарыванія въ землю. Такою основою, по моему мнѣнію, было почитаніе праха предковъ и забота о возможно лучшемъ его сохраненіи. Древніе египтяне для сохраненія праха своихъ покойниковъ придумали бальзамированіе. Наши языческіе предки до этого не дошли, но есть серьезное основаніе думать, что они не менѣе египтянъ заботились о сохраненіи праха своихъ покойниковъ. Для достиженія этой цѣли они высыпали могилы известкой, заворачивали покойниковъ въ березовую кору, осыпали ихъ сосновою смолою, обжигали ихъ гробы, а иногда и самихъ покойниковъ и т. д. Но всѣ эти средства, какъ говорилъ опытъ, не достигали цѣли. И вотъ естественно возникла мысль сожигать: сожженіе, не сохраняя покойника въ цѣлости, сохраняло его прахъ, который въ сознаніи сожигавшихъ замѣнялъ собою покойника и пользовался вниманіемъ, которое оказывалось послѣднему. А чтобы этотъ прахъ сохранилъ даже самую внѣшнюю форму покойника, у нѣкоторыхъ народовъ его смѣшивали съ глиной и выдѣлывали изъ нея человѣческое изображеніе, которое и должно было замѣнять собою самого покойника и которому воздавались подобающія почести. Такъ дѣлаютъ торгоуты и понгнѣ. А что и въ сознаніи нашихъ предковъ прахъ замѣнялъ самихъ покойниковъ, это видно хотя бы изъ того же обычая ставить урны „на столпахъ на путѣхъ“, смыслъ котораго объясненъ выше. Вообще, изъ того, что извѣстно о трупосожженіи какъ изъ исторіи, такъ и изъ позднѣйшихъ археологическихкихъ раскопокъ, видно, что цѣль сожженія заключалась не въ уничтоженіи останковъ покойниковъ, а въ стремленіи придать имъ такую форму, при которой они могли лучше сохраниться. Если цѣлью трупосожженія было, какъ думалъ Котляревскій, облегчить душѣ освободиться отъ тѣла чрезъ уничтоженіе послѣдняго, то чѣмъ же объяснить то вниманіе, которое издревле оказывали урнамъ съ прахомъ греки, римляне, сарматы, славяне и другіе народы, въ той или другой степени практиковавшіе обрядъ трупосожженія. Не нужно также забывать, что первобытный человѣкъ представляетъ душу чѣмъ то въ родѣ легкаго пара, который свободно можетъ оставлять тѣло и опять возвращаться въ него. Въ этомъ своемъ возрѣніи онъ, между прочимъ находитъ себѣ объясненіе сновидѣній: представляя себя во снѣ находящимся въ разныхъ мѣстахъ, онъ объясняетъ это

путешествіемъ души отдѣльно отъ покоящагося на одномъ мѣстѣ тѣла. Взглядъ Котляревскаго предполагаетъ въ основаніи своемъ восточный дуализмъ, по которому тѣло, какъ начало злое, служитъ для души темницей, отъ которой ее можетъ освободить очистительная сила огня. Навязывать же нашимъ языческимъ предкамъ начала дуализма едва ли возможно. Дуалистическое міровоззрѣніе появилось у насъ уже позднѣе, подъ вліяніемъ христіанской аскетической литературы. Итакъ, позволительно думать, что и древній египтянинъ, тщательно бальзамировавшій покойниковъ, и позднѣйшій славянинъ, сожигавшій ихъ, мотивировались въ своихъ дѣйствіяхъ одними и тѣми же соображеніями: ихъ дѣйствія въ данномъ случаѣ различаются не цѣлями, а лишь средствами. Когда обитатели древняго города Сузь влагали своихъ покойниковъ въ глиняные саркофаги и обжигали ихъ на огнѣ, то они въ этомъ случаѣ, очевидно, преслѣдовали ту же цѣль, какую преслѣдовали и египтяне, приготовлявшіе мумію, и позднѣйшіе славяне, практиковавшіе обжиганіе гробовъ; а обжиганіе гробовъ, сопровождавшееся на практикѣ иногда и обжиганіемъ самихъ покойниковъ, естественно могло породить мысль и о полномъ сожженіи. Теорія эта имѣетъ то преимущество предъ теоріей Котляревскаго, что она гораздо проще и естественнѣе объясняетъ фактъ безразличнаго отношенія нашихъ предковъ къ обрядамъ зарыванія въ землю и трупосожженія. Если трупосожженіе было однимъ изъ многихъ средствъ, направленныхъ къ сбереженію праха покойниковъ, то оно легко могло практиковаться на ряду съ другими средствами, отъ которыхъ оно отличалось лишь по внѣшней формѣ, а не по своему внутреннему содержанію, не по духу. Какъ форма болѣе сложная, трупосожженіе должно было практиковаться прежде всего по отношенію къ богатымъ и знатымъ покойникамъ. Дѣйствительно, въ тѣхъ могильникахъ, въ которыхъ обѣ эти формы встрѣчаются вмѣстѣ, въ самыхъ крупныхъ по объему курганахъ встрѣчается почти всегда трупосожженіе. То же явленіе встрѣчаемъ теперь у вышеупомянутыхъ торгоутовъ: у нихъ сожженія удостоиваются лишь лица, „занимающія видное общественное положеніе, т. е. всѣ духовныя лица (гегени, ламы и т. д.), всѣ князья („ваны“, „баны“), затѣмъ лица, заслуживающія общее уваженіе“¹⁾. Само со-

¹⁾ П. Н. Миллеръ. VIII-й археолог. съѣздъ въ Москвѣ, стр. 10.

бою понятно, что обрядъ трупосожженія можетъ со временемъ сдѣлаться господствующимъ и даже всеобщимъ у извѣстнаго народа или племени и тогда, конечно, онъ станетъ его типичною этнографическою особенностью.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣдующій, вполне правдоподобный, выводъ. Древнее языческое населеніе, обитавшее въ предѣлахъ нынѣшняго Рѣчицкаго уѣзда Минской губерніи, не смотря на то, что допускало у себя обрядъ трупосожженія, могло тѣмъ не менѣе принадлежать къ одному изъ племенъ, жившихъ въ западу отъ Днѣпра, правдоподобіе всего—къ дреговичскому. Тоже обстоятельство, что этотъ обрядъ появился, насколько, по крайней мѣрѣ теперь, извѣстно, въ западной области дреговичскихъ поселеній, наводитъ на мысль, что это нововведеніе появилось не безъ вліянія сосѣднихъ за-днѣпровскихъ племенъ. Этотъ выводъ сдѣланъ на основаніи сопоставленія моихъ раскопокъ съ раскопками, произведенными проф. Самоквасовымъ въ области сѣверянскихъ поселеній. Но нельзя-ли допустить, что только-что рассмотрѣнная пестрота формъ погребальнаго обряда въ Рѣчицкомъ уѣздѣ образовалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ сосѣднихъ радимичей, занимавшихъ область между Днѣпромъ и Сожью, а равно и подъ вліяніемъ кривичей, жившихъ въ сѣверу отъ дреговичей? Хотя область радимичскихъ поселеній еще почти совершенно не изслѣдована въ археологическомъ отношеніи, но уже на основаніи того немногаго, что до этого времени сдѣлано въ этомъ отношеніи, на поставленный вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. Хотя въ области радимичскихъ поселеній, на сколько можно судить по раскопкамъ г. Романова, встрѣчается и трупосожженіе, однакожъ господствующею формою погребальнаго обряда тамъ, повидимому, было зарываніе покойниковъ въ насыпи кургана, т. е. выше уровня земли. Погребеніе же на почвенномъ слоѣ, которое въ Рѣчицкомъ уѣздѣ господствуетъ, въ системѣ р. Сожи, насколько извѣстно, до настоящаго времени еще не обнаружено. Трупосожженіе у радимичей, насколько можно судить на основаніи имѣющихся немногихъ данныхъ, совершалось тоже въ насыпи кургана; въ Рѣчицкомъ же уѣздѣ оно происходило на почвенномъ слоѣ. Выводъ изъ сказаннаго одинъ: радимичи не могли передать дреговичамъ того, чего сами не имѣли. Что же касается кривичей, то археологіи еще не скоро удастся опредѣлить форму

погребальнаго обряда, господствовавшую у этого многочисленнаго, широко раскинувшася и раздѣленнаго на нѣсколько вѣтвей племени; а пока это не сдѣлано, говорить объ этнографическомъ вліяніи кривичей на своихъ сосѣдей будетъ преждевременно.

Осталось сказать еще нѣсколько словъ по поводу надгробныхъ деревянныхъ сооружений, встрѣтившихся въ Моховскомъ могильникѣ. Сооруженія эти необходимо, кажется, ставить въ причинную связь съ другимъ явленіемъ, замѣченнымъ въ томъ же могильникѣ, именно—съ углубленіями, какія встрѣчаются на вершинахъ многихъ кургановъ этой группы. Углубленія эти ничто иное, какъ особаго рода впадины, образовавшіяся вслѣдствіе внутреннихъ проваловъ. Курганы съ завалившимися срединами въ Минской губерніи не составляютъ рѣдкости. „Въ Бобруйскомъ уѣздѣ Минской губерніи, говоритъ Турчановичъ, т. е. въ землѣ дреговичей, между рр. Птичью и Орессою, находится множество древнихъ кургановъ, стоящихъ уединенно, семействами и даже цѣлыми селеніями, въ двѣ и три линіи. *Вершина каждой кургана состоитъ изъ впадины*—признакъ, что мертвыхъ засыпали землею въ сидячемъ положеніи, по мѣрѣ истлѣнія тѣла земля осаждается внизъ“¹⁾. Чѣмъ объяснить образованіе этихъ впадинъ? Представленное Турчановичемъ объясненіе не можетъ быть принято. Въ Моховскомъ могильникѣ мною раскопано нѣсколько кургановъ съ завалившимися вершинами, но ни въ одномъ изъ нихъ признаковъ погребенія въ сидячемъ положеніи не обнаружено: покойники вездѣ лежали въ горизонтальномъ положеніи. Не можетъ быть принято это объясненіе еще и потому, что въ немъ нѣтъ соответствія между причиною и слѣдствіемъ: не смотря на то, что впадины эти въ теченія вѣковъ засаривались, все же онѣ даже и теперь, особенно въ большихъ курганахъ, настолько значительны, что объяснить ихъ простымъ разложеніемъ трупа, хотя бы онъ похороненъ былъ и въ сидячемъ положеніи, невозможно. По этой же причинѣ нельзя объяснить ихъ и разложеніемъ обыкновенныхъ деревянныхъ гробовъ: слѣды присутствія деревянныхъ гробовъ встрѣчаются во многихъ могильникахъ, но курганы съ провалившимися вершинами встрѣчаются сравнительно рѣдко. Между могильниками, мною изслѣдованными, онѣ встрѣтились только въ Моховскомъ. Не можетъ быть

¹⁾ Обзоръ исторіи Вѣлоруссіи. С.-Пб. 1857. стр. 245, прим. 8.

принято и объясненіе Е. Р. Романова, который, встрѣтивъ въ Могилевской губерніи цѣлый рядъ могильниковъ съ впадинами на вершинахъ кургановъ, объясняетъ образованіе этихъ впадинъ *кладоискательствомъ*. Такимъ случайнымъ фактомъ, какъ владоискательство, нельзя объяснить явленія, имѣющаго столь широкое распространеніе. Къ тому же въ курганахъ съ впадинами, раскопанными мною, слѣдовъ поврежденія курганныхъ насыпей не обнаружено. Между тѣмъ самъ же г. Романовъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ фактъ, смысла котораго онъ не понялъ, но который вполне удовлетворительно объясняетъ происхожденіе впадинъ. Въ описаніи раскопки одного кургана съ впадиною, г. Романовъ замѣчаетъ: *Послѣ снятія верхнихъ слоевъ насыпи кургана „въ центрѣ его выдѣлялся квадратъ изъ желтаго песка.... При соскабливаніи земли, найдены большія кучи угольевъ.... Затѣмъ до материка ничего не найдено, хотя въ центрѣ кургана продолжало виднѣться пятно изъ желтой земли. На уровнѣ материка изъ желтаго пятна выдѣлялись два прямоугольника, раздѣленные полоскою материка въ 1¹/₄ арш. Это были двѣ могилы“* ¹⁾. Ясно, что квадратное желтое пятно, о которомъ здѣсь говорится, принадлежитъ въ разряду тѣхъ же явленій, съ которыми я встрѣтился въ Моховскомъ могильникѣ, и которыя должны быть поставлены въ причинную связь съ образованіемъ впадинъ. Мнѣ кажется, что происхожденіе этихъ впадинъ логичнѣ всего будетъ объяснить по аналогіи съ тѣми курганами, въ которыхъ впадины образовались вслѣдствіе завала склеповъ. Въ такъ называемыхъ скиескихъ курганахъ, въ которыхъ покойниковъ хоронили въ склепахъ, впадины тоже встрѣчаются, но тамъ происхожденіе ихъ объясняется очень просто: истлѣвшіе деревянные потолки склеповъ обламывались, насыпь кургана осѣдала, а на вершинѣ его образовывалась впадина. Въ рассматриваемыхъ мною курганахъ склепы несомнѣнно отсутствовали, но за то въ нихъ обнаружены надгробныя деревянныя сооруженія, которыя покрывались насыпью и съ которыми могло случиться то же, что и съ склепами, т. е. потолки ихъ обвалились, насыпь осѣла, а на вершинѣ кургана образовались впадины. Мною слѣды такихъ сооруженій обнаружены только въ трехъ курганахъ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что они существовали во

¹⁾ Древности. Т. XIII, выпускъ 1. Раскопки въ Могилевской Губерніи, стр. 142.

всѣхъ курганахъ съ провалившимися вершинами. Если въ скифскихъ могилахъ, гдѣ деревянный срубъ склепа ограждался неподвижными стѣнками ямы, отъ сруба часто и слѣда не сохранялось, то тѣмъ естественнѣе ожидать уничтоженія слѣдовъ сруба, находившагося въ подвижной насыпи кургана, которая, осѣдая и расплываясь, совершенно легко уничтожала слѣды находившагося въ ней сооруженія. Что же касается возможности полного уничтоженія самого дерева, то оно подтверждается судьбою деревянныхъ гробовъ: въ курганахъ разсматриваемой области сплошь и рядомъ возлѣ костяковъ можно встрѣчать присутствіе желѣзныхъ гвоздей, которые и своимъ расположеніемъ (часто въ два яруса: верхній и нижній) и присутствіемъ на нихъ слѣдовъ покрытаго желѣзною окисью дерева, показываютъ, что ими сбиты были деревянные гробы, а между тѣмъ обнаружить слѣды самихъ гробовъ часто нѣтъ никакой возможности ¹⁾).

Обращаясь, далѣе, къ письменнымъ источникамъ, мы и здѣсь встрѣчаемся съ указаніями на существованіе разсматриваемыхъ могильныхъ сооруженій. Сюда прежде всего относится выше приведенное мѣсто изъ пролога XV в. „Призва (Ольга) сына своего Святослава и заповѣда ему съ землею равно погрестись, а могилы не сути, ни тризнѣ творити, ни *бдына* дѣяти“. Что нужно понимать здѣсь подъ словомъ „бдынѣ“? Вопросъ этотъ имѣетъ свою маленькую литературу ²⁾. Несомнѣнно то, что корень этого слова *буд* и по настоящее время встрѣчается въ живомъ бѣлорусскомъ говорѣ въ словахъ: буда, будѣа, будынокъ, будовать, означающихъ обыкновенно деревянную постройку. При болѣе точномъ толкованіи этого слова высказано нѣсколько мнѣній. Востокъ, а за нимъ и Мивлошичъ, предположительно высказываютъ мнѣніе, что „бдынѣ“ означаетъ надгробный памятникъ. Даль въ своемъ словарѣ выразился, что *буда* не только постройка вообще, но и склепъ для покойниковъ. Котляревскій думаетъ, что „здѣсь разумѣется исключительно языческій

¹⁾ Нѣчто аналогичное съ разсматриваемыми сооруженіями представляютъ *срубы съ формъ крыши*, открытыя В. Б. Антоновичемъ въ нѣкоторыхъ *древлянскихъ* могилахъ, съ тою однакожъ существенною разницею, что въ этихъ срубахъ стѣнки, повидимому, отсутствовали (Чтен. въ Истор. Общ. Нест. Лѣт., кн. 5, стр. 28). Возможно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіями тождественными по идеѣ, но различными по формѣ.

²⁾ См. у Котляревскаго. Тамъ же, 118—120.

памятникъ, и такимъ, по всѣмъ соображеніямъ, должно признать особую *надстройку надъ могилою*“, въ родѣ позднѣйшаго *юлубца*, который представлялъ собою срубъ съ крышею. Въ доказательство этого мнѣнія онъ ссылается на свидѣтельство Козьмы Пражскаго, у котораго упоминается о хижинахъ (сепеае) на распутьяхъ для успокоенія душъ усопшихъ, на Ибнъ-Фодлана, у котораго говорится о какомъ то деревянномъ сооруженіи на могилѣ сожженаго руса, и на „Сказаніе о началѣ Москвы“, гдѣ говорится, что какой то князь Даниилъ, убѣгая отъ Кучковичей, „по прилучаю найде въ дебри *струбець* малъ стояць, подъ нимъ же *погребені бысть* ту нѣкоторый *мертвый человекъ*, князь же *алъзъ въ струбець* той, закрыся въ немъ“. Указаніе на подобное же сооруженіе находимъ въ Ипатской лѣтописи подъ 1175 годомъ. Лѣтописецъ, рассказывая о смерти Андрея Боголюбскаго, влагаетъ въ уста игумена Арсенія между прочимъ слѣдующія слова: „и долго сему князю (Андрею) лежати; отоменете божицу, да отпою надъ нимъ; вложимъ ѿ въ *буду*, любо си въ гробъ“ . . . Затѣмъ дальше говорится, что князя положили „въ гробъ камень“. Противопологая, вѣроятно, буду каменному гробу, Карамзинъ комментировалъ ее словомъ „деревянный гробъ“ ¹⁾. Всѣ эти толкованія, очевидно, близки къ истинѣ; но всѣ они грѣшатъ нѣкоторою неточностью, происходящею отъ привнесенія въ древнее понятіе новѣйшаго элемента. Ольга, заповѣдуя „могилы не сути, ни тризнь творити, ни бдына дѣяти“, подъ словомъ „бдынь“, по всей вѣроятности, понимала то самое могильное сооруженіе, съ какими мы встрѣчаемся въ Моховскомъ могильникѣ. Какъ произошелъ обычай сооружать бдыны, сказать трудно. Возможно, что они строились, какъ свидѣтельствуесть Козьма Пражскій, для успокоенія душъ; сооружаемые на распутьяхъ, они могли представить нѣчто аналогичное съ столпами на „путехъ“. Но возможно и другое объясненіе: бдыны могли быть наружными склепами. Изъ ямъ на поверхность земли они могли быть вынесены подъ влияніемъ тѣхъ же условій, какія заставили дреговичей, занимавшихъ болотистыя области, отказаться отъ погребенія покойниковъ въ ямахъ и хоронить ихъ на почвенномъ слоѣ. Привыкнуши въ мѣстахъ первоначальнаго своего погребенія погребать своихъ покойниковъ въ деревянные склепы и не находя возмож-

¹⁾ Ист. Г. Р., т. III, прим. 23.

нымъ практиковать этотъ обычай на новой своей родинѣ, нѣкоторые изъ нашихъ предковъ, уступая новымъ условіямъ жизни и не желая въ тоже время совершенно отказываться отъ прежняго обычая, и стали выносить срубы изъ глубины ямъ на почвенный слой, гдѣ они теперь хоронили своихъ покойниковъ. Когда же съ распространеніемъ христіанства сооруженіе могильныхъ насыпей было запрещено, то бдны изъ насыпей вынесены были наружу. Въ эпоху двоевѣрія они были одною изъ многихъ уступокъ христіанства въ пользу язычества, служа памятниками, замѣнявшими собою земляные холмы. Такъ постепенно бдны перешли въ позднѣйшіе голубцы. Сообразно съ ихъ новою ролью и взглядъ на нихъ перемѣнился: теперь они были уже не просто могильными камерами, въ которыхъ покоились останки покойниковъ, а стали своего рода „хижинами“, въ которыхъ души усопшихъ находили себѣ успокоеніе. Эта точка зрѣнія имѣетъ то несомнѣнное достоинство, что она объединяетъ одиноко стоящіе факты и въ пониманіе вопроса вводитъ элементъ историческаго развитія.

Теперь обратимся въ предметамъ, найденнымъ въ могилахъ и составлявшимъ принадлежность погребальнаго обряда. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе оружіе, состоящее изъ *топоровъ* и *копій*. Мною лично въ могилахъ найдено 12 желѣзныхъ топоровъ и 2 такихъ же копя. Кромѣ того крестьянами засвидѣтельствовано было о нахожденіи въ могилахъ же двухъ топоровъ и двухъ копій, одно изъ которыхъ въ испорченномъ видѣ мною пріобрѣтено. Мною найденные топоры по могильникамъ распредѣляются такимъ образомъ: 3 топора найдено въ Моховскомъ могильникѣ, 1—въ Колпенскомъ, 1—въ Сенскомъ, 1 въ Малейки-Городищенскомъ, 4—въ Микуличскомъ и 2—въ Холмечско-Дубовицкомъ. Копья найдены: 1—въ Моховскомъ могильникѣ и 1—въ Сенскомъ. Оружіе попадалось въ курганахъ всѣхъ важнѣйшихъ типовъ, т. е. въ курганахъ съ погребеніемъ *въ ямахъ*, съ погребеніемъ *на почвенномъ слоѣ* (съ золою и безъ золы) и съ остатками *трупосожженія*. Последнее обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія; оно исключаетъ возможность предположенія о дѣленіи древняго населенія этого края на завоевателей и завоеванныхъ, господъ и подчиненныхъ,—предположенія, которое могло бы придти въ голову въ виду указанной выше пестроты формъ погребальнаго обряда: всѣ имѣли право

носить оружіе, слѣдовательно всѣ были свободны и равноправны. Прилагаемая здѣсь таблица съ фотографическими снимками освобождаетъ отъ необходимости описывать форму топоровъ: самая значительная длина (№ 2)=4 вершкамъ, самое узкое лезвіе (№ 1)=1 вершку, самое широкое лезвіе (№ 5)=3 в. По формѣ приложенные топоры могутъ быть раздѣлены на три типа. Къ первому типу относятся №№ 1—2, во второму типу—№ 3, въ третьему типу №№ 4—5. Самымъ древнимъ по формѣ слѣдуетъ признать топоръ № 1; по крайней мѣрѣ желѣзные топоры такой же, по основной идеѣ, формы встрѣчаются въ свенскихъ курганахъ по-сульской области. Изъ формы № 1, чрезъ расширеніе лезвія и удлиненіе обратной стороны, образовалась форма № 2. Между этими двумя формами еще та разница, что въ топорѣ № 1 обратная сторона оканчивается молоткомъ, а въ топорѣ № 2—узкимъ лезвіемъ. Изъ этихъ двухъ формъ легко могли образоваться двѣ остальные чрезъ уничтоженіе обратныхъ сторонъ: форма № 1 перешла въ форму № 3, форма № 2 перешла въ форму №№ 4—5. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ возможность наблюдать любопытный фактъ трансформациі формы топора: именно, здѣсь мы видимъ, какъ форма древняго свенскаго топора постепенно принимаетъ форму, которою характеризуется позднѣйшій славянскій топоръ. Фактомъ этимъ однакожь не слѣдуетъ злоупотреблять. Дѣло въ томъ, что всѣ эти формы топора можно видѣть въ „Атласѣ къ изслѣдованію о мерянахъ и ихъ бытѣ“ гр. А. С. Уварова (табл. XXIX), при чемъ форма №№ 1—2, т. е. съ выдающимся удлинненнымъ тыломъ, представляетъ характеристическую особенность топоровъ (собственно сѣкиръ), встрѣчающихся по преимуществу въ мерянскихъ курганахъ. Объ этой формѣ гр. Уваровъ замѣчаетъ: „Такая форма, между скандинавскими древностями, встрѣчается только въ бронзовомъ вѣкѣ, и сдѣлана въ подражаніе топорамъ каменнаго вѣка. Слѣдовательно, эти боевыя сѣкиры не привозились къ Мерянамъ изъ Скандинавіи, а вѣроятно изъ Германіи“¹⁾. Графъ Уваровъ упоминаетъ также о *малыхъ топорахъ*, имѣвшихъ не болѣе 2¼ вершковъ. Нѣчто подобное встрѣчается и здѣсь. Изъ двухъ топоровъ, найденныхъ въ Холмечско-Дубовицкомъ могильникѣ, одинъ имѣетъ только 1½ вершка, такъ что его скорѣе можно признать игрушкой, или

¹⁾ Меряне и ихъ бытѣ, 126.

какимъ нибудь символическимъ знакомъ, чѣмъ орудіемъ, имѣвшимъ практическое назначеніе. Что же касается копій, то они сохранились плохо, а поэтому о формѣ ихъ судить трудно.

При обзорѣ предметовъ, найденныхъ въ курганахъ Мозырскаго уѣзда, было замѣчено, что оружіе тамъ не встрѣчается. Раскопки В. Б. Антоновича показали, что и въ области древлянскихъ поселеній оружіе въ курганахъ попадаетъ сравнительно очень рѣдко. Такъ, не смотря на значительное число раскопанныхъ имъ могилъ (свыше 300), ему попалось лишь 8 копій и ни одного топора. Въ Рѣчицкомъ же уѣздѣ, какъ сказано было, на 245 кургановъ встрѣтилось 12 топоровъ и 2 копья, не говоря о топорахъ и копьяхъ, найденныхъ въ могилахъ крестьянами. Чѣмъ же объяснить такую сравнительно большую воинственность населенія данной области. Думаю, что здѣсь могли дѣйствовать двѣ причины. Во-первыхъ, близость Днѣпра, бывшаго большою проѣзжею дорогою, по которой совершалось движеніе не однихъ только мирныхъ купцовъ. Живя на такомъ пути, приднѣпровскіе жители всегда должны были быть на сторожѣ, такъ какъ имъ приходилось принимать не однихъ мирныхъ гостей. Второю причиною разсматриваемаго явленія было сравнительно большее развитіе торговли этого края съ отдаленными областями; а извѣстно, что въ то варварское время каждый купецъ былъ поневолѣ вмѣстѣ и воинемъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ фактъ присутствія вѣсовъ въ такой могилѣ, въ которой покойникъ погребенъ былъ съ оружіемъ. Незначительный объемъ вѣсовъ (см. № 7) прямо показываетъ, что они предназначались для взвѣшивания—или точнѣе, для провѣрки—монеты. Вѣсы же вообще считаются принадлежностью купцовъ. Въ мерянскихъ могилахъ они встрѣчаются нерѣдко.

Обращаясь къ другимъ предметамъ погребальнаго обряда, упомянемъ прежде всего о небольшихъ желѣзныхъ ножикахъ, въ изобиліи встрѣчающихся въ курганахъ. Ножики обыкновенно находятся у пояса, нѣсколько выше топоровъ, которые попадаютъ у праваго или лѣваго бедра—выше или ниже; чаще всего ножики встрѣчаются съ лѣвой стороны, иногда возлѣ кисти руки, что наводитъ на мысль о томъ, что покойники погребены были съ ножикомъ въ рукахъ; самое лезвіе ножиковъ имѣетъ отъ 1 до $3\frac{1}{2}$ вершковъ длины. Въ одномъ случаѣ, ножъ, длина лезвія котораго равнялась $3\frac{1}{2}$ вершкамъ, встрѣтился у берцовой кости; очевидно, онъ долженъ быть отнесенъ

къ типу такъ называемыхъ засапожныхъ. На обратныхъ концахъ ножиговъ иногда видны бывають слѣды дерева; это показываетъ, что рукоятки ножей были деревянныя. Обычай ношенія поясныхъ ножей въ припетскомъ полѣсьи во всей своей силѣ сохранился до настоящаго времени.

На ряду съ ножиками у пояса встрѣчаются: огниво, кремь, губка и оселокъ. Предметы эти заключались или въ особаго рода сумки, или въ мѣшечки. Сумки закиривались небольшими бронзовыми пряжками (см. табл. № 8), мѣшечки (нынѣшніе вапшукы, висеты) затягивались шнурами, къ концамъ которыхъ привѣривлялись бронзовыя кольца. Отъ сумокъ и мѣшечковъ иногда попадаются кусочки кожи. Но весьма вѣроятно, что въ старину, какъ и теперь, предметы эти приготовлялись также изъ пузыря (вапшукы) и холщевой матеріи. Всѣ названныя предметы, съ добавленіемъ табаку, и по настоящее время носятъ полѣшукы у пояса въ вапшукыхъ и висетахъ.

У пояса же встрѣчаются бронзовыя или желѣзныя пряжки отъ поясовъ, которыя, очевидно, были кожанныя. Подобнаго рода пояса (точнѣе кушаки) подъ названіемъ дяжекъ и попружекъ (вѣрнѣе подпружекъ) и по настоящее время употребляются въ Минской губерніи. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ форма пряжекъ какъ поясныхъ, такъ и тѣхъ, которыми закиривались сумки. Однѣ изъ нихъ имѣють форму колець, одна сторона которыхъ (нижняя) плоская, другая (верхняя, наружная) округленная. Концы этихъ пряжекъ не сходятся вполнѣ, а оканчиваются или простыми кольцевидными загибами, или какими нибудь другими формами, напр. головками животныхъ (табл. № 6). Форму пряжекъ другаго типа можно, вслѣдъ за гр. Уваровымъ, назвать лировидною съ внутреннею перепонкою, въ которой иногда находится небольшая дырочка для привѣривленія язычка (табл. № 8). Обѣ эти формы, не встрѣчаясь ни въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, ни въ области древлянскихъ поселеній, составляютъ характерную принадлежность мерянскихъ кургановъ (Атласъ, табл. XXXII), а также въ большомъ количествѣ встрѣчаются онѣ въ системѣ 3. Двины, въ Динабургскомъ уѣздѣ Витебской губерніи. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ употреблялись не только для стягиванія поясовъ, но замѣняли собою и пуговицы. У латышей, подъ именемъ

саксъ, эти пряжки сохранились до позднѣйшаго времени ¹⁾. Графъ Уваровъ, указавъ на то, что пряжки разсматриваемой формы существенно отличаются отъ пряжекъ скандинавскаго происхожденія, относить ихъ къ *восточнымъ издѣліямъ* ²⁾. На ряду съ пряжками слѣдуетъ упомянуть особый видъ костяныхъ фибулъ; это тонкія, круглыя, длиною около 2 вершковъ, костяныя палочки (напоминающія собою кусокъ обыкновеннаго карандаша), которыя, будучи прикрѣплены посрединѣ у одного борта платья, задѣвались въ петлю, находившуюся у другаго борта и, такимъ образомъ, замѣняли собою пуговицы. Такого рода фибулы попадаются, насколько мнѣ извѣстно, въ снесенныхъ курганахъ посульскаго края.

Въ числѣ принадлежностей домашняго быта встрѣчаются ведра, оловяныя желѣзными обручами, съ желѣзными дужками. Обычный діаметръ ведра около 6 вершковъ. Нѣкоторыя ведра, какъ мы видѣли, украшались серебряными вызолоченными бляшками. Впрочемъ, ведра встрѣчаются сравнительно не часто. Возможно, что отъ тѣхъ ведеръ, которыя скрѣплены были не желѣзными, а деревянными обручами, слѣдовъ въ курганахъ не сохранилось.

По одному экземпляру встрѣтились слѣдующіе предметы: желѣзные удила съ мундштукомъ, бронзовые вѣсы съ вѣсовымъ камнемъ, шило съ рукояткой изъ рога дикой козы, два обыкновенныхъ рога (цѣлый и кусочекъ) не совсѣмъ понятнаго назначенія, клыкъ дикаго кабана безъ всякой отдѣлки, кусокъ серпа и, повидимому, — ножницъ. Слѣдуетъ упомянуть также, что въ Холмечско-Дубовицкомъ могильникѣ въ руки покойниковъ даны были чаши: въ двухъ случаяхъ изъ черепа мѣстной черепахи, въ одномъ случаѣ изъ черепа человѣка.

Посуда встрѣчается въ курганахъ этой области сравнительно не часто: это въ большинствѣ случаевъ черепки отъ битыхъ глиняныхъ горшковъ приблизительно той же формы, съ какою и теперь приходится встрѣчаться въ домашнемъ быту мѣстныхъ крестьянъ. Раньше уже высказано было правдоподобное предположеніе, что, если не всегда, то въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, въ горшкахъ приносился на могилу огонь.

¹⁾ Матеріалы по археологіи Россіи. № 4, стр. 54 и примѣч. 7. Таб. V (№№ 1 и 6) и VI (№ 1, 6, 7, 22, 27).

²⁾ Меряне и ихъ бытъ, стр. 108.

Самое видное число предметовъ, встрѣчающихся въ могилахъ разсматриваемой области, относится къ разряду украшеній. Раскопки въ Мозырскомъ уѣздѣ показали, что тамъ особое вниманіе обращалось на украшеніе головы. Голову украшали, во первыхъ, серьгами, во вторыхъ—кольцами: височными и вплетавшимися въ волосы. Въ Рѣчицкомъ уѣздѣ на украшеніе головы обращалось, повидимому, мало вниманія. Затѣмъ, между височными кольцами, если они встрѣчаются, попадаются *большія*, которыя тоже приготовлялись изъ серебряной или бронзовой проволоки, но которыя достигаютъ до 2 вершковъ въ діаметрѣ ¹⁾. Попадаясь рѣдко въ западу отъ Днѣпра, височныя кольца большаго формата часто встрѣчаются въ областяхъ поволжскаго края и составляютъ одну изъ характеристическихъ особенностей женскихъ мерянскихъ украшеній ²⁾. Серьги въ курганахъ Рѣчицкаго уѣзда встрѣчаются тоже сравнительно не часто. За то особое вниманіе здѣсь обращалось на украшеніе шеи, конечно женщинами. Шея украшалась обыкновенно ожерельемъ, которое состояло изъ бусъ и привѣсковъ. Между бусами встрѣчаются: аметистовыя, сердаліевоыя, хрустальныя, стекляныя золоченыя, стекляныя синія и желтыя, серебряныя и бронзовыя дутыя; но самое значительное количество бусъ встрѣчается изъ композиціи. Бусы послѣдняго рода обыкновенно окрашены бываютъ въ различныя цвѣта; въ большинствѣ случаевъ въ могилахъ онѣ встрѣчаются въ разложившемся или въ полуразложившемся состояніи. Попадаютъ также бусы, приготовлявшіяся изъ свитой спиралью бронзовой проволоки. Любопытно то, что серебряныя и бронзовыя бусы филигранной работы, усѣянныя мелкимъ бисеромъ, въ большомъ количествѣ встрѣчающіяся въ Мозырскомъ уѣздѣ, въ Рѣчицкомъ уѣздѣ составляютъ большую рѣдкость. вмѣсто ихъ, въ качествѣ шиповъ на серьгахъ, встрѣчаются металлическія бусы болѣе нѣжной работы, въ значительномъ количествѣ встрѣчающіяся въ курганахъ мерянскихъ (Атласъ, табл. XXXI). Что же касается проволочныхъ бусъ, то онѣ, совершенно не встрѣчаясь, насколько, по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, въ Мозырскомъ уѣздѣ, въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ коллекціяхъ, добытыхъ въ восточныхъ

¹⁾ Височныя кольца большаго формата, добытыя мною изъ могильника, расположеннаго близъ селеній Ребуса и Гориводы Рѣчицкаго уѣзда, изданы въ Календарѣ Сѣв. Зап. края 1890 г. См. „О кург. Минск. губерніи“, стр. 13, № 1 и 3.

²⁾ Меряне и ихъ бытъ, стр. 108.

областяхъ европейской Россіи, а также въ системѣ З. Двины ¹⁾. Въ восточныхъ областяхъ Россіи попадаются цѣлые обручи, приготовленные изъ круглой или болѣе или менѣе плоской проволоки, обвитой спиралью около кожаннаго жгута, простой веревки, или даже около пряди женскихъ волосъ. Въ нашихъ курганахъ попадаются иногда бусы, представляющія собою небольшія трубочки, вылитыя изъ какого-то мягкаго сплава съ преобладаніемъ олова. При прикосновеніи къ нимъ онѣ обыкновенно рассыпаются. Между бусами иногда попадаются куски тонкой серебряной или бронзовой проволоки. Это, повидимому, обломки проволочныхъ обручей, на которые нанизаны были бусы. Ожерелья подобнаго рода попадаютъ въ мерянскихъ могилахъ (Атласъ, табл. XXXII, № 1). Между бусами въ ожерельи размѣщались привѣски, между которыми встрѣчаются: бубенчики (см. табл. № 9), медаліоны, монеты, бронзовыя бляхи, полунія и небольшія металлическія круглыя пуговицы съ ушками. Между медаліонами слѣдуетъ отмѣтить особый видъ съ изображеніемъ такъ называемаго бѣгущаго колеса. Со всѣми этими привѣсками встрѣчаемся въ мерянскихъ курганахъ (Атласъ, табл. XXVIII, XXXI).

Послѣ шеи особое вниманіе обращалось на украшеніе рукъ. На пальцахъ рукъ встрѣчаются кольца серебряныя и бронзовыя. По формѣ кольца можно раздѣлить на три вида: а) проволочныя простые безъ спайки, б) витыя и с) приготовленныя изъ пластинокъ, концы которыхъ иногда связывались узелкомъ. На рукахъ попадаютъ браслеты. Браслеты встрѣчаются желѣзные, бронзовые и серебряныя. По формѣ одни изъ браслетовъ свободны отъ всякихъ украшеній, другіе имѣютъ видъ жгутовъ, сплетенныхъ изъ проволоки. Послѣдніе особенно часто встрѣчаются въ мерянскихъ могилахъ (Атласъ, табл. XXVIII). Около кистей рукъ иногда попадаютъ бубенчики, которые, вѣроятно, прикрѣплялись къ обшлагамъ рукавовъ. Отъ самой же одежды слѣдовъ не сохранилось.

Для хронологіи раскопанныхъ кургановъ служатъ монеты. Монетъ найдено 4; всѣ относятся къ X вѣку: одна византійская Константина Багрянороднаго (948—959), три арабскихъ сасанидскихъ самаркандскаго чекана. Всѣ 4 монеты найдены въ курганахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ. Итакъ, курганы, въ которыхъ най-

¹⁾ Матеріалы по арх. Россіи. Тамъ же, Табл. IV, № 11, 13 и др.

дены были монеты, насыпаны были ни какъ не раньше конца X и начала XI вѣка. Вообще, если судить на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ кургановъ, то придется допустить, что начало появленія курганнаго населенія въ Минской губерніи не можетъ быть относитимо въ глубокую древность. Курганные обитатели этого края не знали ни каменнаго, ни бронзоваго вѣка: всѣ они переживали желѣзный вѣкъ и находились, повидимому, на одной и той же степени культурнаго развитія. Правда, въ предѣлахъ Минской губерніи каменные орудія встрѣчаются, но не въ курганахъ, а случайно выпадаютъ крестьянами при вспашкѣ полей; какому народу они принадлежатъ—это еще вопросъ. Кромѣ Мозырскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ, пробныя раскопки мною лично произведены были еще въ уѣздахъ Минскомъ, Игуменскомъ и Борисовскомъ, и я не могу указать ни одного могильника, въ которомъ желѣзо не встрѣчалось бы въ той или другой формѣ.

Изъ кургановъ Рѣчицкаго и другихъ уѣздовъ мною извлечена небольшая коллекція череповъ: всѣ они отличаются однообразіемъ и устойчивостью типа и относятся въ категоріи мезоцефаловъ.

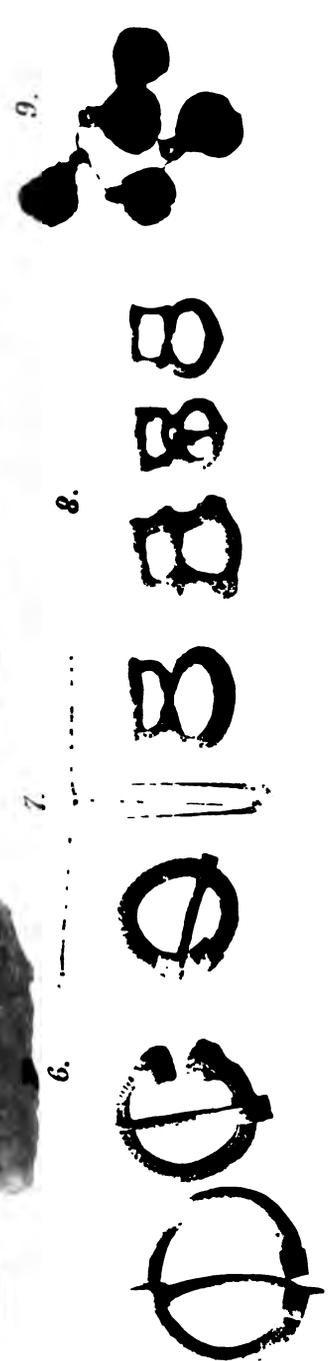
Относительно положенія костяковъ въ могилахъ ничего новаго не обнаружено, сравнительно съ тѣмъ, что найдено было въ Мозырскомъ уѣздѣ и что вообще встрѣчается въ славянскихъ курганахъ: всѣ костяки, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, лежали головою на западъ, ногами на востокъ; незначительныя уклоненія отъ компаса легко объясняются частію тѣмъ, что направленіе могилъ опредѣлялось на глазомѣръ, частію погребеніемъ покойниковъ въ разное время года. Руки или вытянуты бывають вдоль туловища, или сложены на желудкѣ—выше или ниже. Относительно положенія головы трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ она напоромъ насыпи почти всегда выведена бываетъ изъ своего первоначальнаго положенія. Съ значительною вѣроятностью можно утверждать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ покойники клались бокомъ. Для характеристики семейныхъ нравовъ необходимо отмѣтить фактъ погребенія мужа и жены рядомъ подъ одною насыпью, причемъ могилы ихъ обыкновенно отдѣляются небольшимъ простѣнкомъ изъ матеріала. Не лишень значенія и тотъ фактъ, что во взаимномъ положеніи могилъ иногда встрѣчается нарушеніе симметріи, т. е. двѣ могилы, находящіяся подъ одною насыпью, расположены бывають не парал-

лельно одна другой, а пересѣкаются подь острымъ угломъ. Это показываетъ, что могилы рыты были въ разное время года (примѣнительно къ восходу солнца) и, слѣдовательно, оба супруга погребены были не одновременно. Но встрѣчаются и такіе случаи, гдѣ мужъ, жена и ребенокъ погребены бывають въ одной могилѣ; встрѣчаются также матери съ дѣтьми. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ покойникамъ иногда придавались позы, указывавшія на ихъ взаимныя отношенія.

Во многихъ могилахъ обнаружены ясныя признаки деревянныхъ гробовъ; въ другихъ не найдено никакихъ слѣдовъ присутствія гробовъ. Что касается желѣзныхъ гвоздей, то теперь я категорически утверждаю, что они употреблялись исключительно для скрѣпленія гробовыхъ досокъ и другаго назначенія они не имѣли.

При обзорѣ найденныхъ въ могилахъ предметовъ указано было на ихъ близкое сходство, а иногда и полное тождество, съ предметами, извлеченными граф. Уваровымъ изъ мерянскихъ могильниковъ. Это показываетъ, что населеніе данной придиѣпровской области еще въ языческую эпоху находилось въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ приволжскимъ краемъ. Для уясненія исторіи колонизаціи ростовско-суздальскаго края этотъ фактъ имѣетъ серьезное значеніе.

В. З. Завитневичъ.

ПО ПОВОДУ „ДРОГИЧИНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ“.

Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью.

I.

Вопросъ о дрогичинскихъ древностяхъ въ археологической литературѣ.

17 лѣтъ тому назадъ, лѣтомъ 1864 г., на берегу р. Буга, подлѣ г. Дрогичина (Гродненской губ., Бѣльскаго у.), найдена была, среди прочихъ предметовъ, масса свинцовыхъ пломбъ, сразу причисленныхъ археологами къ „загадочнымъ и таинственнымъ по значенію“. Пломбы эти—разнообразной, но сравнительно незначительной величины, толщиной въ 2—3 миллиметра и въ громадномъ большинствѣ (въ сохранившихся въ цѣлости экземплярахъ) кругловатой формы. Нѣкоторыя имѣютъ ушко или слѣды его, но во всѣхъ существуютъ сквозныя отверстія, то проходящія (чаще всего) сквозь толщю пломбы, то въ срединѣ ея, и образующія внутри пломбы желобокъ. Кромѣ того всѣ онѣ—двойныя, состоятъ изъ двухъ сплюснутыхъ пластинокъ, и на нѣкоторыхъ видны слѣды сплющиванія. Почти на всѣхъ сохранились, съ большею или меньшею отчетливостью, рельефныя изображенія самаго разнообразнаго характера, рѣдко повторяющіяся. Рельефомъ оттиснуты: 1) рѣзы разныхъ формъ, то въ видѣ креста, то угла, то скрещенныхъ въ разныхъ видахъ 2, 3 и болѣе линій (что напоминаетъ руны), 2) буквы и славянскія, и латинскія (прописныя), 3) кресты, то просто, то съ якоремъ внизу, 4) изображенія лицъ, птицъ, чего-то въ родѣ четвероногихъ и т. д., и 5) иногда нѣчто въ родѣ римскихъ цифръ.

На пломбахъ оттиски встрѣчаются съ обѣихъ сторонъ, но попадаютъ то съ обѣихъ сторонъ изображенія фигуръ, то съ одной фигура, а съ другой рѣзы, то буква съ одной и якобы цифра римская, фигура или рѣзь съ другой и т. д. Словомъ, рядъ оттисковъ, которые хорошо знакомы всякому, посѣщавшему европейскіе музеи и архивы или разсматривавшему таблицы съ изображеніемъ такъ называемыхъ Haus- und Hofmarken Германіи и др. странъ.

Весенній разливъ Буга, подмывая правую сторону нагорнаго берега, гдѣ расположенъ Дрогичинъ, и срывая цѣлыми кусками черноземъ и мусорный слой, оставилъ послѣ спада воды часть размытыхъ предметовъ и пломбъ, попавшихъ,—какъ неотъемлемая область,—въ 1864 году въ руки археологовъ и, естественно, сдѣлавшихся предметомъ изысканій, догадокъ и т. д. Новые разливы, особенно разливъ 1888 года, привели къ открытію новыхъ экземпляровъ разныхъ предметовъ, особенно же свинцовыхъ пломбъ, число которыхъ теперь доходить до нѣсколькихъ тысячъ,¹⁾ усиливая интересъ къ этимъ „загадочнымъ“, какъ назвалъ ихъ одинъ изъ гг. археологовъ, предметамъ. Создалась цѣлая литература по вопросу о такихъ невѣдомыхъ пломбахъ, и дала рядъ остроумныхъ гипотезъ, имѣющихъ цѣлью объяснить смыслъ и употребленіе пломбъ.

Г. Амброжіевскій, открывшій ихъ впервые въ 1864 г., препроводилъ ихъ (въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ) въ Виленскій музей, и ученые члены тамошней археологической комиссіи, послѣ тщательнаго изученія присланныхъ предметовъ, пришли въ томъ же 1864 г. къ заключенію, что пломбы эти не иное что, какъ „висячія печати ятвяжскихъ грамотъ“. Что пломбы—древняго происхожденія и суть родовые гербы,—комиссіа не сомнѣвалась по, вѣроятно, вѣскимъ основаніямъ и потому уже, что однажды Дрогичинъ находился въ ятвяжской землѣ, однажды вещи найдены въ мѣстности, нѣкогда заселенной ятвягами,—можетъ ли быть, съ археологической точки зрѣнія, сомнѣніе въ томъ, что онѣ мѣстнаго издѣлія. Но извѣстный археологъ, графъ К. Тышкевичъ, не вполне согласился съ мнѣніемъ комиссіи, и въ специальной статьѣ, помѣщенной въ Тру-

¹⁾ Часть ихъ находится въ Кіевѣ у одного частнаго лица, и снимки ихъ частью отпечатаны въ „Сборникѣ снимковъ съ древностей, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“, въ выпускѣ 1, Кіевъ 1890 г. Наибольшая часть, около 921 снимка, еще печатается.

дахъ Московскаго археологическаго общества (т. 1, 1865 г., стр. 115—122) предложилъ свою гипотезу, свое археологическое объясненіе „таинственныхъ знаковъ“ или оттисковъ, сдѣланныхъ на пломбахъ. Что пломбы эти — ятвяжскія, — въ этомъ графъ Т-чъ сомнѣвался также мало, какъ и археологическая Виленская коммиссія. Находка ихъ, по его мнѣнію, — ясное свидѣтельство, что „ятвяги имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствѣ“, находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними странами и, слѣдовательно, „не были тѣмъ дикимъ и кочевымъ народомъ“, какимъ „представляетъ ихъ намъ исторія“ (Ib., стр. 119). Но допустить, чтобы пломбы были печатами къ грамотамъ, — на это графъ Т-чъ не рѣшился, ибо это значило бы приписать ятвягамъ такую степень развитія, такую „цивилизацию, какой они тогда не достигли“ (ib.). Опасался признать онъ въ пломбахъ и родовые знаки, зародышъ гербовъ, опасался потому, что это грозило бы полнымъ переворотомъ въ геральдию (стр. 119—120), заставило бы признать существованіе уже среди ятвяговъ рода Огинскихъ и др., гербы которыхъ сходны съ фигурами, оттиснутыми на свинцовыхъ дрогичинскихъ пломбахъ (ib.). Еще менѣе склоненъ онъ былъ принять и „гипотезу“ (догадку) о томъ, что рѣзы на пломбахъ — слѣды руническаго письма (къ чему позже склонялся отчасти покойный Котляревскій). Пораженный нѣкоторымъ сходствомъ символическихъ знаковъ на днахъ якобы жертвенныхъ горшковъ, находимыхъ въ раскопкахъ по разнымъ славянскимъ землямъ, съ знаками на пломбахъ Дрогичина, онъ рѣшилъ, что „пломбы эти принадлежали къ предметамъ, посвященнымъ божеству, и составляли религіозный символъ“, ибо въ знакахъ оказались „стрѣлы Перуна“ и т. п., а въ фигурахъ, оттиснутыхъ на пломбахъ, — изображенія, „неуклюже отдѣланныя и чудовищно исполненныя“, божества (ятвяги, вѣдь, придерживались многобожія) (121). Пломбы, говоритъ графъ Т-чъ, „могли представлять домашнія божества, складывавшіяся куданибудь (sic!) на жертву, или же носимыя съ собою. Далѣе, оттиски съ отверстіями не противорѣчатъ такому предположенію: они могли быть какими-нибудь религіозными талисманами, которые, можетъ статься, вѣшали въ священныхъ рощахъ или на шнуркахъ (стр. 122).

Открытія, сдѣланныя Виленскою коммиссіей и графомъ Т-чемъ, были сообщены Пражскому ученому обществу славянскихъ древностей и археологическому Великобританскому институту на ихъ заключеніе,

и оба ученыя общества не замедлили откликнуться на приглашеніе высказать свое мнѣніе о „таинственныхъ предметахъ“. Англійскіе археологи (за исключеніемъ двухъ: пастора Скарса и отчасти Рочъ-Смита) дали, какъ можно думать, прямой и категорическій отвѣтъ. Они признали пломбы г. Дрогичина—клеймами, привѣшиваемыми къ товарамъ, товарнымъ тюкамъ (не таможенными) ¹⁾. Но членъ Чешскаго ученаго общества, извѣстный археологъ Заппъ, высказался отчасти въ пользу мнѣнія археологической Виленской комиссіи. Онъ призналъ, что въ оттискахъ на свинцовыхъ пломбахъ существуетъ сходство съ польскими и чешскими гербами, но въ то же время высказалъ соображеніе, что штемпеля на пломбахъ могли изображать тамгу или таможенныя (очевидно, ятвяжскія) клейма, и это тѣмъ болѣе, что въ „древности черезъ р. Бугъ шли торговые пути внутрь Россіи“ ²⁾.

Мнѣніе нѣкоторыхъ англійскихъ археологовъ о торговомъ характерѣ пломбъ было оставлено безъ всякаго вниманія, вѣроятно, какъ не заслуживающее съ археологической точки зрѣнія даже разсмотрѣнія, и поэтому графъ Т-чъ остановился только на авторитетномъ мнѣніи Заппа, которое отвергъ цѣликомъ. Если, писалъ онъ въ Московское археологическое общество, и „существовали торговые пути въ отдаленныя, до-христіанскія времена, то не имѣется никакихъ данныхъ о существованіи въ то время таможеннаго порядка и тѣмъ менѣе—клейменія товаровъ свинцовыми штемпелями (ib., стр. 124) (Это, разумѣется, у ятвяговъ).

Московское археологическое общество, въ которое былъ перенесенъ столь интересный вопросъ, очутилось въ затруднительномъ положеніи въ виду такого крайняго разнообразія мнѣній о „таинственныхъ“ дрогичинскихъ свинцовыхъ пломбахъ, и, воспользовавшись присланными графомъ Т-чемъ снимками съ изображеній фигуръ на двухъ „жертвенныхъ горшковъ“, находимыхъ въ могилахъ Литвы, з. Руси и славянскихъ земель, поручило разборъ ихъ своему члену, покойному А. А. Котларевскому. Но послѣдній не рѣшился дать категорическій отвѣтъ на предложенный ему вопросъ, и, въ виду ка-

¹⁾ Такъ можно заключить изъ нѣсколькихъ неясныхъ писемъ графа Т-ча въ М. арх. общ.—Труды арх. М. о., I, стр. 124.

²⁾ Ib. 123 и 124.

завшейся ему несомнѣнной древности предметовъ, высказалъ не болѣе какъ догадку. Основываясь на данныхъ о нѣмецкихъ Haus- und Hofmarken, домовыхъ клеймахъ, данныхъ, взятыхъ имъ у Номейера (въ Zeitschrift für deutsche Mythologie) и воспроизведенныхъ въ приложеніи къ реферату въ видѣ таблицы, онъ отчасти склонялся, въ виду поразительнаго сходства клеймъ нѣмецкихъ Гомейера (шлезвигъ-голштейнскихъ, тюрингенскихъ и др.) съ извѣстными русскими того же типа, къ тому предположенію, что клейма эти, оттиски на днѣ горшковъ, были, вѣроятно, знаками собственности или просто фабричными клеймами. „Впрочемъ, прибавлялъ онъ, объ этомъ предметѣ трудно сказать что-нибудь положительное: доисторическая древность еще такъ мало намъ извѣстна“. Ему, очевидно, не были извѣстны появившіеся до 1864 г. труды Ниббе и Михельсена и замѣтка Hirsch'a о Hausmarke, какъ товарномъ клеймѣ, и потому онъ не рискнулъ пускаться въ догадки о свинцовыхъ дрогичинскихъ пломбахъ.

Вопросъ о нихъ такъ и остался открытымъ, пока новая, болѣе крупная находка 1888 года не вызвала новаго усиленнаго интереса къ дрогичинскимъ пломбамъ, не породила цѣлой серіи новыхъ догадокъ о нихъ и ряда изданія снимковъ съ нихъ.

Въ послѣдніе два года, 1890 и 1891 гг., гг. Авенариусъ ¹⁾ и Леопардовъ ²⁾, а затѣмъ г. Болсуновскій ³⁾ посвятили вопросу рядъ изслѣдованій и, особенно первые два,—создали новыя догадки, уничтожившія и оставившія далеко позади всѣ прежнія. Если прежде всѣ найденные на Бугѣ предметы изъ свинца оказывались несомнѣнно ятвяжскими, то теперь ятвяжская гипотеза исчезла, уступивъ мѣсто славяно-русской гипотезѣ. Даже болѣе:—не гипотезѣ, а доказанному факту, какъ въ томъ убѣждаетъ г. Авенариусъ. Но какъ ни различ-

¹⁾ „Дрогичинъ надбужскій и его древности“, въ сборникѣ, издав. археологической комиссіей въ Петербургѣ: Матеріалы по археологіи Россіи, т. I, вып. I, СПб. 1890.

²⁾ Въ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, наход. въ Кіевѣ“, вып. I (Кіевъ 1890): „по поводу дрогичинскихъ находокъ“, вып. 3 и 4 (Кіевъ 1891); о славянахъ, какъ основателяхъ Дрогичина.

³⁾ Статьи Б-аго: „Znaki pieczętnic na ołowiu (plomby), znajduwane przy m. Drohiczynie“, въ Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne, 1891 г., №№ 7 и 8.

ны выводы прежнихъ и новыхъ изслѣдователей, они сходятся вполне въ одномъ: въ признаніи безспорнымъ и доказаннымъ факта *мѣстнаго* происхожденія пломбъ. Что пломбы выдѣлывались въ Дрогичинѣ, въ этомъ не сомнѣваются ни г. Авенаріусъ, ни г. Леопардовъ. Встрѣтившіяся на нѣкоторыхъ пломбахъ славянскія буквы служатъ для г. А-а несомнѣннымъ свидѣтельствомъ ихъ русскаго происхожденія, а также и того, что они „чеканились“ въ Дрогичинѣ въ тѣ времена, когда существовавшій въ немъ языкъ былъ „правительственнымъ языкомъ“ и когда „русскіе правительственные знаки не были замѣнены литовскими или польскими“. Съ другой стороны, такъ какъ г. А-ъ не встрѣтилъ „*нигде*“, кромѣ Дрогичина, такихъ пломбъ, такъ какъ ему ничего неизвѣстно о существованіи ихъ въ другихъ странахъ, то, на основаніи этого, считаетъ вполне доказаннымъ, что они сдѣланы въ Дрогичинѣ и притомъ ранѣе конца XIV в. Обращаясь, затѣмъ, къ вопросу о томъ, въ какое именно время создано въ Дрогичинѣ производство загадочныхъ пломбъ, г. А. утверждаетъ, что этимъ временемъ былъ періодъ съ XII по XIV в., когда въ Дрогичинѣ существовалъ (вѣроятно и это тоже доказанный фактъ) спеціальнй „*дрогичинскій мастеръ*“ пломбъ. И это опять вотъ на какомъ основаніи:— „сфрагистическіе и нумизматическіе типы, говоритъ г. А-ъ, изобрѣтались туго и оставались иногда неизмѣнными въ теченіи вѣковъ“. Въ Европѣ варварскаго періода чеканились монеты въ подражаніе римскимъ монетамъ, „затѣмъ явился порталъ, крестъ“ и т. д., потомъ другіе знаки, пока „съ размноженіемъ монетныхъ дворовъ и ухудшеніемъ металла увеличилось и число типовъ. Наконецъ, когда денары превратились въ нигуда негодные брактеаты, разнообразіе типовъ разрослось до невѣроятія,“ и только, по оригинальному мнѣнію г. А-а, въ XIV в. опять ограничились небольшимъ числомъ типовъ. А такъ какъ изображенія на дрогичинскихъ пломбахъ сходны съ изображеніями на европейскихъ монетахъ, то г. А. полагаетъ, что „дрогичинскій мастеръ скопировалъ эти изображенія съ современныхъ ему заграничныхъ монетъ“. Онъ ничего не говоритъ о томъ, какое назначеніе, какую цѣль имѣло производство пломбъ, были ли онѣ монетами или нѣтъ. Но, вѣдь, слѣдуя методу г. Авенаріуса, не трудно было бы рѣшить и этотъ вопросъ, признать пломбы, ну, хоть напр., принудительной монетой. Вѣдь Дрогичинъ осаждался не разъ, вѣдь были примѣры употребленія принудительныхъ монетъ изъ свинца во

время осадъ, и т. д. ad libitum и съ одинаковой основательностью.

Создавши гипотезу о „дрогичинскомъ мастерѣ“, г. А-ъ идетъ далѣе. Если его гипотеза вѣрна, то какъ быть съ гипотезой англійскихъ археологовъ? Дѣло, вѣдь, въ томъ, что 1) въ найденныхъ пломбахъ, какъ видно и изъ имѣющихся въ Кіевѣ экземпляровъ ихъ, и изъ описанія ихъ самимъ г. А-ъ, существуютъ сквозныя отверстія либо сбоку, либо въ срединѣ, 2) что, далѣе, пломбы двойныя и носятъ слѣды сжиманія двухъ пластинокъ въ одну, и 3), что сквозь нихъ, очевидно, проходили нитка или веревочка. Факты эти, повидному, говорятъ какъ бы въ пользу предположенія англійскихъ археологовъ, но г. А-ъ отвергаетъ ихъ гипотезу. Ссылаясь на барона Тизенгаузена, онъ удостовѣряетъ, что на пломбахъ англійскихъ отчиснута римскія цифры, т. е. номера римскихъ когортъ и легионовъ, (только ли?) и что, слѣдовательно (?), пломбы не были товарными. И это, по убѣжденію г. А-а, тѣмъ болѣе, что „товарныя пломбы впервые введены Кольберомъ, значить въ XVII в.“ (стр. 17.); съ другой стороны, „намъ (кому?) ничего неизвѣстно, увѣряетъ г. А., о торговлѣ Дрогичина“.

Г. Леопардовъ вполне соглашается съ г. А., что пломбы—славяно-русскія, но идетъ далѣе въ объясненіи ихъ происхожденія. По его мнѣнію, онѣ были занесены въ Дрогичинъ или въ мѣстность, гдѣ возникъ позже городъ, христіанами¹⁾, бѣжавшими сюда отъ гоненій, воздвигнутыхъ римскими императорами, такъ какъ сходство знаковъ на пломбахъ дрогичинскихъ съ тѣми знаками, которые „первыми христіанами употреблялись въ римскихъ катакомбахъ“, по увѣренію г. Л-а, поразительно. Онъ дѣлаетъ даже предположеніе, что въ Дрогичинѣ существовало еще въ III в. нѣчто въ родѣ фабрики пломбъ, снабжавшей ими тайными путями христіанъ въ Имперіи.

Иначе нѣсколько отнесся къ пломбамъ г. Болсуновскій. Онъ, послѣ изученія и ихъ, и особенно другихъ предметовъ, найденныхъ подлѣ Дрогичина, пришелъ къ заключенію, что пломбы эти должны быть отнесены исключительно къ сферѣ экономическихъ отношеній, не болѣе. Но, пытаясь объяснить роль пломбъ, г. Б., къ сожалѣнію,

¹⁾ Во второй замѣткѣ г. Леопардовъ прямо называетъ ихъ славянскими, причѣмъ западный Бугъ отождествляетъ съ ю. Бугомъ. Вып. 3 · 4, стр. 29.

возвращается вновь къ гипотезѣ, ни на чемъ серіозномъ необоснованной, чешскаго археолога Запа. Онъ предполагаетъ, что пломбы были таможенными клеймами, „привѣшавшимися къ товарамъ, какъ свидѣтельство того, что пошлина уплачена за товаръ, или же, что товаръ, хотя и осматрѣнъ, но по чему-либо освобожденъ отъ уплаты ея“. Считаая, далѣе, г. Дрогичинъ, благодаря его пограничному положенію, важнымъ торговымъ пунктомъ, г. Б., нѣсколько смѣло, рѣшаетъ, что здѣсь была таможня, чрезъ которую проходили товары, и что здѣсь необходимо должны были выдѣлываться пломбы. А не находя прямыхъ и документальныхъ данныхъ въ подтвержденіе факта существованія какъ таможни въ Дрогичинѣ, такъ и вообще употребленія пломбъ въ таможенномъ дѣлѣ, надѣется, что исторія таможень въ Польшѣ послужитъ подтвержденіемъ его гипотезы. Но намъ думается, что было бы гораздо проще и съ большею выгодною для дѣла обратиться къ даннымъ з. европейской жизни, въ частности къ даннымъ исторіи Данцига и прусскихъ городовъ и вообще Германіи. Если бы г. Б. поступилъ такъ, онъ врядъ ли оставилъ бы безъ вниманія небольшое примѣчаніе въ книгѣ г. Авенаріуса, книгѣ, на которую онъ ссылается. Мы говоримъ о письмѣ къ г. А-у г. Шумовскаго, сообщившаго давно извѣстный и вполне достовѣрный фактъ, что въ средніе вѣка при сборѣ таможенныхъ пошлинъ ограничивались выдачею на свободный провозъ товаровъ письменныхъ ярлыковъ (Авенаріусъ, стр. 18 прим. 1.). Добавимъ, что почтенный авторъ статей въ *Wiadomości* посвятилъ немало труда на сличеніе (не бесплодное ли ?) знаковъ на пломбахъ съ знаками на монетахъ, гербахъ польскихъ и т. д.

Такова литература по вопросу о дрогичинскихъ пломбахъ, таковы тѣ разнообразнѣйшія, нерѣдко поразительныя „гипотезы“, которыя создали въ археологіи свинцовыя пластинки. То, что удивительнѣе всего, это общая почти увѣренность, что пломбы—мѣстнаго происхожденія. Ни одинъ изъ гг. археологовъ, посвятившихъ труды свои пломбамъ, даже не задалъ себѣ вопроса о томъ, мѣстныя онѣ или нѣтъ. Между тѣмъ вмѣстѣ съ пломбами было найдено и много другихъ предметовъ. Позволю себѣ дать перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ видахъ дальнѣйшаго изложенія. Это: 1) свинцовый кружокъ съ гербомъ Венеціи по срединѣ, превосходно выполненный и съ красивою надписью вокругъ: „*ex officina santo Marco*“, 2) кирская нум-

ма, 3) монеты польскихъ королей XV и XVI вв., и данцигскія и эльбингскія, затѣмъ 4) костяной гребень съ украшеніями, 5) обломки фитильнаго ружья, 6) бронзовый замокъ отъ шкатулки съ украшеніями, 7) масса стеклянныхъ бусъ, особенно *мозаиковыхъ* съ искусно выѣпленными узорами сквозъ всю стекляную массу, затѣмъ *эмальированныхъ*, т. е. съ наведенными на поверхности стекла цвѣтными изящными узорами, наконецъ, одноцвѣтныхъ: зеленыхъ, желтыхъ и т. д. Почему же эти послѣдніе предметы не включены въ число предметовъ тоже мѣстнаго производства, тогда такъ, безъ всякихъ доказательствъ, признаны таковыми первые? Если существовалъ „дрогичинскій мастеръ“ пломбъ, почему не могло быть мастеровъ фитильныхъ ружей, стеклянныхъ бусъ и т. п.?

Но не будемъ останавливаться на выводахъ, сдѣланныхъ уже относительно пломбъ и начертаній на нихъ. Я не имѣлъ вовсе въ виду разбирать эти выводы, производить оцѣнку основаній, на которыхъ они построены. Цѣль моя заключалась лишь въ томъ, чтобы изложить эти выводы и узнать, что сдѣлано гг. археологами по вопросу о „загадочныхъ“ пломбахъ.

Не будучи ни археологомъ, ни, въ особенности, любителемъ археологіи, а интересуясь лишь исторіей экономическихъ отношеній, я не буду касаться пломбъ и начертаній на нихъ съ точки зрѣнія археологической. Я постараюсь лишь сообщить въ настоящей замѣткѣ уже давно извѣстныя въ европейской литературѣ и тщательно обследованныя данныя о знакахъ на пломбахъ, объ употребленіи этихъ знаковъ въ мѣстностяхъ, близкихъ къ Дрогичину и являвшихся крупными центрами торговой дѣятельности, а затѣмъ обращусь къ тѣмъ, хотя и скуднымъ, но не безъинтереснымъ даннымъ о торговыхъ сношеніяхъ прусскихъ городовъ съ Литвой и Русью, сѣверо-и юго-западной, которыя давно уже были изложены въ европейской литературѣ, но страннымъ образомъ не были извѣстны у насъ.

Дѣло читателя—сдѣлать выводъ изъ сопоставленія нижеслѣдующихъ данныхъ съ гипотезами археологическими, изложенными выше, а гг. археологовъ воспользоваться или не воспользоваться ими при дальнѣйшихъ ихъ учено-археологическихъ изслѣдованіяхъ.

II.

Клейма и ихъ употребленіе въ средніе вѣка и въ новое время ¹⁾.

Когда козаки малорусскихъ общинъ производятъ передѣлъ пахатной общественной земли или артелью скошеннаго сѣна, то каждый изъ участниковъ передѣла является съ биркой, которая всѣ складываются въ шапку и вынимаются изъ нея послѣдовательно. Это служитъ средствомъ опредѣлить, кому достанется та или иная полоска земли, тотъ или иной стожокъ сѣна. На каждой такой деревянной биркѣ вырѣзанъ знакъ, то въ видѣ креста (прямого или косого, римской цифры), то вертикальныхъ или горизонтальныхъ линій (одной, двухъ и болѣе, стоящихъ и прямо, и наискось) и т. д. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ—знаки носятъ чисто геометрической характеръ. Подобные же знаки вырѣзываются на лапахъ утокъ или

¹⁾ Вопросъ о клеймахъ или знакахъ (Signum, Merke, Zeichen, Haus-und Hofmarken, botaek [шведскихъ] и т. д.), прикладывавшихся къ товарамъ, орудіямъ производства, скоту, всякаго рода предметамъ и движимой и недвижимой собственности, домамъ, гробницамъ и т. д., давно уже разработанъ въ европейской литературѣ. Пока клейма эти или знаки были въ общемъ употребленіи, составляли фактъ повседневной жизни (приблизительно до XVII в.), объ нихъ, какъ о знакахъ, имѣвшихъ юридическое значеніе и оформленныхъ обычнымъ правомъ и законами, какъ варварскими, такъ и позднѣйшими, трактовали въ цѣломъ рядѣ книгъ юридическаго содержанія. Юридическая литература конца среднихъ вѣковъ и XVI и XVII вв. наполнена разсужденіями объ этихъ знакахъ или клеймахъ, какъ объ одной изъ формъ, выражавшихъ и доказывавшихъ права собственности. О нихъ говорятъ уже юристы Bartolus и Bardus, а затѣмъ и рядъ преемниковъ ихъ. Особенно богата литература XVII в. (См. перечень юридической литературы у Goldschmidt, Handbuch des Handelsrechts, изд. 1874, I, стр. 7 и сл., особ. 52 и сл.; Schedel, Handbuch der Literatur und Bibliographie für Kaufleute, Lpz., 1796, и др. Ср. Homeyer, die Hausmarken, въ разн. мѣстахъ). Въ XVIII и XIX вв. клейма эти въ ихъ старинной формѣ вышли изъ употребленія, и значеніе и смыслъ ихъ были забыты. Вопросъ о нихъ поднять былъ въ 1837 г. (какъ кажется, впервые) Михельсеномъ, въ рефератѣ его въ обществѣ древностей въ Киль. Его сообщеніе вызвало рядъ работъ Магнуссена (въ Копенгагенѣ), Фалька, Иенсена (въ Ангельнѣ), Гомейера и массы другихъ, сообщившихъ свои изслѣдованія и открытія въ трудахъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ Германіи. Уже въ 1853 году разработка вопроса и количество собраннаго матеріала дали возможность Михельсену составить цѣлую книгу о клеймахъ (Michelsen, Die Hausmarken, Jena, 1853). Затѣмъ, въ 1857 г. появилась работа Hübbe: „Über den frühen Gebrauch der Hausmarken in der Stadt Hamburg (Hamb., 1857). Еще раньше, а затѣмъ вновь въ 1858 году Гиршъ (Hirsch) занялся тѣмъ же вопросомъ по отношенію къ Данцигу и на осно-

гусей, и по этому узнають владѣльца ихъ, такъ какъ знакъ извѣстенъ всей деревнѣ. Знакъ является здѣсь, какъ означеніе собственности извѣстнаго лица на данный предметъ, совершенно также какъ подобныя же знаки опредѣляютъ право собственности гуцуловъ на ихъ топорики и т. п., а дощечки съ вырѣзанными на нихъ клеймами, привѣшенныя къ мѣшкамъ съ хлѣбомъ, означаютъ теперь, кому изъ крестьянъ архангельскихъ принадлежитъ мѣшокъ, поставленный въ хлѣбномъ магазинѣ ¹⁾).

Употребленіе такихъ знаковъ геометрическаго характера—явленіе общераспространенное у всѣхъ почти народовъ и во всѣ времена, и,—хотя и рѣдко,—оно сохранилось кое-гдѣ и въ современной намъ Европѣ. Въ Англии и теперь еще при передѣлахъ общинной земли употребляется бирва съ нарѣзками, совершенно сходными съ нарѣзками у малороссовъ и т. д. ²⁾. Тоже въ Мекленбургѣ, на о-вѣ Рюгенѣ и проч. ³⁾. Въ Сициліи узнають, кому принадлежитъ скоть, по знакамъ, сдѣлан-

---

ваніи документовъ и предметовъ, хранящихся въ данцигскомъ архивѣ, сообщилъ результатъ своихъ изслѣдованій, во 1-хъ, въ приложеніи IV къ Chronik der Stadt Danzig Weinreich'a: Über die Verbreitung etc. der Hausmarken in der Provinz Preussen, и во 2-хъ, въ спц. главѣ въ Danzigs Handels—und Gewerbsgeschichte, (Lpz. 1858), стр. 223—226. Въ 1890 г. сводъ всего сдѣланнаго по вопросу о Hausmarken представленъ былъ Homeyer'омъ, извѣстнымъ знатокомъ этого вопроса: Die Haus und Hofmarken, Berlin 1890 (съ массою рисунковъ). Не останавливаясь на литературѣ вопроса въ другихъ странахъ, какъ не находившихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Литвой, укажу на то, что въ Англии вопросъ о клеймахъ былъ разработанъ уже въ пятидесятыхъ годахъ, напр., въ статьяхъ въ Archaeologia (т. 16, 33 и 35), а затѣмъ Ewing'омъ въ 1850 г., въ его Notices of the Norwich merchant marks (въ Papers of the Norfolk and Norwich archaeological Society) и многими другими. Существованіе такой весьма обширной литературы въ Англии и объясняетъ вполне отвѣтъ, данный по вопросу о дрогичинскихъ пломбахъ лондонскими археологами. Только] полнымъ незнакомствомъ съ литературой о Hausmarken, мы можемъ объяснить странную въ устахъ археолога фразу г. Авенариуса: о „загадочныхъ знакахъ, нацарапанныхъ (sic!) на какихъ-то стертыхъ чешскихъ зданіяхъ“ (стр. 15). Знаки эти, и иражскія и масса другихъ, давно уже объяснены и Михельсеномъ, и Гомейеромъ и др.—Въ нашей литературѣ имѣется специальное изслѣдованіе о клеймахъ г. Ефименко: „Юридическіе знаки“, помѣщ. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ. 1874 г., №№ 10, 11 и 12.

¹⁾ Ефименко, Ж. М. Н. П., октябрь 1874, стр. 68.

²⁾ Gomme, the village community, стр. 166, 268 и сл.

³⁾ Homeyer, Hausmarken, стр. 217, 218 и др. Гомейеромъ составлена и специальная книга объ этихъ бирвахъ или Looszeichen въ Германіи.

нымъ на ушахъ ¹⁾, а норвежскіе купцы, занимающіеся скупкою лѣса, клеймятъ каждый своимъ „рунообразнымъ“ знакомъ срубленныя и сплавленныя по горнымъ ручьямъ деревья ²⁾.

Въ средніе вѣка употребленіе знаковъ было до того всеобщимъ, что самыя ранніе изъ варварскихъ законовъ говорятъ о нихъ, какъ объ юридическихъ знакахъ, опредѣляющихъ права собственности на землю, деревья, скотъ, убитую дичь и т. д. ³⁾. Въ обычномъ правѣ, какъ оно было сформулировано въ XII и XIII вв., вопросъ о знакахъ, клеймахъ, какъ юридическомъ институтѣ, занимаетъ видное мѣсто, и опредѣленія этого права вполнѣ выясняютъ характеръ, смыслъ и значеніе этихъ клеймъ. Изъ исландскаго обычнаго права, извѣстныхъ *Gragas*, гдѣ вопросу о знакахъ (*einkunn* или *mark*) посвященъ длинный рядъ статей, видно, что знаки эти передавались по наслѣдству, т. е. являлись родовыми знаками (*angeerbte mark*), что, подобно всякой иной вещи, они были тоже предметомъ наслѣдованія и раздѣла, что установленіе ихъ не было вполнѣ произвольнымъ, такъ какъ требовалось, чтобы знакъ, усвоенный кѣмъ либо, былъ принятъ и признанъ сосѣдями, сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ имъ, на всемъ протяженіи округа (*Herad*). Въ случаѣ раздѣла считалось обязательнымъ нѣкоторое измѣненіе знака при переходѣ его къ не прямому наслѣднику; если же въ данномъ округѣ оказывались сходныя знаки, сосѣди требовали измѣненій въ знакѣ того изъ двухъ, кто не могъ доказать права изстариннаго наслѣдственнаго пользованія имъ ⁴⁾. Во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ—предъявленіе знака считалось безспорнымъ доказательствомъ, и потому фальсификація его или поддѣлка признавались уголовнымъ преступленіемъ, наказуемымъ, какъ воровство ⁵⁾. Здѣсь, въ этихъ *Gragas*, о знакахъ говорится не

¹⁾ Sidney Sonnino, I contadini in Sicilia, стр. 20.

²⁾ Pomeyer, 27.

³⁾ Всѣ соответственныя выдержки изъ *Leges Barbarorum* о *signum* или *signa* см. у Pomeyer'a, 8 и сл., и Michelsen'a, 14 и сл. Объ употребленіи клеймъ, какъ юридическихъ знаковъ собственности, т. е. о „пятнахъ“, „знаменахъ“, говорится въ Русской Правдѣ, Литовскомъ статутѣ и т. д. См. Ефименко, Ж. М. Н. П., 1874 г., октябрь, 74 и сл.

⁴⁾ Статьи *Gragas* о знакахъ сообщены въ переводѣ въ книгѣ K. Maurer'a, *Island*, 1874, и у Michelsen'a, *Hausmarken*, 18—23.

⁵⁾ *Ib.* Ср. пост. въ Christoph. *Landslagh Bignynga*, B., cap. XLIII, въ сборникѣ (*Corpus juris sueco-gothorum*), изд. Schlyter'омъ.

только въ отношеніи недвижимой или движимой собственности, но и въ отношеніи уже торговли, торговыхъ сдѣлокъ (въ *Kaupra balkr*, составлявшей особый раздѣлъ).

Совершенно сходныя постановленія мы находимъ въ шведскихъ и датскихъ кодексахъ обычнаго права ¹⁾, какъ и во многихъ кутюмахъ и Франціи, и Англіи, и Германіи. Въ обычномъ правѣ о-ва Рюгена, напр., даже особая статья посвящена вопросу о клейменіи утокъ, гусей и курей ²⁾. Въ теченіе XIV, XV и посл. вѣковъ рядъ законовъ, изданныхъ тогдашними правительствами, придалъ знакамъ обязательный характеръ. Такъ, напр., въ Англіи спеціальнымъ закономъ Генриха IV, отъ 1406 г., было предписано, чтобы на всѣхъ стрѣлахъ и наконечникахъ стрѣлъ были наложены знаки или штемпеля лицъ, выдѣлавшихъ ихъ ³⁾, и подобное же требованіе, чтобы товары были „gemerket“, много разъ повторяемо было и въ постановленіяхъ прусскихъ сеймовъ (*Landtagen*) XV в. ⁴⁾, и въ рядѣ постановленій различныхъ и германскихъ, и французскихъ городовъ ⁵⁾.

Такіе знаки въ раннее время, какъ то показали Михельсенъ, Гомейеръ, Гиршъ и др., и какъ то видно изъ *Gragas*, были *Hofmarken*, т. е., *домовыми* или *дворовыми* знаками или клеймами. Они составляли наследственную принадлежность даннаго рода или семьи, передавались по наследству и могли быть усвоены постороннимъ лишь съ разрѣшенія или сосѣдей, или, позже, государства или городского управленія ⁶⁾. Пока родъ и семья составляли единое нераздѣль-

¹⁾ У Schlyter'a, въ Упландскомъ законѣ, *Withaerbo* B. XXVII, въ Вестманландскомъ *Bygninga*, B. LXIV, въ Седерманландскомъ, *Bygninga*, B. XXXIX и т. д.

²⁾ *Rugianische Landgebrauch*, tit. 176, стр. 216.

³⁾ Schanz, *Englische Handelspolitik*, I, 613.

⁴⁾ *Acten der Ständetage West-Preussens*, I, постан. 1444 г., стр. 633, 1445 г., стр. 657, 1446, стр. 697, 700, 1446 же г., 731 и т. д.

⁵⁾ Maurer, *Geschichte der Städteverfassung*, III, 17 и сл. Ср. *Monuments pour servir à l'histoire du tiers état*, IV, 132, 210, 222, 225, 367, 349, 363 и т. д.

⁶⁾ См. любопытный указъ Карла V 1365 г., по которому пользоваться наследственно знакомъ наследственнымъ же умершаго безъ наследниковъ ножевщика было разрѣшено другому. Fagniez, *Etudes sur l'industrie*, 387.

ное цѣлое,—знакъ родовой былъ общею принадлежностью, но съ раздѣломъ рода или семьи онъ переходилъ лишь къ одному изъ отдѣлившихся сыновей, или къ прямымъ потомкамъ даннаго рода; остальные сохраняли право на родовой знакъ, но подѣ условіемъ внесенія въ него какихъ-либо отмѣтокъ, съ помощью которыхъ легко можно было отличить знакъ каждой изъ отдѣлившихся частей первоначальнаго цѣлаго. Такъ, если родовой знакъ состоялъ изъ простаго креста, въ видѣ римской цифры X, то знакомъ боковыхъ линій являлась та же фигура, но съ прибавленіемъ или маленькаго штриха внизу, или одной или нѣсколькихъ вертикальныхъ чертъ, въ родѣ IX, PX, XI, XII и т. д.¹⁾ или же, если знакъ родовой былъ чѣмъ-то въ родѣ N, то въ боковыя линіи онъ переходилъ въ видѣ N, N и т. д.²⁾ Какъ средство обозначенія собственности, какъ знакъ, выразившій данное лицо или данную группу, клеймо прикладывалось ко всякимъ вещамъ и предметамъ, все равно недвижимымъ ли то (домамъ, стекламъ въ окнахъ, зданіямъ, гробницамъ, землѣ и т. д.), или движимымъ, и даже служило въ раннее время символомъ передачи собственности изъ рукъ въ руки³⁾. Такую же роль играло клеймо или Hofmarke и при подписаніи документовъ, и большая часть снимковъ, снятыхъ съ клеймъ Гомейеромъ, Михельсеномъ и др., именно и взяты съ средневѣковыхъ рукописей.

Первоначально, въ теченіе большей части среднихъ вѣковъ, почти до XVI в., лишь исключительно два типа знаковъ были въ употребленіи. Какой изъ нихъ возникъ раньше, и возникли ли одновременно или разновременно, — рѣшить трудно. Но, несомнѣнно, преобладающимъ былъ лишь одинъ изъ нихъ. Типы эти выражались либо въ формѣ 1) геометрическихъ начертаній самаго разнообразнаго вида, либо 2) фигуръ: человѣческой головы или лица, птицъ, звѣрей, орудій всякаго рода (топора, пилы, угольника и т. д.)⁴⁾. Чаще всего

¹⁾ Homeyer, стр. 192 и др. Ефименко, окт. 1874 г., стр. 69, и таблицы въ прилож. у Гомейера и у Ефименко.

²⁾ См. въ таблицѣ къ статьѣ г. Болсуновскаго, № 2 и 3.

³⁾ См. Michelsen, 46 и сл.

⁴⁾ Такъ напр., въ Ульмѣ попадались знаки въ кружкѣ въ формѣ львиной головы, головы вола, осла, собаки и т. д.; въ Базелѣ тоже и сѣдла, повозки, agnus Dei и т. д. См. Mauger, III, 17. Въ Лондонѣ у одного пеха—голова леопарда, Schanz, I, 615, и т. д.

употреблялся первый изъ нихъ. При мало распространенной грамотности въ то время, фактъ употребленія лишь этихъ двухъ типовъ не представляетъ ничего удивительнаго, и, поэтому то отчасти, мы не встрѣчаемъ въ теченіе этого времени употребленія буквъ въ видѣ клейма¹⁾, что какъ увидимъ, возникло въ болѣе позднее время, хотя, разумѣется, не во всѣхъ странахъ одновременно.

Съ усложненіемъ общественной жизни и возникновеніемъ значительнаго раздѣленія труда и занятій, съ развитіемъ все большимъ и большимъ и промышленной, и торговой дѣятельности, Hofmarken подверглись многимъ и существеннымъ измѣненіямъ, въ особенности въ смыслѣ ихъ примѣненія. Два указанные выше типа, правда, удержались всецѣло и сохранили полное преобладаніе почти до XV в. Но съ развитіемъ купеческаго класса и, слѣд., съ умноженіемъ новыхъ формъ сдѣлокъ, вызванныхъ торговлею и торговыми сношеніями, прежнія Hofmarken превратились въ Hausmarken. То разложеніе рода или соединенной семьи, которое всегда вызывается торговой дѣятельностью, вносящею начало индивидуализма и личнаго заработка, личнаго труда, отразилось и на знакахъ. Создалось крайнее разнообразіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гораздо болѣе произволь въ знакахъ или клеймахъ. Съ другой стороны, самое примѣненіе клеймъ получило большую сложность.

„Всѣ произведенныя понынь изслѣдованія, говоритъ Гиршъ²⁾, показываютъ, что уже несомнѣнно съ XIII вѣка употребленіе купца-

---

Еще въ VIII в. въ одномъ документѣ сказано, что знакъ имѣлъ сходство съ человѣческой фигурой (in cuius capite similitudo hominis erat). Annales Guelferb. у Pertz'a I, 43 цит. Michelsen'омъ, стр. 46. Ср. Homeyer, главу: das Bild im Hausmarken, стр. 351 и сл. Онъ склоненъ думать, что употребленіе фигуръ въ видѣ знаковъ—сравнительно поздняго происхожденія.

¹⁾ Попадающіеся иногда знаки, напоминающіе, напр., букву Ж, врядъ ли могутъ служить опроверженіемъ.—Въ Hofmarken нерѣдко ставится буква эта въ формѣ: Ж, Ж, Ж. Но дѣло въ томъ, что это—чисто геометрическій знакъ. Мы встрѣчаемъ его въ Исландіи, Любекѣ, Marienburger Werder, о. Рюгенѣ, Тюрингіи и т. д., и, напр., у Кореловъ Арханг. губ. (см. таблицы у Homeyer'a, Michelsen'a и у Ефименко, декабрь 1874). Тоже относит. буквы E, 3, латинской W (встрѣч. въ Арх. губ.), и въ особенности римскихъ цифръ. Было бы крупной и грубой ошибкой всякое подобіе буквы или римской цифры считать дѣйствительной буквой или цифрой.

²⁾ Hirsch, Danzigs Handelsgeschichte, 223.

ми Hausmarken было распространено какъ въ нѣмецкихъ городахъ, находившихся внѣ и внутри Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, въ Скандинавіи, Голландіи, Англии и т. д. Но, такъ какъ письмо составляло въ то время искусство и было извѣстно весьма немногимъ, то, продолжаетъ Гиршъ,—что также подтверждаетъ массой примѣровъ и Гомейеръ,—ни на судѣ до конца XV, ни при сдѣлкахъ письменные документы, подписанные собственноручно, далеко не имѣли такой силы убѣдительности, какъ знакъ, т. е. клеймо или штемпель съ фигурой или геометрическими знаками, даннаго лица, приложенный къ документу или какой-либо вещи. Еще въ XV в. споръ, напр., о дѣйствительности или подложности векселя основывался на разслѣдованіи подлинности или неподлинности знака, „Merke“. Такъ, въ 1430 г. подлинность одного векселя была признана потому, что штемпель или знакъ одного данцигскаго купца былъ признанъ дѣйствительно имъ приложеннымъ къ векселю. Въ другомъ случаѣ, въ 1429 г., вексель одного купца изъ Ломжи былъ признанъ подложнымъ лишь потому, что было доказано свидѣтельскими показаніями, что печать этого купца была украдена¹⁾. Знаки эти прикладывались купцами ко всякаго рода вещамъ и документамъ, и было обязательно для каждаго купца заявлять о своемъ знакѣ (что записывалось въ нотаріальныя книги) и заносить изображеніе его и въ торговыя книги. Выработался и способъ приложенія этого знака. Въ прусскихъ городахъ,—наиболѣе для нашей цѣли важныхъ,—еще въ 1363 г. введено было, какъ нѣчто обязательное (въ силу постановленія геррмейстера), правило, что каждый купецъ долженъ имѣть у себя кольцо или перстень съ своимъ знакомъ и печать (Petschaft, Petschiere)²⁾. Эта печать и служила средствомъ клейменія и товаровъ, и векселей и т. п. въ теченіе какъ XIV и XV вв., такъ и позже. Но на всѣхъ сохранившихся такихъ печатяхъ XIV и XV вв., напр. гор. Данцига³⁾, а также и другихъ мѣстъ⁴⁾, мы находимъ

¹⁾ Ib. Ср. въ статьѣ Ефименко о значеніи клеймъ на волостныхъ судахъ. Ж. М. Н. П., 1874, октябрь, 67 и др.

²⁾ Homeyer, 75.

³⁾ Hirsch, стр. 224, прим. 930.

⁴⁾ Homeyer, 173 и сл.

лишь одни Hausmarke, т. е. знаки геометрическіе по преимуществу, и только на печатахъ XVI и XVII вв. еще и буквы или уже только одни буквы (иниціалы).

Но знаки у купцовъ получили иной характеръ, чѣмъ какой они имѣли прежде. „Для купца, замѣчаетъ Гиршъ, поземельная собственность была лишь какъ бы постороннею, второстепенною вещью; движимость стояла у него на первомъ планѣ, и потому знакъ или клеймо отдѣлялись теперь вполне и всецѣло отъ земли и связывались уже исключительно съ личностью“. ¹⁾ Поэтому пользоваться, какъ прежде, однимъ фамильнымъ знакомъ для купца было дѣломъ невозможнымъ. Необходимо было каждому купцу отдѣльно, все равно—былъ ли то отецъ и сыновья, имѣть свой особый знакъ. И это не только измѣненный фамильный. Послѣдній могъ оставаться, но для торговыхъ дѣлъ нуженъ былъ и другой. Этимъ объясняются слова юристовъ Любека и другихъ городовъ въ XVI и XVII вв., что у каждаго купца долженъ быть и имѣется свой особый знакъ ²⁾. На портретѣ одного данцигскаго купца, нарисованномъ Гансомъ Гольбейномъ, изображены лежащими на столѣ кольцо съ фамильнымъ знакомъ и печать съ „Merke“, имѣющею чисто геометрическую форму (въ берлинскомъ музеѣ № 586).

Пока, при зародышевыхъ формахъ торговли, купецъ всегда самъ сопровождалъ свой товаръ и продавалъ его лично, пока кредитныя сдѣлки были очень рѣдки, и даже продажа товара совершалась на наличныя деньги или производилась обмѣнъ товарами, примѣненіе знаковъ или клейма къ товарамъ не могло имѣть широкаго распространенія и значенія. Ихъ примѣненіе возросло съ усложненіемъ торговыхъ отношеній, съ развитіемъ кредитныхъ сдѣлокъ, съ созданіемъ класса посредниковъ, комиссіонеровъ, экспедиторовъ и т. д. Только тогда, когда купецъ пересталъ производить продажу и покупку лично, когда пересылка това-

¹⁾ Hirsch, 224. Ср. Homeyer, 189.

²⁾ „In multis Saxoniae locis videmus, ut mercatores annulo habente insigne alio signo, quod mercum vocant, signent“ Höpkingk, у Homeyer, 172. Ср. ib., 135, о различіи, которое усматривали юристы XVI и XVII вв. между insignis и armis, съ одной, и signis купцовъ, signa mercatoria, съ другой стороны. Ср. Marquardo, Tractatus de jure mercatorum etc., Frankf. 1662, f.о 448 и сл.

ровъ и векселей и обмѣнъ ихъ стали происходить заочно, знаки, какъ юридическое доказательство собственности, могли и должны были получить особенное значеніе.

Уже въ XIII, но особенно въ XIV в., измѣненія въ характерѣ веденія торговли привели къ болѣе широкому примѣненію знаковъ. Въ торговыхъ статутахъ Марсели, Висби и др.¹⁾ приложение штемпелей къ товарамъ выступаетъ какъ распространенный и общеупотребительный фактъ. О „Merke“ на товарныхъ тюкахъ постоянно упоминается въ этихъ случаяхъ, и они признаны доказательствомъ принадлежности товара тому или иному купцу. Въ обычаѣ было прикладывать къ каждому тюку знакъ и сверхъ того отмѣчать тотъ же знакъ и на адресѣ письма, сопровождавшаго товаръ, и на поляхъ самого письма²⁾. Въ случаѣ потери товара, покражи его, крушенія корабля, на которомъ товаръ былъ отправленъ, знаки на тюкахъ или самихъ товарахъ служили всегда болѣе надежнымъ средствомъ опредѣлить собственника товара, какъ это ясно показываютъ намъ такъ называемыя Rollen, списки товаровъ (Thogner и др.), заключающіе въ себѣ перечень тюковъ и проч., найденныхъ гдѣ нибудь на берегу послѣ крушенія. Въ этихъ Rollen, въ книгахъ, гдѣ записывались товары, въ первой графѣ противъ каждого товара рисовалась „Merke“ тюка, иногда и имя того купца, чья „Merke“, такъ какъ въ XV в. вошло въ общій обычай знать „Merke“ и иноземныхъ купцовъ, съ которыми купцы даннаго города, Любека, Данцига и т. д., находились въ сношеніяхъ³⁾.

Вслѣдствіе расширившихся и усложнившихся торговыхъ сношеній, знакомство съ клеймами чужегородныхъ купцовъ сдѣлалось

¹⁾ Pardessus. Collection des loix maritimes, IV, 265. Schlyter, VIII, 230.

²⁾ Употребленіе „Merke“ на письмѣ служило иногда и средствомъ отвести глаза, когда письмо содержало какое нибудь секретное порученіе, чуждое торговаго дѣла. Такъ въ 1411 году торговцы кувеческимъ знакомъ воспользовались, напр., данцигскій городской советъ, желая узнать, что дѣлалось въ Торнѣ, который вступилъ въ пререканія съ гермейстеромъ ордена по вопросамъ объ обложеніи, и бургомистръ котораго былъ посаженъ въ тюрьму. Письмо это съ кувеческимъ данцигскимъ знакомъ напечатано въ Acten der Ständetage Preussens, II, 167. Тѣ же кувеческія „Merke“ служили и для поднеса, и для гробницъ и т. д. Homeyer, 267 и 173.

³⁾ См. эти Rollen въ изложеніи у Homeyer'a, 268 и сл.

простой необходимостью. И дѣйствительно, въ торговыхъ книгахъ купцовъ XV в. мы находимъ рисунки знаковъ и тѣхъ лицъ, съ которыми данный купецъ находился въ сношеніяхъ ¹⁾. Такой знакъ чужаго купца могъ быть вписанъ въ книгу на основаніи фигуръ, изображенныхъ въ письмѣ, и его-то привѣшивали къ тюку всякій разъ, когда товаръ отправлялся на имя этого купца. Но уже въ XV в. накладываніе штемпеля дѣлалось все болѣе и болѣе произвольнымъ. Раньше, какъ еще нерѣдко и въ XV в., знакъ на тюкѣ и знакъ въ письмѣ были тождественны и другъ съ другомъ и съ знакомъ даннаго купца, вырѣзаннымъ на его печати. Но съ XV в., если старый порядокъ еще продолжаетъ существовать, то не безъ частыхъ исключеній. Такъ, въ XV в. одинъ данцигскій купецъ, высылая 13 тюковъ, привѣшиваетъ къ каждому тюку особый знакъ ²⁾. Въ 1446 г. 9 данцигскихъ купцовъ, отправляя товаръ по Мемелю, подвѣшиваютъ къ товарнымъ тюкамъ вмѣсто усвоеннаго знака, знаки, изображающіе фигуру бороны, сѣти и т. п. Въ 1431 г. изъ Данцига же вывезены были бочки съ сельдами и въ каждую были вбиты гвозди въ извѣстномъ порядкѣ, фигурное изображеніе и расположеніе которыхъ сообщено было покупателямъ или получателямъ товара въ письмѣ ³⁾. Но считалось обязательнымъ прикладывать дѣйствительный или условленный штемпель купца, который купилъ товаръ и которому товаръ этотъ отправляется ⁴⁾, хотя это далеко не всегда исполнялось и нерѣдко произвольно накладывался то знакъ отправителя, то получателя, а позже и тотъ и другой ⁵⁾.

Такимъ образомъ, въ періодъ времени съ XIV по XV в., создалось уже крайнее разнообразіе знаковъ или клеймъ, „Merke“, и употребленіе ихъ получило характеръ значительнаго произвола. Тѣмъ не менѣе, не смотря на разнообразіе знаковъ, старинные ихъ типы: геометрическія линіи и фигуры, все еще играли первенствующую роль. Нерѣдко и фигура, и геометрическія линіи, какъ купеческій знакъ, являются тѣсно связанными другъ съ другомъ, и на пред-

¹⁾ *Ib.*, выдержки изъ *Handelsbuch* XV в. стр. 273.

²⁾ *Hirsch*, 226. *Homeyer*, 270 и сл.

³⁾ *Ib.*

⁴⁾ *Ib.* *Homeyer*, 336 и 70.

⁵⁾ *Homeyer*, 355, 102 и др.

меты собственности, а позже и на товары накладываются или пришиваются и тотъ и другой штемпель ¹⁾. Печати съ такими двойными знаками встрѣчаются уже и въ XV ²⁾.

Но весьма рано сравнительно (съ XIV в.), хотя вначалѣ и очень слабо, проявляется стремленіе создать новый типъ штемпеля, замѣнить старые знаки новыми въ видѣ инициаловъ, начальныхъ буквъ имени или фамиліи, или и того и другого вмѣстѣ. Первые случаи, наиболѣе ранніе, относятся еще къ XIV в. и къ Данцигу и указаны Гиршемъ ³⁾. Но здѣсь еще старая форма не вытѣснена. Геометрическія линіи „Merke“ сохраняются всецѣло, и къ нимъ, обыкновенно съ боковъ, прибавлены инициалы. Такое прибавленіе буквъ, замѣчаетъ Гомейеръ, являлось слѣдствіемъ стремленія обособить, отличить фамильный штемпель, индивидуализовать его для каждаго отдѣльнаго купца, отца, напр., и сына ⁴⁾. Въ извѣстныхъ штемпеляхъ XV в. и особенно XVI это встрѣчается все чаще и чаще, при чемъ буквы поставлены сбоку главной „Merke“. Но уже къ концу XVI в., вслѣдствіе установленія полной свободы и полного произвола въ употребленіи знаковъ или штемпелей въ торговомъ мірѣ ⁵⁾, замѣчается все большее и большее расширеніе буквъ насчетъ стараго знака. Гомейеръ, на основаніи изученныхъ имъ штемпелей, показалъ, какъ послѣдовательно расширилось поле инициала или буквы. Въ XVI и къ началу XVII ст. они, эти буквы, сливаются съ геометрической линіей, то помѣщаясь на самой линіи, то служа для стараго геометрическаго знака какъ бы подставкой (буква внизу, надъ ней старая „Merke“). Въ XVII и XVIII вв. переходъ къ однимъ буквамъ уже полный въ торговыхъ сношеніяхъ, и старая система знаковъ почти совершенно исчезаетъ ⁶⁾. Въ Стральзундѣ уже въ первые годы XVII в. купцы употребляютъ для своихъ тюковъ почти исключительно однѣ буквы, а въ Любекѣ полного торжества буквы достигаютъ въ XVIII в. ⁷⁾.

¹⁾ Примѣры у Hirsch'a въ Beilage къ Chronik, 128, 129 и др. Homeyer, 354 и сл.

²⁾ Homeyer, 102. Ср. Goldschmidt, Handelsrecht, 647 и 560.

³⁾ Hirsch, Beilage къ Chronik, 131.

⁴⁾ См. напр. на таблицѣ V Nos 138 и 139, штемпеля отца и сына, у Homeyer'a.

⁵⁾ Homeyer, 342.

⁶⁾ Homeyer, § 115: die Buchstaben, стр. 344 и сл.

⁷⁾ Ib., 348.

Если теперь, отбѣтивши въ общихъ чертахъ значеніе, характеръ и развитіе торговыхъ знаковъ въ Европѣ, мы обратимся къ тѣмъ знакамъ, которые находятся на дрогичинскихъ пломбахъ, то увидимъ, что на пломбахъ отбиты три системы знаковъ: геометрическія линіи (т. е. настоящая „*Merke*“ или *Hausmarke*), фигуры (лицо, рука, птица, звѣрь и т. д.), и, наконецъ, буквы, то славянскія, то латинскія; въ одномъ случаѣ даже видимо сочетаніе буквы и знаковъ ¹⁾. Сличая знаки эти, по внѣшнему ихъ виду, съ тѣми образцами знаковъ, которые находятся на печатяхъ, на рукописяхъ и т. д. западно-европейскихъ и въ частности германскихъ и которые изданы Гомейеромъ, Михельсеномъ и др., мы не можемъ не замѣтить полной параллели между ними, иногда поразительнаго и полнаго сходства (напр. въ клеймѣ съ якобы буквою Ж, въ формахъ креста съ загнутыми на подобіе топора концами его и т. д.), а, главное, полнаго тождества методовъ въ начертаніи ихъ. Что они, судя по характеру ихъ, служили юридическими знаками собственности, врядъ ли можетъ быть оспариваемо, и это тѣмъ болѣе, что знаки совершенно такого же рода и притомъ несомнѣнно юридическаго характера были общераспространеннымъ явленіемъ на Руси, какъ то показалъ г. Ефименко ²⁾.

Такимъ образомъ, имѣются весьма сильныя основанія признать единственно вѣрною гипотезу англійскихъ археологовъ, а именно, что пломбы эти были товарными знаками. Но какъ ни сильны они, какъ ни значительны презумпціи въ пользу англійской гипотезы, одинъ лишь фактъ сходства,—хотя бы даже и въ способахъ начертанія знаковъ,—еще не можетъ самъ по себѣ служить достаточно прочнымъ основаніемъ для признанія пломбъ—товарными. Факта этого достаточно лишь для опредѣленія того, что знаки имѣли вообще юридическій характеръ; но чтобы предположеніе о торговомъ ихъ значеніи могло получить полную достовѣрность, необходимо узнать, существовали ли торговыя сношенія з. Европы, въ частности близлежащихъ нѣмецкихъ городовъ, съ тою мѣстностью, гдѣ найдены пломбы.

Посмотримъ же, что говоритъ намъ исторія объ этихъ торговыхъ сношеніяхъ.

¹⁾ См. № 11 въ таблицѣ, прилож. къ статьѣ Тышкевича въ Трудахъ М. арх. общества, т. I, 1865.

²⁾ Ж. М. Н. Пр., 1874, октябрь, 72 и сл.

III.

О торговых сношеніяхъ Торна и Данцига съ сѣверо-западной и южной Русью.

Въ обширной статьѣ, посвященной Дрогичину и дрогичинскимъ пломба́мъ и изданной археологической комиссіей, г. Авенариусъ спрашиваетъ, между прочимъ: „имѣемъ ли мы основаніе говорить о таможенныхъ или товарныхъ пломба́хъ, когда изъ исторіи намъ неизвѣстно *ничего* о торговлѣ Дрогичина?“ И съ большой дозой ироніи онъ прибавляетъ: „конечно, и въ данномъ случаѣ найдется матеріалъ для гипотезъ; можно, напр., *предположить*, что чрезъ Дрогичинъ направлялась торговля пупнымъ товаромъ изъ Занаревскаго ятвяжскаго края и Бѣловѣжской пущи въ западную Европу и, что благодаря этой торговлѣ, *смыды которой сохранились въ таможенныхъ пломба́хъ* (курсивъ автора), Дрогичинъ достигъ того матеріальнаго благосостоянія, которое выражается въ безчисленныхъ находимыхъ въ его городищѣ предметахъ“ (стр. 18).

Я ничего не имѣю противъ ироніи, но думаю, что въ данномъ случаѣ она была направлена г. А—омъ вовсе не туда, куда слѣдовало бы. Еще въ 1834 г. извѣстнымъ авторомъ исторіи Пруссіи Фойхтомъ¹⁾, а затѣмъ—и въ особенности—въ 1858 г. Гиршемъ, въ его исторіи данцигской торговли²⁾, былъ сообщенъ рядъ документальныхъ данныхъ о торговых сношеніяхъ „западной Европы“ съ сѣверо-западной и южной Русью, данныхъ, взятыхъ изъ архивовъ и относящихся къ XIII—XV вв. Данные эти обойдены въ нашей литературѣ почти полнымъ молчаніемъ, между тѣмъ всѣ они такого рода, что, будь они извѣстны до перваго открытія пломба́ въ Дрогичинѣ въ 1864 г., врядъ ли бы дана была возможность созданія и „ятвяжской“ теоріи, и гипотезъ, смѣнившихъ ее.

Въ настоящей главѣ я попытаюсь изложить эти уже совершенно не гипотетическія данныя, ограничиваясь лишь ими одними и не

¹⁾ Voigt, Geschichte Preussens, 9 томовъ. Königsberg, 1827—39.

²⁾ Hirsch, Danzigs Handels und Gewerbsgeschichte, изданіе общества князя Яблоновскаго въ Лейпцигѣ, 1858.

прибѣгая къ другимъ, такъ какъ ихъ вполне достаточно для цѣли нашей замѣтки.

Въ одну изъ Willküren Ганзы, изданной еще въ 1346 г., внесено было постановленіе, въ силу котораго изученіе русскаго языка сдѣлано было обязательнымъ для молодыхъ людей купческаго званія (не старше 20 лѣтъ). Когда же Ганза замѣтила, что къ такому же изученію стремятся и голландцы, то 16 іюля 1423 г. ганзейскіе вендскіе города поспѣшили издать постановленіе о томъ, чтобы всаческими средствами препятствовать голландскимъ юнцамъ достигнуть званія этого языка ¹⁾. Очевидно, что ганзейскіе торговцы крайне нуждались въ посредникахъ съ Русью, посредникахъ, владѣющихъ ея языкомъ. Очевидно и то, какое значеніе придавали они торговлѣ съ нею. И это не только съ однимъ Новгородомъ, но и съ сѣверо-западной и южной Русью. Достаточно разсмотрѣть списки товаровъ, вывозившихся изъ Руси сначала купцами Торна, а затѣмъ Данцига съ XIII по XVI в., чтобы убѣдиться въ этомъ. Главнымъ предметомъ вывоза былъ лѣсъ и лѣсные продукты. Ихъ покупали и вывозили и торнскіе, и данцигскіе купцы въ XIV и XV вв.,—и даже, можно думать, и ранѣе,—какъ изъ собственно литовскихъ земель, такъ и изъ Польши и южной Руси. Покупка и подвозъ лѣса, сплавъ его по рѣкамъ совершались или съ помощью и при посредствѣ мѣстныхъ купцовъ и евреевъ, или непосредственно самими торнскими или данцигскими купцами, скупавшими лѣсъ на мѣстѣ, лично (какъ, напр., дѣлали это въ началѣ XV в. крупные данцигскіе торговцы лѣсомъ, Гансъ Гильгенбургъ, van Sundern и др. ²⁾), и сплавлявшими его при посредствѣ своихъ факторовъ по ближайшимъ рѣкамъ до Вислы. Специальные письменные контракты, скрѣпляемые обыкновенно мѣст-

---

¹⁾ Stieda, Zur Sprachkenntniss der Hanseaten, въ Hansische Geschichtsblätter 1884 г., и у Buchwald, Zur deutschen Wirthschaftsgeschichte im endenden Mittelalter, Kiel, 1887, стр. 222—3. Обязательно было также и знаніе эстонскаго языка. Обратнo, и купцы, по крайней мѣрѣ литовскіе, старались ознакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ и держали для этого учителей, какъ можно заключить изъ того, что въ началѣ XV в. городъ Вильна запретилъ горожанамъ держать у себя на дому „учителей языковъ“ (Sprachlehrern) изъ Пруссіи и среди зимы изгналъ всѣхъ такихъ учителей. Hirsch, стр. 171.

²⁾ Hirsch, 178.

ною городской властью и заносимые въ городскія книги ¹⁾, были заключаемы данцигскими вупцами съ мѣстными купцами и собственниками. Въ контрактѣ означались точно сортъ дерева, его длина и толщина, качество, и т. п., также и то—въ сыромъ или обработанномъ (на мѣстныхъ лѣсопильняхъ) видѣ лѣсъ долженъ быть проданъ и доставленъ. Обширная торговля лѣсомъ, которую велъ Данцигъ, благодаря, главнымъ образомъ, сильному спросу на него и особенно на лѣсъ, употреблявшійся на выдѣлку луковъ и оружія,—спросу со стороны Англии и Фландріи,—вызывали усиленные сношенія съ югомъ Руси, главнымъ образомъ съ Галичиной и Волынью, съ Сандоміромъ, съ мѣстностями по Дунайцу и Сану, а также съ Луцкомъ и Житомиромъ ²⁾. Карпаты доставляли лѣсъ преимущественно этого сорта. Его обыкновенно сортировалъ спеціальнѣйшій агентъ въ Сандомірѣ; затѣмъ онъ вторично сортировался въ Данцигѣ. Кромѣ того вывозился строевой и дровяной лѣсъ, какъ изъ этихъ мѣстностей, такъ и изъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, изъ городовъ на з. Бугѣ, Наревѣ и т. д. Лѣсъ, вывозимый съ береговъ Нарева и Буга, купцы скупали въ *Halewick* (?), двухъ мѣстностяхъ одного и того же имени, изъ которыхъ одна лежала между *Холмомъ* и *Брестъ-Литовскомъ*, а другая подлѣ Ломжи.

Рядомъ съ лѣсомъ немаловажную роль игралъ и поташъ, добываемый въ тѣхъ же лѣсахъ и особенно въ лѣсахъ литовскихъ. Его ссыпали въ бочки, везли въ Кенигсбергъ (изъ Литвы и Ковно), под-

---

¹⁾ *Ib.* Гиршъ ссылается на копию такого договора, внесеннаго изъ городской тикоцинской книги въ *Schöppenbuch* Данцига 1427 г., *ib.*, прим. 602. Основываясь на массѣ имѣющихся въ данцигскомъ архивѣ документовъ этого рода, онъ замѣчаетъ, что „многочисленные городки на з. Бугѣ и Наревѣ имѣли городское устройство, по образцу нѣмецкихъ городовъ въ Силезіи“. „Neben einem Vogte oder Burggrafen, Bürgermeister und Rathmannen besteht überall ein Schöppengericht, vor welchem die Kaufverträge aufgenommen werden, welches über die Aufrechthaltung derselben wachte und auf die Aufforderung des Danziger Rathes gegen säumige Schuldner einschritt“ (178—9). Онъ приводитъ и случаи дѣятельности въ этомъ случаѣ городскихъ управленій.

²⁾ *Ib.*, стр. 165, 174—5 и др. Впрочемъ, относительно роли Житомира въ этого рода торговлѣ существуетъ сомнѣніе. О немъ упоминается лишь исключительно, когда дѣло идетъ о торговлѣ гнутымъ лѣсомъ для выдѣлки оружія. Но, замѣчаетъ Гиршъ (стр. 175, прим. 547), „Сандоміръ и Житомиръ записывались въ данцигскихъ документахъ до того сходнымъ образомъ, что весьма часто трудно рѣшить, о какомъ изъ двухъ городовъ идетъ рѣчь“.

вергали сортировкѣ, прикладывали на каждой бочкѣ знакъ медвѣжьей лапы (Bägenklaue) и отправляли въ Данцигъ ¹⁾).

Затѣмъ предметами вывоза являлись: *воскъ* (почти исключительно изъ собственно литовскихъ мѣстностей), *мѣха* (жунья, хорьковыя, бобровыя, норковыя, горностаевыя и др.), которые скупались на всемъ пространствѣ сѣверо-западной Руси до Смоленской области включительно, *кожи* и въ сыромъ (главн. обр. самогитскія), и въ обработанномъ видѣ (Smolenskischer Werk ²⁾), *хлѣбъ* (позже, главнымъ образомъ уже въ XVI в.), *пряжа и пенька*, скупаемыя обыкновенно цѣлыми возами, и т. д. ³⁾.

Обратно, предметомъ ввоза являлись, кромѣ соли, болѣею частью обработанные продукты. Они отправлялись въ Литву и Польшу и обмѣнивались на предметы вывоза. То было прежде всего сукно, массаами посылаемое въ Литву уже въ обработанномъ видѣ, въ видѣ „Nosen und Mützen“ ⁴⁾, затѣмъ, соленая рыба, сплавляемая весною и осенью изъ Данцига по Вислѣ на особыхъ лодкахъ, „Weichselkähne“ ⁵⁾. Главнымъ образомъ то были угри и сельди, шедшіе въ большомъ количествѣ въ Краковъ, Львовъ, откуда они приобрѣтались въ Молдавію и Валахію ⁶⁾. Кромѣ того,—шелковыя матеріи, сахаръ, всякаго рода пряности, шафранъ и т. п., наконецъ, разнообразныя предметы мѣстной данцигской и прусской промышленности. „Нѣтъ, заявляютъ, напр., въ 1492 г. ольдермены ковенской конторы, такого предмета прусскаго ремесла, который не былъ бы въ употребленіи и спросѣ въ Литвѣ“ ⁷⁾.

¹⁾ *Ib.*, стр. 165—6.

²⁾ *См. ib.*, списокъ товаровъ, наход. на данцигскомъ рынкѣ, стр. 260—261. Тысяча кожъ такого Smolenskisches Werk, продавалось въ 1425 г., напр., за черныя кожи—56 марокъ, за красныя—40; въ 1426 за первыя—54 м., за вторыя—44 и т. д. Принимая марку XV в. равною 3 соврем. талерамъ, получаемъ для 1425 г.—168 тал., и 120 т., для 1426—162 т. и т. д. Замѣтно уменьшеніе цѣнъ къ концу столѣтія. Въ 1458 въ Брюгге 1 тысяча кожъ смоленскихъ продавалась за 50 марокъ или 150 талеровъ.

³⁾ *Ib.*, 166 и 176.

⁴⁾ *Ib.*, 165 и 184.

⁵⁾ *Ib.*, стр. 164.

⁶⁾ *Ib.*, 186—7.

⁷⁾ *Ib.*, 165. Сюда же могутъ быть отнесены и колокола, покупка которыхъ и здѣсь, и въ Россіи вообще, изъ Германіи была весьма частой. *См. у Бережкова, О торговлѣ Руси съ Ганзой*, стр. 166. Дополняемъ сдѣланные имъ указанія ссылкой на одну изъ грамотъ 1284 г. (въ грамотахъ сѣверо-зап. края, изд. Наперскимъ въ 1857 г., № IV: грамота смоленскаго князя о пѣмедкомъ колоколѣ).

Если мы спросимъ, какими путями шла эта торговля, то получимъ отвѣтъ, который имѣетъ первостепенное значеніе для нашей цѣли.

Какъ въ то время, когда первенствующая роль въ торговлѣ съ Литвой, Польшей и Русью принадлежала Торну, такъ и позже (съ XV в.), когда Данцигъ сдѣлался главнымъ и преобладающимъ здѣсь дѣятелемъ, слѣдующіе главные пути связывали прусскіе города съ указанными мѣстностями. Оставляя въ сторонѣ собственно польскіе торговые пути, остановимся лишь на тѣхъ, которые связывали Торнъ и Данцигъ съ сѣверо-западной и южной Русью. Прежде всего существовало четыре пути черезъ Польшу въ Галичину. Одинъ шелъ изъ Торна на Брестъ Куявскій и Ленчиць въ Сандоміръ, а оттуда въ Бартфельдъ или Бартфа въ Венгрію; другой—на Брестъ Куявскій же, Петриковъ, Мѣховъ до Кракова и далѣе въ Галичину и Венгрію; третій—на Люблинъ въ Львовъ; наконецъ, четвертый—черезъ Брестъ и Ленчиць въ Опочно¹⁾. Но то были не единственные и не главнѣйшіе пути. На юго-востоку, *въ бассейнѣ Наревы и Буны* проходили пути, которыми особенно дорожили торговцы Данцига и Торна. Путь шелъ почти все время по рѣкамъ. Главною артеріею служила Висла, затѣмъ Нарева до Пултуска, наконецъ з. Бугъ, гдѣ торговый путь захватывалъ Нуръ, *Дроичинъ*, Мельпиевъ и доходилъ до *Брестъ-Литовска*. То былъ путь, по которому товары шли изъ Торна или Данцига. Обратное движеніе товаровъ изъ главнаго пункта пути,—Бреста, въ Данцигъ и Торнъ нѣсколько видоизмѣнялось. Товары шли водой *отъ Бреста до Дроичина*. *Въ Дроичинѣ суда останавливались; здѣсь происходила перегрузка ихъ на подводы, которыми товаръ отправлялся до Наревы*, въ окрестностяхъ Ломжи, а оттуда по Нареву и Вислѣ, вновь на судахъ (*Weichselschiffe*),—въ Торнъ²⁾. Сверхъ того, существовала цѣлая сеть путей, проходившихъ по Литвѣ, съ центральнымъ узломъ ихъ, находившимся въ *Камен*, или Ковно. Они связывали Вильну, Троки, Полоцкъ, Смоленскъ съ Данцигомъ, игравшимъ въ этихъ областяхъ первенствующую торговую роль, главнымъ образомъ, со времени заключенія мирнаго договора 12 октября 1398 г.

¹⁾ *Ib.*, стр. 180.

²⁾ *Ib.* Ср. Wernicke, *Geschichte Thornus*, I, 151. Въ письмѣ геррмейстера нѣмецкаго ордена, отъ 1425 г., помѣщ. цѣлкомъ у Wernicke, о путяхъ этихъ сказано, что они „von alders gegen Ungarn und Russen durch das königreich Polen zu szien pflogen“.

между Витовтомъ и нѣмецкимъ орденомъ. Специальная нѣмецкая контора, по образцу новгородской, бергенской, лондонской и въ Брюгге, была основана въ Ковно, гдѣ данцигцы успѣли приобрести въ собственность городскія земли, на которыхъ они устроили свои дома и склады. Подобная же контора существовала, повидимому, и въ Вильнѣ¹⁾, и, какъ важна была вся мѣстность Литвы для эксплуатаціи данцигскихъ торговцовъ, можно видѣть изъ тѣхъ сооружений, которыя были сдѣланы ими для того, чтобы улучшить судоходство по Мемелю, и изъ проектовъ о проведеніи канала отъ Лабіау до Куришъ-Гафа²⁾.

Но, несомнѣнно, самымъ важнымъ путемъ былъ путь по Бугу. Обеспеченіе и приобретение его составляли предметъ особенныхъ заботъ и Торна, и Данцига³⁾, и въ теченіе XIII, XIV и XV вв. по Бугу, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, совершалось усиленное торговое движеніе, связывавшее отчасти Галичину, а главнымъ образомъ Волынь и Брестъ-Литовскъ съ Торномъ и Данцигомъ. Путь этотъ не только не потерялъ значенія и позже, въ XVI и XVII вв., но сдѣлался ареною еще болѣе оживленной торговли. Затрудненія для торговой дѣятельности данцигцевъ въ Ковно и Литвѣ, затрудненія, возникшія еще въ XV в. и усилившіяся къ началу XVI вв., принудили данцигцевъ съ меньшимъ рвеніемъ относиться къ ковенской конторѣ. Соперничество виленскихъ купцовъ привело мало по малу ковенскую контору до полного паденія. Правда, въ 1525 г. Данцигъ попытался было оживить свою контору, но даже обѣщаніе заплатить тысячу гульденовъ польскому королю не подѣйствовало, и привилегіи, которыхъ добивался Данцигъ, не были утверждены польской короной. Результатомъ явилось полное опустѣніе конторы. Въ 1527 году она стояла впустѣ, а въ 1540 уже издано распоряженіе объ обязательной

¹⁾ *Ib.*, стр. 161. Я, къ сожалѣнію, не могу подробно останавливаться на исторіи ковенской конторы и торговли Данцига съ Литвой и Русью. Она подробно изложена у Нигаш'а, стр. 160—172, и затѣмъ въ прилож. VIII ко 2 книгѣ: „Spätere Schicksale des preussischen Kontors in Kaauen“, стр. 282—287.

²⁾ *Ib.*, стр. 162. Ср. статью Wutzke о Мемелѣ въ *Beitrage zur Kunde Preussens*, t. 10, 2 Heft, стр. 89 и сл., 3 Heft, 221 и сл., 4 Heft, 281; Voigt, т. VI, стр. 393 и VII, 338.

³⁾ Жители Торна усердно просятъ, напр., геррмейстера нѣмецкаго ордена добиться того, чтобы приобрести (*erwerben*) путь (*Strasse*) по з. Бугу.

продажѣ всѣхъ „wüste Grundstücken“, принадлежавшихъ данцигцамъ¹⁾. Но за то параллельно упадку торговли съ Литвой усилилась торговая дѣятельность Данцига по Бугу, между прочимъ, съ Волинью и Луцкомъ. Въ распоряженіи знатока исторіи Волини, О. И. Левицкаго²⁾, имѣется цѣлый рядъ документовъ, записанныхъ въ луцкихъ городскихъ книгахъ XVI и XVII вв. и обнаруживающихъ съ полною очевидностію крупныя размѣры торговой дѣятельности Данцига въ XVI и XVII вв. Цѣлый рядъ контрактовъ, заключенныхъ данцигцами съ мѣстными купцами и особенно съ мѣстными помѣщиками на предметъ покупки, главнымъ образомъ, лѣса и лѣсныхъ продуктовъ, а также хлѣба и т. п., не оставляютъ на этотъ счетъ и мѣста сомнѣнію. Отправка товара, какъ видно изъ этихъ договоровъ, шла по з. Бугу, а способъ заключенія контрактовъ сохранился въ прежней формѣ, какъ онъ практиковался въ XIV и XV вв. Уже въ XV в., говоритъ Гиршъ (стр. 177 и сл.), лѣсные и др. продукты доставлялись въ Данцигъ частью непосредственными владѣльцами, помѣщиками и управителями королевскихъ помѣстій, частью купцами, населявшими маленькіе города по Нареву, Бугу и въ Галичинѣ (главнымъ образомъ армянами и евреями), и скупавшими лѣсъ у собственниковъ. Дѣло велось за счетъ и на средства данцигскихъ купцовъ. Во время пребыванія въ Данцигѣ, лица эти заключали письменные договоры съ крупными данцигскими торговцами срокомъ на годъ или нѣсколько лѣтъ и съ обязательствомъ доставить требуемое количество товара. Заключались они въ присутствіи суда (Schöppengericht) и вносились въ книги. Купецъ данцигскій выдавалъ обыкновенно всѣ деньги впередъ, а поставщикъ обязывался подъ угрозой пени доставить въ опредѣленное время товаръ даннаго качества и въ данномъ количествѣ въ Данцигъ. Нерѣдко поставщикъ получалъ такіа задаточныя деньги подъ залогъ своего имущества, земли, находившейся на его роднѣ, или дома. Въ иныхъ случаяхъ выдавалась ему сумма

¹⁾ *Ib.*, въ Beilage VIII, стр. 286—7.

²⁾ Позволяемъ себѣ привести искреннюю благодарность О. И. Левицкому за сообщеніе этихъ цѣнныхъ данныхъ, до сихъ поръ совершенно почти неизвѣстныхъ (въ европ. литературѣ нѣтъ специальныхъ исследований по исторіи торговли Данцига съ XVI в.), и выразить пожеланіе, чтобы онъ носкорѣе и въ возможно большемъ количествѣ опубликовалъ эти открытія. Въ числѣ актовъ луцкихъ имѣются и акты о поддѣлкѣ купеческихъ знаковъ, прикладываемыхъ къ товарнымъ посылкамъ, или купеческаго „шара“.

на заказъ не исполнѣ, а по третямъ, при чемъ послѣднюю треть данцигскій купецъ уплачивалъ по полученіи товара, и т. д. ¹⁾).

Припомнимъ, въ добавокъ, что торговыя сношенія Данцига распространились въ XVII и особенно XVIII в. и на лѣвобережную Украину, откуда вывозъ хлѣба и пеньки сдѣлался однимъ изъ крупныхъ отраслей дѣятельности.

Когда возникли впервые торговыя сношенія по з. Бугу, рѣшить этотъ вопросъ оказывается совершенно невозможнымъ въ настоящее время. Но изъ данныхъ, сообщенныхъ Voigt'омъ, не подлежитъ сомнѣнію, что торговыя сношенія по Бугу существовали уже въ XIII в. Къ концу XIV и къ началу XV в. они, видимо, приобрѣли значительные размѣры и создали уже цѣлый классъ купцовъ въ Брестъ-Литовскѣ. На это ясно указываетъ письмо польскаго короля къ геррмейстеру нѣмецкаго ордена отъ 1402 г., въ которомъ король проситъ послѣдняго разрѣшить его подданнымъ и купцамъ, въ особенности же *купцамъ русскаго Бреста (Bretsk Ruthenicum)* безпрепятственно везти лѣсъ и другіе продукты по Вислѣ и свободно продавать и покупать на всей территоріи ордена. Геррмейстеръ далъ въ томъ же году просимое разрѣшеніе ²⁾. Правда, вслѣдствіе того, что Краковъ приобрѣлъ право Niederlage, Niederlagsrecht, т. е. право и склада провозимыхъ товаровъ, и исключительной покупки ихъ краковскими купцами, для перепродажи, Торнъ, торговля котораго съ Галичиной подверглась, благодаря этому, сильнымъ стѣсненіямъ и была съужена, добился отиѣны привилегіи, данной брестскимъ купцамъ. Но если послѣдніе потеряли право свободной торговли со всѣми городами Пруссіи и были вынуждены продавать и покупать все въ Торнѣ и Торну, приобрѣвшему то же право Niederlage, то это не уменьшило торговыхъ сношеній Бреста съ Торномъ и лишь сдѣлало брестскихъ купцовъ болѣе зависимыми сначала отъ купцовъ Торна, а затѣмъ, съ XV в., съ усиленіемъ Данцига, и отъ купцовъ этого послѣдняго города.

¹⁾ Hirsch, 177—178.

²⁾ Ib., VI, 312—313. Король проситъ: „quatenus iidem mercatores cum eorum lignis super Wislam et aliis bonis ac mercanciis suis quibuscunque ad terras nostras (sc. Prussiae) absque impedimentis aliis venire et ibidem eadem bona vendere seu alias commutare seu convertere ac alia bona reemere valeant iuxta eorum libitum voluntatis“. Ib., стр. 312, прим. 4.

Мы видимъ изъ представленнаго самаго общаго и далеко не полнаго очерка торговли и торговыхъ путей, что 1) *торговля сношенія сѣверо-западной и южной Руси вообще и прибужскихъ мѣстностей въ частности съ прусскими городами, въ особенности съ Торномъ и затѣмъ Данцигомъ, не гипотеза, а реальный фактъ*, основанный на документахъ, что 2) торговля эта и въ частности торговля по Бугу совершалась въ теченіе ряда столѣтій, начиная съ XIII—XIV, несомнѣнно же съ XV по XVII в., что 3) крупнымъ центромъ этой торговли, торговли Торна и Данцига съ Волынью, являлся Брестъ-Литовскъ, и что 4) *Дрогичинъ былъ лишь пунктомъ остановки для судовъ, шедшихъ по Бугу, и мѣстомъ перегрузки товаровъ, направлявшихся къ Нареву и къ Ломжѣ*. О торговомъ значеніи Дрогичина мы ничего не знаемъ: въ архивныхъ документахъ Данцига ничего не говорится о торговлѣ съ Дрогичиномъ, о немъ упоминается лишь какъ о мѣстѣ перегрузки и только. Но находясь на оживленномъ пути, являясь одной изъ станцій товарнаго крупнаго движенія, онъ ежегодно былъ свидѣтелемъ постоянной почти работы по перегрузкѣ товаровъ, и фактъ нахожденія въ немъ громаднаго количества plombъ, повидимому, какъ мы видѣли, относящихся къ періоду времени съ XIV по XVII в., а главнымъ образомъ къ XVII в., не представляетъ, поэтому, ничего ни страннаго, ни удивительнаго. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что если Дрогичинъ и былъ, — весьма возможно, — пограничной таможенной, то это лишь въ теченіе очень короткаго времени, съ конца XIV до XVI ст., и что даже, если бы и допустить невѣроятный фактъ существованія таможенныхъ plombъ въ средніе вѣка и до XVII в., то врядъ ли была бы возможна находка въ немъ plombъ позднѣйшей формаціи, формаціи того времени, когда Дрогичинъ пересталъ быть съ половины XVI в. пограничнымъ городомъ какъ не былъ имъ до конца XIV в.

Позволимъ себѣ сдѣлать въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Г. Болсуновскій, основываясь на томъ, что вмѣстѣ съ plombами найдены были и свинцовый кружокъ съ надписью *ex officina Santo Marco*, и др. предметы, приходитъ къ заключенію, что „Дрогичинъ находился въ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ не только съ з. Европой, но

и съ Венеціей¹⁾. Мнѣ кажется, что выводъ этотъ сдѣланъ слишкомъ поспѣшно и безъ солидныхъ основаній. Мы видѣли уже, что на существованіе торговли въ Дрогичинѣ нѣтъ никакихъ документальныхъ указаній. Но если бы даже они и были, то все-таки говорить о торговыхъ сношеніяхъ Дрогичина и вообще со всей западной Европой, и въ особенности съ Венеціей было бы невозможно въ силу того характера торговыхъ отношеній, какія существовали въ средніе вѣка. Уже одно существованіе и сильное распространеніе извѣстнаго намъ *Niederlagsrecht* ставило крупныя препятствія „обширнымъ торговымъ сношеніямъ съ з. Европой и Венеціей“. А мы знаемъ, что за исключеніемъ небольшого промежутка времени, когда Брестъ и др. города пользовались свободой торговли, въ теченіе большей части XV в. они могли торговать лишь съ Торномъ и главнымъ образомъ Данцигомъ, упорно устранявшимъ всякаго рода соперниковъ въ дѣлѣ торговли съ Русью. Съ другой стороны, данныя о торговлѣ Данцига во времена господства нѣмецкаго ордена, собранныя Гиршемъ, не оставляютъ и мѣста сомнѣнію, что прямыхъ торговыхъ сношеній между Данцигомъ и Венеціей не существовало. Венеціанскіе товары Данцигъ могъ получать лишь при посредствѣ верхне-нѣмецкихъ городовъ, Нюренберга, Базеля, сношенія которыхъ съ Данцигомъ подтверждены документальными данными²⁾. Правда, возникъ было въ XV в. у геррмейстера и Данцига проектъ завязать сношенія чрезъ Русь съ Кафой и такимъ путемъ получать товары Венеціи³⁾, но результаты его намъ неизвѣстны, и о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла совершенно молчатъ источники. Ясно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть даже и допущено предположеніе о существованіи прямыхъ сношеній Дрогичина съ Венеціей.

Далѣе. Въ представленномъ нами спискѣ предметовъ ввоза въ Русь изъ Данцига о венеціанскихъ товарахъ вовсе не упоминается.

¹⁾ *Wiadomości*, 1891, № 8, стр. 184.

²⁾ *Hirsch*, стр. 189.

³⁾ Это составило предметъ обсужденія на прусскомъ *Ständetage* въ Мариенбургѣ 4 ноября 1420 г. Мы читаемъ въ актахъ собранія: „item von der czerung Niclaus von der Lynden sal man mit hern Homeister reden, der von Thorun gesand wart, desglichs von Henrich Rymans wegen, der von Danczik gesand wart, umbe czu besende noch begerung des hern Romischen koniges, wy man die strazze ken Caffaw kunde vinden“. *Acten der Ständetage Preussens*, изд. Тоерпен, Lpz. 1874, т. I, ст. 368.

Какъ же объяснить находеніе въ Дрогичинѣ венеціанскаго свинцоваго кружка и массы стеклянныхъ бусъ, которыя, судя по описанію ихъ Авенаріусомъ (оно приведено мною выше), почти несомнѣнно венеціанскаго издѣлія? ¹⁾ Можно думать, что они привозимы были въ сѣверо-западную и южную Русь нюренбергцами, и вотъ на какомъ основаніи. Во-первыхъ, въ ихъ рукахъ сосредоточивалась торговля венеціанскими товарами, во-вторыхъ, сношенія ихъ съ прусскими городами были весьма дѣятельны и постоянны. Правда, торговля оптомъ, которую въ концѣ XIV в. пытались было завести нюренбергцы на сѣверѣ Германіи и во Фландріи, была по настоянію Ганзы прекращена, но мелкимъ торговцамъ, извѣстнымъ въ средніе вѣка подъ именемъ Landfahrer или Hausiger, удалось завести весьма дѣятельную торговлю въ Пруссіи. Они являлись сюда въ качествѣ разнощиковъ товаровъ, присутствовали на всѣхъ ярмаркахъ, и ихъ торговля вызвала рядъ жалобъ со стороны мѣстныхъ купцовъ. Въ этихъ жалобахъ перечислены и предметы торговли этихъ торгашей—нюренбергцевъ. Это—„venedische Waagen“, венеціанскіе товары ²⁾.

И. Луцицкій.

Кіевъ
4 ноября 1891.

---

¹⁾ Не имѣя подъ руками самихъ бусъ, я не рѣшаюсь высказать о нихъ совершенно опредѣленнаго мнѣнія. Но сравненіе ихъ описанія съ тѣмъ, что говорится о производствѣ стекла въ Венеціи и другихъ странахъ у Labarthe'a, Les arts industriels, III, стр. 363 и сл., въ главѣ о vergerie, а именно, что подъ вліяніемъ рассказовъ Marco-Polo, венеціанцы стали усиленно выдѣлывать двѣтныя стеклянныя бусы, изобрѣтенныя венеціанцами Brioni и Miotto (т. е. такъ наз. arte del margaritaio), и распространять ихъ въ Татаріи, Индіи до Китая, въ Африкѣ и въ Европѣ, и что производство эмальрованныхъ бусъ въ Венеціи носило особый отпечатокъ, благодаря усовершенствованіямъ, достигнутымъ здѣсь,—наводитъ на мысль о тожествѣ дрогичинскихъ бусъ съ венеціанскими. Предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса гг. археологамъ, какъ знатокамъ бусъ, находимыхъ въ очень древнихъ могилахъ и нерѣдко сходныхъ съ дрогичинскими бусами.

²⁾ Hirsch, стр. 189.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ БАТУРИНА.

(1625—1760 и.).

Южное побережье Сейма въ предѣлахъ теперешней Черниговской губ. до XVII в. представляло собою полную пустыню, раздѣлявшую тогдашнія русскія и польскія владѣнія. На пустынность этой мѣстности указываютъ, между прочимъ, слѣдующіе факты. Русская „сторожа“, оберегавшая Путивльскій рубежъ отъ нечаянныхъ нападеній татаръ, стояла по берегамъ р. Сейма не далѣе сорока верстъ на западъ отъ Путивля¹⁾, т. е. примѣрно около границы теперешняго Конотопскаго уѣзда; а такъ какъ „сторожа“ высматривала непріятеля среди „полей“, то значитъ къ западу отъ сторожевыхъ становъ и были только „поля“, т. е. пустыя, незаселенныя земли. Затѣмъ изъ спора, происходившаго въ полов. XVII в. между русскими и поляками за „рубежъ промежъ Кіева и Чернигова съ Путивлемъ“, видно, что все пространство земель къ западу отъ Путивля поляки въ XVI в. считали за угодыя мѣщанъ далекаго отсюда Канева: въ 1576 г. Стефанъ Баторій писалъ „до всѣхъ жилцовъ кіевскихъ, чтобъ мѣщанамъ каневскимъ въ землехъ, въ водахъ и *угодьяхъ ихъ, которые держатъ по самый Путивль*, перешводы не чинили.“²⁾

Никакихъ поселеній на этихъ „поляхъ“ до XVII в. не было, да и быть не могло, вслѣдствіе полной беззащитности этой мѣстности.

¹⁾ Бѣлева, О сторожевой службѣ. М. 1846. Стр. 73.

²⁾ Дворцовые Разряды, II, 902.

Лишь послѣ Деулинскаго перемирія (1619 г.) начали заселяться эти „поля“ подъ защитою тѣхъ „городковъ“, которые поляки построили здѣсь по границѣ „Путивльскаго рубежа“. При этомъ возникли: Нѣжинъ, Борзна, Батуринъ, Конотопъ, Кролевецъ, Глуховъ... Такимъ образомъ Батуринъ могъ возникнуть не раньше нач. XVII в., а между тѣмъ основаніе его обыкновенно приписываютъ Стефану Баторію. Первый выдумалъ эту басню, кажется, Коховскій¹⁾, соблазненный созвучіемъ между именами короля и гетманской резиденціи. Отъ Коховскаго басня эта перешла и въ нѣкоторыя малорусскія „кронички“. У Самовидца читаемъ: „при Стефанѣ Баторіи козаки въ лучшей порядоѣ устроены... Онъ далъ имъ, опрочъ ихъ стариннаго города складоваго Чигирина, еще Трехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ; а платилъ въ годъ всякому козаку по червону золотому и по кожуху“... Въ другую лѣтопись²⁾ это мѣсто внесено уже съ прибавкою: „король Стефанъ Баторій опрочъ Чигирина далъ козакамъ Трехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ, а для резиденціи гетманской устроилъ надъ р. Сеймомъ городъ новый и назвалъ его отъ своего прозванія Баторинъ, кой нынѣ называется Батуринъ; а платилъ всякому козаку въ годъ по червонцу и кожуху“. Записавъ эту выдумку въ кроничку, авторъ послѣдней, какъ видно, обладавшій достаточными свѣдѣніями по мѣстной исторіи, вспомнилъ, что при Баторіи козаки тутъ еще не жили, и поспѣшилъ поправить припискою: „сей городъ не для резиденціи гетманской построенъ, но король для себя его построилъ, яко свою маетность, ибо въ сіе время въ Мал. Россіи, на сей сторонѣ Днѣпра, еще не было козаковъ, ни гетмана, а онъ (Батуринъ) сталъ резиденціей гетманскою уже при гетманѣ Игнатовичѣ, въ 1670 г.“ Авторъ „Исторіи Русовъ“ пошелъ далѣе и сочинилъ отъ имени Баторія цѣлую грамоту козакамъ, въ которой, выставивъ на первый планъ „единость и равенство“ шляхетства русскаго съ шляхетствомъ польскимъ и литовскимъ, не забылъ и Батурина, говоря, что будто бы Баторій установилъ „отправоватъ дѣла по приличности“ никогда не существовавшему „трибуналу русскому“ „въ новосозданномъ градѣ нашемъ Батуринѣ, а

¹⁾ Histor. panow. Jana Kazimierza z klimakter Wesp. Kochowskiego (Poznań, 1859) II, 250. См. также Święckiego, Opis staroż. Polski, изд. Туровскаго, II, 107.

²⁾ Бѣлозерскій, Южнорусск. лѣтоп., 44.

якъ потреба укажетъ, то и въ Черкасахъ; тежъ и гетману русскому резидовать въ томъ градъ (Батуринъ), а въ Черкасахъ мѣти намѣстника своего“. Видимыя басни о времени основанія Батурина повторяются до настоящаго времени и нерѣдко историками, уже знакомыми съ критикою. Такъ авторъ солиднаго труда: „Городскія поселенія въ Росс. Имперіи“, обстоятельно пересмотрѣвъ источники для исторіи Батурина и посвятивъ ей четыре страницы петита (т. V, ч. I, стр. 402—405), тѣмъ не менѣе, основаніе города приписываетъ Баторію, приводя въ подтвержденіе своего разсказа, между прочимъ, и выписку изъ указанной подложной грамоты Баторія. Преосвящ. Филаретъ Гумилевскій, знакомый съ польскими источниками, повторилъ вымыселъ лѣтописцевъ, украсивъ послѣдній подробностями, какъ будто-бы его подтверждающими. Батуринъ основанъ, говоритъ Филаретъ, королемъ Стеф. Баторіемъ въ 1576 г. на земляхъ, ему принадлежавшихъ, и прибавляетъ: „для заселенія новаго города своего Баторій вызывалъ желающихъ и давалъ на обзаведеніе по кожуху и червонцу“. За симъ слѣдуетъ ссылка на то мѣсто южно-русс. лѣтопис., которое приведено нами выше и изъ котораго видно, что по кожуху и по червонцу Баторіемъ было назначено годовое жалованье всѣмъ козакамъ вообще... Далѣе Филаретъ говоритъ и о томъ, что Батуринъ назначался для засѣданій „русскаго трибунала“, при чемъ ссылается на Маркевича, какъ извѣстно, вычерпавшаго въ свою книгу „Исторію Русовъ“¹⁾. Наконецъ составители извѣстнаго Słownik'a geograficzn'ago król. Polsk., говоря о времени основанія Батурина, повторяютъ ту же сказку: „Baturyn założony 1576 przez Stefana Batorego i naznaczony na miejsce pobytu hetmanów zaporoskich“²⁾. Такое свѣдѣніе о Батуринѣ тѣмъ болѣе странно читать на страницахъ „Словаря“ г. Сулимирскаго, что въ числѣ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ этого солиднаго изданія находится г. Эд. Руликовскій, какъ извѣстно, едва ли не лучший знатокъ исторіи заселенія правобережной Малороссіи, которому, конечно, не безъизвѣстна исторія заселенія и лѣвобережной Малороссіи и которому, во всякомъ случаѣ, должно быть извѣстно время возникновенія Батурина... Близкое знакомство г. Руликовскаго съ неизвѣстно гдѣ нынѣ нахо-

¹⁾ Описаніе Черниг. Епарх., VI, 334.

²⁾ Słownik geogr., I, 118.

дящимся архивомъ Росцишевскихъ¹⁾ дало ему возможность сохранить для насъ несомнѣнное свидѣтельство о времени заселенія Батурина. Будущая резиденція малороссійскихъ гетмановъ основана по королевскому распоряженію (z polecenia królewskiego) въ 1625 г. распорядителемъ лѣвобережныхъ имѣній Александра Пясочинскаго Матвѣемъ Стахорскимъ. Сообщая этотъ фактъ, г. Эд. Руликовскій дѣлаетъ ссылку на арх. Росцишевскихъ²⁾. Такимъ образомъ Батуринъ заселенъ почти одновременно съ Нѣжиномъ и, конечно, съ тою же цѣлью—быть „заслоною короннымъ границамъ“³⁾. Впослѣдствіи Батуринъ былъ отданъ королемъ извѣстному Юрію Оссолинскому, который въ 1647 г. лично посѣтилъ его, Конотопъ и другія свои „ленныя маестности“, находившіяся на лѣвомъ берегу Днѣпра⁴⁾. Основанный для защиты границъ, Батуринъ былъ хорошо укрѣпленъ, какъ это видно изъ описи 1654 г., которая о Батуринѣ говоритъ такъ: „г. Батуринъ стоитъ подлѣ рѣки Семи. Подъ городомъ течетъ въ рѣку Сѣмь озеро Поповка. Около посаду, съ трехъ сторонъ, къ озеру сдѣланъ городъ, землею валъ; по обѣ стороны того вала огорожено дубовымъ бревеньемъ. Въ томъ земляномъ городѣ сдѣланы три ворота проѣзжіе; на двухъ воротахъ башни покрыты тесомъ, на третьихъ воротахъ башни нѣтъ; глухихъ наугольныхъ шесть башенъ; башни безъ верховъ. Около того-жъ земляного города, съ трехъ сторонъ, къ горѣ сдѣланъ ровъ, а съ четвертые стороны по горѣ отъ того земляного города, вверхъ къ озеру, огорожено стоячимъ острогомъ; башенъ по той острожной стѣнѣ нѣтъ. Межи той острожной стѣны, къ водѣ, ритвиною, сдѣланы ворота. Да въ томъ же городѣ, по башнямъ и по стѣнѣ, 9 пицалей, чугуныя, желѣзныя. Да въ томъ же городѣ поставлена церковь деревяная во имя святит. вел. Никола Чудотворца... Да въ томъ же городѣ Б—нѣ, надъ озеромъ, на горѣ сдѣланъ панской дворъ; около того двора сдѣлана изъ рву осыпь земляная, на той осыпи огорожено стоячимъ острогомъ дубовымъ бревеньемъ облымъ; межъ того острогу сдѣланы ворота проѣзжіе, на воротѣхъ башня, да три башни глухіе, покрыты

¹⁾ См. объ этомъ архивѣ въ Опис. Стар. Малороссія, I, 4.

²⁾ „Jan Stachórski, general-major“, въ Dziennik Warszawski, 1855 г., № 257—262. Мы пользовались этимъ статеемъ въ связи съ означенными номерами газеты.

³⁾ Рязанская, I, 138.

⁴⁾ Kubala, Jerzy Ossoliński (Lwow, 1883), II, 182.

тесомъ; около того двора, подлѣ острожныя стѣны, съ трехъ сторонъ сдѣланъ ровъ; а тотъ острогъ перегороженъ на-двое стоячимъ острогомъ, и сдѣланы два рва подлѣ тѣхъ стѣнъ“¹⁾. Изъ описанія этихъ валовъ и башенъ видно, что батуринскія укрѣпленія были гораздо значительнѣе, напр., тогдашнихъ конотопскихъ²⁾,—потому что Батуринъ построенъ былъ на высокомъ берегу Сейма, а не около тѣхъ топкихъ рѣчекъ, которыя лучше валовъ и башенъ защищали построенный около нихъ Конотопъ.

Отличившійся при завоеваніи Бѣлоруссіи наказный гетманъ Иванъ Золотаренко просилъ въ сентябрѣ 1654 г. царя дать ему „мѣсто Батуринъ со всѣми волостями, до того мѣста належачими“. Просьба эта тогда-же была исполнена, при чемъ „жалованье“ въ грамотѣ было показано, вѣроятно, со словъ просителя, безъ поясненія—какія разумѣлись при этомъ волости. Черезъ годъ послѣ этого Золотаренко донесъ царю, что „мѣстечко Батуринъ, попущеніемъ Божіимъ, все сгорѣло“ и, взаимѣнъ его, просилъ Борзну и Глуховъ³⁾. Грамота на Глуховъ была выдана, изъ чего слѣдуетъ заключить, что вмѣстѣ съ тѣмъ Батуринъ пересталъ числиться за Золотаренкомъ. Такъ какъ Ив. Золотаренко время отъ пожалованія ему Батурина до замѣны послѣдняго Глуховомъ находился въ Бѣлоруссіи, то слѣдуетъ полагать, что Батуринъ числился за Золотаренкомъ только на бумагѣ. Гетманскою резиденціей Батуринъ сталъ съ 1669 г. „Многогрѣшный образъ себѣ гетманское житіе въ Батуриинѣ, а по немъ и иншіе гетманы тамъ живутъ“, записано въ Черниговской лѣтописи. Выбранъ Батуринъ для гетманской резиденціи козацкою старшиною на Глуховской радѣ при избраніи Многогрѣшнаго, при чемъ старшина заявляла: „а какъ дастъ Богъ, что Переяславль придетъ въ свое совершенство (послѣ разоренія), тогда бьемъ челомъ его царск. пресв. величеству, чтобъ жити (гетманамъ) въ Переяславлѣ“⁴⁾. Но въ Батуринѣ, расположенномъ почти въ центрѣ лѣвобережной Малороссіи, на чертѣ, отдѣляющей полѣсье отъ степей, гетманамъ жить было

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи, X, 816. Оз. Поповка существуетъ и теперь около такъ называемой „Тепловки“.

²⁾ Описаніе конотопскихъ укрѣпленій въ 1654 г. см. тамъ же, 813—814.

³⁾ Акты Ю. и З. Россіи, XIV, 171—174 и 786.

⁴⁾ Тамъ же, VIII, 94.

гораздо удобнѣе, чѣмъ въ Переяславѣ, за которымъ были только древность и близость его къ Кіеву, а „городъ Кіевъ въ малороссійскихъ городѣхъ—первой“¹⁾..

О внѣшнемъ видѣ Батурина въ XVII в. свѣдѣній почти не сохранилось. У Величка находимъ извѣстіе, что при Самойловичѣ въ Батуринѣ имѣлся уже гетманскій „замокъ“. „Повѣствуется, говоритъ онъ, что „егда гетманъ Самойловичъ виѣздилъ (въ апрѣлѣ 1687 г.) зъ замку батуринскаго, тогда конь подъ нимъ, на мосту замковомъ, споткнулся“... Затѣмъ, проѣзжая черезъ Батурина въ 1709 г., паломникъ „старецъ“ Леонтій записалъ слѣдующее извѣстіе объ этомъ городѣ: „городъ Батурина на рѣкѣ на Семи, на лѣвой сторонѣ, на горѣ, красовитъ, городъ земляной. Строеніе въ немъ поплосше Глухова, и свѣтлицы гетманскія—рядъ дѣлу. И городъ не добре крѣпокъ, да еще столица гетманская“²⁾.. Въ какомъ видѣ былъ Батурина въ 1708 г., говоритъ Кочубей въ своемъ доносѣ: „... Батурина 20 лѣтъ стоитъ безъ починки, и того ради валы около него всюду осуулися и обвалилися; взглядомъ того и одного дня непріятельскаго наступленія отсидѣться невозможно... А подворокъ свой Гончаровку (Мазепа) обнести велѣлъ знатнымъ валомъ для якося невѣдомой причини“³⁾. Отсюда видимъ, что, рѣшивъ уже измѣну, Мазепа укрѣплялъ только свой Гончаровскій городокъ, а батуринскія укрѣпленія оставлялъ въ томъ полуразрушенномъ видѣ, въ который они пришли отъ времени. Нужно думать, что, гадая о будущемъ соединеніи со шведами въ предѣлахъ Малороссіи, Мазепа разсчитывалъ, что отложеніе его отъ Петра В. рѣшится однимъ большимъ сраженіемъ, и Батурина осада грозить не можетъ... Гончаровскій замокъ Мазепа могъ укрѣплять для своего обереженія отъ домашнихъ недруговъ, которые могли повторить съ нимъ ту же неожиданность, которую испыталъ Многогрѣшный отъ козацкой старшины въ 1672 г. въ томъ самомъ Батуринѣ. Но негаданныя событія измѣнили предположенія гетмана, и, уходя изъ Батурина 24 октября 1708 г. на соединеніе со шведами,

¹⁾ Тамъ же, 91. Такъ говорила козацкая старшина князю Ромодановскому на Глуховской радѣ, можетъ быть, мечтавъ объ этомъ „въ малороссійскихъ городѣхъ первомъ городѣ“...

²⁾ Черниговск. Листокъ, 1863 г., № 4, стр. 31.

³⁾ Бятышъ-Каменск., Источн. Малор. истор., II, 106.

Мазепа уже могъ предвидѣть приходъ царскихъ войскъ для захвата его резиденціи, прежде чѣмъ произойдетъ та битва, которая должна была разрѣшить замыселъ гетмана. Современникъ свидѣтельствуетъ, что Мазепа зациту Батурина противъ русскихъ войскъ поручилъ тремъ лицамъ: сердюцкому полковнику Дмитрію Чечелю, начальнику батуринской артиллеріи Фридриху Кенигсену и батуринскому сотнику Дмитрію Нестеренку ¹⁾. Ровно черезъ недѣлю послѣ ухода Мазепы изъ Батурина, въ послѣднемъ подступило русское войско, предводимое Меншиковымъ; перваго ноября у Меншикова съ батуринцами шли переговоры: онъ требовалъ добровольной сдачи города, а послѣдніе отказывали; въ ночь на второе ноября Меншиковъ вступилъ въ Батуринъ, благодаря одному изъ старшинъ прилуцкаго полка Ивану Носу, который указалъ мѣсто, чрезъ которое безпрепятственно можно было проникнуть въ крѣпость. Такимъ образомъ Батуринъ былъ взятъ безъ всякихъ усилій; но за отказъ въ добровольной сдачѣ, городъ былъ сожженъ и разоренъ, а жители его разбѣжались, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ взяты были „въ полонъ на Москву“ ²⁾. Защитники Батурина тоже бѣжали, но были пойманы и казнены. По разсказу Лизогубовской лѣтописи, Чечель бѣжалъ на Обмочевъ, гдѣ остановился у своего кума погрѣться, — „понеже весь обмокъ“, — полѣзъ на печь и тамъ заснулъ. Кумъ между тѣмъ пошелъ извѣстить мѣстнаго войта и другихъ, что Чечель у него. „И такъ взяли его, и поймали, и отдали великороссіянамъ“ ³⁾. Представленъ былъ Чечель русскимъ военачальникамъ козаками с. Поповки Яценками, которымъ за это кн. Меншиковъ выдалъ „оборонный“ универсалъ.

¹⁾ Мазепа и Мазепинцы, 433.

²⁾ Братья Гончаренки жаловались гетману Апостолу: „прошлого 1708 г., во время внятыя города Батурина, взято насъ, братьевъ двоихъ родныхъ, въ *полонъ* на Москву, въ якоу полону були ми роковъ сѣмъ, а когда ми возвратились на отчизну свою въ Батуринъ“ и т. д. Арх. генер. канцел., № 724.

³⁾ Сборникъ лѣтописей, относ. къ ист. Ю. и Зап. Руси (Кіевъ, 1888), стр. 47. Тутъ же находится разсказъ и о казни Кениксена, отличный отъ разсказа Ригельмана (III, 40). Ученый издатель „Сборника лѣтописей“ въ своемъ предисловіи (стр. VII) представилъ такіа обстоятельныя данныя въ подкрѣпленіе своей догадки объ авторствѣ „Описанія знатѣйшихъ дѣйствъ“ одного изъ Лизогубовъ, что является полное основаніе лѣтописи эту, въ отличіе отъ другихъ, называть Лизогубовскою.

Разореніе Батурина Лизогубовская лѣтопись описываетъ такъ: „много тамъ людей пропало отъ меча, понеже збѣгъ былъ отъ всѣхъ сель (т. е. въ Батуринѣ сбѣжались жители окрестныхъ сель). Много жъ на Сеймѣ потонуло людей, утеваячи черезъ ледъ еще не крѣпкій, много и погорѣло, крившихся по хоромахъ, въ ліохахъ, въ погребахъ, въ ямахъ, где паче подушились, а на хоромахъ погорѣли, ибо хотя и вытрубленіе було—престать отъ кровопролитія, однакъ выходящихъ отъ покрытія войско заюшеное, а паче рядовые солдаты, понапившись, кололи людей и рубали, а для того боячися, прочіе въ скрытыхъ мѣстахъ сидѣли, ажъ когда огонь обойшолъ весь городъ, и скрытые пострадали. Мало однакъ отъ огня спаслося, и только одна хатка, подъ самою стѣною вала стоячая, уцѣлела, неякогось старушка“. Черниговская лѣтопись рассказываетъ, что когда Мазепа, идя со шведами на югъ Малороссіи, пришелъ къ Батурину 8 ноября, то еще засталъ, что „крови людской въ мѣстѣ (городѣ) и на предмѣстью было полно калюжами“... и что „ревно плакалъ по Батуринѣ Мазепа“¹⁾... Насколько Батуринъ былъ разоренъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ его опись, сдѣланная въ началѣ 1726 г., передъ отдачею Батуринской волости Меншикову. Опись была сдѣлана черезъ 17 лѣтъ послѣ разоренія, а между тѣмъ въ ней читаемъ: „*Нынѣ, по разореніи, городъ Батуринъ ввесь пустъ, и около его болварки и стѣни всѣ поразвалились, и ввесь заросъ, и въ обоихъ замкахъ нѣкакого строенія старого и нового нѣтъ, только двѣ церкви каменніе пустіе: Живоначальніа Тройцы да Николая Чудотворца, недостроена вполонину; и въ нихъ нѣкакого церковного вбору (убора)—дверей и окончинъ—нѣтъ, и въ мѣстахъ своды обвалились; да бывшихъ гетмановъ и измѣнника Мазепы бывалъ войсковою каменной малой домъ, три полати, ввесь поразвалился; да измѣнника Мазепы бывшего господаря Самойла Целюрика каменніе двѣ полатки кладовіе пустіе, всѣ разбити“.* Разоренный городъ надолго остался пустыремъ. Разбѣжавшіеся батуриинцы, вернувшись на родное пепелище, стали селиться около города, на предмѣстьяхъ, которыя не были окончательно разорены, какъ говоритъ та же опись, изъ которой мы и приводимъ здѣсь всѣ касающіяся Батурина свѣдѣнія.—„Да при Батуринѣ, на предмѣстѣ,

¹⁾ Черниг. лѣтоп. по изд. Кіевск. Стар., 95.

посля разоренія, на погорѣлихъ и на пустыхъ мѣстахъ поселились вновь по указу покойного гетмана Скоропадского, которій указъ покойнымъ атаманомъ батуринскимъ Даниломъ Харевскимъ публѣкованъ; а ннѣ живутъ и въ старыхъ домахъ, *которыя отъ разоренія уцѣлѣли*. И сколько нынѣ при Батуринѣ на предмѣстѣхъ слободъ и въ нихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ, и сколько ремесныхъ, пашенныхъ, торговыхъ и служилыхъ козаковъ и прочихъ чиновъ, и хто откуда пришолъ или тутошннѣ прежннѣ жители, о томъ объявляется реестромъ⁴. При этомъ показаны: старшина ратушная, войтъ и бурмистръ; прежнихъ батуринскихъ жителей, поселившихся слободами—25 дв.; торгующихъ мелочнымъ товаромъ—17 дв.; ремесленниковъ, прежде бывшихъ батуринскихъ жителей, которые по разоренн Батурина поселились *въ старыхъ домахъ* на своихъ мѣстахъ: цеха шевскаго (сапожниковъ)—38 дв., цеха кравецкаго (портныхъ)—28 дв., цеха калачникаго—11 дв., цеха твацкаго—12 дв., цеха рѣзникаго (мясниковъ)—9 дв., кузнецовъ—15 дв., музыкантовъ—6 дв., гончаровъ—5 дв., плотниковъ—5.—Живущнѣ при Батуринѣ въ слободахъ прежннѣ жители: *въ слободѣ Подзамковой*—19 дв., *въ слоб. Горбаневской*—31 дв., *въ слоб. Гончаровской*—72 дв. Сверхъ того, въ слоб. Гончаровской живутъ: бывшнѣ служители гетманскаго двора, нынѣ принадлежащнѣ къ Обмочевскому „дворцу“—12 дв. и „рыбалокъ“, принадлежавшихъ къ гетманскимъ батуринскимъ рыбнымъ ловлямъ,—9 дв. Кромѣ того, къ посполитому населенню Батурина принадлежали „мельники, мѣрочники и посполитнѣ люди, которые у млиновъ батуринскихъ живутъ и которые прежде надлежали ко двору Мазепы, а нынѣ къ Обмочевскому дворцу принадлежать“—82 дв. Жили они въ слоб. Метѣвкѣ (на прав. бер. Сейма); въ этой же слободѣ было, кромѣ того, 30 дв. крестьянъ, „надлежащихъ до двора Мазепы“. Всего жителей въ батуринскихъ предмѣстѣяхъ посполитаго званнѣ числялось—428 дв. При регистраціи козачьяго населеннѣ, сначала показана старшина, „имѣющая въ Батуринѣ жилища“: бунч. тов. Семень Чуйкевичъ; бунч. тов. Михайло, бывшнѣ бѣлоцерковскнѣ полковникъ¹⁾, купилъ дворъ у дворянина

¹⁾ Михайлъ Омельченко былъ поставленъ полковникомъ бѣлоцерковскимъ въ 1704 г., вмѣсто Палѣя. См. Русск. Стар. 1876 г., № 11, стр. 623.

Павла Козловскаго; бунч. тов. Иванъ Кураховскій; бунч. тов. Яковъ Долинскій „прежде былъ деоряниномъ ¹⁾ при Мазепѣ и при ратушѣ Батуринской шафаромъ былъ“; Василій и Федоръ Роговиченки, „которыхъ отецъ былъ при Мазепѣ дворяниномъ“; бунч. тов. Василій Покотило „прежде былъ служителемъ при Мазепѣ и при гетм. Скоропадскомъ служилъ“; бунч. тов. Павелъ Козловскій при Мазепѣ былъ дворяниномъ; Яковъ Жыловичъ „прежде былъ служителемъ при измѣнникѣ Ломиковскомъ и при гетм. Скоропадскомъ былъ его дворяниномъ“ и Андрей Плисковскій, бывшаго замковаго попа Василя зять“. Затѣмъ слѣдуетъ батуринская сотенная старшина: сотникъ Федоръ Стожовъ, атаманъ Федоръ Прима, хоружій Иванъ Завво, эсауль Грицео Русакъ и писарь Осипъ Рыжій. Всѣхъ козаковъ показано—104 дв., въ томъ числѣ „пѣшихъ“—54 дв., и протекціантовъ генер. писаря Савича, „служившихъ у него на посылахъ“—9 дв. ²⁾—Наконецъ въ описи исчислены „дворы пустые:“ 1) *дворъ съ садомъ на Гончаровкѣ, идѣ „Мазепа самъ жилъ“*; „въ ономъ дворѣ каменные палаты пустыя и разбитыя; тамъ же церковь деревянная цѣла, съ нѣкоторою частью иконостаса; въ ономъ дворѣ гай березовый и около его поле пахатное; за онымъ дворомъ, на Шовковицѣ, гребля пустая сухомлиновская, на которой можно быть плотинѣ“. 2) Тамъ же, на Гончаровкѣ, дворъ съ садомъ и „домовое малое строеніе бывшаго полковника прилуцкаго Горленка“, а живетъ въ этомъ дворѣ Омелько Мадай“. 3) На Бураковкѣ дворъ съ садомъ, огородомъ и строеніемъ Павла, Мазепинаго „кухаря“, а живетъ въ этомъ дворѣ Степанъ Бондарь. Затѣмъ показаны: „пустыя неогороженныя дворища прочихъ измѣнниковъ“: Ломиковскаго, Орлика и Григорія канцеляриста, да хуторъ измѣнника Ломиковскаго на Горбаневкѣ. Кроме того, прибавлены еще слѣдующія „пустыя мѣста поблизу города: 1) поблизу греблѣ (Шелковицкой?), прозываемое Хайнатщина“; 2) близъ церкви Покрова; 3) „отъ поля, по-надъ дорогою Пальчиковскою, на которомъ бывали, за измѣнника Мазепы, шопы для охраненія ар-

¹⁾ О значеніи званія „дворянинъ“ см. Опис. Стар. Малор., I, 28.

²⁾ Въ числѣ этихъ служителей Савича показанъ, между прочими, Мойсей Иваненко—„братаничъ“, т. е. племянникъ, „его Савичевъ“....

мать“, т. е. сараи для пушекъ и 4) близъ Гончаровки, „на котормъ за Мазепы были шопы для хороненія палубовъ и воевъ“.

Изъ этого перечня видно, что въ 1726 г. самый городъ Батуринъ, послѣ его разоренія, оставался пустъ, а старое его населеніе, съ частью новаго, размѣстилось по слободамъ, которыя существовали и раньше. Въ этихъ слободахъ находилось: посполитаго званія людей—около 430 дв. и старшины съ козаками—около 130 дв., а всѣхъ около 560 дворовъ ¹⁾).

Мѣстность, гдѣ находился Гончаровскій замокъ Мазепы, нынѣ извѣстна подъ именемъ „городка“ и находится невдалекѣ отъ х. Шелковицы, прилегая одною стороною къ почтовой дорогѣ, идущей изъ Ковотопа въ Батуринъ, а съ противоположной стороны—обрывается крутымъ спускомъ, обращеннымъ къ Сейму; такимъ образомъ Гончаровскій „городокъ“ съ одной стороны былъ защищенъ своимъ мѣстоположеніемъ, а съ остальныхъ обнесенъ былъ „знатнымъ валомъ“, какъ говоритъ Кочубей ²⁾).

Какъ извѣстно, Батуринъ вмѣстѣ, съ принадлежавшими къ нему селами, указомъ 25 іюня 1726 г. былъ пожалованъ Меншикову; но у послѣдняго Батуринская волость оставалась только до его паденія, когда, вмѣстѣ съ другими Меншиковскими имѣніями, была отобрана въ казну, при чемъ крестьяне Батуринской волости были „отписаны на ея величество“ ³⁾).

¹⁾ Цифры эти не сходятся съ ревизіей 1723 г., свѣдѣнія которой о Батуринѣ случайно внесены въ опись 1726 г. По ревизіи 1723 г. въ Батуринѣ было показано: старшинъ—21 дв., коз. грунт.—74 и убогихъ—56 дв., подсос.—83 дв., крест. батур. ратуши грунт.—49 и огородниковъ—239 дв., „курениковъ“ Савича—13 дв., мельниковъ и около мельницъ живущихъ—грунт. 18 и огороди.—56 дв.; протекціантовъ старшинъ—22 дв. Вѣроятно, по ревиз. 1723 г. показаны дворы, находившіеся и далѣе батуринскихъ предмѣстій.

²⁾ Въ шестидесятихъ годахъ Мазенинскій „городокъ“ былъ приобрѣтенъ отъ казны извѣстнымъ пчеловодомъ С. П. Великданомъ (изъ с. Пальчиковъ), который въ этомъ городкѣ помѣщалъ лѣтомъ часть своей пасѣки. По смерти Великдана имѣніе его было куплено евреемъ Юдовичемъ, при чемъ купленъ былъ и „городокъ“. Въ послѣднемъ мѣрѣ—8 дес. 716 саж.

³⁾ При отдачѣ Батуринской волости Меншикову и была составлена въ 1726 г. та опись, изъ которой мы взяли приведенныя о Батуринѣ свѣдѣнія и которая находится въ собраніи рукописей В. В. Тарновскаго.

Когда въ 1727 г. гетманство было восстановлено, то у Апостола возникла мысль о возвращеніи гетманской резиденціи изъ Глухова въ Батуринъ. Въ іюнь 1729 г. подано было императору прошеніе, „за руками гетмана и старшины, о переводѣ резиденціи изъ Глухова въ Батуринъ“. Черезъ два года послѣ этого, въ іюнь 1731 г., Апостоль, поручая находившемуся въ Москвѣ воронежскому сотнику Холодовичу хлопотать у сильныхъ міра о разныхъ „малоросійскихъ дѣлахъ“, писалъ: „а паче о преселеніи резиденціи зъ Глухова въ Батуринъ“¹⁾. Но никакого отвѣта на это прошеніе Апостоломъ получено не было.

Разрѣшено было перенести гетманскую резиденцію изъ Глухова въ Батуринъ въ 1750 г., вмѣстѣ съ постановленіемъ на гетманство Разумовскаго. Но Батуринъ продолжалъ оставаться пустыремъ; слѣдовательно, прежде всего нужно было приготовить постройки для жилья²⁾. Поэтому, вѣроятно, дѣло съ перенесеніемъ резиденціи и затянулось. Изъ имѣющихся у насъ отрывочныхъ свѣдѣній о возобновеніи Батурина видно, что Разумовскій поручилъ извѣстному Теплому сначала построить домъ для него, гетмана, и что Тепловъ, повидимому, присвоилъ себѣ при этомъ право распоряжаться постройкою и „національныхъ зданій“, а затѣмъ учреждена была „экспедиція о батуринскомъ строеніи“, находившаяся уже въ полномъ подчиненіи того же Теплова.

Батуринскій сотникъ Дмитрій Стожокъ въ „сказкѣ“ о своихъ службахъ говоритъ, что съ 1751 г. онъ былъ занятъ заготовленіемъ „разныхъ надобностей къ строенію г. Батурина“ и, кромѣ того, находился „при разныхъ національныхъ строеніяхъ и дѣлахъ при г. Батуринѣ умножившихся“. Такъ, „по повелѣнію его ясневельможности“, съ 1755 г. онъ наблюдалъ надъ постройкою „машинной пильной подъ Батуриномъ мельницы“. Повидимому, объ этой мельницѣ Тепловъ писалъ въ 1757 г., въ походную гетманскую канцелярію: „новостроящейся въ Батуринѣ машинной фабрики заготавливается въ лѣсу г. генер. подскарбія Скоропадскаго, по его дозволенію, около

¹⁾ Изъ „діаріуша“ генер. канцеляріи за 1727—1732 гг.

²⁾ Лизогубовск. лѣтопись (стр. 48) говоритъ, что „городокъ, замокъ и церкви въ городѣ и на Гончаровкѣ“ оставались пустыми отъ 1709 до 1742 г.; но о возобновеніи Батурина въ 1742 г. мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

с. Охромѣвичъ (Сосницкаго уѣзда) состоящемъ, сосноваго брусся 50, которое на сихъ дняхъ надлежитъ и перевозить въ Батуринъ, чтобъ въ строеніи оной фабрики остановки не послѣдовало.—Поэтому Тепловъ требовалъ прислать изъ сосѣднихъ сотенъ подводъ. Кажется, что Тепловъ первоначально хотѣлъ устроить пильный заводъ, въ виду того значительнаго количества построекъ, которое предстояло воздвигнуть въ Батуринѣ.—Къ постройкамъ домовъ приступлено было, повидимому, не раньше 1759 г. Въ іюнѣ этого года Тепловъ писалъ въ генер. канцелярію: „въ производящейся нынѣ при г. Батуринѣ его ясневельможности дому и другихъ нужныхъ для резиденціи егожъ ясн-сти строеній работѣ необходимо потребно немалымъ числомъ разныхъ мастеровыхъ людей, пѣшихъ работниковъ и подводъ съ подводчиками. Для того, во исполненіе полученнаго отъ его ясневельможности въ генер. канцеляріи ордера, о чиненіи отъ оной канцеляріи всякаго миѣ вспомошествованія, да благоволить генер. в-лярю, откуда запристойнѣе покажется, выслать къ батуринскому строенію, на первой случай, нижеподписанное число мастеровыхъ людей и работниковъ, какъ то для строенія дому и службъ: столярей искусныхъ въ ихъ мастерствѣ—40, кузнецовъ—30, плотниковъ—200, да для копанія погребовъ и планированія земли пѣшихъ работниковъ—200, также для вывозки лѣсу отъ Устья ¹⁾ и для разныхъ повозовъ подводъ съ подводчики—300“.

Ради скорѣйшей достройки гетманскаго дома Тепловъ хотѣлъ было употребить для послѣдняго уже готовую какую-то постройку, перевезенную для этого въ Батуринъ изъ с. Вел. Самбора; но постройка оказалась для дома недостаточною, какъ писалъ Тепловъ тогда же, лѣтомъ 1759 г., въ ту же генер. в-лярю, предлагая послѣдней взять это строеніе для генер. канцеляріи и генер. суда,— „за прїѣздомъ моимъ въ Батуринъ усмотрѣлъ я, что главное строеніе, перенесенное изъ Самбура въ сей городъ, которое для его ясн-ти изготовлено было, явилось весьма тѣсно и расположеніемъ своихъ комнатъ совсѣмъ негодно для персоны его ясневельможности и всей его сіятельства фамиліи; изъ сего резону рассудилъ я оное снять съ его каменнаго фундаменту и поставить оное новое въ другомъ рас-

¹⁾ Село Сосницкаго уѣзда при сліяніи Сейма съ Десною.

положеніи и въ другой пропорціи комнатъ, на томъ же фундаментѣ. Но чтобъ оному снятому строенію сыскать мѣсто приличное, понеже оно еще крѣпко, то понеже его ясневельможность *не только дому своего строенія изволилъ препоручить подѣ мою диспозицію, но разумѣю, что и тѣ національныя строенія, которыя, при первомъ случаѣ, близки должны быть при ея ясн-ти, надлежаще были бы выстроены*, сего ради видится мнѣ, что не неспособно будетъ, когда то снятое строеніе употреблено будетъ, пока каменное построятся, подѣ генер. канцелярію и судѣ генеральнѣй, ибо въ ономъ не томо сїи два департаменты, но и другія коммиссіи съ пространствомъ помѣститься могутъ. Для того не соблаговолить ли генер. канцелярію кого отъ себя опредѣлить—принять оное строеніе подѣ свое смотреніе и быть повелѣть ему при той работѣ, пока оная совсѣмъ изготовится; а я оное произведу изъ той суммы, которая опредѣлена и выдана въ экономическую канцелярію для гетманскихъ строеній и самъ буду смотрѣть, отведши, по данному мнѣ отъ ея ясн-ти плану, особое мѣсто, чтобъ оное въ близости отъ загороднаго дому ея ясн-ти было поставлено.“

Приступивъ за симъ къ постройкѣ гетманскаго дома уже изъ новаго лѣса, Тепловъ разыскивалъ годное дерево по всей лѣсной Малороссіи, какъ это видно изъ его бумаги, написанной въ ноябрѣ того же 1759 г. въ генер. канцелярію съ требованіемъ подвозъ для вывозки этого дерева:—,репортъ отъ учрежденной о строеніи батуринакомъ экспедиціи представлено въ экономическую канцелярію, что къ производимому нынѣ въ г. Батурина большому строенію гетманскаго дому до среднего корпусу и до флигелей, на потолокъ и подѣ стропила на балки обыскано чрезъ нарочно посланнаго угоднаго дерева довольнымъ числомъ полку Чернѣговскаго въ пущи Перелюбской (с. Перелюбъ, Сосницъ. у.) владѣнія монастыря Троицкаго Чернѣговскаго, и какъ де тотъ нарочный тамошняго городничего (монаха-управляющаго) спросилъ о ценѣ, то онъ де объявилъ, что таковое дерево, поелику тамо довольные пущи, на домъ гетманской и безъ денегъ уступлено будетъ.“

Тепловъ дѣятельно занимался порученнымъ ему дѣломъ, но встрѣчалъ при этомъ полное равнодушіе со стороны глуховской администраціи, безъ расноряженій которой онъ все-таки обойтись не могъ. Въ этомъ отношеніи сохранилась любопытная его бумага,

написанная въ генер. канцелярію, въ іюлѣ 1759 г., въ которой онъ упрекаетъ глуховскія власти за бездѣйствіе. Мы видѣли уже, что за мѣсяцъ передъ этимъ Тепловъ требовалъ отъ генер. канцеляріи присылки въ Батуринъ опредѣленнаго количества рабочихъ; часть ихъ и была прислана; но вслѣдъ за тѣмъ столенскій сотникъ Бобырь, донося генер. канцеляріи о появившейся въ его сотнѣ „множественной саранчѣ“, просилъ, дабы высланные къ батуринскому строенію рабочие люди обратно въ дома свои отпущены были“. Когда генер. канцелярія сообщила объ этомъ Теплову, то послѣдній послалъ въ Глуховъ таковой энергической отвѣтъ: „Понеже мнѣ отъ его ясневельможности произведеніе всего батуринскаго строенія поручено, а генер. канцеляріи притверждено, чтобы она всякое вспоможеніе мнѣ въ этомъ дѣлала, то, за таковымъ его ясности опредѣленіемъ, я прилагаю неусыпное и многотрудное въ томъ попеченіе, а паче, что на сихъ дняхъ его ясности неоднократно письменно мнѣ и подтвердить изволилъ, что хотя пріѣздъ его ясности въ Малую Россію сего лѣта быть уже и не можетъ, а отложенъ къ будущему зимнему пути, однакожъ не ослабѣвалъ бы я не токмо немало въ произведеніи строенія батуринскаго, но имѣя больше уже нѣсколько времени, старался бы домъ покойнѣе построить и большее число къ нему службъ постановить, а сверхъ того особливый домъ нововыписаннымъ изъ Франціи и дѣйствительно уже въ службу вступившимъ доктору и лѣварю, такъ какъ женатымъ и съ своими фамиліями пріѣхавшимъ, особое отъ дому гетманскаго строеніе хозяйское въ Батуринѣ до пріѣзду же его ясневельможности учредилъ бы“.... Далѣе Тепловъ пишетъ, что въ виду краткости времени, назначеннаго для окончанія гетманскихъ построекъ, а особенно вслѣдствіе неаккуратной высылки рабочихъ, которымъ „плата производится довольная“, нѣтъ основанія ни отпускать домой по заявленію сотника Бобыря уже высланныхъ работниковъ, ни тѣмъ болѣе убавлять назначенное количество рабочихъ. Затѣмъ Тепловъ проситъ генер. канцелярію „въ разсужденіе принять—возможно-ль столь великое дѣло, какъ гетманскій домъ, построить на-ново въ одно лѣто малымъ числомъ рабочихъ? *И есть ли способъ въ Малой Россіи за деньги вольныхъ рабочихъ доставать, когда отъ лѣности всѣ мужики малороссійскіе утѣаютъ почти всякой работы, не желая себѣ никакой*

платы? ¹⁾). Но когда еще и ослушаніе сотниковъ и презрѣніе ихъ генер. канцеляріи ордеровъ къ тому вспомошествовать будетъ, то по такому ихъ (сотниковъ) небреженію, ежели безъ взысканія и штрафа оставаться они будутъ, *едва ли есть способъ таковаго строенія въ Малой Россіи и производить*, хотя бы генер. канцелярія настрояйшіе ордеры писала повторительно, ибо, какъ экономической канцеляріи довольно извѣстно, сотники мало уваженія на присылаемые къ нимъ ордеры имѣютъ; а въ семъ случаѣ было бы поощреніе вящшее строенію батуриновскому лишится и послѣднихъ работниковъ, когда столь малое число высланныхъ людей въ разореніе сотнѣ отъ генер. канцеляріи признавается, а домъ гетманскій за маловажное дѣло пріемлется, который, за недостаткомъ работниковъ теперешнихъ, малымъ самымъ числомъ по количеству цѣлого посполитого народа малороссійскаго изъ полковъ наряженныхъ, изъ того числа высланныхъ крайне негодныхъ и малолѣтнихъ, *почти съ невозможностію теперь строится*. И ежели бы экономическая канцелярія всѣ таіе недостатки въ производящемся изъ скарбу войсковаго строенію не предупреждала своимъ собственнымъ немалымъ коштомъ въ лѣсѣ и работахъ, то бы, надѣясь на помощь генер. канцеляріи, начатое строеніе вовсе стояло безъ дѣйствія; но экономическая канцелярія, видѣвъ неисполненіе требуемаго, принуждена была со всѣхъ гетманскихъ урядовыхъ маетностей, въ немалый убытокъ собственного его ясневельможности доходу, мѣрочниковъ (мельниковъ) забрать, столяровъ и кузнецовъ, ибо изъ полковъ насилу выслано вмѣсто 40 столяровъ — 1, вмѣсто 30 кузнецовъ — 18, вмѣсто 200 плотниковъ — 149, вмѣсто 200 пѣшихъ — 166, вмѣсто 300 подводчиковъ — 273; и какъ пѣшіе, такъ и подводчики, по большей части малолѣтніе, а плотники всѣ генерально крайне негодные, столяръ — одинъ и кузнецовъ — 18, то сама генер. канцелярія благоволитъ разсудить, — возможно-ль мнѣ съ строеніемъ такъ пространнымъ поспѣшить окончаніемъ въ одно лѣто?... тамъ, гдѣ ни работниковъ, ни мастеровыхъ за деньги достать невозможно и убѣжище остается къ одной только исправности сотничей въ высылкѣ, которые никогда однакожь тѣмъ отговорится не могутъ, якобы въ Малой Россіи край-

¹⁾ Ср. „Записку“ Теплова въ Записк. о Южн. Руся, II, 194 и слѣд.

не уже плотниковъ, столяровъ и кузнецовъ годныхъ не было или работниковъ не малолѣтнихъ, но мнѣ самому извѣстно, что всѣ малороссійскіе мѣрочники не что иное, какъ довольно искусные плотники суть, а столяровъ и кузнецовъ немалое число по деревнямъ шатаются и при самыхъ полковникахъ, полковой старшинѣ и сотникахъ находятся, изъ которыхъ какъ ни единого мѣрочника, такъ и столяровъ и кузнецовъ, какъ вышеупомянуто, не высланожь“. Поэтому Тепловъ просилъ генер. канцелярію „всѣ недостатки при строеніи батуринскомъ властію своею исправить и не упустить тѣхъ безъ штрафа, кто нерадѣтельно по ея ордерамъ поступалъ“¹⁾.

Этою бумагою Теплова обрываются наши свѣдѣнія о „батуринскомъ строеніи“. Въ 1760 г. Батуринъ, какъ извѣстно, пожалованъ былъ Разумовскому, вмѣстѣ съ прочими гетманскими имѣніями, въ вѣчное и потомственное владѣніе (указъ отъ 17 февраля). Въ это время „батуринское строеніе“ настолько подвинулось, что въ началѣ 1761 г. гетманъ могъ уже жить здѣсь въ своемъ домѣ; были, вѣроятно готовы, и другія постройки, ибо лѣтомъ 1761 г. пріѣхали въ Батуринъ приглашенные изъ Франціи Разумовскимъ докторъ Дю-фай и лѣварь Эно, для которыхъ, какъ мы сказали выше, предполагалось отвести особое помѣщеніе²⁾.

Разумѣется, вмѣстѣ съ пожалованіемъ Батурина Разумовскому, вопросъ о перенесеніи сюда „гетманской резиденціи“ и „національныхъ построекъ“ упразднился. Вслѣдъ за уничтоженіемъ гетманства, въ декабрѣ 1764 г., императрица нашла нужнымъ подарить Разумовскому батуринскій гетманскій домъ и прочія воздвигнутыя Тепловымъ зданія, какъ построенныя „скарбовыми деньгами“, а вмѣстѣ и „заготовленные на строеніе всякіе матеріалы“.

Послѣ увольненія отъ гетманства, Разумовскій одиннадцать лѣтъ оставался въ Петербургѣ и вернулся въ Малороссію только въ 1776 г. Поселился онъ въ Батуринѣ и, лишь за кратковременными отлучками, прожилъ въ немъ остальную свою жизнь. Здѣсь онъ и умеръ въ 1803 году, и похороненъ въ сооруженной имъ же церкви Воскресенія Христова. Въ Батуринѣ Разумовскій жилъ въ построенномъ

¹⁾ Изъ рукописей нашей б-ны.

²⁾ Семейство Разумовскихъ, I, 276 и 277.

для него Тепловымъ „гетманскомъ домѣ“, который находился на большой улицѣ, недалеко отъ Конотопскаго приѣзда ¹⁾). Однако домъ этотъ Разумовскаго не удовлетворялъ, и онъ сдѣлалъ закладку новаго на купленномъ въ 1772 г. у Теплова мѣстѣ, окончанія котораго не суждено ему было дождаться, и существующія донинѣ его полуразвалины остаются единственнымъ памятникомъ былой жизни Батурина ²⁾).

А. Лазаревскій.

13 іюля, 1891 г.

С. Подлинное.

---

¹⁾ Васильчиковъ говоритъ (Сем. Разум. I, 463), что домъ Разумовскаго находился „на мѣстѣ, которое до сихъ поръ называется „городкомъ“, въ полуверстѣ отъ Тепловки, на краю обрыва Батуринской горы“. Но „городкомъ“ въ Батуринѣ называется мѣсто, гдѣ жилъ Мазепа (см. выше), а домъ Разумовскаго находился противъ бывшей многою годы почтовой станціи, на большой улицѣ, по которой проходитъ дорога изъ Конотопа въ переправѣ черезъ Сеймъ. Каменная ограда усадьбы Разумовскаго существовала еще въ семидесятихъ годахъ и, вѣроятно, остатки ея видны и теперь.

²⁾ См. нашу замѣтку о „Тепловкѣ“ (какъ называется въ народѣ недостроенный домъ Разумовскаго) въ Киев. Старинѣ, 1890 г., ноябрь, 337—345. Тамъ же приложенъ и фототипный рисунокъ „Тепловки“.

Кіевскіе воеводы, губернаторы и генераль-губернаторы отъ 1654 по 1775 г.

*Кіевъ городъ пограничной і другимъ губерніямъ
невѣримъ. (Изъ одного донесенія кіевского ге-
нераль-губернатора кн. И. Ю. Трубецкого).*

Административное устройство Кіева и приписанныхъ къ нему малороссійскихъ городовъ, со времени присоединенія его къ Русско-му государству и до учрежденія Кіевского намѣстничества, представляло большія отличія отъ устройства какъ остальной Малороссіи, такъ и областей великорусскихъ. Съ самаго момента присоединенія своего къ Россіи городъ этотъ, вслѣдствіе своего важнаго политическаго и стратегическаго значенія, а также и своего историческаго прошлаго, обращалъ на себя особое вниманіе русскаго правительства и возбуждалъ въ послѣднемъ стремленіе тѣснѣе связать его съ Русскимъ государствомъ. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли было назначеніе для Кіева особыхъ правителей—воеводъ, впослѣдствіи переименованныхъ въ губернаторовъ и генераль-губернаторовъ. Правители эти не могли имѣть той власти, какою имѣли одноименные съ ними правители областей великорусскихъ; они были собственно начальниками великорусскихъ войскъ, расположенныхъ въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ городахъ; но при назначеніи ихъ правительство имѣло въ виду и иную, болѣе широкую, задачу: они должны были служить представителями государственной власти въ краѣ и готовить болѣе тѣсное сближеніе его съ Россіей. Осуществленіе этой задачи представляло большія трудности. Объединительныя стремленія правительства встрѣчали противовѣсъ въ общемъ

положеніи дѣлъ въ Малороссіи и въ особыхъ правахъ козацкаго и мѣщанскаго населенія Кіева. Последнее препятствіе было устранено довольно легко. Полковое правленіе Кіевскаго полка было перенесено въ г. Козелець, въ Кіевѣ же остался только сотникъ, что низвело Кіевъ на степень второстепеннаго пункта козацкаго управленія. Что же касается кіевскаго мѣщанства, представлявшаго богатую общину, пользовавшуюся съ конца XV столѣтія Магдебургскимъ правомъ, то правительство, еще при самомъ присоединеніи города къ Россіи, подтвердило права мѣщанства, признаніе которыхъ не противорѣчило установившемуся въ Московскомъ государствѣ обычаю и представляло даже извѣстную выгоду для правительства, какъ ограниченіе козацкаго управленія ¹⁾. Труднѣе было побороть общій порядокъ вещей; борьба затянулась надолго и окончилась только въ царствованіе Екатерины II измѣненіемъ всего политическаго строя Малороссіи; тогда и Кіевъ былъ подчиненъ общей административной системѣ, установленной учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года.

Исторія кіевской администраціи до 1775 г. должна составить существенную часть исторіи Малороссіи въ данный періодъ и выяснить нѣкоторыя малоразработанныя ея стороны. Между тѣмъ вопросъ этотъ, сколько намъ извѣстно, не вызывалъ еще особаго изслѣдованія, а въ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи почти что не затрогивается: въ нихъ можно еще найти указанія на особый характеръ правленія кіевскихъ воеводъ, со временъ же Петра В. Кіевская губернія представляется какъ-бы однородною съ другими учрежденными въ то время губерніями. Въ настоящей статьѣ мы намѣрены представить общій очеркъ административнаго устройства Кіева въ разсматриваемую эпоху, не касаясь пока возникающихъ при этомъ частныхъ вопросовъ, которые могутъ быть предметомъ особаго труда.

Первые воеводы (кн. О. С. Куракинъ и кн. О. О. Волконскій) назначены были въ Кіевъ еще въ 1654 г. Въ наказѣ, данномъ этимъ воеводамъ, такимъ образомъ опредѣляется цѣль посланки ихъ въ Кіевъ: „Великій государь прислалъ въ Кіевъ ихъ, своего царскаго величества

¹⁾ Извѣстна постоянная борьба кіевскихъ гражданъ съ козаками и постоянное стремленіе гетмановъ подчинить Кіевъ своей власти, что и имѣло мѣсто два раза: при гетманѣ Апостолѣ и послѣ его смерти (1733—37) и при К. Г. Разумовскомъ (1762—64).

бояръ и воеводъ, и съ ними ратныхъ людей для обереганья отъ полскихъ и литовскихъ людей, чтобъ святыя Божія церкви впередъ въ разореньѣ, а православныя христіане отъ полскаго короли и отъ полскихъ и литовскихъ людей во изгнаніи, и въ тѣспотѣ, и въ смертномъ убійствѣ, и ни въ какомъ мученьѣ за православную христіанскую вѣру не были“. Обязанности воеводъ опредѣляются такимъ образомъ: они должны и черезъ гетмана и непосредственно отъ себя отписать во всѣ „черкасскіе“ города къ полковникамъ и къ начальнымъ людямъ, чтобъ они въ городахъ жили „съ великимъ береженьемъ, неоплошно;“ обмѣниваться вѣстями съ полковниками и гетманомъ; сношиться съ „литовскими“ старостами и державцами, но лишь устно, письма же ихъ отсылать въ Москву; въ случаѣ нападенія поляковъ и литовцевъ посылать на нихъ черкасъ и всякихъ ратныхъ людей; слѣдить, чтобы служилые люди не дѣлали обидъ населенію, а въ противномъ случаѣ судить и наказывать ихъ; если же „отъ черкасъ задоры учинятся,“ велѣть расправу чинить и наказаніе по мѣстнымъ правамъ ихъ же судьямъ, но съ боярскаго вѣдома; осмотрѣть кievскую крѣпость и, если нужно, выбрать мѣсто для построенія новой, разложивъ эту повинность на все населеніе, на служилыхъ людей, а также и на мѣщанъ; дальше слѣдуютъ статьи о заставахъ и сторожахъ, о предосторожностяхъ относительно морового повѣтрія, о выходцахъ изъ-за границы, о бѣглыхъ и лазутчикахъ, объ оборонѣ Кіева на случай осады, о жалованьи служилымъ людямъ. Въ заключеніе говорится, что воеводы во всѣхъ дѣлахъ должны поступать „по наказу, и по указнымъ грамотамъ, и, смотря по тамошнему дѣлу, какъ ихъ Богъ вразумитъ, чтобы дѣлу лутче и прибылнѣе и государеву имени въ чести и къ повышенію“¹⁾).

Наказъ этотъ составленъ по образцу другихъ воеводскихъ наказовъ XVII в., но представляетъ и свои особенности: власть воеводы имѣетъ въ немъ почти исключительно военный характеръ; финансовыя и судебныя дѣла не входятъ въ компетенцію воеводъ и остаются въ рукахъ мѣстныхъ властей; но въ то же время права тѣхъ и другихъ властей не разграничены, и воеводамъ какъ-бы предоставляется право надзора надъ мѣстными властями.

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи, т. X, стр. 351--372.

Съ такими полномочіями воеводы были назначены при Хмельницкомъ, кромѣ Кіева, и въ нѣкоторые другіе города (Переяславль, Черниговъ, Нѣжинъ). Мѣра эта встрѣчена была въ Малороссіи несочувственно, и на первыхъ же порахъ вызвала довольно рѣзкій протестъ. Такъ, въ прелиминарныхъ статьяхъ Хмельницкаго казаки просятъ, чтобы воеводы были только въ большихъ городахъ—въ Кіевѣ да въ Черниговѣ (ст. 14), чтобы они избирались изъ ихъ же людей; если же будутъ государевы воеводы, то чтобы сборщиками доходовъ были ихъ же люди (ст. 7); чтобы въ городахъ, гдѣ будутъ воеводы, судъ оставался прежній, а у воеводъ судились бы только желающіе (ст. 2)¹⁾. Въ тѣхъ же статьяхъ, которыя признаются окончательными, встрѣчается слѣдующій рѣзкій протестъ противъ воеводскаго управленія: „Чтобъ наѣхалъ воевода, учалъ бы права ихъ ломать и тягости какія чинилъ, и то бѣ имѣло быть съ великою досадою, понеже праву иному не могутъ вскорѣ навыввуть и тягости такія не могутъ носить“ (п. 12)²⁾. Въ отвѣтъ на этотъ пунктъ сказано: „Быть урядникомъ того войска, права и волности смотрѣть имъ“. Тѣмъ не менѣе воеводы остались, по крайней мѣрѣ, въ Кіевѣ.

Съ этихъ поръ начинается упорная борьба козаковъ съ воеводскимъ управленіемъ. Въ гетманство Выговскаго боярина Хитрово, принимавшій, какъ извѣстно, участіе въ утвержденіи Выговскаго гетманомъ, настаивалъ на введеніи воеводскаго управленія въ малороссійскихъ городахъ. „Великій государь, говорилъ онъ, желая по христіанству, чтобъ было все войско Запорожское въ осторожности и безстрашии отъ внезапнаго прихода непріятели, изволилъ учредить своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ знатныхъ городахъ- Малой Россіи: въ Черниговѣ, Нѣжинѣ, въ Переяславѣ и другихъ, гдѣ будетъ пристойно, также какъ въ Кіевѣ, для вапей обороны. Воеводы и ратные люди будутъ укрѣплять города и устраивать осады; а въ городахъ и мѣстечкахъ будутъ вѣдать козаковъ и чинить между ними расправу полковники, и войты, и бурмистры по вашимъ правамъ; а осадныхъ людей въ городахъ будутъ судить и расправу надъ ними чинить воеводы—тоже по вашимъ правамъ. Тѣ поборы, которые собирались у васъ—подымное и съ орандѣ—будутъ собираться въ

¹⁾ Маркевичъ, Ист. Малор., III, 133--139.

²⁾ Вуцинскій, О Богданѣ Хмельницкомъ, стр. 164.

онихъ городахъ въ войсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому войску и на царскихъ ратныхъ людей, которые будутъ съ воеводами, да на войсковые расходы¹⁾“. Такимъ образомъ власть воеводъ предполагалось распространить на финансовыя и отрасли судебныя дѣла. Воеводское управленіе на этихъ началахъ и было введено въ нѣкоторыхъ городахъ; но скоро наступили извѣстныя смуты, и правительство для прекращенія ихъ соглашалось на большія уступки. Въ наказѣ начальствовавшему надъ московскими войсками въ Малороссіи вн. Трубецкому сказано: „А буде (Выговскій) учнетъ просить воеводства Кіевскаго—быть по его прошенію (п. 2); а буде учнетъ говорить, чтобъ въ Кіевѣ и иныхъ городахъ государевымъ бы воеводамъ и ратнымъ людямъ не быть и чтобы боярина Василя Борисовича (Шереметева, кіевскаго воеводу) нынѣ изъ Кіева и ратныхъ людей вывести, потому что уже онъ гетманъ и воевода кіевскій и другому воеводѣ быть въ Кіевѣ не для чего—и боярина вывести, а ратнымъ бы людямъ, сколькимъ великій государь укажетъ, быть²⁾“. Примиреніе съ Выговскимъ, какъ извѣстно, не состоялось, и Шереметевъ оставался кіевскимъ воеводою до 1661 г.

Въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго опять встрѣчается протестъ противъ воеводскаго управленія. Ст. 12 представляетъ буквальное повтореніе приведенной выше 12 ст. рѣшительныхъ пунктовъ Хмельницкаго; ст. 1, 2 и 11 требуютъ, чтобы судъ и сборъ налоговъ принадлежалъ не воеводамъ, а мѣстнымъ урядникамъ³⁾. Требования эти были утверждены правительствомъ, но все-таки по дополнительнымъ статьямъ вводится воеводское управленіе въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ, Умані „для обороны отъ непріятелей“⁴⁾.

Въ московскихъ статьяхъ Брюховецкаго воеводское управленіе распространяется еще на нѣкоторые города, при чемъ опредѣляется и число ратныхъ людей въ каждомъ городѣ, а именно: въ Кіевѣ—5000, Переяславѣ—2000, Черниговѣ—1200, Нѣжинѣ—1200, Новгородку (Новгородъ-Сѣверскѣ)—300, Полтавѣ—1500, Кременчугѣ—300,

¹⁾ Костомаровъ, Ист. монографія, II, 86—87.

²⁾ А. Ю. З. Р., IV, 204—206.

³⁾ Маркевичъ, III, 181—185.

⁴⁾ Маркевичъ, III, 188—191.

Кодавѣ—300 и Острѣ—300; при этомъ сказано, что воеводы ни къ какимъ дѣламъ и въ судамъ козацкимъ „вступаться не имѣютъ“¹⁾. И на этотъ разъ воеводское управленіе вызвало рѣзкій протестъ со стороны населенія: извѣстно, что именно возстаніе противъ воеводъ повело къ убійству Брюховецкаго. Воеводы были изгнаны изъ многихъ городовъ, но въ Кіевѣ они продолжали править (П. В. Шереметевъ 1666; Г. А. Козловскій 1669—73).

Гетманъ Дем. Многогрѣшный также просилъ уничтоженія воеводскаго управленія, „понеже отъ нихъ многія ссоры и досадительства бывали“. Но правительство подтвердило существованіе воеводъ въ Кіевѣ, Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ „по прежнимъ статьямъ, для обороны“, съ тѣмъ, чтобы они не вмѣшивались ни въ сборъ налоговъ, ни въ суды; воеводы могутъ судить только своихъ ратныхъ людей, при разборѣ же жалобъ на ратныхъ людей со стороны мѣстныхъ жителей „для великія правды искоторія (вѣроятно, скорыя) расправы“, вмѣстѣ съ воеводою, должны судить изъ малороссійскихъ жителей знатные и добрые, и разумные люди²⁾. Такимъ образомъ компетенція воеводъ была значительно ограничена, но самое учрежденіе осталось неприкосновеннымъ. Со времени Самойловича положеніе воеводъ, какъ военныхъ начальниковъ надъ великорусскими гарнизонами, утвердилось окончательно. Въ статьяхъ этого гетмана не встрѣчаются упоминанія о воеводахъ; въ статьяхъ же Мазепы и Скоропадскаго опять подтверждается существованіе воеводъ, которымъ царь Алексѣй Михайловичъ „указалъ быти въ прародительской своей отчинѣ, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, также и въ Черниговѣ, въ Переяславѣ, и въ Нѣжинѣ, и въ Острѣ для обороны отъ непріятели; а въ права и вольности козацкія, и въ суды, и ни въ какія дѣла воеводамъ вступаться не указалъ какъ кіевскому воеводѣ, такъ и иныхъ городовъ; и указалъ имъ имѣть начальство надъ ратными людьми, которые въ тѣ города присланы будутъ во всякомъ строеніи на оборону“³⁾.

Отсюда слѣдуетъ, что исторія воеводскаго управленія отъ Богдана Хмельницкаго до Скоропадскаго представляетъ непрерывную борьбу между козацкимъ самоуправленіемъ и стремленіемъ правительства

¹⁾ Маркевичъ, III, 225—226.

²⁾ Маркевичъ, III, 242—243.

³⁾ Маркевичъ, III, 296.

вести въ Малороссіи великорусское воеводское управленіе. Права малороссійскихъ воеводъ простирались только на военное управленіе, но постоянное подтвержденіе этихъ ограниченій, постоянныя жалобы на воеводъ, наконецъ неоднократныя возстанія показываютъ, что *de facto* власть воеводъ принимала часто болѣе широкіе размѣры¹⁾; да и само правительство старалось расширить ее и распространить на большее количество городовъ. Попытки эти не всегда удавались; были случаи, что воеводъ изгоняли и даже убивали, но въ Кіевѣ воеводская власть утвердилась прочно, и мы встрѣчаемъ здѣсь непрерывный рядъ воеводъ до самой замѣны ихъ губернаторами. Мы не знаемъ съ достовѣрностью отношеній кіевскаго воеводы къ воеводамъ ближайшихъ малороссійскихъ городовъ, но изъ нѣкоторыхъ указаній въ гетманскихъ статьяхъ можно предположить, что онъ считался выше другихъ, и что Кіевъ былъ какъ-бы центромъ воеводскаго управленія.

Съ начала XVIII вѣка вводится постепенно раздѣленіе Россіи на провинціи и губерніи. Первый указъ объ этомъ, изложенный довольно неясно, относится еще къ 1699 г.;²⁾ второй, болѣе опредѣленный,—къ 1708, а окончательный—къ 1719³⁾. Въ это время и кіевскіе воеводы получаютъ титулъ губернаторовъ (впослѣдствіи генераль-губернаторовъ). Первымъ кіевскимъ губернаторомъ былъ генераль-майоръ Юрій Андреевичъ Фамендинъ (вѣроятно, фонъ-Менгенъ⁴⁾). Сохранился „рописной списокъ“, составленный въ 1700 г. при приемѣ имъ кіевской крѣпости отъ предшественника своего кн. П. И. Хованскаго⁵⁾; изъ этого списка видно, что Фамендинъ принялъ въ свое вѣдѣніе кіевскую крѣпость съ ратными людьми, военными запасами, провіантомъ и денежными суммами, а равно и приказную палату, въ которой

¹⁾ Подробности изложены у Костомарова (Гетманство Выговскаго; Руина); документы, относящіеся къ этому вопросу, частью изданы въ Актахъ Ю. и З. Россіи. Изъ новѣйшихъ работъ обращаетъ на себя вниманіе статья В. Эйнгорна: „Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и Нѣжинскій магистратъ“ (К. Ст., 1891, № 11).

²⁾ П. С. З. Р. И., т. III, № 1706.

³⁾ П. С. З., т. IV, № 2218, и т. V, № 3380.

⁴⁾ Фамендинъ названъ губернаторомъ въ прилагаемомъ спискѣ Наковалиника; что правитель Кіева назывался тогда губернаторомъ можно заключить также и изъ мирнаго трактата съ Турціею, заключеннаго Украинцевымъ, гдѣ упоминаются „порубежные губернаторы“ (П. С. З., т. IV, № 1804).

⁵⁾ См. въ III-мъ отд. настоящей книги.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VI, отд. II.

хранились указы прежних воеводъ. Отъ второго губернатора ген.-м. Гулица до насъ дошла грамота (см. приложение II.) Эти документы довольно ясно опредѣляютъ значеніе первыхъ кievскихъ губернаторовъ, которые для Кіева и Малороссіи представляли изъ себя тѣхъ же воеводъ съ исключительно военною властью. Еще яснѣе опредѣляетъ характеръ власти кievскаго губернатора слѣдующій указъ о назначеніи преемника Гулицу, кievскаго воеводы (впослѣдствіи онъ назывался губернаторомъ) вн. Д. М. Голицына, отъ 10 февраля 1707 г.: „Великій государь указалъ Кіевъ, такожъ и прочіе замки въ черкасскихъ городѣхъ, въ которыхъ русскіе воеводы, приписать въ Бѣлгороду; и изъ Бѣлгорода комнатному стольнику и воеводѣ вн. Д. М. Голицыну, осмотра ихъ, быть въ веснѣ въ Кіевъ, гдѣ много исправленія требуетъ, и для того ему бѣлгородскимъ разрядомъ исправлять; а за честь кievскаго мѣста писать его вн. Дмитрія воеводою кievскимъ, а не бѣлгородскимъ; и вѣдать Бѣлгородъ со всѣмъ разрядомъ ему жъ, князю Дмитрію, а Кіевъ съ прочими замками черкасскими взять въ разрядъ“¹⁾. Въ этомъ указѣ ясно чувствуется связь съ прежними распоряженіями о великорусскихъ воеводахъ въ Малороссіи: Кіевъ несомнѣнно играетъ первенствующую роль между другими малороссійскими городами съ воеводскимъ управленіемъ; власть воеводы исключительно военная. Въ этомъ же указѣ обращаетъ вниманіе на себя еще одна сторона: Кіевъ приписанъ въ бѣлгородскому разряду, и воевода носитъ титулъ кievскаго только „за честь кievскаго мѣста“; очевидно, Петръ находилъ неудобнымъ признавать центромъ военнаго управленія пограничный городъ, находящійся въ странѣ, пользующейся исключительными правами.

Въ 1708 состоялось первое раздѣленіе Россіи на губерніи. Въ числѣ этихъ губерній была и Кіевская. Она обнимала большую часть теперешнихъ губерній Харьковской, Курской и Орловской; изъ малороссійскихъ же городовъ къ ней приписаны были только Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ и Нѣжинъ, т. е. именно тѣ города, въ которыхъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ были великорусскіе воеводы²⁾. Та-

¹⁾ П. С. З., т. IV., № 2140.

²⁾ Н. И. Костомаровъ относитъ къ Кіевской губерніи и гетманщину (Ист. Россіи, вып. 6, стр. 603); но это очевидная ошибка: гетманщина имѣла свое особое управленіе и не могла зависѣть отъ кievскаго губернатора.

внмъ образомъ указъ 1708 относительно малороссійскихъ городовъ былъ только подтвержденіемъ сложившагося раньше устройства. Что же касается приписанныхъ въ Кіевской губерніи городовъ великорусскихъ, то въ нихъ губернаторъ долженъ былъ вѣдать тѣ же дѣла, какъ и губернаторы другихъ губерній, т. е. въ данное время не только военныя, но и финансовыя.

Административное устройство 1708 г. было измѣнено въ 1719, при чемъ губерніи были раздѣлены на провинціи ¹⁾. Кіевская губернія была уменьшена въ объемѣ (изъ 56 городовъ оставлено 41) и раздѣлена на четыре провинціи: Бѣлгородскую (20 гор.), Сѣвскую (9), Орловскую (6) и Кіевскую (6—кромѣ названныхъ выше, Переволочна и Полтава). Кіевская провинція занимаетъ въ этомъ перечисленіи послѣднее мѣсто; при названіяхъ городовъ этой провинціи не показано, какъ сдѣлано относительно другихъ провинцій, число дворовъ, съ которыхъ положено собирать разные сборы. Изъ этого можно заключить, что Кіевская провинція, по прежнему, была подчинена губернатору только въ военномъ отношеніи, и что настоящимъ административнымъ центромъ былъ не Кіевъ, а Бѣлгородъ. Впрочемъ, кіевскіе губернаторы получали въ это время нѣкоторыя спеціальныя порученія, расширявшія ихъ власть; такъ князю Д. М. Голицыну въ 1714 г. поручено было ловить чрезъ нарочныхъ комиссаровъ бѣглыхъ людей великороссійскаго народа, скрывавшихся въ гетманщинѣ и Слободской украинѣ, а въ 1715 ему же подчинены были раскольничьи слободы въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полку ²⁾.

Вообще въ это время власть кіевского губернатора должна была усилиться вслѣдствіе измѣненія административнаго строя Малороссіи. Въ самомъ началѣ гетманства Скоропадскаго къ нему опредѣленъ былъ стольникъ Измайловъ для управленія и „общаго съ нимъ совѣта“; Измайлова смѣнилъ Протасевъ, а незадолго до смерти Скоропадскаго учреждена была Малороссійская коллегія изъ шести штабъ-офицеровъ подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова, которая и управляла Малороссією въ продолженіи пяти лѣтъ отъ смерти Скоропадскаго до избранія Апостола. Перемѣны эти не могли не

¹⁾ П. С. З., т. V., № 3380.

²⁾ Лилеевъ, Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ (К. Ст., 1889, сент., стр. 610 и 611).

отразиться на дѣятельности кievскаго генераль-губернатора и подчиненныхъ ему комендантовъ. Еще Скоропадскій въ просительныхъ пунктахъ, поданныхъ Петру I въ 1722 году ходатайствовалъ объ ограниченіи власти генераль-губернатора ¹⁾: „Господину генераль-губернатору кievскому и комендантамъ, по гварнізонамъ въ Малой Россіи будучимъ, да повелитъ Ваше Императорское Величество до судовъ и правленія малороссійскаго не вступаться и указовъ никакихъ отъ себе до старшины малороссійской не засилать—всепокорнѣйше просимъ“. На этотъ пунктъ послѣдовала такая резолюція: „опредѣлится брегадиръ съ 6-ю его помощниками, которому велено все чинить по трактату, учиненному съ Хмельницкимъ, о чемъ пространно усмотришь къ удовольствію изъ указа, вамъ подписаннаго ²⁾.“

Изъ просьбы Скоропадскаго можно заключить, что генераль-губернаторъ къ это время присвоивалъ себѣ уже власть судебную и административную, что было, вѣроятно, результатомъ примѣненія инструкции 1719 г., значительно расширившей власть губернатора, но непримѣнимой къ Кіеву вслѣдствіе его исключительнаго положенія.

Непродолжительное и незначительное гетманство Апостола и послѣдовавшее затѣмъ правленіе Малороссійской канцеляріи, могли способствовать только дальнѣйшему увеличенію власти кievскаго генераль-губернатора. Между тѣмъ значеніе Кіева для государства возрастало вмѣстѣ съ расширеніемъ границъ государства и началомъ вмѣшательства русскаго правительства въ польскія и турецкія дѣла, что также не могло не отразиться на значеніи генераль-губернаторской власти. Въ царствованіе Анны Ивановны учреждена была украинская линія отъ Днѣпра до Дона съ 20 т. поселенцевъ, составлявшихъ ландмилицкіе полки, подчиненные кievскому генераль-

¹⁾ Кто первый получилъ титулъ генераль-губернатора, опредѣлить довольно трудно: пункты Скоропадскаго относятся къ правленію кн. П. А. Голицына; въ прилагаемыхъ же спискахъ титулъ этотъ впервые примѣненъ къ кн. Н. Ю. Трубецкому. Впрочемъ, въ это время титулы областныхъ правителей не имѣли опредѣленнаго значенія (см. Романовичъ-Славатинскій, Историческій очеркъ губернскаго управленія, стр. 61).

²⁾ Маркевичъ, III, 340.

губернатору. Въ 1737 году составлена была подробная инструкция кievскому губернатору (постъ этотъ занималъ тогда генералъ-майоръ Сукинъ), значительно расширявшая предѣлы его власти какъ можно видѣть изъ слѣдующаго перечня ея отдѣловъ: 1) о присяжной должности, 2) о приѣмѣ городовъ и проч., 3) объ учрежденіи карауловъ и объ осторожности, 4) о шпионахъ, 5) о содержаніи вѣрностей, 6) о провѣдываніи вѣдомостей изъ пограничныхъ мѣстъ, 7) о послахъ и посланникахъ чужестранныхъ, 8) объ отъѣзжихъ и приѣзжихъ для торговыхъ промысловъ, 9) о непроездѣ подозрительныхъ людей, 10) о заповѣдныхъ товарахъ и монетѣ, 11) о приѣзжихъ съ товарами изъ-за границы и о пропускныхъ за границу, 12) о бѣглыхъ изъ Россіи и которые явятся или присланы будутъ изъ-за границы, 13) о моровой язвѣ, 14) о касающихся дѣлахъ Малороссіи и Слободскихъ полковъ, 15) о дѣлахъ принадлежащихъ до тайной канцеляріи, 16) о храненіи дѣлъ, 17) объ исполненіи указовъ, 18) о раздѣленіи дѣлъ между канцелярскими служителями, 19) о командѣ ему, губернатору, надъ подчиненными комендантами и управителями, 20) о розыскныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ, 21) о скоромъ розыскѣ воровъ и разбойниковъ и о искорененіи оныхъ, 22) о осужденныхъ къ ссылкѣ на галеры или къ смертной казни, 23) о возвратныхъ въ вѣрѣ, 24) о обрѣзывающихся въ магометанство и преступающихъ въ иновѣрство, 25) о содержаніи приходныхъ и расходныхъ книгъ и о храненіи денежной казны, 26) о доходахъ, чтобъ оныхъ безъ указа не убавлять и не прибавлять, 27) жалованье давать по ассигнаціямъ, 28) о содержаніи книгъ и указовъ, принадлежащихъ до прихода и расхода должнымъ порядкомъ, 29) кто былъ у прихода и расхода, то пока онъ въ томъ сочтенъ не будетъ, къ другимъ дѣламъ не опредѣлять, 30) о дачѣ счетныхъ выписей или квитанцій, 31) объ отсылкѣ въ указныя мѣста за добрымъ конвоемъ, 32) о нечиненіи обидъ и неиманіи взятокъ, 33) безъ указа не отъѣзжать, 34) какимъ образомъ поступать съ мѣщанами и съ магистратомъ, 35) о прочихъ дѣлахъ поступать по Уложенію и указамъ, 36) когда усмотрѣно будетъ что сверхъ инструкции, 37) о соблюденіи тайны ¹⁾.

¹⁾ П. С. З., т. X, № 7161.

Изъ этой инструкціи видно, что губернаторы вѣдали уже нѣкоторыя финансовыя и судебныя дѣла. Дѣла эти не затрогивали впрочемъ компетенціи Малороссійской канцеляріи, что можно видѣть изъ 14 ст. инструкціи; судебныя касались или политическихъ преступленій (ст. 5), или той части населенія Кіева, которая не была подсудна ни козацкому управленію, ни городскому магистрату, или наконецъ стародубскихъ раскольниковъ; финансовыя относились къ городамъ великорусскимъ или къ существовавшимъ въ Кіевѣ особымъ сборамъ съ моста и перевоза. Но самое видное мѣсто среди обязанностей губернатора занимаетъ веденіе дѣлъ пограничныхъ—охрана границъ государства, провѣдываніе вѣстей и даже сношенія съ иноземными государствами. Въ этомъ отношеніи къ кіевскому генераль-губернатору перешли нѣкоторыя права гетмана. Болѣе важныя права дипломатическихъ сношеній, предоставленныя Богдану Хмельницкому, были отняты у его преемниковъ, но сношенія по менѣе значительнымъ пограничнымъ дѣламъ, съ донесеніемъ объ этомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сохранились: постановленія объ этомъ есть еще въ статьяхъ Апостола ¹⁾. Наряду съ гетманами подобныя права предоставлялись уже воеводамъ и губернаторамъ. Съ упраздненіемъ гетманскаго достоинства, послѣ смерти Апостола права губернатора въ этомъ отношеніи должны были расширяться, чѣмъ и объясняется содержаніе инструкціи 1737 г.

Еще большее значеніе пріобрѣтаетъ Кіевъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, вслѣдствіе колонизаціи новороссійскихъ степей и гайдамацкихъ движеній въ Польшѣ, вызывавшихъ вмѣшательство русскаго правительства. Тогда учрежденъ былъ на польской границѣ рядъ воинскихъ форпостовъ, и содержалась особая ландмилицкая команда; при нѣкоторыхъ форпостахъ учреждены таможни и карантинны. Всѣ названныя учрежденія состояли въ вѣдѣніи кіевскаго генераль-губернатора. Къ этому же времени относится правленіе извѣстнаго генераль-губернатора Леонтьева (1740 — 1753), отъ котораго сохранилось множество дѣлъ, преимущественно относящихся къ дипломатическимъ сношеніямъ съ Польшею и Турціею, а также дѣлъ запо-

¹⁾ Маркевичъ, III, 405.

рожскихъ. Въ центральномъ архивѣ университета св. Владиміра хранится подлинная грамота за подписью графа Остермана и Черкаскаго о назначеніи Леонтьева въ Кіевъ для исправленія губернаторскихъ дѣлъ, относящаяся еще къ 1738 г. (См. приложение III). И изъ этой грамоты также можно видѣть, что постъ кіевскаго губернатора имѣлъ преимущественно военное и дипломатическое, а не административное значеніе; да иначе и не могло быть, потому что Малороссія все-таки имѣла еще свое особое управленіе (Малороссійская канцелярія, а съ 1750 гетманство К. Г. Разумовскаго).

Такъ продолжалось до царствованія Екатерины II. Съ уничтоженіемъ гетманскаго достоинства и учрежденіемъ малороссійскаго генераль-губернаторства должно было измѣниться и значеніе кіевскаго генераль-губернатора. Въ 1775 г. состоялся указъ о подчиненіи Кіева власти малороссійскаго генераль-губернатора. Это было начало реформъ, которыя должны были закончиться распространеніемъ на Малороссію обще-государственныхъ учреждений. Приступая къ этимъ реформамъ, генераль-губернаторъ гр. Румянцевъ обратился къ упраздняемой Кіевской губернской канцелярії со слѣдующимъ ордеромъ ¹⁾:

„Имѣетъ сія канцелярія въ архивѣ ее по дѣламъ учинить вѣрнѣйшіе справки: с котораго времени учреждена Кіевская губернія, с какимъ точно основаніемъ, кто были управляющие ея, какіе отъ времени до времени касательно сей губерніи были установленія или в чемъ перемены, даже до препорученія в мое вѣдомство і доставить мнѣ обстоятельное извѣстие, съ приложеніемъ состоявшихся о томъ указовъ и учреждений копій. Г. Румянцевъ-Задувайскій. Глуховъ. Октября 24 дня 1777 г.“

Канцелярія, выслушавъ этотъ ордеръ, постановила, „во исполненіе онаго его высокографскаго сиятельства повеленія, об ономъ со всекрайнѣйшимъ раченіемъ по архивѣ чинить пріискъ“; но послѣ тщательныхъ розысковъ заявила, что „таковыхъ документовъ, с котораго времени учреждена Кіевская губернія, съ какимъ точно основаніемъ,

¹⁾ Дѣло Кіев. губери. канц., хранящ. въ Кіев. центр. арх.

кто были отъ начала управляющіе, какіе отъ времени до времени касательно сей губерніи были установленія... не оказалось". Впоследствии, впрочемъ, были представлены списки правителей и различныхъ хранившихся въ архивѣ канцеляріи указовъ; главные же вопросы генераль-губернатора такъ и остались безъ отвѣта за неимѣніемъ свѣдѣній¹⁾. Но впоследствии свѣдѣнія эти, вѣроятно, были собраны, потому что Шафонскій,—пользовавшійся, какъ извѣстно, офиціальными матеріалами, собранными по приказанію гр. Румянцева, — въ своемъ описаніи Черниговскаго намѣстничества, далъ слѣдующее довольно точное, опредѣленіе района и объема власти кievскаго генераль-губернатора: „Городъ Кіевъ и его генераль-губернаторы не имѣли настоящей и цѣлой губерніи, такъ какъ прочіе въ Россіи генераль-губернаторы. Ихъ власть и управленіе до Малой Россіи и до гетмановъ или до ихъ уряду вовсе не простиралась, а имъ была отъ губерніи Смоленской до предѣловъ Турецкихъ простирающаяся граница и по ней военная стража и всѣ пограничныя крѣпости, не исключая гарнизона нѣжинскаго, кромѣ глуховскаго, отъ московскаго оберъ-коменданта зависимаго, поручена. Сверхъ того, поселившіеся въ Черниговскомъ и Стародубовскомъ полку раскольники Кіевской губернской канцеляріи были подсудны, и особливая для разбору между російскими и польскими пограничными жителями споровъ учрежденная пограничная коммиссія²⁾, въ точное кievскихъ генераль-губернаторовъ вѣдѣніе отдана была“³⁾.

Въ 1781 году въ Малороссіи введено учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., и въ Кіевѣ открыто намѣстничество.

¹⁾ Всѣ эти факты заимствованы мной изъ хранящагося въ К. Ц. А. дѣла губернской канцеляріи; дѣло это въ извлеченіи издано А. А. (Андріевскимъ) въ Историческихъ матеріалахъ изъ архива Кіев. губерн. правл., К., 1882, вып. 1.

²⁾ Пограничные суды учреждены были еще въ 1676 г.; существованіе ихъ подтверждено было въ 1732, 1764, 1768 гг. (См. Bandtkie, *Historya, prawa polskiego*, 667). Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, когда именно поступили они въ вѣдѣніе кievскихъ генераль-губернаторовъ. Наиболее раннія книги пограничныхъ судовъ, хранящіяся въ Кіевскомъ центр. арх., относятся къ 1735 г. (№ 202).

³⁾ Шафонскій, Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе, стран. 103 и 104.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ исторію мѣстнаго управленія Кіева отъ 1654 по 1775 г., мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Кіевъ съ приписанными къ нему малороссійскими городами имѣлъ въ разсматриваемую эпоху особое управленіе, отличное отъ управленія остальной Малороссіи и отъ управленія областей великорусскихъ.

2. Власть кіевскаго воеводы (впослѣдствіи губернатора или генераль-губернатора) простиралась не на цѣлую территорію, а лишь на нѣсколько городовъ въ сферѣ военнаго управленія.

3. Власть воеводы (губернатора) имѣла преимущественно военный характеръ.

4. Губернскія учрежденія Петра В. не измѣнили значенія правителей Кіева.

5. Власть кіевскихъ губернаторовъ (генераль-губернаторовъ) пріобрѣтаетъ болѣе широкое значеніе съ 30—40 годовъ XVIII ст., сохраняя при этомъ свой исключительный характеръ.

6. Только съ 1781 г. Кіевская губернія получаетъ устройство, аналогичное съ устройствомъ другихъ губерній.

В. Щербина.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Займствуемъ изъ упомянутого въ статьѣ дѣла Кіевской губернской канцеляріи списки правителей Кіева въ рассматриваемый періодъ; они были уже напечатаны А. А. (Андріевскимъ) въ 1 выпускѣ „Историческихъ матеріаловъ изъ архива Кіевского губернскаго правленія. К. 1882 г.“, при чемъ въ основаніе взяты списокъ Наковалнина; показанія же офіціального списка приведены съ нѣкоторыми сокращеніями, въ скобкахъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда первый изъ нихъ расходится со вторымъ. Мы печатаемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они помѣщены въ дѣлѣ. Раньше, сколько намъ извѣстно, эти документы были напечатаны въ „Исторіи Малороссіи“ Маркевича ¹⁾ и въ „Описаніи Кіева“ Закревскаго ²⁾. У Маркевича помѣщенъ вѣрный, но сокращенный списокъ воеводъ (приведены только имена первыхъ воеводъ изъ важнаго управленія). У Закревскаго помѣщены списки воеводъ, генераль-губернаторовъ и гражданскихъ губернаторовъ. Списокъ воеводъ немного полнѣе помѣщеннаго у Маркевича, но все-таки неполонъ; списки же губернаторовъ и генераль-губернаторовъ составлены, примѣняясь къ позднѣйшей іерархіи, такъ что рядъ генераль-губернаторовъ тянется непрерывно отъ вн. Д. М. Голицына; въ именахъ и хронологіи встрѣчаются ошибки.

---

¹⁾ Ист. Мал., V, стр. 176—177.

²⁾ Оп. К., т. II, стр. 894—896.

Въ заключеніе мы прилагаемъ двѣ неизданныя грамоты о назначеніи въ Кіевъ губернаторами Гулица и Леонтьева; первая сохранилась въ копіи, вторая въ подлинникѣ; обѣ они очерчиваютъ кругъ дѣятельности губернаторовъ и позволяютъ видѣть постепенное расширение ихъ власти. Грамоты взяты нами изъ отдѣльныхъ документовъ Кіевского центрального архива.

I.

Списки воеводъ, губернаторовъ и генераль-губернаторовъ.

(1654—1775 гг.).

а) О бывшихъ въ Кіевѣ губернаторахъ съ указовъ Правительствующаго Сената.

1. 1719 апрѣля 18—о бытіи губернаторомъ вн. Петру Алексіевичу Голицыну.

2. 1722 іюля 10—о имѣніи генералу Кіевской, губерніи генераль-губернатору вн. Трубецкому въ Кіевѣ и въ городахъ малоросійскихъ смотрѣніа.

3. 1730 октября 14—о бытіи въ Кіевѣ генераль-губернаторомъ генералу Матюшкину.

4. 1731 ноября 19—о бытіи въ Кіевѣ генераль-губернаторомъ генералу графу богемскому фонъ Вейзбаху; губернаторомъ генераль-лейтенанту Шереметеву.

5. 1736 февраля 11—о бытіи въ Кіевѣ губернаторомъ генераль-майору Сукину.

6. 1737 декабря 21—о поступленіи генералу и кавалеру Румянцеву, до опредѣленія въ Кіевскую губернію губернатора, въ правленіе губернскихъ и прочихъ дѣлъ.

7. 1738 марта 7—о бытіи въ Кіевѣ для исправленія губернскихъ дѣлъ генераль-лейтенанту Леонтьеву.

8. 1740 марта 8—о бытіи въ Кіевѣ губернаторомъ тайному совѣтнику Неплюеву.

9. 1741 января 8—о пожалованіи генераль-лейтенанта Леонтьева въ полные генералы и генераль-губернаторы въ Кіевѣ.

10. 1741 сентября 7—о бытіи въ Малой Россіи для управленія тамошнихъ дѣлъ главнымъ командиромъ тайному совѣтнику и кавалеру Неплюеву, а генералу Леонтьеву въ Кіевѣ генераль-губернаторомъ.

11. 1752 сентября 29— о имѣніи правленія дѣлъ въ Кіевской губернской канцеляріи бригадиру кіевскому, оберъ-коменданту Костюрину; въ полученномъ въ Кіевской губернской канцеляріи изъ Правительствующаго Сената отъ 23 декабря 1753 при указѣ реестрѣ, между прочими, пожалованными тогожъ декабря 18 въ чины, показано, что въ Кіевскую губернію опредѣленъ въ вице-губернаторы бригадиръ, кіевскій оберъ комендантъ Иванъ Костуринъ съ гратсомъ генераль-майорскимъ.

12. 1758 января 27—о бытіи тайному совѣтнику и кіевскому вице-губернатору Костюрину съ переименованіемъ генераль-поручикомъ въ С.-Петербургѣ оберъ-комендантомъ и о вступленіи, до опредѣленія на мѣсто ево, во управленіе здѣшней губерніи дѣлъ оберъ-коменданту Володимеру Лопухину.

13. 1760 сентября 21—о пожалованіи въ Кіевъ губернаторомъ генераль поручика Глѣбова.

14. 1761 февраля 27—о препорученіи оберъ-коменданту генераль-майору Чичерину правленія всѣхъ дѣлъ, которыя по тогдашнее время генераль-майоромъ Лопухинимъ производимы были.

15. 1761 декабря 12—о опредѣленіи въ Кіевскую губернію къ вице-губернаторской должности генераль-майора Власьева.

16. 1762 марта 16—что генераль-аншефъ, кіевскій генераль-губернаторъ и кавалеръ Глѣбовъ изъ С.-Петербурга отправился въ Кіевъ къ ево должности и о прочемъ.

17. 1766 апрѣля 11—о опредѣленіи въ Кіевскую губернію генераль-губернаторомъ генерала и кавалера Воейкова.

18. Съ предложеніемъ генераль-аншефа бывшаго въ Кіевѣ генераль-губернатора и кавалера Воейкова 27 ноября 1775, съ приписаніемъ въ немъ всевысочайшаго имянного Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената указа о увольненіи его отъ всѣхъ дѣлъ и о произведеніи ему по чину его жалованія по смерти его.

Да по дѣламъ значится, что въ Кіевской губерніи находились въ 1715 г. губернаторъ вн. Д. М. Голицынъ, который и въ

посылаемомъ 18 апрѣля 1719 г. Сенатомъ указъ значитса-жь, да въ 1728 г. генераль-майоръ и вице-губернаторъ Штокъ, которыхъ точно о опредѣленіи въ Кіевскую губернію въ правленію указы еще отыскиваются.

Сверхъ того, представляется при семъ же копія съ записки, партикулярно сочиненной бывшимъ въ Кіевѣ надворнымъ совѣтникомъ Автономъ Наковалнинымъ, о бывшихъ кіевскихъ губернаторахъ и комендантахъ, въ которой явствуетъ:

б) Бояры и воеводы.

1. Городъ Кіевъ взятъ отъ поляковъ въ прежнее російское владѣніе въ 1654 году марта 1 числа и тогда же по указу великаго государя Алексѣя Михайловича Кіевъ принялъ: первый бояринъ и намѣстникъ ростовской кн. Ѳедоръ Семеновъ сынъ Куракинъ, товарищъ бояринъ и намѣстникъ галицкой кн. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волкопскій, дьякъ Андрей Немировъ; и строили градъ Кіевъ разными людьми.

2. Ево, Куракина, перемѣнилъ въ 1656 году околичій Андрей Васильевъ сынъ Бутурлинъ; дьякъ Василій Герасимовъ.

3. Въ 1658 Бутурлина перемѣнилъ бояринъ и намѣстникъ бѣлозерской Василій Борисовъ сынъ Шереметевъ; стольникъ кн. Юрья Никитинъ сынъ Борятинской да стольникъ Иванъ Ивановъ сынъ Чадаевъ; дьякъ Алексѣй Посниковъ.

4. Въ 1661 г. оные жъ кн. Ю. Борятинской и Чадаевъ и при нихъ дьяки Иванъ Татариновъ, Тимофей Савлуковъ въ Кіевѣ были, понеже бояринъ Шереметевъ взятъ былъ съ полками подъ Чудновъ, гдѣ въ томъ же году взятъ въ полонъ.

5. Въ 1661 г. на мѣсто Борятинскаго и Чадаева Иванъ Андреевъ сынъ Ржевской; Алексѣй Аврамовъ сынъ Мещериновъ; дьякъ Тимофей Савлуковъ.

6. Въ 1662 г. на мѣсто Ржевскаго и Мещеринова думной дворянинъ Яковъ Ивановъ сынъ Чадаевъ; дьякъ Тимофей Савлуковъ.

7. Въ 1665 г. на мѣсто думнаго Чадаева околничей кн. Никита Яковлевъ сынъ Львовъ; дьякъ Денисъ Савлуковъ.

8. Въ 1666 г. на мѣсто кн. Львова бояринъ и намѣстникъ

смоленской Петръ Васильевъ сынъ Шереметевъ; стольникъ Константинъ Карповъ сынъ Щербатовъ; Петръ Тимофеевъ; дьяки: Денисъ Савлуковъ, Иванъ Рубцовъ.

9. Въ 1669 г. на мѣсто Петра Шереметева околничей и намѣстникъ звенигородской кн. Григорій Афанасьевъ сынъ Козловской; стольникъ кн. Тимофей Афанасьевъ сынъ Козловской же; дьякъ Иванъ Матвѣевъ.

10. Въ 1673 г. на мѣсто Козловскаго бояринъ и намѣстникъ нижегородской кн. Юрья Петровъ сынъ Трубецкой; при немъ околничій и намѣстникъ галицкой кн. Данила Степановъ сынъ Великогагинъ; стольникъ Алексѣй Дмитріевъ сынъ, Федоръ Ивановъ сынъ Колтовскіе; дьяки: Тимофей Безсоновъ, Иванъ Калитинъ.

11. Въ 1675 г. на мѣсто кн. Трубецкаго бояринъ и намѣстникъ болгарской кн. Алексѣй Андреевъ сынъ Голицынъ; стольникъ кн. Яковъ Васильевъ сынъ Хилковъ; околничій Матфей Степановъ сынъ Пушкинъ; дьяки: Иванъ Калитинъ, Иванъ Рогозинъ.

12. Въ 1677 г. на мѣсто Голицына околничей и намѣстникъ калужской Алексѣй Петровъ сынъ Головинъ; дьякъ Иванъ Кучецкой. Въ томъ же году бояринъ и намѣстникъ угорской кн. Иванъ Борисовъ сынъ Троекуровъ; околничей и намѣстникъ мединской Иванъ Ивановъ сынъ Ржевской, а при немъ дьяки: Иванъ Кучецкій, Григорій Протопоповъ.

13. Въ 1688 г. на мѣсто Троекурова бояринъ и намѣстникъ бѣлозерской Михайло Андреевъ сынъ Голицынъ; стольникъ кн. Федоръ Михайловъ сынъ Карвадиновъ; думный дворянинъ Григорій Степановъ сынъ Карауловъ; дьяки: Григорій Богдановъ, Илья Колпиковъ.

14. Въ 1679 г. на мѣсто кн. Голицына бояринъ и намѣстникъ дорогобужской кн. Никита Семеновъ сынъ Урусовъ; околничей кн. Данила Афанасьевъ сынъ Борятинской; думный дворянинъ Иванъ Петровъ сынъ Лихаревъ; дьяки: Полухтъ Истомянъ, Клямъ Судейкинъ.

15. Въ 1680 г. на мѣсто кн. Урусова околничей и намѣстникъ вѣцкой Иванъ Большой; стольники: Василиій Лаврентьевъ сынъ Пушечниковъ, Еремей Афанасьевъ сынъ Пашковъ; дьяки: Константинъ Михайловъ и Иванъ Козаковъ.

16. 1681 г. на мѣсто вицеаго намѣстника Ивана Большова дворянинъ и намѣстникъ карачевской Леонтій Романовъ сынъ Неплюевъ; въ томъ же году бояринъ и намѣстникъ смоленской Петръ Васильевъ сынъ Большой Шереметевъ да сынъ его Ѳедоръ Петровъ Шереметевъ; съ ними-жъ и онъ, Леонтей Неплюевъ; дьяки: Сидоръ Павловскій, Дмитрій Ѳедоровъ.

17. Въ томъ же 1681 г. околничей и намѣстникъ бѣльскаго Иванъ Ѳедоровъ сынъ Волынской; при немъ дьяки: Дмитрій Ѳедоровъ, Павелъ Семеновъ.

18. Въ 1682 г. на мѣсто бѣльскаго бояринъ и намѣстникъ тульской кн. Петръ Семеновъ сынъ Прозоровской; околничей и намѣстникъ возельской кн. Борисъ Васильевъ сынъ Горчаковъ; дьякъ Мина Гротовъ.

19. Въ 1684 г. на мѣсто Прозоровскаго бояринъ и намѣстникъ вологодской Алексѣй Петровъ сынъ Салтыковъ; околничей кн. Иванъ Степановъ сынъ Хотетовской; думный дворянинъ Федоръ Андреевъ Дьяковъ; дьяки: Иванъ Шапкинъ, Осипъ Татаринъ.

20. Въ томъ же 1684 г. бояринъ и намѣстникъ кондѣйской Ѳедоръ Петровъ сынъ Шереметевъ; околничей кн. Василій Ѳедоровъ Жирового-Засѣкинъ; стольникъ Иванъ Степановъ сынъ Телепневъ.

21. Въ 1686 г. на мѣсто Шереметева бояринъ и намѣстникъ устюжской кн. Юрѣя Семеновъ сынъ Урусовъ; околничей кн. Дмитрій Нефедовъ сынъ Щербатовъ; думный дворянинъ Левъ Демидовъ сынъ Голохвостовъ; дьяки: Никита Полуинъ, Левъ Нечаевъ.

22. Въ 1687 г. на мѣсто Урусова бояринъ и намѣстникъ суздальской Иванъ Васильевъ сынъ Бутурлинъ; думный дворянинъ Василій Никитинъ сынъ Тарбѣевъ; дьяки: Иванъ Клементьевъ, Леонтей Улановъ.

23. Въ 1689 г. на мѣсто Бутурлина бояринъ и намѣстникъ востромской кн. Михаилъ Григорьевъ сынъ Ромодановской; думной дворянинъ Иванъ Павловъ сынъ Языковъ; дьяки: Иванъ Алферовъ, Никита Сафоновъ.

24. Въ 1691 г. на мѣсто Ромодановскаго стольникъ и намѣстникъ рязанской кн. Лука Ѳедоровъ сынъ Долгорукой; стольникъ Тимофей Павловъ Ржевскій; дьяки: Максимъ Даниловъ, Василей Степановъ.

25. Въ 1693 г. на мѣсто Долгорукаго бояринъ намѣстникъ кондійской кн. Петръ Ивановъ сынъ Меньшой-Хованской; стольникъ Григорій Андреевъ сынъ Племянниковъ; дьяки: Иванъ Сементьевъ, Гаврила Перекусихинъ.

26. Въ 1695 г. на мѣсто Хованскаго бояринъ и намѣстникъ дорогобужской кн. Данила Афанасьевъ сынъ Борятинской; стольникъ кн. Федоръ Федоровъ сынъ Борятинской; дьяки: Калина Патрикѣевъ, Иванъ Козловъ.

27. Въ 1698 г. на мѣсто Борятинскаго бояринъ и намѣстникъ кондійской кн. Петръ Ивановъ сынъ Большой-Хованской (зачеркнуто Глухой); стольникъ Михайла Аргамаковъ; дьякъ Анисимъ Невѣжинъ.

28. Въ 1701 г. на мѣсто Хованскаго генералъ майоръ и губернаторъ Юрѣя Андреевъ сынъ Фамендинъ.

29. Въ 1704 г. по смерти генералъ Фамендина генералъ майоръ Андрей Андреевъ Гулицъ; при немъ дьякъ Макаръ Калачниковъ, а по смерти его, Калачникова, иностранной коллегіи субъ-канцеляристъ дьякъ Аверкій Ивановъ сынъ Леонтьевъ.

30. Въ 1707 г. генерала Гулица перемѣнилъ ближній стольникъ и намѣстникъ смоленской кн. Дмитрій Михайловъ Голицынъ, которому и поручена Кіевская губернія, что нынѣ Бѣлогородская; при немъ были лантрихтеръ Иванъ Коптюжинъ, лантраты: Неплюевъ съ сыномъ, Шеншинъ, Кафтыревъ, Воейковъ, Мезенцевъ, Кривцовъ; дьяки: Аверкій Леонтьевъ, Демеатій Бѣлой, Лаврентій Протопоповъ, Марка Лосевъ.

31. Въ 1719 г. на его, Голицына, мѣсто рижскій губернаторъ и сенаторъ кн. Петръ Алексѣевъ сынъ Голицынъ.

32. Въ 1723 г. на мѣсто его, Голицына, генералъ аншефъ и кавалеръ кн. Иванъ Юрѣевъ сынъ Трубецкой.

33. Въ 1730 г. на мѣсто его, Трубецкого, генералъ лейтенантъ Володимеръ Петровъ сынъ Шереметевъ.

34. Въ 1736 г. на мѣсто его, Шереметева, генералъ майоръ и кавалеръ Семенъ Ивановъ Сукинъ.

35. Въ 1740 г. на мѣсто Сукина бывший въ Константинополѣ резидентомъ и морского флота контръ-адмиралъ Иванъ Ивановъ сынъ Неплюевъ.

36. Въ томъ же 1740 г. на его, Неплюева, мѣсто генераль-аншефъ и кавалеръ Михайлъ Ивановъ сынъ Леонтьевъ.

37. По смерти Леонтьева въ 1753 г. пожалованъ генераль-майоромъ и въ Кіевъ вице-губернаторомъ Иванъ Костюринъ, а въ 1755 г. декабря 25 тайнымъ совѣтникомъ; въ нему же, Костюрину, въ помощь присланъ совѣтникъ Михайлъ Маваровъ въ рангѣ полковничьемъ.

38. Въ 1758 г. по отъѣздѣ Костюрина въ С.-Петербургъ, губернскою канцелярією правили генераль-майоры Лопухинъ и Чичеринъ, а потомъ вице-губернаторскую должность генераль-майоръ Власьевъ, а въ 1762 г. мая 30 въ Кіевъ присланъ губернаторомъ генераль аншефъ и кавалеръ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Глѣбовъ; въ нему въ товарищи полковникъ Петръ Тимофеевъ Рагозинъ.

39. Въ 1764 г. на мѣсто Рагозина въ товарищи губернаторскіе Иванъ Маскатиновъ, а въ 1765 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Варфоломей Андреевъ сынъ Ламбъ въ товарищи же.

40. На его, Глѣбова, мѣсто въ Кіевъ губернаторомъ произведенъ генераль-аншефъ и кавалеръ Ѳедоръ Матвѣевъ Воейковъ; въ Кіевъ прибылъ іюня 24 дня 1766 года.

Въ томъ же дѣлѣ находятся списки кіевскихъ комендантовъ, губернаторскихъ товарищей и прокуроровъ; они также напечатаны въ „Историческихъ матеріалахъ изъ архива Кіевского губернскаго правленія“ (вып. 1).

II.

Копія грамоты о назначеніи г.-м. Гулица.

хѣѣт г. марта въ ѣї день—списокъ великаго государя с грамоты.

Отъ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, столникамъ нашимъ и полковникамъ Ивану Клементьевичу Ушакову, Ивану Исаевичу Скрыпицыну, Михалу Ѳеодоровичу Сухареву, Валиму Николаевичу Ѳанъ Залину да дьяку нашему Макару Калачникову: указали мы, великій государь, на нашей, великаго государя, службѣ в Кіеве генерала маора на Юрьево мѣсто Ѳамендина быть губернаторомъ генералу-жъ маору Андрѣю Андрѣевичу Гулицу, а с нимъ тебѣ, Макару; и какъ к вамъ сія наша, великаго государя, грамота придетъ, а генераль маоръ и губернаторъ Гулицъ в Кіевъ приѣдетъ, и вы отдайте ему наше, великаго государя, полковое знамя и городъ Кіевъ, и городовые ключи верхнихъ городовъ и нижняго острога, и малого городка, что на Печерской горѣ, и нашимъ, великаго государя, всякихъ чиновъ коннымъ и пѣшимъ ратнымъ людямъ имянные списки, и росписи пушечного наряда, и полковымъ всякимъ припасомъ, и въ приказной палатѣ нашу, великаго государя, денежную и всякую казну, и указы грамоты о всякихъ дѣлахъ, и наказы бывшихъ в Кіеве бояръ нашихъ и воеводъ и генераль маора Юрія Ѳамендина, и розыскные и всякие полковые вершеные и невершеные дѣла, и приходные, и расходные, и записные книги, и смѣтные списки; а отдавъ то все и учиня росписной списокъ таковъ же слово въ слово, каковъ пошлетъ онъ, генераль маоръ, к намъ, великому государю, в Москву, оставить за своими руками в Кіеве въ приказной палатѣ; а котораго числа онъ, генераль маоръ и губернаторъ, в Кіевъ приѣдетъ, и городъ ему и все вышеписанное отдадите, о томъ к намъ, великому государю, писали чрезъ почту, а отписку велѣли подать въ Приказъ Малыя Россіи боярину нашему Ѳеодору Алеѣевичу Головину с товарищи. Писанъ на Москвѣ, лѣта хѣѣт, севраля въ ѣг день.

На подлинной великаго государя грамотѣ приписъ дьяка Ивана Волкова, Справа подъячего Петра Курбатова.

Ш.

Грамота о назначеніи г.-л. Леонтьева.

Божіей милостью мы, Анна, императрица и самодержица Всероссийская и проч., и проч., и проч.

Нашему генералу лейтенанту Леонтьеву.

По нашему указу опредѣлено вамъ быть в Киевѣ для управленія губернскихъ дѣлъ, о чемъ учиненная въ бытность здѣсь генерала фельд-маршала графа фонъ Минниха репортация за приписаніемъ нашия собственныя руки оному отдана, по которой онъ васъ в Киевъ и отправить имѣеть.

И тако будучи вамъ в Киевѣ дѣла губернскае и прочіе управлять по силѣ имѣющихъ нашихъ в Киевской губернской канцеляріи указовъ, такожъ и по присылаемымъ в вамъ отъ генерала фельд-маршала графа фонъ Минниха ордерамъ, опредѣленіямъ со всякимъ прилѣжаніемъ, не упуская ни въ какихъ дѣлахъ и исправленіихъ, что до нашей службы и интересовъ касается, ни малѣйшаго времени. Особливо же имѣть вамъ крѣпчайшее смотреніе надъ учрежденными в вѣденіи вашемъ на границахъ форпосты какъ для выдерживанія карантинны, такъ и ради престоереженія проѣзжающихъ и проходящихъ чрезъ оныя всякихъ людей.

В корреспонденціи за границу с нѣкоторыми приятелями, с которыми прежде сего киевскіе командиры оную имѣли, такожъ и в развѣдываніяхъ о состояніи и намѣреніяхъ и движеніяхъ турковъ и татаръ поступать вамъ по сношеніямъ и совѣту с обрѣтающимся в Киевѣ тайнымъ совѣтникомъ Неплюевымъ, которому о томъ отъ насъ особливо комисія поручена; и какіе когда о чемъ откуда вѣдомости получите, о томъ немедленно какъ намъ сюда доносить, такъ и объемъ генераламъ фельд-маршаламъ: графу фонъ Минниху і фонъ Лессю, и о чемъ, куда потребно будетъ, і в другіе подлѣжащія мѣста сообщать. Помянутому же тайному совѣтнику Неплюеву, по требованіямъ его, въ употребленіе к посыламъ какъ за границу, такъ и сюда,

и вышеозначеннымъ генераламъ еелтъ-маршаламъ имѣете выдавать способныхъ в тому людей, и онымъ подводы и прогонные денги всегда безъ остановки, якоже и в прочемъ оному чинить всякое вспоможеніе, какъ о томъ и в прежде бывшимъ в Киевѣ командирамъ в нашихъ указахъ писано.

Данъ в Санктъ Петеръ Бурхе, марта 6 дня 1738 году.

По ея императорскаго величества указу:

Андрей Остерманъ.
К. Алексѣй Черкасскій.

Служба въ Сибири Демьяна Многогрѣшнаго.

I.

Обстоятельства жизни въ Сибири бывшаго гетмана Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго, сосланнаго туда въ 1672 г., — мало извѣстны. Кромѣ краткихъ извѣстій Бантыша-Каменскаго ¹⁾, Словцова ²⁾, Соловьева ³⁾, мы имѣемъ по данному вопросу 3 акта, изданные Археологическою Комиссiею ⁴⁾, и 3 акта, недавно напечатанные г. Гоздаво-Голомбiевскимъ ⁵⁾. Данныя этихъ источниковъ очень отрывочны: они относятся къ 1672—4, 1682—4, 1688 и 1694 годамъ. Притомъ же, они касаются, главнымъ образомъ, внѣшней судьбы ссыльнаго гетмана въ Сибири: рассказываютъ—какъ его пересылали изъ города въ городъ ⁶⁾, какъ заключали его тамъ въ тюрьмы и по собственному почину московской администраціи, и по прояскамъ гетмана Ивана Самойловича, участливо освѣдомлявшагося въ 1683 г.

¹⁾ „Исторiя Малой Россiи“, II, 136, откуда перепечатаны *Марковичемъ* въ его „Ист. Малороссiи“, II, 200.

²⁾ „Истор. обзор. Сибири“, 1, 128, 133, 176, 187 (по 2-му изд. 1886 г.).

³⁾ „Ист. Росс.“, XII, 122.

⁴⁾ Доп. Ак. Ист., VI, № 95, 1, 11 и X, № 67, XXXII.—№ 95, 1 напечатаны также въ Поля. Собрн. 1, № 562.

⁵⁾ „Чтенiя Моск. Общ. Ист. и Древн.“, 1888, кн. 1, статьи и три документа о пребыванiи въ Сиб. гетм. Д. Мног-го“, сс. 3—10.

⁶⁾ Изъ Тобольска гетмана перевезли въ Енисейскъ, оттуда въ Иркутскъ (Доп. Ак. Ист., VI, № 95, 11), затѣмъ въ Селенгинскъ (Голомбiев., 10).

„о Демвѣ Многогрѣшномъ: въ которомъ онъ сибирскомъ городѣ и нынѣ живъ-ли и въ цѣлости-ль?!“¹⁾ Но какъ въ дѣйствительности жилось этому несчастному „Демвѣ“ въ Сибири—вдали отъ родины, среди непривычной природы и обстановки, такъ далекой отъ былого величія гетманской власти,—указанные источники не даютъ на это почти никакого отвѣта.

Вся ли сибирская жизнь Демьяна Игнатовича прошла въ переѣздахъ изъ одной тюрьмы въ другую, или же и въ Сибири онъ дождался лучшихъ дней?—Авты, найденные г. Голомбѣвскимъ, говорятъ²⁾, что въ концѣ 1682 г. Многогрѣшный былъ освобожденъ изъ иркутской тюрьмы и написанъ въ „дѣти боярскіе“ по *Иркутску*³⁾, съ годовымъ „окладомъ“ въ 18 рублей, по 18 четей ржи и овса и 4½ пуда соли. Но получивши званіе боярскаго сына—отбывалъ-ли Многогрѣшный дѣйствительную службу, наравнѣ съ другими иркутскими боярскими дѣтьми? или же онъ только номинально носилъ это званіе?—Сомнѣнія эти вполне естественны.

Извѣстно, что московское правительство сначала рѣшило бывшаго гетмана и его сотоварищей по ссылке опредѣлить „въ пѣшую казачью службу“ по сибирскимъ городамъ: Демьяна велѣно отослать для этого въ Селенгинскій острогъ, его брата *Василія* (бывшаго черниговскаго полковника)—въ Красноярскій, гетманскаго племянника *Михаила Зиновьева*—въ Якутскій, полковника *Матвѣя Гвинтовку*—въ Кузнецкій и есаула *Павла Грибовича*—въ Томскій остроги. Но послѣ бѣгства *Грибовича* „въ Запороги“ въ 1673 г., вопросъ о службѣ ссылныхъ былъ оставленъ, и велѣно было заключить ихъ въ тюрьмы „въ указныхъ мѣстахъ“ (т. е.—по тѣмъ городамъ, куда они разосланы⁴⁾). Въ 1674 г., послѣ новаго бѣгства нѣсколькихъ ссылныхъ черкасъ (*Микиты Опалинскаго* и др.), опять подтверждено о строгомъ заключеніи по тюрьмамъ атамана и его сотоварищей, при чемъ правительство ясно постановило: „а у нашихъ великого госу-

¹⁾ Голомбѣв., 9.

²⁾ Ibid., 5—7.

³⁾ Словоцвъ (1, 128 и др.) ошибочно называетъ Многогрѣшнаго „селенгинскимъ боярскимъ сыномъ.“

⁴⁾ Но извѣстно, что гетманъ тогда не попалъ въ назначенный ему Селенгинскъ, а очутился въ Иркутскѣ (Д. А. И., VI, № 95, 11).

даря ни у какихъ отъ ссыльнымъ людямъ, которые сосланы за великіе вины и за многіе воровства послѣ 170 году, быть не велѣно, и въ Москвѣ ихъ не отпускать“ (т. е. не посылать ихъ въ Москву по служебнымъ дѣламъ—съ воеводскими отписками и т. п. ¹⁾).

Этотъ указъ прямо относился и въ Многогрѣшному. Указа не могли забыть и въ 1682 г., когда бывшій гетманъ удостоился званія иркутскаго боярскаго сына. Возможно, что это званіе онъ носилъ номинально, можетъ быть только въ видахъ улучшенія его финансового положенія: назначенный ему, какъ боярскому сыну, денежный и хлѣбный „оклады“ несомнѣнно были выше того „поденного корма“, какой онъ получалъ раньше въ качествѣ „тюремнаго сидѣльца“. Да если иркутскія власти и успѣли привлечь Многогрѣшнаго къ отбыванію дѣйствительной службы, то эта служба его не была продолжительна: царская грамота о назначеніи гетмана боярскимъ сыномъ писана 14 декабря 1682 г. ²⁾, а 6 августа 1683 г. состоялся указъ— „по письму“ гетмана Ив. Самойловича—о новомъ заключеніи Многогрѣшнаго въ тюрьму, „за крѣпкими и твердыми караулы, съ добрыми приставники“, при чемъ онъ лишенъ былъ званія боярскаго сына и опять переведенъ на прежнее положеніе: „кромѣ“ велѣно давать ему „противъ иныхъ тюремныхъ сидѣльцовъ“ ³⁾. Въ слѣдующемъ 1684 г., „по частократному прошенію“ Самойловича, этотъ указъ былъ строго подтвержденъ и Д. И—чь переведенъ изъ Иркутска въ одинъ изъ „дальнихъ“ сибирскихъ городовъ—въ Селенгинскій острогъ, но не для службы, а чтобы держать его тамъ „за крѣпкимъ карауломъ“ ⁴⁾.

Итакъ, на этотъ разъ Многогрѣшный не долго пробылъ свободнымъ (относительно говоря) служилымъ человекомъ. Сколько лѣтъ онъ провелъ послѣ этого перерыва въ заключеніи—неизвѣстно. Но въ 1688 г. мы встрѣчаемъ его въ Селенгинскѣ опять служилымъ человекомъ и теперь уже на дѣйствительной службѣ. Извѣстія объ этомъ періодѣ его жизни очень коротки.

¹⁾ Доп. Ак. Ист. VI, № 95, 1.

²⁾ Голомб., 7.

³⁾ Ibid., 8.

⁴⁾ Ibid., 9—10.

Бантышъ-Каменскій ¹⁾ глухо говоритъ, что въ 1688 г. Д. Многогрѣшный, вмѣстѣ съ сыномъ *Петромъ*, „помогалъ“ извѣстному послу для переговоровъ съ китайцами овольничему Федору Алексѣевичу *Головину* и въ усмиреніи Табунутовъ и въ разбитіи Мунголовъ“. Вообще авторъ замѣчаетъ, что бывшій гетманъ „наряду съ дѣтьми боярскими“ исполнялъ въ Селенгинскѣ „всякую городовую и уѣздную службу“.

Любопытные намеки дѣлаетъ Словцовъ ²⁾ о характерѣ служебной дѣятельности Д. И—ча въ Селенгинскѣ и объ отношеніяхъ къ нему Головина. Рассказывая о набѣгахъ монголовъ на Селенгинскъ въ началѣ 1688 г., онъ говоритъ, что непріятельскіе отряды отступили въ концѣ марта, не тревожимые русскими: „посолъ (т. е. *Θ. А. Головинъ*) не велѣлъ слѣдить отступившаго непріятели, потому что конница (русская) была такъ плоха, что не могла поймать языковъ, *при всѣхъ усиліяхъ* селенгинскаго (sic) сына боярскаго *Дамьяна Многогрѣшнаго*, *предпочтительно* посломъ употребляемаго въ конныхъ посылкахъ“.

Итакъ, *Θ. А. Головинъ*, одинъ изъ выдающихся русскихъ государственныхъ людей конца XVII в., оказывалъ вниманіе бывшему гетману. Естественно предположивши въ немъ, какъ бывшемъ „казакѣ“, способности командовать конницею, Головинъ „предпочтительно“ и употреблялъ Многогрѣшнаго въ партизанской службѣ. Повидимому, онъ и не ошибся: Словцовъ отмѣчаетъ, что гетманъ прилагалъ „всѣ усилія“ къ исполненію дававшихся ему порученій („поймать языковъ“ и проч.), но ничего не могъ добиться вслѣдствіе плохого состоянія русской конницы. Такимъ образомъ, и изъ этихъ немногихъ намековъ Словцова видно, что Многогрѣшный былъ на дѣйствительной службѣ и здѣсь, въ той маленькой роли, какую послала ему судьба, служилъ „по совѣсти“....

Последнее извѣстіе о сибирской службѣ Многогрѣшнаго относится къ 1694 г. Оно заключается въ „письмѣ витайскаго думнаго боярина *Сомотина* къ иркутскому воеводѣ кн. *Ив. (Пет—чу) Гагарину*, по случаю бѣгства въ Китай подвластныхъ Россіи монголъ

¹⁾ „Ист. Мал. Рос.“, II, 136.

²⁾ „Ист. Обзор. Сиб.“, I, 128.

Табунутовъ“⁴⁾. Въ этомъ актѣ Сонготинъ приводитъ—со словъ отписки къ нему Гагарина—выдержку изъ отписки въ послѣднему Демьяна Многогрѣшнаго изъ *Селенгинска*. Сонготинъ такъ начинаетъ выписку изъ „листа“ къ нему кн. Гагарина: „въ напей-де державѣ въ Селенгинскомъ городѣ *сѣдокъ* Демьянъ Многогрѣшной изъ Селенгинскаго мѣста въ Иркутской городъ въ посланномъ письмѣ написалъ“.... Далѣе идетъ выпись изъ этого „письма“ Многогрѣшнаго, къ иркутскому воеводѣ о бѣгствѣ Табунутовъ.

Итакъ, въ 1694 г. Многогрѣшный опять служилъ въ Селенгинскѣ—былъ тамъ „сѣдокомъ“. Странно, что русскій переводчикъ „листа“ Сонготина перевелъ употребленное здѣсь послѣднимъ какое-то китайское слово такимъ терминомъ („сѣдокъ“), который не употреблялся въ русскомъ языкѣ XVII вѣка въ примѣненіи къ служилымъ людямъ. Но смыслъ этого термина понятенъ. Въ XVII в. въ ходу было выраженіе, что такой-то начальный человекъ „сидитъ“ въ такомъ-то приказѣ, или на воеводствѣ, „на приказѣ“ (т. е.—при исполненіи особо порученнаго, привазаннаго ему дѣла) и т. п. Понятно отсюда, что „сѣдокъ“ есть старшее, начальное лицо, сидѣвшее въ извѣстномъ мѣстѣ.

Слѣдовательно, Д. Многогрѣшный въ 1694 г. сидѣлъ „на приказѣ“ въ селенгинскомъ острогѣ, т. е. былъ тамъ—по служилой терминологіи XVII в.—„приказнымъ“ (человѣкомъ). Ниже мы увидимъ документальное извѣстіе, что именно селенгинскимъ „приказнымъ“ Д. И—чь былъ въ 1691 г. Обыкновенно служилые люди (высшихъ уѣздныхъ ранговъ—боярскія дѣти, казацкія головы, атаманы, сотники

⁴⁾ Док. Ак. Ист., X, № 67, XXXII.—Г. Голомбівскій (стр. 5) относитъ этотъ актъ къ 1692 году. Но я не могу съ нимъ согласиться, такъ какъ въ заголовкѣ акта ясно указано именно 1694 годъ: „списки съ листовъ, которые прислали Китайскаго государства отъ ближнихъ людей.... съ нынѣшнемъ 202 году....“ (1694 г.). Правда, въ самомъ началѣ „листа“ Сонготина упоминается и 200-й (1692) годъ; Сонготинъ говоритъ, что его „письмо“ къ кн. Гагарину „послано 200 году въ 4 мѣсяцъ въ 12 числѣ“.... Но русскіе XVII в. никогда въ такихъ выраженіяхъ („4-й мѣсяцъ 12-е число“) не датировали времени. Вѣроятно, Сонготинъ говоритъ здѣсь—если это не ошибка—не о русскомъ, а о китайскомъ лѣтосчисленіи. Да и странно было бы предположить, что „письмо“ Сонготина, посланное имъ въ 200 г., получено въ Иркутскѣ въ 202 г.!....—Кн. И. П. Гагаринъ воеводствовалъ въ Иркутскѣ въ 1692—95 гг. (см. „розмское дѣло“ о его злоупотребленіяхъ, 1697 г.—*Сибир. приказа* столбецъ № 1292).

и т. п.) посылались „на приказъ“ на годичный срокъ, но въ отдаленныхъ острогахъ сидѣли и по два года, и болѣе. Возможно, что и Многогрѣшный былъ „приказнымъ“ Селенгинска съ 1691 г. по 1694 г. Очевидно, онъ привязался къ этому пункту, такъ какъ именно здѣсь получилъ свободу послѣ долгихъ лѣтъ тюремнаго заключенія. Да и положеніе „приказнаго“ въ отдаленномъ Селенгинскѣ было довольно самостоятельное и болѣе свободное, чѣмъ служба боярскаго сына въ своемъ уѣздномъ городѣ—Иркутскѣ, на глазахъ у воеводы. „Приказный“ въ своемъ острогѣ и въ окрестномъ районѣ ясачныхъ волостей былъ такимъ же воеводою, но только меньшихъ размѣровъ, чѣмъ воевода уѣзднаго города и въ большей зависимости отъ послѣдняго, чѣмъ тотъ отъ Сибирскаго приказа въ Москвѣ. А Многогрѣшному, стоявшему нѣкогда у такой обширной власти, не могли не нравиться и самые слабые отблески былого могущества.

Вотъ и все, что даютъ указанные источники о сибирской службѣ Д. И—ча. Свѣдѣнія эти—очень неполны и недостаточны для характеристики его жизни въ Сибири. Тѣмъ болѣе интереса должны представить новые документы о Д. Многогрѣшномъ, 1691—2 гг., найденные мною въ *столбцѣ № 1182 Сибирскаго приказа*, хранящемся въ Москов. Архивѣ Мин—ва Юстиціи, и—одинъ документъ *Иркутской приказной избы*, 1681 г., хранящійся въ томъ же Архивѣ ¹⁾ и любезно сообщенный мнѣ г. А. А. Гоздаво-Голомбѣевскимъ (за что приношу ему благодарность). Послѣдній документъ—черновая „отписка“ въ Сибирскій приказъ иркутскаго воеводы Ивана *Власова*, посланная въ іюль 1681 г.

Какъ мы уже знаемъ, въ концѣ 1682 г. Демьянъ Игнатовичъ былъ „написанъ“ въ иркутскіе боярскіе дѣти и сталъ получать определенное „государево жалованье“ (см. выше). Настоящая отписка Ив. Власова относится ко времени, предшествовавшему этому назначенію, и говоритъ, что лѣтомъ 1681 г. Д—нъ Игн—чъ находился въ Селенгинскѣ, но не въ тюрьмѣ, а на свободѣ: воевода пишетъ, что бывший гетманъ съ семьей „скитаецца межъ дворъ и помираетъ голодною смертію“, такъ какъ въ указѣ о его ссылкѣ не определено—„чѣмъ ему зъ женою и зъ дѣтьми питатца“...

¹⁾ Иркутск. Губернск. Правленія столбецъ № 7, лл. 6—7.

Выраженія о скитаньѣ „межь дворъ“ и о „голодной смерти“ ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ. Это—обычныя въ XVII в. *фигуральныя* выраженія, сплошь и рядомъ встрѣчающіяся въ челобитныхъ служилыхъ и др. людей. Эти сильныя фразы употреблялись единственно для того, чтобы усилить впечатлѣніе известной просьбы.... Это именно фразы, а не указанія на дѣйствительныя факты.... Фактомъ же остается здѣсь только то обстоятельство, что Многогрѣшный по выходѣ изъ тюрьмы, живя на свободѣ въ Селенгинскѣ и не будучи служилымъ человѣкомъ, не былъ обезпеченъ опредѣленнымъ содержаніемъ отъ казны.

Возможно, что онъ содержалъ въ это время себя и семью на тѣ остатки прежняго богатства, какіе удалось ему сохранить при ссылкѣ въ Сибирь. Но въ 1681 г. этотъ источникъ изсякъ, и Д—нъ Игн—чъ подалъ пріѣхавшему въ Селенгинскъ Ив. Власову „челобитную“ о назначеніи „корма“. Воевода, отписывая объ этомъ государю, но не препровождая при отпискѣ самой „челобитной“ гетмана, сообщаетъ, что „видѣвъ ево (гетмана) *крайнюю нищету*“—велѣлъ выдавать Д—ну Игн—чу „*по шти денегъ на день*“, а хлѣба не рѣшился давать безъ государева указа. Да и о назначенномъ гетману денежномъ кормѣ воевода спрашиваетъ государя: „давать-ли“ эти деньги Многогрѣшному?....

Рѣшеніе государя неизвѣстно, но нѣтъ основаній предполагать, чтобы распоряженіе Ив. Власова было отмѣнено. Полагаю, что именно настоящая отписка Власова и послужила толчкомъ къ назначенію Многогрѣшнаго въ слѣдующемъ году иркутскимъ боярскимъ сыномъ, съ опредѣленнымъ денежнымъ, хлѣбнымъ и солянымъ окладами жалованья.

Въ виду особеннаго интереса „отписки“ Ив. Власова привожу ее здѣсь цѣликомъ:

„Государю, царю и великому князю Θεодору Алексѣевичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, холопъ твой Ивашко Власовъ челомъ бьетъ: въ нынѣшнемъ, государь, во 189-мъ году, іюля въ (пробѣлъ) день, билъ челомъ тебѣ, великому государю царю и великому князю Θεодору Алексѣевичю, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, а въ *Селенгинскомъ* мнѣ холопу твоему подалъ челобитную бывшей *черкаской гетманъ Демьянъ Ипатьевъ*: по указу отца твоего, государева, блаженныя памяти великого государя, царя

и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, сосланъ-де онъ въ Сибирь, въ Селенгинскъ, зъ женою и зъ дѣтьми, а чѣмъ-де ему зъ женою и зъ дѣтьми *питатца*—того въ указѣ отца твоего, государева, блаженные памяти великого государя не написано, и онъ-де зъ женою и за двумя сынами *и съ тремя дочерьми* свитаетца межъ дворъ и помираеть голодною смертію, и чтобъ ты, великій государь, ево пожаловалъ ради своего государского ангела великого Христова мученика Θεодора Стратилата и ради своего государского многолѣтнего здравія—чемъ ему зъ женою и зъ дѣтьми пропитатца. И я, холопъ твой, видѣвъ ево *крайнюю нищету*, милости ради Божіи и твоего ради государского многолѣтнего здравія, по твоему, великого государя, указу, велѣлъ ему, Демьяну, зъ женою и зъ дѣтьми давать изъ твоей, великого государя, казны, до твоего, великаго государя, указу, *по шти денегъ на день*, нужного ради пропитанія, а хлѣбного жалованья безъ твоего, великого государя, указу дать ему не смѣлъ. А въ Селенгинскомъ, государь, хлѣбъ купятъ весчей пудъ муки ржаной по 6 алтынъ, по 4 деньги и больши. И впредь, государь, ему, Демьяну, зъ женою и зъ дѣтьми твое, великого государя, хлѣбное и денежное жалованье и по шти-ли денегъ на день давать-ли—о томъ что ты, великій государь, мнѣ, холопу своему, *укажешь?*“

Перехожу къ найденнымъ мною документамъ столбца № 1182 Сибирскаго приказа, которые подробно рассказываютъ объ одномъ эпизодѣ изъ селенгинской службы Многогрѣшнаго въ 1691 г. Это—а) *отписка* въ Сибирскій приказъ иркутскаго воеводы Леонтя Конст—ча *Кислянскаго*, осенью 1691 г., б) „*докладъ*“ Сибирскаго приказа, въ февралѣ 1692 г. и в) *грамота* новому иркутскому воеводѣ кн. Ив. Петр. Гагарину, отъ 5 марта того же года.

Документы рассказываютъ о набѣгѣ „*мунгалскихъ*“ воровскихъ людей“, въ февралѣ 1691 г., подъ Селенгинскій острогъ, въ которомъ сидѣлъ тогда „*приказнымъ*“ именно иркутскій боярскій сынъ Демьянъ Многогрѣшный. Какъ этотъ рассказъ, такъ и дальнѣйшія подробности документовъ о приготовленіяхъ въ походу въ „*Мунгалскую степь*“ значительнаго русскаго отряда, „*начальнымъ*“ челоукомъ“ котораго былъ назначенъ именно Д. И—чъ, затѣмъ—свѣдѣнія о рекогносцировкѣ въ степь отряда гетманскаго сына *Петра* Многогрѣшнаго, о его стычкѣ съ мунгалами и смерти на этомъ бою (въ

іюлѣ того же года) и проч.—все это очень наглядно рисуется боевую жизнь Селенгинскихъ служилыхъ людей. Можетъ быть, именно такая тревожная жизнь и влекла Д. И—ча въ этотъ порубежный городъ, жившій въ постоянномъ страхѣ то наѣздовъ „воровскихъ (т. е. вольныхъ) мунгалскихъ людей“, то измѣны окрестныхъ еще недостаточно объясаченныхъ инородцевъ (особенно Табунутовъ)... Въ этой постоянной тревогѣ текущей жизни меньше беспокоили Д. И—ча мучительныя воспоминавія объ иной жизни и иномъ краѣ....

Цѣнны также немногія данныя настоящихъ документовъ о старшемъ гетманскомъ сынѣ—Петрѣ Демьяновичѣ. Оказывается, что и онъ, подобно отцу, былъ *иркутскимъ „боярскимъ сыномъ“* ¹⁾ и служилъ при отцѣ. Когда послѣдній былъ назначенъ „начальнымъ челоувкомъ“ селенгинскаго отряда, собиравшагося въ походъ противъ мунгаловъ—Петръ былъ опредѣленъ „въ товарищи“ отцу. Для молодого Петра это было очень лестное назначеніе, врядъ-ли вызванное дѣйствительными заслугами его, а скорѣе вниманіемъ и уваженіемъ иркутскихъ властей къ старику-гетману. По крайней мѣрѣ документы говорятъ, что когда въ іюлѣ 1691 г. Петръ былъ посланъ отцомъ въ степь „въ подѣздъ“ (на рекогносцировку) противъ мунгалскихъ людей—онъ дѣйствовалъ такъ неосторожно, что его отрядъ былъ совершенно разбитъ, и самъ Петръ палъ здѣсь жертвою собственной неосторожности.... Это не говоритъ объ его военныхъ способностяхъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ былъ въ это время слишкомъ молодъ.

Перехожу къ подробной передачѣ содержанія документовъ столбца № 1182, пользуясь „докладомъ“ Сибирскаго приказа, сохранившимся вполнѣ и въ лучшемъ видѣ, чѣмъ „отписка“ Л. К. Кислянскаго. Все существенное „отписки“ цѣликомъ внесено въ „докладъ.“

---

¹⁾ Иркутскій „разборный списокъ“ служилыхъ людей, 1692 г., сообщаетъ объ умершемъ Петрѣ Дем—чѣ, что онъ „поверстанъ“ былъ въ боярскіе дѣти Фед. Ал. Головиннѣ, съ годовымъ „овладомъ“ въ 10 р., по 10 четей ржи и овса и 3 пуда соли (Сибир. пр—за столб. № 1397).

II.

Въ январѣ 1692 г. Сибирскій приказъ получилъ „отписку“ Иркутскаго воеводы Л. К. Кислянскаго, посланную имъ осенью (вѣроятно, въ сентябрѣ) 1691 г. и сообщавшую вѣсти о мунгальскихъ движеніяхъ около Селенгинска. Кислянскій дѣлаетъ обзоръ этихъ движеній съ февраля 1691 г., пользуясь „отписками“ въ Иркутскъ „приказнаго“ Селенгинскаго острога Демьяна Многогрѣшнаго. Первая отписка Д. И—ча послана Кислянскому въ первыхъ числахъ февраля. Многогрѣшный сообщалъ въ ней о набѣгѣ подъ острогъ „воровскихъ мунгальскихъ людей“ 2 февраля. Дѣло было такъ:

Мунгалы „тайно“ подѣхали подъ Селенгинскъ и „отогнали“ государевъ скоть—19 „рогатыхъ скотинъ“, 4 коней и 1 верблюда. Кромѣ того, они успѣли захватить „конные и рогатые табуны“ селенгинскихъ жителей. Сколько именно было головъ въ послѣднихъ табунахъ—неизвѣстно. Многогрѣшный замѣчаетъ, что табуны захвачены мунгалами „безъ остатку.“

Вина Многогрѣшнаго здѣсь очевидна: острогъ и его окрестности такъ небрежно охранялись, что мунгалы могли незамѣтно подойти и захватить весь городской скоть!... Желая поправить свою оплошность, Многогрѣшный бросился съ служилыми людьми въ погоню за мунгалами, отрядъ которыхъ не превышалъ 400 человекъ. Русскіе успѣли догнать мунгаловъ. Завязался горячій бой. Демьянъ Игнатовичъ не щадилъ себя: его „ранили многими раны“, какъ „переранили“ и другихъ „многихъ“ служилыхъ людей. Но и личная отвага Д. И—ча не поправила дѣла: мунгалы успѣли уйти отъ русскаго отряда и увести весь скоть. Можетъ быть, именно равы Многогрѣшнаго, заставившія его повинуть отрядъ, и помѣшали успѣху преслѣдованія.

Мунгаловъ пробовали затѣмъ остановить кочевавшіе подъ Селенгинскомъ „ясачные тайшичи“ (Чюванъ и Аюшка, дѣти Чивъ-Ирдена, и др.), но и надъ ними мунгалы одержали верхъ: многихъ „улусныхъ людей“ побили, другихъ ранили, взяли въ полонъ и захватили ихъ скоть. Затѣмъ мунгальская партія двинулась „за Кемницкую степь“.

Вмѣстѣ съ отпискою объ этой неудачѣ Д. И—чъ прислалъ Кислянскому мунгальскаго „выходца“, добровольно перешедшаго въ

русскіе предѣлы. Кислянской передаетъ въ своей отпискѣ Сибирскому приказу добытыя у этого выходца разныя „мунгалскія вѣсти“ (о мѣстѣ нахождения и силахъ *Кутухты* и проч.).

Затѣмъ Кислянской сообщаетъ, что Многогрѣшный прислалъ ему *челобитную* селенгинскихъ служилыхъ, жилацкихъ и ясачныхъ людей, просившихъ разрѣшенія предпринять походъ „въ степь“, чтобы „смирить“ дерзость мунгаловъ. Очевидно, инициаторомъ этой челобитной былъ Многогрѣшный, горѣвшій желаніемъ отомстить мунгаламъ за неудачу 2 февраля... Тѣмъ же чувствомъ были пронизаны, конечно, и всѣ селенгинцы, пострадавшіе отъ мунгаловъ.

Кислянской рѣшился удовлетворить это челобитіе и сдѣлалъ необходимыя распоряженія для подготовки похода. Снаряженіе экспедиціи поручено его инициатору—Многогрѣшному, а въ помощь ему приданы—его сынъ Петръ, иркутскій боярскій сынъ, затѣмъ селенгинскій боярскій сынъ Любимъ Уваровъ и селенгинскій „приващикъ“, козацкій десятникъ Ѳеодоръ Леонтьевъ.

Зная недостаточность селенгинскихъ ратныхъ силъ, Кислянской приказалъ двинуться туда изъ Удинскаго острога отряду стрѣльцовъ „приказа“ Никифора Сѣвотрусова. Кроме того, Многогрѣшному было разрѣшено организовать команду „охочихъ служилыхъ людей“ изъ „улусныхъ людей“ (ясачныхъ инородцевъ) и разныхъ русскихъ „охотниковъ“. „И у того всего собраннаго войска велѣлъ онъ (Кислянской) быть *начальнымъ человѣкомъ* Демьяну Многогрѣшному, а въ *товарищахъ*—сыну его Петру“. Надъ удинскими стрѣльцами поставленъ Любимъ Уваровъ.

Дѣлая эти распоряженія, Кислянской вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ долгомъ своимъ преподать Д. Игн—чу нѣсколько общихъ совѣтовъ относительно будущаго похода противъ мунгаловъ. Когда служилые и ясачные люди—писалъ Кислянской Многогрѣшному—соберутся „на урочной срокъ“ въ Селенгинскъ, Д. И—чъ долженъ „въ походѣ итти воинскимъ поведеніемъ“.... Напоминаніе было, вѣроятно, не лишнимъ въ виду того, что 2 февраля селенгинскія власти обнаружили полное отсутствіе „воинскаго поведенія“....

Далѣе, Кислянской продолжаетъ: встрѣтивши „въ степи“ мунгалскихъ людей, Д. И—чъ долженъ „посылать *на перекричку* (т. е.—для переговоровъ) лутчихъ людей съ толмачами и говорить, чтобъ они, тайши, съ улусными своими людьми, не теряя своихъ людей, шли

въ сторону великихъ государей... въ вѣчное холопство и въ ясачной платежъ....“ Въ случаѣ неудачи переговоровъ Д. И—ча, „со всякимъ опасеніемъ и осторожностію, прося у Бога милости, смотря по людямъ“, долженъ „чинить воинской промыслъ“ надъ мунгалами.

Пока шли эти приготовления, Многогрѣшный въ іюнѣ сообщилъ Кислянскому, что 29 апрѣля онъ посылалъ „для провѣдыванья воровскихъ непріятельскихъ мунгальскихъ людей вверхъ по Селенгѣ рѣкѣ“ селенгинскихъ конныхъ козаковъ Стефана Михайлова, Афанася Голаго и толмача Ивана Татарина съ отрядомъ изъ 22 табунуцкихъ ясачныхъ людей и 2 мунгаловъ (выходцевъ). 13 мая Михайловъ вернулся въ Селенгинскъ и подалъ Многогрѣшному „доѣздъ“ о своей рекогносцировкѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ „мунгалетина“, пойманнаго отрядомъ на устьѣ рч. Буры. Михайловъ захватилъ здѣсь всего 4 мунгаловъ, 1 „бабу“ и 5 „малыхъ подростковъ“, но о судьбѣ ихъ Д. И—чъ ничего не писалъ Кислянскому. На рч. Шаморѣ русскій отрядъ „подсмотрѣлъ“ партію въ 25 мунгаловъ. Михайловъ пустился въ погоню за ними и настигъ ихъ въ вершинахъ рч. Шаморы. Здѣсь оказалась у мунгаловъ укрѣпленная стоянка, которой русскимъ не удалось взять: „сидятъ (мунгалы) въ крѣпкихъ мѣстѣхъ, въ каменю и въ засѣкѣ. И тѣ де воровскіе люди отъ нихъ Стевѣки съ товарищи отбились“.... Другихъ мунгальскихъ партій Михайловъ не встрѣчалъ.

Въ отвѣтъ на эту отписку Кислянскій писалъ Многогрѣшному, что „до увазу великихъ государей“ походъ въ мунгальскую степь откладывается. Очевидно, Кислянскій боялся взять на себя отвѣтственность за этотъ походъ, который могъ повести за собою разныя дипломатическія осложненія съ порубежными китайскими властями, а въ худшемъ случаѣ могъ окончиться и пораженіемъ селенгинскаго отряда. Но въ ожиданіи московскаго отвѣта Кислянскій разрѣшалъ Многогрѣшному дѣлать „подѣзды“ въ степь „для провѣдыванья...., смотря по вѣстямъ и по людямъ“, но совѣтовалъ дѣлать это „со всякимъ оберсательствомъ, тайнымъ обычаемъ“....

Не успѣлъ этотъ совѣтъ дойти до Селенгинска, какъ 20 іюля Кислянскій получилъ оттуда печальную вѣсть о разбитіи мунгалами отряда *Петра Многогрѣшнаго* и о смерти этого старшаго сына гетмана.... Самъ Д. Игн—чъ ничего не писалъ Кислянскому: очевидно, горе старика было такъ велико, что у него не хватило силъ доло-

жить иркутскому воеводѣ о гибели сына и о новой неудачѣ селенгинскихъ ратныхъ людей.... Не написалъ въ Иркутскъ и товарищи Петра по этому неудачному походу—селенгинскій „приващикъ“ Ѳеодоръ Леонтьевъ, можетъ быть, больше Петра виновный въ неудачѣ „подъѣзда“.... Кислянской узналъ о погромѣ русскихъ изъ отписки козачьяго десятичника Дмитрія Евсѣева. Ее доставили въ Иркутскъ участники „подъѣзда“—вазачій пятидесятникъ Антонъ Березовскій и стрѣлецъ Иванъ Сузлерскій. Изъ ихъ распросныхъ рѣчей въ Иркутской приващной избѣ и изъ отписки Евсѣева Кислянской сообщаетъ Сибирскому привазу слѣдующія подробности о неудачѣ отряда Петра Многогрѣшнаго и Ѳ. Леонтьева.

Отрядъ ихъ состоялъ изъ 400 козаковъ и ясачныхъ пнородцевъ. Отрядъ отправлялся „для провѣдыванья“ тѣхъ воровскихъ мунгалскихъ людей, которые 2 февраля отогнали селенгинскіе табуны....

Такимъ образомъ, и по численности отряда, и по цѣли его движенія—это былъ совсѣмъ не „подъѣздъ“.... Селенгинцы просто горѣли желаніемъ отомстить мунгаламъ за набѣгъ 2 февраля. Имъ не понравилось предписаніе Кислянскаго—подождать съ походомъ „до указу великихъ государей“, и они рѣшили немедленно учинить этотъ походъ подъ видомъ „подъѣзда“.... Демьянъ Игн—чѣ или не могъ, или вѣрнѣе не хотѣлъ мѣшать такому самовольству. Онъ даже поставилъ своего сына во главѣ отряда....

Отрядъ двинулся изъ Селенгинска вверхъ по р. Селенгѣ. На берегахъ рч. Могоя русскій отрядъ „наѣхалъ“ на многолюдное становище мунгаловъ: русскіе сосчитали здѣсь 451 юрту, а людей въ нихъ болѣе тысячи. Казалось бы, что именно тутъ слѣдовало русскимъ наблюдать строжайшее „оберегательство“.... Но не такъ вышло на дѣлѣ: „воинское поведеніе“ у мунгаловъ оказалось выше, чѣмъ у „Петра съ товарищи“....

Участники несчастнаго боя откровенно рассказывали Кислянскому, что мунгалы учинили бой съ русскими—*„подсмотря прежде ихъ, изготовясь, изъ прикрытныхъ мѣстъ изъ-за лѣсу учали изъ ружья стрѣлять, и удара на русскихъ людей съ ружьемъ и съ копьями, воинскимъ поведеніемъ“*....

Единственнымъ оправданіемъ русскихъ можетъ служить развѣто обстоятельство, что бывшіе въ отрядѣ табунуцкіе ясачные люди—около 100 человекъ—*„измѣнили, и измѣня—дали тылъ, и служи-*

лыхъ русскихъ людей *смѣшали* всѣхъ, и лошадьми давили, и лошади (у русскихъ) отбили и съ собою уводили"... Впрочемъ, и эту измѣну нельзя въ сущности назвать неожиданною, такъ какъ сами же селенгинцы замѣтили здѣсь Кислянскому, что табунуты „и прежде сего“ не разъ измѣняли русскимъ подобнымъ же образомъ.... Слѣдовательно, незачѣмъ было и брать табунутовъ въ походъ, а разъ взявши—необходимо было слѣдить за ними въ оба....

Какъ бы то ни было, но русскіе сильно пострадали на этомъ бою: число раненыхъ неизвѣстно, а убито 18 козачковъ и другихъ служилыхъ людей. Въ числѣ ихъ былъ и иркутскій боярскій сынъ Петръ Демьяновичъ Многогрѣшный.... Единственный успѣхъ русскихъ на этомъ бою выразился въ томъ, что они отбили у мунгаловъ „затинную пищаль“ (можетъ быть, раньше захваченную мунгалами у русскихъ же)... Передъ боемъ русскіе „поймали мунгальскаго мужика зъ бабою“, но на бою мунгалы отбили „бабу“ и только „мужика“, удалось доставить въ Селенгинскъ.

Не легко было отступление русскаго отряда съ рч. Могай: мунгалы 10 верстъ преслѣдовали ослабѣвшій отрядъ, везшій своихъ убитыхъ и раненыхъ.... Но затѣмъ мунгалы повернули назадъ.

Узнавши объ этой неудачѣ, Кислянскій немедленно распорядился отправить въ Селенгинскъ изъ Удинскаго острога 100 стрѣльцовъ „приваза“ Никифора Сѣнотрусова, а изъ Иркутска послалъ туда же 22 пуда 29 „гривеновъ“ пороху, на пополненіе оскудѣвшей „зеленой вазны“. Кислянскій снова и настойчиво предписываетъ селенгинскимъ властямъ „жить во всякой осторожности, съ отъѣзжими денными и ноцными караулы“... Настаиваетъ онъ также на тщательномъ „розыскѣ“ объ измѣнѣ подданныхъ табунуцевыхъ людей.

„Довладъ“ оканчивается извлеченіями изъ „вѣстовыхъ отписокъ“ Кислянскаго о дальнѣйшихъ движеніяхъ мунгаловъ около Селенгинска. Въ этомъ разсказѣ уже не встрѣчаемъ участія Многогрѣшнаго. Отписки изъ Селенгинска къ Кислянскому идутъ отъ другихъ лицъ. Но значить-ли это, что Д. И—чъ пересталъ въ это время сидѣть здѣсь „на приказѣ“?—Можетъ быть, но во всякомъ случаѣ, если эта смѣна и произошла, то по желанію самого Многогрѣшнаго и не носила характера наказанія. При наличности послѣдняго Кислянскій не могъ бы умолчать о томъ въ своихъ от-

писяхъ Сибирскому приказу. Да и послѣдній упомянулъ бы о наказаніи Многогрѣшнаго въ своемъ *приговорѣ* на „докладѣ“. Между тѣмъ, въ этомъ приговорѣ нѣтъ и упоминанія о Многогрѣшномъ, а не то что выговора ему за неудачу 2 февраля и проч. Очевидно, и иркутскія власти, и центральное правительство снисходительно отнеслись къ старику, можетъ быть, и дѣйствительно мало виновному въ постигшихъ его неудачахъ....

Въ приговорѣ Сибирскаго приказа, отъ 5 февраля 1692 г., читаемъ, что „по указу великихъ государей..., бояринъ князь Иванъ Борисовичъ *Репнинъ*, слушавъ сей виписки, приказалъ—послать“ къ иркутскимъ воеводамъ грамоту о томъ, чтобы въ Селенгинскѣ и другихъ острогахъ служилые люди жили „отъ воинскихъ и отъ мунгальскихъ воровскихъ людей со всякимъ опасеніемъ и осторожностью“ и проч. Кромѣ того, приговоръ напоминаетъ тѣмъ же служилымъ людямъ, чтобы они ясачнымъ людямъ „тѣсноты и налогъ... ни гдѣ не чинили“, а оказывали бы имъ „ласку и привѣтъ и береженье“... Въ этихъ заключительныхъ словахъ приговора содержится, очевидно, намекъ на „измѣну“ табунутовъ....

Этотъ приговоръ переданъ новому иркутскому воеводѣ кн. Ивану Петровичу Гагарину въ *грамотѣ* отъ 5 марта 1692 года.

Вѣроятноже однако, что и послѣ неудачи Петра Многогрѣшнаго отецъ его продолжалъ оставаться „на приказѣ“ въ Селенгинскѣ и, если не писалъ къ Кислянскому въ концѣ лѣта 1691 г., то или по болѣзни, или вслѣдствіе огорченія смертью сына, или по другимъ случайнымъ причинамъ. По крайней мѣрѣ мы уже знаемъ, что Демьянъ Игнатовичъ былъ селенгинскимъ „приказнымъ“ и въ 1694 году, когда онъ писалъ кн. Гагарину о бѣгствѣ въ китайскіе предѣлы тѣхъ именно табунутовъ, которые были причиною гибели его сына Петра въ 1692 г. (см. выше).

Послѣднее извѣстное миѣ свѣдѣніе о сибирской службѣ Демьяна Игнатовича относится къ 1695 году. Именно: „отписка“ иркутскаго воеводы стольника Ивана Николева, 1699 г., рассказывающая о сношеніяхъ съ китайскими порубежными властями прежняго воеводы Афанасья Савелова, по поводу набѣговъ мунгальскихъ людей въ 1695 г. на Селенгинскъ, сообщаетъ между прочимъ, что „приказнымъ человѣкомъ“ Селенгинска въ этомъ году былъ именно Демьянъ Игнатьевичъ. Въ приложенномъ къ отпискѣ „листѣ“ ки-

тайскаго „дворцоваго боярина“ *Соноту* (Сонготинъ) Многогрѣшный снова (см. выше) названъ селенгинскимъ „сидокомъ“¹⁾.

Годъ смерти Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго неизвѣстенъ.

Но сохранилось любопытное извѣстіе, что въ послѣдніе годы жизни Демьянъ Игнатовичъ „пострился“ въ монахи. Вотъ официальная, но, къ сожалѣнію, довольно глухая запись объ этомъ фактѣ:

Въ „хлѣбной и соляной расходной книгѣ“ по г. *Иркутску*, 1701 г., въ числѣ „обладовъ“ хлѣбнаго и солянаго жалованья боярскихъ дѣтей на второмъ мѣстѣ стоитъ окладъ Д. И. Многогрѣшнаго: „овладъ 18 чети ржи, овса тожь, пол-пята (т. е. $4\frac{1}{2}$) пуда соли—Демьянъ Игнатовичъ сынъ Многогрѣшной, и въ прошломъ 204 (1696)-мъ году онъ, Демьянъ, пострился“²⁾.

Но эта же запись книги 1701 г. свидѣтельствуетъ, что въ этомъ году гетманъ-монахъ былъ еще живъ, иначе книга непременно отмѣтила бы фактъ его смерти (и умре въ такомъ-то году), какъ напримѣръ она отмѣтила смерть „нѣженскаго протопопа Семіона Адамова“ (л. 543: „въ прошломъ во 195 (1687)-мъ году умре“), извѣстнаго защитника Албазина „казацьяго головы“ и „московскаго списка дворянина“ Афанасья Ивановича *Бейтона* (ibid.: „умре“ въ 209 (1701)-мъ году“) и другихъ лицъ, „овлады“ которыхъ и послѣ ихъ смерти вносились въ книги до тѣхъ поръ, пока не были передаваемы инымъ служилымъ людямъ.

III.

Остается еще сказать о судьбѣ членовъ семьи Д—на Игн—ча.

Извѣстно, что съ гетманомъ отправились въ ссылку жена *Анастасія*, сыновья *Петръ* и *Иванъ*, дочь *Елена*, братъ *Василій*, бывшій черниговскій полковникъ, и, наконецъ, племянникъ *Михаилъ Зиновьевъ*³⁾.

Долго-ли прожила съ мужемъ въ Сибири жена гетмана—неизвѣстно. О дочери же Еленѣ мы знаемъ, что она вышла замужъ

¹⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 1397.

²⁾ Сибирскаго приказа кн. № 1316, л. 641.

³⁾ Соловьевъ, XII, 122.

за сибирскаго дворянина Ивана Бейтона ¹⁾. Это—сынъ извѣстнаго полковника Афанасья Ивановича Бейтона, знаменитаго защитника (послѣ смерти воеводы А. Л. Толбузина) Албазина противъ витайцевъ, въ 1686—89 гг. Словцовъ замѣчаетъ (1,133), что „отъ сего брака идутъ двѣ линіи, пользующіяся въ Иркутскѣ хорошимъ именемъ по учебной и гражданской службѣ“ (писано въ 1830-хъ годахъ).

Но кромѣ Елены, у Д--на Игн--ча были еще двѣ дочери: „отписка“ иркутскаго воеводы Ивана Власова (см. 11 главу) говоритъ не объ одной, но о „трехъ дочеряхъ“ гетмана. Можетъ быть, послѣднія 2 дочери родились у него въ Сибири?... Именъ ихъ И. Власовъ не называетъ.

О судьбѣ старшаго гетманскаго сына Петра Демьяновича сообщено выше. О младшемъ сынѣ Иванѣ ничего неизвѣстно.

Въ иркутскомъ „розборномъ спискѣ“ 1699 г., кромѣ Петра Многогрѣшнаго, упоминается еще боярскій сынъ „Яковъ Демьяновъ сынъ Многогрѣшной“, поверстанный бояриномъ Ѳ. А. Головиннымъ, съ овладомъ въ 7 рублей, по 7 четей ржи и овса и 2 пуда соли. „Розборной списокъ“ прибавляетъ, что Яковъ Демьяновичъ „въ прошломъ во 199 (1691) году умре“ ²⁾.

Былъ-ли это 3-й сынъ гетмана? или это былъ Иванъ, носившій почему либо и имя Якова? или же историки ошибались, называя втораго сына гетманова Иваномъ?—рѣшить не могу.

О братѣ и племянникѣ гетмана сообщу нѣсколько новыхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ документовъ начала XVIII в., собранныхъ извѣстнымъ сибирскимъ историографомъ Герардомъ Миллеромъ и недавно напечатанныхъ въ изданіи Археографической комиссіи: „Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка“ ³⁾.

Объ одномъ эпизодѣ изъ служебной дѣятельности красноярскаго боярскаго сына *Василія* Игнатьевича *Многогрѣшнаго* ⁴⁾, относящемся

¹⁾ Баяншъ-Каменскій, 11, 136.

²⁾ Сибирск. приказа столбецъ № 1397.

³⁾ I-й томъ вышелъ въ 1882 г., II-й въ 1885 г.

⁴⁾ Вас. Игн--чъ сосланъ въ Красноярскъ въ 1674 г. (Д. А. И., VI, № 95, 11).

Когда онъ получилъ званіе боярскаго сына—неизвѣстно, но, вѣроятно, въ 1682 году, т. е. тогда же, когда и Демьянъ Игн--чъ „написанъ“ въ иркутскіе боярскіе дѣти.

въ 1692 г., говоритъ документъ 1700 г.—„*выпись*“ Сибирскаго приказа изъ „распросныхъ рѣчей“ служилыхъ людей и изъ воеводскихъ „отписокъ“ о набѣгахъ киргизовъ на порубежные сибирскіе города ¹⁾. О Василии Многогрѣшномъ говорятъ здѣсь выдержки изъ „отписки“ красноярскаго воеводы Петра Мусина-Пушкина, 1693 г. (сс. 15—16). Воевода рассказываетъ объ удачномъ „боѣ“ Вас. Игн—ча съ „измѣнникомъ“ *Тубинскимъ*, „княземъ“ *Шандычкою*, въ мартѣ 1692 г. Вотъ подробности этой экспедиціи, взятыя Мусинымъ-Пушкинымъ изъ „отписки“ къ нему В. Многогрѣшнаго изъ *Канскаго* острога и изъ представленнаго имъ по возвращеніи въ Красноярскъ „послужнаго списка“ (т. е.—отчета о воинскихъ подвигахъ ратныхъ людей въ походѣ).

Въ январѣ 1692 г. красноярскіе служилые люди и канскіе ясачные люди били челомъ воеводѣ, „чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ—велѣлъ тубинскаго князя Шандычку съ улусными его людьми, за многое ихъ воровство и за измѣну и за разореніе—*смирить*, и послать изъ Красноярска служилыхъ людей, чтобъ надъ ними учинить поискъ“....

Въ февралѣ былъ сформированъ въ канскомъ острогѣ отрядъ, поставленный подъ начальство В. Многогрѣшнаго. Какъ великъ былъ отрядъ—неизвѣстно.

В. Игн—чу предписано было вступить сначала въ переговоры съ Шандычкой и требовать возврата „грабежныхъ животныхъ“, захваченныхъ Тубинцами у канскихъ ясачныхъ людей. Только въ случаѣ неудачи этихъ переговоровъ, В. Многогрѣшному разрѣшалось „чинить воинской поискъ“....

Въ мартѣ онъ отписалъ Мусину-Пушкину, что Шандычка „великаго государя указу учинился ослушенъ—для разговору къ намъ не пошелъ“.... Въмѣсто переговоровъ Тубинцы стали стрѣлять „изъ луковъ и пищалей“ по служилымъ людямъ; „и они-де служилые люди, видя такое воровство, учинили бой: и Божіею помощію, и его государскимъ счастіемъ тѣхъ воровъ и измѣнниковъ Шандычку съ товарищи побили, а женъ ихъ и дѣтей поймали въ полонъ, и знамя взяли“....

¹⁾ Пам. Сиб. Ист., I, № 1.

Изъ представленнаго В. Многогрѣшнымъ „послужнаго списка“ видно, что на этомъ бою русскихъ было убито 6 человѣкъ, равенъ 21 чел., а Тубинцевъ будто бы убито около 500 чел., да „въ полонъ взято женъ и дѣтей“ около 600 человѣкъ.

Въ 1694 г., „за тое ихъ красноярцевъ къ великому государю службу и радѣніе, послано съ Москвы въ Красноярскій Василью Многогрѣшному съ товарищи великого государя жалованья—за побитыхъ и раненыхъ по рублю, за *явственной бой* ¹⁾ по полтинѣ человѣку, всего на 800 рублейъ соболями и (другою) рухлядью“.

Въ ноябрѣ 1694 г. красноярскій воевода Алексѣй Башковскій прислалъ въ Сибирскій приказъ слѣдующую челобитную Василя Многогрѣшнаго (привожу съ нѣкоторыми сокращеніями):

„Великимъ государямъ царямъ.... бьетъ челомъ холопъ вашъ, дальніе Сибирскіе стороны города Красноярска сыннишко боярскій Васья Многогрѣшный: въ прошлыхъ, государи, годѣхъ отцу вашему... и брату вашему... и вамъ великимъ государямъ служилъ я, холопъ вашъ, *лѣтъ съ пол-третьятцать*; и нынѣ вамъ великимъ государемъ служу всякіе ваши... службы, и посланъ былъ противъ вашихъ государскихъ непріятелей Калмыцкихъ и Киргизскихъ людей, съ Красноярскими служилыми людьми *начальнымъ* человѣкомъ многожды, и бился съ ними... не щадя головы своей. А въ...200-мъ году посланъ былъ я... на вашу... службу въ Канскую землю... на воровъ и измѣнниковъ на тубинского князца на Шандычѣу съ товарищи..., Тубинцовъ побилъ съ 500 да въ полонъ взяли женъ и дѣтей съ 600 человѣкъ. И нынѣ я... *устарѣлъ*, а *дѣти* мои... *Пронька* да *Митька* въ вашу... службу ни въ какой чинъ... *не приверстаны*. А въ... 201 году въ Красноярскомъ волею Божіею умре сынъ боярскій Юрья *Саковской* и послѣ, государи, ево, Юрья, дѣтей... мужеска полу никого не осталось и въ ево мѣсто въ дѣти боярскіе иной никто не приверстанъ, а вашего жалованья денежной ему окладъ

¹⁾ Въ „послужныхъ спискахъ“ XVII в., отмѣчавшихъ различныя подвиги ратныхъ людей во время известнаго боя, объ отличившихся вообще храбростію дѣлались такія похвѣты: нпрекъ „*бился явственно*“, т. е.—явно для всѣхъ выдѣлился своею храбростію. Отсюда и спеціальнй терминъ—„явственной бой“. Если же кто кромѣ общей храбрости отличился еще и особыми подвигами, то и это также отмѣчалось, напр.: нпрекъ „*бился явственно, убилъ мужика*“ (т. е.—непріятельскаго воина), или—„*ранилъ мужика*“, „*взвалъ лыжа*“ (т. е.—положенника) и т. п.

былъ 12 рублей, и тотъ денежной и хлѣбной и соляной ево оклады иному не отданы.—Милосердые великіе государи цари...! пожалуйте меня... за мои службишки и для... старости, велите... сынишекъ моему Пронькѣ быть на... мѣсто... Саковского въ ево... окладѣ, а *въ мое мѣсто... послѣ смерти моей* въ дѣти жъ боярскіе поверстать сынишка жъ моего Митьку и велите, государи.. свой... милостивой и разсмотрительной указъ учинить, чтобъ мнѣ... за службы мои прирѣвнѣемъ вашею государскою милостію дѣтишекъ моихъ быть порадованну и имъ, дѣтишкамъ, послѣ смерти моей... безъ чину и безъ вашего... жалованья межъ дворъ не волочитца и голодною смертію не помереть и вашихъ государскихъ службъ не отбыть! Великіе государи, смилуйтесь!“—„Къ сей челобитной, вмѣсто сына боярскаго Васьки Многогрѣшнаго, Гришка *Пахорукъ* руку приложилъ“¹⁾.—Никакого приговора на челобитной нѣтъ.

Перехожу къ гетманскому племяннику *Михаилу Зиновьеву*. Извѣстно, что онъ сосланъ былъ въ *Якутскъ* въ 1674 г.²⁾ Сначала его держали здѣсь въ тюрьмѣ, а затѣмъ (когда именно—не извѣстно) освободили и включили въ число служилыхъ людей. Въ началѣ XVIII в. мы встрѣчаемъ его въ званіи „приказчика“ („приказнаго“ человѣка) одного изъ камчатскихъ остроговъ, т. е.—въ высшихъ рядахъ служилыхъ людей Якутскаго уѣзда. Любопытный эпизодъ изъ его служебной дѣятельности—поѣздка въ *Камчатку* въ 1702 г.—находимъ въ одномъ документѣ 1710 г.: „скаска“ якутскихъ служилыхъ людей, поданная въ якутской приказной палатѣ воеводѣ стольнику Дорофею Афанасьевичу Траурнихту, о морскихъ островахъ противъ устья рр. Камчатки, Ковымы (нынѣ р. Колымы), Яны, и др.³⁾ О „приказчикѣ“ *Михаилѣ Многогрѣшномъ*⁴⁾ говоритъ именно „скаска“ служилаго человѣка Михайлы Насѣткина (сс. 502—503). Если самъ Михайло Многогрѣшный не былъ допрошенъ воеводою Траурнихтомъ, то нельзя-ли отсюда заключить, что въ 1710 году Михайлы уже не было въ жи-

¹⁾ Сибир. приказа столбецъ № 1317.

²⁾ Доп. Ак. Ист., VI, № 95, 11.

³⁾ Пам. Сиб. Ист., 11, № 118, 6.

⁴⁾ Въ актахъ о ссылкѣ гетмана Многогрѣшнаго, 1674 г. (Д. А. И., № 95, 1 и 11). Михайло Зиновьевъ не носитъ фамиліи своего дяди. Очевидно, онъ принялъ ее только впоследствии—на службѣ въ Якутскѣ.

выхъ?—Возможно, хотя съ другой стороны возможно и то, что во время снятія воеводою „скасокъ“ Михайло отсутствовалъ изъ Якутска.

М. Насѣткинъ рассказываетъ, что въ 1702 г. онъ посланъ былъ „въ *камчадальскій* острогъ съ приващивомъ Михайломъ Многогрѣшнымъ, для ясачнаго сбора“. Изъ анадырскаго острога шли они до пенжинскаго острога „на оленяхъ и на собакахъ“. Здѣсь построили „суды—варбасы“ и „выплыли въ Пенжинское устье“. Взявши у ясачныхъ воряковъ „бойдары“, М. Многогрѣшный и М. Насѣткинъ съ устья р. Пенжины ¹⁾ двинулись „моремъ на Камчатку“, къ устью р. *Льсной* ²⁾. Отсюда, „подѣлавъ нарты и лыжи“, добрались они въ камчатскій острогъ.

Изъ камчатской службы Михайлы Многогрѣшнаго М. Насѣткинъ упоминаетъ о двухъ походахъ его противъ „немирныхъ камчатцевихъ мужиковъ“—къ устью р. *Камчатки* и въ „*Курильскую* землю“ ³⁾. Во время перваго похода видѣли они „противъ Камчатскаго устья“ *островъ* ⁴⁾, но „какіе на томъ острову люди есть“ и прежь сего на томъ острову рускіе люди бывали-ль—того де онъ, Михайло, ни отъ кого не слышалъ“....

Въ „*Курильскую* землю“ ходилъ М. Многогрѣшный съ отрядомъ въ 50 человекъ. Въ этомъ походѣ провѣдали они „отъ *Курильскаго* острогу ⁵⁾ далѣ въ *Носъ* ⁶⁾ земли, и отъ того-де мѣста далѣ земли въ Носъ нѣтъ—пришло море, только видѣть въ морѣ за *переливами* (т. е.—проливомъ) *земля* (т. е.—*Курильскіе острова*), а про-

¹⁾ Р. *Пенжина* впадаетъ въ Пенжинскую губу—самую сѣверную оконечность Охотскаго моря, омывающую западныя берега головы Камчатскаго полуострова.

²⁾ Р. *Льсная* впадаетъ въ Охотское море, на западномъ побережьи головы полуострова, у мыса Пенгемме.

³⁾ Такъ называлась въ то время южная часть полуострова Камчатки, лежащая противъ оо. *Курильскихъ*.

⁴⁾ Никакого острова нѣтъ противъ устья р. Камчатки, но рускіе могли принять за островъ противоположащія къ с.-в. и в.-ку берега Камчатской губы. Правда, оо. *Командорскіе* можно считать лежащими противъ Камчатскаго устья. Но врядъ-ли М. Многогрѣшный могъ видѣть ихъ съ берега: ближайшій о. *Беринга* лежитъ въ 200 в. къ с.-в. отъ устья р. Камчатки.

⁵⁾ *Курильскій* острогъ находился около озера *Курильскаго*, лежащаго на югѣ полуострова, около 100 в. къ с.-з. отъ мыса Лопатки.

⁶⁾ „*Носомъ*“ назывался въ то время м. *Лопатка*—самая южная оконечность полуострова, противъ оо. *Курильскихъ*.

вѣдать-де той земли не на чемъ—судовъ морскихъ и судовыхъ припасовъ нѣтъ“... Это—одно изъ наиболѣе раннихъ свидѣтельствъ о началѣ знакомства русскихъ съ Курильскими островами.

Обратный путь М. Многогрѣшнаго и М. Насѣтвина съ Камчатки въ Якутскъ шелъ черезъ анадырскій острогъ на р. *Ковыму* (нынѣ р. Колыма). Здѣсь сѣли они на суда, выплыли въ море и шли „моремъ въ *Индигирское* устье“. На пути между устьями рр. Ковымы и Индигирки видѣли они „островъ ¹⁾ въ морѣ“, но есть-ли на немъ люди—не знаютъ.

Этими свидѣніями и заканчивается „скаска“ М. Насѣтвина.

И. Оглоблицъ.

---

¹⁾ Очевидно, они видѣли одинъ изъ 5 оо. *Медвѣжьихъ* (въ 150 в. къ с.-з. отъ дельты р. Колымы), вѣроятно же всего—самый крупный изъ нихъ—о. *Крестовскій* (въ 50 в. къ с.-з. отъ мыса Крестовскаго).

Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи и объ отношеніи къ нему мѣстнаго магистрата.

Чуть ли не съ самаго присоединенія Кіева къ Россіи кіевскій магистратъ заботился объ огражденіи мѣстной торговли отъ конкуренціи великороссіянъ. Въ грамотѣ Петра В. 1710 г., которая выдана въ подтвержденіе грамоты 1700 г., находимъ уже повелѣніе о томъ, чтобы „пріѣзжимъ въ Кіевъ торговымъ людямъ, на обиду кіев. мѣщанамъ, въ лавкахъ не сидѣть и никакихъ товаровъ въ локти, фунты и золотники не продавать“. Розничная торговля на Подолѣ воспрещалась какъ великороссійскимъ купцамъ, такъ и „ратнымъ людямъ“, и это запрещеніе подтверждалось неоднократно послѣдующими „подтвердительными грамотами“ и сенатскими указами, о полученіи которыхъ весьма ревниво заботился магистратъ, часто посылая въ столицу своихъ повѣренныхъ по разнымъ городскимъ дѣламъ.

Несмотря однако на запрещенія, уже въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія появляются въ Кіевѣ въ качествѣ осѣдлыхъ торговцевъ великороссіяне, пріобрѣтаютъ даже собственные дворы на Подолѣ и ведутъ розничную торговлю какъ въ наемныхъ, такъ и въ собственныхъ лавкахъ. Пріѣзжали они нерѣдко въ Кіевъ, какъ подрядчики различныхъ военныхъ командъ, иногда какъ маршанты¹⁾. По привилегіямъ королевскимъ 1643 г. марта 27 и 1649 г. апрѣля 3, утвер-

¹⁾ Въ мартѣ 1762 г. бѣлевскіе купцы Лука *Недеримъ* и Алексій *Степановъ* брали въ Кіев. губ. канц. паспорты за границу, отправляясь туда къ арміи маршантами. Съ ними было 15 работниковъ и 14 возовъ съѣстныхъ и пр. припасовъ.

яденнымъ и высочайшими грамотами, кievскому магистрату предоставлялось право, „приходящихъ изъ разныхъ мѣстъ людей по желанію ихъ подъ юрисдикцію мѣскую принимать и по принятіи за сущихъ юрисдикторовъ мѣскихъ имѣть“¹⁾. Магистратъ кievскій не былъ стѣсненъ въ этомъ случаѣ никакими ограниченіями для принятія въ среду своего мѣщанства пришлыхъ людей; но великороссіане, поселявшіеся въ Кіевѣ для торговаго промысла, не вступали въ составъ мѣстнаго купечества, не желая въ этомъ случаѣ, надо полагать, подчиняться юрисдикціи магистрата. Продолжая числиться по ревизіямъ въ тѣхъ городахъ, изъ которыхъ вышли сами или ихъ родители, эти великороссіане, проживая по паспортамъ великороссійскихъ городовъ, въ качествѣ пріѣзжихъ, подчинялись въ отношеніи суда и расправы власти великороссійскихъ чиновъ.

Что же собственно удерживало ихъ отъ перечисленія въ кievское мѣщанство?

До сихъ поръ мнѣ встрѣтилась одна лишь просьба великороссіанина о такомъ перечисленіи, да и та относится уже къ 1785 году, когда въ Кіевѣ совершенно измѣнился характеръ городского управленія и появилось общероссійское положеніе о гильдіяхъ²⁾. Другое же прошеніе, относящееся къ 1765 году, послѣдовало отъ великороссіанина, который и родился уже въ Кіевѣ, гдѣ отецъ его, калужскій купецъ, проживалъ много лѣтъ; но этотъ великороссіанинъ Иванъ *Епринцовъ* пожелалъ записаться не въ кievское, а въ купечество „Крюковскаго шанца“.

Возможно, что въ извѣстной мѣрѣ воздерживали отъ такого перечисленія великороссійскихъ купцовъ, проживавшихъ вообще въ Малороссіи, тѣ судебные порядки, которые практиковались въ ней по торговымъ дѣламъ. Нѣкоторымъ указаніемъ на такую причину могутъ служить извѣстные „пунеты“ Костюрина 1754 г., составленные по требованію Правит. сената³⁾. Въ первомъ изъ нихъ говорится о

¹⁾ Ист. мат. изъ арх. К. губ. пр., вып. 9, стр. 206.

²⁾ Калужскіе купцы Яковъ *Воротничевъ* съ сыномъ Василюмъ и Степанъ *Маслениковъ* въ декабрѣ 1785 г. подали прошеніе въ Кіев. намѣст. пр. о принятіи ихъ въ число кievскихъ купцовъ 3-й гильдіи, такъ какъ они, „находя для себя лучшую выгоду къ пребыванію и промыслу въ Кіевѣ, намѣрены остаться на жительствѣ въ немъ навсегда“.

³⁾ Кіев. Стар., 1888 г., май, стр. 38.

томъ, чтобы „малороссійскимъ и великороссійскимъ купцамъ о долго-
выхъ деньгахъ *имѣть судъ по вексельному уставу*, такъ какъ нынѣ
у нихъ происходятъ, что малороссійскій купецъ возьметъ деньги и
дастъ по ихъ называемой обликъ, а на срокъ не отдаетъ, въ томъ
производятъ въ малороссійскихъ канцеляріяхъ письменные суды и
часто бываютъ долго не рѣшительны, а купецъ (великороссъ) при-
нужденъ лишиться торгу или отстать отъ дѣла“.

Эта жалоба на медленность малороссійскихъ судовъ въ дѣлахъ
торговыхъ не можетъ быть однако отнесена къ магистратскому суду
въ Кіевѣ, гдѣ для торговыхъ дѣлъ допускалось словесное разбира-
тельство и судъ посредниковъ, избираемыхъ самими тяжущимися сто-
ронами, такъ наз. „компромисскій судъ“. Тамъ у меня имѣется одно
дѣло 1746 г., въ которомъ споръ между двумя греками разбирался
въ магистратѣ кіевскомъ избранными ими самими посредниками, въ
числѣ которыхъ былъ и одинъ московскій купецъ, проживавшій въ
Кіевѣ. Кроме того, магистратъ кіевскій въ торговыхъ дѣлахъ руко-
водствовался, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его рѣшеній, и вексель-
нымъ уставомъ.

Конечно, медленность судопроизводства въ малороссійскихъ су-
дахъ могла имѣть нѣкоторое вліяніе на то, что великороссійскіе купцы,
постоянно проживавшіе въ Малороссіи, не приписывались къ мѣст-
ному купечеству и, продолжая жить по паспортамъ, стремились къ
обособленію относительно суда и расправы. Объ этой независимости
отъ мѣстнаго суда по торговымъ дѣламъ не мало заботился кіевскій
вице-губернаторъ Костуринъ. Изъ одного дѣла купца Клобукова
1757 г. видно, что Костуринъ не исполнилъ даже указа Правит. сената,
предписывавшаго выслать этого великороссіянина въ Войсковый ген.
судъ для выслушанія рѣшенія; „дабы въ такихъ случаяхъ велико-
россійское купечество къ напрасному разоренію приводимо быть не
могло“, Костуринъ, указавъ на законы, которымъ противорѣчитъ
такое привлеченіе купца Клобукова къ малороссійскому суду, про-
силъ: „не соизволить ли Правит. сенатъ повелѣть реченное спорное въ
единственномъ купеческомъ промыслѣ дѣло опредѣленными съ обѣихъ
сторонъ купецкими людьми, по ихъ въ томъ искусству, разобрать и
въ окончаніе привести“.

Въ 1745 г. апрѣля 23 состоялся высоч. указъ, которымъ пове-
лено „великороссійскимъ купцамъ, въ Малой Россіи торгующимъ и

жительствующимъ, между собою (вромѣ розыскныхъ и убивственныхъ дѣлъ) судомъ и расправою быть вѣдомымъ въ Кіев. губ. канц., а въ Глуховѣ и въ полкахъ—у великороссійскихъ командировъ¹⁾).

Такимъ образомъ само правительство обособляло великороссійскихъ купцовъ въ Малороссіи, какъ чужестранцевъ, предоставляя имъ право на особый судъ.

Въ г. Нѣжинѣ, гдѣ въ прошломъ столѣтіи существовала оживленная торговая дѣятельность, гдѣ проживало постоянно не мало и великороссійскихъ купцовъ²⁾, учрежденъ былъ особый „главный словесный судъ“ изъ выборныхъ иногородныхъ купцовъ для разбирательства возникавшихъ между купечествомъ споровъ по торговымъ дѣламъ³⁾. На рѣшенія этого суда приносилась аппеляція въ Кіев. губ. канц.

Такимъ образомъ большинство дѣлъ, касавшихся великороссійскаго купечества въ Малороссіи, сосредоточивалось въ Кіев. губ. канц., архивъ которой и долженъ представлять богатый матеріалъ для знакомства съ характеромъ дѣятельности этого купечества и съ отношеніемъ къ нему мѣстнаго населенія. Въ остаткахъ этого-то архива мнѣ и встрѣчались нерѣдко, большею частію въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ документовъ, жалобы кіевскаго магистрата и отдѣльныхъ лицъ изъ кіевскаго мѣщанства на великороссійскихъ „купецкихъ людей“, главнымъ образомъ, на производимое ими „помѣшательство въ торговлѣ“. Документы эти представляютъ извѣстный интересъ, знакомя до нѣкоторой степени съ положеніемъ великороссійскаго купечества въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи и съ отношеніемъ къ нему мѣстнаго населенія. Эти-то документы и послужили матеріаломъ для настоящей замѣтки.

Интересно, конечно, прежде всего было бы знать численность великороссійскаго купечества въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этомъ весьма незначительны.

¹⁾ См. приложение № IV.

²⁾ По вѣдомости, представленной въ 1754 году въ Войск. ген. канц., „о проживающихъ въ полкахъ великороссійскихъ людяхъ, гдѣ, кто и когда изъ нихъ приобрѣлъ козацкій грунтъ“, значится въ г. Нѣжинѣ 11 фамилій великороссійскихъ купцовъ, имѣвшихъ въ городѣ собственныя дворы.

³⁾ Въ 1759 г. въ этомъ судѣ выборными членами были: курскіе купцы—Прохоръ Скорняковъ и Карпъ Перемышевъ, калужскіе—Петръ Коробовъ, Василій Урюмовъ и Иванъ Холщениковъ, путявльскіе—Федоръ Рожновъ и Вас. Рышковъ, тульскій Вас. Ливенцовъ.

Въ замѣтѣхъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова о населеніи г. Кіева въ 1742 г.¹⁾, приведено свѣдѣніе о числѣ присягавшихъ великороссіянъ: ихъ тамъ указано 129 человекъ. У меня есть свѣдѣнія, относящіяся почти къ тому же времени о числѣ великороссіянъ, имѣвшихъ въ Кіевѣ собственные дворы и лавки и проживавшихъ въ наемныхъ домахъ.

По вѣдомости, представленной магистратомъ генералъ-губернатору въ декабрѣ мѣсяцѣ 1741 г., значится такихъ великороссійскихъ „купецкихъ людей“: а) живущихъ на Подолѣ своими дворами 11, при чемъ двое изъ нихъ имѣли по два собственныхъ двора и по двѣ лавки; б) живущихъ на Подолѣ въ наемныхъ дворахъ 26, и изъ нихъ двое имѣли по двѣ лавки, а одинъ три, и в) живущихъ въ верхнемъ городѣ 6, изъ которыхъ одинъ имѣлъ три лавки; всего по этой вѣдомости показаны 43 торговца и 10 лавокъ. Изъ жившихъ на Подолѣ своими дворами двое владѣли банями²⁾.

Самая вѣдомость эта представлена была по такому поводу. Когда въ декабрѣ мѣсяцѣ 1741 г. предписано было магистрату приготовить триста подводъ подъ слѣдовавшаго изъ Петербурга турецкаго посла, то магистратъ распредѣлилъ эту повинность и на показанныхъ въ вѣдомости великороссіянъ, такъ какъ и имѣвшимися въ магистратѣ указами и недавнимъ распоряженіемъ Кіев. губ. канц. требовалось „живущимъ въ Кіевѣ *всякаго званія людямъ* надлежащее къ городу послушаніе равно вмѣстѣ съ мѣщанами исполнять“. Но въ предыдущемъ 1740 году, когда требовались подводы для слѣдовавшаго въ Турцію чрезвычайнаго посла А. И. Румянцева, эти великороссіане уклонились отъ поставки возложеннаго на нихъ числа подводъ, не смотря на особый о томъ ордеръ губ. канц.; потому-то магистратъ и обратился теперь къ генералъ-губернатору Леонтьеву съ просьбой

¹⁾ Кіев. Ст., 1888 г., № 4.

²⁾ Относительно бань въ грамотѣ 1710 г. читаемъ: „а которые наши, великаго государя, служивые и иныхъ всякихъ чиновъ люди имѣютъ въ Кіевѣ въ нижнемъ городѣ торговля бани, на грунтахъ мѣскихъ построенныя, не въ пристойныхъ мѣстахъ, отъ которыхъ бань водою ограды церковныя и около церквей потопляеть, и тѣ бани сломать и мѣста очистить, а построить имъ, ратнымъ людямъ, торговля бани въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ кіевскій войтъ съ мѣщанами отведутъ, и съ тѣхъ бань платитъ имъ, нашимъ ратнымъ всякихъ чиновъ людямъ, въ майстратъ оброкъ по договору; а винныхъ и пивныхъ шинковъ и воровскихъ людей въ тѣхъ баняхъ отнюдь не держать и тѣмъ кіевскимъ мѣщаномъ никакихъ убытковъ не чинитъ“.

принять мѣры для понужденія упомянутыхъ великороссіянь къ поставкѣ подводъ, „дабы по ихъ обильному всегдашнему упрямству“ не послѣдовало остановки. Просьба магистрата была уважена ¹⁾).

Не имѣя права устраивать на Подолѣ собственныя свои лавки, великороссійскіе торговцы нанимали лавки у мѣстныхъ мѣщанъ, которые иногда сами прикрывали эту „неуказную“ розничную торговлю иногородныхъ людей, показывая ихъ своими приказчиками. Съ этимъ трудно было, конечно, бороться магистрату. Такъ, мѣщанинъ Степанъ Андреевъ предоставилъ свою лавку калужскому купцу Андреяну Трескову ²⁾, который и торговалъ въ ней болѣе четырехъ лѣтъ безпрепятственно; въ 1760 году магистратъ, запечатавъ эту лавку, хотѣлъ было не допустить Трескова къ дальнѣйшей торговлѣ „черезъ единое то, что онъ изъ великороссіянь“. Когда, по жалобѣ Андреева, дѣло это перешло въ К. губ. канц., то тамъ нашли, что грамоты, на которыя ссылается магистратъ, „гласятъ единственно на великороссійскихъ купецкихъ людей, т. е. самихъ дѣйствительныхъ хозяевъ, чтобъ имъ въ Кіевѣ нижнемъ городѣ на Подолѣ купечества не имѣть, а не на прикащиковъ и не на сидѣльцовъ“, а потому и предписано было не препятствовать торговлѣ Трескова, котораго кіевскій мѣщанинъ Андреевъ признавалъ своимъ приказчикомъ.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ губ. канцелярія признавала, что грамоты, на которыя ссылался магистратъ, дѣйствительно запрещаютъ розничную торговлю на Подолѣ „великороссійскимъ купецкимъ людямъ“; раньше же губ. канцелярія давала упомянутымъ грамотамъ иное толкованіе, чѣмъ и побуждала магистратъ хлопотать о новыхъ подтвержденіяхъ грамотъ специально уже по этому вопросу. Такъ и въ 1744 году февраля 8 данъ былъ, по ходатайству магистрата, высоч. изъ Правит. сената указъ, въ которомъ, между прочимъ,

¹⁾ Указомъ 22 января 1742 г. К. губ. канц., предписавъ разложить поставку подводъ и на всѣхъ поименованныхъ въ вѣдомости великороссіянь, жившихъ какъ въ собственныхъ, такъ и въ наемныхъ домахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписала секундъ-маіору Кульеву понудить этихъ лицъ къ дѣйствительному исполненію возложенной на нихъ повинности. Во избѣжаніе же такого рода жалобъ въ будущемъ, губ. канц. рекомендовала магистрату требовать, чтобы мѣщане, отдавая великороссіянамъ свои лавки въ наймы, заключали письменный договоръ, что эти нанятатели „повинны какъ въ датѣ подводъ, такъ и въ другихъ гродскихъ тягостяхъ, кіевскимъ мѣщаномъ вспомоществовать“.

²⁾ См. „Ист. мат. изъ арх. К. губ. пр.“, вып. 8, стр. 161.

подтверждалось имѣвшееся уже въ грамотѣ 1700 г. запрещеніе „пріѣзжимъ торговымъ людямъ“ торговать на Подолѣ въ розницу. Но, какъ видно, и этотъ указъ требовалъ нѣкотораго разъясненія, такъ какъ терминъ „пріѣзжіе торговые люди“ допускалъ толкованіе, не согласное съ тѣмъ смысломъ, какое ему придавалъ магистратъ, ходатайствуя о подтвержденіи своихъ привилегій. Эта неточность выраженія подала поводъ генераль-губернатору на первыхъ порахъ по полученіи указа истолковать его не согласно съ домогательствами магистрата.

Такъ, въ 1745 г., когда нѣкій великороссіянинъ Иванъ Сусловъ жаловался на недопущеніе его магистратомъ къ торговлѣ на Подолѣ¹⁾, генераль-губернаторъ Леонтьевъ рѣшилъ, что запрещеніе розничной торговли на Подолѣ относится только къ *пріѣзжимъ* въ Кіевъ торговымъ людямъ, а не къ великороссіянамъ вообще, а потому и приказалъ магистрату: Суслова, какъ давно живущаго въ Кіевѣ собственнымъ своимъ дворомъ, „изъ лавки вонъ не высылать и какъ въ прожитіи его на Подолѣ, такъ и въ томъ его купеческомъ производеніи никакихъ обидъ и препятствій отнюдь ему не чинить, но жить ему на Подолѣ и торгъ свой въ лавкѣ производить безъ всякаго помѣшательства“.

Совсѣмъ не такъ подобное же дѣло рѣшено тѣмъ же генераль-губернаторомъ три года спустя, въ 1748 году. Магистратъ жаловался на отставнаго солдата изъ великороссіянъ Игната Смородинова, который „безъ вѣдома и воли магистратовой все обманомъ лавками мѣщанскими и угодыями мѣскими и поселеніями хуторными пообладалъ“ и, вопреки запрещенію, торговалъ въ нѣсколькихъ лавкахъ. Въ этомъ доношеніи магистрата²⁾ обращаетъ на себя вниманіе ясно выраженное неудовольствіе не столько тѣмъ, что великороссіянинъ производитъ на Подолѣ торговлю, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ уклоняется отъ юрисдикціи магистрата, не признаетъ его хозяйственно-административной и судебной власти: „когда случается, по скарги на его отъ мѣщанъ, ко расправѣ, яко человѣкъ купеческій, дабы становился, онъ всегда ослушенъ есть... единъ имѣя упоръ и непокореніе, яко

¹⁾ Этотъ Сусловъ имѣлъ уже въ 1718 г. на Подолѣ собственный свой домъ, который и сгорѣлъ во время бывшаго въ томъ году большаго пожара (см. приложение № 1).

²⁾ См. прилож. № II.

но они рѣшительно воспротивились этому, говоря безъ всякаго почтенія: „мы-де по опредѣленію Кіев. губ. канц. имѣемъ здѣсь на Подолѣ вольный торгъ, а магистрата не слушаемся“. Представляя о такомъ упорствѣ, магистратъ обратился съ жалобой на оказываемое имъ послабленіе Кіев. губ. канцеляріею къ генераль-губернатору, прося его запретить Рѣзвому съ товарищами торговать на Подолѣ. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ, изъ которыхъ взяты мною приводимыя свѣдѣнія, нѣтъ рѣшенія генераль-губернатора по этому дѣлу. Но надо думать, что и въ данномъ случаѣ генераль-губернаторъ удовлетворилъ ходатайство магистрата.

Имѣется одинъ документъ 1747 г., свидѣтельствующій о томъ, что ген.-губ. Леонтьевъ оказывалъ свою поддержку кіевскому магистрату и въ томъ случаѣ, когда магистрату приходилось разбирать судебнымъ порядкомъ столкновенія мѣстныхъ мѣщанъ съ великороссійскими купцами. Не смотря на упомянутый выше указъ 1745 г., предоставлявшій великороссіянамъ право судиться исключительно въ губ. канц., ген.-губ. Леонтьевъ находилъ возможнымъ судебное разбирательство по торговымъ дѣламъ великороссіянъ предоставлять магистрату. Такъ, въ 1745 г. на великороссійскаго купца Якова *Баташева* ¹⁾ жаловался въ магистратъ кіевскій мѣщанинъ Григорій Каневскій за то, что тотъ надѣлилъ его разными худыми товарами, а „свидѣтельства чужестраннія, каковыя Каневскій ему о фальшивомъ чаю, отъ него взятомъ, до прочитанія вручилъ“, вмѣстѣ съ другими бумагами и векселями, не возвратилъ. Баташевъ отказался отвѣчать по этому дѣлу предъ магистратомъ, который потому и обратился уже отъ себя въ 1747 г. съ жалобой къ генераль-губернатору. Леонтьевъ имѣя въ виду, что по этому дѣлу въ магистратѣ было уже произведено надлежащее судебное слѣдствіе, что магистратъ не обнаружилъ

такое разрѣшеніе получили изъ губ. канц.: „съ якихъ ихъ объявленій видимо, не произвожденія и умноженія ради шелковой фабрики, якої они весьма и не знаютъ, но сидѣнія ради съ мѣщанами вмѣстѣ въ лавкахъ и произвожденія торговъ, сего пожелали имѣть.“

¹⁾ Фамиліи Баташева въ вѣдомости 1741 г. не встрѣчаемъ, но изъ одного дѣла 1766 г. видно, что Яковъ *Баташевъ*, московскій 2-й гильдія купецъ, „напрасно завладѣлъ“ хуторомъ на Плоскомъ близъ Богословскаго монастыря съ винницею и мельницею, а послѣ смерти Баташева этотъ хуторъ достался Антону *Карамалю*, который въ началѣ 1766 г. велъ о немъ процессъ съ надв. сов. *Наковальнинимъ*.

„поторовки“ Каневскому ¹⁾, приказалъ: „о вышеписанномъ о всемъ разобрать и правильное правосудіе и рѣшительное окончаніе учинить и дѣйствительнымъ приговоромъ заключить въ кіевскомъ магистратѣ непремѣнно, и для того помянутому купцу Баташеву въ кіев. магистратѣ въ судѣ быть безъотрицательно“.

Надо думать, что въ то время, когда г. Кіевъ, послѣ упорной борьбы за освобожденіе свое отъ власти гетмана и вообще „касательства малороссійской команды“, былъ предоставленъ *исключительному* вѣдѣнію генералъ-губернаторовъ, которымъ повелѣно было, между прочимъ, и „неуказные въ Кіевѣ поселенія и продажи отвращать“, тогда мѣстное мѣщанство находило болѣе дѣйствительную защиту своихъ торговыхъ интересовъ отъ людей пришлыхъ, не входившихъ въ составъ его и не подчинявшихся юрисдикціи магистрата ²⁾. Но при зависимости магистрата отъ гетмана крайне трудно было ему справляться съ тѣмъ „помѣшательствомъ въ торговлѣ“, какое причиняли мѣстные козаки, и, главнымъ образомъ, сотникъ ихъ Павелъ Гудимъ, имѣвшій на Подолѣ свои лавки, которыми и пользовался „на подступѣ мѣсту“ и въ ущербъ мѣстнымъ торговцамъ, отдавая эти лавки въ наемъ великороссійскимъ купцамъ, а то и просто прикрывая своимъ именемъ такую незаконную торговлю, выдавая великороссійскихъ торговцевъ за своихъ приказчиковъ.

Ограниченія, о которыхъ такъ часто и настойчиво хлопоталъ кіевскій магистратъ, относительно поселенія и торговли великороссіянъ, касались только нижняго города, Подола; въ другихъ же частяхъ г. Кіева великороссіяне могли селиться и торговать свободно, безъ всякихъ ограниченій, во всемъ подчиняясь власти Кіев. губ. канц.; но, очевидно, все торговое движеніе сосредоточивалось въ прошломъ столѣтіи на Подолѣ, а потому туда и тянулось всякое купечество.

¹⁾ По дѣламъ Каневского, производившимся въ это время въ магистратѣ, всѣ его покитки, хуторъ съ винокурнею и со всѣмъ въ томъ хуторѣ имуществомъ были описаны и оцѣнены магистратомъ. По всей вѣроятности, въ это время Баташевъ и завладѣлъ его хуторомъ по своимъ денежнымъ претензіямъ.

²⁾ На это указываютъ, между прочимъ, и напечатанныя въ 8-мъ вып. „Ист. мат. изъ архива Кіев. губ. пр.“ два дѣла 1766 г. о запрещеніи отставнымъ солдатамъ заниматься продажей табаку на Подолѣ и о запрещеніи заниматься тамъ же цирюльническимъ ремесломъ лицамъ, не принадлежащимъ къ цирюльническому цеху.

Въ верхнемъ городѣ Кіевѣ и въ форштатѣ великороссіяне завѣдывали казенными кабаками, состояли надзирателями, головами и цѣловальниками при казенной питейной торговлѣ, а когда казенные кабаки отдавались на откупъ, то и откупщиками являлись купцы изъ великороссіянъ¹⁾. На откупѣ казенные кіевскіе кабаки, вмѣстѣ съ переславскими и нѣжинскими, были съ 1756 по 1760 г., и тогда откупщиками ихъ состояли московскіе купцы Никифоръ *Ильинъ* и Петръ *Елмистевъ* и воломенскій Петръ *Токаревъ*. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ вновь казенной продажи при посредствѣ особыхъ „надзирателей“, „вѣрныхъ сборщиковъ“ изъ великороссіянъ, съ 1 ноября 1768 г. эта продажа вновь сдана на откупъ „короннымъ повѣреннымъ“, купцамъ: воломенскому Софрону *Добычину* и Андрею *Осипову*, и затѣмъ всегда уже оставалась на откупѣ.

Вотъ на этой-то почвѣ происходили иногда непріязненные столкновения кіев. магистрата съ великороссіянами—откупщиками и надзирателями. Такъ надзиратель Житковъ въ 1754 г. жаловался въ Кіев. губ. канц. на подрывъ, причиняемый магистратомъ казенной продажѣ питей тѣмъ, что въ магистратскихъ шинеляхъ хлѣбное вино продавалось дешевле, чѣмъ въ казенныхъ кабакахъ²⁾. На запросъ Кіев. губ. канц. „по какимъ резонамъ“ произошло такое пониженіе цѣны, магистратъ отвѣчалъ лишь: потому, что де по одной копѣйкѣ

¹⁾ Въ 1738 г. „австерскими надзирателями“ были Петръ *Климовъ* и Иванъ *Каселинъ*.

Въ 1753 г. надзирателями кіевскихъ, нѣжинскихъ и переславскихъ казенныхъ кабаковъ были купцы г. Овска Максимъ *Рязанъ* и Романъ *Сморodinъ*, на мѣсто которыхъ въ 1754 г. поступили бѣлгородскій купецъ Яковъ *Прохоровъ* и трубчевскій Михаилъ *Житковъ*.

Въ 1767 г. „вѣрными сборщиками“ у казенныхъ питейныхъ сборовъ были *Кузнецовъ* и *Соколовъ*, а въ 1768—*Первощиковъ* и *Владиміровъ*.

Въ 1754 году казенныхъ кабаковъ въ Кіевѣ было 16, и по нимъ денежной казны къ 1 январю 1754 г. остаточныхъ показано „истинныхъ“ 6969 р. 28³/₄ к., а питей и припасовъ по „истинной цѣнѣ“ на 3,281 р. 17¹/₄ к. Кабаки показаны слѣдующіе: 1) главный (при немъ контора), 2) у Печерскихъ воротъ, 3) у Золотыхъ воротъ, 4) у Львовскихъ, 5) близъ Киселевой горы, 6) у Крещатицкой пристани, 7) у Крещатицкой рогатки, 8) подлѣ Николаи у провалу, 9) въ Печерской крѣпости, 10) противъ Пустынно-Никольскаго монастыря, 11) у Самары, 12) въ Новой слободкѣ, 13) подлѣ Соломою горою, 14) въ Солдатской слободкѣ, 15) за Васильковскою рогаткою, 16) на Неводницкомъ звозѣ. Къ строеніямъ казенной продажи питей относилась и мельница на Дибірѣ на двухъ бай дакахъ.

²⁾ „Ист. мат. изъ арх. К. г. пр.“, вып. 6, стр. 122—130.

на квартѣ (вмѣсто 5 по 4 к.) убавлено, „дабы лучше наитѣи сходили“, но при этомъ напомнилъ К. губ. канц. 8-й п. высоч. указа 1743 г., въ которомъ сказано: „кабацкимъ управителямъ въ магистратскіе шинки ни подъ какими видами не мѣшаться и тѣмъ въ продажѣ магистратскихъ напитковъ убытковъ и помѣшательствъ не чинить“.

Есть основаніе предполагать, что не только завѣдываніе казенными кабаками въ качествѣ „надзирателей“ или „вѣрныхъ сборщиковъ“, но даже содержаніе ихъ на откупъ не приносило особыхъ выгодъ великороссійскимъ торговцамъ, которые, кажется, состоя при этомъ дѣлѣ, занимались, главнымъ образомъ, не имъ, а другими торговыми дѣлами.

Совсѣмъ уже никакой выгоды, кромѣ пребыванія въ Кіевѣ, не представляла для великороссійскаго купечества продажа казенной соли, въ каковой продажѣ избирались изъ нихъ ежегодно головы и цѣловальники ¹⁾).

Продажа казенной соли учреждена была въ Кіевѣ, на основаніи высоч. указа 3 ноября 1768 г. Изъ Глухова было доставлено для Кіева пермской и элтонской соли до 20 тысячъ пудовъ. Соль эта была принята магистратомъ и ссыпана въ магистратскіе амбары. Для завѣдыванія продажей соли магистратъ избралъ трехъ человекъ, а „дабы чрезъ долгое время оныхъ мѣщанъ при той соли бытіе не могли, лишась купеческаго своего промысла, прійти въ крайнее разореніе“, магистратъ замѣнилъ ихъ черезъ годъ другими.

Когда открыта была въ томъ же 1769 г. продажа казенной соли на Печерскѣ и въ верхнемъ городѣ въ лавкахъ, предоставленныхъ для этого Кіево-Печерскою лаврою и Софійскимъ монастыремъ, тогда выбраны были въ головы изъ проживавшихъ въ Кіевѣ великороссійскихъ купцовъ бѣлгородскій Вас. *Панковъ* и крѣковскій Ив. *Слаповкинъ*.

¹⁾ Кажется, что вообще купечество въ другихъ городахъ уклонялось отъ этой службы. У меня нѣтъся одинъ документъ, указывающій на такое уклоненіе. Избранный бѣлгородскимъ магистратомъ на 1769 г. солянымъ головою къ продажѣ соли въ г. Старомъ Осколѣ бѣлгородскій купецъ Романъ Ноздринъ, проживавшій въ Кіевѣ, вслѣдствіи скрывался цѣлый годъ, въ концѣ концовъ успѣлъ даже обманнымъ образомъ причислиться къ крѣковскому купечеству. Въ Кіевѣ же отъ этой службы великороссійскіе торговцы не уклонялись.

Когда въ 1770 г. привезли еще казенной соли, Кіев. губ. канц. потребовала отъ магистрата опредѣленія головъ и цѣловальниковъ изъ кіевскихъ мѣщанъ, для продажи ея на Печерскѣ и въ верхнемъ городѣ. Тогда-то магистратъ обратился за защитой къ генераль-губернатору Воейкову, который и представилъ въ Пр. сенатъ свое мнѣніе¹⁾ о томъ, что такая обязанность по завѣдыванію всею продажей казенной соли будетъ несправедливымъ обремененіемъ кіевскихъ мѣщанъ, а потому— „не повелѣно ли будетъ къ той казенной соли опредѣлить въ головы и въ цѣловальники изъ купечества великороссійскихъ городовъ“. Ходатайство это и было уважено²⁾.

Въ упомянутомъ ходатайствѣ Воейкова находимъ нѣкоторое указаніе на условія жизни кіевского мѣщанства, затруднявшія успѣшную конкуренцію его въ торговлѣ съ великороссійскими купцами, которые, если и несли повинности, то только денежныя, не отвѣчаясь отъ сво-

¹⁾ См. прилож. № III.

²⁾ 16 сентября 1770 г., по представленію Воейкова же, послѣдовалъ указъ о назначеніи цѣловальниковъ по найму изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, по выбору же служили только головы, которые, какъ видно, избирались отдѣльно купцами, жившими на Подолѣ, и отдѣльно жившими въ форштатѣ.

Изъ встрѣчавшихся мнѣ документовъ, касающихся соляной продажи, видно, что въ 1771 г. вышеупомянутые купцы Панковъ и Слѣпаковкинъ смѣнены были купцами *Ноздринимъ* и *Бубновымъ*; въ январѣ 1772 г. на смѣну ихъ „живущіе на Подолѣ разныхъ городовъ великороссійскіе купцы“ выбрали живущаго на Подолѣ своимъ дворомъ путивльскаго купца Артамона *Молчанова*, а живущіе за К.-Печерскою крѣпостію въ форштатѣ великорос. купцы выбрали въ товарищи Молчанову живущаго въ форштатѣ же болховскаго купца Ивана *Первыя*.

Въ 1774 г. въ январѣ подольскіе великороссіане выбрали боровскаго купца Вас. *Калашикова*, а форштатскіе—калужскаго купца Андрея *Быльцова*.

Въ 1775 г. подольскіе выбрали калуж. купца Семена *Костромина*, а форштатскіе—курскаго Фед. *Фомина*.

На 1776 г. избраны были калуж. куп. Акимъ *Поповъ* и кременчугскій Фед. *Быльцовъ*. Поповъ заявилъ, что онъ не можетъ приступить къ приему соли „по немнѣнію ему свободного времени по обязательству его въ 1775 г. въ находящейся въ Кіевѣ полевой аптеки магазинъ къ доставленію въ оной разныхъ нужныхъ матеріаловъ, и нынѣ ежедневно всегда тѣхъ матеріаловъ поставка строжайше отъ него, Попова, требуется, и для того къ приему и продажѣ означенной соли повѣряетъ вмѣсто себя бытъ кіев. рейт. команды отст. в.-мистру Ив. Пересловцову съ тѣмъ, ежели въ той соли послѣдуетъ иногда какой казенный убытокъ, то оный обязуется онъ, Поповъ, заплатить собств. своимъ имѣніемъ“. К. губ. канц. приняла Пересловцова вмѣсто Попова и привела его къ присягѣ.

На 1777 г. избраны были головами кременчугскіе купцы Семенъ *Воробьевъ* и Василій *Дударевъ*.

его купчества ни для какихъ общественныхъ службъ, тогда какъ болѣе имущественные торговцы изъ кіевскихъ мѣщанъ несли довольно сложныя обязанности общественныя, которыя и отрывали ихъ отъ собственныхъ „купческихъ промысловъ“.

Несомнѣнное вліяніе на непріязненное отношеніе мѣстнаго населенія и кіевскаго магистрата къ великороссійскому купчеству имѣли откупа и таможи, въ которыхъ главными дѣятелями являлись лица изъ этого купчества.

Ставши городомъ пограничнымъ, Кіевъ испытывалъ массу неудобствъ, стѣснявшихъ торговую дѣятельность мѣстнаго населенія. Со второй половины прошлаго столѣтія начинаются жалобы отдѣльныхъ лицъ и магистрата, свидѣтельствующія объ упадкѣ торговли. Къ сожалѣнію, для сколько-нибудь обстоятельнаго изслѣдованія о торговлѣ Кіева въ это время имѣется слишкомъ мало матеріала. Во встрѣчавшихся мнѣ документахъ имѣются только общія заявленія объ упадкѣ мѣстной торговли, и въ одномъ изъ этихъ дѣлъ 1761—72 г. встрѣчается указаніе, какъ на одну изъ причинъ такого упадка—именно на дѣятельность откупщиковъ великороссіянъ, которые мѣстныхъ „маломощныхъ купцовъ привели не въ состояніе“.

Учрежденный въ 1757 г. откупъ табачный, какъ видно, весьма невыгодно отзывался на интересахъ кіевлянъ. Право вывоза табаку за границу предоставлено было сенатору графу Петру Ивановичу Шувалову, комиссіонерами котораго и являются московскіе купцы *Петръ Клобуковъ* ¹⁾ и *Максимъ Алисовъ*.

Числясь купцами московскими, они проживали въ г. Нѣжинѣ, гдѣ владѣли собственными дворами: Алисовъ съ 1733, а зять его Каблуковъ—съ 1741 г. Послѣдній состоялъ въ Нѣжинѣ первымъ членомъ словеснаго суда. Взявши по контракту, заключенному въ сентябрѣ 1758 г., на откупъ продажу за границу табаку, они пользовались содѣйствіемъ властей, которыя не допускали провоза табаку

¹⁾ Петръ Клобуковъ (фамилія эта иногда пишется Каблуковъ—и такое разное написание встрѣчается въ одномъ и томъ же документѣ) былъ, видно, весьма богатый купецъ и пользовался, между прочимъ, кредитомъ и въ Петербургской банковской конторѣ: въ числѣ указовъ, полученныхъ въ Кіев. губ. канц. въ 1760 г., встрѣчается одинъ изъ этой конторы о принятіи отъ Клобукова процентовъ съ капитальнаго долга въ 14,270 р. за прошлое время по 1760 г. въ количествѣ 785 р. 50 к.

через таможи и заставы безъ ярлыковъ табачной конторы откупщиковъ, взимавшихъ извѣстную пошлину съ отпускаемаго за границу табаку.

Если и раньше мѣщане кіевскіе, занимавшіеся торговлею табакомъ, признавали взиманіе этихъ пошлинъ нарушеніемъ дарованныхъ городу Кіеву и его мѣщанамъ правъ и привилегій (такъ смотрѣлъ на это дѣло и кіевскій магистратъ), то тѣмъ болѣе возбуждала въ нихъ ропотъ и противодѣйствіе принятая теперь относительно вывоза табаку мѣра, увеличившая таможенные платежи и крайне стѣснявшая мѣстную торговлю. Торговля эта отдавалась теперь въ руки „пріѣзжаго“ купца великороссіянина, который, собственно говоря, и права не имѣлъ торговать въ Кіевѣ.

Такимъ образомъ, очень многіе изъ кіевскихъ мѣщанъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы этого откупа, со спокойною совѣстію обратились къ контрабандѣ. При помощи собственныхъ расторопныхъ объѣздчиковъ и при содѣйствіи „приличныхъ командъ“, которыя предоставлялись Каблукову, какъ комиссіонеру знатнаго откупщика сенатора, онъ легко уловлялъ „тайнопровозцевъ“ и въ первый же годъ своего комиссіонерства возбудилъ нѣсколько дѣлъ въ губ. канц. противъ кіевскихъ мѣщанъ. Изъ одного такого имѣвшагося у меня дѣла 1759 г., въ сожалѣнію, совершенно разбитаго, безъ начала и конца, видно, что дѣйствительно съ предоставленіемъ Каблукову исключительнаго права вывозить за границу табакъ кіевскіе мѣщане обратились къ тайному провозу его „безъ всякаго указнаго платежа“.

Къ этому же, по всей вѣроятности, побуждали и существовавшіе на таможенныхъ порядки, по поводу которыхъ кіевскій магистратъ обращался съ жалобой и въ Прав. сенатъ, заявляя при этомъ, что на таможенныхъ берутъ пошлины „годъ противъ года съ прибавкою“, а таможенники причиняютъ несносныя обиды и притѣсненія кіев. мѣщанамъ, такъ что де „оттого многіе принуждены отъѣзжать за границу торги оставить“.

Оставлятъ свои заграничныя торги приходилось кіевскимъ мѣщанамъ, какъ вѣжется, не потому, что таможенные сборы были слишкомъ значительны, а главнымъ образомъ потому, что великороссійскіе купцы, состоявшіе сначала откупщиками этихъ сборовъ и затѣмъ директорами таможенъ, на первыхъ же порахъ стали сами практиковать въ широкихъ размѣрахъ контрабандный провозъ товаровъ, чѣмъ

и причиняли серьезное „помѣшательство“ въ мѣстной торговлѣ, убивъ прежде всего торговлю купцовъ „маломощныхъ“, какихъ было, конечно, большинство среди кіевскихъ мѣщанъ-торговцевъ. Къ такому заключенію невольно приводитъ разсмотрѣніе таможенныхъ дѣлъ ¹⁾. Одно изъ нихъ особенно богато данными для знакомства съ дѣятельностію великороссійскаго купечества, которое, въ роли сначала откупщиковъ, а затѣмъ управителей и директоровъ, и привело мѣстныхъ кіевскихъ „маломощныхъ“ купцовъ не въ состояніе“. Это—слѣдствіе 1767—1772 г. „по доносу кіев. мѣщанина Дмитріевича на злоупотребленія таможенныхъ откупщиковъ Карасева и Лапина“.

Дѣло въ томъ, что, по заключенному въ Прав. сенатѣ контракту, калужскому купцу Алексѣю Карасеву во время содержанія имъ съ товарищами таможенъ на откупѣ „ни подъ какимъ видомъ торговать не велѣно“; а между тѣмъ оказалось, что сами-то эти откупщики вели обширную торговлю, скупая главнымъ образомъ въ Малороссіи черную смушву и другіе пушные товары и сбывая ихъ за границу, а оттуда привозя разнаго рода мануфактурные товары (Этимъ именно и занимались прежде кіевскіе мѣщане-торговцы). Пользуясь своимъ привилегированнымъ, такъ сказать офиціальнымъ, положеніемъ на таможенѣ, уплачивая лишь небольшую часть пошлинъ, а то и совсѣмъ ихъ не уплачивая, эти откупщики легко могли подорвать торговлю лицъ, уплачивавшихъ всѣ узаконенныя пошлины, и, такъ сказать, отнять у нихъ рынокъ. Жертвою такой конкуренціи и былъ, очевидно, кіевскій мѣщанинъ Степанъ Дмитровичъ, который велъ значительную заграничную торговлю, часто бывая лично въ Гданскѣ. Лейпцигѣ и другихъ городахъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, всѣ встрѣчавшіяся мнѣ въ архивѣ Кіев. губ. пр. таможенныя дѣла представляли лишь обрывки слѣдственныхъ производствъ, тянувшихся безконечно долго и неизвѣстно какимъ рѣшеніемъ законченныхъ. Всѣ эти дѣла относятся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ прошлаго вѣка. Уже тотчасъ по учрежденіи таможенъ поступаютъ въ Прав. сенатъ жалобы нѣжинскихъ купцовъ грековъ на хозяйничавшихъ на таможенѣ великороссійскихъ купцовъ, и по этой жалобѣ тянется безконечное дѣло, по которому привлекались къ отвѣтственности калужскіе купцы Алексѣй и Антонъ Карасевы, Иванъ Лапинъ, Гаврило Ивановъ, Харитонъ Свѣшниковъ, Герасимъ Золотаревъ и орловскій купецъ Иванъ Кузнецовъ (См. № VIII, 6.). Въ 1766 г. уже закончено было какое-то сложное слѣдствіе о таможенныхъ злоупотребленіяхъ, по которому, какъ видно изъ появившагося мнѣ протокола К. губ. канц., наложено было изъясненіе на директора таможи Кондратьева и другихъ лицъ.

О размѣрахъ его торговли можно судить уже потому, что одной таможенной пошлины онъ уплатилъ: въ 1760-мъ году 6800 рублей, въ 1761-мъ—7400 р., въ 1762-мъ—4200 р., въ 1763-мъ—7700 р.

Но въ концѣ концовъ Дмитровичъ, какъ видно, не въ состояніи былъ бороться съ такой конкуренціей, которая опиралась на контрабанду: Алексѣй Карасевъ вытѣснилъ его изъ прежнихъ рынковъ¹⁾. Хорошо знакомый съ установившимися на таможенныхъ порядкахъ, Дмитровичъ и явился въ поданной имъ жалобѣ обличителемъ злоупотребленій таможенниковъ, на которыхъ уже много жалобъ поступало въ магистратъ отъ кievскихъ мѣщанъ. Хотя личная Дмитровича обида, послужившая предметомъ жалобы, состояла въ неправильномъ, въ подрывъ его кредита, протестѣ Карасевымъ даннаго ему Дмитровичемъ въ счетъ таможенной пошлины векселя, но жалоба получила, такъ сказать, общій характеръ обличенія злоупотребленій.

Желая устранить эти заявленія общаго характера, касавшіяся интересовъ кievскаго мѣщанства, главный виновникъ злоупотребленій Алексѣй Карасевъ пастойчиво заявлялъ, что де Дмитровичъ „за мало-моцныхъ купцовъ не опекунь“, а потому де и ссылки его на ихъ жалобы въ кiev. магистратъ не должны быть принимаемы во вниманіе, и къ отвѣту по нимъ его, Карасева, привлекать не слѣдуетъ.

Назначенная указомъ Прав. сената особая комиссія болѣе восьми лѣтъ производила слѣдствіе по доносу Дмитровича, и неизвѣстно, когда и чѣмъ его закончила; но въ своемъ заключеніи, составленномъ въ 1772 г. по требованію генераль-губернатора Воейкова, представила достаточно данныхъ, несомнѣнно подтвердившихъ тѣ злоупотребленія, въ какихъ обвинялъ Дмитровичъ таможенныхъ дѣятелей, купцевъ Карасева и Лапина и многихъ другихъ ихъ пособниковъ изъ великороссійскаго купечества.

Въ такого же рода злоупотребленіяхъ, какія обнаружилъ Дмитровичъ, явившійся какъ бы представителемъ интересовъ всего кievскаго мѣщанства, обвинялъ впослѣдствіи, въ 1780 году, многихъ вели-

---

¹⁾ Въ 1763 г. Дмитровичъ, по просьбѣ Карасева, купилъ для него за границей на пять тысячъ товаровъ, которыхъ тотъ обѣщалъ не продавать въ Малороссіи, но обѣщанія своего не исполнилъ и продалъ въ Ромнахъ. „Видя чрезъ сіе своихъ товаровъ въ Малой Россіи не выщепеніе, онъ, Дмитровичъ, принужденъ съ ними отправиться въ Москву и тамо оныхъ продать, понесъ въ томъ отъ него, Карасева, притѣсненіе и убытокъ“.

короссійскихъ купцовъ и таможенныхъ служителей калужанинъ Вавило *Ярославцевъ*.

Можно съ увѣренностію сказать, что злоупотребленія эти существовали, какъ нѣчто обычное; а какъ они отражались на интересахъ кіевского мѣщанства, занимавшагося торговлей, и какое вліаніе имѣли на отношенія этого мѣщанства вообще къ великороссійскому бупечеству, являвшемуся въ роли откупныхъ и таможенныхъ дѣятелей, — представить себѣ не трудно.

А. Андриевскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Жалоба Ивана Суслова на кіевскій магистратъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1745 г. нѣкій Иванъ Сусловъ подалъ въ К. Г. К. такое доношеніе:

„Дѣдъ и отецъ мой низайшаго служилъ Ихъ Имп. Вел. по г. Стародубу въ дворянской службѣ и отъ прежде бывшихъ въ Кіевѣ господъ бояръ и воеводъ посланы были во многія государства для важныхъ государственныхъ дѣлъ и за оныя службы, по жалов. грамотѣ изъ Посольскаго приказа, велѣно отцу моему и дѣтямъ его жить въ Кіевѣ и имѣть всякія вольности и торги безъ всякихъ податей; точію оная грамота въ прошломъ 1718 г., во время пожарнаго въ Кіевѣ ниж. г. Подолѣ случая, въ домѣ моемъ сгорѣла, а я низайшій по смерти отца своего и донинѣ жительство имѣю въ томъ же нижнемъ городѣ Кіева; точію кіев. магистратъ чинилъ мнѣ всегда не малыя обиды и утѣсненія, и о тѣхъ моихъ обидахъ и утѣсненіяхъ просилъ я на оной магистратѣ въ Москвѣ Прав. сената въ конторѣ. и по тому моему прошенію изъ оной Прав. сената конторы присланъ указъ въ Кіев. губ. канц. и велѣно, за вышеписаннымъ посягательствомъ, быть мнѣ подъ вѣдѣніемъ оной К. г. к., и кіев. магистрату меня ничѣмъ не вѣдать, о чемъ во оной губ. канц. по имѣющимся моимъ съ кіев. магистратомъ дѣламъ явствуется именно; а нынѣ кіев. войтъ Павелъ Войничъ съ магистратомъ, не знаемо для чего, въ противность вышепис. жал. грамоты, на меня низайшаго нападаютъ безвинно и съ торговой моей наемной лавки, изъ которой я пропитаніе свое имѣю, выгоняютъ вонъ напрасно и ничѣмъ торговать не допускаютъ, отчего я низайшій прихожу въ крайнее убожество и разореніе. И того ради К. г. к. всепокорнѣйше прошу, дабы повелѣно было въ свободному моему въ Кіевѣ ниж. городѣ на Подолѣ

прожитію и купеческому противъ прежняго произвожденію во оной кiev. магистратъ подтвердитъ Е. И. В. указомъ“.

По этому доношенію состоялось такое постановленіе генераль-губернатора:

„Понеже въ прошломъ 1744 году, февраля 8 дня въ присланныхъ, по челобитію оного войта съ магистратомъ, при высоч. Е. И. В. изъ Прав. сената указъ рѣшительныхъ пунктахъ на 7 пунктъ написано: по грамотѣ, данной кiev. магистрату въ 1700 году, на обиду кiev. мѣщаномъ, въ лавкахъ вмѣстѣ сидѣть и никакихъ товаровъ въ локти и фунты и золотники продавать запрещено только пріѣзжимъ въ Кіевъ торговымъ людямъ, а оной Сусловъ изъ давнихъ лѣтъ въ Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ собственнымъ своимъ дворомъ жительство имѣеть, и какъ постои въ квартирѣ своей всегда имѣеть, такъ и во время требованія отъ магистрата многова числа подводъ оныя по расположенію противъ прочихъ мѣщанъ ставить и присылаемой отъ оного жъ магистрата казенной провіантъ въ сухари крошить и сушить;—приказалъ: помянутаго Ивана Суслова, въ противность вышепоказанной жалов. грамоты и вновь, по челобитію его, кiev. войта Войничя съ магистратомъ, рѣшительнаго 7-го пункта, изъ лавки вонъ не высылать и какъ въ прожитіи его въ Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ, такъ и въ томъ купеческомъ его произведеніи, никакихъ обидъ и препятствіевъ отнюдь ему не чинить, но жить ему въ томъ ниж. г. Кіевѣ и торгъ свой въ лавкѣ въ ряду производить безъ всякаго помѣшательства противъ прежняго непремѣнно; и о томъ о всемъ въ кiev. войту Войничу съ магистратомъ послать указъ“.

II.

Изъ дѣла по жалобѣ кiev. магистрата на Игната Смородинова.

21-го сентября 1748 г. магистратъ подалъ ген.-губернатору Леонтьеву такое доношеніе:

„Солдатъ отставной Игнатъ Кузьмичъ Смородинъ, уповая на свое безмѣрное богатство, безъ вѣдома и воли магистратовой, все обманомъ лавками мѣщанскими и угодіями мѣскими и поселеніями хуторными на власной землѣ мѣской пообладалъ и користуется, сказая про себе: нѣкого де не боюся; и когда случается по сварги на

его отъ мѣщанъ ко расправѣ, яко человекъ купеческій, дабы становился, онъ всегда ослушенъ есть, о чемъ не единожды В. В. П-ву представляли устне и доношеніями, точію онъ единъ имѣя упоръ и непокореніе, яко богатой человекъ, нѣ на что не усматриваетъ и нѣ ю что приказы магистратовіе вмѣняетъ, которіе ему, за силу высокомонаршихъ грамотъ и премоцнѣйшихъ указовъ, посланіе, чтобъ по претенсіямъ мѣщанъ кievскихъ отвѣтствовалъ; да онъ же, не довольствуясь показанною обманною, въ противность всеимп. грамотамъ и указамъ, въ лавки не одной, на обиду крайнюю мѣщанству, торги разніе отправляетъ.

Въ грамотахъ же монаршихъ меновите изображено: для помѣшательства и на обиду вмѣстѣ съ кievскими мѣщанами великороссійскимъ не торговать; но онъ, Смородинъ, не вѣдаетъ въ какову надѣю, кромѣ что богатъ, исполненія не чинилъ и не чинитъ. Умилился Высокопревосходительство Ваше, съ покорностію просимъ, прекращаючи ослушность и самоволіе и явную продерзвость Смородинову, приказать: первое—въ лавкахъ вмѣстѣ съ мѣщанами, какъ всеимп. грамоты и указы повелѣваютъ, не торговать; второе—землями мѣщанскими и прочими угодіями мѣскими въ Преорцѣ по рѣчцѣ Сирцѣ, которыми завладѣлъ, уступить, а надлежащій чи мѣсту, чи мѣщанству окладъ пополнить и крайне въ претенсіяхъ своихъ, буде каковіе на мѣщанахъ имѣются, раздѣлаться безъ отлагательства; третье—лавками, каковыми завладѣлъ, мѣщанамъ привернуть, и гдѣ что отъ мѣщанъ ему доводится доправка по скарги его учинена быть имѣеть“.

Ген.-губернаторъ Леонтьевъ, въ разрѣшеніе этого ходатайства, привазалъ: 1) ежели отст. солдатъ Игнатъ Смородинъ неправильно мѣщанскими лавками и землями и прочими угодьями владѣеть и буде добродѣтельнымъ порядкомъ раздѣлаться не пожелаетъ, то велѣтъ на него, Смородина, по порядку каждому обидимому суда искать и по указной формѣ челобитные подавать, гдѣ онъ Смородинъ судился, а именно въ Кіев. ген.-губ. канцеляріи, гдѣ тѣмъ челобитчикамъ указной судъ даванъ быть имѣеть; 2) буде же онъ С. по какому либо законнымъ крѣпостямъ тѣми лавками и землями и прочими угодьями владѣеть, то надлежитъ тѣмъ кiev. мѣщанамъ оныя лавки и земли и прочія угодья у него С. выкупить; 3) а чтобъ отнынѣ впредь ни въ какія мѣщанскія и магистратскія лавки и земли и прочія угодья отнюдь ни подъ какимъ претекстомъ онъ С. не интересовался,

о томъ ему С. объявить съ подпискою; 4) а для чего онъ С. въ Кіевѣ ниж. городѣ на Подолѣ, въ противность указовъ, въ лавкахъ разными товарами торгуеть и еѣмъ допущенъ и для чего кіев. мѣщане свои лавки для той торговли, вѣдая запретительные о неторгованіи великороссійскимъ людямъ указы, въ наемъ ему С. отдавали, о томъ кіев. магистрату изысканіе учинить; а отъ Кіев. ген.-губ. канцеляріи никогда ему С. такова дозволенія не было; однакожъ дабы онъ С. отнынѣ впредь отнюдь въ Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ ничѣмъ въ лавкахъ, въ противность указовъ, не торговаль, о томъ ему С-ну объявить съ подпискою жъ; 5) а чтобъ оному С. судимому быть въ кіев. магистратѣ, на того учинить невозможно, для того что онъ С. отставной солдатъ и по силѣ указовъ судимъ въ Кіев. ген.-губ. канцеляріи. И о томъ къ кіев. войту Войничу съ магистратомъ послать указъ“.

Согласная съ этимъ приказаніемъ подписка и была взята со Смородина, при чемъ вмѣсто Игната Смородина „по его велѣнію сынъ его Романъ руку приложилъ“.

III.

Просьба кіевского магистрата объ освобожденіи кіевскихъ мѣщанъ отъ назначенія изъ нихъ головъ къ продажѣ казенной соли.

29-го апрѣля 1770 г. кіевскій магистратъ подалъ генераль-губернатору Воейкову такое доношеніе:

„Указомъ Е. И. В. изъ Кіев. губ. канц., сего апрѣля 17 дня въ магистратъ кіевскій присланнымъ, состоявшимъ по указу Прав. сената, съ котораго при предложеніи В. В. П-ва въ оную губ. канц. приложена копія, велѣно отъ кіевского магистрата къ смотрѣнію и къ продажѣ имѣющейся въ вѣдомствѣ оной губ. канц. казенной соли на нынѣшній 1770 годъ въ добавокъ назначеннымъ отъ той Ё. г. в. изъ великороссійскихъ купцовъ головою Новороссійской губерніи Крюковскаго шанца Ивана Слѣпаковкина, въ цѣловальники двоихъ, имѣющихъ свои жилые дома, еще и съ кіевскихъ мѣщанъ одного въ головы и четырехъ человекъ въ цѣловальники опредѣлить и съ надлежащимъ выборомъ и одобреніемъ въ оную губ. канц. прислать. А понеже по высочайшимъ сему магистрату и мѣщанамъ жалов. грамотамъ, каковы и всевысоч. отъ Е. И. В., за собственноручнымъ

Е. В. подписаніемъ, 1764 году ноября въ 5 д. жал. грамотою во всемъ подтверждены, всемил. повелѣно кіев. мѣщанъ ничѣмъ не отягощать и не убыточить и никакихъ съ нихъ кормовъ и поборовъ не имать, понеже оныя кіев. мѣщане за всѣ свои вольныя употребленія платять въ казну ежегодно по шестисотъ рублевъ, а войтъ съ урядовыми управляютъ магистратъ и судъ майдебурской и строятъ нижній городъ Кіевъ; вслѣдствіе чего и по состоявшемуся прошлаго 1733 г. въ Г. Кол. Ин. Д. опредѣленію и по посланной изъ оной же Ин. Кол. къ бывшему малорос. гетману Апостолу, по причинѣ бывшаго отъ его съ здѣшнихъ мѣщанъ наряду на линію работныхъ людей, того жъ 1733 г. февраля 16-го д. грамотѣ велѣно, какъ тотъ съ здѣш. мѣщанъ на линію нарядъ отставить, такъ и впредь ни въ какіе наряды, каковы зъ Малой Россіи будутъ, кіев. мѣщанъ не вклучать, почему здѣш. мѣщане должны ни въ какіе бывшіе зъ Малой Россіи наряды, ровно жъ и къ состоящимъ въ вѣдомствѣ К. г. к. казеннымъ сборамъ и продажамъ никогда и опредѣляемы не были; сверхъ же того въ сей городъ Подоль въ вѣдомство магистрата зъ Глухова привезено для продажи той же казенной соли не меньше, какъ и на К. губ. канц. возможно, къ продажѣ которой сюда привезенной соли отъ магистрата и нарочные изъ здѣш. мѣщанъ три человѣка опредѣлены и нынѣ дѣйствительно въ продажѣ той соли состоятъ; да и какъ оная соль здѣсь продажею весьма медлительно происходитъ, ибо съ начала привоза оной поныпѣ продано только 1197 пуд., то оныхъ мѣщанъ, дабы чрезъ долговременное при той соли бытіе, лихась своихъ купеческихъ промысловъ, къ крайнему разоренію не могли подпасть, другими перемѣнить, а притомъ къ нимъ и еще нѣсколько человѣкъ ко удобнѣйшему той каз. соли продажи присовокупить необходимо слѣдоватиметь; и такъ какъ указомъ Прав. сената препоручено В. В. П-ву сдѣлать распоряженіе, чтобъ къ содержанію и продажѣ въ Кіевѣ каз. соли употреблены были какъ кіев. мѣщане, такъ и жительствующие здѣсь домами разныхъ городовъ великороссійскіе купцы; подъ именемъ же Кіевъ не единъ сей городъ Подоль, но и Печерскъ и верхній городъ содержится, то вслѣдствіе онаго Прав. сената указа отъ стороны сего города въ продажи положенной на сей магистратъ каз. соли здѣш. мѣщане дѣйствительно уже и находятся, напротивъ же того въ тѣхъ обоихъ городахъ должны быть къ продажи состоящей въ вѣдомствѣ оной К. г. к. казенной соли жительствующие тамо

великороссійскіе вупцы и разночинцы, какъ оная соль наиболѣе для довольствія ихъ, да и къ собственной ихъ же пользѣ тамо и учреждена; ибо ежели здѣш. мѣшанамъ и въ продажи той каз. соли быть, то какъ имъ самимъ мѣщанамъ съ крайнимъ будетъ отягощеніемъ, такъ и вышеписаннымъ высоко-монарш. сему городу жал. грамотамъ слѣдоватиметь не безъ нарушенія; якожь здѣш. мѣщане и кромѣ того, по нынѣш. воен. обстоятельствомъ, и такъ довольное и всегдашнее имѣють отягощеніе, ибо, первое, что непрестанный и чрезвычайный содержатъ постоя; второе, для препровожденія денежной казны, такожь разныхъ колодниковъ, плѣнныхъ и конфедератовъ, въ конвой (которой прежнихъ годовъ наряжаемъ и даванъ былъ отъ сотен. кіев. правленія козаками) здѣш. жъ мѣщане и подгородніе жители употребляются; третее, по требованіямъ разныхъ воен. командъ здѣш. жъ мѣщанъ также употребляются въ казенныя работы и исправленія: рыбаки—въ лоцманы, портные и кушнеры почти уже цѣлой годъ въ шитью на обмундированіе рекрутъ мундировъ, а прочіе мастеровые въ разные жъ казенныя исправленія; кои же съ здѣш. мѣщанъ знатнѣйшіе имѣются, тѣ отъ сего магистрата, какъ въ счету давнихъ годовъ онога магистрата книгъ распределены, такъ и въ другія указы и гродскія комиссіи и исправленія непрестанно употребляются, да и впредь къ таковымъ и другимъ случающимся комиссіямъ и исправленіямъ необходимо потребны будутъ; для того о всемъ томъ В. В. П-ву магистратъ кіев. чрезъ сіе представляя покорнѣйше просить, принявъ всѣ вышеписанныя обстоятельства во уваженіе, отъ наряду къ содержанію и продажѣ состоящей въ вѣдомствѣ К. г. кан. каз. соли въ головы и въ цѣловальники здѣш. мѣщанъ увольнить, а на сіе отъ В. В. П-ва сей магистратъ должность имѣеть ожидать резолюціи“.

Подписали: войтъ Григорій Пивоваровъ; бурмистры—Данило Величковскій, Аванасій Александровичъ, Козьма Кулешъ, Іосифъ В. Гудимъ, Іосифъ Ив. Гудимъ, писарь Яковъ Давидовскій и райцы—Іосифъ Козельскій и Герасимъ Кувечинскій.

Генераль-губернаторъ по поводу этой просьбы магистрата входилъ съ представленіемъ въ Прав. сенатъ, какъ это видно изъ (чернового) предложенія его въ К. губ. канц. отъ 25-го мая, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

„А вазъ и подлинно кiev. мѣщанамъ, по нынѣшнему военному времени, во всегдашнихъ отъ нихъ требованіяхъ разныхъ мастеровыхъ людей и обывательскихъ подводъ, а при томъ и въ содержаніи умноженной противъ прежняго почты, не безъ отягощенія состоятъ, въ тому жъ они казенную соль для продажи у себя уже имѣютъ, которая препоручена имъ отъ меня въ прошломъ 1769 году, то ¹⁾, съ прописаніемъ вышечисланнаго, и представлено на разсмотрѣніе Прав. сенату съ тѣмъ, не повелѣно ль будетъ къ продажѣ той казен. соли опредѣлить въ головы и въ цѣловальники изъ купечества великороссійскихъ городовъ“.

IV.

Указъ Прав. сената ген.-губернатору Леонтьеву отъ 23-го апрѣля 1745 г. о великороссійскихъ купцахъ въ Малороссіи.

„Прав. сенату Ген. войск. канцелярія доношеніемъ объявляла: въ той де в. г. в. великороссійскіе купцы, которые въ Малой Россіи никакихъ грунтовъ и угодій собственныхъ не имѣютъ, а живучи таеъ для купеческаго своего промысла, въ собственныхъ и наемныхъ домѣхъ, исправляютъ свое купечество, а въ великороссійскихъ же городахъ всякія подати въ казну и рекрутъ даютъ, просили, чтобъ ихъ ко всякимъ общенароднымъ тамо тягостямъ съ малороссіяны не привлекать, а указовъ де оныя купцы изъ тѣхъ городовъ, гдѣ ихъ жителство, не имѣютъ, и требовала указу—оныхъ купцовъ съ малороссіяны ко всякимъ тамошнимъ податямъ и повинностямъ привлекать ли? тако жъ тѣмъ купцамъ у малороссійскихъ ли старшинъ или великороссійскихъ командировъ вѣдомымъ судомъ и расправою быть? И по указу Е. И. В. Прав. сенатъ *приказами*: великорос. купцовъ, которые въ Мал. Россію пріѣзжаютъ для купеческаго своего промыслу, купя или нанявъ у тамош. малорос. жителей дома для складки въ бываемымъ въ М. Россіи ярмолкамъ товаровъ или для пріуготовленія въ отпускъ въ Россійскимъ портамъ, и ихъ прикащиковъ и работниковъ ни къ какимъ тамошнимъ общенароднымъ тягостямъ и податямъ отнюдь никакъ не привлекать, ибо они, какъ выше объявлено, съ товаровъ своихъ платятъ вездѣ пошлину по уставамъ,—и того ради покуные имъ дворы имѣть и нанимать запрещать и ни къ какимъ тамошнимъ

малороссійскимъ тягостямъ и податямъ принуждать и тѣмъ ихъ отъ распространенія въ М. Россіи купечества, которой народу Малороссійскому не бесполезенъ, тако жъ и отъ индуктнаго платежа отлучать не можно; а которые великорос. купцы въ М. Россіи торгуютъ и живутъ всегда, у тѣхъ спрашивать дозволильныхъ объ ихъ въ М.-Россію для торгового промыслу отъѣздѣ надлежащихъ изъ городовъ указовъ и въ платежѣ подушныхъ по тѣмъ городамъ денегъ и прочихъ поборовъ квитанцій повсягодно, по которымъ съ тѣми мѣстами, изъ которыхъ указы или квитанціи объявлять будутъ, имѣть справки; и ежели о которыхъ покажется какое сумнительство, оныхъ тамо до торговъ не допускать, а высылать для подлинныхъ справокъ въ тѣ города; а въ общенароднымъ малороссійскимъ тягостямъ и поборамъ такожде ихъ не привлекать, понеже они (какъ выше показано) всякіе казенные подати платятъ въ великороссійскихъ городѣхъ; а судомъ и расправою, вромѣ розыскныхъ и убивственныхъ дѣлъ, тѣмъ великорос. купцамъ между собою быть вѣдомымъ въ Кіевѣ въ губ. канц., а въ Глуховѣ и въ полкахъ у великорос. комендантовъ, а гдѣ комендантовъ нѣтъ, то у великороссійскихъ же и малороссійскихъ полковниковъ въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ; а въ розыскныхъ и убивственныхъ дѣлахъ въ министерской и К. губ. канцеляріяхъ; а на малороссійскихъ жителей въ обидахъ, такожъ и малороссіянамъ на нихъ великорос. купцовъ быть челомъ по силѣ рѣшительныхъ и данныхъ гетману Апостолу пунктовъ въ тамошнихъ судахъ, гдѣ надлежитъ, по порядку; и г. генералу и кав. и Кіев. губ. ген.-губернатору Леонтьеву о томъ вѣдать и чинить по сему Е. И. В. указу; а въ М. Россію въ Г. в. в. указъ о томъ изъ сената посланъ“.

Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова.

Жизнь и поэзія Михаила Юрьевича Лермонтова, чествованію памяти котораго посвящается настоящее торжественное засѣданіе Историческаго общества Нестора лѣтописца, привлекли особенное вниманіе русскаго общества со дня полувѣковой годовщины преждевременной смерти поэта, 15 іюля настоящаго года. Выдающейся поминкой по поэту явились многочисленныя и разнообразныя изданія его сочиненій, въ которыхъ помѣщены не только всѣмъ извѣстныя произведенія поэта, но и его наброски и юношескіе опыты. Все это, правда, сдѣлалось извѣстнымъ русской читающей публикѣ еще раньше: журналы давно уже стали знакомить публику съ этими набросками и юношескими произведеніями гениальнаго поэта; давно уже поднятъ былъ вопросъ о болѣе исправномъ изданіи сочиненій Лермонтова, которыя издавались не съ достаточной точностью; давно уже поднятъ былъ болѣе важный вопросъ о научномъ изученіи жизни и литературной дѣятельности поэта. Мы имѣемъ нѣсколько такихъ цѣнныхъ опытовъ изученія жизни и поэзіи Лермонтова; но по самому свойству матеріаловъ—при крайней скудости писемъ, при незначительности и спутанности большинства воспоминаній о Лермонтовѣ,—сочиненія поэта остаются главнымъ источникомъ для изученія его жизни и поэзіи. Литературная дѣятельность Лермонтова была кратковременна; но талантъ его успѣлъ выразиться въ разнообразныхъ произведеніяхъ. Среди этихъ произведеній видное мѣсто занимаютъ историческіе и народно-бытовые сюжеты, на которыхъ я имѣю въ виду остановиться въ настоящемъ чтеніи.

Въ 1837 году, въ одинъ годъ съ извѣстнымъ стихотвореніемъ „На смерть Пушкина“, Лермонтовъ написалъ двѣ замѣчательныя пьесы въ русскомъ народномъ стилѣ: „Бородино“ и „Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“. Ни раньше, ни позднѣе Лермонтовъ не представилъ ничего подобнаго по силѣ творчества, по замѣчательному соответствію съ народными произведеніями, съ народной исторіей. Раннія произведенія Лермонтова въ народномъ стилѣ далеки отъ пьесъ 1837 года; собственныя признанія поэта, на которыхъ мы остановимся дальше, показываютъ, что ни въ дѣтствѣ, ни въ отрочествѣ онъ не слыхалъ сказокъ народныхъ и только около 1830 года высказывалъ желаніе „вдаться въ поэзію народную“. Къ сожалѣнію, біографическія данныя о Лермонтовѣ не даютъ разъясненій,—какимъ путемъ пришелъ поэтъ къ болѣе точному воспроизведенію народныхъ и историческихъ сюжетовъ: путемъ ли непосредственнаго соприкосновенія, знакомства съ народной средой, путемъ ли научнаго изученія народной жязни, поэзіи и исторіи; или путемъ подражанія предшественнымъ и современнымъ поэтамъ, напр. Пушкину.

Оригинальность стихотворенія „Бородино“ и „Пѣсни о царѣ Иванѣ Васильевичѣ“ не позволяютъ остановиться на одномъ послѣднемъ объясненіи. Конечно, блистательный примѣръ Пушкина въ художественномъ воспроизведеніи народно-поэтическихъ сюжетовъ долженъ былъ оказать вліяніе и на Лермонтова; выборъ темъ, независимо отъ Пушкина, могъ обусловливаться и вліяніемъ другихъ русскихъ писателей,—менѣе талантливыхъ. Но еще болѣе значенія въ литературной дѣятельности Лермонтова въ этомъ отношеніи должны были имѣть непосредственныя занятія его русской народной поэзіей, русской исторіей и, быть можетъ, отчасти и собственныя наблюденія надъ народною жизнью.

Какъ ни скудны біографическія данныя о деревенской жизни Лермонтова до 14-лѣтняго возраста въ селѣ Тарханахъ Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда, кое-что однако мы находимъ въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ и отрочествѣ Лермонтова и еще болѣе въ его собственныхъ произведеніяхъ. Изъ нѣкоторыхъ рассказовъ о дѣтствѣ Лермонтова мы узнаемъ, что на святкахъ каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, пѣли пѣсни, плясали, иг-

рали ¹⁾. Слѣдовательно, хотя-бы только на святкахъ Лермонтовъ могъ еще въ дѣтствѣ познакомиться и съ народными пѣснями, и съ народными играми, обрядами. Но онъ могъ слышать пѣсни и сказки и въ другое время, играя съ однолѣтками изъ дворовыхъ мальчиковъ въ воинскія игры, въ разбойниковъ ²⁾. Можетъ быть Лермонтовъ не придавалъ значенія этому непосредственному воспріятію русской народной поэзіи, когда въ 1830 году записалъ: „если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ. Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская — я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“ ³⁾. Вѣроятно, эта замѣтка относится къ тому времени, когда домашній учитель въ подмосковномъ селѣ Середниковѣ, Орловъ, обратилъ вниманіе Лермонтова на болѣе важное значеніе русской народной поэзіи, на ея изученіе въ тогдашней русской литературѣ ⁴⁾. Конечно, такихъ народныхъ былинъ и пѣсенъ, какія были изданы еще въ 1804 и въ 1818 гг., подъ названіемъ „Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ“, Лермонтовъ могъ и не слышать въ дѣтствѣ.

Въ небольшомъ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, которому придаютъ автобиографическое значеніе, юный герой слушалъ „сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными. Въ продолженіе мучительныхъ бессонницъ, онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури“ ⁵⁾. Мы увидимъ дальше, какъ часто пользовался Лермонтовъ т. н. разбойничьими пѣснями.

Не остался безъ вліянія на юнаго Лермонтова и пейзажъ нѣкоторыхъ мѣстностей какъ Пензенской губерніи, такъ и сосѣднихъ

¹⁾ Сочиненія М. Ю. Лермонтова, изд. подъ ред. П. А. Висковатова, 1891 г., т. VI, стр. 18 (всѣ дальнѣйшія ссылки относятся къ этому изданію).

²⁾ Тамъ же, стр. 22—23.

³⁾ Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 114.

⁴⁾ Сочиненія Лермонтова, т. VI, стр. 90.

⁵⁾ Сочиненія Лермонтова, V, стр. 368—369.

губерній. Въ исторической повѣсти 1831—32 г., подъ названіемъ „Горбачъ—Вадимъ“, Лермонтовъ такъ описываетъ Чортово-Логовище: „до сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерній... любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и впоследствии отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе Елизаветы Петровны... Во времена, нами описываемыя, эти пещеры не были еще, какъ теперь, завалены сухими листьями и хворостомъ“. Далѣе описываются болото, луговина, оврагъ и курганы. При этомъ Лермонтовъ замѣчаетъ: „слышится что-то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя *человѣкъ непривыкшій къ степной жизни, воспитанный на бульварахъ*, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ“ 6).

Я уже говорилъ, что раннія произведенія Лермонтова въ народномъ духѣ, особенно до 1830 года, далеки отъ пьесъ 1837 года. Въ стихотвореніи 1829 года „Преступникъ“, написанномъ подъ вліяніемъ „Братьевъ Разбойниковъ“—Пушкина (напечатанныхъ въ 1825 году въ „Полярной Звѣздѣ“ и отдѣльно въ 1827 году), не смотря на то, что выступаетъ „атаманъ честной“, народно-бытоваго элемента нѣтъ, если не считать двухъ—трехъ выраженій: „добрыхъ молодцовъ“, „волюшки“. Между тѣмъ въ 1825 году Пушкинъ, собиравшій въ уединеніи села Михайловскаго народныя пѣсни и сказки, изучавшій со вниманіемъ „Исторію Государства Россійскаго“, напечаталъ уже „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“ (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825 г.); въ 1827 году—пьесу „Женихъ“ (въ Московскомъ Вѣстникѣ); въ 1828 году—„Зимнюю дорогу“ (тамъ же) и извѣстный прологъ въ „Руслану и Людмилѣ“, въ которомъ въ плѣнительныхъ чертахъ представилъ нѣкоторыя стороны русскихъ народныхъ сказокъ; наконецъ въ 1829 году, въ Московскомъ Вѣстникѣ Пушкинъ напечаталъ „Утопленника“, назвавъ его „простонародной пѣсней, простонародной сказкой“. Мы говоримъ о печатныхъ произведеніяхъ Пушкина, которыя могли быть извѣстны и Лермонтову; около этого же времени Пушкинъ достигъ такого совершенства въ обладаніи формой и духомъ „простонарод-

6) Сочиненія Лермонтова, т. V, стр. 71—74.

ныхъ пѣсенъ, сказокъ“, какое выразилось, напр., въ начатой сказкѣ о медвѣдяхъ съ медвѣжатами. А Лермонтовъ и въ 1829 году еще далеко отъ народно-поэтического стили въ своей „Русской Мелодіи“, даже въ этихъ стихахъ:

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный, и свободный!...?).

Какъ видно Лермонтова привлекалъ въ это время не столько Пушкинъ съ своими народно-поэтическими художественными созданіями, сколько Рылѣевъ *) съ извѣстными въ свое время „Думами“. Эти думы не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ народной поэзіи ни по формѣ, ни по содержанію. О направленіи своей поэзіи Рылѣевъ говоритъ въ посланіи къ Бестужеву: „я не поэтъ, а гражданинъ“. Въ 1829 году Лермонтовъ набрасываетъ отрывокъ „Олегъ“ совершенно въ стилѣ „Думъ“ Рылѣева съ такимъ же выраженіемъ общественныхъ и гражданскихъ идеаловъ:

Ахъ! было время, время боевъ⁹⁾,
На милой нашей сторонѣ!
Гдѣ-жъ тѣ года?...
....тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ.

Замышляя въ этомъ „Олегѣ“ — начертать время былыхъ простую повѣсть“, Лермонтовъ не владелъ еще ни формой, ни содержа-

*) Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 36.—Ср. Романсъ“ 1829 г. (тамъ же., стр. 28):

Снѣга и вихрь зимы холодной,
Горячій взоръ московскихъ дѣвъ,
И балалайки звукъ народной.

Последніе стихи этого „Романса“ напоминаютъ извѣстные стихи Пушкина: „А колокольчикъ однозвучный Звенѣлъ, звенѣлъ и пропадалъ“.

9) Сочиненія Лермонтова, т. VI. П. А. Висковатый въ Біографіи поэта нѣсколько разъ упоминаетъ Рылѣева, который находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Столыпинными-родственниками Лермонтова (VI т., 84 стр.); идеи котораго могли имѣть и вліяніе на Лермонтова (стр. 119); послѣдній переделалъ пѣсню Рылѣева (184 стр.).

9) Ср. Сочиненія Рылѣева, 1872 г., стр. 6—9 „Олегъ Вѣщій“:

„Сгорая пылкой жадной боевъ“. Это боевъ—въ рѣчю съ „героевъ“, какъ и у Лермонтова.

ніемъ народно-былевыхъ созданій. Достаточно привести слѣдующее описаніе героевъ:

Они на темносызыхъ тучахъ
 Разнообразною толпой
 Летятъ. Щиты въ рукахъ могучихъ,
 Ихъ тѣшитъ бурь знакомый вой.
 Сплетаясь цѣпію воздушной,
 Они вступаютъ въ грозный бой.
 Я зрѣлъ ихъ смутною душой,
 Я имъ внималъ не равнодушно.
 На мнѣ была тоски печать,
 Бездѣйствіемъ терзалась совѣсть ¹⁰⁾.

Еще рѣзче вліяніе Рылѣева сказывается въ небольшомъ стихотвореніи 1830 года, — „Новгородъ“ ¹¹⁾. Къ этому мотиву Лермонтовъ возвращается еще въ 1832 г. въ стихотвореніи, замѣчательномъ уже по выработкѣ формы:

Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ
 Святая колыбель. Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
 Съ восторгомъ я взиралъ на сумрачныя стѣны,
 Черезъ которыя столѣтій перемѣны
 Безвредно протекли, гдѣ вольности одной
 Служилъ тотъ колоколь на башнѣ вѣчевой,
 Который отзвонилъ ея уничтоженье
 И столько гордыхъ думъ увлекъ въ свое паденье!
 Скажи мнѣ, Новгородъ, ужель ихъ больше нѣтъ ¹²⁾?

Вліяніе Пушкина, но въ той же мѣрѣ, какъ и въ названной выше пьесѣ „Преступникъ“, сказывается у Лермонтова еще въ стихотвореніи 1829 года „Два сокола“ и въ пьесѣ 1830 г. „Гость“. Въ стихотвореніи „Два сокола“ видно вліяніе Пушкинскаго стихотво-

¹⁰⁾ Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 19.

¹¹⁾ Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 132. Въ примѣчаніи указаны намеки на Аракчеева и военныя поселенія.

¹²⁾ Тамъ-же, стр. 236.

нія „Два ворона“¹³⁾, а въ пьесѣ „Гость“ вліяніе „Утопленника“ Пушкина, при чемъ Лермонтовъ пользуется тѣмъ же размѣромъ и даже нѣкоторыми выраженіями. Но народно-бытоваго элемента, который такъ замѣчательно выражается въ „Утопленникѣ“ Пушкина, въ „Гостѣ“ Лермонтова почти нѣтъ, такъ какъ сюжетъ пьесы безцвѣтенъ.

Историческія и народно-бытовыя темы, которыя Лермонтовъ пробовалъ разрабатывать въ раннюю пору своей литературной дѣятельности относятся къ періоду времени отъ 1829 до 1832 года. Это было время жизни Лермонтова въ Москвѣ,—время его пребыванія въ Благородномъ университетскомъ пансіонѣ и въ Московскомъ университетѣ.

Несомнѣнно, что въ этотъ московскій періодъ жизни Лермонтовъ, подъ вліяніемъ профессоровъ, сотоварищей-студентовъ и тогдашней русской литературы, обратилъ особенное вниманіе на изученіе русской исторіи и русской народной поэзіи. Достаточно назвать имена такихъ профессоровъ, какъ Мерзляковъ, писавшій романы и пѣсни въ русскомъ народномъ стилѣ, Снегиревъ, занимавшійся русскими народными пословицами, пѣснями и лубочными картинками, Погодинъ, пробовавшій свои силы не только въ научныхъ изслѣдованіяхъ, но и въ художественномъ воспроизведеніи русской старины, Надеждинъ, извѣстный впоследствии этнографъ, издатель Телескопа, въ которомъ помѣщались статьи по русской народной поэзіи, Каченовскій, въ Вѣстникѣ Европы котораго помѣщались такія же статьи. Быть можетъ на Лермонтова оказывали вліяніе и такіе сотоварищи по университету, какъ Кирѣевскій, Константинъ Аксаковъ, Бѣлинскій, Владиміръ

¹³⁾ Напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1829 г. Бѣлинскій называетъ это стихотвореніе Пушкина передѣлкой баллады Вальтеръ-Скотта; по замѣчанію г. Поливанова (Сочиненія Пушкина, М. 1887 г., т. I, стр. 275), подобной баллады у Вальтеръ-Скотта не оказывается. Однако въ Московскомъ Телеграфѣ 1830 г. (ч. 32, стр. 441) помѣщено стихотвореніе Ротчева, подъ заглавіемъ „Два ворона“—„изъ Шотландскихъ пѣсенъ, собранныхъ В. Скоттомъ“. Стихотвореніе Пушкина представляетъ близкое отношеніе къ этому переводу Ротчева, и самъ Пушкинъ назвалъ свое стихотвореніе „Шотландской пѣсней“. Но мы не могли провѣрить перевода Ротчева. Указаніе Шевьева на отношеніе „Казачьей колыбельной пѣсни“ Лермонтова къ колыбельной пѣсенкѣ В. Скотта: *Lullaby of an infant chief* (См. Москвитянинъ, 1841 г., ч. II, стр. 534) подтверждается изд. Вальтеръ-Скотта: *The complete poetical and dramatic works of S. Walter-Skott. New York, 1885, III, 365—366.*

Пассекъ, и друг. Въ драмѣ Лермонтова 1831 г. „Странный человѣкъ“ находимъ разсужденія студентовъ на тему — „когда-то русскіе будутъ русскими?“¹⁴⁾ Если Лермонтовъ прислушивался къ подобнымъ разсужденіямъ студентовъ, среди которыхъ были будущіе изслѣдователи по русской исторіи, по этнографіи, по народной поэзіи, представители славянофильства и западничества, то, быть можетъ, Москвѣ и Московскому университету Лермонтовъ по преимуществу былъ обязанъ болѣе серьезнымъ знакомствомъ съ русской народной поэзіей, съ русской исторіей. Еще болѣе вліянія на литературную дѣятельность Лермонтова въ эту раннюю пору надо признать за русской журналистикой тогдашняго времени. Изучая произведенія Лермонтова въ связи съ русской жизнью и съ русской литературой, невольно наталкиваешься на выборъ имъ темъ и сюжетовъ, если уже не говорить о подражаніи, изъ русской журналистики, хотя позднѣе поэтъ и дѣлаетъ извѣстный отзывъ о русскихъ журналахъ своего времени:

Стихи—такая пустота:
Слова безъ смысла, чувства нѣту...
Возьмешь ли прозу?—переводъ,
А если вамъ и попадутся
Разказы на родимый ладъ,—
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранять.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?¹⁵⁾

Но связь этихъ незамѣтныхъ, слабыхъ произведеній текущей журналистики съ произведеніями выдающихся талантовъ извѣстнаго времени несомнѣнна. Эту связь можно отмѣтить и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, Гоголя, и друг.¹⁶⁾ Для изслѣдователя ли-

¹⁴⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 4, стр. 203.

¹⁵⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 290.

¹⁶⁾ Припомянемъ извѣстное отношеніе „Полтавы“ Пушкина къ поэмѣ Рылѣва „Войнаровскій“. См. Сочиненія Пушкина, изд. Полюванова, т. 2, стр. 149, и далѣе. Укажемъ интересное отношеніе типа Плюшкина—Гоголя къ типу купца Груздева—„величайшаго скраги“ въ романѣ (изъ Иркутскихъ преданій) И. Калашникова: „Дочь купца Жолобова“, 1831 г. Цитуемъ этотъ романъ по 3 изд., 1842 г., ч. I, стр. 44, 45, 46;—53—56. Ср. описаніе безпорядка въ горницѣ Груздева съ описаніемъ комнаты Плюшкина и разговоръ его съ Маврой съ разговоромъ купца Груздева съ Лукерьей Савишной. Современемъ, быть можетъ, такихъ отношеній „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя къ русскимъ повѣстямъ изъ провинціальной жизни—откроемся и болѣе.

тературы въ этомъ отношеніи открывается интересное взаимодействіе литературныхъ силъ, преемственность въ разработкѣ извѣстныхъ темъ въ кругу собственной литературы, помимо широкаго и болѣе важнаго въ другихъ отношеніяхъ вліянія иноземныхъ литературъ. Выдающимся примѣромъ такого вліянія на произведенія Лермонтова можетъ служить повѣсть Шидловскаго, подъ названіемъ „Пригожая Казначейша“ (сцены уѣзднаго города), помѣщенная въ Библіотекѣ для Чтенія 1835 г. (т. IX; стр. 127—147; цензурная помѣта 27 февраля), имѣющая непосредственное отношеніе къ поэмѣ Лермонтова 1836 г. „Казначейша“¹⁷⁾. Въ юношескихъ произведеніяхъ Лермонтова эта связь съ сюжетами, встрѣчающимися въ русской журналистикѣ, еще замѣтнѣе. Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1830 г. мы находимъ статью „Панорама Москвы“ (съ историческими воспоминаніями); въ „Телескопѣ“ 1831 г. стихотвореніе Трилувнаго „Московскій Кремль“; отрывокъ изъ сказанія о Мстиславѣ—Вельмана¹⁸⁾ и подобныя же произведенія и наброски находимъ и у Лермонтова¹⁹⁾. Въ русскихъ журналахъ двадцатыхъ и первой половины тридцатыхъ годовъ нерѣдко встрѣчаемъ переложенія народныхъ пѣсень, богатырскихъ сказокъ, историческія повѣсти²⁰⁾, не говоря уже объ из-

¹⁷⁾ Герой романа—арміи отставной поручикъ, прибытіе котораго въ уѣздный городъ сдѣлало эпоху (стр. 136), долго ухаживаетъ за скромной на видъ казначейшей, пока наконецъ похищаетъ ее отъ „неудалаго и скупаго“ мужа (130 стр.). Сходство замѣчается и въ частности: „Онъ о погодѣ говоритъ. Она—„да-съ“, „нѣтъ-съ“ и замолчить“; ср. въ повѣсти, стр. 137—138. Кромѣ того, въ поэмѣ Лермонтова отражается вліяніе „Евгенія Онегина“ Пушкина, преимущественно со стороны вишней формы. Ср. Современникъ, т. LIX, отд. III, стр. 16. Здѣсь указано отношеніе „Послѣдняго Новоселья“ Лермонтова къ одной изъ статей Московскаго Наблюдателя. „Лермонтовъ буквально переложилъ слова (журнала) въ стихи“.

¹⁸⁾ Князь Мстиславъ является у Вельмана еще въ романѣ „Кошій Безсмертій“. Отрывокъ изъ сказаній о Мстиславѣ помѣщенъ въ Моск. Телегр. 1831 г., № 21.

¹⁹⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 5, стр. 435 „Панорама Москвы“ 1833 г.; т. 1, стр. 194 и т. 2, стр. 177—178 (Кремль); т. 4, стр. 2—7 (Мстиславъ Черный).

²⁰⁾ См. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1891 г., № 2, отд. 2, стр. 420—421. Въ „Другѣ Просвѣщенія“ 1804 г., ч. 3. „Добрыня“ Львова—поэма близкая по своему стику къ „Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ“ Лермонтова. „Сынъ Отечества“ 1831 г. отрывокъ изъ поэмы „Мечиславъ и Рослава“; 1833 г. отрывки изъ романа „Князь Курбскій“; 1836 г. Н. Прокоповича стихотв. изъ Кириши Данилова о „Садкѣ“. „Московскій Наблюдатель“ 1835 г. Н. Полеваго „Пиръ Святослава“—подражаніе Слову о Полкѣ Игоревѣ; 1836 г.

вѣстныхъ выдающихся произведеніяхъ въ народномъ стилѣ Пушкина, Жуковскаго, Кольцова, Даля, и др. Въ Московскомъ Телеграфѣ Н. Полеваго еще въ 1830 году указывалось на распространенность въ русской литературѣ переложений русскихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ:

Вѣдь мы народность оживляемъ!...
 Болтать, пѣть пѣсни заставляемъ;
 Потомъ на новый ладъ вкроемъ
 Бывалой старины забавы ²¹⁾.

Въ этой пародіи, относящейся, вѣроятно, къ подражателямъ Пушкина, напечатаны и „старыя русскія пѣсни“, между прочимъ прекрасная пѣсня „Не шуми мати зеленая дубровушка“. Въ переложении этой пѣсни какъ будто уже указывается матеріалъ для картины суда и казни надъ буйнымъ молодцемъ при Іоаннѣ Грозномъ. Замѣчательно, что вмѣсто пѣсенной висѣлицы царь присуждаетъ молодцу—„для головы—топоръ готовый“—подробность пѣсни Лермонтова о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Въ Московскомъ Телеграфѣ 1831 года ²²⁾ находимъ народную колыбельную пѣсню подобную той, ко-

8 и 9 части: отрывки изъ сказаній объ Ольгѣ,—княгини З. А. Волконской. Приведемъ для образца изъ этихъ отрывковъ хотя слѣдующее подражаніе народной пѣсни:

Изъ за холма, холма темно-сѣннаго
 Не орелъ съ орлятами выпархивалъ..

8 ч., стр. 295; у нея же (9 ч., стр. 329)—надгробная пѣсня Славянскаго гуслара. Кстати, отмѣтимъ романы и повѣсти, посвященные эпохѣ Іоанна Грознаго, которую Лермонтовъ затрагиваетъ въ „Бояринѣ Оршѣ“ и въ „Пѣснѣ о Калашниковѣ“: 1831 г. Гарольдъ и Елизавета или вѣкъ Іоанна Грознаго, историч. романъ Эртеля 2 ч. Спб. 1833 г. Малюта Скуратовъ или 13 лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго, историч. романъ XVI в. 2 ч. М.; 1834 г. Ермакъ или покореніе Сибири П. Свиньина, 4 ч., Спб.; Япанча татарскій наѣздникъ, или завоеваніе Казани Царемъ Іоанномъ Грознымъ—Москвичина М.; Шигони, русская повѣсть XVI в.; Повѣсти изъ русск. народныхъ преданій М. Н. Макарова стр. 108 „Филиппъ Щетининъ и Мадлена Тарновская“. Припомнимъ драму Хомякова 1826 г. „Ермакъ“. Надеждинъ въ „Телескопѣ“ 1836 г. (ч. XXXI) говоритъ о вѣкѣ Іоанна Грознаго: „Вѣкъ царя Грознаго—золотое утро русской народной словесности... драгоцѣннѣйшіе перлы истинной русской поэзіи. Этотъ вѣкъ завѣщалъ намъ столько прекрасныхъ пѣсенъ, воспѣвающихъ паденіе Казани и Астрахани... шепчущихъ про ужасы опричнины... Грозный главный герой и единственный двигатель въ дивной позмѣ своего царствованія“.

²¹⁾ Новый Живописецъ общества и литературы 1830 г., стр. 137.

²²⁾ Московскій Телеграфъ 1831 г., часть 87, стр. 542—544.

тору Лермонтовъ помѣстилъ въ своей поэмѣ „Мстиславъ“. Полевой указываетъ на эту пѣсню: „вотъ истинная поэзія неподдѣльная оригинальность Русскаго ума“. Эти пѣсни были извѣстны въ печати уже съ конца XVIII ст. въ изданіяхъ Чулкова, Новикова, Дмитріева, Попова, Якубовича, Калайдовича и др. Быть можетъ, изъ этихъ изданій Лермонтовъ и заимствовалъ народную пѣсню о „Татарскомъ полонѣ“, которую вставилъ въ сюжетъ драмы о Мстиславѣ Черномъ²³⁾. Пѣсню эту нельзя считать переложеніемъ Лермонтова, такъ какъ и въ 1831 году, перелагая народную пѣсню о Стенькѣ Разинѣ, утопившемъ въ Волгѣ свою любимую красавицу, Лермонтовъ далекъ еще отъ вполне вѣрнаго воспроизведенія народной поэзіи, народнаго быта. Отмѣтимъ хотя слѣдующія мѣста:

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости же!.. лекарство то мечь!...
И заплачу ль, какъ плачешь
Любовникъ другой?..
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?...
Отнынѣ онъ чистой водой
Бойтся ужъ руки умытъ²⁴⁾.

Также слабо воспроизводитъ народные мотивы и „Русская пѣсня“ Лермонтова 1831 года²⁵⁾.

Извѣстно, что въ произведеніяхъ Лермонтова много повтореній однихъ и тѣхъ же мотивовъ, однихъ и тѣхъ же типовъ и въ по-

²³⁾ Сочиненія Лермонтова, т. IV, стр. 5. Мы не имѣли возможности проверить пѣсню Лермонтова по рѣдкимъ въ настоящее время изданіямъ Чулкова, Новикова и др. Въ извѣстномъ изданіи „Пѣсенъ, собран. П. В. Кирѣевскимъ“ въ VII выпускѣ приводятся 14 вариантовъ пѣсни о „Татарскомъ полонѣ“; но изъ нихъ только одинъ вариантъ, записанный г-жей Кохановской въ Харьковской губерніи, до нѣкоторой степени совпадаетъ съ пѣсней Лермонтова. Если тождественной пѣсни не находится въ сборникахъ, издав. съ конца XVIII ст., то остается предположить, что Лермонтовъ могъ самъ записать эту пѣсню отъ дворовыхъ людей своей бабушки, изъ Пензенской губ.

²⁴⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 162—165.

²⁵⁾ Тамъ же, стр. 212. Подобныя „русскія пѣсни“ Лермонтовъ называетъ въ это время и „романсами“ (ср. тамъ же, стр. 219).

эмахъ, и въ лирическихъ произведеніяхъ ²⁶⁾. „Бородино“ 1837 года извѣстно уже въ первоначальномъ видѣ въ 1830 году; „Казачьей колыбельной пѣснѣ“ 1840 года предшествуютъ: „Баллада“ 1830 года и упомянутая народная колыбельная пѣсня. Какъ ни одиноко стоитъ „Пѣсня“ о купцѣ Калашниковѣ среди произведеній Лермонтова, какъ ни мало мы знаемъ о ея происхожденіи ²⁷⁾, о ея первоначальныхъ наброскахъ,—тѣмъ не менѣе можно найти кое-что въ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова и для исторіи этой „Пѣсни“. Какъ увидимъ дальше, „Пѣсня“ о Калашниковѣ имѣетъ непосредственное отношеніе въ деталяхъ къ т. н. разбойничьимъ пѣснямъ. Припомнимъ еще, что вся „Пѣсня“ излагается отъ лица пѣвцовъ-гусельщиковъ, что однимъ изъ главныхъ героевъ является удалой боецъ Калашниковъ, надъ могилой котораго насыпали бугоръ и поставили кленовый крестъ; „пройдетъ старъ человекъ—перекрестится... пройдутъ гуляры—споютъ пѣсенку“. Эти образы пѣвцовъ, бойца и его могилы, грустные мотивы разбойничьихъ пѣсенъ встрѣчаются у Лермонтова уже въ раннихъ произведеніяхъ, начиная съ 1830 года. Въ „Пѣснѣ Барда“ 1830 года представляется сѣдой пѣвецъ съ гусями за спиной ²⁸⁾. Народный пѣвецъ является и въ упомянутой „Русской мелодіи“ 1829 года. Пѣвецъ же родной страны упоминается въ „Могилѣ бойца“ ²⁹⁾. Сюжетъ драмы „Мстиславъ Черный“ заканчивается, подобно „Пѣснѣ“ о Калашниковѣ, смертью бойца, который „умирая проситъ, чтобы надъ нимъ поставили крестъ и чтобы рассказали его дѣла какому-нибудь пѣвцу, чтобы этой пѣснью возбудить жаръ любви къ

²⁶⁾ Ср. Измаиль-Бей, Хаджи-Абрекъ, Мцхри, Болринъ Орша. См. прекрасную статью А. Д. Галахова въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858 г., т. XVI.

²⁷⁾ Сочиненія Лермонтова, изд. Гербекъ, 1891 г., т. II, стр. 408—409. Редакторъ изданія сообщаетъ: „покойный Краевскій рассказывалъ намъ, что на его письмо относительно блестящаго успѣха „Пѣсни“ Лермонтовъ отвѣчалъ, что хотя ея восторгаются, а не знаютъ, что онъ набросалъ ее отъ скуки, чтобъ развлечься во время болѣзни, не позволявшей ему выходить изъ комнаты“. Биографъ Лермонтова высказываетъ предположеніе, что поэтъ—задумалъ „Пѣсню“ уже въ 1836 г. Сочиненія Лермонтова, изд. П. А. Висковатова, т. VI, стр. 225. Дѣйствительно, можно предполагать о такомъ болѣе раннемъ происхожденіи „Пѣсни“ и вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣрять свидѣтельству самого поэта, который не отличался откровенностью въ отзывахъ о своихъ произведеніяхъ.

²⁸⁾ Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 122.

²⁹⁾ Тамъ же, стр. 131.

родинѣ въ душѣ потомковъ“³⁰⁾. Въ „Балладѣ“ 1830 года славянка юная поетъ надъ колыбелью сына:

Отецъ твой сталъ за честь и Бога
Въ ряду бойцовъ противъ Татаръ.

Боецъ Лермонтова одушевленъ местию или къ врагамъ родины, какъ Мстиславъ, или къ личнымъ врагамъ, какъ Арсепій въ „Литвинѣ“, или бояринъ Орша въ поэмѣ того же названія. Этотъ образъ бойца былъ особенно близокъ душѣ Лермонтова, мечтавшаго съ раннихъ лѣтъ о геройскихъ подвигахъ, о сильныхъ энергическихъ натурахъ. Въ стихотвореніи „Желаніе“ 1831 года поэтъ называетъ себя „последнимъ потомкомъ отважныхъ бойцовъ“, вспоминая происхожденіе своихъ предковъ изъ Шотландіи³¹⁾. Точно также много субъективнаго и въ представленіи кровавой могилы, кургана, которыхъ Лермонтовъ ожидаетъ для себя въ стихотвореніи 1831 года, 11 іюля,—стихотвореніи замѣчательномъ уже по внѣшней отдѣлкѣ. Въ „Завѣщаніи“ 1830 года—въ прозѣ, а въ „Завѣщаніи“ 1831 г. въ стихахъ Лермонтовъ говоритъ:

Могилѣ той не откажи
Ни въ чемъ, послѣдуя закону:
Поставь надъ нею крестъ изъ клену,
И дикій камень положи...
Мой крестъ пришельца привлечетъ³²⁾.

Мотивы т. н. разбойничьихъ пѣсенъ передаются у Лермонтова въ упомянутомъ стихотвореніи „Атаманъ“ и въ стихотвореніи „Воля“ 1831 года; последнее стихотвореніе Лермонтовъ помѣстилъ въ исторической повѣсти „Горбачъ-Вадимъ“. Мы уже упоминали объ этой юношеской повѣсти поэта, въ которой могли отразиться впечатлѣнія, навѣяныя деревенской жизнью Лермонтова въ Пензенской губерніи; здѣсь же, вѣроятно, поэтъ слышалъ рассказы о пугачевщинѣ, которыми воспользовался въ „Горбачѣ-Вадимѣ“. Повѣсть осталась недоконченной, и впоследствии Лермонтовъ не возвращался къ этому сюжету, который былъ замѣчательно разработанъ въ „Капитанской

³⁰⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 4, стр. 6—7.

³¹⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 179.

³²⁾ Тамъ же, стр. 182.

дочкѣ" Пушкина. Герой повѣсти Лермонтова Горбачъ-Вадимъ также мало связанъ историческими чертами съ эпохой пугачевщины, какъ Арсеній въ поэмѣ „Бояринъ Орша“ съ эпохой Іоанна Грознаго. Выбирая сюжетъ изъ эпохи XVIII в., Лермонтовъ объясняетъ въ повѣсти и руководящую мысль: въ XVIII в. „каждая жизнь была романъ; теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ“³³⁾. Это объясняетъ намъ стремленіе Лермонтова къ изображенію героевъ изъ жизни древней Руси и эпохи 1812 года.

Еще въ сказкѣ „Незабудка“ 1830 года Лермонтовъ высказываетъ ту же мысль, которая выражена въ начальномъ и въ заключительномъ куплетахъ „Бородино“:

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни³⁴⁾.

Обращаясь къ этимъ людямъ старой Руси, къ героямъ-богатырямъ, Лермонтовъ сначала пытается избрать сюжеты изъ древнѣйшихъ преданій о богатыряхъ изъ временъ князя Владимира, о борцахъ противъ Татаръ; но пѣсенные мотивы и историческія преданія плохо выжуются у него съ представленіями излюбленныхъ героевъ въ романтическомъ духѣ. Между тѣмъ въ періодъ московской жизни мечты Лермонтова останавливаются на московскихъ преданіяхъ. Поэта воодушевляютъ московскій Кремль, поле Бородина, Воскресенская пустынь³⁵⁾. Поэтъ восхищается Кремлемъ „въ часъ утра золотой“, когда, „какъ царь, бѣлѣетъ башня великанъ“³⁶⁾. Въ поэмѣ „Сашка“ Лермонтовъ обращается къ „зубчатому, безматежному Кремлю“:

Ты живъ, и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой.

³³⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 5, стр. 38.

³⁴⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 85.

³⁵⁾ Тамъ же, стр. 194, 154 и 102. „Воскресенская пустынь“ жилище патриарха Никона воодушевляетъ Лермонтова своимъ напоминаніемъ о прошломъ, своей рѣчью „о таинствахъ гробовъ“.

³⁶⁾ Тамъ же, стр. 194.

Въ этомъ же обращеніи къ Кремлю находятъ себѣ объясненіе прекрасное стихотвореніе 1832 года „Два великана“:

Въ шапкѣ золота лилаго
 Старый русскій великанъ
 Поджидалъ къ себѣ другаго
 Изъ далекихъ чуждыхъ странъ...
 И помѣяться главами
 Захотѣлось имъ хоть разъ.
 И пришелъ съ грозой военной
 Трехнедѣльный удалецъ,
 И рукою дерзновенной
 Хватъ за вражескій вѣнецъ.
 Но улыбкой роковою
 Русскій витязь отвѣчалъ,
 Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою,
 Ахнулъ дерзвѣй и упалъ...

Только при сопоставленіи съ обращеніемъ поэта въ поэмѣ къ Кремлю становится понятнымъ, — кто этотъ „старый русскій великанъ, въ шапкѣ золота лилаго“:

И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный,
 Напрасно думалъ чуждый властелинъ
 Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
 Помѣяться главою—и обманомъ
 Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
 Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ!

Въ 1835 году Лермонтовъ обращается уже къ эпохѣ Іоанна Грознаго въ поэмѣ „Бояринъ Орша“:

Во время оно жилъ да былъ
 Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
 Прозваньемъ Орша.—Важный санъ
 Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ...
 Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
 Соболю шубу съ плечъ своихъ;
 Въ день Воскресенія Христа
 Поцѣловалъ его въ уста...

Но Орша правомъ былъ угрюмъ:
 Онъ не любилъ придворный шумъ..
 И разъ, опричнымъ огорченъ,
 Такъ Иоанну молвилъ онъ:
 „Надѣжа-царь! пусти меня
 „На родину.... Мой старый домъ
 „На берегу Днѣпра крутомъ,
 „Близъ рубежа Литвы чужой,
 „Обросъ могильною травой“.

Не смотря на незначительность историческаго и народно-бытоваго элемента въ этой поэмѣ, изъ которой Лермонтовъ могъ перенести многія мѣста въ поэмы о кавказскихъ герояхъ—горцахъ, сюжетъ „Боарина Орши“ напоминаетъ пѣсни о князѣ Волконскомъ и Ключникѣ, или пѣсни о молодцѣ, жившемъ у короля въ службѣ²⁸⁾. Поэтъ могъ слышать или читать эти народныя преданія въ формѣ пѣсень или сказокъ. Подобную сказку Лермонтовъ излагаетъ и въ поэмѣ—о царской дочери и о молодомъ воякѣ.

„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, появившаяся въ печати въ началѣ 1838 г., выдѣляется изъ всѣхъ произведеній Лермонтова замѣчательнымъ воспроизведеніемъ русской народной поэзіи и русскаго быта XVI в. Сюжетъ „Пѣсни“ нельзя назвать строго историческимъ. Въ исторіи времени Иоанна Грознаго—единственнаго историческаго лица въ поэмѣ Лермонтова—мы не находимъ ни опричника—Кирибѣевича изъ семьи Малютиной, ни купца Калашникова. „Пѣсня“ не связана также и съ тѣми историческими событіями эпохи Иоанна Грознаго, которыя воспѣваются народными пѣснями, какъ взятіе Казани, покореніе Сибири, или даже какъ женитьба царя и отношенія его къ сыну. Сюжетъ „Пѣсни“ представляетъ вымышленную быль, повѣсть, нарисованную на фонѣ эпохи Иоанна Грознаго.

Существуетъ преданіе, что Лермонтова натолкнуло на мысль написать эту „Пѣсню“ дѣйствительное событіе, происшедшее въ

²⁸⁾ Пѣсни, собран. П. В. Кирѣевскимъ, 1863 г., вып. 5, стр. 128—182. Пѣсни записаны: А. С. Пушкинымъ (стр. 138); 1831 г. (стр. 157); изъ Новиковскаго сборника 1780 г. (стр. 177, 182).

Москвѣ во время пребыванія поэта въ университетѣ. Въ гостинномъ дворѣ, въ Москвѣ торговалъ молодой дѣльный купецъ, жившій въ Замоскворѣчьи по старинному. Красивая жена его никуда не выходила, кромѣ церкви и родныхъ, и то—въ сопровожденіи старухи няньки. Лихой гусаръ, тщетно добивавшійся знакомства съ молодой красавицей-купчихой, похитилъ ее съ улицы въ то время, какъ она возвращалась отъ всенощной. Мужъ отомстилъ за поруганіе семьи и за тѣмъ арестованный наложилъ на себя руки³⁹⁾. Нельзя однако приписывать одному этому преданію рѣшающее значеніе въ вопросѣ о выборѣ сюжета „Пѣсни“. Въ Исторіи Карамзина, въ IX т. находимъ упоминаніе изъ эпохи Іоанна Грознаго о чиновникѣ Мясоѣдѣ-Висломѣ, который имѣлъ прелестную жену: ее взяли, обезчестили, а мужу отрубили голову⁴⁰⁾. Несомнѣнно, что Лермонтовъ пользовался Исторіей Карамзина для своей „Пѣсни о Калашниковѣ“. Карамзинъ не разъ упоминаетъ о пирѣхъ Іоанна Грознаго, объ опричникахъ и отношеніи ихъ къ купцамъ, о наградахъ царя борцамъ на потѣшныхъ травляхъ, на которыя царь выѣзжалъ съ опричниками⁴¹⁾. „Іоаннъ любилъ роскошь, говорятъ Карамзинъ, блестяція собранія, обѣды, за коими въ теченіе пяти, шести часовъ пресыщалось 600 или 700 гостей, не только изобильными, но и дорогими яствами, плодами и винами жаркихъ, отдаленныхъ климатовъ“⁴²⁾. Только у Карамзина а не въ народныхъ пѣсняхъ, Іоаннъ сидитъ за „трапезой“⁴³⁾, какъ у Лермонтова:

То за трапезой сидитъ во златомъ вѣпцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Но въ изображеніи Ивана Васильевича Лермонтовъ слѣдовалъ не Карамзину, а русскимъ народнымъ пѣснямъ. Изъ такихъ пѣсенъ— о взятіи Казанскаго царства, о томъ, какъ Никитѣ Романовичу дано село Преображенское, о Матрюкѣ Темрюковичѣ (всѣ эти пѣсни

³⁹⁾ Историческій Вѣстникъ, 1884 г., сентябрь, стр. 593—595; „Изъ записной книжки“ П. К. Мартьянова. Ср. Сочиненія Лермонтова, т. VI, стр. 225.

⁴⁰⁾ Исторія Государства Россійскаго, Н. М. Карамзина, изд. Эйнерлинга, 1843 г., т. IX, стр. 96.

⁴¹⁾ Тамъ же, стр. 50, 51, 97.

⁴²⁾ Тамъ же, стр. 278.

⁴³⁾ Тамъ же, стр. 9, 51, 98.

находятся въ сборникѣ Кирши Данилова, изд. 1804 и 1818 гг.)— ближе всего подходит къ „Пѣснѣ“ Лермонтова пѣсня о Матрюкѣ Темрюковичѣ, — шуринѣ царскомъ, котораго побороли московскіе борцы.

Но прежде всего мы остановимся на народной пѣснѣ, записанной Кохановской въ Курской губ. и представляющей замѣчательное совпаденіе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ „Пѣсней“ Лермонтова. Эту пѣсню Кохановской можно причислить—съ одной стороны, къ историческимъ пѣснямъ, относящимся ко времени Іоанна Грознаго; съ другой стороны, къ пѣснямъ т. н. разбойничьяго цикла. Последнія представляютъ намъ молодца—разбойничка, связывая его по преимуществу съ эпохой Грознаго царя, въ слѣдующихъ положеніяхъ. Молодецъ или самъ предчувствуетъ, что его поймутъ и казнятъ, или это предчувствіе высказывается дѣвицей, видѣвшей „нехорошъ сонъ“. Далѣе, однѣ пѣсни представляютъ пойманнаго молодца на правожѣ, отъ котораго освобождаетъ его Грозный царь; другія пѣсни описываютъ казнь молодца съ различными подробностями. Но существенною частью пѣсенъ являются спросы царя и отвѣты молодца, при чемъ царь, какъ и у Лермонтова, хвалитъ молодца за умѣлый отвѣтъ и съ ироніей жалуется его казнью; иногда присоединяется и милость царя роднымъ молодца—торговать безданно, безпошлинно. Казненнаго молодца, по его желанію, хоронятъ промежъ трехъ дорогъ, ставятъ надъ могилою крестъ, и прохожіе люди останавливаются передъ этой могилой и крестомъ ⁴⁴).

Пѣсня, записанная Кохановской, начинается отрывочнымъ обращеніемъ къ плачущей дѣвицѣ по миломъ другѣ и утѣшеніемъ, что царь молодца пожалуетъ. Затѣмъ слѣдуетъ замѣчательное указаніе, что молодецъ убилъ царскаго опричника:

Повели младца въ каменну Москву,
 Ко Грозну Царю.
 Какъ и сталъ Царь младца спрашивать:
 „Ты скажи, скажи, вдалый молодецъ,
 „Ты за что вбилъ мово подручника,
 „Молодаго мово опричника?“

⁴⁴) Сказанія Русскаго Народа, Сахарова, 1841 г., т. I, стр. 225 и далѣе.

—Я скажу тебѣ, православный Царь,
 —Я за что убилъ зла Татарченка,
 —Молодаго твоео опричника:
 —Я убилъ его за дурны дѣла ..⁴⁵⁾.

Далѣе пѣсня не имѣетъ отношенія къ Лермонтовской „Пѣснѣ“ о Калашниковѣ: царь хвалитъ молодца за отвѣтъ; но на этомъ пѣсня и обрывается.

Мы не знаемъ, извѣстна ли была Лермонтову подобная пѣсня о молодцѣ и опричникѣ; но несомнѣнно, что Лермонтовъ зналъ пѣсню о Матрюкѣ Темрюковичѣ, которая находится въ сборникѣ Кирши Данилова. Содержаніе пѣсни о Матрюкѣ слѣдующее. Царь Иванъ Васильевичъ женится въ Золотой Ордѣ на Марьѣ Темрюковнѣ. Въ царскомъ поѣздѣ ѣдутъ князья—бояре, могучіе богатыри и любимый шуринъ, Матрюкъ Темрюковичъ, молодой червашенинъ. По приѣздѣ въ Москву царь повелѣ пиръ на-веселѣ въ палатахъ бѣлокаменныхъ. Всѣ князи, бояра, могучіе богатыри пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются... а одинъ не пьетъ, да не ѣстъ царской гость дорогой Матрюкъ. Никита Романовичъ объ этомъ царю доложилъ: „А и гой еси, Царь Государь, Царь Иванъ Васильевичъ... Матрюкъ у себя на умѣ держитъ, вѣра поборотися есть“. Царь посылаетъ Никиту Романовича за борцами, которые и отыскиваются въ лицѣ двухъ братцевъ—родимыхъ.

Матрюкъ хвастаетъ: „на ладонь ихъ посажу, другой рубою раздавлю“. Но борцы осилили Матрюка въ то время, какъ царь смотрѣлъ: „что кому будетъ Божья помощь“. За Матрюка вступается сестра, Марья Темрюковна, обращаясь къ царю: „такова у тебя честь добра до любимаго шурина, а дѣтина наругается, что дѣтина деревенской“; но царь доволенъ борцами ⁴⁶⁾.

Эта пѣсня о Матрюкѣ извѣстна въ многочисленныхъ вариантахъ, изъ которыхъ приведемъ слѣдующія мѣста, соотвѣтствующія „Пѣснѣ“ Лермонтова. У царя почетной пиръ; всѣ на пиру пьютъ—ѣдятъ, одинъ гость не пьетъ—не ѣстъ. Царь обращается къ гостю:

⁴⁵⁾ Пѣсни, собран. П. В. Кирѣевскимъ, 1864 г., вып. 6, стр. 201.

⁴⁶⁾ Древнія Россійскія Стихогворенія, собранія Киршею Даниловымъ, изд. 3 (1878 г.), стр. 25—29.

„ужь ты гой еси, мой любимый гость... не зло ли ты думаешь, не лихо ли селадываешь?“ Царю докладываютъ, что Машрюкъ хочетъ поборотся. Но въ Москвѣ борцовъ не случилось. На вличъ выходятъ два брата родимые, по нѣкоторымъ пѣснямъ—два валашничка, или два брата, дѣти-то Кулашниковы (эти прозвища бойцовъ напоминаютъ и прозвище героя Лермонтова,—Калашникова). Замѣчательно и слѣдующее обращеніе „удальца—бойца“ къ сопротивнику:

Ой ты гой еси, крестьянскій сынъ!
Выходи скорѣй на борьбу со мной,
На борьбу со мной послѣднюю,
Что послѣднюю, драку смертную! ⁴⁷⁾

Въ одной изъ пѣсенъ о Кострюкѣ встрѣчаемъ еще одну подробность, не лишнюю интереса для объясненія „Пѣсни“ Лермонтова. Царь жалуетъ борцовъ:

И дамъ я вамъ пофальной листъ,
Ѣздить по инымъ городамъ и ярмонкамъ
Торговать всё товарами разныма,
Безъ дани, безъ пошлины,
Безъ государевой подати ⁴⁸⁾.

Кромѣ пѣсни о Машрюкѣ изъ сборника Кириши Данилова Лермонтовъ могъ почерпнуть много отдѣльныхъ выраженій ⁴⁹⁾. Въ сборникѣ же Кириши Данилова находятся припѣвки, соответствующія припѣвкамъ гусельщиковъ въ „Пѣснѣ“ Лермонтова. Пѣсня о Михаилѣ Скопнѣ заканчивается слѣдующей припѣвкой:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,

⁴⁷⁾ Пѣсни, собр. Киришевскимъ, 1864 г., вып. 6, стр. 102—186. Ср. особенно, стр. 182—186. Пѣсни записаны 1833 г. (стр. 109).

⁴⁸⁾ Онежскія былинны, записан. А. Ф. Гильфердингомъ, 1873 г., стр. 1332.

⁴⁹⁾ Древняя Росс. Стихотв., изд. 3, стр. 26 (А я гой еси Царь Иванъ Васильевичъ); 88 (Она по двору идетъ, будто уточка плаваетъ... Нарочны борцы удалы молодцы); 229 (упадала звѣзда поднебесная); 27 (свадебкой, сѣделечко черкесское); 228 (испужался); 290 (изъ-за горъ высокихъ, изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго); 60 (могутія плечи расходилися); 253 (ты скажись мнѣ молодецъ свою дядину, отчяину); и т. д.

Чтен. въ Ист. Общ. Чест. лѣт., кн. VI, отд. II.

А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
 Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
 Молодымъ молодцамъ на перениманье,
 Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
 Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
 Испиваючи медъ, зелено вино;
 Гдѣ-то пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
 Тому боярину великому
 И хозяину своему ласкову 50).

Краткіе запѣвы и припѣвки встрѣчаются у Кирши Данилова во многихъ пѣсняхъ; въ пѣснѣ о „Гостѣ Терентьице“ выступаютъ веселые гусельщики: „садитесь на лавочки, поиграйте во гусельцы, и пропойте-ко пѣсенку“ 51). Замѣчательно, что эти припѣвки гусельщиковъ преимущественно встрѣчаются въ пѣсняхъ о Грозномъ царѣ. Такъ почти всѣ пѣсни о взятіи Казани начинаются обращеніемъ пѣвцовъ къ гостямъ, къ добрымъ людямъ—послушать про царевый походъ, про Грозна царя Ивана Васильевича 52). Пѣсни о томъ, какъ Никитѣ Романовичу дано село Преображенское начинаются, какъ пѣсни гусельщиковъ у Лермонтова:

Когда-то воссіяло солнце красное,
 На томъ-то небушкѣ на ясноемъ,
 Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ 53).

Мы не разъ имѣли случай замѣтить совпаденія Лермонтовской „Пѣсни“ съ народными пѣснями, помимо сборника Кирши Данилова. Несомнѣнно, что не одинъ этотъ сборникъ былъ въ распоряженіи Лермонтова; несомнѣнно, что у него могли быть подъ руками и другіе сборники русскихъ народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, онъ могъ и самъ слышать подобныя пѣсни, или могъ пользоваться чужими за-

50) Древняя Росс. Стихотв. Кирши Данилова, изд. 3. стр. 193.

51) Тамъ же, стр. 13.

52) Пѣсни, собран. Кирѣвскимъ, выш. VI, стр. 1—10.

53) Онежскія былинны, Гильфердинга, стр. 784; ср. еще стр. 104 и 141.

писями. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще слѣдующія сопоставленія Лермонтовской „Пѣсни“ съ т. н. разбойничьими, или удалыми пѣснями и съ пѣснями народными бытовыми. Ограничиваемся хотя слѣдующими выдержками изъ этихъ пѣсенъ, которыя напоминаютъ отвѣтъ царя Калашникову, обстановку вазни послѣдняго, его могилу и его безталанную участь.

Что возговоритъ надѣжа, православный царь:
Исполать тебѣ дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими
Что двумя ли столбами съ перекладиною ⁵⁴).

Ведутъ молодца казнить:

Идетъ его грозенъ палачъ,
Во рукахъ несетъ топоръ широкій.

Молодецъ прощается съ родными:

Онъ на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, міръ и народъ Божій,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои-ль грѣхи тяжкіе ⁵⁵).

Народное преданіе приписываетъ Стенькѣ Разину слѣдующее завѣщаніе, повторяющееся у Лермонтова о могилѣ Калашникова:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ Казанской, Астраханской, славной Кіевской
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ...
Кто пройдетъ или проѣдетъ—остановится,
Моему ли животворному кресту помолится ⁵⁶)

⁵⁴) Сказанія Русскаго Народа, Сахарова, 1811 г., т. I, стр. 227.

⁵⁵) Тамъ же, стр. 226.

⁵⁶) Филологич. Записки, 1874 г., вып. V, стр. 51 (Н. Я. Арятова: Объ историческомъ значеніи русск. разбойничьихъ пѣсенъ).

Или какъ въ одномъ изъ вариантовъ пѣсни:

Буде старъ человѣкъ пойдетъ—помолится...

Буде младъ человѣкъ пойдетъ—въ гусли наиграется ⁵⁷⁾.

Припомнимъ заключеніе „Пѣсни“ Лермонтова:

Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится...

А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Къ купцу Калашникову, какъ нельзя болѣе, идетъ народная пѣсня о безчастномъ добромъ молодцѣ:

Ты безчастный, добрый молодець,

Безталанная твоя головушка;

Что ни въ чемъ-то мнѣ, братцы, талану нѣтъ,

Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ ⁵⁸⁾.

Такъ и въ другому молодцу „Пѣсни“ Лермонтова—къ опричнику подходятъ народныя пѣсни о молодцахъ, безчастныхъ въ любви, погибающихъ въ степяхъ приволжскихъ ⁵⁹⁾.

Такое же соотвѣтствіе съ бытовыми народными пѣснями находимъ и въ изображеніи семейнаго быта купца у Лермонтова. Хорошныя пѣсни изображаютъ мужа, который собирается или прибить плеткой, или запереть за замокъ свою жену, гуляющую по вечерамъ съ молодцами:

Ужъ ты гдѣ была жена страдница? ⁶⁰⁾.

Нельзя однако считать „Пѣсню“ Лермонтова какимъ-то сборнымъ произведеніемъ изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложеніемъ этихъ отдѣльныхъ мотивовъ и картинъ, не говоря уже о томъ, что едва ли можно отыскать что-либо отвѣчающее всему сюжету Лермонтовской „Пѣсни“ въ народныхъ преданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ. Поэтъ силой своего творчества представилъ новое произведеніе, которое родственно съ народной поэзіей, но не тождественно.

⁵⁷⁾ Сказанія Русскаго Народа, Сахарова, т. I, стр. 206.

⁵⁸⁾ Тамъ же, стр. 229.

⁵⁹⁾ Тамъ же, стр. 215, и далѣе.

⁶⁰⁾ Тамъ же, стр. 34. Нѣкоторыя народныя выраженія и черты стараго русскаго быта Лермонтовъ могъ найти и въ соч. *Снегирева*: Русскіе въ своихъ пословицахъ. 1831—1834 г. 4 кн. См. напр. кн. 2, стр. 132 (удалый молодець на кулачномъ бою); кн. 3, стр. 68—70 (царскій судъ, пѣсня, лобное мѣсто).

Его „Пѣсня“ также связана съ народными мотивами, какъ большая величавая рѣка, разливающаяся вширь и вдаль,—съ своими истоками—изъ родниковъ, ручьевъ и рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ почвы.

Возьмемъ ли мы Лермонтовскіе припѣвы гусяровъ; или—картину пира, на которомъ любимый опричникъ царя, Кирибѣевичъ, обнаруживаетъ свою могучую грусть по красавицѣ, „крѣпкая дума“ по которой становится для него роковой; или картину лихой невзгоды купца Калашникова, выбивающей его изъ устоевъ честной и строгой въ старозавѣтномъ духѣ семейной жизни и влекущей къ оставанію до послѣднихъ силъ „святой правды—матушки“; или—послѣднюю картину богатырскаго кулачнаго боя, переходящаго изъ веселой потѣхи въ поединокъ, въ высшій судъ, за которымъ слѣдуетъ судъ царскій и казнь Калашникова,—во всѣхъ этихъ картинахъ выдержанъ одинъ тонъ—простой и художественный, придана содержанію цѣльность и законченность.

Развитіе сюжета представляетъ мрачную драму: то грозный гнѣвъ царя на заподозрѣннаго опричника, на удалаго Калашникова, убившаго лучшаго царскаго бойца Кирибѣевича; то гнѣвъ и немилостивыя рѣчи Парамона Степановича, обращенныя къ хозяйшицѣ—красавицѣ, воротившейся съ улицы въ позднюю пору—опозоренной, опеломленной, и семейное совѣщаніе купца въ темну ночь морозную съ младшими братьями, какъ отомстить за обиду; то смерть опричника; то лютая позорная казнь удалаго бойца, молодого купца, то могила съ кленовымъ вѣстомъ! Но и среди этихъ мрачныхъ картинъ, какъ проблески солнца среди тучъ, показываются веселыя лица гусяровъ, улыбки и смѣхъ царя на пиру, образъ красавицы Алены Дмитріевны и природа, которая, какъ улыбающаяся, алая заря, разыгравшаяся надъ Москвой въ роковой день, сверкаетъ „вѣчно гордой и спокойной красотой“ надъ самыми мрачными картинами человѣческой жизни⁶¹⁾. Это сопоставленіе картинъ и развитіе всего сюжета „Пѣсни“ сближаетъ ее съ общимъ направленіемъ Лермонтовской поэзіи: съ ея безотрадной грустью и съ жалобой на судьбу, съ ея ожесточеніемъ противъ поправной правды и вмѣстѣ съ примиреніемъ поэта преимущественно въ природѣ. Даже въ языкѣ, въ отдѣль-

---

⁶¹⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 312.

ныхъ образахъ можно найти соотвѣтствіе „Пѣсни“ съ другими произведеніями Лермонтова⁶²). Можно замѣтить даже неточность противъ обычаевъ русской старины, сохранившихся и въ современномъ народномъ быту, въ изображеніи Лермонтова замужней женщины:

Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты ярвія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.

Въ день свадьбы, какъ извѣстно, косу русую расплетали у дѣвицы, и замужняя она уже не могла красоваться русой косой, — почему въ свадебныхъ пѣсняхъ и встрѣчаются мотивы оплакиванья косы — дѣвичьей красоты.

Изъ этой неточности нельзя однако выводить заключенія о томъ, что Лермонтовъ создавалъ свою „Пѣсню“ только на основаніи книжныхъ и устныхъ источниковъ, или на основаніи своего личнаго настроенія. Несомнѣнно, что ему была знакома и бытовая жизнь русскаго народа и его различныхъ слоевъ, кромѣ высшаго свѣтскаго общества, въ которомъ онъ по преимуществу вращался, какъ мы знаемъ изъ его біографіи. Такъ напримѣръ, хотя-бы въ изображеніи кулачнаго боя — этой распространенной въ прошломъ русской національной потѣхи — Лермонтовъ могъ слѣдовать и личнымъ впечатлѣніямъ, какъ въ селѣ Тарханахъ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ выходили на кулачный бой охотники изъ купцовъ и даже изъ господъ⁶³).

⁶²) Кромѣ отмѣченныхъ выше соотвѣтствій приведемъ еще слѣдующія: Соч. Лермонтова, т. I, стр. 61, 62, 70, (синія горы); 102 (заунывный гласъ колокола); 197 (валить пушистый снѣгъ, и красная заря глядитъ, звонъ колоколовъ вѣсть кончины); 192 (метель шумитъ и снѣгъ валитъ); 210 (унылый колокола звонъ); 212 (клоками бѣлый снѣгъ валится и пѣснь мятелица поетъ, играетъ); — II т., 45 стр. (у героя чугунный крестъ на груди): „Боярничъ Орша“, 257 стр. (грозный царскій гласъ); 258 (въ темну ночь); 263 (сѣрый аргамакъ; гудать, ревутъ колокола); 273 (выходитъ красная заря); 277 (поетъ гулливая метель). — V т.; стр. 19 (Горбачъ-Вадимъ: зимой шумѣла метелица), и проі. Мы привели соотвѣтствія только изъ произведеній Лермонтова, предшествующихъ „Пѣснѣ“. Можетъ быть не лишены интереса и слѣдующія сопоставленія выраженія „Пѣсни“ — „моя кость сырая дождикъ вымоетъ“ съ выраженіями: I т., 13 стр. (бѣжалъ я сырый, одинокій); 50 (вѣтка сирая); II т., 27 стр. (мавзолей не таготитъ сырыхъ его костей).

⁶³) Сочиненія Лермонтова, т. VI, стр. 228—229. Сахаровъ: Сказанія Русскаго Народа, т. I, стр. 87—88. Д. А. Ровинскій: Русскія Народн. Картинки, кн. V, стр. 219—223. Русская Бесѣда, 1856 г., II кн., стр. 57, и далѣе: „Борцы въ древней Русѣ“, И. В. Бѣллева.

Точно также Лермонтовъ могъ знать и жизнь купечества съ ея старовавѣтными обычаями, какъ она долго сохранялась въ Московскомъ Замоскворѣчьи.

Въ 1837 г., нѣсколько ранѣе „Пѣсни“ о Калашниковѣ, появилось въ печати „Бородино“ Лермонтова. Стихотвореніе написано безъ народнаго размѣра въ томъ же стилѣ, какъ и ранній набросокъ „Поле Бородина“ 1830 года. Но какая громадная разница между этимъ первоначальнымъ наброскомъ и отдѣланнымъ произведеніемъ 1837 года, которое увеличено на семь куплетовъ; какое движеніе придано всей картинѣ Бородинскаго боя; какой народный колоритъ наложенъ на все произведеніе!

Неестественный, романтическій образъ солдата артиллериста превратился въ народнаго служиваго, въ дядю, съ рѣчью грубо-простодушной и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненной эпическаго воодушевленія. Солдатъ первоначальнаго наброска, подобно героямъ Лермонтовскихъ поэмъ, заслушивался и „пѣсней непогоды“, которая напоминала ему „пѣснь свободы“, и видѣлъ мотивы своего геройства въ отчаяніи, въ мщеньи и выражался такимъ языкомъ, который по мѣстамъ болѣе подходитъ къ одѣ на побѣду, чѣмъ—къ представленіямъ и рѣчи солдата:

Что Чѣсма, Рымникъ и Полтава!
 Я вспомня леденѣю весь...
 Я спорилъ о могильной сѣни...
 Скорѣй обманеть гласъ пророчій,
 Скорѣй небесъ погаснуть очи
 Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
 Изгладится оно ⁶⁴).

Все это въ стихотвореніи 1837 года отброшено поэтомъ. Теперь, въ эпоху созданія „Пѣсни“ о Калашниковѣ, Лермонтову не нужны были и тѣ эффектные положенія, въ которыя онъ любилъ ставить своихъ героевъ въ юношескихъ произведеніяхъ. Ночь передъ битвой на полѣ Бородина представлялась Лермонтову въ 1830 году не иначе, какъ въ шумѣ бури, съ пѣснями непогоды; герой обращался къ товарищу, поднимъ голову съ лафета; послѣ битвы онъ

⁶⁴) Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 155—156.

„склонялъ голову на трупъ застывшій, какъ на ложе“. Въ „Бородино“ 1837 г. ночь передъ рѣшительнымъ боемъ описывается какъ будто старымъ русскимъ лѣтописцемъ: „французъ ликовалъ до разсвѣта, по тихъ былъ нашъ бивакъ открытый“. Солдаты-герой не выступаетъ теперь на первый планъ: онъ сливается съ товарищами и выступаетъ только разъ, какъ артиллеристъ съ своей пушкой:

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,

И думалъ: угощу я друга!

Безцвѣтность наброска—въ названіяхъ „вождя“, „противника“, въ отдѣльныхъ деталяхъ описанія боя—замѣнилась яркими, живыми и реальными образами. вмѣсто „вождя“ явился „полковникъ-хвать, слуга царю, отецъ солдатамъ“; вмѣсто „противника“—„мусью французъ, басурманъ“; вмѣсто „отъ враговъ ударъ нежданной на батареею прилетѣлъ, громъ грянулъ, пуля смерти понеслася изъ моего ружья“ явились широкія, стремительныя очерки боя:

Все шумно вдругъ зашевелилось,

Сверкнулъ за строемъ строй...

Въ дыму огонь блестѣлъ,

Звучалъ булатъ, картечь визжала...

Прибавленъ еще и „русскій бой, удалый нашъ рукопашный бой“.

Одно выраженіе прежняго наброска,—„на пушки копница летала“ превратилось въ цѣлую военную картину, какъ будто нарисованную кистью баталиста Ораса Верне:

Уланы съ пестрыми значками,

Драгуны съ конскими хвостами--

Всѣ промелькнули передъ нами...

Носились знамена, какъ тѣни...

Сквозь дымъ летучій

Французы двинулись, какъ тучи.

Однако изъ первоначальнаго наброска Лермонтовъ удержалъ отдѣльныя мѣста съ нѣкоторыми измѣненіями:

„Ребята, не Москва-ль за нами!

Умрите-жъ подь Москвой,

(измѣнено: Умремте-жъ подь Москвой)

Какъ наши братья умирали!“

И мы *погибнуть* обѣщали,

(измѣнено: И умереть мы обѣщали)

И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Боевыя сцены „Бородино“, по живости изображенія военныхъ силъ и ихъ дѣйствій, не уступаютъ позднѣйшимъ военнымъ картинамъ, которыя Лермонтовъ, уже испытанный боевой офицеръ на Кавказѣ, рисуетъ въ „Валерикѣ“ 1840 г. и въ „Спорѣ“ 1841 г. Но въ „Валерикѣ“, въ этомъ „безыскусственномъ разсказѣ“, Лермонтовъ говоритъ о войнѣ, какъ ея участникъ, какъ графъ Л. Н. Толстой въ „Севастопольскихъ очеркахъ“, говоритъ съ „грустью тайной и сердечной“. Въ „Бородино“ и въ „Спорѣ“ рисуются однѣ величественныя военныя картины безъ всякой рефлексіи.

„Бородино“ Лермонтова, явившееся черезъ 25 лѣтъ послѣ Отечественной войны, было какъ будто юбилейнымъ патріотическимъ гимномъ великой годины. Много стихотвореній было посвящено Бородинскому бою до Лермонтова и послѣ него, много народныхъ пѣсенъ, преимущественно солдатскихъ, козацкихъ и сочиненныхъ въ патріотическомъ духѣ, воспѣвало Отечественную войну; но ни одно изъ этихъ произведеній не можетъ встать вровень съ „Бородино“—Лермонтова. Напрасно бы мы стали искать подобныхъ описаній у поэта—участника въ Отечественной войнѣ—представителя „могучаго лихаго племени“,—Дениса Давыдова. Его „Бородинское поле“, какъ и извѣстное произведеніе Жуковскаго—„Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, не свободно отъ ложноклассическихъ прикрасъ: мечей, перунова дыма, и т. п. ⁶⁵⁾ У Давыдова мы встрѣчаемъ только отдѣльныя мѣста, какъ будто папоминающія Лермонтова. Въ „Современной пѣснѣ“ Давыдовъ говоритъ, очевидно вспоминая Отечественную войну:

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый!..
То былъ вѣкъ богатырей! ⁶⁶⁾

Въ стихотвореніи „Партизанъ“ онъ также посвящаетъ нѣсколько строкъ Бородинскому бою:

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ ⁶⁷⁾.

⁶⁵⁾ Стихотворенія Д. В. Давыдова, изд. Суворова, стр. 68.

⁶⁷⁾ Тамъ же, стр. 15.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VI, отд. II.

А между тѣмъ Давыдовъ и въ жизни, и въ поэзіи проявилъ необыкновенную отвагу и „жаръ рѣчей“, по выраженію Пушкина ⁶⁸⁾. При всемъ томъ, Давыдову не доставало объективности, поэтической фантазіи, глубокой мысли и чувства, какіе мы находимъ у Лермонтова. Давыдовъ самъ искренно опредѣлилъ свое отношеніе къ поэзіи:

Я не поэтъ—я партизанъ, козакъ...
Пусть грянетъ Русь военною грозою—
Я въ этой пѣсни запѣвало ⁶⁹⁾.

Еще болѣе выигрываетъ „Бородино“ Лермонтова при сопоставленіи съ т. н. народными пѣснями, относящимися къ Отечественной войнѣ. Послѣ 1812 г. въ журналахъ появилось много т. н. народныхъ пѣсенъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пѣвцомъ или рассказчикомъ представлялся, какъ и у Лермонтова, отставной солдатъ. Но всѣ эти пѣсни, вопедшія затѣмъ въ пѣсенники, отличались ложнымъ тономъ, напыщеннымъ патріотизмомъ, побѣднымъ громомъ оружія и хвастливымъ отношеніемъ къ побѣжденному врагу; иногда къ грому оружія присоединялся и звонъ стакановъ, застольныхъ чашъ. Ничего подобнаго мы не находимъ у Лермонтова. Въ отношеніи поэта къ выведенному имъ рассказчику ветерану видна любовь къ русскому солдату съ его героическимъ и вмѣстѣ смиренно-христіанскимъ настроеніемъ; въ отношеніи къ врагу выражается сдержанность и правдивая оцѣнка его силъ; и все стихотвореніе Лермонтова проникнуто не узкимъ патріотизмомъ, а широкимъ обще-русскимъ чувствомъ, глубокой всенародной мыслью:

Ужъ стоимъ мы головою
За родину свою...
Недаромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!

Въ солдатскихъ и козацкихъ пѣсняхъ, относящихся къ Отечественной войнѣ, мы встрѣчаемъ только слабыя черты, подходящія къ Лермонтовскому стихотворенію:

Подымался съ горъ туманъ, французъ силу забиралъ ⁷⁰⁾...

⁶⁸⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 1887 г., подъ ред. П. О. Морозова, т. I, стр. 264.

⁶⁹⁾ Сочиненія Д. Давыдова, стр. 55.

⁷⁰⁾ Пѣсни, собран. Кирѣевскимъ, 1874 г., вып. 10, стр. 12, 13.

Не пылъ во полѣ пылить,
 Не дубравушка шумить,
 Французъ съ арміей валить ⁷¹⁾...
 Ужъ какъ сталь французъ палить,
 Только дымъ-сажа валить
 Въ томъ ли во чаду
 Красна солнца не видать ⁷²⁾...
 И мы начали палить, только дымъ столбомъ валить
 Каково есть красно солнце, не видно во дыму ⁷³⁾...
 Какъ зоринька занялась,
 Вся силушка собралась:
 Стали тѣла разбирать,
 Своихъ русскихъ узнавать.
 Много силушки побили,
 И конями потоптали ⁷⁴⁾.

При сравненіи этихъ немногихъ мотивовъ изъ военныхъ пѣсенъ съ стихотвореніемъ Лермонтова ярче выступаетъ эпическое воодушевленіе поэта и слабость позднѣйшей народной поэзіи. Мы видѣли, какъ много дали для творчества Лермонтова былины, историческія пѣсни и пѣсни бытовья. За пѣснями, относящимися къ Отечественной войнѣ, нельзя признать такого вліянія. Въ „Бородино“ поэтъ выходитъ на дорогу самостоятельнаго творчества въ народномъ духѣ. Этотъ путь указанъ былъ еще Пушкинымъ въ его народно-бытовыхъ сюжетахъ, наприм., въ стихотвореніи „Гусарь“, тонъ котораго отчасти отразился и на „Бородино“ Лермонтова.

Въ 1840 году Лермонтовъ возвратился къ колыбельной пѣснѣ, которую пробовалъ удержать въ народной формѣ въ драмѣ „Мстиславъ Черный“ и — передѣлать въ „Балладѣ“ 1830 г. Теперь въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“, какъ и въ „Бородино“, Лермонтовъ самостоятельно разрабатываетъ тему въ народномъ стилѣ. Поэтъ не выходитъ изъ предѣловъ казачьяго быта; онъ остается въ кругу представленій своеобразной жизни, но согрѣваетъ эту картину общечеловѣческими отношеніями. Пѣсенка казачки надъ колыбелью будущаго

⁷¹⁾ Тамъ же, стр. 34, 35.

⁷²⁾ Тамъ же, стр. 36.

⁷³⁾ Тамъ же, стр. 38.

⁷⁴⁾ Тамъ же, стр. 48.

богатыря и казака отличается простотой и трогательной нѣжностью. Какъ въ „Бородино“ видна любовь поэта къ солдату, такъ въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“ видна любовь поэта къ дѣтямъ и сочувствіе къ глубокому материнскому чувству. Художественный образъ будущаго казака выдержанъ: его не удержатъ отъ браннаго житья ни слезы матери, ни ея тоска.

Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой.

Эти горькія слезы матери невольно напоминаютъ прочувствованное стихотвореніе Некрасова:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ бои
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя....
Однѣ я слезы подсмотрѣлъ
Святѣя, искреннѣя слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе Лермонтова проникнуто и религіознымъ чувствомъ, благоговѣніе къ которому поэтъ уважалъ и въ народѣ и въ своемъ поэтическомъ настроеніи. Въ 1840 же году, рисуя образъ симпатичной женщины изъ высшаго круга общества, сближая ея черты съ природой и народомъ родины, Лермонтовъ восклицается и тѣмъ, что

Слѣдую строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранить она дѣтскую вѣру ⁷⁵⁾.

И „Бородино“, и „Казачья колыбельная пѣсня“ указываютъ на то, что Лермонтовъ замѣчательно угадывалъ народно-поэтическіе мотивы и глубоко сочувствовалъ „правдѣ народной“, по выраженію Достоевскаго ⁷⁶⁾.

⁷⁵⁾ Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 299.

⁷⁶⁾ На память о Н. А. Некрасовѣ, Спб., 1878 г., стр. 124.

Еще послѣднее страстное признаніе этого сочувствія поэтъ оставилъ въ стихотвореніи „Отчизна“ 1841 г. Въ этотъ послѣдній годъ своей жизни Лермонтовъ „любовь къ отчизнѣ“ стремится прикрѣпить не къ славѣ, не къ завѣтнымъ преданьямъ темной старины, а къ роднымъ полямъ, лѣсамъ, рѣкамъ и къ деревнямъ. Благосостояніе родины, выражающееся въ желтой нивѣ, въ полномъ гумнѣ, въ народномъ праздничномъ весельѣ, возбуждаетъ въ поэтѣ отрадное мечтанье. Мечтаньямъ этимъ не суждено было развиться и выразиться въ творчествѣ Лермонтова. „Отчизна“ была послѣднимъ „привѣтомъ поэта странѣ родной“...

. . . и съ собой

Въ могилу онъ унесъ летучій рой

Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній⁷⁷⁾.

Мы прослѣдили зарожденіе и развитіе историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ у Лермонтова; мы видѣли, какъ отъ подражательныхъ опытовъ, отъ неяснаго представленія о русскомъ народномъ стилѣ, о народномъ бытѣ и исторіи, поэтъ перешелъ къ замѣчательному воспроизведенію историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ, — отчасти путемъ изученія русской народной поэзіи и исторіи, отчасти путемъ сближенія съ народною жизнью. Выборъ сюжетовъ колебался у Лермонтова между исторіей, военнымъ бытомъ и болѣе широкимъ захватомъ народной жизни. Изъ этихъ сюжетовъ наиболѣе удалось Лермонтову овладѣть эпохой Іоннна Грознаго, и „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“ до сихъ поръ остается выдающимся произведеніемъ въ исторіи русской поэзіи. Конечно, значеніе „Пѣсни“ уже не имѣетъ для насъ исключительнаго историческаго интереса, такъ какъ научное изученіе русской исторіи далеко ушло въ настоящее время отъ тѣхъ немногихъ, важныхъ въ свое время, пособій, которыми располагалъ поэтъ. „Пѣсня“ о Калашниковѣ имѣетъ для насъ значеніе, какъ высоко-художественное произведеніе, замѣчательно совпадающее съ русской народной поэзіей, съ ея духомъ, съ ея формой. Эта „Пѣсня“ и другіе народно-бытовые сюжеты Лермонтова относятся къ той разросшейся полосѣ въ русской литературѣ, къ которой принадлежатъ

⁷⁷⁾ Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 281 - 282.

предшествующія Лермонтову произведенія Пушкина и современныя нашему поэту—повѣсти Гоголя, пѣсни Кольцова. Если послѣ Гоголя мы знаемъ блестящихъ преемниковъ въ области романа, повѣсти, сатиры и драмы; то въ немаломъ затрудненіи очутимся мы, отыскивая въ послѣдующей литературѣ ближайшихъ преемниковъ Лермонтова въ воспроизведеніи историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ. Уже въ одномъ этомъ отношеніи становится понятнымъ то вниманіе къ М. Ю. Лермонтову, въ виду истекшаго пятидесятилѣтія съ его смерти, которому отдаетъ дань въ настоящемъ засѣданіи и наше Общество.

П. Владиміровъ.

Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова *).

(Посвящ. Ю. А. Кулаковскому).

Rien n'appartient à rien, tout appartient à tous.
Il faut être ignorant comme un maître d'école
Pour se flatter de dire une seule parole
Que personne ici-bas n'ait pu dire avant vous.
A. de Musset.

...Человѣкъ отчаянно тоскуеть...
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣвши, ропщетъ и бунтуеть...
И сознаеть свою погибель онъ,
И жаждеть вѣрн... но о ней не просить.
Стихотв. Тютчева: „Нашъ вѣкъ“.

Всегда кипить и зрѣеть что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь ¹.
Печаль въ моихъ пѣсняхъ...
Отзывъ беспокойный невѣдомыхъ мукъ ².

---

* Въ торжественномъ собраніи Историческаго Общества Нестора Лѣтописца 27 октября 1891 г. рѣчь эта была произнесена въ сокращеніи. Здѣсь она является въ полномъ видѣ и также съ нѣкоторыми добавленіями на основаніи статей о Лермонтовѣ, авившихся въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго года.

¹ „1831 года, іюля 11“. Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Первое полное изданіе В. Ф. Рихтера подъ редакціею П. А. Висковатова. М. 1891. Т. I, стр. 171. Въ послѣдующемъ изложеніи ми будемъ постоянно ссылаться на это изданіе, какъ скоро будемъ указывать томы и страницы безъ всякихъ другихъ обозначеній.

² „Къ *“ (1832); ib., 230. Ср. I, 228: „Моѣ слова печальны“.

Въ этихъ признаніяхъ Лермонтова, вылившихся задолго до безвременнаго прекращенія на вѣки его творчества, выразились, кажется, вполне отчетливо основные мотивы и характеръ всей его поэзіи.

Поэтъ, одаренный „пламенной, молодой душой“, въ которой „огонь божественный горѣлъ отъ самой колыбели“; поэтъ, „чувствовавшій пылъ возвышенныхъ страстей“³ и постоянно переживавшій „бурю тягостныхъ сомнѣній“⁴; поэтъ, въ „гордой душѣ“ котораго жило стремленіе къ „извѣстности и славѣ“, съ лѣтъ юншества вѣрившій, что онъ „отмѣченъ судьбою“ и что ему суждено безсмертіе⁵, развился быстро, „слишкомъ рано созрѣлъ“, по его собственному выраженію, и провелъ свою недолгую жизнь въ постоянной вдумчивости и кипучей дѣятельности мысли, въ мучительной душевной борьбѣ, падая и возвышаясь, и неустанно возвращаясь къ глубокому раздумью надъ основными и роковыми вопросами жизни. На эти вопросы былъ безпрестанно наталкиваемъ Лермонтовъ не только чтеніемъ, но и своею даровитою, отзывчивою натурою, напряженною съ дѣтства фантазією и идеальными порывами, которые сталкивались съ разочарованіемъ поэта въ самомъ себѣ и въ людяхъ, и, наконецъ,—невзгодами жизни.

Поэтъ титанически-гордыхъ порывовъ человѣческой души въ ея безграничномъ стремленіи къ „чему-то тайному“ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей сознательной жизни подвергалъ анализу себя и другихъ, выносилъ безотрадное впечатлѣніе изъ этого наблюденія, рано пересталъ чувствовать радость существованія и уже на 16-мъ году жизни говорилъ о морщинахъ на своемъ челѣ и называлъ себя „страдальцемъ“⁶. Таковую же неудовлетворенность испытывалъ Лермонтовъ и во все остальное время своей жизни: его удовлетворяли лишь немногія изъ тѣхъ радостей жизни, которыя приносятъ обыкновенно бѣольшую или меньшую отраду.

Лермонтова не увлекалъ энтузіазмъ къ „глубокимъ познаніямъ“: „все для насъ въ мірѣ тайна“, и даже „тотъ, кто думаетъ отгадать

³ V, 401; I, 166.

⁴ I, 287.

⁵ I, 166. Въ одномъ письмѣ 1832 г. читаемъ: „тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ“ (V, 381).

⁶ IV, 11.

чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается“. „Познаній жажда, червь души незрѣлой“⁷, никогда не была въ немъ весьма сильна. Лермонтовъ не пытался проникнуть въ тонкости модной у насъ тогда германской философіи. „Безплодной“ казалась ему та университетская „наука“, которую „изсушало умъ“ современное ему поколѣніе⁸. Не давала она ему отвѣта на вопросы, томившіе его лично; она надѣляла лишь „бременемъ познанья и сомнѣнья“. Не старался Лермонтовъ и въ средѣ своихъ университетскихъ товарищей найти людей, которые могли бы понять и оцѣнить его стремленія, а между тѣмъ онъ сиживалъ въ тѣхъ самыхъ аудиторіяхъ, въ которыхъ слушали также лекціи Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, К. Аксаковъ, Красовъ.

Не зная „мирныхъ вѣтъ и дружбы простодушной“, Лермонтовъ направлялся въ иную сторону, въ

. . . . . свѣтъ, завистливый и душный

Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей⁹.

Но и тамъ не находилъ онъ полного удовлетворенія. Вначалѣ онъ чувствовалъ себя тамъ вполне чужимъ, и бывало такъ, что онъ, „присидѣвъ 4 часа, не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ“, писалъ онъ по этому поводу¹⁰. Потомъ онъ приобрѣлъ свѣтскую развязность, „волочился и вслѣдъ за объясненіемъ въ любви говорилъ дерзости“. Однако не вполне его плѣнял „ложный блескъ и ложный міра шумъ“ хотя поэтъ любилъ „всѣ обольщенія свѣта“, любилъ бывать въ „свѣтской тинѣ“, въ „пестрой толпѣ“, когда

При шумѣ музыки и пляски

При дикомъ шепотѣ затверженныхъ рѣчей,

⁷ V, 366 („Отрывокъ второй начатой повѣсти“); II, 339 (вариантъ въ „Сказкѣ для дѣтей“ 1841).

⁸ I, 273; V, 210, слова Печорина: „Я сталъ читать, учиться—науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не замисятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача“... Интересенъ отзывъ о философіи въ трагедіи „Menschen und Leidenschaften“ (1830): „Философія не есть наука безбожія, а это самое спасительное средство отъ него и вмѣстѣ отъ фанатизма; философъ истинный счастливѣйшій человекъ въ мірѣ, и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ“ (IV, 134).

⁹ I, 254 (эти выраженія употреблены собственно въ примѣненіи къ Пушкину въ стихотвореніи, написанномъ по случаю кончины послѣдняго).

¹⁰ V, 380.

Мельзаютъ образы бездушные людей—

Приличьемъ стянута маска.

Ему нравилось блистать тамъ „холодною ироніею“,

. . . . . смутить веселость ихъ

И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,

Облитый горечью и злостью ¹¹.

Ему самому однако не становилось отъ того легче. Напрасно Лермонтовъ въ обществѣ искалъ „души родной“. Нельзя сказать, чтобы у него не было друзей какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, но онъ не отдавалъ имъ своего сердца вполне, потому что они не могли „понять его пылкую душу“. Въ „дружбѣ сладкой“ онъ извѣрился, какъ и во многомъ другомъ ¹², онъ позналъ „дружескій обманъ“, и у него не было кому

. . . . . руку подать

Въ минуту душевной невзгоды.

Поэтъ рѣшилъ, что онъ— „*юный міромъ странникъ*“ ¹³, и не разъ называлъ себя странникомъ съ ббльшимъ правомъ, чѣмъ съ какимъ прилагалъ къ себѣ этотъ эпитетъ Гёте ¹⁴; Лермонтовъ говорилъ о себѣ:

Я не рожденъ для дружбы и пировъ...

Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,

Ущелій и свободы, и, не зная

Гнѣзда, живу какъ птичка вочевая ¹⁵.

Лермонтовъ, по его собственному признанію, „любилъ съ начала жизни угрюмое уединенье“. Лишь часы близкаго общенія съ природою приносили облегченіе и нѣкоторое успокоеніе больному сердцу поэта.

¹¹ I, 285—287; V, 401—402.

¹² IV, 235.

¹³ I, 218.

¹⁴ I, 268; см. также I, 341. Выраженіе: „Der Wanderer, Pilger“ было нерѣдко употребляемо нѣмецкими поэтами прошлаго вѣка и, между прочими, Гёте: *Minor und Sauer Studien zur Goethe-Philologie*, Wien 1880, 44—45. Какъ извѣстно, въ англійской литературѣ XVII в. явилось знаменитое аллегорическое повѣствованіе J. Bunyan'a: „Путешествіе пилигрима“. Въ старой нашей литературѣ также выраженіе „путникъ“ употреблялось въ переносномъ смыслѣ, какъ, напр., въ произведеніи Іоасафа Горленка: „Брань честныхъ семи добродѣтелей в семи грѣхахъ смертникахъ въ челоуѣцъ-путнику“ и проч. (см. Чтенія въ Истор. Общ. Нест. лѣт., кн. VI).

¹⁵ II, 223.

„природы сына“, какъ называлъ себя Лермонтовъ вслѣдъ за писателями, провозглашавшими возвратъ къ природѣ. Точно такъ же въ природѣ находили утѣшеніе и нѣкоторые изъ героевъ поэтическихъ созданій Лермонтова, каковы, напр., Мцыри и Печоринъ¹⁶. Лермонтовъ

. . . . . въ ребячествахъ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Онъ—одинъ изъ нашихъ поэтовъ, у которыхъ эстетическое чувство природы достигло особаго развитія подъ совмѣстнымъ воздѣйствіемъ личныхъ наклонностей и западно-европейскихъ писателей того же что и онъ пошиба. Природа восполняла для него то, чего не находилъ онъ въ обществѣ людей, безропотно или терпѣливо влачащихъ „цѣпи образованности“, „приличья цѣпи“. „Надменный, глупый свѣтъ“ „съ своей красивой пустотой“ „обольщаетъ очи нарядной маскою своей“; при этомъ

Свѣтъ чего не уничтожить,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ?

Лермонтовъ постоянно противопоставлялъ этому „свѣту“ истинно-прекрасную и величавую природу, какъ и себя отдѣлялъ отъ „свѣта“. И въ природѣ бывають бури, какъ въ душѣ и жизни человѣка, но въ первой онъ быстро смѣняются тишью, и вообще въ природѣ царятъ гармонія и покой,—какихъ нѣтъ въ жизни людей. Такое сопоставленіе тѣхъ или иныхъ явленій внѣшней природы съ повседневными событіями жизни человѣка не разъ усматривается въ поэзіи Лермонтова. Не разъ отмѣчалъ онъ противоположность тѣхъ и другихъ, а иногда и аналогіи въ родѣ той, какую представляетъ, напр., „дружба, краткая, но живая

¹⁶ Лишь демонъ рѣзко отклоняется въ этомъ отношеніи отъ излюбленныхъ героевъ Лермонтова:

И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окннулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его високомъ
Не отразилось ничего...

III, 7. Поэтъ, находя въ себѣ много сроднаго съ демономъ, не могъ однако раадѣлять презрѣніе послѣдняго къ красѣ міра и въ томъ разошелся съ Демономъ своей поэмы.

Межь бурнымъ сердцемъ и грозой¹⁷.

Въ трагедіи „Menschen und Leidenschaften“ (Люди и страсти, 1830 г.) Любовь говоритъ Юрію: „Посмотри, братъ мой, какъ прекрасенъ взошедшій мѣсяцъ, какая тихая, свѣтлая гармонія въ усыпающей природѣ; а въ груди твоей бунтуютъ страсти, страсти жестокія, мятежныя, противныя законамъ¹⁸. Посмотри на эти разсѣяныя облака, свѣтлыя какъ минуты удовольствій и мимолетныя какъ онѣ; посмотри, какъ проходятъ эти путники воздушныя“....¹⁹ Равнымъ образомъ и Демонъ, внушая Тamarъ безучастное отношеніе къ несчастнымъ и „жребію смертнаго творенья“, указывалъ на то, что

Средь полей необозривыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ ни радость ни печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль²⁰.

Созерцаніе такого рода явленій природы иногда освѣжительно и успокоительно дѣйствовало на душу поэта, представляя его взору контрастъ мятежному духу человѣка и его суетливости и подымая надъ тревогами и сумятицей существованія²¹. По временамъ и дивная

¹⁷ Ср. I, 303: И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.

Ср. еще стих. „Парусъ“.

¹⁸ Ср. цитируемое нами ниже мѣсто изъ стихотворенія „Валерикъ“ (1840):

И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ! и т. д.

¹⁹ IV, 138.

²⁰ III, 17. Ср. стихотвореніе: „Тучи“ (Тучки небесныя, вѣчные странники! и т. д. I, 304), „Утесъ“ (I, 335) и т. п. Ср. образъ волнъ, напр. въ стих. „Графиня Ростовична“ (I, 302).

²¹ Напр., въ 1837 г. Лермонтовъ писалъ: „...лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства; для меня горный воздухъ бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ—ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь“ (V, 441). Отношеніе Лермонтова къ природѣ интересно сопоставлять, между прочимъ, съ отношеніемъ Шиллера. Послѣдній въ статьѣ „О наивной и сентиментальной поэзіи“ говоритъ о частомъ

краса природы не могла превозмочь душевной тоски ²², но, тѣмъ не менѣе, поэтъ влекло къ мечтательному созерцанію естества, какъ не могъ онъ бѣжать надолго и отъ „свѣта“. Отрѣшиться вполнѣ отъ послѣдняго и всецѣло уйти въ уединеніе природы Лермонтовъ не могъ:

перенесеніи нами наивности мышленія съ разумнаго на неразумное въ природѣ подъ вліяніемъ испытываемаго нами недовольства вслѣдствіе того, что мы дурно пользуемся присущею намъ моральною свободою и не находимъ нравственной гармоніи въ нашемъ дѣйствованіи. „Мы обращаемся тогда къ неразумному, какъ къ личности, и ставимъ ему въ заслугу его вѣчно одинаковій видъ, завидуемъ его спокойной выдержкѣ, какъ будто ему приходилось бороться съ искушеніемъ быть не такимъ“. Такъ возникаетъ тоска по природѣ, тоска, которая бываетъ двойка. Шиллеръ совѣтуетъ „чувствительному другу природы“ допросить себя, что порождаетъ эту тоску: лѣнность ли тоскуетъ въ немъ по спокойствію природы, или же оскорбленная въ немъ нравственность тоскуетъ по гармоніи природы? Томленіе объ „утраченномъ счастіи природы“ Шиллеръ отвергалъ. Очевидно, что влеченіе Лермонтова къ природѣ должно было протекать не изъ завидованія природѣ въ неразумномъ, несомнѣннаго съ достоинствомъ личности, но изъ стремленія уничтожить смуту въ самомъ себѣ, достигнуть единства и покоя въ равновѣсіи, а не въ бездѣйствіи. Объ обращеніи къ природѣ, вытекающемъ изъ послѣдняго побужденія, Шиллеръ говоритъ: „пусть ея совершенство послужитъ образцомъ для твоего сердца, когда ты выйдешь изъ своего искусственнаго круга къ природѣ, она предстанетъ предъ тобою въ своемъ великомъ покоѣ, въ своей наивной красотѣ, въ своей дѣтской невинности и простотѣ; останавливайся тогда передъ этой картиной, дѣлай это чувство; оно достойно твоей прекрасной человѣчности. Не позволяй болѣе себѣ желанія мѣняться съ нею, но прими ее въ себя и стремись сочетать ея безконечное преимущество съ своею собственною безконечною прерогативою и произвести изъ нихъ божественное. Да окружить она тебя подобно прекрасной идилліи, въ которой ты всегда снова будешь находить самого себя внѣ заблужденій искусства, на лонѣ которой ты будешь почерпать мужество и новую увѣренность для дѣйствованія и въ своемъ сердцѣ вновь будешь возжигать пламя идеала, такъ легко погасящее въ буряхъ житейскихъ“. Ср. стихотвореніе Шиллера: „Прогулка“, статью „о стихотвореніяхъ Маттисона“ и письмо Шиллера къ Лоттѣ и Каролинѣ 10 сентября 1789 г. У Лермонтова читаемъ (V, 210): „... какое-то отрадное чувство распространилось по всемъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ—чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общесгва и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и вѣрно будетъ когда-нибудь опять“. Ср. I, 70.

²² I, 343:

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сѣняхъ голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жажу ли о чемъ?

Интересно для сравненія вліяніе, какое оказывала весенняя природа на Шиллера: „весна, писалъ Шиллеръ къ Гѣте въ мартѣ 1802 г., обыкновенно дѣлаетъ меня печальнымъ, потому что внушаетъ безпокойное и безпредметное горячее стремленіе“.

подобно Шиллеру опъ не впадалъ въ полную мизантропію²³ и испытывалъ потребность любви (онъ самъ говоритъ, что его сердце „выло безъ страстей“) и, можетъ быть, также дружбы не менѣе, чѣмъ Шиллеръ, но нашъ поэтъ не встрѣтилъ такого отклика расположенія, который успокоилъ бы его духъ, и не могъ отдаться этимъ чувствамъ въ такой мѣрѣ, какъ великій нѣмецкій идеалистъ:

Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ²⁴.

И природа оставалась для Лермонтова самымъ лучшимъ повѣреннымъ его стремленій и тайнъ его души, которая неохотно раскрывала свои сокровеннѣйшіе тайники передъ людьми. Холодень и безучастенъ былъ этотъ повѣренный, но съ нимъ окрился духъ поэта, и въ немъ поэтъ находилъ хоть нѣсколько отвѣта на страстные свои вопрошенія. Величавая краса Кавказа, увлекавшая Лермонтова съ дѣтства, „природы дикой пышныя картины, разливы зари и льдистыя вершины, блестяція на небѣ голубомъ“, „дѣпи синихъ горъ“, воздушныя пространства голубаго неба, свѣтлый пейзажъ солнечнаго дня, мерцаніе и бесѣда звѣздъ ночи, шумъ холоднаго моря, молчанье синей степи, громъ бурь—все это открывало необъятную ширь и просторъ передъ мощной душою поэта—„странника“, неустанно рвавшеюся вдаль, не знавшею покоя (См. I, 61—62). Одновременно плѣняли его и „молодаго дня за рощей первое сіянье“, ясное и золотистое утро въ горахъ, „когда снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что кажется тутъ бы и остаться жить на вѣки“, и румяный вечеръ. И какъ съ раннихъ лѣтъ Лермонтовъ любилъ простой народъ, ненавидя крѣпостное право, такъ полюбилъ онъ, наконецъ, подобно Пушкину—„за что, не зная самъ“—и не столь грандіозную, какъ Кавказская, природу отчизны:—

Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ...

²³ По идеѣ Шиллера, не находившаго удовлетворенія въ одной природѣ, уединеніе среди прекрасной природы приноситъ полную отраду и восстанавливаетъ нарушенную гармонию въ нашемъ внутреннемъ существѣ только тогда, когда уединяющемуся сопутствуютъ дружба и любовь. Шиллеръ принялъ идею Шейтсбери о прирожденности аффекта любви и дружбы къ сроднымъ созданіямъ.

²⁴ I, 306. Ср. IV, 235: „Пріятели въ нашъ вѣкъ—двѣ струны, которыя по волѣ музыканта издають согласные звуки, но содержатъ въ себѣ столько же противныхъ“.

Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
 ... дымокъ спаленной жнивы,
 Въ степи ночующій обозъ
 И на холмѣ, средь желтой нивы,
 Чету бѣлѣющихъ березъ ²⁵.

Въ часы созерцанія природы поэтъ испытывалъ одно изъ наиболѣе увлекавшихъ его наслажденій: Лермонтовъ умѣлъ—казалось ему въ тотъ моментъ—читать въ великой книгѣ природы и находить отвѣтъ на тревожившіе его неотступно вопросы:

... мысль о вѣчности, какъ великанъ,
 Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,
 Когда степей безбрежный океанъ
 Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
 Гармоніи вселенной, каждый часъ
 Странанья или радости—для насъ
 Становится понятенъ, и себѣ
 Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ ²⁶.

Такимъ образомъ, созерцаніе природы сливалось по временамъ въ юномъ поэтѣ съ религіознымъ чувствомъ ²⁷. Вскорѣ Лермонтовъ сталъ далекъ отъ простой вѣры. Но онъ не отрѣшился вполнѣ отъ религіознаго поклоненія въ установленной формѣ ²⁸—отъ того могло охранивать его помимо всего остальнаго его отношеніе къ природѣ ²⁹; иногда,

²⁵ I, 328.—Отношеніе Лермонтова къ крѣпостному праву и вообще положенію народа выступаетъ въ юношескихъ драмахъ Лермонтова, напр., въ драмѣ: „Странный человѣкъ“ (IV, 208; ср. ib., 122) и въ повѣсти „Горбачъ-Вадимъ“.

²⁶ I, 169.

²⁷ См., напр., стихотв. „Кладбище“ (I, 107—108): изображается вечеръ, видъ крепостей, тишина, жужжаніе мошекъ, прощающихся съ днемъ, и въ заключеніе говорится:

Стократъ великъ, кто создалъ міръ! великъ!
 Сихъ мелкихъ твореній надмогильный крикъ
 Творца не больше ль славить иногда,
 Чѣмъ въ пепелъ обращенна стада? и т. д.

²⁸ См., напр., стихотворенія: „Вѣтка Палестины“ (I, 251—252), „Молитва странника“ (II, Матерь Божія, нѣмѣ съ молитвою... I, 264).

²⁹ Вспомнимъ, что въ прошломъ столѣтіи преклоненіе передъ природою получало почти религіозный характеръ даже у такихъ мыслителей, какъ Дидро и Гольбахъ. Ср. у Лермонтова V, 209 („Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы“), и I, 70. Сліяніе религіознаго чувства съ созерцаніемъ природы не разъ замѣчается въ поэзіи Лермонтова. См. въ особенности стих.: „Когда волнуется желтѣющая нива“ (I, 265).—Какія религіи развиваютъ чувство природы, см. у *Sainte-Beuve*, *Portraits littéraires*, II, 1854, 103—104.

„въ минуту ли жизни трудную“, или и безъ того, поэтѣмъ овладѣвало религиозное чувство, и изъ устъ его выливалась сердечная молитва, приносившая облегченіе, прогонявшая сомнѣніе, возвращавшая вѣру³⁰; но не разъ также поэтъ, который „ни передъ кѣмъ еще не склонялъ послушныя колѣни“, „просить и небо не желалъ“, либо молитва Тому, кто, по словамъ поэта, „изобрѣлъ мученія“ его³¹, слагалась въ мнимо благодарственный перечень печалей и обмановъ, испытанныхъ въ жизни поэтѣмъ, и послѣдній заключалъ свою мольбу словами:

Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ

Недолго я еще благодарилъ³².

А по временамъ, особливо въ болѣе ранніе годы юности, Лермонтовымъ овладѣвало полное сомнѣніе...³³.

Понятно послѣ всего сказаннаго, что Лермонтовъ, чувствовавшій себя чужимъ въ обществѣ, въ которомъ вращался, не находившій близкихъ истинныхъ друзей, не получившій опоры и въ крѣпкомъ отвѣтномъ чувствѣ любви, не пытавшійся углубляться въ науку и теоретическую философію, которыми увлекались многіе великіе поэты, утратившій, наконецъ, и непосредственность вѣры, мало могъ почерпнуть и у природы, которая, по словамъ Шиллера³⁴, „мало можетъ дать сама по себѣ, и все, все получаетъ отъ нашей души“. Поэтическія олицетворенія явленій природы, сколь ни удовлетворяли поэта въ тѣ моменты, въ которые были создаваемы его фантазіей, мало уясняли для него міровую тайну, когда ослабѣвалъ порывъ вдохновенія. А между тѣмъ Лермонтовъ страстно желалъ и искалъ внутреннихъ устоевъ. Томимый душевною тревогой, онъ взывалъ:

³⁰ „Молитва“ (I, 278—279).

³¹ I, 269. Ср. выдержку, приведенную ниже въ примѣч. 35, и IV, 241: „Ты самъ нестерпимо пыткой вымучилъ эти муки“. См. еще IV, 73 и самый ранній примѣръ подобной „молитвы“ (1829; I, 22).

³² II, 298; ср. V, 403 и II, 132.

³³ IV, 171; рѣзкое выраженіе скептицизма—тамъ же стр. 174, 241. Есть основаніе усвоить самому Лермонтову высказываемыя здѣсь религиозныя сомнѣнія. Ср., напр., V, 388 и 398. См. также насмѣшливое сопоставленіе „Гусара-Поэта“ съ Аарономъ: (I, 266) и т. под. выходи.

³⁴ См. письмо, посланное изъ Веймара Шиллеромъ его милымъ въ сентябрѣ—1789 г. Вслѣдъ за приведеннымъ выше мѣстомъ въ этомъ письмѣ говорится: „Натура плѣняетъ и восхищаетъ насъ только тѣмъ, что мы ей сообщаемъ. Прелесть, въ которую она облекается—только отображеніе внутренней пріятности въ душѣ ея соиздателя, и мы великодушно любимаемъ зеркало, которое увлекаетъ насъ нашимъ собственнымъ изображеніемъ“.

Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей,
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей? ³⁵

Вѣстникъ этотъ не приходилъ, поэтъ напрасно „кругомъ искалъ души родной“ ³⁶ и долженъ былъ одинъ добиваться отвѣта на различные вопросы касательно задачъ человѣка, идеала истинно разумной *цѣльной* личности, положенія, какое она можетъ занимать въ обществѣ, смысла прошлаго и настоящаго родной земли и т. п. Вопросы эти были тѣмъ труднѣе, что поэту приходилось рѣшать ихъ единичными усиліями; лишь нѣкоторую помощь могло оказать ему то готовое литературное направленіе, въ которому онъ былъ близокъ уже по складу своей натуры. Теоретическія рѣшенія вопросовъ, занимавшихъ Лермонтова, не удовлетворяли его. Онъ искалъ отвѣта въ жизни и закрѣплялъ въ своемъ творчествѣ данныя, какія выносилъ изъ тяжкаго опыта.

Поэтъ вдавался въ новый и новый анализъ жизни, людей и самого себя и то переживалъ

Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны...
Восходить чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ, низутся слова;

то приходилось поэту томиться въ

. . . . . тягостныя ночи:
Безъ сна, горять и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую подъемлетъ... ³⁷

Такъ проходила жизнь поэта. Онъ вырабатывалъ свой талантъ въ столкновеніи съ дѣйствительностію. Онъ испытывалъ постоянное

³⁵ I, 269 (1837 г.).

³⁶ I, 270.

³⁷ I, 292—293.

недовольство людьми и собой, неустанно искалъ новыхъ устоевъ для личности—въ приближеніи ли къ природѣ, въ любви ли къ людямъ, въ общественной ли жизни на новыхъ началахъ. Въ этомъ стремленіи впередъ и впередъ его духъ не зналъ удовлетворенія и покоя, и лишь въ отдѣльные моменты проникался онъ болѣе свѣтлымъ настроеніемъ, которое отодвигало нѣсколько въ глубь тоску.

Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
 Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
 Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила. ³⁸

Подъ конецъ своей жизни кратковременной, но богатой внутреннимъ опытомъ и работою мысли, Лермонтовъ началъ вырабатывать опредѣленное и устойчивое міросозерцаніе и могъ сказать съ своей точки зрѣнія: „я жизнь постигъ“ ³⁹; у него поэзія „печали“ и „тоски“ все болѣе и болѣе исполнялась положительныхъ началъ.

Если всѣмъ сказаннымъ сколько-нибудь вѣрно переданы общее содержаніе и характеръ творчества Лермонтова, которое необъятно, какъ необъятны мысль и чувства великаго поэта, то рассматриваемое творчество, по его задачамъ, можно признать вполне соответствующимъ великой цѣли поэзіи: въ рамкахъ ли чисто субъективнаго выраженія индивидуальнаго чувства или болѣе объективной передачи событій личной жизни, въ картинахъ ли природы, останавливавшей на себѣ вниманіе поэта, въ фантастическихъ ли, но полныхъ глубокаго смысла, повѣствованіяхъ, въ изображеніяхъ ли русской общественности и жизни современной и прошлой, поэзія Лермонтова, въ цѣломъ исходя изъ субъективныхъ порывовъ и страданій души поэта, или же коренясь въ средѣ и обстановкѣ, въ которой онъ пребывалъ, не разъ входила въ то же время въ кругъ важнѣйшихъ для человѣка общихъ вопросовъ жизни личности и общества, затрогивала міровныя темы, выражала скорби, много разъ удручавшія душу человѣка и вполне намъ близкія, обращалась къ проблемамъ, передъ которыми останавливались многіе изъ лучшихъ поэтовъ вѣковъ прошлыхъ и настоящаго, словомъ освѣщала частное „мыслію о вѣчности“.

³⁸ II, 73.

³⁹ I, 306. Нѣкоторые отрицаютъ въ поэзіи Лермонтова опредѣленный идеалъ и находятъ въ ней лишь „смутное недовольство настоящимъ, смутное стремленіе къ чему-то лучшему“ (Карелинъ), „туманность идеаловъ и неустойчивость взглядовъ на коренные вопросы жизни“ (Котляревскій), и т. под. По мнѣнію же г. Н. Михайловскаго, у Лермонтова „среди всѣхъ колебаній, всѣхъ ихъ переживая, держалось рано созрѣвшее рѣшеніе задачи жизни.“

При этомъ въ творествѣ Лермонтова важна не одна возвышенность и глубокая жизненность многихъ темъ, благодаря которой онъ сталъ на уровнѣ нѣкоторыхъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ и тревогъ, наиболѣе захватывающихъ душу человѣка XIX в.; важны также и крупныя преимущества въ развитіи этихъ темъ, искренность и энергія, индивидуальность, отчетливость и талантливость выполненія, между проч. и чудная красота и выразительность и вмѣстѣ изящная простота и сжатость языка. Въ силу всего этого Лермонтовъ преодолевалъ какъ нельзя лучше трудность, указанную Горациемъ въ словахъ:

Difficile est proprie communia dicere.

Высокія достоинства поэзіи Лермонтова были признаваемы большинствомъ читателей и лучшими критикомъ и поэтомъ при его жизни ⁴⁰, но были отвергаемы или умалены нѣкоторыми критиками въ его время и въ послѣдующее ⁴¹. Въ 60-хъ годахъ интересъ къ произведеніямъ Лер-

⁴⁰ Критика обскурантовъ встрѣтила недружелюбно произведенія Лермонтова. Враждебно относился къ Лермонтову, но безуспѣшно осмѣивалъ его не имѣвшій твердыхъ принциповъ Брамбеусъ (Сенковский). Не поналъ Лермонтова и умалалъ достоинства его поэзіи Шевыревъ, о сужденіяхъ котораго см. въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы“ (Современникъ 1855—1856 г.г.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго, Спб. 1892, 133—137.—Н. А. Полевой не одобрялъ произведеній Лермонтова, руководясь тѣми же основными положеніями своей романтической эстетической системы, которыя приводили его и къ отрицанію великихъ заслугъ Гоголя, Диккенса и Жоржа Санда: „изобразить человѣка съ его добромъ и зломъ, мыслью неба и жизнью земли, примирить для насъ видимый раздоръ дѣйствительности извѣстною идеею искусства, постигшаго тайну жизни,—вотъ цѣль художника; но къ ней ли устроены *Герои нашего времени* и *Мертвыя Души*?“ Замѣтимъ, кстати, что, исходя, повидимому, изъ тѣхъ же принциповъ, не долюбивалъ произведеній Гоголя и И. И. Срезневскій.—Бѣлинскій былъ пламеннымъ почитателемъ поэзіи Лермонтова и въ рецензій на посмертное изданіе сочиненій послѣдняго (1842 г., въ 3-хъ частяхъ) называлъ Лермонтова необыкновеннымъ человѣкомъ: „все написанное имъ интересно и должно быть обнародовано, какъ свидѣтельство характера, духа и таланта необыкновеннаго человѣка“. Гоголь прозорѣвалъ въ немъ „будущаго великаго живописца русскаго бита“ и нашелъ „большое достоинство“ въ „Героѣ нашего времени“. См. Р. Арх. 1890, кн. II, воспоминанія С. Т. Аксакова, стр. 40.

⁴¹ Писаревъ причислялъ Лермонтова лишь къ „зародышамъ поэтовъ“: „У насъ были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Полежаева, Крылова, Грибоѣдова; а къ числу пародій я отношу Пушкина и Жуковскаго“. Писаревъ и въ этомъ сужденіи выказалъ непослѣдовательность, какъ и во многихъ другихъ: съ своей точки зрѣнія онъ долженъ былъ признать Лермонтова истиннымъ поэтомъ, потому что страданіямъ души и инымъ принадлежитъ видное мѣсто въ поэзіи Лермонтова. Зайцевъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Словѣ“ 1863 г., признавалъ цѣннымъ сравнительно немногое изъ поэзіи Лермонтова и презрительно отнесся къ его страданіямъ. Скептическое отношеніе къ послѣднимъ и моральной основѣ поэзіи Лермонтова не прекратилось и въ 80-хъ годахъ, а равно и теперь.

монтова нѣсколько ослабѣлъ ⁴²), и вновь усилился съ 80-хъ годовъ; теперь въ признаніи великихъ достоинствъ поэзіи Лермонтова сходятся критики различныхъ направленій: почти всѣ называютъ ее выдающеюся, иные провозглашаютъ ее даже гениальною (Свабичевскій, Н. И. Стороженко и др.).

Тотъ однако, кто вчитается внимательно въ сужденія критиковъ, будетъ изумленъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ и противорѣчіями въ выясненіи смысла поэзіи Лермонтова въ ея цѣломъ и въ частностяхъ. Инымъ этотъ поэтъ кажется преимущественно талантливымъ выразителемъ Байроновскаго разочарованія и т. наз. міровой скорби, соединившейся съ этимъ разочарованіемъ, или болѣе или мѣнѣе самостоятельнымъ романтикомъ вообще ⁴³. Другіе, также признавая

⁴² Соответственно тому лишь вскользь касались Лермонтова Чернышевскій и Добролюбовъ (послѣдній въ статьѣ: „Что такое Обломовщина?“ перепечатанной во II-мъ томѣ его сочиненій).

⁴³ Толки о байронизмѣ Лермонтова и о несамостоятельности его поэзіи ведутъ свое начало издавна и принадлежатъ къ весьма распространеннымъ. О вліяніи Байрона подробно говорилъ г. Галяховъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858 г. *Ан. Григорьевъ* въ ст.: „Лермонтовъ и его направленіе. Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда“, *Время*, 1862, № 10, стр. 2 и 4, писалъ: „Великій поэтъ является передъ нами еще весь въ элементахъ, съ проблесками великой правды, но еще неуяснившейся нисколько самостоятельности, не властными тѣхъ стихій, которыя заключались въ его эпохѣ и въ немъ самомъ какъ высшемъ представителѣ этой эпохи, а еще слѣбною, хотя и могущественною силою, несущою впередъ стремительно и почти бесосновательно“. — „Байронъ и байронизмъ какъ общее и наше русскій романтизмъ какъ особенное—вотъ элементы того Лермонтова, какой остался въ его произведеніяхъ“. Г. *Карелинъ* давно уже въ статьѣ: „Донъ-Кихотизмъ и Демонизмъ“ заявилъ, что у Лермонтова „съ Байрономъ ничего общаго кромѣ внѣшности нѣтъ. Онъ заимствовалъ изъ Байроновской поэзіи тѣло, не усвоивъ и нисколько не понявъ ея могучаго духа“ (*Донъ-Кихотъ Ламантскій*. Т. II. Изд. 3. Спб. 1881, стр. 615). Въ послѣднее время о байронизмѣ Лермонтова говорили г. Спасовичъ въ статьѣ: „Байронизмъ у Лермонтова“ (перепечат. во II-мъ томѣ „Сочиненій В. Д. Спасовича“) и Н. И. Стороженко въ рѣчи: „Вліяніе Байрона на европейскія литературы“ (изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ перепечатана въ журн. „Пантеонъ литературы“, мартъ 1888). По мнѣнію г. Стороженка, „большинство написаннаго Лермонтовымъ носятъ на себѣ печать Байронова гениа... Несмотря однакожъ на то, что вліяніе Байрона на Лермонтова продолжалось до самой смерти нашего поэта, его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать слабымъ осколкомъ Байрона, какъ называлъ его князь Вяземскій. Лермонтовъ обладалъ слишкомъ могучимъ и самостоятельнымъ талантомъ, чтобы осудить себя на одно подражаніе“. Одинъ изъ новѣйшихъ представителей разсматриваемаго взгляда, нѣсколько исправившій его (см. стр. 53—62 его книги) и вмѣстѣ съ тѣмъ впавшій въ односторонность, утверждаетъ, что „чувство общественности было главнымъ источникомъ всѣхъ душевныхъ страданій Лермонтова“ (*Н. Котляревскій*, *Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ*. Личность поэта и его произведенія. Опытъ исто-

въ Лермонтовѣ поэта настоящей мировой скорби, считаютъ его выразителемъ общихъ идей просвѣщенія, выработанныхъ XVIII-мъ вѣкомъ, главнымъ образомъ—стремленія къ природѣ ⁴⁴. Третьи называютъ

риго-литературной оцѣнки. Спб. 1891. Стр. 269); въ другомъ мѣстѣ тотъ же критикъ говорить: „родничкомъ страданій Лермонтова была его недремлющая совѣсть, твердившая ему неуставно, что его жизнь не соответствуетъ его идеаламъ, его творчество—его высокому понятію о поэзіи, его отношеніе къ людямъ—тому чувству любви, какое поэтъ истинно ощущалъ въ себѣ, но никакъ не могъ оформить и философски обосновать“ (тамъ же, стр. 287). Признавать Лермонтова по преимуществу романтикомъ невозможно въ виду чертъ его характера жизни и дѣятельности, представляющихъ отклоненіе отъ романтическаго типа, и попытка г. Котляревскаго исправить и дополнить представленіе о Лермонтовѣ, какъ о романтикѣ, въ своемъ исходномъ пунктѣ заслуживаетъ вниманія, но, къ сожалѣнію, она мало удачна, такъ что строгіе отзывы о ней (напр., въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1891, № 12) не лишены основанія. Въ послѣднее время нѣкоторые, напр. гг. Ив. Ивановъ, Острогорскій и Николаевъ (Моск. Вѣд. 1891, № 193), не считаютъ Лермонтова байронистомъ по преимуществу. Въ существѣ къ разряду мѣтній, пытающихся въ сколько видовзмѣнить тезисъ о байронизмѣ и вообще романтизмѣ поэзіи Лермонтова, должно быть причислено и мнѣніе *Н. Михайловскаго*, выраженное въ статьяхъ: „Герой безвременья“ (Русскія Вѣдомости 1891, №№ 192 и 216). По словамъ г. Михайловскаго, „съ ранней молодости, можно сказать, съ дѣтства и до самой смерти мысль и воображеніе Лермонтова были направлены на психологію прирожденнаго властнаго человѣка, на его печали и радости, на его судьбу, то блестящую, то мрачную“. (Въ повѣсти Горбунъ) „шестнадцатилѣтній авторъ замѣчаетъ: „Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; герои нѣтъ, а наблюдателей чересчуръ много“. Это скорбное замѣчаніе на всю жизнь осталось руководящимъ для Лермонтова. Имъ опредѣляются существеннѣйшая часть содержанія его поэмъ, драмъ и повѣстей, характеръ его лирики и наконецъ бурная волна его собственной жизни. Въ развитіи этой темы онъ достигалъ и непрезойденныхъ вершинъ художественной красоты и, я рѣшаюсь сказать, предчувствія научной точности въ постановкѣ соотносящихся вопросовъ“.

⁴⁴ *Ив. Ивановъ*—въ рѣчи, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1891, № 118. Въ № 288 той же газеты г. Ивановъ писалъ: „Мотивы демоническаго песимизма у Лермонтова буквально тѣ же самые, какіе навѣяли Руссо грезы объ „естественномъ состояніи“; „разочарованіе Лермонтова всегда основывается на *общихъ* причинахъ, хотя съ самаго начала оно могло быть вызвано личнымъ опытомъ“. См. того же г. Ив. Иванова статью: „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ“ въ I-мъ т. художественнаго изданія товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о и книжнаго магазина П. К. Прянишникова: „М. Ю. Лермонтовъ. Сочиненія. М. 1891“. На стр. XLVII читаемъ: „Личность поэта сама по себѣ слишкомъ оригинальна и богата внутреннимъ содержаніемъ, чтобы поддаться чужимъ воздѣйствіямъ, пассивно воспринимать чьи бы то ни было идеи. Много говорили о вліяніи Байрона. Эти разговоры сильно напоминаютъ легкомысленныя насмѣшки Сумковой надъ „исетомъ-отрокомъ“, вѣчно мечтавшимъ съ „огромнымъ Байрономъ“ въ рукахъ. Барышня не могла и представить, что предъ ней другой Байронъ, но природѣ, можетъ быть, еще болѣе сильный и разносторонній, чѣмъ англійскій“. На стр. XLVIII: „Самъ Лермонтовъ всего себя, всѣ свои идеалы (sic) почерпнулъ у природы“... На стр. XLIX Лермонтовъ ставится рядомъ

его поэтотъ-метафизикомъ, мечты котораго уносили изъ презрѣннаго земнаго міра въ міръ небесный, представлявшійся поэту настоящею его родиною ⁴⁵. Четвертые утверждаютъ, что „Лермонтовская поэтическая гамма—грусть, какъ выраженіе не общаго смысла

съ Руссо, Шиллеромъ и Байрономъ и вообще идеалистами, мечтавшими объ „идиллически престодушныхъ и счастливыхъ“ идеальныхъ герояхъ и питавшими „негодование на общественную жизнь, даже на общество и цивилизацію. Это была реакція противъ крайняго извращения искренности чувства и достоинства личности“. „Лермонтовъ одинъ изъ этихъ идеалистовъ, одаренный гениемъ, настолько же оригинальнымъ и сильнымъ, какъ любой изъ названныхъ нами поэтовъ. Онъ похожъ на нихъ,—и на всѣхъ одинаково“. На стр. I: „Источникъ разочарованія у Лермонтова тотъ же, какой въ XVIII вѣкѣ увлекалъ Руссо, Шиллера, Гердера, позже—Байрона. И выходъ изъ этого чувства у всѣхъ одинаковъ, отрицаніе общества, не только свѣтскаго,—даже цивилизованнаго, идеализація челоѣка, не тронутаго культурой, *естественнаго челоѣка*, какъ говорили въ прошломъ вѣкѣ. Лермонтову еще въ ранней юности хотѣлось сбросить *образованности цѣпи*, и всю жизнь ему рисовался *могучій образъ*, вѣчно одинъ и тотъ же, какое бы имя онъ ни носилъ—*Демонъ, Миѣри, Измаилъ*. Это идеальное воплощеніе въ личности свойствъ *природы*—естественная свобода чувства и мысли, идиллическая простота и беззаѣтный, бурный порывъ“. Стр. III: „исконныя стремленія Лермонтова“ „заѣщаны просвѣтительнымъ движеніемъ прошлаго вѣка. Въ основѣ ихъ лежитъ одна могучая идея—*природа*. Она давала жизнь принципамъ, на которыхъ построена новая Европа: эти принципы—свобода и нравственная сила личности, естественная справедливость, сердечная искренность. Лермонтовъ—первый поэтъ, можно сказать, первый мыслитель, создавшій у насъ эти идеалы“.—Основныя положенія г. Иванова страдают натугою, и все вообще изложеніе жизни и дѣятельности Лермонтова—черезчуръ панегирическимъ тономъ и преувеличеніями. Замѣтимъ кстати, что въ то время какъ Иванову основно о идеяхъ поэзіи Лермонтова кажется возвеличеніе соотвѣтствія съ природою, г. Аннемскій въ статьѣ: „Объ эстетическомъ отношеніи Лермонтова къ природѣ“, Русская Школа 1891, № 12, стр. 80 говоритъ: „Природа не была для Лермонтова предметомъ страстнаго и сентиментальнаго обожанія: онъ былъ слишкомъ *трезвъ душою* для Руссо“. Ср. отзывъ Лермонтова о „Новой Элоизѣ“: I, 183. Что до стремленія къ природѣ, то это—довольно неопредѣленное выраженіе, мало говорящее безъ болѣе обстоятельныхъ разъясненій.

⁴⁵ С. А. Андреевскій, Литературныя чтенія, Сиб. 1891, стр. 219: „Исключительная особенность Лермонтова состояла въ томъ, что въ немъ соединилось глубокое пониманіе жизни съ громаднымъ тяготѣніемъ къ сверхчувственному міру. Въ исторіи поэзіи едва ли сыщется другой подобный темпераментъ. Нѣтъ другого поэта, который бы такъ явно считалъ небо своею родиной и землю своимъ—изгнаніемъ“ и т. п. Автору можно предложить вопросъ: какъ же согласить съ его взглядомъ чисто земныя влеченія въ поэзіи Лермонтова? Вѣдь признаетъ же г. Андреевскій „реальную сторону таланта Лермонтова“. Поэтъ прямо говоритъ (I, 22):

. . . мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю.

См., даже, „Къ другу“ (I, 47), „В. Л.“ (I, 53) и т. п.

жизни, а только характера личнаго существованія, настроенія единичнаго духа; Лермонтовъ поэтъ не міросозерцанія, а настроенія, пѣвецъ личной грусти, а не мировой скорби“⁴⁶; грусть эта—„практическая, русско-хрстіанская“, хотя и не близкая къ своему источнику⁴⁷; при этомъ Лермонтовъ рисовался своею печалью. Пятыя говорятъ, что „творчество Лермонтова питалось реальными мотивами и что количество этихъ мотивовъ будетъ возрастать по мѣрѣ того, какъ мы будемъ обладать большимъ количествомъ данныхъ для его біографіи“⁴⁸. И т. д.

Устанавливая такія общія опредѣленія основнаго направленія поэзіи Лермонтова, предварительно характеризуютъ довольно произвольно нравственный міръ поэта выдержками изъ его произведеній, автобіографическое значеніе которыхъ во всѣхъ частностяхъ не можетъ быть доказано⁴⁹, выпадаютъ въ односторонность, въ противорѣчія, натяжки, недомолвки, въ излишній пафосъ и фразерство, или же дозволяютъ себѣ поклепы на личный характеръ поэта, обзывая, напр., послѣдняго „систематическимъ мечтателемъ, похожимъ на лунатика, ходящаго по улицамъ съ открытыми, но не зрящими глазами“, питаващаго „пренебреженіе къ людямъ“, „потому что они—призраки“⁵⁰,

⁴⁶ Русская Мысль 1891, № 7, ст. К.: „Грусть“, стр. 7—8.

⁴⁷ Тамъ же, стр. 18. Рядомъ съ такими утвержденіями въ статьѣ г. К. читаемъ, что „до конца своего недолгаго поприща Лермонтовъ не могъ освободиться отъ привычки кутаться въ свою нарядную печаль, выставлять твоей своихъ душевныхъ ранъ, притомъ напускныхъ или декоративныхъ, трагически демонизировать свою личность,—словомъ, казаться лѣвъ гвардіи гусарскимъ Мефистофелемъ“ (стр. 3). „Мысль, рано и долго питававшаяся заимствованными со стороны, вычитанными образами, принятыми за свою собственную мечту, должна была покрыть въ глазахъ поэта людей и вещи тусклымъ свѣтомъ; настроеніе унынія и печали, первоначально навѣвавшееся случайными, хотя бы даже призрачными впечатлѣніями, незамѣтно превращалось въ потребность или въ „печальную привычку сердца“, говоря словами поэта“ (стр. 5).

⁴⁸ Мнѣніе Н. И. Стороженка. То же утверждаетъ и г. Висковатовъ. Уже Боденштедтъ указалъ на то, что „творенія Лермонтова составляютъ его біографію. Жизнь и творческая дѣятельность были неразрывны въ немъ“. Слѣдуя такому взгляду, не должно забывать эпиграммы Лермонтова (I, 39):

Тотъ самый человекъ пустой,
Кто весь наполненъ самъ собой!

⁴⁹ См., напр., статью г. Герасимова: „Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ“. Вопросы философіи и психологіи, 1890, кн. 3.

⁵⁰ Слѣдуетъ ссылка на видимо не понятое авторомъ стихотвореніе „Первое января“.

обнаруживавшаго „шальное пренебреганіе жизнью“ и т. д.⁵¹. Вообще многіе труды о нашемъ поэтѣ страдаютъ промахами въ методѣ, натяжками, недосмотрами и недочетами въ изученіи частныхъ, противорѣчіями между фактами и выводами, водянистыми и нерѣдко мало дающими разглагольствованіями и т. п.

Словомъ, читатель, приступающій къ внимательному изученію поэзіи Лермонтова и надѣющійся найти у критиковъ разъясненіе ея смысла, оказывается въ весьма затруднительномъ положеніи въ виду крайняго разногласія въ опредѣленіяхъ ея значенія.

Это разнорѣчіе въ истолкованіи поэзіи Лермонтова показываетъ, какъ нелегко свести ее къ немногимъ простымъ формуламъ. Главная

⁵¹ Спасовичъ, Сочиненія т. II, Спб. 1889, 402—403.—Въ образецъ рѣзкихъ разнорѣчій касательно личнаго характера Лермонтова укажемъ съ одной стороны на мнѣніе г. И. Иванова [„Благодать поэта, люди по прежнему не хотятъ понять человека... поэтъ, одинокій въ дѣтствѣ, остался такимъ и въ молодости: ни родной семьи, ни друга, ни любящей женщины. А между тѣмъ онъ постоянно сознается: *любитъ необходимо мнѣ* и его сердце *мало безъ страстей*. Онъ хватался за всякій случай—облегчить свое одиночество, ни видѣли какіи письма онъ писалъ тѣмъ, въ чью дружбу вѣрилъ, и какими стономъ у него выривалась по временамъ тоска, воспитанная вѣчнымъ одиночествомъ, вѣчно неудовлетворенной жаждой родной души и идеаловъ своей мысли. Да, поэтъ всю жизнь переживалъ двойную драму: „свѣтъ“ не хотѣлъ понять ни *чувствъ*, ни *думъ*. Люди не давали любви и ни на одну минуту не отвѣчали *мощному образу*, владѣвшему мыслью поэта. И естественно, Лермонтовъ скривалъ отъ людей *самого себя*... Онъ, всегда, повидимому, гнѣвный и разочарованный, до послѣдней минуты носилъ глубокую вѣру въ идеалы и вѣрилъ въ ихъ торжество“. Стр. XLIV, XLVI, XLVII] и съ другой стороны на мнѣніе г. Спасовича, выраженное въ его послѣдней статьѣ о Лермонтовѣ [„это человекъ гордый, неуживчивый, визжающій, колкій, задорный, который, повидимому, и не привязывался ни къ кому особенно крѣпко, даже къ женщинамъ.... глубокой злонести.—Лермонтовъ не былъ собственно ни гуманнымъ человекомъ, ни гуманистомъ—по натурѣ своей отрицатель и скептикъ.—По даннымъ жизни и поэзіи Лермонтова, воображеніе наше не можетъ его представить себѣ инымъ, какъ только непреклонно гордымъ, вѣчно мтежнымъ, презирающимъ людей и злословящимъ судьбу“. Вѣстникъ Европы 1891, № 12, стр. 610, 611, 623, 624]. Еще одинъ приквѣръ: по мнѣнію г. Котляревскаго (стр. 185), у Лермонтова „противорѣчія въ мысляхъ и чувствахъ должны были повести за собою и противорѣчія въ жизни. Нервное состояніе духа должно было отразиться на нервности въ поступкахъ“; по мнѣнію же г. Мартынова, „каждый шагъ Лермонтова, каждое его слово были рассчитаны и всѣ дѣйствія направлены къ тому, чтобы „задача жизни“ осуществилась. Никакой „нравственной шатости“, никакой „двойственности характера“, никакого „разлада души“ въ поэтѣ не существовало. Напротивъ это былъ самобитный, цѣльный, какъ глыба гранита, и надежный, какъ дамасская сталь, мужественный и закаленный негодами характеръ, основные элементы котораго составляли его честность, правдивость, доброта, ласковость и веселость“ (Историческій Вѣстникъ 1892, № 2, статья: „Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова“, стр. 448).

трудность заключается въ сложности психическаго склада творца этой поэзіи и въ необходимости разбираться въ нерѣдкихъ противорѣчіяхъ и преувеличеніяхъ, въ которыя могъ вполне искренно и естественно впадать поэтъ; далѣе—въ разносторонности мотивовъ поэзіи Лермонтова. Помимо того разногласіе въ уясненіи основнаго содержанія ея обусловливается отсутствіемъ полнаго и добросовѣстнаго изученія произведеній Лермонтова, которое, говорятъ, было невозможно до истеченія 50-лѣтія со времени его кончины, такъ какъ было извѣстно лишь незначительное количество біографическихъ данныхъ, и не было полнаго собранія сочиненій Лермонтова.

Само собою разумѣется, что единственный правильный выходъ изъ затрудненій, отерывающихся предъ изслѣдователемъ творчества Лермонтова, можетъ быть достигнута приложеніемъ строжайшаго историко-литературнаго метода къ произведеніямъ Лермонтова, возможно тщательнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ обстоятельствъ возникновенія ихъ, изученіемъ ихъ не только въ связи съ особенностями душевной организаціи, личною душевною и внѣшнею жизнію поэта и русскою литературою и общественною жизнію его времени, но также и въ связи со многими теченіями западно-европейской мысли и творчества новаго времени.

На нашъ взглядъ разсмотрѣніе отношеній поэзіи Лермонтова къ западно-европейскимъ литературамъ важно не менѣе выясненія національной и личной основы ея. Сравнительное историко-литературное изслѣдованіе произведеній Лермонтова можетъ разъяснить многое въ генезисѣ поэтическихъ его замысловъ и освѣтитъ смыслъ его творчества. Вспомнимъ, что въ первые годы своей поэтической дѣятельности, когда окончательно слагались характерныя особенности ея подъ вліяніемъ основнаго личнаго настроенія поэта, Лермонтовъ нѣсколько тяготѣлъ къ Западу, родня себя съ послѣднимъ даже по своему происхожденію, а не только по своему душевному складу. Въ 1831 г. онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что онъ не воронъ степной и не можетъ помчаться на Западъ, въ свою „отчизну“, въ Шотландію, страну его предковъ,

Гдѣ въ замѣѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ

Ихъ незабвенный покоится прахъ.

Поэтъ скорбѣлъ о томъ, что онъ, „нездѣшній душой, увядаетъ среди чуждыхъ снѣговъ“⁵²). Въ томъ же году онъ заявилъ о себѣ, что онъ

⁵² I, 178—179.

. . . . . не Байронъ, а другой,
Еще невѣдомый, избранникъ...

съ русскою душою ⁵³. Мы не можемъ принять полностью ни того, ни другого увѣренія; мы должны лишь имѣть ихъ въ виду, составляя собственное заключеніе на основаніи всей совокупности данныхъ о жизни и дѣятельности Лермонтова. Изученіе же произведеній этого поэта раскрыло уже не мало самыхъ разнородныхъ отношеній его къ поэзіи Запада, и добытые доселѣ выводы и наблюденія, какіе можно было вывести изъ изученія хода творчества Лермонтова, весьма часто отправлявшася отъ литературныхъ источниковъ ⁵⁴, даютъ право думать, что въ будущемъ такихъ отношеній откроется еще больше, и окажутся вполне правыми тѣ изслѣдователи, которые не ограничатся принятіемъ вліянія Байрона на Лермонтова, а взглянуть на послѣдняго, какъ на поэта, который воспринялъ и претворилъ въ своихъ созданіяхъ множество разнородныхъ вліяній. Лермонтовъ примыкалъ не къ Байрону только, а вообще къ тому литературному движенію, въ которое Байронъ входилъ лишь какъ одинъ изъ многихъ передовыхъ вождей, и которое имѣло весьма видныхъ представителей также въ литературахъ французской и нѣмецкой прошлаго и настоящаго вѣка. Нашъ поэтъ, хотя обзывалъ французовъ „великимъ“, но „вѣтреннымъ племенемъ“ ⁵⁵, и былъ невысокаго мнѣнія объ ихъ литературѣ ⁵⁶, подпалъ, тѣмъ не менѣе, въ значительной степени вліянію послѣдней, не прекращавшемуся до конца жизни Лермонтова ⁵⁷. Мало того: уясняя вліяніе западно-европейскихъ литературъ на Лермонтова,

⁵³ I, 218.

⁵⁴ См., напр., въ рѣчи П. В. Владимірова: „Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова“ (VI-я книга „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“, 1892, и отдѣльный оттискъ).

⁵⁵ I, 318—319.

⁵⁶ V, 377: „...имѣете вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перевернутой пьесы Дюссиса, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, не умѣющихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ ходъ трагедіи“. Ср. отзывъ Лермонтова о французскомъ садѣ: V, 384. Ранѣе Лермонтова и одновременно съ нимъ пренебрежительно отзывался о французской литературѣ Пушкинъ. Рѣшительную антипатію ко всему французскому заявлялъ „Московскій Наблюдатель“.

⁵⁷ Такъ, пародируя своего Демона въ „Сказкѣ для дѣтей“, Лермонтовъ, вѣроятно, не остался безъ вліянія подобнаго же пародированія, примѣръ котораго онъ встрѣтилъ во французской литературѣ.

должно восходить не только къ произведеніямъ XIX-го вѣка, но и къ болѣе раннимъ. Начатки нѣкоторыхъ идей и поэтическихъ замысловъ нашего поэта можно находить у такихъ корифеевъ, какъ Шекспиръ⁵⁸. Доселѣ наилучше выяснено вліяніе Байрона на творчество Лермонтова. Воздѣйствіе же Руссо на нашего поэта указано лишь въ самыхъ общихъ чертахъ⁵⁹, а равно то значительное вліяніе, какое оказалъ Шиллеръ, внушивъ Лермонтову своеобразный идеализмъ, сочетававшійся въ немъ съ демонизмомъ; мало разъяснено отношеніе творчества Лермонтова къ произведеніямъ А. де-Мюссе и другихъ поэтовъ⁶⁰. А между тѣмъ изъ новѣйшихъ разысканій оказывается, что Лермонтовъ почерпнулъ мотивы для своей поэзии не у одного, или у

⁵⁸ Такъ, напр., одна изъ великихъ мыслей Шекспира повторена Лермонтовымъ въ словахъ о томъ, что источникъ душевныхъ мукъ

Находишь въ себѣ самомъ,
И небо обвинять нельзя ни въ чемъ.

Шекспиромъ Лермонтовъ интересовался и за годъ до кончины, когда хотѣлъ добыть „полнаго Шекспира по-английски“ (V, 430). Вліяніе „Отелло“, сказавшееся въ „Маскарадѣ“, указано Н. И. Стороженкомъ въ рѣчи: „Женскіе типы, созданныя Лермонтовымъ“ (Русскія Вѣдомости 1891, № 104). Г. Чуйко (Всеж. Иллюстр. 15 іюля 1891, 42) указалъ еще одинъ слѣдъ вліянія Шекспира.

⁵⁹ См. указанія, сдѣланныя г. *Ив. Ивановымъ* въ № 288 „Русскихъ Вѣдомостей“ 1891 г., въ статьѣ: „Лермонтовскій вопросъ“, и ранѣе—въ статьѣ, предисловіемъ 1 му тому художественнаго изданія.

⁶⁰ Въ статьѣ г. *Галахова*: „Лермонтовъ“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1858, т. XVI, стр. 277—311, заключающей прекраснѣйшій общій очеркъ того теченія въ западно-европейскихъ литературахъ, къ которому примкнулъ Лермонтовъ, отношеніе послѣдняго къ другимъ поэтамъ помимо Байрона не разъяснено въ частностяхъ указаніями на факты. Лишь въ третьей статьѣ, ib. стр. 609—610, указана вскользь въ самыхъ общихъ чертахъ аналогія героевъ Лермонтова съ героями Бенжаменъ-Констана, де Мюссе и Шатобриана. Такъ же общи и неполны указанія у *Острогорскаго*: Этюды о русскихъ писателяхъ. III. Мотивы Лермонтовской поэзіи, М. 1891, стр. 39—43. Не выдерживаетъ критики и общій тезисъ г. Острогорскаго объ отношеніи творчества Лермонтова къ иностранной литературѣ. По мнѣнію г. Острогорскаго, „хотя нѣсколько величайшихъ иностранныхъ писателей и было знакомо Лермонтову съ ранней юности, но знакомство это было отрывочное, случайное и поверхностное, считая даже и Байрона“. Что до вліянія де Мюссе, то односторонне сосредоточилъ преимущественно на немъ вниманіе г. К. Тр-и-скій въ статьѣ, помѣщенной въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1891 г., № 8, стр. 141 и слѣд. На то, что мысли Печорина объ идеяхъ и страстяхъ напоминаютъ „Senancourt-а и Alfred de Musset“, указалъ г. *Болдаковъ*: Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Проверенное по рукописямъ изданіе подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова. Изд. Елизаветы Гербець. М. 1891, т. I, стр. 436.

нѣсколькихъ, а у многихъ западно-европейскихъ поэтовъ⁶¹ и также у писателей родной страны, Пушкина и др.

Итакъ, самыя разнородныя связи соединяли творчество Лермонтова съ поэзіею Запада. Это не препятствовало однако нашему поэту горячо отзываться на нужды родной земли и вмѣстѣ стать оригинальнымъ выразителемъ національныхъ основъ и собственныхъ могучихъ душевныхъ порывовъ. Какъ истинно даровитый поэтъ, Лермонтовъ воспринималъ изъ общечеловѣческаго творчества то, что подходило въ его личному мировоззрѣнію и настроенію и уясняло послѣднее, и часто лишь вдохновлялся заимствованною общею идеею въ созданію своеобразныхъ новыхъ построеній.

Такимъ образомъ, и творчество Лермонтова подтверждаетъ общее наблюденіе, по которому поэзія вѣчно обновляется, преобразуя старыя концепціи и сообщая имъ новый смыслъ.

Я не имѣю въ виду представить обстоятельное подерѣвленіе всѣхъ высказанныхъ мною общихъ замѣчаній о поэзіи Лермонтова и ограничусь лишь краткимъ разъясненіемъ ихъ.

---

⁶¹ Такъ, кромѣ перечисленныхъ писателей, какъ указалъ г. Висковатовъ, на Лермонтова казалъ вліяніе Лессингъ. Отмѣтитъ, между прочимъ, въ драмѣ „Испанцы“ разсужденіе Фернандо о религіяхъ (IV, 54) и убіеніе Эмилии Фернандомъ (IV, 91), напоминающее заглавіе Эмилии Галотти Одоардомъ. Г. Галаховъ уже въ статьѣ 1-58 г. упомянулъ о знакомствѣ Лермонтова съ одною изъ поэмъ Мицкевича. Г. Спѣсевичъ, Сочиненія, т. II, 358 и слѣд., говоритъ обстоятельнѣе о заимствованіяхъ Лермонтова у Мицкевича. И т. д.

Помина по Л. К. Лазаревичѣ, сербскомъ писателѣ ¹⁾.

Въ настоящее наше засѣданіе я буду имѣть честь доложить почтенному ученому собранію, въ немногихъ словахъ, о той великой потерѣ, каковую понесла 29 истекшаго декабря сербская словесность, а съ нею, смѣю думать, и все славянство, въ лицѣ преждевременно сошедшаго въ могилу въ этотъ день даровитаго писателя *Лазаря Кузьмича Лазаревича*. Докладъ мой будетъ по необходимости коротокъ: свѣжа еще могила, сокрывшая въ себѣ прахъ этого беллетриста, умершаго во цвѣтѣ лѣтъ отъ злаго недуга (чахотки), и не пришло еще время сдѣлать ему правдивую оцѣнку, соответствующую истинному значенію его писательской дѣятельности, и точно опредѣлить его мѣсто среди сербскихъ братьевъ по оружію. Я намѣчу здѣсь только выдающіеся моменты его жизни и дѣятельности, сдѣлаю посильную характеристику его, какъ писателя, и укажу вератцѣ на то значеніе, какое ему придавала еще при жизни сербская печать.

Лазаревичъ родился 1 мая 1851 года ²⁾ на территоріи нынѣшняго Сербскаго королевства, именно въ Шабцѣ, гдѣ отецъ его Кузьма былъ торговцемъ. По окончаніи Бѣлградской гимназіи, онъ изучалъ, какъ казенный воспитанникъ, врачебныя науки въ Берлинскомъ уни-

---

¹⁾ Читана въ засѣданіи Истор. Общ. Нестора лѣтописца, 24 февр. 1891 г.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ славянскихъ повременныхъ изданіяхъ годъ рожденія Лазаревича неправильно показанъ 1849 г. (см. по этому поводу „Отачбину“ 1891 г., 27 книгу, вып. 106—107, стр. VIII).

верситетѣ, гдѣ и кончилъ блестяще курсъ лѣваремъ. Нужно сказать, впрочемъ, что охоту къ занятіямъ естествовѣдѣніемъ онъ обнаружилъ еще въ Бѣлградѣ, какъ ученикъ гимназіи и слушатель Великой Школы (по отдѣленію правовѣдѣнія), по окончаніи которой онъ даже выпустилъ переводъ Фарадеевой „Естественной исторіи свѣчи“.

Послѣ того онъ поселился въ Бѣлградѣ и съ увлеченіемъ занимался врачебною наукою и практикой, какъ городской врачъ Бѣлграда и затѣмъ личный врачъ короля Александра. Врачебное дѣло пришлось ему вполне по сердцу, и намъ извѣстны 22 его доклада въ Бѣлградскомъ врачебномъ обществѣ¹⁾. На полѣ изящной словесности появился онъ сравнительно поздно, имѣя уже подъ тридцать лѣтъ. Такъ въ 1879 г. въ повременномъ изданіи „Сербска Зора“ помѣщенъ былъ первый его рассказъ „Первы путъ съ отцемъ на ютренѣ“, поразившій всѣхъ сербскихъ читателей необычайною свѣжестью, простотою и задушевностью. Скоро произведеніе это, гдѣ трогательно рассказана не новая, впрочемъ, исторія искренняго раскаянія селянина, доведшаго свою семью, вслѣдствіе страсти къ игрѣ въ карты, до нищеты, было переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки и нѣкоторыя инославянскія нарѣчія; было оно также нѣсколько разъ перепечатано и въ сербскихъ изданіяхъ („Сърбадія“, „Сокол“). Въ 1880 г. явилось уже болѣе крупное произведеніе его—повѣсть „Школьска икона“, напечатанная сперва въ „Словинцѣ“, а затѣмъ перепечатанная въ „Сърбадіи“. Это, по нашему мнѣнію, лучшая вещь изъ всего написаннаго Лазаревичемъ, по наибольшей яркости и типичности выведенныхъ въ ней, дѣйствующихъ лицъ, особенно стараго патріархальнаго священника.

Повѣсть эта, первая изъ всѣхъ повѣстей и рассказовъ Лазаревича, явившаяся въ русскомъ переводѣ²⁾ и, такъ сказать, открывшая собою дальнѣйшій рядъ переводовъ изъ этого писателя въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, вполне заслуживаетъ вниманія русскихъ читателей по яркому, хотя и безыскусственно-простому, изображенію

¹⁾ Напр о лѣченіи дифтеритныхъ налетовъ насыщеннымъ растворомъ *potri benzoi*, объ опытахъ съ анти-фибриномъ и пр.

²⁾ „Русская Мысль“, 1887 г., кн. 4, переводъ А. Степовича. Кромѣ того, въ дѣтскомъ повременномъ изданіи „Родникъ“ за 1889 г. явилось, съ разрѣшенія переводчика, сокращеніе этого перевода, сдѣланное редакціею (См. книгу этого журн. за апрѣль 1888 г.).

быта сербской деревни, еще не тронутой городской цивилизаціею. Патриархальные нравы этого сербскаго захолустья, необычайно просты и естественныя отношенія, существующія между священникомъ и его приходомъ, между пастыремъ и паствою, чрезвычайно напоминаютъ намъ обстановку и нашей деревни, лѣтъ 40—50 тому назадъ, особенно въ Южной Руси; въ этомъ отношеніи указанная повѣсть Лазаревича и повѣсть нашего писателя И. Левицкаго „Старо-вѣтскіе батюшка и матушка“ (напечат. въ „Кіевской Старинѣ“) являются изображеніями почти одинаковаго строя вещей и потому вполне родственными, во многихъ случаяхъ напоминающими и пожалуй даже дополняющими одна другую. Русскій переводъ „Школьной вконы“ вызвалъ, какъ уже сказано, цѣлый рядъ переводовъ другихъ повѣстей и рассказовъ Лазаревича въ 1888—1890 гг. въ Рус. Вѣстникѣ, Вѣстн. Евр., Днѣ и пр. (списокъ ихъ см. въ концѣ доклада). Въ 1881 и 1882 гг. въ ежемѣсячникѣ „Отачбина“ явились еще три рассказа Лазаревича, тоже съ содержаніемъ изъ народнаго быта, близко знакомаго автору, и повѣсть „Вертеръ“, изображающая уже образованный слой сербскаго народа. Одинъ изъ этихъ рассказовъ („У колодца“) побудилъ даже редакцію „Отачбины“ заявить, что Лазаревичъ несомнѣнно станетъ „Тургеневымъ сербской повѣсти“, какъ Степанъ Любича—Нѣгوشемъ сербской прозы: „Съ радостью поздравляемо появу оваквог приповедача у нашой книжености, као што е Л. К. Лазаревичъ. Као год што се ни смо преварили (не ошиблись), кагда за Степана Любичу рекосмо, да е Нѣгуш србске прозе, тако се надамо (надѣемся), да се не хъемо преварити, (что не ошибемся), ако рекнемо, да хъе Л. К. Лазаревичъ постати Тургеневъ србске приповѣтке“. (Отачбина, 1881 г., кн. VI, вып. 23, стр. 344).

Съ 1882 г. по 1888 г. является шестилѣтній перерывъ въ писательской дѣятельности Лазаревича, въ теченіе котораго онъ не далъ ничего въ области изящной словесности. Лишь въ 1888 г. написанъ былъ имъ рассказъ съ фантастическимъ содержаніемъ „Вѣтеръ“, уступающій однако, по общему признанію, прежнимъ его произведеніямъ (См. Отачбина, кн. 21, 485 стр.).

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Лазаревичъ былъ увѣнчанъ преміею имени Николая Мариновича отъ Бѣлградской академіи наукъ за свое послѣднее произведеніе ¹⁾ („Онъ зна све“, изд. академіи

¹⁾ См., между прочимъ, „Новое Время“, № 72—73, за 1890 г., гдѣ помѣщена и оцѣнка новаго произведенія Лазаревича.

1890 г.) на основаніи отзывовъ г. Св. Вуловича и Др. Милана Іовановича (Отачбина 1891 г., кн. 27, вып. 106—107).

Мы уже сказали, что въ Лазаревичѣ сербская словесность потеряла сравнительно довольно крупную силу. Дѣйствительно, повѣствовательный даръ этого писателя ставилъ его значительно выше прочихъ современныхъ ему сербскихъ писателей, и ни Веселиновичъ, ни Матавуль, ни Адамовъ, ни кто-либо другой изъ живущихъ нынѣ и дѣйствующихъ еще сербскихъ писателей не въ состояніи заставить сербское читающее общество забыть эту великую потерю...

Лазаревичъ писалъ чрезвычайно мало; написано имъ гораздо менѣе того, что позволяло ему его значительное беллетристическое дарованіе. Въ 1886 году въ Бѣлградѣ вышла небольшая книжка, заключавшая въ себѣ все, написанное до того времени Лазаревичемъ въ области изящной словесности. Это все состояло изъ шести только небольшихъ разсказовъ и повѣстей; если прибавить два произведенія, написанныя въ 1888 г. и послѣ, то получимъ всего восемь произведеній,—количество весьма не значительное, какъ для времени, въ теченіе коего явились они (сдѣдцать лѣтъ), такъ и для дарованія такой большой величины, какимъ обладалъ Лазаревичъ. За то количественная незначительность написаннаго имъ вознаграждается довольно высокимъ качествомъ: почти всѣ разсказы и повѣсти этого писателя являются цѣннымъ вкладомъ въ небогатую сокровищницу новѣйшей сербской изящной словесности какъ въ чисто литературномъ отношеніи, такъ и особенно, на мой взглядъ, какъ художественное воспроизведеніе любопытныхъ бытовыхъ данныхъ изъ жизни Сербскаго народа.

Что же касается собственно незначительнаго количества написанныхъ Лазаревичемъ вещей, то, насколько удалось это мнѣ узнать во время пребыванія моего въ Сербіи (1889 г.), едва ли не главною причиною этого обстоятельства слѣдуетъ признать необыкновенную скромность этого писателя, доходившую даже до чрезмѣрнаго умаленія имъ своихъ творческихъ силъ. Мнѣ приходилось, напр., не однажды и читать въ печати и слышать лично въ Бѣлградѣ отъ разныхъ лицъ слѣдующее вполне правдоподобное сообщеніе касательно этой стороны дѣла. Въ 1882 г. Лазаревичу удалось обстоятельно ознакомиться съ произведеніями величайшаго представителя послѣгоголевскаго періода

русской литературы Л. Н. Толстого. Впечатлѣніе отъ этого знакомства было произведено на него громадное, ошеломляющее, неожиданное и, въ смыслѣ интересовъ сербской словесности, очень даже нежелательное. „Прочелъ я, рассказывалъ Лазаревичъ, Толстого и... перо выпало у меня изъ рукъ. Развѣ возможно писать послѣ такихъ гениальныхъ вещей, какъ „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“? И тридцатилѣтній писатель, успѣвшій въ теченіе лишь какихъ-нибудь трехъ лѣтъ стать чуть ли не во главѣ родной литературы, дѣйствительно бросилъ перо и не бралъ его въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ! Лишь незадолго до своей смерти, какъ сказалъ я выше, онъ опять возвратился къ творчеству. Это обстоятельство, надѣюсь, можетъ послужить наилучшимъ объясненіемъ причинъ, въ силу которыхъ даровитый писатель оказался такъ мало плодовитымъ....

Отличительною чертою творчества Лазаревича является чрезвычайная безпритязательность и, такъ сказать, дѣтское простодушіе рассказа, вполне отвѣчающія тому народно-бытовому складу и содержанию, которое составляетъ главную основу почти всѣхъ его произведеній. Тутъ простота, безыскусственность формы идетъ рука объ руку съ крайнею несложностью изображеній эпического быта и склада жизни того слоя Сербскаго народа, какой по преимуществу любовно изображается Лазаревичемъ. И при этомъ нивкакой поддѣлки подъ народъ: вы видите полное отсутствіе всякой дѣланности какъ въ языкѣ, такъ и въ изображеніи и развитіи сюжета. Повѣсть „Школьная икона“ и рассказъ „Первый путъ съ отцемъ на ютревѣ“ особенно отличаются этой трогательной простотою и патріархальностью содержанія, непосредственностью отношенія къ нему самого автора и безыскусственностію изложенія, первобытною яркостью красокъ въ языкѣ и образныхъ средствахъ его.

Несомнѣнно, что все это подкупало сербскаго читателя и заставляло его особенно увлекаться Лазаревичемъ; въ этомъ же заключается причина и той сравнительно высокой оцѣнки, какую даетъ сербская печать Лазаревичу, какъ беллетристу, и какая, иногда бывала нѣсколько преувеличена, особенно въ глазахъ свѣдущаго русскаго читателя, владѣющаго такими сокровищами поэтическаго творчества, какъ произведенія Л. Н. Толстого, Гончарова, Тургенева, Достоевскаго и др.

Но указанное явленіе, т. е. преувеличенная оцѣнка сербскою печатью поминаемаго нами писателя, можетъ быть, какъ мнѣ кажется, нѣсколько оправдано и обосновано тѣмъ обстоятельствомъ, что Лазаревичъ является дѣйствительно типичнѣйшимъ представителемъ новѣйшей сербской словесности, наиболѣе рѣзко отразившимъ въ себѣ ея существеннѣйшую особенность, а именно полный, такъ сказать, демократизмъ какъ содержанія, такъ и языка. Дѣло въ томъ, что Сербія, по самымъ условіямъ своего возрожденія и возстановленія, явилась страшною простонародною по преимуществу. Всѣ лучшіе люди ея, дѣйствовавшіе на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, вышли прямо изъ простонародной среды; потому-то и писатели, вышедшіе изъ той же среды, понемногу поставили дѣло такъ, что литература, какъ по языку, такъ и по содержанію, сдѣлалась непосредственнымъ выраженіемъ народной души и жизни.

Съ литературнымъ преданіемъ предковъ новая сербская словесность, какъ извѣстно, почти совсѣмъ порвала всякія связи, и этотъ разрывъ получилъ даже весьма характерное внѣшнее выраженіе въ видѣ новѣйшаго сербскаго правописанія, которое Вукъ Караджичъ основалъ, какъ извѣстно, исключительно на фонетическомъ началѣ. Почти все содержаніе новѣйшей сербской изящной словесности состоитъ изъ чисто народныхъ бытовыхъ очерковъ, рассказовъ, многомного повѣстей въ родѣ „Школьной иконы“; вотъ почему все это содержаніе невольно пріобрѣтаетъ чисто этнографическій, такъ сказать, характеръ и значеніе, и поминаемый нами Лазаревичъ, въ глазахъ серба, является наиболѣе значительнымъ и сильнымъ представителемъ и выразителемъ этой особенности сербскаго писательства. Не удивительно поэтому, что почти всѣ журнальные цѣнители произведеній Лазаревича называли его не иначе, какъ „нашъ Тургеневъ“, „сербскій Тургеневъ“, „очевидни ученикъ великогъ приповѣдача рускогъ Тургенева“ (см. напр. отзывы въ „Яворѣ“, „Narodni'xъ Novina'xъ“ и вышеприведенное мнѣніе современника „Отачбина“).

Намъ только кажется, что сравненіе Лазаревича съ Тургеневымъ сдѣлано сербскими критиками неудачно; того и другаго нельзя сравнивать не только въ смыслѣ размѣровъ дарованія; самое творчество ихъ разнородно. Изъ всѣхъ произведеній Тургенева, который долженъ быть признанъ по-преимуществу поэтомъ интеллигенціи, однѣ развѣ „Записки Охотника“ могутъ подлежать сравненію съ рассказами Лазаревича,

будучи съ ними болѣе или менѣе однородны. Сворѣе сербскій писатель можетъ быть приравниваемъ къ такимъ нашимъ писателямъ-народникамъ, какъ Успенскій Глѣбъ, Левитовъ, Златовратскій и др. Только у него болѣе непосредственнаго отношенія къ народу, что, конечно, должно быть объяснено просто вышеуказаннымъ мною природнымъ, такъ сказать, демократизмомъ новѣйшей сербской словесности. Отъ такихъ личностей, какъ старый сельскій священникъ въ повѣсти „Швольная икона“, дѣдъ Матвѣй въ рассказѣ „У колодца“, вѣетъ чудной эпической простотою того еще первобытнаго строя вещей, изъ котораго Сербія мало по малу уже волей-неволей выходитъ на рутинный культурный путь западно европейской и спеціально австрійской цивилизаціи. Стоитъ только перейти этому общественному строю вещей въ область преданія, исчезнувши навсегда изъ жизни, и сербскимъ писателямъ неоткуда уже будетъ почерпать матеріалъ для такихъ рассказовъ, какъ рассказы Лазаревича; иной порядокъ вещей наступитъ, явятся новые люди, чисто европейскаго облика, лишенные спеціально-народной окраски, и тогда только настанетъ пора для повѣстей и рассказовъ Тургеневскаго пошиба...

Вслѣдствіе вышеуказанной эпической простоты и безыскусственности, рассказы Лазаревича, мнѣ кажется, смѣло могутъ быть пущены для чтенія и нашего грамотнаго люда, особенно деревенскаго, у котораго они несомнѣнно найдутъ хорошій приѣмъ, будучи для него вполне понятны и доступны по содержанію и по внѣшней манерѣ изложенія. вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легко проникли бы въ эту грамотную народную среду и болѣе правильныя и здравыя понятія о сербахъ, какъ объ одномъ изъ славянскихъ племенъ, наиболѣе близкомъ къ русскому по языку, по особенностямъ быта и склада жизни; особенно въ религіозномъ отношеніи, какъ племя единовѣрное, сербы могли бы возбудить въ себѣ *сознательное* сочувствіе русскаго простолюдина, что одно могло бы уже считаться успѣхомъ въ дѣлѣ развитія въ нашихъ массахъ сознанія своего славянскаго происхожденія и единенія съ другими соплеменными и притомъ иногда единовѣрными народами. Наши комитеты грамотности и разныя комиссіи народныхъ чтеній нашли бы, какъ мнѣ кажется, въ рассказахъ Лазаревича довольно благопріятный матеріалъ, притомъ благодарный, отличающійся своею свѣжестію и отсутствіемъ всякой дѣланности, чѣмъ такъ часто

грѣшать иногда наши изданія для народнаго чтенія. Намъ остается только пожелать скорѣйшаго исполненія этого предположенія; тогда успѣшное распространеніе въ народной средѣ Лазаревичевыхъ разсказовъ было бы болѣе или менѣе обезпечено.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Списокъ русскихъ переводовъ изъ Л. К. Лазаревича.

Русская Мысль за 1887 г., кн. 4. „Школьная икона“, переводъ А. Степовича.

Родникъ за 1888 г., кн. 4. Сокращеніе вышеозначеннаго перевода, подъ новымъ заглавіемъ: „Марьца“. Разсказъ снабженъ иллюстраціями.

Вѣстникъ Европы за 1888 г., кн. 7. „Въ первый разъ у заутрени“ (Први пут с отцем на ютриѣ), переводъ г. Н. Г.

Гражданинъ за 1888 г. (Приложенія): 1) „Въ добрый часъ, гайдуки!“, переводъ г. Д. Никольскаго (У добри час, хайдуци!) и 2) „Все это народъ позолотить“ (Све хтьє то народ позлатити), переводъ г. Д. Н.

Русскій Вѣстникъ 1890—91 г.: 1) „За народомъ не пропадетъ“ (Све хтьє то народ позлатити); 2) „У колодца“ (На бунару); 3) „Вертеръ“ (1891 г., кн. 3). Переводъ всѣхъ этихъ трехъ разсказовъ сдѣланъ г. С. Шараповымъ.

День 1889 г. „У колодца“ (На бунару), перев. г. М. Жерача.

Такимъ образомъ остаются неизвѣстными русскому читающему обществу только два разсказа Л. К. Лазаревича: „Вѣтеръ“ и „Онъ все знаетъ“ (Послѣдній разсказъ удостоенъ, какъ было выше сказано, денежной награды въ 500 динаровъ, присужденной Сербскою Академіей); мы не сомнѣваемся, что въ скорости и эти произведенія станутъ достояніемъ русской изящной словесности, такъ какъ интересъ къ этому сербскому писателю у нашего образованнаго общества, повидимому, еще не охладѣлъ. Такъ въ 1891 году нѣкто г. С. Шараповъ предпринялъ изданіе: „Восточно-европейскіе писатели въ русскомъ переводѣ“ отдѣльными небольшими выпусками, гдѣ Лазаревичъ, конечно, долженъ

занять одно изъ наиболее видныхъ мѣстъ; дѣйствительно, уже первый выпускъ этого изданія, которому можно во всякомъ случаѣ пожелать успѣха у нашихъ читателей, заключаетъ въ себѣ именно одинъ изъ рассказовъ этого писателя „У колодца“.

А. Степовицъ.

ОТДѢЛЪ III.

МАТЕРІАЛЫ.

СВЯТАГО КИРИЛЛА,

ЕКСАРХА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО, ИГУМЕНА,

НАУКА О ПРОТИВНОЙ УНИИ,

ПРОТИВЪ БЛАГОЧЕСТИВЫХЪ СВЕЩЕННИКОВЪ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЯСНОЕ УКАЗАНИЕ.

**„Наука о противной униі“—памятникъ полемической литературы,
составленный около 1626 года.**

Предлагаемый нами памятникъ, подъ заглавіемъ: „Наука о противной униі.. Кирилла“... (Лукариса), извлеченъ изъ рукописнаго сборника, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 376 in 4°. Сборникъ этотъ писанъ почти цѣликомъ однимъ почеркомъ (скорописью), мелкимъ, иногда четкимъ, иногда нечеткимъ, нѣсколько небрежнымъ. Составитель сборника, повидимому, жилъ въ Москвѣ, въ концѣ XVII в.; такъ можно думать, съ одной стороны, потому, что онъ внесъ въ сборникъ поученіе патріарха Іоакима, напечатанное въ 1688 г., и нѣсколько документовъ 80-хъ гг. XVII в. Онъ былъ, повидимому, однимъ изъ образованнѣйшихъ московскихъ людей конца XVII в., знавшихъ по гречески и по латыни, и любилъ щегольнуть приписками, въ родѣ: *тѣлос ка! тѣ Θεῷ δοξα*. Между списанными имъ статьями мы находимъ нѣсколько относящихся къ борьбѣ православія съ католичествомъ и униєю, каковы: „Наука“ Кирилла, „Бесѣда Бѣлоцерковская“ Іоанникія Галатовскаго, нѣсколько документовъ, имѣющихъ связь съ дѣломъ патріарха Никона (отписки разныхъ архіереевъ къ царю по случаю вѣтвы Никона на патріарха Птирима, отвѣты Павсія Лигарида Стрешневу), нѣсколько проповѣдей на разные случаи (на погребеніе „честнаго человѣка“, „честной жены“, „воинскаго человѣка“), отрывокъ изъ введенія въ курсъ латинскаго языка („*Vestibulum ad latinitatis janiam*“), наконецъ вѣнгу о томъ, „какъ солдатомъ оружемъ владѣти“.

Востоковъ считаетъ сборникъ написаннымъ въ Польской Руси. Вѣроятно же, однако, то, что онъ составленъ въ Москвѣ мѣстнымъ

книжникомъ, хорошо знакомымъ съ памятниками письменности какъ Московской Руси, такъ и Юго-Западной. Признаки его московскаго происхожденія огазываются въ томъ, что онъ западно-русскія и польскія слова переводитъ на сѣверно-русскій языкъ, или польскія выраженія пишетъ русскими буквами (напр. выраженіе: „co niesiesz, czy wielie? gróźne ręce nie mają miejsca w tém kościele“...), что въ припискѣ на обор. 30 листа написаны выраженія чисто славянскія, безъ всякихъ южно-или западно-русскихъ особенностей; что касается глоссъ на поляхъ поученія патріарха Іоакима, состоящихъ изъ южно-русскихъ словъ, на которыя указываетъ Востокъ, то едва ли онѣ сдѣланы составителемъ, а не однимъ изъ читателей или позднѣйшимъ владѣльцемъ сборника. Наконецъ, почеркъ сборника, по словамъ А. И. Соболевскаго, одинъ изъ обычныхъ великорусскихъ почерковъ XVII в., безъ всякихъ южно-русскихъ чертъ.

Статьи сборника могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: однѣ изъ нихъ тѣ, которыя перѣдны въ великорусскихъ спискахъ XVII в. (эсхатологическія предсказанія Андрея Юродиваго, поученія Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Златоустаго, отвѣтъ Лигарида); другія принадлежатъ къ памятникамъ южно-русской литературы XVII в. („Наука“ Кирилла, „Бесѣда“ Галатовскаго, „Слово на Благовѣщеніе“). Онѣ расположены безъ всякаго порядка; отсюда видно, что составитель помянутаго сборника вносилъ ихъ постепенно, въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени, имѣя въ виду только свои личныя потребности и интересы.

Предлагаемый нами памятникъ подъ заглавіемъ: „Наука Кирилла“ до сихъ поръ неизвѣстенъ въ печатныхъ изданіяхъ. Безъ сомнѣнія, онъ не принадлежитъ Кириллу Лукарису, а пущенъ въ ходъ подъ его именемъ для большаго авторитета, что было въ обычаѣ нашихъ старыхъ книжниковъ. Дѣйствительнымъ авторомъ его былъ, мы думаемъ, западно-руссъ, какъ это видно изъ языка и страстной непріязни автора къ папизму и іезуитамъ, нанесшимъ столь чувствительный ударъ православію въ Юго-Западной Руси. Составитель нашего памятника едва ли былъ человѣкъ съ систематическимъ школьнымъ образованіемъ; онъ скорѣе былъ начетчикъ и притомъ изъ простецовъ, хотя читавшихъ довольно много. Онъ жилъ, повидимому, не въ близкое время отъ начала униі, потому что имѣлъ

смутное представленіе о лицахъ и событіяхъ первыхъ временъ унии.

Предлагаемый нами памятникъ интересенъ не какъ историческій документъ, сообщающій намъ какія-либо новыя данныя для исторіи унии и борьбы православныхъ съ нею, а какъ памятникъ литературный. Это-полемиическое сочиненіе объ унии, построенное на основѣ историческихъ и легендарныхъ преданій о ней и народныхъ воззрѣній на нее среди православныхъ и сопровождающееся исчисленіемъ латинскихъ заблужденій, напоминающихъ обличительныя пункты Іоанна Вишенскаго на унию ¹⁾.

Въ нашемъ памятникѣ встрѣчается нѣсколько непонятныхъ выраженій, быть можетъ, неудачно прочтенныхъ переписчикомъ изъ великороссовъ, недостаточно знакомымъ съ западно-русскимъ нарѣчіемъ, выраженій, восстановление которыхъ теперь затруднительно.

При воспроизведеніи „Науки объ унии“ въ печати титлы раскрыты, и въ концѣ словъ проставлены з и ъ вездѣ, гдѣ нѣтъ этихъ буквъ въ рукописи.

А. Крыловскій.

---

¹⁾ Дк. Ю в 3. Р., т. II, стр. 205—270.

Святаго Кирилла, ексарха Алесандрійскаго, игумена, наука о противной уніи, противъ благочестивыхъ священниковъ православныхъ ясное указаніе.

Вы, священники благочестивіи, пытаете, православныи отцы и братія любезная, пытаете многократно, что есть унѣа и якій пожитокъ приноситъ христіаномъ. Если же тежъ любовь ваша, а зрозумѣти рачте.

Розумѣется унѣа, по просту речши згода, то есть едноть двомъ набоженствомъ, греческому и латинскому, которую предъ всѣми людьми залецають, абы до ней приступили.

Такъ же и нѣсъ и васъ ловятъ лагодне латинницы и унѣаты.

Тая унѣа за Святыхъ Апостоловъ неслыхана, и отъ Святыхъ Отцовъ не постановлена, и на святыхъ соборахъ не потверженна, и отъ святыхъ мучениковъ не визнаванна, и отъ давныхъ вѣковъ за святыхъ ся не оказывала, а же теперь вынигнула ново недавно отъ ѿ-ти лѣтъ за Григорія тринадцатаго, папы римскаго, зъ новымъ календаромъ. Тая унѣа, недавныхъ часовъ, забѣгла тутъ до наше Руси и по околичныхъ сторонахъ зъ Риму по воплощеніи Христовомъ року хѣлѣа, гды смышленное послушенство относили до Риму владыки русскіи папезу римскому. А меновите о знайму тыхъ особъ двоухъ, которые доброволне отдали папезу послушенство. Первая особа на имя Ипатій Потѣй, который, первѣй будучи христіаниномъ, потомъ, повинувши вѣру христіанскую, былъ розмаитымъ геретикомъ: напе-

редъ былъ нуркомъ, потомъ новокрещенцомъ аріаниномъ, и жидомъ былъ, отрѣкшися Христа, и въ школѣ жидовской молился ¹⁾; потомъ ксіонже Острозскій Василій, воевода кіевскій, просилъ святѣйшого патріарху Іеремея, будущого на той часъ въ Вилнѣ, по зверженію Онисифора, просилъ, мовлю, абы того Патѣя отъ жидовства намовилъ на христіанство, которого патріарха святѣйшій и окрестилъ коштомъ вязцѣмъ. По крещеніи ксіонже его мл., роскошавшися въ нюмъ, же тотъ сталъ христіаниномъ, тамъ же заразъ казавъ его посвятити на владыцтво Володамерское святѣйшому патріарсѣ; а потомъ того Патѣя зъ владыцтва тогожъ святѣйшого патріарху просивъ ксіонже его мл., же бы его посвятилъ на митрополію патріарха, на которомъ посвященію зрозумѣлъ святѣйшій патріарха, же ся церковь Божая не утѣшитъ съ того человѣка, и не хотѣлъ его посвящати, ажъ ледва упросивъ ксіонже его мл. святѣйшого патріарху Іеремея, мовячи такъ, же, повѣдаеть, будетъ изъ него человѣкъ добрый, бо южъ былъ rozmaitymъ герегикомъ, и такъ повѣдаеть: сподѣваюся, же будетъ уже стальмъ у вѣрѣ христіанской. Теды той Патей ²⁾, по отѣздѣ патріаршой, не много потрывавши, и здрадивши ксіонженца и речъ посполитую и свою присягу, якъ ся былъ обѣцалъ стальмъ быти у вѣре христіанской, потаемнѣ утекъ до Рыму зъ владыкою луцкимъ Терлецькимъ двуженцемъ, отдаючи послушенство папешовѣ римскому въ року 1644 ³⁾. И приѣхавши зъ Рыму ді лѣтъ таився зъ унѣю, не показуючися быти тахимъ, ажъ ся показало сего року,

¹⁾ Подобные толки о Поцѣѣ ходили у современниковъ, какъ это видно изъ „Перестрога“ (Ак. З. Р., т. IV, № 149, стр. 209) и „Густинской лѣтописи“ (Полное Собр. Русск. Лѣтописей, т. II, стр. 371).

²⁾ Поцѣѣ былъ рукоположенъ во епископа владимірскаго и брестскаго Михаиломъ Рогозою, митрополитомъ кіевскимъ, въ 1598 году, по предписанію короля, „ни чѣмъ ся не вымолвлячи“ (Ак. Зап. Р., т. IV, № 44). Слѣдовательно, писатель нашего сборника смѣшиваетъ Михаила Рогозу и Ипатія Поцѣѣ, когда говоритъ, что патріархъ Іеремя при посвященіи Поцѣѣ „зрозумѣлъ, же ся церковь Божая не утѣшитъ съ того человѣка“. Въ Густинской лѣтописи читаемъ: „Духъ святый, дѣйствуя въ патріарсѣ, не благоволи въ немъ (т. е. Михаилѣ Рогозѣ), и не хотяше его святити патріархъ; но послѣди, моленіемъ отъ многихъ убѣжденъ бывъ, рече: аще достоинъ есть, якоже вы глаголите, буди достоинъ; аще ли не достоинъ есть, азъ чистъ есмь отъ сего, вы узрите; и тако посвяти его“ (Пол. Собр. Рус. Лѣтоп., т. II, стр. 369; Ак. З. Р., т. IV, „Перестрога“, № 149, стр. 206).

³⁾ Въ этомъ году впервые владыками было заявлено согласіе на унию. А. Ю. З. Р., т. I, № 202.

то есть *Ді*, во Львовѣ; ¹⁾ и не принялъ его во Львовѣ жаденъ чловѣкъ ани до жадное церевн его не допустили, ани проскуръ ему не дали. Але онъ, купивши на рынку пироговъ, и служилъ собѣ въ костелѣ литоргію у фари, а на мещанъ пофалаяся, же его за митрополита не приняли, а на архіепископа отца Гедіона Балабана лвовского, еѣрху константинопольского, позовъ свой положивъ и листъ свой проклятый на дверохъ церковныхъ Успенія Пречистой и Преподобной Богородицы Приснодѣвы Маріи въ мѣстѣ у звонницы мурованной прибѣти казалъ; потымъ довѣдавшися его милость отецъ архіепископъ Гедіонъ Балабанъ, же на его епископію наехалъ, и приѣхавши до Лвова сталъ у св. Георгія на передмѣстю въ церевн кафедральной, казалъ тотъ листъ Патѣвъ взнати изъ дверей церковныхъ, утверждаючи христіанъ, ижъ то есть речъ проклятая того-то Патѣя и не маеть въ собѣ жадное моци и благословенства; и прибилъ свой листъ благословенный такой противъ того листу тымъ способомъ пишучи, же то есть речъ проклятая тая унѣя; и научалъ много христіанъ, абы ся не дали зводити, а тому Патѣю далъ позовъ, же наѣхалъ на его епископію; тамъ же въ понедѣловъ, на сошествіе Святаго Духа, до единой каменици казалъ ему ся становити, тому-то Патѣю. Где тыжъ тамъ, въ той каменици, были два воеводы любелскій ²⁾ и белзскій ³⁾, такъ тыж и розмантыхъ людей за архіепископомъ

¹⁾ Въ 1604 году Ипатій Поцѣй, желая завладѣть Львовскою епископіею и Юрьевскою соборною церковью, прибылъ во Львовъ; но мѣщане въ лицѣ ставропигіальнаго братства окружили церковь и епископскій домъ и Поцѣю въѣхати не дозволили. Вслѣдствіе чего Поцѣй принужденъ былъ остановиться у латинника аптекаря Яна, откуда потребовалъ, чтобы владыка львовскій Гедіонъ, духовенство и братство явились къ нему и признали бы надъ собою его власть, угрожая, въ случаѣ ослушанія, употребить строгія мѣры. Приказаній Поцѣя никто не послушался и не явился на его зовъ. Поцѣй принужденъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ (Зубрицкій, Лѣтопись Львовскаго ставропигіальнаго братства, годъ 1604 г.).

По поводу пребыванія Поцѣя во Львовѣ братство составило нѣсколько назидательное наставленіе Поцѣю, а львовскій протопопъ Григорій, епископскій намѣстникъ, написалъ цѣлое соборное посланіе къ духовенству и мірянамъ львовской епархіи, въ которомъ, жалуясь на Поцѣя, говоритъ, что онъ „великій розрухъ и розтеркъ и звади межи посольствомъ, звывклымъ въ покою жити, починилъ, подъводячи люди на люди и уряды такъ духовного, якъ и свѣцкаго стану, на чиненъе кривдъ, сажена и винами караня, изъ цеховъ витисканъе, отсуженія чти.... (Петрушевичъ, „Сводная Галицко-Русская Лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ“, стр. 403—405).

²⁾ Маркъ Собѣскій (Niesiecki K., Herbarz Polski, wydanie przez Bobrowicz. Lipsk. 1839—1846, т. I, стр. 186 и т. VIII, стр. 429—431).

³⁾ Станиславъ Влодекъ (Niesiecki, т. I, стр. 192 и т. IX, стр. 374—375).

своимъ, окромъ посполитого люду, которого барво много было коло тое каменницы, ходячи за своимъ епископомъ; потомъ и Патѣй пришло, и, гды ввойшло до каменницы, теды отецъ архіепископъ на привитаню не далъ ему руки и анѣ всталъ предъ нимъ, ани сидѣти ему далъ, але казалъ ему, тамъ же стоячи, справлятися, мовачи до него: „для чегось ты наехавъ на мою епископію, будучи зверженнымъ отъ сану епископского на соборѣ Берестійскомъ и будучи простымъ нѣякимъ земляниномъ, и смѣешь безпечне литургисати; або того не вѣдаешь, же гды якая бестія доткнется явой святости, теды южь не можетъ ся назвати святостью? Таеъ ани твоя служба не маєтъ въ соби жадной моци, анѣ святости“. Тогда Патѣй, не могучи ся оправдати, назвался митрополитомъ папезскимъ, на што и привилейми хвалился; потомъ отложили тую справу до заутрія на ввоторокъ, поневажъ вечерня наспѣла. На завтрій день отецъ архіепископъ казалъ у великій звонъ звонити, абы ся люде собрали; тамъ ихъ научалъ, утверждалъ, абы крѣпко въ святой вѣрѣ стояли и на сеймахъ, южь не новина, противъ таковыхъ геретиковъ становитися могли. По божественной литургіи знову до тое каменницы отецъ епископъ зъ множествомъ христіанъ пришовъ; пришовъ тежъ и Патѣй; и много ему отецъ епископъ прѣтивъ и до великаго встыду Патѣй приполтъ. не могучи ся оправдати, або вѣмъ знову были тамъ тые два воеводы любелскій и белскій; потымъ зъ великимъ гнѣвомъ розішлися. На завтрій день, въ середу, рано казалъ отецъ епископъ у великій звонъ звонити, абы ся люде зобрали, и служилъ самъ литургію соборомъ, и, утвердивши люди, отехалъ до Галича отецъ епископъ; а Патѣй, поприбѣявши листы свои по костелахъ и въ церкви той же Успенія Пресвятое Богородицы у мѣстѣ, а самъ почалъ возы готовати и стацѣю свою на дорозѣ казалъ вернути и самъ зе Лвова утѣкъ, грозячися на мещанъ, же его за митрополита не приняли. Потомъ въ четвертокъ рано пріѣхали до Лвова коморнѣцы отъ князя Острожского Василя, воеводы кіевского, шлѣгуючи того Патѣя, але южь его во Лвовѣ не застали и глядѣли его листовъ по всѣхъ костелахъ рымскихъ; которые листы сами ляхи познѣмали, абы ихъ не освѣдчано; и съ тымъ оныя слуги поѣхали до Галича за отцемъ архіепископомъ, просячи его мл. до князя его милости. Потоу конецъ той справѣ.

А хочете лѣ вѣдати, для чого то унѣю тѣ двѣ особѣ приняли выпш менованные, то есть Ипатій Потѣй, а другій Кирило Терлец-

кій? Для того, ижъ имъ то обещано дати мѣсце у радѣ королевской, при лягату папезскимъ; и гды ихъ легатъ послалъ за папежа тыхъ выше менованныхъ особъ, абы ся тамъ, поклонивши, и послушенство отдали папежу въ Римѣ, обещаючи имъ легатъ при собѣ завше мѣсце заседати дати на сеймѣхъ при арцибискупахъ и ксенжахъ, скоро зъ Риму приѣдутъ отъ папежа зъ свѣдоцствомъ. И такъ съ тоєю обещаницею отъ легата папѣского поѣхали до Риму и, ведлугъ пожадана своего, якъ хотѣли, такъ и справили, отдаючи бовѣмъ отъ всѣхъ владыкъ послушенство папежу, которымъ владыкамъ анѣ ся снло.

Теды папезъ, розумѣючи правдою, жебы его всѣ владыки признали, яко то митрополита, заравомъ розказалъ имъ по лацѣнѣ отправовати въ Корунѣ Полской по церквахъ, а стѣни въ волтарѣ входячии и съ царскими дверми и сѣверскими вырѣзовати казалъ папѣжъ, же бы власне не церкви, але костелы были; и для того имъ по латине розказалъ конечне отправовати, а руское церковное набоженство все попалити, мовячи такъ до нихъ папезъ: „нехай будетъ единъ пастыръ и едина овчарня“. Они, обачивши, же зле, же то заразъ бы приехавши изъ Риму набоженство грецкое повинувши въ церквахъ, а до того и стѣны олтарные повырѣзовати, а до того еще же до Риму потаемне утекли, отдаючи послушенство съ Короны Полское и тежъ безъ вѣдомости вшитскихъ владыкъ и всего духовенства, и христіанства.

І тамъ, скоро приѣхали зъ Риму, на сеймъ до лягата папезского розумѣючи, же мѣсце засадуть зъ нимъ и тежъ и зъ арцибискупамми римскими на сеймѣ, ажъ ихъ надѣя обмылила: абовѣмъ презъ увесъ сеймъ розказалъ имъ лягатъ стояти у дверій, одному у единого ушака, а другому у другого; и такъ и теперъ мѣсца нѣ мають тые слѣпые вожове зъ своею зъ гнилою униєю, съ которыхъ и теперъ, ляхи смѣются не вымовне, а они тежъ, ослѣпившися тоєю манѣєю, тиснутъ до костела, хочай ихъ бы намнѣй костель не потребуеть; а теперъ хочай бы и рады назадъ обернутися, такъ не машъ якъ, бо сами того хотѣли; а отъ насъ ся отщепили и отъ святой восточной церкви, и святыхъ патріарховъ, и стали ся подъ клятвою за тое, которые уже и сами изгнили и намъ тоей прелести наискрыли, якъ саранча свой плодъ розпустила. Такъ униа христіанскому роду закону сказителница и вынищить усилуетъ святую православную христіанскую вѣру; тая униа на грѣхъ кожного приводитъ, для которой

присягу свою каждому зломити мусить; тая унѣа выволанцемъ церковнымъ, и отгнаннымъ попомъ презъ негодность пышнымъ, и паницамъ, и лотромъ, шалбѣромъ, лакомцомъ, и негоднымъ, и святоулицомъ, и двоеженцомъ есть смачна и угодна; тая унѣа на всѣхъ распустности позволяетъ духовнымъ попомъ и чернцомъ на мясо едзена; тая унѣа гвалтъ и мусъ чинить и насилване святымъ Божиимъ церквамъ и гонить насъ въ латинскій костюль, иже бы зъ насъ (яко зъ нихъ самыхъ)¹⁾, якъ зъ глупцовъ, шидили ляхи; тая унѣа нѣ отъ небесъ, нѣ отъ Іерусалима, нѣ отъ востока еи подано, але въ Римѣ вылупилася, якъ зміа зъ ейца, а тутъ ядъ свой изливаеть всюды; тая унѣа нѣ жидовъ, нѣ турковъ, нѣ ормянъ, нѣ татаръ, анѣ новокрещенцовъ не приводитъ на свою гнилую отъ Бога проклятую унию, тылко вѣрныхъ христіанъ трвожатъ и турбують; тая унѣа у Греческомъ народѣ и въ Московскомъ царствѣ не маеть мѣста, и брѣдятся ею вѣрные христіане; тую унию зъ вѣковъ залецають каждому слѣпше вожове, и хто зъ нею шлюбъ возметь, достанеть або уряду, або имени, або шляхецтва, любъ тыжъ и воеводства; тая унѣа пилюно ся у томъ кохаетъ, абы римского папежа хвалено и жебы приимовано его уставы, якъ онъ что роскажетъ, бы вже и о Христѣ мало споминано было, тая унѣа не важетъ мѣти Христа за голову церкви, тылко одного человекъ на всюмъ свѣте римского папежа, о которомъ вѣрныи пытаются: если тая голова ровно изъ иншими будетъ умирати, то южъ Богомъ быти не можетъ, а за тымъ, гды смерть, ажъ и вамъ, унитомъ, и собѣ нѣчого не помогутъ; тая унѣа труднѣйшая надъ турецкую неволю, бо тамъ въ Турцехъ вѣры не зневоляютъ; тая унѣа—цереграфъ на тое, абы выполняти, што имъ старшии кажутъ, вымысливши ведле своихъ мозговъ, а не волею Божею; тая унѣа до потваровъ, сами жъ зачепивши христіанъ и причину давши, заразъ до протестатіи, до позвовъ, до права а до статutowъ папѣ, такъ умѣють и знаютъ раздѣлы и артикулы на память лѣпшей, нижели зачала въ Евангеліи; тая унѣа ворота до всѣхъ новинъ злыхъ, котори старожитные Святыхъ Отець житіе вынищуютъ, а ведле своихъ мозговъ за наукою отца ихъ антихриста инакшей выладають и вынищуютъ, предотечи антихристовы того вѣку проныр-

¹⁾ Въ подлинникѣ скобки.

ливые; тая унѣя не можетъ ся назвати нѣ христіанская вѣра, нѣ латинская, бо отъ церкви восточной отступили, а до западнаго костела не приступили въ еднѣсть; тая унѣя нѣчого своего власного нѣ маеть, але въ постатѣ чужой овазуется, якъ бѣсове берутъ на себе тѣло з офѣрдымовъ, приносимыхъ имъ отъ чародѣевъ, будучи сами безплотныи; тая унѣя житіе бѣсовско собѣ увяла тыхъ вѣковъ остатечныхъ передъ суднымъ днемъ, бо бѣсъ, завидуючи христіаномъ православнымъ, же на его мѣстцу, съ которого зъ высочости и спалъ и съ полкомъ своимъ, же христіанами православными Христосъ маеть наполнити, и для того на грѣхъ изводитъ, жебы на его мѣстцу не были. Такъ же унѣтове, своему лживому богу-антихристу моцно служащи, заздрятъ христіаномъ, отступивши отъ вѣры христіанской, заводячи ихъ и обещаючи имъ дигнѣтарства, маетности и роскоши размаитые, а иншихъ гвалтомъ и маетности отбиранемъ и мордерствы размаитыми тылко абы могли якожь колвекъ отъ головы Христа отвести, а подъ иную антихристову всѣхъ ради бы подбити и подманити, якъ сами поманилися, и погнати, и церкви Божіи погноили и попустошили, а въ которыхъ церквахъ сами будто служатъ для оманы людей, теды чинятъ брыдкое спустошеніе на мѣстцу святомъ, ведлугъ свѣдѣцтва Даниѣля пророка во главѣ 7-й. Вся бо вѣмъ церковь Христова ими ся гнушаетъ и ихъ набоженствомъ и офѣрами ся брѣдитъ, якъ и въ Брестю Литовскомъ, по зверженію того Патѣя на соборѣ и по отлученю духовного его сану, и гды ся важилъ служи ти литургію, теды явне Господъ Богъ чудо показалъ, же келихъ засмердѣвся зъ сакраментомъ ихъ, при много людѣй, ажъ не могли поживати; то ежъ ся и въ Володимеру стало, же на устрашеніи, въ царскихъ дверехъ ставши съ келихомъ, единъ попъ унѣтъ и почекалъ поки скончили крылошане причастенъ; скоро жъ вымолвилъ: „со страхомъ Божимъ и съ вѣрою“ и проч., теды съ келиха сакраментъ Божій и зъ лыжечкою презъ голову оногo священника вылетѣло и предъ престоломъ упало на сукно; съ которымъ сукномъ вырѣзавши тамъ же въ церкви спалено, а люди безъ причастія отишли ¹⁾. Та-

¹⁾ Это—одно изъ тѣхъ легендарныхъ сказаній, которыя упоминаются въ Густинской лѣтописи (Поли. Собр. Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 373), въ Перестрогѣ (Ак. З. Р. т. IV, № 149, стр. 224) и въ собственно ручныхъ запискахъ Петра Могилы (Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. 7, стр. 116—119).

кая то манья ихъ, тыхъ згнилыхъ оеѣровниковъ. Еще припомню, што ся въ Слонимѣ стало о тѣхъ манятахъ въ року 1617, въ мѣсяцу сентебру, свой з'їздъ, хотячи новый календарь въ церквы по латине набоженство поставовити, а руское набоженство попалити, а той заволапы клявѣюшовъ езуиты календарь выставити и приняти, за-лецавъ еденъ попъ на катедрѣ, албо рачей похлѣбца, мовячи такъ же съ костеломъ римскимъ въ болшихъ есмо ся речахъ згодили, а чему же быхмо ся мѣли лучити одъ нового календару; сшовши съ катедры, тамъ же нагле здохъ ¹⁾. А то былъ першій въ нихъ слѣпый вожъ, который смѣлъ новый календарь залецати. Я мовлю, же его Господь Богъ покаралъ, якъ Арія первшого. Далей не хочу ихъ штукъ выличати, хотъ еще много ся остало, гдыжъ всѣмъ христіаномъ тая ихъ манья явна. Тая унѣя съ послушенства Божого зволекаеть, а въ послушенство свое вяжеть; тая унѣя духовному разуму не послѣдуетъ, але свѣтскому неволница есть; тая унѣя восточную церковь матку мажеть, а западную маеть отчима-костюль; тая унѣя подобная челядницы, воторая надъ своею панею владзу маеть; тая унѣя святыя церкви и олтары сквернить, изъ до неи люди негодныи вступують; подъ тоєю унѣею мучители, а не учителя, и тиранове наступують, а не преподобныи мужи на владыцтва, якъ дѣялося у Премышлю въ мѣсте отъ Крупецкого ²⁾, а въ Брестю Литов-

¹⁾ Это сказаніе, сколько намъ извѣстно, не встрѣчающееся въ другихъ памятникахъ, похоже на сказаніе Густинской лѣтописи.

²⁾ По смерти Михаила Копиенскаго (1610 г.) Перемышльское епископство отдаво королемъ Сигизмундомъ III Аванасію (въ мирѣ Александру) Крупецкому, по происхожденію литвину и при томъ римско-католику. Крупецкій сначала былъ писаремъ въ Луцкой области, а потомъ за выдающіеся свои дарованія былъ призванъ ко двору смотрѣть за воспитаніемъ королевича, гдѣ и задумалъ поступить въ монахи чина св. Василія Великаго, принять унию и получить Перемышльское епископство. Въ 1610 году 20 іюня онъ былъ посвященъ въ Брестѣ во епископи Ипатіемъ Подѣемъ. Православные Крупецкаго знати не хотѣли, выбрали себѣ Хлопецкаго (Шинку), который, получивъ королевскую привилегію, скоро умеръ. По смерти Хлопецкаго Крупецкій одинъ остался епископомъ Перемышльскимъ и такимъ онъ былъ до 1620 года. Въ этомъ году патріархъ іерусалимскій Теофанъ посвятилъ игумена дубенскаго Исаакія Копиенскаго Борисковича епископомъ Перемышльскимъ, и съ этихъ поръ Перемышльская епархія имѣла двухъ епископовъ: одного униата, другого православнаго. Между ними завязалась жестокая борьба, въ которой принимали участіе братство, духовенство и шляхта. Борьба эта продолжалась до 1650 года, т. е. до смерти Крупецкаго, между нимъ и слѣдовавшими одинъ за другимъ православн. епископами: Іоанномъ Романовичемъ Попелемъ, Сильвестромъ Воютинскимъ Гулевичемъ и съ

скомъ отъ Патѣя, которыи титуломъ владыки, а дѣломъ тираны и мордерцы; тая унѣя людей слабыхъ въ разумѣ отъ Бога отлучаетъ, а до распутности оказія; тая унѣя христіанскій родъ въ мятежъ привела и ненависть межи Русь и Поляковъ учинила; тая унѣя практика на тое, ижъ бы были зъ церквей костелы, а зъ священниковъ плебаны, а съ христіанъ папезники; тая унѣя широкую хвалу Божию старается въ дому Божиимъ скоротити, а потомъ излупити и остатокъ загубити, а латинское набоженство увести уготавала; тая унѣя подобная тымъ мужемъ, которыи предъ потопомъ злучились сн (?) и сынове Сифовы з дочками Каиновыми надъ заповѣдь Божию, яко свѣдчатъ книги Бытія 3 и а1, за што были потомъ караны и погинули; такъ и унѣты подобни тымъ мужемъ, которыи по потопѣ размножившися замыслили муровати вежу, абы по нюй взлѣзти на небо, где имъ Богъ розлучилъ мову и розсыпалъ ихъ згону и раду, которыи, не доконавши работы, зе встыдомъ розойшлися и мовою и мешканемъ по всей землѣ; единъ толко Еверъ до той унѣи не приступилъ и при своей мовѣ zostалъ, а тые всѣ съ теперешними унѣята подобни мешчаномъ Содома и Гомора, которыи ся на грѣхъ нечистый згодили и такъ огнемъ погорѣли; тая унѣя—незнакомитая, але зводителница отъ правдивое дороги спасенной. Тая унѣя передъ очима папезниковъ вѣру ихъ хвалеть, а заочне ганяеть; предъ очима православныхъ патріарховъ хвалеть, а заочне ганяеть, вдаючися предъ всѣми лицемѣри. Тая унѣя розширяется у Руси суптелно, углажено, уфарбовано и полящено, а часомъ и кровію польяна; тая унѣя научила заширатися отца и мати, и кровныхъ, и повинныхъ на остатокъ и вѣры своей, отъ крещенія св. взятое; тая унѣя черезъ заруки презъ вины, презъ заруки урядовые, презъ вязеня до турмъ по мѣстахъ и селахъ до себе примушають и приводятъ; тая унѣя не вадится зъ невѣрными людьми, але тылко православныхъ христіанъ турбують и потрясають; тая унѣя на каждого православного голосомъ рычить: „возми, возми, распни его!“ Тая унѣя, которая яко бы любовь держить, такову изъ невѣрными пріязнь и братство заховуетъ,

Антоніемъ Винницкимъ, съ одной стороны, и съ другой—Крупецкимъ (Лѣтопись собора перемшляскихъ клирошанъ; *Stebelaki, Chronologia*, стр. 223; *Ostrowski, Dzieje prawa kościoła polskiego*, т. III, стр. 500; Перемшлянинъ на 1854 годъ; Сводная Галицко-русская Лѣтопись Петрушевича, стр. 40—42; Голубевъ, Петръ Могила, приложение, стр. 190—194; Ак. Ю. и З. Р., т. II, № 40 и др.).

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VI, отд. III.

3

а кровь невинную проливаетъ, якъ то значно оказала въ Московскомъ царствѣ; тая унѣя трубитъ силно врыкомъ таковымъ: „папѣ, папѣ, папѣ вляняйтеся“! Тая то унѣя рада бы все писмо словенское и святыи книги церковныи вынищила и потлумила, на которыхъ самыхъ то тѣхъ унѣтовъ мовить Спасъ нашъ и Избавитель: „если кто запрится Мене предъ чловѣки,—запруса и Я его предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ, Ижъ есть на небесѣхъ“. А унѣаты зъ латынниками зовутся святая згода, а мы зась ее называемъ отступленіе розуму прирожного, такъ же вѣры ихъ и церкви, древо грѣху, овецъ беззаконства, потрава зъ трутизною, лестъ солодкая, кривая дорога, духовное чюжолозство, matka заздности, яко овецъ земли содомскна, который зверху красенъ, а внутрь брыдкости полный. Тая унѣя предводителница отъ малого початку отщепенства на великое згульное беззаконство и до вѣчной муки углаженная стежка; початокъ нма маеть лагодности, а конецъ—безвстыдливость и нечеловеченство, а выконане зась душевное братоубійство. Тая унѣя тую моцъ маеть, абы православный и цалый въ вѣре южъ такъ вѣривъ, якъ панъ каже, за подпущен'емъ ихъ, што явне воли Божой и самой правдѣ есть то противно. Тая унѣя влоскими фортелми есть уплетенна и закрыта предъ тыми, на которыхъ ловитву застановлено, абы до ней вязли, якъ птахи въ мысливцеву сѣтку; та унѣя не любить того слова Христоваго, где мовить самъ Христосъ: „Азъ есмь пастырь и душѣ Мою полагаю за овцы“; тая унѣя увесь належный Христовъ урядъ и расправу его папезовѣ римскому присуживаетъ; тии унѣятове подобны тымъ ремесникомъ, которые съ долгои сувени короткую чинять; также и унѣяты, вырѣзавшиися изъ благочестія, изгордиши шатоу крещенія Христова, пострѣзовали себѣ вѣру и сумнѣня маючи, але сами доброволне, ни отъ кого примупени, абы до той манѣи приступили; ихъ старшій Патѣй то имъ справилъ, яко самъ былъ розмантымъ еретикомъ, покынувши вѣру христіанскую, и, такъ не стачечнымъ будучи, перше самъ обманився (яко вышъ есть писано)¹⁾, а при собѣ и другихъ поманивъ; и теперь ходять его наслѣдники въ короткихъ и подвасистыхъ сувняхъ, якъ чаплѣ и буслѣ по болоту, гадъ хапаючи и ловячи; такъ и они теперь, безъ розуму, што имъ придетъ на мысль, если кого набривши по собѣ въ болотѣ свѣта, те-

¹⁾ Скоби въ подлинникѣ.

ды заразъ на смерть, албо на муки розмантые, гды же всюды имъ о то не трудно, если бы хто зъ ними не хотѣвъ шалонимъ быти, а болѣ тежъ манѣтомъ. И то глупство и барзо смѣху годно, жебы хто отъ суполного розуму собѣ зычивъ отступивши, а шаленства безрозумного набывати бы мѣлъ. Вѣдаю добре, же жаденъ розумный на тое не позволить и овшемъ еще передъ шаленымъ утѣбаеть; а ктожъ тымъ унѣятомъ виненъ, што вони доброволне пошалѣли, само хотячи, и прилучилися до костела римского, и ихъ костелное вызнана вѣры и артикулы исъ собору приняли Флоренского, Триденского; которыхъ артикуловъ церковь наша Восточная матка не примуеъ и той ихъ соборъ яскинею и збойцею называеъ, абовѣмъ на томъ концилѣомъ, то естъ соборѣ Флоренскомъ, Триденскомъ, много новыхъ артикуловъ отъ Формоса папежа приняли, противныхъ противъ самого Бога во Троицы, противно и церквѣ Восточной и соборамъ святымъ семи, которые отъ святыхъ Отецъ становляны были Духомъ Святымъ, которые соборы и папезове зъ нами держали презъ дванадцать сотъ лѣтъ въ святой унѣи и костеломъ не называли теперешнаго костела, але церковью; которыхъ то папезовъ маемо и въ календару своемъ благочестивомъ; такоже и каноны читовали въ Минеахъ Мѣсячныхъ святымъ отцомъ, якъ въ церквѣи и теперь православной у насъ знайдуется. А онъ, папезъ Формосъ, важился то отмѣвити и тое все попалити казалъ, а ведлугъ своего постановленя розсказалъ инавшей вѣрѣти, которому оны похлѣбцы унѣтове доброволне послушенство безъ примуженя отдали и похожене Духа Святого отъ Сына, и чистецъ, и все его вызнана приняли, и такъ ся всѣ поманили. Той унѣи творцы нѣякіеъ вызуиты, которые людей з розуму вызувають и сами с крыжаковъ повстали, которыхъ бернардынове барзо не любятъ; которые то вызуиты, хочю мовити езуиты, именемъ христіанства згордили называтися и взяли собѣ товариство зъ манѣты, хочю мовити изъ унѣты; тыи двѣ регулы: една секта вызуиты, а другие манѣты; теперь же ся до розуму винули манѣты, же ся хопили до той регулы южъ теперъ не въ короткихъ сувняхъ, але такъ ся выстрыхнули съ ковнерами высокими, поизрениамъ страшнымъ и походомъ, такъ яко ихъ самъ автог-антихристъ научивъ; теперъ не познаешъ, который вызуита, а когорый манѣта. Тутъ не вадить еще животь положити тыхъ вызуитовъ.

Реляція о скрытыхъ штукахъ езуитскихъ нравовъ: где въ якомъ мѣстѣ почнуть ся фундовати, то напередъ слепись потаемии змуруютъ, и такъ мистерный и свѣтлый, въ которомъ мешван'е яко царское; потомъ вляшторъ поставятъ и костюль; при которомъ вляшторѣ, гды южь ся размножатъ старыи и молодыи, теды тые старыи молодыхъ учать и посылають перше на рынокъ, жебы просили на костюль ялмужныи, а потомъ учатся того, жебы у купцовъ, у крамаровъ, чого потреба, абы фортелемъ такимъ на костюль достали безъ грошей, за што люде платятъ; а ежели научатся малыхъ речей просити, теды южь ихъ посылають до князятъ, до пановъ великихъ; але мудро научивши, же буде философією наробляти въ ораціи, же не тылко маетность, албо гроши якии панъ дастъ, але такъ зъ розуму вызують, же и себе самого и з жоною радъ бы далъ; а еще подчасъ на питку съ тымъ же паномъ розмову свою ведлугъ философіи выставятъ, же з бѣлого сукна албо блаваду учинятъ чорное, а съ чорного за ся знову бѣлое; такъ то силюизмама здоймуютъ и поважутъ, же каждый признаеть, хто буде при томъ; при той зась розмовѣ, почнуть того князя ли албо пана пытати, якъ много, маетности маеть и якъ много иньтраты чинить; потомъ по малу малу упросятъ якую маетность у того пана, а потомъ, видячи южь подплого пана, теды коло него штукаю зайдуть, испытають, яко ся вашмосць, мосць пане, подписуешь, и за-разомъ баламаръ подставятъ; теды мають при собѣ аркушъ паперу зобганого штучне, жебы тамъ руку подписавъ, где власне подписують; и такъ якъ подпишетъ докладне, теды будутъ пытати, якии гербъ; и скоро печать дадутъ, тамъ же, пробуючи, до того жъ листу притиснуть, а листа не роспротираючи, жебы розумѣли писанныи. Потомъ, на завтрешній день, по похмѣлю, почнуть просити пана о листъ на тую маетность, которую имъ обещаалъ; теды по отѣзде отъ пана до вляштора и заразомъ на томъ аркушѣ, што хочуть, напишутъ и маетности того шляхтича, що найналѣпшии до книгъ гродскихъ активують,—такіи то вызуиты мають свои штуки. А гды по ялмужной издасть, то по два, то ¹⁾ единъ езуита, а другій молодой—бѣлая голова по езуитску въ тыхъ же сукняхъ; а тые што въ вляшторѣ старшии, то въ томъ sklepѣ собѣ на-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ подлинника нѣсколько словъ зачеркнуто.

питвовъ розманныхъ коштовныхъ заживаютъ съ паннами; и ежели бы якая панна убогая была, теды въ свои шаты ее убравши и такъ съ нею роскоши заживаютъ, бо въ томъ склепѣ розманныхъ шатъ есть и жолнерскихъ и бѣлоголовскихъ. Такіе штуки впендзя они чинятъ, где они мешкають; а о такихъ штукахъ нѣкто не можетъ знати въ क्याшторѣ: нѣ молодые езуиты, а нѣ свѣцкіе люди. А ежели бы до вѣдалися на кого, хто бы о ихъ штукахъ почалъ шемрати, хочай езуитка молодой, хочай свѣцкій, теды заразомъ того порвавши одверный, который склепу пилнуеть, и заразомъ ввинеть того въ той склепѣ, съ которого южъ вѣгды не выйдетъ, бо тамъ въ томъ склепѣ катъ есть съ своими инструментами, и такъ того почнетъ мордовати, ажъ всю правду муситъ выказати, которые знаетъ, што вони робятъ. И будеть катъ пытати его о каждой и до наименьшой штуки, которую же скажетъ, то заразомъ езуиты пишуть до иншихъ езуитовъ по мѣстахъ, абы ся стерегли тыхъ штукъ, которые на муцѣ признано; а того, кого мучоно, южъ живого не пустятъ на свѣтъ; хоча бы трафилося и невинного, тылко бы до вѣманнемъ доходили, мовячи албо до вѣдуючися, чи не знаетъ онъ нашихъ штукъ; теды и того, на пробу до склепу давши, хочай бы и наименшіи речи не зналъ о ихъ штукахъ, теды и того живого южъ на свѣтъ не пустятъ; а то все для того, жебы люде о ихъ штукахъ не до вѣдалися. Потымъ сами езуиты, подстрыгшися и по жолнѣрску убравшися, пойдуть, до вѣдуючися о своихъ штукахъ, што о нихъ люде розумѣють; и такъ, не кажучися езуитами, сидячи на банкетахъ, албо въ напитоку якомъ, казавши собѣ вина дати, а почнуть яко бы езуитовъ ганиити, сѣдячи межи шляхтою, мовячи такъ: мосцѣви панове, якъ розумѣця о тыхъ езуитахъ? цо онѣ за зачъ? намъ ся вѣдзѣ, же то людзя не потребяѣ. Скоро жъ почують отъ шляхты якую штуку и якъ о нихъ розумѣють, теды зъ нову до себе пишуть по всихъ мѣстахъ, где толко оны есть, абы ся выстерегали тыхъ штукъ, якъ люди о нихъ розумѣють. А до того еще великіе зъ нихъ постники, которые такимъ ся постомъ постятъ; и бавятъ, же бы шчо найсытшіи мяса и найсмачнѣйшіи потравы и напитки пили; и на браня ялмужни малыхъ не сквапливе, тылко хто имъ дастъ тысячи, то возмутъ, а хто сто золотыхъ даетъ, то не берутъ и не позволяютъ; такъ и въ Римѣ ся дѣбетъ: гды хто прійдетъ до क्याшторныхъ воротъ, теды заразъ воротный испытаетъ, хто тамъ есть преде вроты? цо несіешъ? ци віеліе?

Прожно ренце ніе маіо місца въ тымъ восціеліе ¹⁾. Тые то езуиты, которые съ крижаковъ повставши, гди ихъ Ягело, король полскій, побилъ и звѣязство надъ ними зъ нѣмцы одержалъ, которыхъ тридцать тысячій позабивалъ, а поймалъ сорокъ тысячій въ року 1410, мѣсяца іюля 7 дня; съ тыхъ то недобитковъ тые крижацы въ Парижу, папезской сторонѣ, починилися езуитами, которыхъ и тамъ выгнано, а для чогожъ? Для того, же въ постѣ великомъ вохалися, вшистка отъ рыбъ идали, маючи одну сажавку, въ которой знашли головъ дитачихъ 45,000; тое ся и теперъ дѣять въ той сторонѣ папезской, где и сами папезове тое чинять и тое вшетеченство сами пополняютъ, яко и оная невѣста Янъ-папезъ дитя породила, идучи съ процесією на іерданъ; для которого грѣху тое свято зацное загубили, крещеніе Господне, и на тое мѣсце постановили трехъ кролевъ; и такъ и для распустницы невѣсты, хочай была и папезомъ, а такъ важалися самому Господу Богу честь отняти и крещеніе Его святое загубити, которымъ крещеніемъ всѣ христіане крестимося, а они, Христа оставивши, жоноцкую вѣру нестатечную держать; а еще за тое жъ пороженіе дитяти въ субботу мясо не еда. Тутъ еще другую зневагу Христу Спасителю чинять, же въ середу не постятъ; который постъ для того постановленъ, же жида раду чинили, якимъ бы способомъ Христа поймати и о смерть приправити. Теды папезники лѣпей зезволили за грѣхъ паней папезои постъ въ субботу зложити, а нѣжели за Христа Спасителя нашего. И ужъ пошлибъ еще до другихъ папезовъ, але первѣй мушу тую иривести, а въ ней скутокъ показати, которого ся року тое дѣяло; свѣдчитъ о томъ Мойтъ Брантъ, книга 6, глава 11, который докторомъ римскимъ поважымъ былъ, который жилъ вѣку десятого по Христѣ, то есть, тысячного року. Мойтъ Брандомъ, мужемъ вѣры годнымъ, который написалъ: невѣсты (съ которыми тежъ и Яновая речоная папѣжъ на свою волю посмѣвиско неучтивыхъ. але густыхъ (?) римлянъ) ²⁾ побудили и подбили, а то маемъ того поважного мужа и правду поважную; которого то доктора, абы сърозумѣлъ, не за еретика читалъ. Бараніушовы книги, въ которыхъ его человекомъ поважнимъ, учонымъ и каооликомъ добрымъ называетъ, але абымъ ся не здалъ самъ отъ себе злоречачій,

¹⁾ Co nieciez? czy wiele? Próčne ręce nie mają miejsca w tém kościele.

²⁾ Скобки-въ подлинникѣ.

папезовъ (гдыжъ и мнѣ жалостная тая шпетность костела римскаго зоставаеь). Читай Бараниуша вѣкъ девятый, што тые лѣта за головъ и пастыровъ мѣли; о Бонѣфаціуши шостомъ, папезѣ, такъ мовить Барониушъ, вѣкъ 9: року 796 наступилъ на папезство Бонифаціушъ шестый, збродень и ліотръ великій, который южъ два кротъ разъ съ капланства, другій разъ съ поддіаконства зложоній былъ; еще ихъ килко збыло, о которыхъ на тотчасъ даю покой, бо гды жъ въ Бораниушу, въ книзѣ латинской, широко на тыхъ папезовъ свѣдчить. Такая то секта една зъ унѣятами езуиты и ляхи.

Тая уніа ихъ тое маеь ремесло, которое, подобно тенету власне: якъ мысливцы роспростерши звѣрять у него нагоняь; такъ и нынѣшніи душоловцы и человекюгубцы тую унѣю всюды всѣмъ указують; ее рострухаторы, якъ цыгане по ярмарку, люде гулячи хромими ковми. Тая унѣя каждому часу подлегати обещуется и офѣруется, где потреба уважеть, уняти святыхъ уставы, а приложити свое згнилое зданя и новые хитрые вымыслы; а такъ приспособлюются въ нюй, той унѣи, единъ добрый, а два злыи. Первая бовѣмъ унѣя способъ добрый, которую святыи отцы постановили и узаконили, которая зъ Богомъ едночится мешкати въ святыхъ Его приказаняхъ, до которое унѣи милуючіе Бога, якъ сынове отцу, присвояются Ему и суть наслѣдовцами Его кролевства небеснаго, ижъ примують зъ нимъ згуду, яко святые угодницы Его. Другій способъ злыи, злое унѣи зъ діаволомъ, отступникомъ Божіимъ, который грѣху отецъ есть и кламца, и ремесникъ вшелякое неправды, и ненависникъ на человекю, и хулникъ на Бога, и зрадца збавеня нашего, слуга вѣчное муки, сынъ геенный и преисподникъ темницы; отъ которое унѣи пристонить утѣкати, абы зъ діаволомъ не мучитися. Третій способъ злыи, злое унѣи зъ людьми зъ миромъ, або зъ свѣтомъ, о которомъ мовить Іоаннъ, святыи апостоль: „міръ весь во злѣ лежитъ“, которая то геретиковъ прилучаетъ, вѣрныхъ и православныхъ мужей и отъ святыхъ заповѣда Божое отводитъ на человекюугодіе оное. Таковая унѣа зла есть и непотребна, и удалитися отъ таковое намъ пристонить, яко отъ душевной погибели. На таковую хищную и святокрадную справу, отъ святокрадцевъ на насъ поставлену, ку острожности нашего спасенія листъ святого апостола Іуды, за Іоанновымъ посланіемъ третимъ во Апостолѣ на око, о тыхъ отщепенцовъ зрозумѣемъ и обачимъ, которыи оразъ единныи святыхъ поданое вѣры

отступили и одорвались, и оттали, и уже суть тѣлесны; духа правды не маючи, суть ропотници, уворители, часть порочная, то есть подозренная въ пожадливостяхъ своихъ, ходячи нечестіемъ и законопреступленіемъ; уста ихъ мовять прегордая. Але вы, мовить апостоль, возлюбленніи, святою вашею вѣрою будуйтеся, Духомъ Святымъ молячися, сами себѣ въ любви заховайтеся, очекиваючи милости отъ Господа нашего Исуса Христа въ жизнь вѣчную. И овыхъ разсужаючи милуйте, а другихъ и страхомъ спасайте, отъ огня отымуючи; выявляетъ же тежъ зъ боязнію ненавидячи, што отъ тѣла сплюгавленную шату могучому даетъ заховати безъ грѣха и безъ скверны и поставити передъ славою непорочныхъ въ радость единому премудрому Богу и Спасу нашему Исусомъ Христомъ, Господемъ нашимъ, Ему же слава и честь, и селивость державы, и моць прежде всѣхъ вѣкъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

О ионеніи на церковь Божию отъ апостатовъ многомятежнаго міра сего и о спасеніи православныхъ христіанъ, тварающихъ при Восточной церкви, и о боязни Божой, и прочая. Початокъ бовѣмъ збавена нашего есть боязнь Божая; зъ боязни Божіи родится послушенство святыхъ его приказаній выполнене; зъ выполненія приказаній Божіихъ родится покоря; зъ покоры родятся сегосвѣтныя марности; зъ сего свѣта марностей родится зъневажен'е, а оттоль и самого себе для хвалы святого имени Божого выречен'е походить, и душъ нашихъ въ приватностяхъ ихъ зневажене, и тѣла въ пожадливостяхъ его уморен'е; а зъ заморенія тѣла вшелякіе сегосвѣтныя роскоши уступаюгъ, и за сегосвѣтными роскошами прочъ отъ насъ идутъ и вшелякіе душевные заразы и розслабы, а наступуюгъ цноты и богомыслность, вгды и мѣсце себѣ въ душахъ нашихъ укореняють; а съ кореня родятся отрасли вѣтвіи множество и вѣчное занимають отъ ростовъ тыхъ цвѣты; а зъ цвѣтовъ родятся оцеровъ множество, вырастають вѣчныхъ добродѣйствъ во царствіи небесномъ. Розмножмо жъ прето, братіе, и розрастѣмъ цноты въ сердцахъ нашихъ и въ честности заховуймося, абысмо въ досконалость Божого чловѣка пришли и досконалыхъ вѣчныхъ добръ отъ Господа Бога доступили! На многихъ мѣсцахъ въ Писмѣ Святомъ читаемъ, же ся тая кровная матка наша святая Восточная церковь кораблемъ на мору свѣта сего мятежнаго называетъ. На тотъ теды корабль, то есть на святую церковь зъ давныхъ часовъ, а правдиве мовячи еще съ початку вѣры, за

апостоловъ и по апостола́хъ вставичные вѣтры и навалности близвѣрствъ геретицкихъ окрутне штурмовали и теперъ апостатове нынѣшніи штурмуютъ, хотячи тотъ корабль-церковь Божию и вѣрныхъ въ ней безъ милости и безъ жадного улютованя утопити и памятку ея зъ свѣта выгладити; которыхъ тыхъ теды гнилыхъ вѣтровъ спростныхъ лечь и мерскихъ геретиковъ многихъ и наступующихъ зъ иными фалшивыми науками и тежъ змышленными сакраментами, зъ иными священствами, зъ иными епископствами, зъ ишею суксесією, которыхъ ихъ барзо наполнилося не толко хитростію свѣцкою, але моцью и потугою шатанскою зъ цесарями и крольми приходили, турбуючи церковь Божию, яко оны симоніане, херинтове, евіонитове, гнусницы, манихее, самонтянистове, наватіане, савеліане, аріанове, монтанистове, донатистове, македоняне, несторіане, евтихіане, образборцы, власне яко ово теперешнихъ часовъ отщепенцы церковные унѣятове,—тые всѣ на тотъ корабль, то есть на церковь Божию, пащокси свои розвѣвляючи, авы лвы рычатъ, хотячи ея поглотити, а другіе, имя свое выворочаючи хотячи ю погубити; которыхъ навалностей и окрутнства ихъ были хитрѣишіе, и подъ плащикомъ христіанства тые были шкодлившіе, вижли поганскіе, бо рыхлѣи бы могли домовою незгодою и розорванемъ церковь Божию загубити, а чьи меча и крве розлитіе овыхъ часовъ еретицы не занехали и теперъ, яко видимъ, што занехати не хочуть, такъ власне, яко аріаномъ, гды имъ рады съ Писма не доставало, теды они зрадою, мечомъ губили вызнавцовъ церкви Божее и зъ своими цесарми, яко погане, такъ и они православныхъ забивали, яко зъ едное Африки заразомъ болко тысячей духовныхъ людей едного року выгнали и погубили. Тое жъ чинили цесарѣ-икономанохи ¹⁾ през полтора ста лѣтъ же православныхъ забіяно, а аріанове презъ триста лѣтъ морды чинили. А хто жъ съ тыми геретиками въ той часъ войну вѣлъ? Кто ихъ обличалъ, объявлялъ и отгонялъ? Кто ся имъ сопротивлялъ? На кого наиболее наступовали? Кого ся бояли? Кто ихъ судилъ, albo штрофовалъ, канонизовалъ, то есть анаематисовалъ? Кто на нихъ сеноды складалъ? Азали не оны святые великіе и знаменитые мужіе, столпы церковные, намѣстники апостольскіе, богоносные отцы наши и патрярхове посполу изъ цесарми православными; на оныхъ вольныхъ соборахъ вселенскихъ, а при нихъ и поместныхъ меншихъ схожающихся, хто вытривалъ,

¹⁾ Икономахи?

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VI, отл. III.

выигрывалъ и на власномъ своемъ, а не на чужомъ грунтѣ восталъ, если не оныя мужи святые, правители онго корабля Христоваго, то есть святое церкви Его? Тая бовѣмъ, яко глубокость морская, геретиковъ пожерла, которые, яко каменіе, пошли въ самое дно пекельное, устати и погинути мусѣли; для того погинути, же не были правдивыми, ани тежъ переднѣйшими, ани меншими члѣнками тѣла церкви Божіей, анѣ тымъ кораблемъ, въ которомъ самъ Христосъ Господь сѣдитъ со святыми учениками и со всѣми вѣрными своими. Тое жъ ся и тѣмъ теперешнимъ геретикомъ, блюзнѣромъ, отщепенцомъ, мерзенымъ воніатомъ, конечно значная нѣкая отъ самого Бога наглая згуба и помста страшная конечнѣ стати мусить, которые правды отступивши власне и рожное Матки своее, которая ихъ водою и духомъ породила и персями своими выховала; тые теды, отщепенцами ставшися, до мачохи ся склонили и удали; съ которою мачохою посполу на насъ православныхъ повстали, але мусять згинути, бо не суть въ корабля Христовомъ, и такъ згинути мусять конечно, такимъ способомъ, яко Иуда Христопродавца.

О разности костелной зъ святою апостолскою церковію:

1) О похоженію Духа Св. не ведле Евангелія и преданія церковного. А зложен'е вѣры отъ св. отецъ, яко епералне на синодахъ св. подано, они не такъ, але противно визнавають, два початка единой ипостаси вносячи.

2) Таемницы св. по жидовску опрѣснокомъ отправують, мертвымъ хлѣбомъ, противъ святыхъ апостоловъ преданную.

3) На святомъ крещеніи муромъ не помазують дѣтокъ, але слиною, съ землею смѣшавши.

4) Таемницъ св. до семи лѣтъ дѣтамъ не дають, которые много безъ причастія умирають.

5) Сакраментовъ тыхъ простымъ людямъ не дають, которые сами поживають, и велихъ цалкомъ нового тестаменту, то есть другую особу св. сакраменту, за которое уживан'емъ животу вѣчный, а за неуживан'емъ неодержан'е онго, самъ Збавитель завѣсивъ подъ вѣчнымъ а неодмѣннымъ декретомъ, тотъ теды отъ людей отняли и ихъ отъ Него отлучили.

6) Службъ св. Василіа и св. Иоанна Златоуста не мають.

7) Святыхъ постовъ дорочныхъ не постанятъ трохъ, ани въ каждомъ тыдню среды постить не мають.

8) Набоженство зъ гордынею музикъ отправуютъ, а не зъ богобойност'ю.

9) Ксендзы ихъ жонъ не мають, але вшетечницъ допущаютъ.

10) Чистецъ змышленный мають на слабость грѣшачимъ, а на ладнѣйшее въ пекло схиснен'е; который то чистецъ ихъ предъ тымъ вымыслилъ Пифагоръ, философъ поганскій.

11) Святыхъ патріарховъ Восточное церкви и пастыровъ благочестивыхъ отступили и отъ седми еверальныхъ соборовъ каноны покасовали и повариовали и до грунту поламали.

12) Свята великіе зацные и всѣ посполу дорочные отмѣнили и пасху съ жидами посполу обходятъ.

13) Празникъ цалкомъ Богоявленія св. откинули.

14) Лѣта отъ сотворен'я свѣта со жидами держать.

15) Дары отъ хлѣба, на службу Божию офѣрованнаго, не мають.

16) Олтара зтвороного въ костелѣ не мають, але певѣстамъ и псамъ входъ волный.

17) Ведлугъ уставу церковного при молитвѣ поклоновъ Господу Богу не отдають.

18) Смышленное якоесь милостивое лѣто держать.

19) Постъ субботный змышленный противно каноновъ апостолскихъ мають.

20) Комедіи обычаемъ поганскимъ отправуютъ.

21) Образы истуканныя, мѣсто малеванныхъ, мають, обычаемъ балвановъ языческихъ противу св. Отець.

22) На крестѣ Христовомъ три гвозди признавають, а церковь Божія ѡ признаваетъ.

23) Крестъ св. папезъ ихъ на ноги кладеть и на землѣ пишутъ противъ святыхъ Апостолъ заповѣди.

24) Кровь вдавленныхъ звѣрятъ и птаства уживають, зневажаютъ росказаніе Духа св., якъ свѣдчитъ Дѣян., 36.

25) Процесіи зъ свѣцкими игры обходятъ, справу духовную—съ бѣсовскою.

26) Свята Господскія зъ стрелбами отправуютъ богопротивно и богомерско.

27) Зъ особъ людскихъ особы бѣсовскія на игрищахъ строятъ, тако жъ и на комедіахъ.

- 28) Мнишескій чинъ ихъ, повстягливость посту отвергши, мясояденіемъ питаются надъ уставы церковные и подан'е св. отецъ.
- 29) Святаго Великого посту зуполне не постятъ, але первое недѣльѣ оскъверняютъ два дни и машвары строятъ.
- 30) Паномъ за гроши разрѣшаютъ посты св. на мясоедзена.
- 31) Несправедливими присагами грунты для костеловъ своихъ приворочаютъ, выдираючи у людій.
- 32) Пастыръ ихъ, рымскій папежъ, не постится николи, и вся зъ нимъ Влоская земля.
- 33) Вшетечницамъ позволяють вшетеченство въ Римѣ, и волно изъ ихъ плюгавого прибытку данѣ збирати папежу; съ которое дани самъ папежъ столъ маеть и жолнѣромъ платить.
- 34) Святое Писмо фалшовати не боятся.
- 35) Святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ правило ламлють.
- 36) Малженство въ повиноватствѣ ставляютъ.
- 37) Новые вымысли и уставы часто до вѣры своей прикладають.
- 38) Святымъ отцемъ и первымъ папежомъ не повинуются.
- 39) Мши одного дня на одномъ олтари колько разъ служатъ на противъ святости.
- 40) Умерлыхъ ховаючи, не знати, что поють.
- 41) Чужимъ языкомъ незначнымъ набоженство отправують надъ науку апостольскую.
- 42) Бороды и усы духовныи собѣ голятъ.
- 43) Бискупы ихъ въ шатахъ шарлатныхъ, чирвоныхъ и съ черстнами по-мирски ходять, а не по порядку святыхъ отецъ.
- 44) У костелахъ не кадятъ, толко на великіе свята.
- 45) Мшу безъ спѣваня пошепкомъ отправують и въ многихъ речахъ зъ святыми не згожаются.
- 46) Святыи знакъ креста Христова на собѣ въ спакъ кладутъ, зъ лѣвое руки на правое.
- 47) Поставен'ю святому отъ Іерусалимской церкви ни въ чомъ не суть приязни и всего отмѣтны, идѣже гробъ Спасителя нашего и кровь Его святая за насъ вылита есть.

РОСПИСНОЙ СПИСОКЪ

Г. КІЕВА

1700 г.

Сообщилъ протоіерей П. Ф. Лебединцевъ.

Печатаемый ниже „Росписной списокъ“ составленъ въ сентябрѣ (число не означено) 1700 года при передачѣ воеводой княземъ Петромъ Ивановичемъ Хованскимъ кievской крѣпости вновь назначенному воеводѣ, генераль-маіору Юрію Андреевичу Фамендину.

Настоящій документъ содержитъ въ себѣ: подробное описаніе пространства крѣпости, ея тогочаснаго состоянія и сдѣланныхъ починокъ; перечисленіе крѣпостнаго гарнизона, съ распредѣленіемъ по роду службы и наименованіемъ начальствующихъ лицъ; описаніе приказной палаты и ея архива; исчисленіе и описаніе боевыхъ орудій и боевыхъ припасовъ къ нимъ; перечень дворовъ, занятыхъ служилыми людьми; указаніе на состояніе денежной казны, хлѣбныхъ и соляныхъ складовъ, кружечнаго двора, гдѣ производилась продажа спиртныхъ напитковъ, аптеки и проч.

Документъ имѣетъ форму тетради въ $\frac{1}{4}$ долю листа, переплетенной въ кожу; всѣхъ четвертокъ 147; по четверткамъ „списокъ“ скрѣпиль „дьякъ Иванъ Невѣжинъ. Справлялъ Макарко Калачниковъ. Митка Соловцовъ“. Рукопись документа хранится въ Тамбовскомъ историческомъ архивѣ, въ который пожертвована почет. гражданиномъ А. Н. Серебряковымъ.

Кромѣ предлагаемаго ниже „Росписнаго списка“ 1700 г., мы знаемъ еще другой, болѣе ранній, относящійся къ 1695 г. (7203 г.), изъ котораго приводитъ нѣсколько цитатъ г. Н. Оглобинъ въ своемъ изслѣдованіи о „Провинціальныхъ архивахъ въ XVII вѣкѣ“ ¹⁾.

---

¹⁾ См. „Вѣстникъ археологій и исторіи“, издаваемый Археологич. Институтомъ, кн. VI, Спб. 1898 г., и отдѣльный оттискъ.

Списокъ находится теперь въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи между книгами (№ 50) Киевскаго стола. Судя по цитатамъ г. Оглоблина ¹⁾, мы думаемъ, что описаніе города въ немъ сдѣлано обстоятельнѣе, а перечень хранившихся въ архивѣ Киевской приказной палаты документовъ подробнѣе настолько, что даетъ автору возможность извлекать цѣлыя документы, напр., „указную грамоту о гонцахъ“ ²⁾. Росписной списокъ 1695 г. представляетъ еще тотъ интересъ, что въ тому же году относится и планъ Киева, имѣющійся въ главн. Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ и скопированный художникомъ г. Струковымъ для Киевской археографической комиссіи, которая предполагала изданіе цѣлой серіи плановъ ³⁾, какъ важнѣйшаго и точнѣйшаго матеріала для исторической топографіи г. Киева ⁴⁾. Изданіе это, насколько намъ извѣстно, потребовало огромныхъ издержекъ, далеко превышавшихъ скромныя средства комиссіи, а потому и отложено на неопредѣленное время.

Протоіерей П. Лебединцевъ.

---

¹⁾ „Провинціальныя архивы въ XVII в.“ (отдѣльный оттискъ), стр. 19, 52, 53, 87, 89, 93, 105, 115, 132 и 133.

²⁾ *Ibid.*, стр. 132.

³⁾ См. нашъ рефератъ „объ имѣющихся въ Петербургѣ примѣчательныхъ планахъ г. Киева, составленныхъ въ минувшемъ столѣтіи“, читанный въ засѣданіи Общества Нестора 11-го марта 1873 г. („Чтенія въ Истор. Общ. Нестора лѣт.“, кн. I-я, стр. 268).

⁴⁾ „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Киева и его окрестностей“, изданный Временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ, Киевъ, 1874.

„РОСПИСНОЙ СПИСОКЪ“ Г. КИЕВА 1700 Г.

Лѣта 1700, сентября въ.....день, по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и по грамоте исъ Приказу Малыя Росіи, за приписью дьяка Василья Посникова, генераль і маеоръ Юрья Андрѣевичъ Оамендинъ принялъ у боярина и воеводы у князя Петра Ивановича Хованского въ Кіеве Божіе милосердіе—образы, и великого государя полковое знамя, и ратныхъ всякихъ чиновъ людей по имяннымъ спискамъ, и городъ Кіевъ, и городовые ключи, и приказную палату, и въ приказной палате великого государя указные грамоты, и всякіе приказные дѣла, и денежную казну, и лекарствъ, и житной дворъ со всякими запасы, и соль, и кружечной дворъ со всякими припасы, и по городу и въ ружейныхъ анбарахъ нарядъ и всякое ружье, и въ казенныхъ погребахъ зелья, и свинець, и пушечные ядра, и гранаты, и оетиль, и пенну, и всякіе ратные полковые и осадные припасы, и струги болшіе, и плавные стружки, и лотки, и якори, и конаты мостовые, и всякого мостового строенія припасы, и городской, и мостовой лѣсъ, и государевы дворы, гдѣ стоятъ бояре и воеводы, и дьяки, и столники, и полковники, и нижнихъ чиновъ начальныя люди, и войсковыя избы старого и нового строенія,—все на лицо. А сколько чего принято, и то писано въ семъ росписномъ списку ниже сего подлинно порознь, по статьямъ.

Великого государя, царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, моленіе, Божіе милосердіе—образъ Пресвятыя Владычицы живоносного Ея источника: овладъ серебряной глаткой, золоченой, вѣнцы и на поляхъ низано

жемчугомъ въ одно зерно, кноть оклеенъ бархатомъ черчатымъ, пелена черчатая съ кружевомъ золотымъ ветха.

Образъ преподобнаго отца Сергия, радонежскаго чудотворца: окладъ серебряной чеканной, золоченъ, верхъ и на поляхъ и около ризы низано жемчугомъ въ одно зерно, кноть оклеенъ бархатомъ черчатымъ.

А тѣ иконы отпущены съ Москвы для охраненія града Киева во 181 ¹⁾ году.

Великого государя полковое знамя; на немъ писано по зеленой камѣ на обѣихъ сторонахъ золотомъ и серебромъ и разными красками образъ Пресвятые Богородицы да преподобныхъ отецъ Антония и Феодосия печерскихъ, и древко писано золотомъ же и красками; на древке крестъ серебряной. На то жъ знамя чехоль суконной красной.

Въ Киевѣ жъ великого государя ратныхъ всякихъ чиновъ людей: рейтарского строю маеоръ Иванъ Поздѣвъ; а по указу великого государя и по грамоте велѣно ему быть въ Кieve и вѣдать рейтарской полкъ; порутчиковъ 3, прапорщиковъ 6, рейтаръ 90. Салдацкого строю полковникъ Вилимъ Оанзалеиъ, подполковникъ Корниа Коретиъ, капитанъ Радіонъ Оикуъ, порутчиковъ 3, прапорщиковъ 6, солдатъ 963 человекъ. Стольникъ и полковникъ Иванъ Ушаковъ отпущенъ изъ Кieve къ Москвѣ, по указу великого государя и по грамотѣ, на время; его полку столникъ и подполковникъ Василей Мещериновъ, капитаны: Аристь Оанензинъ, Семень Невской, Аонасей Реткинъ на Москвѣ, стрелцовъ 586 человекъ. Стольникъ и полковникъ Иванъ Скрыпицынъ отпущенъ изъ Кieve къ Москвѣ, по указу великого государя и по грамоте, на время; его полку столникъ и подполковникъ Сава Болобоновъ, капитаны: Оетгольцовъ на Москвѣ, Михайла да Тимошей Болобоновы, Михайла Масловъ; стрелцовъ 492 человекъ. Стольникъ и полковникъ Михайла Сухаревъ; его полку подполковникъ Лугьянъ Шестаковъ, капитановъ 6, стрелцовъ 513 человекъ.

Киевскихъ пушварей 48 человекъ.

Киевские приказные палаты подъячихъ 12 человекъ.

Киевскихъ жилыхъ полевовъ начальные люди, по указу великого государя и по грамоте, посланы для смотру изъ Кieve къ Москве:

¹⁾ 1678 г.

рейтарского строю полковникъ Мартынъ Камоль, подполковникъ Валентинъ Дела Клементей, ротмистръ Иванъ Фанаргеймъ; салдацкого строю полковникъ Михайла Фонъ Страузберхъ, подполковникъ Николай Геринкъ, маеоръ Аврамъ Коретъ, капитаны: Андрей Мануйловъ, Яковъ Ренберхъ, Петръ Филимоновъ, Николай Петерсонъ, прапорщикъ Кузма Ягъшинъ.

Отставные начальныя люди, которымъ, по указу великого государя и по грамотамъ, велено быть въ Киевѣ до указу великого государя: подполковникъ Иванъ Вейсъ, маеоры Иванъ Личковской, Петръ Карсаковъ, Семень Вишинъ, капитаны: Яганъ Петерсонъ, Иванъ Турчениновъ.

Да въ нынѣшнемъ 1700 году, по указу великого государя и по грамоте, велѣно быть въ Киевѣ изъ маеоровъ Борису Онучину, изъ капитановъ Петру Шмиту въ прапорщикахъ; и тѣ начальныя люди въ Киевѣ сентября по.....число не бывали.

Города верхняе земляныя въ Киеве и отводныя городки по мѣре въ трехъ аршинную сажень порознь:

Меншой городъ по мѣре кругомъ и съ проѣзжими ворота и съ выходы 784 сажени съ полусаженью, въ длину отъ Соѣйской каменной башни по мѣре до Киевскихъ воротъ 139 сажень, поперегъ отъ Михайловскихъ проѣзжихъ воротъ до Ивановского выводу по мѣре 193 сажени. Въ немъ четверы ворота да четыре калитки.

Большой городъ кругомъ съ проѣзжими ворота и съ выходы 2073 сажени; въ длину отъ Соѣйской каменной башни до Золотыхъ воротъ по мѣре 353 сажени съ полусаженью; поперегъ отъ Олвовскихъ воротъ до Соѣйскихъ воротъ, что въ поперечномъ валу, по мѣре 336 сажень; отъ Соѣйскихъ воротъ, что въ поперечномъ валу, до Печерскихъ воротъ въ длину по мѣре 216 сажень 2 аршина; отъ Михайловскихъ проѣзжихъ воротъ подлѣ поперечного вала до большого земляного вала, гдѣ притянулся поперечной валъ, поперегъ по мѣре 346 сажень. Въ немъ четверы ворота да семь калитокъ.

Отъ меншого города къ Золотымъ воротамъ въ болшомъ же городѣ поперечного вала въ длину 426 сажень съ аршиномъ. Въ немъ двои ворота да три калитки.

Около Михайловского монастыря въ болшомъ же городѣ земляного вала кругомъ 210 сажень съ аршиномъ. Въ немъ ворота да калитка.

Тѣхъ городовъ воротныхъ и калиточныхъ и подлазныхъ 55 ключей, да нижнего города Киева 4 ключа.

У Золотыхъ воротъ на городской стѣнѣ вестовой колоколь разбить до ушей. У Соеѣйскихъ воротъ на городской стѣнѣ вестовой колоколь разбить же; и тотъ колоколь снять и поставленъ въ ружейной анбарѣ.

Въ четверыхъ проѣзжихъ воротахъ 4 решетки железныхъ опускаемыхъ большихъ для осадного времени.

За городомъ 5 городковъ отводныхъ земляныхъ. Въ томъ числѣ противъ Всесвяцого выводу городокъ по мѣре кругомъ 46 сажень. Другой поблизку того по мѣре кругомъ 42 сажени. Третьей за Золотыми вороты, по правую сторону Золотыхъ воротъ, по мѣре кругомъ 170 сажень съ полусаженью. Четвертой по лѣвую сторону тѣхъ же воротъ по мѣре кругомъ 136 сажень. Пятой по правую сторону Троецкого выводу по мѣре кругомъ 50 сажень. А въ тѣхъ отводныхъ городкахъ къ рецѣ Лыбеди сдѣланы 20 подкоповъ да 5 подкоповъ въ заровныхъ бояхъ.

Приказная палата—горница съ комнатою; въ комнатѣ прирублена казенка, передъ ними сѣни, въ сѣняхъ чуланъ на жилыхъ подлѣтахъ, покрыты тесомъ.

А въ той приказной полатѣ моленіе—иконы: образъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ квотѣ резномъ, Нерукотворенный образъ писанъ на полотнѣ; образъ Спасовъ же Господа Вседержителя писанъ на полотнѣ; образъ Пресвятыя Богородицы Печерскіе съ преподобными отцы Антоніемъ и Феодосіемъ на полотнѣ.

Книга Уложенная ветхая. Новоуказные присланные съ Москвы въ Киевъ статьи.

На столѣ коверъ старой ветхъ, да сукно красное да лазоревое ветхи жъ.

Лавки, гдѣ сидятъ бояре и воеводы, побиты сукномъ краснымъ старымъ.

Два тюшека коженые старые ветхи. Два сукна зеленыхъ—одно настоящее, другое полавочное.

Два шендала медныхъ ламаныхъ.

Списки съ наказовъ, каковы даны прежнимъ боярамъ и воеводамъ, которые были въ Киевѣ.

Блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, грамота, какова прислана въ Киевъ къ боярину и воеводе, къ Петру Васильевичю болшому Шереметеву во 176 ¹⁾ году о полскихъ и литовскихъ послѣхъ, о Беневскомъ съ товарищи.

Блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Теодора Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, двѣ грамоты изъ Приказу Малыя Росіи присланы съ Москвы въ Киевъ къ боярину и воеводе ко князю Никите Семеновичю Урусову съ товарищи апрѣля въ 8 да іюля въ 9-мъ числахъ 186 ²⁾ году о Бѣлоцерковскомъ каменданте да о Степане Куницкомъ.

Грамота великого государя, какова прислана во 192 ³⁾ году марта во 2 день о приезде въ Киевъ изъ Волоской земли посланного отъ Степана Петра воеводы митрополита Досифѣя. А велѣно тѣ великого государя грамоты держать втайнѣ.

Великого государя грамоты, которые посланы къ боярину и воеводамъ ко князю Михайлу Григоревичю Ромодановскому съ товарищи изъ Приказу Малыя Росіи во 198 ⁴⁾ году генваря въ 26 день о приезде изъ Полши о Василье Искрытцкомъ; марта въ 20 день о приезде изъ Полши о старце Гедеоне Одорскомъ; марта въ 29 день о подметномъ письмѣ, которое подято въ Печерскомъ местечке.

Августа въ 28 день у скаске боярина князь Михайла Григоревича Ромодановского во 199 ⁵⁾ году октября въ 10 день Чюдова монастыря о дьяконе Степане.

Извѣтъ столника и полковника Иванова полку Ушакова стрелцовъ десятника Петра Омина съ товарищи того жъ полку на стрелца на Васку Петрова въ непристойныхъ словахъ.

Великого государя грамоты, которые посланы къ столнику и воеводамъ ко князю Лукѣ Теодоровичю Долгорукову съ товарищи во 199 году августа въ 24 день о почте и о вестяхъ и осторожности; въ 200 ⁶⁾ году іюня въ 11 день о вестяхъ и осторожности отъ непріятельскихъ людей.

Челобитье столника и полковника Григорѣя Анненкова на столника жъ и полковника Герасима Нелидова и его, Герасимовы, роспросные рѣчи.

¹⁾ 1668 г. ²⁾ 1678 г. ³⁾ 1684 г. ⁴⁾ 1690 г. ⁵⁾ 1691 г. ⁶⁾ 1692 г.

Списокъ великого государя съ грамоты 201 ¹⁾ году декабря 6-го числа, за приписью дьяка Максима Данилова, какова прислана въ Киевъ въ столнику и воеводе ко князю Лукеѣ Федоровичю Долгорукому о посылкѣ для провѣдываня вѣстей.

Грамота прислана въ 202 ²⁾ году июня въ 19 день въ боярину и воеводе ко князю Петру Ивановичу Хованскому, а велено ее держать втайне.

Шесть грамотъ въ столпу о Герасиме Нелидове: и челобитье сотенного, и розыскное дѣло въ обидахъ его полку стрелцамъ, и списки съ отписокъ, и смотреной наличной списокъ его полку стрелцамъ, и скаска его Герасимова полку бѣглымъ и умершимъ стрелцамъ.

А тѣ великого государя выпеписанные грамоты и извѣты и розыски въ Киевѣ въ привазной полате въ ящикѣ за печатью боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского.

Книги записныя и столпы за дьячими приписми всякой великого государя казнѣ и войсковымъ, и полковымъ, и городовымъ, и мостовымъ всякимъ припасомъ, и привазнымъ дѣламъ прошлыхъ лѣтъ и нынешнего 1700 году, и приходные и расходные книги, и ратнымъ начальнымъ людямъ смотренныя списки.

Описная роспись въ тетратехъ о киевскомъ ограниченіи земель, за рукою переписчика капитана Федора Соломѣина, что въ томъ ограниченіи городовъ, и местечокъ, и сель, и деревень, и мельницъ, и всякихъ угодей, которые написаны въ Киевѣ по договору вѣчного мира съ королевскимъ величествомъ полскимъ во 194-мъ ³⁾ году. Да о томъ же ограниченіи чертежъ.

Великого государя грамота 201-го ⁴⁾ году декабря 28-го числа въ столнику и воеводамъ ко князю Лукеѣ Федоровичю Долгорукому съ товарищи изъ Приказу Малыя Росіи, а въ ней написано: Велики государи указали и бояре приговорили: писать къ великому государю въ Москвѣ впредъ чрезъ уставленную почту, а буде прилучится писать къ великому государю о нужныхъ казихъ скорыхъ дѣлахъ,—съ нарочнымъ гонцомъ; и тому гонцу писать въ подорожной памяти подводу, да проводникъ на подводе, да для поспешения подводу въ поводъ,—всего три подводы; а зимою съ санми двѣ подводы; а болши того гонцомъ въ подорожныхъ отнюдь подводъ не писать; да въ тѣхъ

¹⁾ 1693 г. ²⁾ 1694 г. ³⁾ 1686 г. ⁴⁾ 1693 г.

же подорожныхъ писать и словесно приказывать: подводы въ малоросискихъ городѣхъ имали бѣ у полковниковъ и въ ратуше у войтовъ и у бурмистровъ, объявляя имъ тѣ свои подорожные памяти; а самовольно нигдѣ бѣ въ городѣхъ и на дорогахъ казацкихъ и мѣщанскихъ и крестьянскихъ подводы не имали, и ни какого насилия и безчестия начальнымъ людямъ и казакомъ въ малоросискихъ городѣхъ не чинили, и кормовъ и питья себѣ у нихъ не домогались, и у казаковъ на дворехъ, кромѣ мещанъ, не ставились, а ставились бы, гдѣ ихъ поставятъ, и были бѣ довольны тѣмъ кормомъ и питьемъ, что имъ дадутъ добровольно въ почестъ изъ ратуши. А естли тѣ посыльщики учнутъ въ малоросискихъ городѣхъ чинить какия обиды и грабежи и безчестье, и за то имъ быть въ жестокомъ наказане, а взятое доправлено на нихъ будетъ вдвое. А окромѣ гонцовъ никакихъ подорожныхъ памятей о подводахъ не давать, и людей своихъ бояромъ и воеводамъ къ Москвѣ и нигде ни для чего на подводахъ не посылать, и въ росписномъ списку съ новыми воеводами написать тое грамоту велено имянно. А та великого государя вышеписанная грамота съ иными грамоты въ приказной полатѣ въ столпу 201 ¹⁾ году.

Книги описные дворамъ, которые поблиску Соеѣйскаго монастыря, по челобитью преосвященнаго Варлаама, митрополита киевскаго.

А что какихъ дѣлъ бояринъ и воевода князь Петръ Ивановичъ Хованской у столника и воеводы у князь Ѳедора Ѳедоровича Борятинского принялъ, и тѣ дѣла въ приказной полатѣ у подъячихъ.

Да при бояринѣ и воеводахъ, при князѣ Петрѣ Ивановичѣ Хованскомъ съ товарищи, въ Кieve, въ приказной полатѣ, великого государя уважные грамоты о всякихъ дѣлахъ октября съ 18 числа 205 ²⁾ году по нынешней 1700 годъ сентября по.....число: и къ великому государю къ Москвѣ отписки, и въ города къ воеводамъ и изъ городовъ отъ воеводъ отписки жъ, и о вѣстяхъ выходцовъ изъ полону всякихъ чиновъ людей роспросные рѣчи, и листы войска Запорожскаго обонхъ сторонъ Днепра къ гетману и кавалеру къ Ивану Степановичю Мазепѣ и къ полковникомъ, и отъ него гетмана и кавалера и отъ полковниковъ листы жъ о всякихъ дѣлахъ въ столпахъ въ Кieve, въ приказной полатѣ, у нихъ же подъячихъ.

---

¹⁾ 1693 г. ²⁾ 1697 г.

Къ приѣзду въ Киевъ генерала и масора Юрья Андрѣевича Оамендина серебряныхъ денегъ: 4510 рублей 17 алтынъ, полскихъ чеховъ 6158 руб. 18 алтынъ с осмакомъ; всего серебряныхъ и чеховъ 10669 рублей 1 алт. 4 деньги с осмакомъ.

Да по указу великого государя и по грамоте изъ Приказу Малыя Росні дано великого государя денежного полугодового жалованя первые половины 208 ¹⁾ году киевскихъ полковъ рейтаромъ и салдатомъ 2269 руб. съ половиною изъ киевскихъ доходовъ.

Да продано клейменной бумаги на 4 рубли, на 24 алт., на 4 денги. Въ томъ числѣ серебряныхъ 3 руб. 1 алт. 4 д., да чеховъ 1 руб. 23 алт.

Да прислано съ Москвы клейменной бумаги 12 дестей безъ полутретья листа подъ болшимъ клеймомъ, 2 стопы и 3 дести подъ среднимъ клеймомъ, 10 стопъ и 5 дестей подъ меншимъ клеймомъ, 1 дестъ пицей бумаги, 50 свѣчь салныхъ, 10 гривеновъ воску.

Въ приказной же полате присланное съ Москвы мѣдное осми-вершковое ведро винное; другое киевское старое мѣдное жъ десяти-квартовое ведро. Да съ киевского жъ мѣдного ведра деревянное десятиквартовое заорленное ведро за печатью боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского, а мѣдное ведро послано въ Москвѣ въ Приказъ Малыя Росні.

Въ онбарехъ хлѣбныхъ запасовъ и соли въ московскую мѣдную заорленную мѣру на-лицо 3639 чети 6 четвериковъ ржи сѣвские присылки 206 ²⁾ году; да кулевого запаса брянские присылки 206 году 1485 чети съ осминою муки ржаные, 1491 четверть сухарей, 147 чети крупъ овсяныхъ, 150 чети толокна; да соли въ онбаре на-лицо 5490 пудъ 29 гривеновъ въ весу съ рогожи; да соленыхъ снѣтвовъ 88 пудъ 27 гривеновъ.

А для приему и отдачи хлѣбныхъ запасовъ, по указу великого государя и по грамоте изъ Приказу Малыя Росні, осмина да четверикъ мѣдные заорленные присланы съ Москвы въ Киевъ, а двѣ мѣры по полтора четверика да полчетверика сдѣланы противъ тѣхъ же мѣръ въ Киевѣ изъ старыхъ мѣдныхъ мѣръ.

Да въ онбарехъ же на-лицо стрелецкого хлѣба присылки нынешнего 1700 году 8920 чети съ осминою безъ полчетверика ржи, 7209 чети съ осминою и съ четверикомъ овса.

¹⁾ 1700 г. ²⁾ 1698 г.

А для прислуги и отдачи того стрелецкого хлѣба присланы изъ Брянска въ нынешнемъ 1700 году три мѣры деревянные заорленные съ посыльщики, которые проводили тѣ хлѣбные запасы съ капитаномъ съ Андрѣемъ Аносовымъ да стрелецкого приказу съ подъячими съ Иваномъ Алексѣевымъ, съ Михѣемъ Внучовымъ; а по скаске тѣхъ подъячихъ тѣ деревянные мѣры присланы во Брянскъ съ Москвы.

А тѣ вышечисанные великого государя хлѣбные запасы брянские присылки: мука, и сухари, и крупы, и толокно, въ приемѣ у маёора Ивана Поздѣва; а рожь съвские присылки и соль въ приеме салдацкого строю у прапорщика у Василья Аристова съ целовалники; а стрелецкой хлѣбъ въ приеме у выборныхъ цѣловалниковъ: столниковъ и полковниковъ Иванова полку Ушакова, Иванова полку Скрыпичина, Михайлова полку Сухорева, у стрелцовъ у Ивашка Любимова съ товарищи.

На кружечномъ дворѣ питейныхъ припасовъ за продажею въ остатке на-лицо 4000 вѣдръ 8 кварть вина простого по приемной цѣнѣ на 1407 руб. на 5 алт.; уксусу 98 вѣдръ по 4 алт. вѣдро, итого на 11 руб., на 25 алт., на 2 денги; пива 99 гарнцовъ, по 2 денги съ лецкою гарнецъ, итого рубль 10 алт. 4 денги.

Аптекарскихъ лекарствъ, которые по указу великого государя присланы съ Москвы въ Киевъ въ прошломъ въ 206 ¹⁾ году: пластырей—съ типтикомъ фунтъ, параселки четверть фунта, бѣлильного 24 залотника, милолотного 24 жъ залотника; мазей—базиликовъ четверть фунта, папилиной 42 залотника, бѣлильной полфунта; разныхъ статей—парошку отъ кровавого поносу 12 залотниковъ, соли палыной залотникъ, диоскордию 12 залотниковъ, канѣары 12 жъ залотниковъ, мистури симлесъ 12 залотниковъ, изъ аленьяго рогу 6 залотниковъ, пургацейного порошу 5 залотниковъ.

Наряду, и всякого ружья, и пушечныхъ, и полковыхъ всякихъ припасовъ на лицо:

По *Меншому городу*—на *Совѣйскомъ выводе* 4 пищали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пищаль въ 6 гривеновъ ядромъ, длина 4 аршина 2 вершка; а сколько пудъ вѣсомъ—и въ Киевѣ терезей такихъ нѣтъ, привѣситъ нѣначемъ; на ней вылиты у устья личины, оболо личинъ

¹⁾ 1698 г.

змеи, да подлѣ ушей и запалу травы; на ней вылита подпись: Божиею милостию, повеленнемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича, всеа Росіи, лѣта 7130; ¹⁾ мастеръ Григорей Наумовъ; подъ нею становъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; на одномъ ухѣ наметки нѣтъ; становъ ветхъ. Три пищали по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по 8 пудъ по 36 гривенокъ пищаль; на нихъ кресты, въ томъ числѣ на одной вылить, а на дву вырѣзаны; у выходу и выше ушей вылиты травы, а на одной пищали подпись: Лилъ Степанъ Кузминъ; подъ ними станки ветхи, окованы, на дубовыхъ каткахъ; въ томъ числѣ у дву пищалей наметокъ нѣтъ.

Отъ Соеѣйскаго выводу на правой сторонѣ на угольномъ выводе пищаль въ 3 гривенки ядромъ, длина 2 аршина 2 вершка, вѣсомъ 17 пудъ 4 гривенки; подъ нею становъ старой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Ивановскомъ раскате* пищаль мѣдная галанская; на ней выше запалу высечена подпись; пищаль ядромъ 15 гривенокъ, длина 4 аршина съ вершкомъ, вѣсу 88 пудъ; да ниже запалу слова полатыни; да на ней же вылить человекъ на конѣ съ карункою, на карункѣ крестъ, подъ ногами змей; да выше ушей вылить орель двоглавною, надъ главами карунки да крестъ; выше ушей и у дула личины въ травахъ, да у запалу вылиты травы; становъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, ветхъ. Другая пищаль мѣдная жъ въ 4 гривенки ядромъ, длина 4 аршина съ вершкомъ, вѣсомъ 35 пудъ; на ней вылита подпись: Божиею милостию, повелѣниемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіи, слита сия пищаль 7136; ²⁾ мастеръ Кондратей Михайловъ; подъ нею становъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Рождественскомъ выводе* 2 пищали; въ томъ числѣ пищаль мѣдная въ 4 гривенки ядромъ, длина 4 аршина 2 вершка, вѣсомъ 34 пуда; на ней вылита подпись: Божиею милостию; повелѣниемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіи, слита сия пищаль въ лѣто 7137; ³⁾ мастеръ Алексѣй Якимовъ; подъ нею становъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, ветхъ. Другая пищаль дробовая мѣдная, вѣсомъ по подписи 9 пудъ 30 гривенокъ, длиною

¹⁾ 1622 г. ²⁾ 1628 г. ³⁾ 1629 г.

аршинъ 6 вершковъ, ядромъ 6 гривенокъ; на ней у запалу вылить орель двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ногѣ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ногѣ скипетръ, да подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ; да промежъ ушей вылита чешуя, да выше ушей вылита личина въ травахъ, да у выходе вылиты травы же; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

У *Киевскихъ воротъ* построенъ сарай на столбахъ и покрытъ драбью; а въ томъ сарае поставлено 19 станковъ, на тѣхъ станкахъ положено 436 стволонъ мушкетныхъ да 10 пицалей затинныхъ.

На *Воздвиженскомъ роскатѣ* 2 пицали; въ томъ числѣ пицаль мѣдная галанская, ядромъ пудъ 10 гривенокъ, длиною 5 аршинъ безъ 6 вершковъ, вѣсомъ по подписи 308 пудъ 20 гривенокъ; на ней вылить человѣкъ на конѣ съ карункою, на карункѣ крестъ, подъ ногами змей; у ушей и у выходе и у запалу травы; на ней же подпись вылита по латыни: 1634 году, имя мастера Эвербардусъ Сплинтеръ въ городе Горбуріи; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль желѣзная вестовая въ 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 48 пудъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

По лѣвую сторону *Николаевской калитки* пицаль мѣдная въ 2 гривенны ядромъ, вѣсомъ 19 пудъ 30 гривенокъ, длина 3 аршина 6 вершковъ. На ней вылить у выхода орель двоеглавной съ скипетромъ и съ яблокомъ, а надъ главами 3 карунки съ крестами, а по подписи: лѣта 179¹⁾ лилъ пушечной литецъ Пантелѣй Яковлевъ; станокъ подъ нею окованъ, на колесахъ; станокъ и колеса ветхи.

По правую сторону *Николаевской калитки* пицаль мѣдная дробовая, ядромъ въ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ, вѣсомъ 8 пудъ 25 гривенокъ; на ней у запалу вылить орель двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ногѣ держать яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ногѣ скипетръ; да на ней же вылиты слова по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ; выше ушей и у дула вылиты личины въ травахъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Тресвяцкомъ выводе* пицаль мѣдная дробовая, мѣрою аршинъ 6 вершковъ, ядромъ въ 6 гривенокъ; на ней высечена у ушей

¹⁾ 1671 г.

подпись: вѣсу 8 пудъ 25 гривенокъ; да у дула вылить орель двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге яблоко со крестомъ, а въ лѣвой скипетръ, да подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ; да промежь ушей выбита чешуя, да выше ушей вылита личина въ травахъ, да у выходу вылиты жъ травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Воеводскомъ выводе* пицаль мѣдная; на ней подпись вырезана: пушке длина 3 аршина 6 вершковъ, ядромъ 2 гривенки, весу 22 пуда; на ней вылиты у выходу и у ушей травы. Подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Михайловскомъ выводе* 2 пицали мѣдные, по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсомъ по 8 пудъ по 36 гривенокъ; на нихъ вырезаны кресты, у одной у выходу вылита трава; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ; у одной на ухе наметки нѣтъ; станки ветхи.

Въ *Болномъ городѣ*: въ *Михайловской калитки* пицаль мѣдная дробовая, длина аршинъ 6 вершковъ, ядромъ 6 гривенокъ, вѣсомъ по подписи 8 пудъ 30 гривенокъ; у запалу вылить орель двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге скипетръ; на ней же вылиты слова по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ; да выше ушей вылита личина въ травахъ; промежь ушей выбита чешуя, да у дула вылиты травы жъ; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *выводе противъ Михайловскаго монастыря* 2 пицали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пицаль 3 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ вершка, вѣсомъ 8 пудъ 16 гривенокъ; на ней высеченъ орель двоеглавной, надъ главами 3 карунки, у ушей и у выходу травы; подъ нею станокъ ветхъ, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 36 гривенокъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ ветхъ, окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Отъ того выводу на правой сторонѣ пицаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, ветхъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *роскате, что за Оамендинскимъ дворомъ, противъ городка, что на Печерской горѣ*, пицаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина

2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ; на ней вылить крестъ въ травахъ, да подпись; а прочесть той подписи не мочно, потому что не вылилась; у выходу вылиты травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; станокъ ветхъ; на ушахъ наметокъ нѣтъ.

Въ калитке *противъ малюю городка, что на Печерской юръ*, пицаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длиною 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; на одномъ ухе наметки нѣтъ.

По лѣвую сторону *Архангельскаго выводу* пицаль мѣдная, 2 гривенки ядромъ, длина 4 аршина безъ полу 2 вершка, вѣсомъ 24 пуда; на ней вылита подпись по латыни: 1529 году; гербъ: орелъ одноголовой, по правую сторону человекъ на конѣ съ палашиемъ; у выходу и у ушей травы; 3 врыла; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Архангельскомъ выводе* пицаль желѣзная въ 6 гривенокъ ядромъ, длина полъ 3 аршина, вѣсомъ 25 пудъ 39 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. 2 пицали мѣдныя по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина, безъ полу 6 вершка, вѣсомъ по 9 пудъ; на нихъ вырезаны кресты; подъ ними станки окованы; на ушахъ наметокъ нѣтъ; на дубовыхъ каткахъ.

По правую сторону *Архангельскаго выводу* къ Печерскимъ воротамъ, что была написана на башни, пицаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 9 пудъ; на ней вылить крестъ въ травахъ да подпись: Лилъ Ѳеодоръ Ивановъ; у выходу жъ травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Надъ Печерскими вороты, на раскате, пицаль мѣдная 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, вѣсомъ 20 пудъ; на ней вылиты у устья и выше ушей и запалу травы, да на ней же вылита подпись: Божию милостию, повелѣніемъ государя, царя и великаго князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіи, лѣта 7131 ¹⁾ году; мастеръ Алексѣй Якимовъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; подкова.

¹⁾ 1628 г.

Надъ тѣми жъ *Печерскими вороты*, въ среднемъ бою, пицаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ; у выходу и у запалу вылиты травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Печерскомъ выводе*, въ верхнемъ бою, 3 пицали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пицаль въ 2 гривенки ядромъ, вѣсомъ 9 пудъ, длиною аршинъ 10 вершковъ; на ней вылить крестъ въ травахъ, у запалу подпись: Воинъ; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. 2 пицали мѣдныхъ по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по 9 пудъ; на нихъ вырезаны кресты; у одной у дула вылить репей; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ.

Въ томъ же выводе надъ воротами, въ среднемъ бою, пицаль мѣдная дробовая, ядромъ въ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ; на ней у запалу вылить орель двоеглавной; надъ главами 3 карунки со кресты; въ правой ноге держать яблоко со крестомъ, а въ лѣвой скипетръ, да на ней же подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Фангорентъ; да промежъ ушей выбита чешуя; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Да въ томъ же выводе, въ нижнемъ бою, въ варотехъ пицаль мѣдная дробовая, ядромъ въ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ, въ ней весу по подписи 8 пудъ 30 гривенокъ; на ней у запалу вылить орель двоеглавной, а надъ главами 3 карунки со кресты; въ правой ноге держать яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге—скипетръ; выше ушей вылита личина въ травахъ, да у дула вылиты травы жъ. Подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

По лѣвою сторону *Троецкого выводу* пицаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длиною 4 аршина безъ вершка, вѣсомъ 24 пуда; на ней вылита подпись по латыни: 1529 году; по сторонамъ—по лѣвою сторону орель одноглавной съ карункою, а по правую сторону челоуѣкъ на конѣ съ палашемъ; на ней же травы; три крила; подъ нею станокъ окованъ; на ухахъ наметокъ нѣтъ; на дубовыхъ каткахъ.

На *Троецкомъ выводе* 2 пицали мѣдные по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по 9 пудъ; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ; у одной на ухахъ наметокъ нѣтъ.

Отъ Троецкого выводу, направо къ *Золотымъ воротамъ*, по стене пицаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ; на ней вылить крестъ въ травахъ; у ушей и у выходу травы жъ; подпись: лиль Степанъ Кузминъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Въ томъ же мѣсте, въ верхнемъ бою, пицаль мѣдная въ полгривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ 8 пудъ 25 .гривенокъ; на ней вылить крестъ и травы да подпись: лиль Федоръ Ивановъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

У поперечного вала на раскате пицаль мѣдная востовая въ 6 гривенокъ ядромъ, длина 4 аршина 2 вершка; а сколько пудъ вѣсомъ— и въ Кіеве терезей такихъ нѣтъ, привѣситъ нѣ на чѣмъ; на ней вылита подпись: Божиею милостию, повелѣниемъ государя, царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Росіи, лѣта 7133 ¹⁾ году, мастеръ Григорей Наумовъ; у выходу личины, около личинъ змей, у ушей и у запалу травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Подлѣ *Золотыхъ воротъ* на лѣвой сторонѣ пицаль мѣдная, 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, вѣсомъ по подписи 22 пуда; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На выводе, что у *Золотыхъ воротъ*, 3 пицали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пицаль въ 3 гривенки ядромъ, вѣсомъ 28 пудъ, длина 3 аршина 7 вершка; на ней вылита подпись: лѣта 7171 ²⁾ сентября въ 8 день; вылита пушка при государе, царе и великомъ князе Алексѣе Михайловиче, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержце; да выше подписи орель двоеглавной, у запалу и выше ушей и у выходу вылиты травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершковъ, вѣсомъ 8 пудъ 36 гривенокъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль въ пол 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Да у тѣхъ же воротъ тюенъ мѣдной мѣрою 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 3 пуда 20 гривенокъ;

¹⁾ 1625 г. ²⁾ 1663 г.

на ней вылита подпись: Князь великий Иоаннъ Василевичъ, господарь всеа Росні; дѣлалъ Яковъ; подъ нею ложа окована обручами желѣзными.

На *Егорьевскомъ выводе* 3 пицали; въ томъ числѣ пицаль желѣзная въ 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, вѣсомъ по подписи 49 пудъ; на ней выше запалу два слова: пакой да зело; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. 2 пицали мѣдные по пол 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ полу 5 вершка, вѣсомъ по 8 пудъ по 36 гривенокъ; на одной пицали вырезанъ крестъ; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ.

На *Сергеевскомъ раскате* пицаль мѣдная вестовая въ 6 гривенокъ ядромъ, длина 4 аршина 2 вершка; а сколько пудъ вѣсомъ—и въ Кieve терезей такихъ нѣтъ, привѣситъ нѣ на чемъ; вылита подпись: Божиею милостию, повелѣниемъ государя, царя и великого князя Михайла Теодоровича всеа Росні слита сия пицаль лѣта 7138¹⁾; мастеръ Алексѣй Якимовъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Сергеевскомъ выводе* 3 пицали; въ томъ числѣ пицаль желѣзная 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 49 пудъ; на ней два слова: пакой да зело; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль мѣдная 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; на ней вылитъ крестъ, у выходу травы; лить Теодоръ Ивановъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль мѣдная въ полъ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 36 гривенокъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; на ухахъ наметокъ нѣтъ.

На *Всесвятскомъ раскате*, противъ Пробитого вала, пицаль мѣдная, прозваніемъ Левъ, 6 гривенокъ ядромъ, длина 6 аршинъ 3 вершка, вѣсомъ 119 пудъ 20 гривенокъ; на ней вылита подпись: Божиею милостию, повелѣниемъ самодержавного великого государя, царя и великого князя Теодора Алексѣевича, всеа Великая и Малая и Бѣлая Росні самодержца, въ 4-е лѣто благочестивые и богохрани-

мше державы царства его, въ славномъ и преименитомъ царствующемъ граде Москвѣ, лета во 188¹⁾ году; лиць мастеръ Харитонъ Ивановъ; на ней же вылить близко дула левъ; около подписи и выше ушей и у дула травы, у казны личины; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Всесвяткомъ выводе* 3 пищали; въ томъ числѣ пищаль желѣзная 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 49 пудъ; на ней два слова: пакой да зело; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; на ухахъ наметокъ вѣтъ. Пищаль мѣдная 2 гривенки ядромъ, длина пол 2 аршина безъ вершка, вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная въ пол 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Отъ Всесвятцова выводу на стѣнѣ во Львовскимъ воротамъ пищаль мѣдная въ пол 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 12 пудъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Лвовскихъ воротахъ* пищаль мѣдная дробовая, ядромъ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ; на ней у запалу вылить орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге держитъ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой скипетръ; да подпись высечена: вѣсомъ 8 пудъ 20 гривенокъ, и вылиты слова по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ; да выше ушей вылита личина рѣ травахъ, да промежь ушей выбита чешуя; станокъ окованъ, на духовыхъ каткахъ. Другая пищаль мѣдная; на ней къ запалу вылита подпись: пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, вѣсомъ 19 пудъ 33 гривенки, лѣта 7100²⁾; да у запалу подпись же: лиць мастеръ Мартемьянъ Осиповъ; да на ней же у дула вылить орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки, въ правой ноге скипетръ, а въ лѣвой яблоко со крестомъ; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На выводе, что *противъ Кириловскаго вводу*, въ нижнихъ бояхъ, 3 пищали мѣдные; въ томъ числѣ 2 пищали скорострѣльные по

¹⁾ 1680 г. ²⁾ 1592 г.

3 гривинки ядромъ, длиною по 3 аршина, вѣсомъ по 10 пудъ; на нихъ вылиты орлы двоеглавные, со скипетры и съ яблоки, надъ главами по 3 карунки со кресты, у выходу и у ушей травы, да 2 лва, да подписи по-латыни, на одной: приказалъ дѣлать Яганъ Оангоренъ, мастеръ Мивласъ; вылиты въ Лицке городе лѣта 1669; на другой имена полковниковъ Николая Бовмана да Ягана Оангорена, лѣта 1602, мастеръ Германъ Энкинъ; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ; на ушахъ наметокъ нѣтъ. Пищаль 2 гривенки ядромъ, длина аршинъ 6 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ 20 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На томъ же выводе 4 пищали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пищаль мѣдная; на ней въ запалу вылита подпись: пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина 6 вершковъ, въ ней вѣсу 20 пудъ 10 гривенокъ; лилъ мастеръ Яковъ Дубина лѣта 7013 ¹⁾; да на ней же ниже ушей вылить орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге держитъ скипетръ, а въ лѣвой ноге яблоко; у запалу и выше ушей и у дула вылиты травы; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль въ 3 гривенки ядромъ, длина аршинъ 6 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ 20 гривенокъ; на ней у запалу вылить узолъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ; на ней вылить баранъ, у выходу и ушей травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 36 гривенокъ; на ней вылить крестъ въ травахъ да подпись: Воинъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На той же стенѣ, на углу, пищаль мѣдная дробовая, ядромъ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ; на ней вылить орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге держитъ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге скипетръ; на ней же вылиты слова по-латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ; на ней высечена подпись: вѣсомъ 10 пудъ 34 гривенки, да выше ушей и у дула вылиты травы, да межъ ушей и выше ушей выбита чешуя; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

¹⁾ 1505 г.

Въ томъ же мѣстѣ пицаль мѣдная дробовая, ядромъ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ; на ней у запалу выбить орель двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге держать яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге скипетръ; на ней подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ; да высечена подпись же: вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; да выше ушей и у дула вылиты травы, да межи ушей и у дула личины въ травахъ; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На стѣнѣ, что во рву, *противъ Кожемяцкой слободы* 2 пицали мѣдные по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по 9 пудъ; на нихъ вырезаны кресты; подъ нимъ станки окованы, на дубовыхъ каткахъ.

Да въ *Меншомъ городе Киевѣ у приказной полаты* 4 пицали мѣдные галанскіе; въ томъ числѣ пицаль ядромъ пудъ 10 гривенокъ, длиною 5 аршинъ безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 208 пудъ 20 гривенокъ; на ней вылить человѣкъ на конѣ съ карункою, на карунке крестъ, подъ ногами змей, у ушей и у выходу и у запалу травы; на ней же подпись вылита по-латыни: 1634 году, имя мастера Св ерусъ Костеръ, въ городе Амстрадаме; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, на нихъ по два обруча желѣзныхъ. Пицаль галанская жъ пудъ 6 гривенокъ ядромъ, длина 5 аршинъ безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 196 пудъ 35 гривенокъ; на ней вылить человѣкъ на конѣ съ карункою, на карункѣ крестъ, подъ ногами змей, у запалу и выше ушей и у выходу травы, да подпись вылита по латыни: 1635 году, мастеръ Эвергардусъ Сплинтеръ въ городе Энгузѣ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, на нихъ по два обруча желѣзныхъ. Пицаль галанская жъ пудъ 6 гривенокъ ядромъ, длина 5 аршинъ безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 196 пудъ 35 гривенокъ; на ней вылить человѣкъ на конѣ съ карункою, на карункѣ крестъ, подъ ногами змей; подпись по латыни: лѣта 1635, мастеръ Эвергардусъ Сплинтеръ въ городе Энгузѣ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, на нихъ по два обруча желѣзныхъ. Пицаль галанская жъ 15 гривенокъ ядромъ, длина 4 аршина съ вершкомъ; на ней вылить человѣкъ на конѣ съ карункою, на карунке крестъ, подъ ногами змей, ниже запалу слова по латыни, выше ушей и у дула травы; вѣсомъ по подписи 89 пудъ;

на ней выше ушей вылить орель двоеглавной съ карунками и со кресты; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Въ *оружейномъ амбаре*: Пищаль мѣдная дробовая вѣсомъ 9 пудъ, длина аршинъ 6 вершковъ, ядромъ 6 гривенокъ; на ней у запалу вылить орель двоеглавной, въ правой ноге яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге скипетръ, надъ главами 3 карунки со кресты, а промежъ ушей выбита чешуя, да выше ушей подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная въ полугривенки ядромъ, длиною 2 аршина, вѣсомъ 5 пудъ; на ней вылиты 3 лва, да двѣ травы, да подпись вылита: Иоаннъ, Божию милостию государь всеа Росіи, лѣта 7006 ¹⁾, лилъ Яковъ Орянъ; на походномъ станку. Двѣ пищали дробовыхъ длиною по аршину по 6 вершковъ, вѣсомъ по 5 пудъ по 22 гривенки; на нихъ вылиты кресты и травы; на волоковыхъ станкахъ, на колесахъ. Пищаль мѣдная вѣсомъ 11 пудъ 10 гривенокъ, длиною по 3 аршина, ядромъ въ полъ 2 гривенки, на волоковомъ станку, на колесахъ. Пищаль дробовая мѣрою аршинъ съ четвертью, ядромъ 12 гривенокъ; на ней же ниже ушей вылита подпись: лилъ мастеръ Мартемьянъ Осиповъ; да на ней же у запалу подпись высечена: вѣсомъ 9 пудъ; да у выходу вылиты травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная длиною 3 аршина 6 вершковъ, ядромъ 2 гривенки, вѣсомъ по подписи 21 пудъ 28 гривенокъ; на ней вылита подпись же: лѣта 7186 ²⁾; межъ казны и ушей вылить орель двоеглавной, въ правой ноге скипетръ, а въ лѣвой яблоко; надъ запаломъ накрывши нѣтъ; лилъ мастеръ Яковъ Осиповъ Дубина; на походномъ станку; станокъ худъ. Пищаль мѣдная длиною аршинъ 10 вершковъ, ядромъ 2 гривенки; у выходу вылиты 3 орешья; межъ казны и ушей вылить крестъ въ травахъ; лилъ мастеръ Федоръ Улыбинъ; вѣсомъ 8 пудъ 25 гривенокъ; на походномъ станку; станокъ худъ. Пищаль мѣдная грановитая, длина 2 аршина полъ 2 вершка, ядромъ въ полгривенки, вѣсомъ 5 пудъ 33 гривенки; у запалу розгаръ и у выходу розгаръ же; на походномъ станку; станокъ худъ.

13 пушекъ верховыхъ мѣдныхъ; въ томъ числѣ пушка 12 пудъ гранатъ; на ней у выходу вылиты травы да подпись, а по подписи

¹⁾ 1498 г. ²⁾ 1678 г.

сдѣлана та пушка въ царствующемъ граде Москвѣ, въ лѣто 7013 ¹⁾ и 14, ²⁾ сентября въ 26 день; мастеръ Андрей Чеховъ; сдѣлалъ пушечной литецъ Проня Ѳеодоровъ; а сколько пудъ вѣсомъ, и того не подписано, а въ Киевѣ терезей такихъ нѣтъ, привѣситъ нѣ на чемъ. Пушка 3 пуда гранатъ, вѣсомъ 50 пудъ 36 гривенокъ; на ней у выходу и подле ушей и у запалу вылиты травы; а по подписи лита во 186 ³⁾ году: лилъ пушечной литецъ Пантелей Яковлевъ. Пушка 3 пуда жъ гранатъ, вѣсомъ 48 пудъ 24 гривенки; на ней вылить орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки, у выходу травы, у запалу подпись: мастеръ Яковъ Никиѳоровъ. Пушка 2 пуда гранатъ, вѣсомъ 24 пуда 30 гривенокъ, а по подписи вылита во 176 ⁴⁾ году; лилъ мастеръ Яковъ Дубина. 2 пушки по 2 пуда жъ гранатъ, въ томъ числѣ на одной вылита подпись: Божиею милостию, повелѣниемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіи, слита сия пушка лѣта 7141 ⁵⁾; мастеръ Микѳоръ Ѳеодоровъ; а на другой пушке вылита подпись же: мастеръ Михайла Ивановъ; вѣсу въ нихъ не подписано. Пушка полупудовая гранатъ, вѣсу въ ней не подписано; на ней вылита подпись: 178 ⁶⁾ году; лилъ пушечной литецъ Пантелей Яковлевъ; а тѣ верховые пушки на дубовыхъ станкахъ; станки окованы. Пушка гранатомъ 3 пуда, вѣсомъ 46 пудъ 30 гривенокъ; на ней вылита подпись выше ушей: лѣта 7206 ⁷⁾ году, да подпись у запалу: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; да на ней же выше и ниже ушей чешуя; на ней же у выходу вылита личина въ травахъ. Пушка гранатомъ 3 пуда жъ, вѣсомъ по подписи 48 пудъ 30 гривенокъ; на ней вылита подпись выше ушей: лѣта 7206 ⁸⁾ году, да подпись же у запалу: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; да на ней же выше и ниже ушей чешуя; да на ней же у выходу вылита личина въ травахъ. Пушка гранатомъ 2 пуда, вѣсомъ по подписи 25 пудъ 38 гривенокъ; на ней вылита подпись выше ушей: лѣта 7206 ⁹⁾ году, да у запалу вылита подпись же: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; да у выходу вылита личина въ травахъ, да вылита чешуя. 3 пушки гранатомъ по пуду; вѣсомъ одна 18 пудъ 30 гривенокъ; на ней вылита подпись: лѣта 7206 ¹⁰⁾ году; ниже подписи вылить орелъ двоеглавной

¹⁾ 1505 г. ²⁾ 1506 г. ³⁾ 1678 г. ⁴⁾ 1668 г. ⁵⁾ 1693 г. ⁶⁾ 1670 г. ⁷⁾ 1698 г. ⁸⁾ 1698 г. ⁹⁾ 1698 г. ¹⁰⁾ 1698 г.

съ карунками, въ правой ноге держитъ скипетръ, а въ лѣвой ноге яблоко; да у запалу подпись же: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; выше подписи къ выходу вылиты травы, да на ней же ниже орла вылита чешуя. Другая пушка вѣсомъ 18 же пудъ 18 гривенокъ; на ней вылита подпись: лѣта 7206 ¹⁾ году: ниже подписи вылитъ орелъ двоголовой съ карунками, въ правой ноге держитъ скипетръ, а въ лѣвой яблоко со крестомъ; да у запалу вылита подпись же: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; да выше подписи къ выходу вылиты травы; да на ней же вылита чешуя. Третья пушка вѣсомъ 18 же пудъ 16 гривенокъ; на ней вылита подпись: лѣта 7206 ²⁾ году; подпись не вылилась; ниже подписи вылитъ орелъ двоголовой съ карунками, въ правой ноге держитъ скипетръ, а въ лѣвой яблоко со крестомъ; да у запалу подпись же: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; да выше подписи вылиты травы; да на ней же вылита чешуя.

Въ тѣхъ же оружейныхъ анбарехъ 4 станка съ мушкетными стволами; въ томъ же числѣ на 3 станкахъ по 20 стволовъ, на одномъ станку 40 стволовъ окованы.

Въ *Киевѣ*, въ *Нижнемъ городѣ*, поставлено по башнямъ 8 пицалей. Въ томъ числѣ пицаль мѣдная; на ней къ запалу вылита подпись: пицаль 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, въ ней вѣсу 24 пуда 38 гривенокъ; лѣта 7182, ³⁾ другая подпись у запалу: литецъ Осипъ Ивановъ; выше ушей вылитъ орелъ двоголовой, надъ главами 3 карунки, въ правой ноге скипетръ, а въ лѣвой яблоко; да въ правую сторону къ дулу вылитъ...., у дула вылиты травы; станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль желѣзная 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина полъ 6 вершка, вѣсомъ по подписи 48 пудъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль желѣзная жъ въ полторы гривенки ядромъ, длиною 3 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсомъ 24 пуда; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль желѣзная жъ въ 12 гривенокъ ядромъ, длина 2 аршина 2 вершка, вѣсомъ 22 пуда 16 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль мѣдная; на ней вылита подпись у запалу; пицаль 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, въ ней вѣсу 20 пудъ 35 гривенокъ, лилъ мастеръ Яковъ Осиповъ Дубина, лѣта

¹⁾ 1698 г. ²⁾ 1698 г. ³⁾ 1674 г.

7182 ¹⁾); да ниже ушей вылить орелъ двоеглавной; надъ главами 3 карунки, въ правой ноге скипетръ, а въ лѣвой яблоко; выше ушей вылиты травы; станокъ волоковой, окованъ, на каткахъ. Пицаль, мѣдная скорострѣльная длиною 2 аршина, вѣсомъ 10 пудъ; на ней вылить орелъ двоеглавной съ карункою, и со крестомъ, и съ скипетромъ, и съ яблокомъ, да травы, а промежъ травъ чешуя, да по латыни имена: полковники Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ; а лита 7032 ²⁾), мастеръ Германъ Энкинъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на каткахъ. Пицаль желѣзная въ 3 гривенки ядромъ, длина 3 аршина безъ 6 вершковъ; въ ней вѣсу по подписи 29 пудъ 35 гривенокъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль мѣдная скорострѣльная длиною 2 аршина, вѣсомъ 10 пудъ; на ней вылить орелъ двоеглавной съ карункою, и со крестомъ, и съ скипетромъ, и съ яблокомъ, да травы, а межъ травъ чешуя да по латыни имена: полковники Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ, а лита 7032 ³⁾), мастеръ Энкинъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на колесахъ. Пицаль желѣзная въ 3 гривенки ядромъ, длина 3 аршина безъ 6 вершковъ, въ ней вѣсу по подписи 29 пудъ 35 гривенокъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пицаль мѣдная скорострѣльная длиною 2 аршина, вѣсомъ 10 пудъ; на ней вылить орелъ двоеглавной съ карункою, и со крестомъ, и съ скипетромъ, и съ яблокомъ, да травы, а межъ травъ чешуя да по латыни имена: полковники Николай Бовманъ да Яганъ Оангоренъ, а лита 7032 ⁴⁾), мастеръ Германъ Энкинъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на колесахъ.

Къ тѣмъ же пищалемъ 80 ядръ; въ томъ числѣ: 10 ядръ вѣсомъ по 12 гривенокъ; 10 ядръ по 6 гривенокъ; 30 ядръ по 3 гривенки; 20 ядръ по 2 гривенки; 10 ядръ по пол 2 гривенки.

Въ *Печерскомъ* местечке: пицаль мѣдная длиною аршинъ 10 вершковъ, вѣсомъ 10 пудъ 13 гривенокъ; на ней насѣчены репы; станокъ и колеса старые; отдана та пицаль во 183 ⁵⁾ году на время для обороны отъ приходу неприятельскихъ людей. Пицаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 4 аршина безъ 3 вершковъ, вѣсомъ 24 пуда; на ней вылить орелъ одноглавной да подпись по латыни: 1525

¹⁾ 1674 г. ²⁾ 1524 г. ³⁾ 1524 г. ⁴⁾ 1524 г. ⁵⁾ 1675 г.

году; подъ нею станокъ окованъ, на колесахъ неокovanýchъ. Пищаль желѣзная, въ пол 4 гривенки ядромъ, длина 4 аршина безъ чети, вѣсомъ 29 пудъ; на ней вырезана подпись по латыни 814; подъ нею валовой станокъ, на дубовыхъ каткахъ. А тѣ вышеписанные 2 пищали отданы при боярине и воеводахъ, при князе Михайле Григорьевиче Рамадановскомъ съ товарищи, для обороны отъ приходу неприятельскихъ людей во 198 ¹⁾ году на время.

Въ *Выдубецкомъ* монастыре: пищаль мѣдная въ четверть гривенки ядромъ, длиною 2 аршина съ четвертью, вѣсомъ 5 пудъ 20 гривенокъ; на ней вылита выше ушей личина въ травахъ, у выходу другая личина, около личины 2 птицы, ниже птицъ травы; а та пищаль отдана въ тотъ монастырь при боярине и воеводахъ, при князе Никите Семеновиче Урусове съ товарищи, для обороны отъ приходу неприятельскихъ людей во 188 ²⁾ году на время.

Въ оружейныхъ анбареяхъ: 800 ядръ по пуду по 10 гривенокъ; 499 ядръ по пуду по 6 гривенокъ; 128 ядръ по пуду; 13 ядръ по 30 гривенокъ; 31 ядро по 20 гривенокъ; 1263 ядра по 15 гривенокъ; 869 ядръ по 12 гривенокъ; 8646 ядръ по 6 гривенокъ ядро; 3490 ядръ по 4 гривенки; 6 ядръ по 5 гривенокъ; 10 ядръ въ полъ 4 гривенки; 6251 ядро по 3 гривенки; 1036 ядръ по полъ 3 гривенки; 20596 ядръ по 2 гривенки; 2376 ядръ по 2 гривенки; 2376 ядръ по полъ 2 гривенки; и изъ того числа отдано въ Печерской монастырь 50 ядръ на время; 1713 ядръ по гривенки, въ томъ числѣ 15 кованныхъ; 1096 ядръ по полъ гривенки; 1088 ядръ въ четверть гривенки ядро; 15 пудъ 8 гривенокъ дроби желѣзной болшой; 6 пудъ 18 гривенокъ средней; 108 пудъ 26 гривенокъ малой; 4185 ядръ на чепяхъ, къ нимъ 1700 трубокъ деревянныхъ, въ которыхъ тѣ чепные ядра въ пушку зарежаютъ; 4484 ядра на роздвижныхъ прутьяхъ; 32 пары приступныхъ гранатъ на вилахъ, въ томъ числѣ 2 вилы переломлены; 11 гранатъ нарядныхъ по 12 пудъ; 86 гранатъ ненарядныхъ по 12 жъ пудъ; 441 гранатъ нарядныхъ по 3 пуда, въ томъ числѣ 12 по 3 пуда по 20 гривенокъ гранатъ; 2166 гранатъ ненарядныхъ по 3 пуда гранатъ; 436 гранатъ ненарядныхъ по 2 пуда гранатъ, 1200 гранатъ ненарядныхъ 2 пудовыхъ; 715 гранатъ ненарядныхъ же по

¹⁾ 1690 г. ²⁾ 1680 г.

полтора пуда гранатъ; 2878 гранатъ ненарядныхъ по пуду гранатъ; 1 гранатъ нарядной по полупуду; 986 гранатъ ненарядныхъ по полупуду жъ гранатъ; 1963 гвоздя малыхъ желѣзныхъ тинпальныхъ вѣсомъ 11 пудъ 5 гривенокъ; въ тѣмъ ненаряднымъ гранатомъ 9441 трубка деревянныхъ; 6 выбойниковъ вѣсомъ 25 гривенокъ.

Да къ тѣмъ же вышеписаннымъ верховнымъ пушкамъ огнѣ-стрѣльныхъ и свѣтлыхъ 20 ядеръ разныхъ статей; въ нимъ 670 трубокъ желѣзныхъ; въ томъ числѣ одно ядро нарядное съ трубки; 16 мешковъ холщовыхъ огнѣстрѣльныхъ большихъ и малыхъ порожихъ; 9 затравниковъ пушечныхъ желѣзныхъ; 10 паръ приступныхъ гранатъ по 5 пудъ по 9 гривенокъ, по 2 и по 3 пуда; въ томъ числѣ 35 паръ нарядныхъ, 175 паръ ненарядныхъ; телѣга, на чемъ гранаты возятъ; 15195 гранатъ ручныхъ желѣзныхъ разныхъ статей нарядныхъ; въ томъ числѣ у переправки розбилось 20 гранатъ, а 14 гранатъ въ розрядку не годились; 30507 гранатъ ручныхъ ненарядныхъ, въ нимъ 28520 трубокъ деревянныхъ; 98 гранатъ ручныхъ свлянечныхъ нарядныхъ; 389 гранатъ ручныхъ свлянечныхъ ненарядныхъ, въ томъ числѣ 12 гранатъ розбитыхъ; 11 мѣстъ желѣзныхъ дробныхъ, что гранаты чистятъ и нарежаютъ; 50 пицалей затинныхъ, въ томъ числѣ положено на станку 10 пицалей, да отдано въ монастырь на время въ Печерской 2, въ Соевѣйской 3 пицали. Сверло большое пушечное вѣсомъ 2 пуда 2 гривенки; 4 пуда 22 гривенки дробы мушкетной желѣзной; 21 мушкетъ съ замками худыхъ, въ томъ числѣ у одного замка нѣтъ, а у одного отъ дула оторвало съ поларшина; въ нихъ замки и ложи ламаные; 90 мушкетовъ съ жагры худыхъ, жагры и ложи ламаные; 30 мушкетовъ починенныхъ, въ томъ числѣ 12 мушкетовъ съ замками; 18 мушкетовъ съ жагры.

Въ оружейномъ анбаре положено на 4 станкахъ 100 стволовъ мушкетныхъ; 96 стволовъ роздутыхъ и рваныхъ; 82 пицали съ прикладами и съ замками; 6 стволовъ покрыты красною кожею и обложены мѣдью, одинъ только початковать; 246 карабиновъ починены и вычищены въ ложахъ съ замками; 115 карабиновъ съ колесными замками не починены; 186 стволовъ карабинныхъ худыхъ безъ замковъ; 18 карабиновъ, въ томъ числѣ у одного карабина огнива нѣтъ; поль 6 пары пистолей худыхъ въ ложахъ ламаныхъ безъ огнива и безъ курковъ; 2 ствола карабинныхъ; 5 пистолей худыхъ безъ замковъ; 200 палниковъ пушечныхъ; 161 пудъ 35 гривенокъ зелья руч-

ного съ деревомъ; 1098 пудъ 31 гривенокъ со полугривенкою зелья ручного жъ съ деревомъ: 2062 пуда 32 гривенки зелья пушечного безъ дерева; 4806 пудъ 16 гривенокъ зелья пушечного жъ съ деревомъ, и изъ того числа отдано въ Печерской монастырь 10 пудъ зелья ручного и пушечного по поламъ на время. 4060 пудъ 2 гривенки съ полугривенкою свинцу, и изъ того числа дано въ Печерской монастырь 5 пудъ; свинцу сѣченого и на прутья тянутого 6 пудъ 18 гривенокъ; 600 ядръ пушечныхъ свинцовыхъ по кружалу въ четверть гривенки, въ нихъ во всѣхъ вѣсу 7 пудъ 15 гривенокъ; 221 пудъ 12 гривенокъ пуль свинцовыхъ, мушкетныхъ литыхъ и сѣченыхъ; 163 картула накладныхъ съ пулями свинцовыми, въ нихъ вѣсу 4 пуда 10 гривенокъ худыхъ. 1689 пудъ 26 гривенокъ еетия вареного, и изъ того числа отдано въ Печерской монастырь на время 7 пудъ; 7 пудъ еетия вареного гнилого; 342 пуда 7 гривенокъ съ полугривенкою еетия невареного. 7863 аршина съ полуаршиномъ холста толстого; 68 аршинъ бумази черной мыши попортили; 6 аршинъ съ полуаршиномъ крашения черной; 7372 мешка пушечныхъ холщевыхъ большихъ и малыхъ; 11 мешковъ пушечныхъ съ порохомъ, вѣсомъ 22 гривенки; 6 мѣшковъ пушечныхъ же съ порохомъ, что ядромъ въ полгривенки, итого 4 гривенки; 100 мешковъ холщовыхъ, что ручные гранаты носить; 2 паруса холщовыхъ новыхъ; 56 мешковъ воженыхъ пороховыхъ худыхъ; 6 мешковъ воженыхъ пороховыхъ новыхъ. 11 трубокъ еетилныхъ изъ бѣлого желѣза худыхъ; 10 трубокъ еетилныхъ изъ бѣлого жъ желѣза цѣлыхъ; 61 напралствъ изъ бѣлого желѣза худыхъ. 4311 пудъ 12 гривенокъ съ полугривенкою пенки; 62 пуда 35 гривенокъ пенки пыжовой гнилой; 5 пудъ 15 гривенокъ лну; 126 пудъ 28 гривенокъ селитры нелитрованной; 9 гривенокъ жилъ битыхъ; 142 пуда 13 гривенокъ 75 золотниковъ сѣры горючей съ деревомъ; пудъ 16 гривенокъ сѣры горючей толченой съ деревомъ же; итотъ мѣдная съ пестомъ желѣзнымъ; три куба мѣдныхъ обтекарскихъ съ трубами и съ кровлеми, веткихъ; 14 уривковъ пушечныхъ желѣзныхъ, вѣсомъ 21 пудъ 9 гривенокъ; пудъ желѣза съ пушечныхъ станковъ; 153 пуда 6 гривенокъ съ полугривенкою желѣза; 2 крюка желѣзныхъ, которые остались отъ Соевской каменной башни; 4 крюка желѣзныхъ малыхъ, да 4 крюка, что изъ струговъ конопать тоскаютъ, вѣсомъ 8 гривенокъ; 16 фурмъ мушкетныхъ мѣдныхъ, въ томъ числѣ 1 изломана, 4 фурмы мушкет-

ныхъ желѣзныхъ; 29 гривенокъ съ полугривенкою стали; пудъ 16 гривенокъ волоколной мѣди въ весу съ длиною и съ землею; 3 пивовника, 6 затравокъ, 9 трещетокъ, 2 тысячи кремней, 236 ремней бандѣлѣрныхъ; 4491 ремень бандѣлѣрныхъ худыхъ и оборванныхъ; 6 барабановъ худыхъ, и изъ того числа въ Печерской да въ Выдубецкой монастырь отдано по барабану, 8 ремней барабанныхъ, въ томъ числѣ 1 безъ крюка; 16 ремней барабанныхъ худыхъ; 20 протазановъ съ кистми шолковыми ветхими; 4 протозана съ нагалищами и съ бохрамами ветхи; 59 протозановъ худыхъ и ламанныхъ; 12 алибардъ; 636 бердышей худыхъ и ламанныхъ; 431 списа съ копы; 1630 полупичныхъ копейцовъ ламанныхъ; 122 копыя желѣзныхъ; 160 списъ съ полуспичными желѣзцы; 66 полупивъ съ копейцами; 10 копейцовъ желѣзныхъ; 5 гротиковъ; 254 древка безъ копей; 56536 осыпныхъ роговъ желѣзныхъ; 424 скобы подножныхъ цѣлыхъ; 76 скобъ подножныхъ ламанныхъ; 6 знаменъ рейтарскихъ лазоревой камки съ бохрамами худыхъ и драныхъ; 74 знамя таетяныхъ и дорогилныхъ, розными цвѣтами, побитыхъ и подранныхъ, къ нимъ 28 нагалищъ суконныхъ, и изъ того числа отдано въ Печерской монастырь на время знамя; 9 знаменъ драгунскихъ косящетыхъ черной и желтой таеты, по краямъ съ вишневою таетою безъ древокъ; 12 знаменъ таетяныхъ и кумачныхъ розными цвѣтами, въ томъ числѣ 2 знамя салдацкихъ, къ нимъ 8 древокъ съ гротики, 4 древка безъ гротиковъ, ламанныхъ; 9 втоковъ знаменныхъ; знамя большое киндячное изодраное; 3 знамя казацкихъ дорогилныхъ, побитыхъ; 6 знаменъ таетяныхъ сотенныхъ съ древками и со вспоки побитыхъ и подранныхъ; 30 древокъ, что были на нихъ знамена худые и подранные; 28 ремней карабинныхъ безъ ремней; 526 паръ латъ рейтарскихъ худыхъ и оборванныхъ; 2 доски латныхъ заднихъ рейтарскихъ; 828 паръ латъ салдацкихъ худыхъ и оборванныхъ, въ томъ числѣ 10 паръ салдацкихъ починенныхъ; 56 паръ латъ заднихъ досокъ; 11 досокъ латныхъ худыхъ; 1100 оплешковъ; 523 полы латныхъ худыхъ; 243 корваша худыхъ; 693 шишака цѣлыхъ поржавели; 609 шишаковъ худыхъ; 861 шпага цѣлыхъ, во всѣхъ ножны худы, шпаги поржавели; 540 шпагъ ламанныхъ, во всѣхъ ножны худы, шпаги поржавели; 16 крижовъ шпажныхъ худыхъ, вѣсомъ 19 гривенокъ съ полугривенкою; 1022 лядунки безъ ремней худыхъ драгунскихъ; 66 паръ остръ пистолныхъ худыхъ безъ ремней; 16 коотановъ стрелецкихъ амбур-

свого сукна зеленыхъ и лазоревыхъ гнилыхъ и драныхъ; 4 коетана, что передѣланы изъ худыхъ коетановъ для почты, и тѣ коетаны по-драны; 42 шубы худыхъ и драныхъ; 1327 вировъ цѣлыхъ желѣзныхъ; мотыга; 68 лопатъ желѣзныхъ цѣлыхъ; 280 заступовъ желѣзныхъ; 2 просѣва; 5 богровъ желѣзныхъ пожарныхъ большихъ на шестахъ; 5 крюковъ пожарныхъ желѣзныхъ на шестахъ; 9 вилъ пожарныхъ желѣзныхъ; 25 уполовниковъ желѣзныхъ; 2 лошаки желѣзныхъ, въ томъ числѣ у одной ручка отломлена; 29 буравовъ среднихъ и малыхъ, въ томъ числѣ у дву буравовъ перья попорчены; 2 белезы желѣзныхъ конопатныхъ; 15 круговъ желѣзныхъ; 6 буравовъ; 2 напары большихъ; 3 напары среднихъ; 5 трубокъ проходныхъ желѣзныхъ малыхъ попорченныхъ, въ томъ числѣ 1 изломана; 3 напары струговыхъ; 45 напарьевъ, что передѣланы изъ худыхъ напарьевъ, терези, на чемъ вѣсятъ зелья и свинець, и оетиль; 3 роспуски; 2 роспуски пушечныхъ съ дышлы; 3 фунта мѣдныхъ съ весками, въ томъ числѣ 2 неполныхъ; 7 пилъ, что дерево трутъ, въ томъ числѣ 5 пилъ одноручныхъ худыхъ; 3 влещи маленькихъ желѣзныхъ; 12 пешень цѣлыхъ; 43 лопатки конопатныхъ цѣлыхъ и ламанныхъ; 95 ломовъ желѣзныхъ цѣлыхъ; 31 ломъ ламанныхъ; 2 напары подкопныхъ желѣзныхъ; 66 молотовъ большихъ и малыхъ цѣлыхъ; 20 молотовъ большихъ розбитыхъ; кулакъ желѣзной; 7 долотъ худыхъ; 17 скобелей; 1 черта плотничья; 365 косы, что сѣно косять, худыхъ и ламанныхъ; 7 наковалень да 5 молотковъ, что косы отбиваютъ; 21 коната пенковыхъ новыхъ, вѣсомъ по 2 пуда, мѣрою по 25 сажень; 3 коната пенковыхъ новыхъ по 3 пуда, мѣрою по 30 сажень; 12 бечевъ пенковыхъ новыхъ, мѣрою по 8 сажень, въ томъ числѣ 2 бечевы держаные; 2 косаря, что у лошадей копыты очищаютъ, въ томъ числѣ 1 изломленъ; 3 котла желѣзныхъ, что смолу варятъ, худыхъ; крюкъ желѣзной, чѣмъ гранаты чистятъ; крюкъ желѣзной, чѣмъ котель цепляютъ; вѣсомъ въ обѣихъ крюкахъ полъ 8 гривенни; 4 крюка, что ледъ тоскаютъ; крюкъ желѣзной, что ледъ тоскаютъ, изломленъ; 860 пудъ 10 гривеновъ смолы густой и житвой вѣсомъ съ деревомъ; пудъ смолы черной, вѣсомъ съ деревяннымъ ящикомъ; 2 пуда 10 гривеновъ смолы въ 2 каткахъ да въ кузове, въ весу съ катками и съ кузовомъ; 5232 гвоздя двоетесныхъ; 1640 скобъ конопатныхъ; 40 станковъ пушечныхъ дубовыхъ и сосновыхъ не окованныхъ, розныхъ статей; 2 колеса пушечныхъ окованныхъ старыхъ; 2

колеса пушечныхъ худыхъ; на нихъ 17 обоймицъ желѣзныхъ; 18 станковъ пушечныхъ желѣзныхъ ветхихъ; 3 ушей пушечныхъ желѣзныхъ; 2 закрутия пушечныхъ; 33 набойника желѣзныхъ малыхъ, розныхъ статей; подъемъ пушечной желѣзной; 126 круговъ пушечныхъ деревянныхъ, розныхъ статей, къ огнестрѣльной стрелбѣ; 9 паршоръ коренныхъ худыхъ и рваныхъ; по 8 паршоръ припряжныхъ худыхъ и рваныхъ; 58 козъ городовыхъ желѣзныхъ цѣлыхъ; 53 козы городовыхъ желѣзныхъ ламанныхъ; 26 цепей подъемныхъ мостовъ, въ томъ числѣ 2 цепи съ веретенами желѣзными; 12 цепей короткихъ съ волцы, въсомъ тѣ цепи 16 пудъ 2 гривенки; 23 колца желѣзныхъ малыхъ, въсомъ 6 гривенковъ; 2 петли желѣзныхъ, въсомъ пудъ, къ подъемнымъ мостамъ; 34 резца, что дернъ очищаютъ; 3 отрѣза, что дернъ рѣжутъ; 11 резцовъ ламанныхъ, 9 резцовъ малыхъ попорченныхъ. Товарныхъ снастей розныхъ статей; 131 пара ручныхъ жорновъ цѣлыхъ; 3 пары и 1 камень розбитыхъ; 3 гвоздили кузнечныхъ; 36 серповъ ламанныхъ; 386 пудъ шерсти коровей; 56 кожъ говяжьихъ худыхъ; 2 вилы желѣзныхъ, что ссыкивали въ рекѣ Днепрѣ пушакъ; 2 мѣха кузнечныхъ; 3 наковални кузнечныхъ; 8 клещей кузнечныхъ; 20 пилъ кузнечныхъ болшихъ и малыхъ; 9 дрылей, чѣмъ проверчиваютъ всякие снасти; 2 горбиза въ дереве; клещи малыя съ шурупомъ; пила, чѣмъ отверчиваютъ шурупы; вертлюгъ да тиски малыя; крюкъ малой; веретинно желѣзное въ колесе съ вертлюгомъ; 6 раковинъ желѣзныхъ въ паромамъ на шестѣ; 499 крюковъ желѣзныхъ на шестахъ; 230 осей дубовыхъ вленовыхъ пушечныхъ розныхъ статей; 19 осей дубовыхъ подъ галанскіе пищали; 80 косяковъ дубовыхъ колесныхъ; 35 мѣшковъ холщовыхъ городовыхъ худыхъ и драныхъ и ни къ чему не годятся; 49 мѣшковъ, что передѣланы изъ худыхъ изъ ста мешковъ, да 50 мешковъ, что сдѣланы вновь, чѣмъ рожь носить; 29 цынововъ цѣлыхъ; 30 цынововъ худыхъ; 9 якорей розныхъ статей; 6 пудъ 7 гривенковъ лыкъ московскіе присыла канатные снасти: 6 крюковъ болшихъ съ крушками и съ досками желѣзными; 9 веретенъ желѣзныхъ; 8 досокъ съ крючи; 7 рылей деревянныхъ да въюшка; етилнаго дѣла заводу: котель мѣдной, что етиль варятъ; 7 крюковъ желѣзныхъ; 5 колесъ съ веретенами желѣзныхъ; 3 колеса безъ веретенъ; 6 вѣшъ деревянныхъ; крюкъ желѣзной выемной; 2 станка, что конаты и етиль спускаютъ, ветхихъ.

Зеленого дѣла заводу: 6 корыть; 36 ночевъ; 2 лопатки желѣзныхъ; 10 ковшовъ цѣлыхъ; 20 сить цѣлыхъ, 6 сить худыхъ, одно сито большое цѣлое, 3 сита болшихъ худыхъ; 9 решеть цѣлыхъ, 5 решеть худыхъ; 3 грохота; 2 дубины, въ нихъ сдѣланы ступы; ступы, что сняты съ 12 пестовъ, что зелье толети, мѣдные; 2 набойника; 2 прута мѣдныхъ; трупва мѣдная.

Къ гранатному и къ огнестрѣльному дѣлу припасы московские присылки: 24 фунта съ полуфунтомъ антимониі съ кулкомъ; полъ 10 гривенки сулемы; во 18 пузыряхъ 12 гривенокъ 84 золотника съ ползолотникомъ ртути, въ весу съ пузырями; 45 аршинъ крапешинны; 3 войлова коровьихъ худыхъ; 24 оунта антимониі; 22 дести картузной бумаги мыши попортили; пудъ 12 гривенокъ 3 золотника свипадару въ 3 кувшинахъ, въ весу съ кувшинами; 4 ведра съ квартою неети въ 5 кувшинахъ вѣсомъ 2 пуда 21 гривенка 51 золотникъ, въ весу съ кувшинами; пудъ 9 гривенокъ бумаги хлопчатой въ трехъ куляхъ, въ весу съ кулями; пудъ 33 гривенки терпентину, въ томъ числѣ въ 2 горшкахъ болшихъ да въ 2 горшкахъ маленкихъ, по половине въ весу съ горшками; 14 гривенокъ ладону въ весу съ мѣшкомъ; 30 гривенокъ алионъ въ дву сляницахъ да въ кувшине, въ весу съ сляницами и съ кувшиномъ; 11 оонарей сляничныхъ въ дереве, въ томъ числѣ 1 слюдой, худы; 4 сковородки желѣзныхъ съ ручками, въ томъ числѣ 1 безъ ручки; 2 сковородки желѣзныхъ малыхъ; 5 сковородокъ мѣдныхъ съ ручками желѣзными помятыхъ, въ томъ числѣ 1 на ножкахъ; 8 гривенокъ нашетырю; 9 гривенокъ калиони съ кулкомъ; полъ 2 гривенки ентарной муки; 2 пуда 20 гривенокъ мышьяку; 15 гривенокъ бѣлой неети, въ весу съ кувшиномъ; 5 гривенокъ сулемы въ пузыре въ весу съ пузыремъ; 6 ящиковъ деревянныхъ, на чемъ порохъ трутъ; 2 обруча желѣзныхъ, въ томъ числѣ 1 большой, другой меншой на дубовую колоду, что сваи бьютъ, вѣсомъ 35 гривенокъ; 4 уполовника желѣзныхъ цѣлыхъ; 10 врюковъ желѣзныхъ малыхъ, чѣмъ гранаты тоскаютъ изъ котла, какъ смолятъ; 3 лопатки мѣдныхъ малыхъ съ дырками и съ ручками желѣзными, что съ селитры пѣну снимаютъ, въ томъ числѣ у одной ручка отломлена; кружало желѣзное, что мѣреютъ гранаты; клещи малые желѣзные; остроzubецъ малой желѣзной; 2 ножницы, въ томъ числѣ 1 испорчены; 8 вочетыговъ желѣзныхъ малыхъ; 9 жигаль ламаныхъ; жигало цѣ-

лое; 4 иглы желѣзныхъ малыхъ, чѣмъ светлострелные ядра оплещаютъ; 3 тагана желѣзныхъ круглыхъ о трехъ ношвахъ, вѣсомъ 25 гривеновъ; 34 золотника меркули къ обимантомъ; 34 золотника меркули препрепитатомъ. Къ подкопному дѣлу: 500 волоколцовъ мѣдныхъ круглыхъ меншой статьи; 25 фунтовъ проволоки мѣдной тонкой; 5 пудъ 18 гривеновъ съ полугривенкою дроту желѣзного толстого.

А тѣ вышеписанные воинские всякие полковые припасы въ приеме у маёра у Семена Вишина съ целовальники.—Писалъ Ганко Паршинъ.

Да въ полкѣхъ наряду: салдацкаго строю въ Вилимове полку полковника Оанзалина 13 пицалей мѣдныхъ; въ томъ числѣ: пицаль вѣсомъ 9 пудъ съ четвертью, длиною полъ 3 аршина безъ 3 вершковъ; пицаль вѣсомъ 7 пудъ, длиною 2 аршина; пицаль вѣсомъ 7 пудъ, длиною 2 аршина съ вершкомъ; пицаль длиною таковая жъ, вѣсомъ 7 пудъ 24 гривенки; 2 пицали вѣсомъ по 4 пуда, длиною по полутору аршину безъ вершка; пицаль длиною 3 аршинъ съ полувершкомъ, 2 гривенки ядромъ; пицаль длиною 2 аршина 6 вершковъ, 2 гривенки ядромъ; пицаль вѣсомъ 20 пудъ, длиною 3 аршина 5 вершковъ, ядромъ 2 гривенки; пицаль вѣсомъ 19 пудъ 7 гривеновъ, длиною 3 аршина 6 вершковъ; пицаль вѣсомъ 11 пудъ 10 гривеновъ, длиною аршинъ 9 вершковъ; пицаль вѣсомъ 9 пудъ 9 гривеновъ, длиною 2 аршина съ четвертью; пицаль вѣсомъ 9 пудъ, дробовикъ, длиною аршинъ 9 вершковъ. Стольниковъ и полковниковъ въ Иванове полку Ушакова: 2 пицали мѣдныхъ, длиною 3 аршина 7 вершковъ, вѣсомъ 19 пудъ 35 гривеновъ; пицаль длиною 3 аршина 7 вершковъ, вѣсомъ 13 пудъ 30 гривеновъ. Въ Иванове полку Скрыпичина: 2 пицали мѣдныхъ, въ томъ числѣ пицаль длиною 2 аршина 2 вершка; другая длиною полъ 2 аршина 2 вершка, ядромъ по 2 гривенки. Въ Михайловѣ полку Сухорева: 2 пицали мѣдныхъ, въ томъ числѣ пицаль ядромъ 2 гривенки; на ней подпись висѣчена: пушкѣ длина 3 аршина 7 вершковъ, вѣсомъ 21 пудъ 20 гривеновъ; да вылита подпись же: лиль мастеръ Федоръ Кириловъ, да на ней же у запалу и выше ушей и у дула травы; другая пицаль вѣсомъ 19 пудъ 30 гривеновъ, длиною 3 аршина 7 вершковъ. Всего въ тѣхъ вышеписанныхъ полкахъ 19 пицалей.

Моставыхъ и полковыхъ и брянской присылки струговъ и завоженныхъ и есаульныхъ струшговъ и лотовъ всякихъ мостовыхъ и струговыхъ припасовъ: въ моставомъ строеніи—3232 бруса и бревень, 5406 досокъ и тесницъ, 3 якоря, 11 канатовъ; за моставымъ строеніемъ въ остаткѣ: 169 струговъ, 3 лотки есаульныхъ, 10 лотовъ, 124 бруса, 10 бревень, 9 свай, 130 досокъ. Моставые жъ припасы: 72 якоря цѣлыхъ розныхъ статей, 46 якорей розныхъ статей ламаныхъ, 138 скобъ связныхъ, въ томъ числѣ 7 ламаныхъ 118 колецъ съ пробой, въ томъ числѣ 421 кольцо, пробой отломлены, 6 крюковъ связныхъ, 129 белезъ, 6 стебель якорныхъ, 6 тесель круглыхъ, 127 буравовъ, въ томъ числѣ 8 буравовъ малыхъ да у 17 буравовъ перья поломаны, 2 обруча желѣзныхъ, что сняты съ дубовые колоды, что свай бьютъ, 20 канатовъ пенковыхъ, 7008 лубовъ, 9816 драницъ, 584 бобайки, 117 водолизовъ, 510 шестовъ, 135 поточинъ, 2725 рогожъ цѣлыхъ и худыхъ, 257 раковъ желѣзныхъ, въ томъ числѣ 30 раковъ ламаныхъ, 20 долотъ среднихъ и малыхъ, 70 гвоздей костылевыхъ средней статьи и малыхъ, 160 гвоздей двостесныхъ, 120 скобъ, 3 пуда смолы съ деревомъ, 11 канатовъ лычныхъ, 2 котла желѣзныхъ худыхъ, что смолу варевали. Писалъ Давыдо Фатѣевъ.

Городовыхъ всякихъ лесныхъ припасовъ въ стрелецкихъ и въ салдацкомъ полкѣхъ на пристаняхъ: столниковъ и полковниковъ—въ Иванове полку Ушакова 165 бревень длиною по 3 сажени, 30 брусковъ длиною по 4 сажени, 40 тесницъ по полъ 3 сажени, 150 тесницъ по 4 сажени, 54 доски длиною по полъ 2 и по 2 и по 3 сажени, 156 воловъ дубовыхъ, 36 пластинъ, 200 драницъ по 3 сажени, 300 досокъ брянской и трубчевской присылки. Въ Иванове полку Скрыпицына 58 бревень длиною по 3 сажени, 70 бревень длиною по 4 сажени, 262 тесницы длиною по 3 сажени, 217 тесницъ длиною по 4 сажени, 926 драницъ длиною по 3 сажени, 90 воловъ дубовыхъ, 15 брусковъ длиною по 4 сажени, 15 брусковъ по 2 сажени, 15 брусковъ длиною по полъ 3 сажени, 17 досокъ длиною по 2 сажени, 18 досокъ по полъ 3 сажени, 10 досокъ по 3 сажени. Въ Михайлове полку Сухарева 32 бревна длиною по 3 сажени, 20 бревень длиною по 4 сажени, 176 тесницъ длиною по 3 сажени, 125 тесницъ длиною по 4 сажени, 8 брусковъ длиною по 3 сажени, 8 брусковъ длиною по 4 сажени, 15 брусковъ, длиною по 2 сажени, 8

брусовъ длиною по полъ 3 сажени, 17 досокъ длиною по 3 сажени, 18 досокъ длиною по полъ 2 сажени, 10 досокъ по 3 сажени длиною, 130 волотъ дубовыхъ, 267 тесницъ брянской и трубчевской присыли. Въ киевскомъ салдацкомъ жиломъ полку: 32 тесницы длиною по 4 сажени, 112 тесницъ по 3 сажени, 22 тесницы по 2 сажени, 6 досокъ по полъ 2 сажени, 33 бруса, по 3 сажени, 12 брусовъ по 4 сажени, 12 брусовъ по 2 сажени, 13 брусовъ по полъ 2 сажени, 20 брусовъ по полъ 3 сажени, 8 бревенъ по 3 сажени брянской и трубчевской присыли, да 300 тесницъ длиною по 4 сажени, 100 драницъ длиною по 3 сажени.

Да въ прошломъ въ 205 ¹⁾ и въ 206 ²⁾ и въ 207 ³⁾ и въ 208 ⁴⁾ годѣхъ, по увазу великого государя, царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и по приказу боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского съ товарищи, сдѣлано и починено заново меншого и болшого города и подвоповъ; столниковъ и полковниковъ московскими стрелцами и киевского жилого полку салдаты на кватерахъ городовые стены починено въ 205 ⁵⁾ году киевские проѣзжие ворота починены заново; въ нихъ постановлено: 4 пилцы брусяныхъ толстыхъ, сверху тѣхъ палець мостъ и по обѣ стороны обрублено бревнами; да въ тѣмъ же воротамъ придѣлано изнутри города по обѣ стороны: обрублено бревнами и насыпано землю, сверху выкладено дерномъ, длиною по обѣмъ сторонамъ по 4 сажени, шириною по сажени, въ вышину по полъ 2 сажени; надъ середнимъ выводомъ сверху выкладено дерномъ длиною 5 сажень, шириною сажень; въ верхномъ выводе наверху и по сторонамъ обрублено бревнами; сверху выкладено дерномъ длиною 4 сажени, шириною сажень, и по сторонамъ изнутри города выкладено дерномъ же шириною по сажени, въ вышину по полсажени; въ другихъ воротехъ, которые въ выводе, починена стена заново—обрублено бревнами длиною 3 сажени, въ вышину сажень; наверху тѣхъ воротъ выкладено дерномъ. Да съ загородной стороны починено 5 бойницъ: выкладено дерномъ въ длину полъ 2 сажени, въ вышину 2 аршина, шириною полсажени; да съ загородной же стороны воротъ по обѣмъ сторонамъ выкладено дерномъ въ вышину

¹⁾ 1697 г. ²⁾ 1698 г. ³⁾ 1699 г. ⁴⁾ 1700 г. ⁵⁾ 1697 г.

по 2 сажени, шириною по полъ 2 сажени; противъ воеводцкого и тресвятцкого выводовъ починено на городской стенѣ щиту—выкладено дерномъ въ длину сажень, въ вышину полсажени. У воеводцкого выводу починено щита жъ—выкладено дерномъ въ длину 2 сажени, въ вышину полсажени; промежь прорвы и Львовскихъ воротъ, у дву роскатовъ, въ середине, подъ щитами починены заново два пушечные бой—на верху и изъ сторонъ обрублено бревнами, надъ бойницею сдѣланъ щитъ, выкладенъ дерномъ длиною 5 сажень; въ другой бойнице сдѣланъ потолокъ бревенчетой новой, да починенъ подлазъ; въ немъ поставлены трои пялцы брусяныхъ, сверху и по обѣимъ сторонамъ обрублено бревнами, да сдѣланы вновь двери дощатые; надъ подлазомъ починенъ щитъ, выкладенъ дерномъ длиною 4 сажени; промежь Сергиевского роскату и Львовскихъ воротъ починено городской стены два уступа—заплетено плетнемъ и насыпано землею въ длину верхнего уступу 22 сажени, нижнего уступу длиною 10 сажень; вышиною оба уступа по 2 сажени по 2 аршина; у Михайловскихъ проѣзжихъ воротъ починенъ чрезъ ровъ мостъ и перила вновь; промежь поперечного вала и Печерскихъ воротъ починено городской стены—забрано досками и насыпано землею и выкладено дерномъ въ четырехъ мѣstechъ длиною 15 сажень, въ вышину по сажени, въ ширину по 2 аршина; въ подлазе починенъ потолокъ, намощенъ бревнами новыми и насыпано землею и выкладено дерномъ въ длину и въ ширину по сажени, толщиною въ поларшина; подлѣ караульной избы, которая стоитъ на валу, починено городской стены въ три уступа—заплетено плетнемъ и насыпано землею, въ длину тѣ уступы по 12 сажень, въ вышину по сажени, въ ширину по 2 аршина; отъ той караульной избы идучи къ Троецкому выводу починено городской стены—забрано бойдачными досками и насыпано землею, длиною 23 сажени, въ вышину полсажени, шириною на 2 аршина; надъ Троецкимъ подлазомъ выводной городокъ починенъ заново—намощенъ бревнами и насыпанъ землею, длиною и вышиною по полъ 2 сажени; да въ томъ же выводномъ городкѣ старой острогъ перебранъ и починенъ заново бревнами; надъ тѣмъ подлазомъ починено щиту заново жъ, выкладено дерномъ длиною 2 сажени, въ вышину 2 аршина, толщиною полсажени; по правую сторону Троецкого выводу починено городской стены—забрано бойдачными досками и насыпано землею длиною 2 сажени, въ вышину и въ ширину по полъ 2 са-

жени; отъ Печерскихъ проѣзжихъ воротъ до Архангелскаго вывода починено городской стѣны, въ 7 мѣстехъ насыпано землею и выкладено дерномъ длиною на 55 саженьхъ съ полуаршиномъ, въ ширину въ поларшина, въ вышину въ 2 аршина; въ Архангелскомъ выводе поставлено новаго острогу въ дву мѣстехъ въ длину 7 сажень, въ вышину сажень съ полуаршиномъ. За тѣмъ выводомъ починенъ подлазъ—поставлено 7 палца, сверху и по обѣимъ сторонамъ обрублено бревнами длиною 4 сажени, сверху насыпано землею и выкладено дерномъ; да на томъ подлазе починенъ щитъ—выкладено дерномъ длиною 2 сажени; по правую сторону Печерскихъ воротъ починено городской стѣны—въ 2 мѣстехъ насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 4 сажени, въ вышину въ полсажени, шириною поларшина; отъ Петровскаго роскату до Соѣйской каменной башни починено городской стѣны—щита выкладено дерномъ въ розныхъ мѣстехъ на 58 саженьхъ; отъ Соѣйской башни до Михайловскихъ воротъ починено щита жъ въ розныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ на 87 саженьхъ; отъ Михайловскихъ воротъ до Оамендина роскату починено щита въ розныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ на 89 саженьхъ; отъ Оамендина роскату до Михайловскаго вывода починено щита въ розныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ на 69 саженьхъ; да Михайловскаго вывода починено щита—выкладено дерномъ длиною 4 сажени, въ вышину 2 аршина; по правую сторону Золотыхъ воротъ починено городской стѣны—забрано тесомъ и насыпано землею длиною 16 сажень, въ вышину до щита 4 сажени, шириною по 2 сажени; да починенъ щитъ—выкладенъ дерномъ, длиною 32 сажени; да надъ подлазомъ взрублено бревнами до щита вышиною 4 сажени, шириною 3 сажени.

За Золотыми вороты по правую сторону на роскатѣ починено щита длиною 15 сажень, въ вышину 2 аршина, въ ширину аршинъ; въ 206 ¹⁾ году промежъ Воеводцкаго и Рождественскаго выводовъ починено городской стѣны—щиту выкладено дерномъ въ длину на полъ 2 сажени, въ ширину аршинъ, въ вышину полсажени; на Рождественскомъ выводе починено валу заново—насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 18 сажень, въ ширину на полъ 2 сажени,

¹⁾ 1698 г.

въ вышину тожь; да на томъ же выводе сдѣлано щита—выкладено дерномъ длиною 18 сажень, въ ширину 2 аршина, въ вышину 2 аршина 2 вершка; отъ Рождественскаго выводу до воеводскаго выводу починено щита въ разныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ длиною 6 сажень, въ ширину по поларшина, въ вышину по полсажени; отъ Воеводскаго выводу къ Тресвяцкому выводу починено щита въ дву мѣстехъ—выкладено дерномъ длиною по 2 сажени, въ ширину по поларшина, въ вышину по полсажени; промежь Кирилловскаго роскату и Львовскихъ воротъ въ дву мѣстехъ сдѣлано у городской стѣны 2 уступа, заплетено плетнемъ и насыпано землею въ длину въ обѣихъ уступахъ по 5 сажень, въ ширину по 2 сажени, въ вышину съ подошвы тожь; на Львовскомъ роскатѣ починено городской стѣны—насыпано землею длиною 6 сажень, въ ширину и въ вышину по 2 сажени; у Сергиевскаго роскату починено городской стѣны заново—насыпано землею длиною 15 сажень, въ ширину по 2 сажени, въ вышину 2 сажени; да починенъ взвозъ на Сергиевскомъ роскатѣ, насыпано землею длиною 7 сажень, въ ширину сажень; да уступу нижнего заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною 6 сажень, въ ширину полсажени; поперечнаго вала починено заново—насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 5 сажень, въ вышину изъ рву съ подошвы до щита 12 сажень, въ ширину 3 сажени съ аршиномъ; отъ поперечнаго вала, идучи къ Печерскимъ воротамъ, надъ подлазомъ починено щита—насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 5 сажень, въ вышину по 2 сажени, въ ширину на сажени; подлѣ караульной избы починено городской стѣны—заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною 26 сажень, въ вышину и въ ширину по аршину; у Троецкаго роскату починено щита—выкладено дерномъ длиною 3 сажени, въ вышину 4 аршина, въ ширину поларшина; отъ Печерскихъ воротъ идучи къ Архангелскому выводу, починено городской стѣны въ дву мѣстехъ заново—заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною въ обѣихъ мѣстехъ по 12 сажень, въ вышину по 2 сажени, шириною въ аршинъ и въ поларшина; подлѣ Архангелскаго выводу починено щита—выкладено дерномъ длиною 2 сажени, въ ширину поларшина, въ вышину 2 аршина; у Архангелскаго выводу починенъ подлазъ—поставлены двои пядца, на пядцахъ наслано пластинами колотыхъ бревенъ длиною на сажень съ поларшиномъ, въ ширину 2 аршина, по обѣимъ сто-

ронамъ забрано тесомъ въ вышину по полсажени; надъ подлазомъ выкладено дерномъ длиною съ одной стороны 4 сажени, а по другую сторону 2 сажени, въ ширину сажень и въ полсажени; на Петровскомъ роскате починено щита заново—выкладено дерномъ длиною 14 сажень, въ ширину и въ вышину по сажени; по правую сторону Золотыхъ воротъ починено городской стены—заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною 7 сажень, въ вышину и въ ширину по сажени съ полуаршиномъ; да починенъ взвозъ—насыпано землею, а въ иныхъ мѣstechъ выкладено дерномъ длиною 22 сажени, въ ширину и въ вышину по сажени; по лѣвою сторону Золотыхъ воротъ подлѣ роскату, гдѣ стояла галанская пушка, починено городской стены—заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною 25 сажень, въ вышину 3 сажени, въ ширину сажень съ поларшиномъ; подлѣ того жъ роскату по лѣвою сторону сдѣланъ вновь пушечной бой; да щита починено—насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 15 сажень, въ вышину и въ ширину по 2 аршина; подлѣ поперечного валу починено щита внутри города—выкладено дерномъ длиною 11 сажень съ аршиномъ, въ вышину сажень, въ ширину аршинъ.

По указу великого государя и по грамотамъ изъ Приказу Малыхъ Россіи и по приказу боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского съ товарищи велено Киеву Нижней городъ строить съ оборонными крепостми отъ неприятельского приходу; и въ 207¹⁾ году октября въ 18 день киевской войтъ съ мѣщаны Киеву Нижнему городу строению, гдѣ и въ которыхъ мѣstechъ и на сколькихъ саженьяхъ въ трехъ аршинную сажень того города они построили, и, что не додѣлано, подавъ роспись, а въ росписи написано:

Почавъ отъ горы Верхнего города поставлено острогу на 32 саженьяхъ; а острогу до рву не додѣлано 8 сажень съ двумя аршинами; башня Рождественская съ проѣзжими вороты. Подлѣ той башни сдѣланъ роскатъ и учиненъ ровъ, оставленъ дубомъ; подлѣ того роскату сдѣлана бойница 2-хъ сажень съ двумя аршинами въ длину того рву и клѣтокъ дубовыхъ; до бойницы 32 сажени съ двумя аршинами; отъ той бойницы до другой бойницы надъ рѣвою Днепромъ сдѣлано клѣтками на 81 сажень съ аршиномъ; а бойница 2-хъ сажень; отъ той бойницы до бойницы жъ 91 сажень; а бойница 2 сажень съ

¹⁾ 1699 г.

аршиномъ; отъ той бойницы до башни Духовской проѣзжей 88 сажень; отъ той башни до бойницы 78 сажень; а бойница 2-хъ сажень съ двумя аршины; отъ той бойницы до бойницы жъ 77 сажень; а бойница 2-хъ сажень съ двумя аршины; а отъ той бойницы по другую Проварскую глухую бойницу 73 сажени; а отъ той бойницы до Проварскихъ воротъ 27 сажень съ двумя аршины; а Проварскіе ворота 4 сажени съ полсаженью; отъ Проварскихъ воротъ до бровара казацкого 20 сажень; а броваръ въ городской стѣнѣ въ длину 10 сажень съ полсаженью; отъ бровара до бойницы 58 сажень; бойница 3-хъ сажень; отъ той бойницы до бойницы жъ великой, что на пристани, 69 сажень; а отъ той бойницы отъ поля до другой бойницы проходной 72 сажени; а бойница по 3 сажени; отъ той бойницы до роскату 65 сажень съ двумя аршины; роскату по стѣнѣ 3 сажени; а отъ роскату до роскату жъ 17 сажень; а отъ того роскату до Воскресенской башни проѣзжей 50 сажень; а отъ Воскресенской башни по бойницу 45 сажень; а отъ той бойницы до бойницы жъ 70 сажень; а отъ той бойницы до третьей бойницы 47 сажень; а отъ той третьей бойницы до роскату 47 сажень; роскату по стѣнѣ 7 сажень; а отъ того роскату до роскату жъ 33 сажени; отъ роскату до Ерданской башни 27 сажень; а тотъ Нижней городъ строенъ дубовыми и сосновыми бревнами, рубленъ клѣтками. покрыто того города драбью на 520 саженьяхъ, опричь башенъ и бойницъ, а не покрыто 680 сажень; а отъ Ерданской башни до Кожемяцкихъ воротъ не сдѣлано толко на 127 саженьяхъ; а отъ Кожемяцкихъ воротъ до горы на 19 саженьяхъ поставленъ острогъ; а то недодѣланое мѣсто отведено было дѣлать бурмистру Захару Татрину, и тотъ бурмистръ умре; а на лѣто иной бурмистръ станеть то мѣсто дѣлать; а на тое дѣло дубовые и сосновые бревна въ готовности.

Въ 207 ¹⁾ и въ 208 ²⁾ годѣхъ изнутри города надъ Киевскими вороты починено верхнего бою—сдѣланы одни палца новые и намощено бревнами, на бревнахъ наложено дерномъ въ длину 2 сажени, 2 аршина въ ширину, да сдѣланы—перила; отъ того верхнего бою по правую сторону починено городской стѣны, насыпано землю и выкладено дерномъ и забрано бревнами въ длину 9 сажень, въ ши-

¹⁾ 1699 г. ²⁾ 1700 г.

рину 2 сажени, въ вышину сажень съ аршиномъ; на Киевскомъ роскате починено щита—выкладено дерномъ въ длину 2 аршина съ полуаршиномъ, въ ширину поларшина, въ вышину тожь; за Киевскими вороты по правую сторону починено Воздвиженского роскату—которая земля обвалилась отъ водяного обвалу и промою, съ подошвы набито сваями дубовыми, на сваяхъ обрублено бревнами и набито землею въ длину 7 сажень, въ ширину 2 сажени, въ вышину 2 аршина; на томъ же обрубе сдѣланъ уступъ, набито землею и выкладено дерномъ въ длину 8 сажень, въ ширину сажень, въ вышину тожь; надъ тѣмъ же уступомъ сдѣланъ другой уступъ вышиною сажень съ полуаршиномъ, выкладенъ дерномъ въ длину 8 сажень, въ ширину сажень; третей уступъ въ длину и въ вышину и въ ширину тожь; ото Львовскихъ воротъ до Всесвятцова роскату починено городской стѣны въ разныхъ мѣstechъ—насыпано землею и выкладено дерномъ въ длину 43 сажени, въ вышину 2 сажени, а въ иныхъ мѣstechъ 2 сажени съ аршиномъ; въ той городской стѣнѣ подлазъ и осыпъ старой провалился, и тотъ подлазъ починенъ, и поставлены 10 пяльца новыхъ, и забрано, и покрыто бревнами, и насыпано землею; да по городской стѣнѣ починено, гдѣ вода промыла, въ разныхъ мѣstechъ—насыпано землею и выкладено дерномъ на 35 саженихъ; по правую сторону Львовскихъ воротъ изнутри города починено городской стѣны—заплетено плетнемъ и обвязано бревнами и набито землею въ длину 4 сажени 2 аршина, въ вышину въ первомъ уступе сажень 3 чети аршина, въ ширину сажень съ четвертью аршина; въ другомъ уступе въ длину 4 сажени 2 аршина съ полуаршиномъ, въ вышину сажень съ аршиномъ, въ ширину сажень съ четвертью аршина; отъ поперечного вала къ Печерскимъ воротамъ починено по городской стѣнѣ щита въ разныхъ мѣstechъ—набито землею и выкладено дерномъ въ длину на 5 саженихъ, въ вышину на полъ 2 аршина, въ ширину на поларшина; за поперечнымъ валомъ близъ Золотыхъ воротъ починено по городской стѣнѣ въ дву мѣstechъ щита длиною по полсажени, въ вышину въ аршинъ, въ ширину на поларшина; да по городской стѣнѣ починено въ разныхъ мѣstechъ промѣстныхъ мѣсть—насыпано землею и выкладено дерномъ въ длину на 12 саженихъ, въ ширину на поларшина; по правую сторону Печерскихъ воротъ изнутри города починено городской стѣны—заплетено плетнемъ и обвязано бревнами и набито землею въ длину 6 сажень, въ

вышину полъ 2 сажени, въ ширину въ 2 аршина, а въ иныхъ мѣстехъ въ полъ 2 аршина и въ аршинъ; отъ Архангелскаго выводу до Михайловской калитки починено по городской стѣнѣ щита въ разныхъ мѣстехъ—насыпано землею и выкладено дерномъ въ длину на 110 саженьхъ, въ вышину по аршину, въ ширину въ поларшина; отъ Михайловскихъ воротъ до Печерскаго росвату починено городской стѣны въ разныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ на 56 саженьхъ, въ вышину въ аршинъ, въ ширину въ поларшина; по лѣвою сторону Золотыхъ воротъ починено по городской стѣнѣ щита въ разныхъ мѣстехъ—насыпано землею и выкладено дерномъ на 62 саженьхъ, въ вышину въ аршинъ, въ ширину въ поларшина; да починенъ валовой взвозъ—обвязано бревнами и набито землею въ длину 38 сажень, въ ширину полъ 2 сажени; по правую сторону Золотыхъ воротъ починенъ подлазъ заново—поставлены 4 пяльца, по сторонамъ забрано бревнами; у поперечнаго вала, что подлѣ малого городка, передъ калиткою сдѣланъ чрезъ ровъ мостъ на казлахъ и намощенъ досками въ длину 8 сажень, въ ширину полъ 2 аршина; у поперечнаго жъ вала передъ Троецкою калиткою сдѣланъ чрезъ ровъ мостъ на казлахъ и намощенъ бревнами въ длину 10 сажень, въ ширину сажень съ полуаршиномъ; у конца поперечнаго жъ вала, что подлѣ большого вала городской стѣны, передъ калиткою черезъ ровъ сдѣланъ мостъ на столбахъ и намощенъ бревнами въ длину 10 сажень 2 аршина, въ ширину 2 сажени безъ полуаршина; подлѣ малого города по правую сторону Соѣйскихъ проѣзжихъ воротъ, противъ науголнаго выводу, рва вымыло отъ дождевой воды и отъ той воды подмыло угольной выводъ; и ныне въ томъ мѣсте проведена труба на пялцахъ и на столбахъ по мѣре въ длину до взруба 34 сажени съ аршиномъ: взрубъ рубленъ въ тарасы въ вышину сажень съ аршиномъ; отъ взруба та жъ труба проведена къ прорве въ длину 11 сажень; а вышесказанной промоине въ ширину 2 сажень и въ полъ 2 и въ 2 и въ 3 и въ 4 и въ полъ 5 сажени, а подлѣ взруба 6 сажень, а въ глубину 2 сажени и въ полъ 2 и въ 2 сажени, и та промоина съ трубою вровень насыпано и набито землею; по правую жъ сторону воротъ Соѣйскихъ, въ Соѣйскомъ выезде, въ калитке, въ нижнемъ бою для дождевой воды старая труба починена; а отъ калитки изъ старой трубы водою промыло ширною въ сажень и въ 2, и въ 3 сажени, въ глубину въ 2 сажени безъ полуаршина; и чрезъ то место проведена

труба на столбахъ и на пѣлцахъ въ длину 6 сажень съ полусаженью, и съ трубою вровень насыпано и набито землею и выкладено дерномъ; по лѣвою сторону Соѳейскихъ же воротъ, въ ровъ, землею отъ дождевой воды нанесло и у рва край отмыло длиною 18 сажень 2 аршина; и ту землю изъ того рва вычищено, а ровъ вновь дерномъ выкладено вышиною въ 2 сажени съ полуаршиномъ и въ 2 сажени съ аршиномъ шириною; за дерномъ землею насыпано въ сажень и въ полъ 2 и въ 2 сажени; а надъ тѣмъ рвомъ поставлены надолбы, а для сходу воды сдѣлано въ ровъ труба въ длину въ полъ 3 сажени; отъ Соѳейскихъ проѣзжихъ воротъ отъ мосту по большой Соѳейской же улице отъ дождевой воды въ улице вымыло земли, и отъ того проѣздъ былъ худъ, и рву поруха; и въ томъ мѣсте намощено мостъ въ длину 35 сажень съ полусаженью; по правую сторону отъ Соѳейского мосту по пушкарской бывшей улице мосту намощено въ длину 4 сажени полъ 2 аршина; по лѣвою сторону тѣхъ же Соѳейскихъ воротъ, подлѣ рву мосту намощено въ длину 18 сажень съ полуаршиномъ. Починка подкопомъ: по правую сторону Золотыхъ воротъ въ отводномъ городѣ починены подкопы; по правую сторону вывода розчищенъ старой провалной подкопной котель; въ котлѣ поставлены новые столбы и покрыто бревнами и насыпано землею; изъ того котла направо подъ выводной уголъ старой подкопной ходъ до кавнаты и въ кавнате засыпано землею, а нынѣ розчищенъ до кавнаты 15 колѣнъ, мѣрою 15 сажень, и кавната починена заново; изъ того жъ котла по лѣвою сторону старой проходъ до кавнаты, посередь того выводного угла до кавнаты 13 колѣнъ, мѣрою 13 сажень; а ныне наплавная земля розчищена и вынесена, и кавната починена заново. Въ тотъ же колодезь старой ходъ въ дву мѣстехъ провалился и наплыло землею; и та земля розчищена и вынесена на 15 сажень, а худые пѣлца переменены; посередь въ томъ же отводномъ городѣ розчищенъ и прокопанъ провалной большой колодезь; въ колодезе поставлены новые столбы и забранъ досками и покрыто бревнами и насыпано землею; въ колодезе старой ходъ провалился длиною на 4 сажени, а наплавная земля прочищена и поставлены пѣлца и забрано досками вновь на 16 саженьяхъ, а провалъ набить землею; изъ того колодезя наплавную землю (вынесено?), прочищенъ старой ходъ подъ валъ и подъ ровъ до колодезя въ заровномъ бою длиною на 23 сажени и поставлены пѣлца и забрано досками вновь.

въ колодезь поставлены новые столбы и покрыто бревнами и засыпано землю; изъ того колодезя подъ заровнымъ боемъ наплавную землю прочищено на 13 саженьяхъ; изъ того ходу по правую сторону подъ заровнымъ боемъ розчищенъ ходъ для слуху длиною на 6 саженьяхъ, по лѣвою сторону на 7 саженьяхъ; въ томъ же отводномъ городкѣ по лѣвою сторону роскопанъ и розчищенъ другой провалной колодезь и поставлены новые столбы и забрано досками, покрыто бревнами и засыпано землю; изъ того котла на правой сторонѣ старой подкопной ходъ, паяца огнили и засыпано землю, посередь того выводного угла до ковнаты 13 колѣнъ, мѣрою 13 сажень; а нынѣ тотъ проходъ и ковната розчищено и поставлены паяца и забрано досками вновь; изъ того жъ котла по лѣвою сторону старой подкопной проходъ, паяца огнили и заплыли землю до верху подугольного выводного угла до ковнаты 19 колѣнъ, мѣрою 28 сажень; а нынѣ тотъ ходъ и ковната розчищена и поставлены паяца и забрано досками вновь; въ томъ же котлѣ старой ходъ, паяца огнили и провалились на 4 саженьяхъ и наплыло землю; а нынѣ вычищенъ и поставлены паяцы и забрано досками вновь длиною на 38 саженьяхъ, а провалъ засыпанъ землею; въ томъ же отводномъ городкѣ калитка сквозъ валъ въ ровъ длиною 11 сажень; а нынѣ розчищено, и по правую сторону проходу старой подошвенной бой во рву огнилъ и провалился и заплыло землю длиною на 8 саженьяхъ, по лѣвою сторону длиною на 7 саженьяхъ; а нынѣ прочищено и поставлены паяца и забрано досками вновь и покрыто землею; къ тому вышенисанному городку сдѣланъ мостъ на казлахъ для взвозки въ тотъ городокъ пушекъ и намощенъ тотъ мостъ бревнами въ длину 10 сажень, въ ширину сажень съ полуаршиномъ. По лѣвою сторону Золотыхъ воротъ въ другомъ отводномъ городкѣ подкопы починены; изъ болшого городского рва до колодезя; изъ подкопного проходу наплылая земля розчищена и вынесена длиною на 10 саженьяхъ съ аршиномъ, и поставлены паяцы и забрано досками вновь; изъ того ходу направо къ выводу, что на правой сторонѣ, до провалного котла изъ проходу наплыло землю, и то мѣсто розчищено, и земля вынесена длиною на 25 саженьяхъ съ полуаршиномъ, и поставлены паяца, и забрано досками вновь; въ томъ числѣ на 10 саженьяхъ провалъ былъ, и то мѣсто засыпано и сровняно землею, котелъ роскопанъ и розчищенъ и поставлены новые столбы и забра-

ны досками, и покрыто бревнами, и засыпано землею; отъ котла до другого жъ котла провалнаго изъ проходу наплылая земля розчищена и вынесена длиною на 10 саженьхъ, и поставлены палца, и забрано досками вновь; котель роскопанъ и розчищенъ, и поставлены новые столбы, и забрано досками, и покрыто бревнами, и засыпано землею; изъ того котла направо старой подкопной проходъ, палцы огнили, и въ одномъ мѣсте провалился и заплылъ землею до верху подугольного выводного угла до ковнаты 13 колѣнъ, мѣрою 15 сажень; а наплылая земля розчищена и вынесена, и поставлены палца, и забрано досками вновь, и провалъ засыпанъ и сравненъ, кавната передѣлана, и забрана, и покрыта досками вновь; изъ того котла налево старой подкопной проходъ, палцы огнили и въ дву мѣстехъ провалился на 3 сажени и заплылъ землею до верху, до среднего выводного угла, до ковнаты 12 колѣнъ, мѣрою 16 сажень съ полусаженью; а наплылую землю розчищено и вынесено, и поставлены палца, и забрано досками вновь, и провалы засыпаны; ковната розчищена, и забрано досками, и покрыто бревнами вновь; изъ вышписаннаго подкопнаго ходу, что изъ болшого рва налево, къ выводу, что на лѣвой сторонѣ, до провалнаго котла изъ ходу наплылую землю розчищено и вынесено длиною 31 сажень съ аршиномъ, и поставлены палца, и забрано досками вновь; въ томъ числѣ въ 3-хъ мѣстехъ провалы на 20 саженьхъ; и тѣ провалы засыпаны и выровнены землею, котель роскопанъ и розчищенъ, и поставлены новые столбы, и забрано досками, и покрыто бревнами, и засыпано землею; изъ того котла налево старой подкопной проходъ, палцы огнили и заплыли землею до верху подугольного выводного угла до ковнаты 18 колѣнъ, мѣрою 26 сажень; наплылая земля розчищена и вынесена, и поставлены палцы, и забрано досками вновь, ковната, и забрано досками, и покрыто бревнами. И въ 207 ¹⁾ и въ 208 ²⁾ годѣхъ у тѣхъ вышписанныхъ городовыхъ и подкопныхъ починкахъ былъ у досмотру полковникъ Вилимъ Оанзаленъ.

Въ нынѣшнемъ 1700 году починка городского жъ дѣла: промежь Николаевского и Тресвяцого выводовъ починенъ подлазъ—вновь поставлены палца, наверху и по сторонамъ забрано бревнами и насыпано землею, изнутри города по обѣимъ сторонамъ выкладено дерномъ въ длину по сажени, въ вышину по сажени жъ съ полуарши-

¹⁾ 1699 г. ²⁾ 1700 г.

номъ; на верху того жъ подлазу выкладено дерномъ жъ въ длину и въ ширину по сажени; у Николаевского выводу въ розныхъ мѣстехъ починено щита—выкладено дерномъ длиною 4 сажени съ полуаршиномъ; на Тресвятцкомъ выводе починено щита жъ—выкладено дерномъ длиною 27 сажень, въ вышину полъ 2 аршина; промежь Тресвятцого и Воеводцого выводовъ починено щита—выкладено дерномъ длиною 7 сажень, въ вышину полъ 2 аршина; по лѣвою сторону Печерскихъ воротъ, съ загородной стороны, починенъ подлазъ—вновь поставлены 4 палцы, на верху наслано досками и насыпано землею въ длину 6 сажень, въ толщину съ одной стороны полъ 2 аршина, съ другой поларшина, въ ширину съ обѣихъ сторонъ по полъ 2 сажени; по лѣвою сторону въ томъ же подлазе на стороне забрано бревнами въ длину 3 сажени, вышиною сажень; надъ подлазомъ починенъ щитъ—выкладено дерномъ длиною 3 сажени, въ толщину аршинъ въ вышину полъ 2 аршина; по правую сторону Печерскихъ воротъ починенъ подлазъ, поставлены 7 палцы, на верху и по сторонамъ забрано бревнами, внутри города подъ дверные пяты подложенъ брусъ; да починенъ въ Троецкой выводъ ходъ—поставлены одни палцы, да подъ дверные пяты подложенъ брусъ; отъ Троецкого выводу къ поперечному валу починенъ подлазъ—поставлено 8 палцы, наверху и по сторонамъ забрано бревнами, подъ дверные пяты подложенъ брусъ; къ поперечному жъ валу въ подлазе подложенъ подъ дверные пяты брусъ; промежь поперечного вала и Золотыхъ воротъ починенъ подлазъ—поставлены одни палца, подъ дверные пяты подложенъ брусъ; отъ Золотыхъ воротъ направо къ Сергиевскому выводу починенъ подлазъ—поставлены 2 палца бревенчатыхъ, подъ дверные пяты подложенъ брусъ; отъ Сергиевского выводу къ Сергиевскому жъ выводу починенъ подлазъ—поставлены 7 палцы, по сторонамъ забрано 3 звена бревнами, да подложенъ подъ дверные пяты брусъ.

А въ прошлыхъ годѣхъ при прежнихъ боярехъ и воеводахъ, въ Києве будучихъ, на житномъ дворе, близъ городской стѣны, хлѣбные ямы были выкопаны, и отъ тѣхъ ямъ городской стѣнѣ была великая поруха. И по приказу боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского съ товарищи тѣ ямы ныне засыпаны навозомъ и землею, чтобъ городской стѣнѣ порухи не было. Писалъ Ивашко Курбатовъ.

Въ Києвѣ въ верхнемъ меншомъ и въ болшомъ городе казен-

ныхъ, и хлѣбныхъ, и соленыхъ анбаровъ, и погребовъ, и дворовъ, на которыхъ по приѣздамъ своимъ живутъ бояре, и воеводы, и дѣяки, и столники, и полковники, и разныхъ чиновъ начальные люди, и полковыхъ избъ строения прошлыхъ лѣтъ, а что въ которомъ городе порознь, и то писано ниже сего:

Въ Меншомъ городе: церковь каменная Рождество Пресвятыя Богородицы Десятинные; къ ней придѣлана трапеза деревянная, да вверху придѣлъ святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла. 11 анбаровъ съ хлѣбными запасы, и съ солью, и со всякими воинскими и полковыми припасы, и въ которыхъ стоятъ пушки; 4 погреба; въ томъ числѣ у трехъ выходы каменные, у одного деревянной, выкладенъ дерномъ; а тѣ погребы построены на зеленую казну, и на гранаты, и на всякие ратные припасы; да при боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ съ товарищи построенъ заново каменной погребъ на денежную казну; другой построенъ погребъ же заново деревянной рубленой, гдѣ напередъ сего стоявала смола, а ныне въ немъ поставлено кружечного двора приемное вино; дворъ, гдѣ живутъ по приѣздамъ своимъ бояре и воеводы; дворъ, гдѣ живетъ столникъ и воевода Веденикъ Борисовичъ Змеовъ; два двора, гдѣ стоятъ по приѣздамъ дѣяки; дворъ противъ житного двора, гдѣ стоялъ столникъ и подполковникъ Василей Мещериновъ.

Въ Большомъ городѣ: дворъ, гдѣ ставвалъ генераль-поручикъ Петръ Горданъ; дворъ жилыхъ солдатъ, гдѣ живетъ полковникъ Вилимъ Оанзалинъ; дворъ, гдѣ стоитъ столникъ и полковникъ Иванъ Ушаковъ; дворъ, гдѣ стоялъ столникъ и полковникъ Иванъ Ничаевъ; дворъ, гдѣ стоитъ столникъ и полковникъ Иванъ Скрыпицынъ; дворъ, гдѣ стоялъ столникъ и полковникъ Миронъ Байшевъ; дворъ, гдѣ живетъ столникъ и подполковникъ Василій Мещериновъ; дворъ за Михайловскимъ монастыремъ, гдѣ стоялъ рейтарского строю подполковникъ Фалентинъ дѣ-ла Клементей; дворъ на Михайловской улице, гдѣ живетъ столникъ и полковникъ Михайла Сухоревъ; дворъ, гдѣ живетъ подполковникъ Лукьянъ Шестаковъ; дворъ, гдѣ стоялъ рейтарского строю полковникъ Мартынъ Камалъ; кружечной дворъ, гдѣ продаютъ вино и пиво; а что на тѣхъ дворахъ какого строения, и тому въ приказной полате описные книги у подъячего у Давыда Фатѣва. Въ томъ же большомъ и меншомъ городѣхъ 20 избъ, гдѣ напередъ сего стоявали московскихъ полковъ стрелцы; строение прошлыхъ лѣтъ.

Да апрѣля въ 1 день прошлаго 207¹⁾ году, по указу великого государя и по грамоте, какова прислана изъ Приказу Малыя Росні къ боярину и воеводе ко князю Петру Ивановичю Хованскому, съ товарищи, о строеніи дворовъ всякихъ чиновъ ратныхъ людей и о стрелецкихъ дворахъ слободами и о размѣру подъ тѣ дворы земли мѣрок; и по тому великого государя указу всякихъ чиновъ людей подъ дворовы строеніи земля розведена на всѣхъ киевскихъ жнмыхъ полковъ ратныхъ людей и подъ стрелецкіе слободы по отводу и по размѣру указнымъ числомъ; и тому отводу описныя книги за дьячемъ приписью посланы къ Москве въ Приказъ Малыя Росні. а другіе таковыя жъ книги въ приказной полате.

Въ Києве жъ, въ верхнемъ болшомъ и въ меншомъ городѣхъ 11 колодезей; въ томъ числѣ починено при боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ съ товарищи 4 колодези; да при немъ же, боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ, въ нынѣшнемъ 1700 году сдѣлано вновь въ слободахъ 4 колодези; всего 15 колодезей.

Въ Києве, въ нижнемъ городе, подлѣ Хрещатицкихъ воротъ анбаръ на хлѣбныя запасы, покрытъ тесомъ; за тѣми жъ Хрещатицкими вороты анбаръ дощатой, покрытъ тесомъ, лежать хлѣбныя запасы и мостовыя всякіе припасы и якоря: бывшего киевского епископа Менадіа на дворѣ два анбара дощатия, забраны въ заборъ; а тѣ анбары починены и покрыты при боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ съ товарищи.

Да по указу великого государя и по грамоте при немъ же, боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ, съ товарищи, построено вновь 13 анбаровъ рубленыхъ на стрелецкій хлѣбъ, мимо о хлѣбѣ салдацкого строя капитана Василья Арустова за рѣкою, которое отъ козачь боюру и воеводе князю Петру Ивановичю Хованскому на дѣла Петра Палкина въ казенный хлѣбъ въ 10 чинъ; и противъ того жъ хлѣба капитана Василья Арустова построено 13 анбаровъ рубленыхъ на стрелецкій хлѣбъ, и тотъ хлѣбъ раздавать на казенно на Василья Арустова жъ ружички. А которое ружички тѣмъ и востановить. и тѣмъ тѣмъ чинамъ казенно у тѣхъ жъ.

Послѣсловіе.

Помѣщенный здѣсь „Росписной списокъ г. Кіева“ составляетъ, главнымъ образомъ, описаніе современнаго положенія кіевской крѣпости, находившейся въ Старомъ Кіевѣ и окружавшей его своими валами.

Кіевъ былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ еще въ первый, великокняжескій, періодъ своего существованія. Его и тогда окружали земляные валы съ нѣсколькими въ нихъ воротами, изъ коихъ въ лѣтописи упоминаются ворота Золотыя, Львовскія, иначе Жидовскія, Лятскія и Подольскія, сквозь которыя спускались на Подоль у Десятинной церкви ¹⁾. Въ кругового вала, на западной окраинѣ Кіева, было еще два отдѣльныхъ вала, изъ коихъ одинъ шелъ отъ Львовскихъ воротъ по нынѣшней Бульварно-Кудрявской улицѣ до Олеговой могилы, на которой стоитъ нынѣ астрономическая обсерваторія, и обратно, отъ Олеговой могилы въ направленіи къ городу, въ огородъ св. Іоанна. Послѣдняя вѣтвь извѣстна въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ подъ именемъ „Пробитаго вала“. Другой, также отдѣльный, валъ шелъ отъ Золотыхъ воротъ по линіи нынѣшней Прорѣзной улицы до Крещатика, съ продолженіемъ вала или ретраншамета въ Липки къ Клову, гдѣ нынѣ женское училище духовнаго вѣдомства, и чрезъ Кловскій оврагъ до Берестова, въ которомъ, подлѣ Асколь-

---

¹⁾ Въ актѣ 17 гѣна Подольскія ворота называются „Кіевскими“.

довой могилы, были „Угорскія ворота“. Такое расположеніе укрѣпленій Кіева видно въ лѣтописи при описаніи отраженія войскъ Юрія Долгорукаго Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году. Изъ лѣтописи также можно видѣть, что Старый Кіевъ раздѣлялся на двѣ части или отдѣленія. Въ меньшее входили: Десятинная церковь съ дворомъ Деместиковъ (пѣвчскимъ); за нею Андреевскій, или Янчинъ, женскій монастырь; противъ нея, гдѣ нынѣ домъ князя Трубецкаго, монастырь св. Симеона—на уступѣ Андреевской горы; церковь св. Василя на большомъ Ярославовомъ дворѣ, гдѣ нынѣ зданіе Кіевского женскаго училища духовнаго вѣдомства, и монастырь св. Θεодора, или Ватній—на углу Десятинной улицы и Большой Житомирской. Въ этомъ же отдѣленіи были Бабинъ торжокъ, гдѣ нынѣ Реальное училище, и дворы Глѣбовъ и Мстиславль. Бóльшій, Ярославовъ, городъ простирался отъ Меньшаго къ Золотымъ воротамъ и заключалъ въ себѣ: св. Софію, митрополью Русскую; церкви св. Георгія и св. Ирины, съ монастырями при нихъ, а также нынѣшній дворъ Михайловскаго монастыря, съ бывшими въ немъ церквями св. Михаила, св. Димитрія, св. Петра и св. Иоанна, и дворы Брючиславль, Гордятинъ и другіе боярскіе. Меньшій и Бóльшій города отдѣлялись одинъ отъ другаго валомъ и рвами, проходившими отъ Михайловской площади, по нынѣшней Большой Житомирской улицѣ, до пересѣченія съ Владимірскою и Десятинною. Слѣдъ этого рва можно было наблюдать недавно при выемкѣ земли для прокладки водопроводной трубы по Житомирской улицѣ, съ восточной стороны Присутственныхъ мѣстъ. Въ промежуточномъ валу, по лѣтописи, было два моста чрезъ ровъ, по одному изъ которыхъ, бывшему на сѣверной сторонѣ, двинулись толпою съ Софійскаго вѣча кіевляне въ монастырь св. Θεодора, чтобы схватить и убить находившагося въ немъ инока—бывшаго в. князя Игоря Ольговича, а по другому мосту, южнѣе, прискакалъ на конѣ братъ Изяслава Мстиславича, князь Владиміръ, чтобы предупредить нападеніе толпы и спасти жизнь сего князя. Соотвѣтственно двумъ мостамъ, въ началѣ и въ концѣ вала было двое воротъ. Валъ этотъ въ 1240 году послужилъ послѣднимъ оплотомъ кіевлянъ противъ полчищъ Батыя, прорвавшихся въ Большой городъ сквозь Лятскія ворота, предъ которыми русская рать билась съ татарами „на песцѣхъ“, и у которыхъ „бѣ видѣти дожь копейный и щитомъ скепаніе“. Лятскія ворота были на южной сторонѣ Старого

Кіева, по всей вѣроятности, въ Хрещатой долині, которая покрыта была песками, грунтовыми и наносными, почти до самой Лыбеди еще въ 40 годахъ нашего вѣка, а Батыевы татары, какъ извѣстно, двинувшись отъ Вышгорода, обошли Кіевъ по западной его сторонѣ.

По завоеваніи Кіева Гедиминомъ или, по мнѣнію другихъ, Ольгердомъ, взаимнѣ великокняжескихъ валовъ, требовавшихъ по своему протяженію большаго гарнизона, литовскимъ правительствомъ сооружена въ 14 вѣкѣ для охраны Кіева крѣпость меньшаго размѣра подъ именемъ Литовскаго замка на возвышенной надъ Подоломъ горѣ „Киселевкѣ“, которая отдѣляется глубокими оврагами какъ отъ Стараго Кіева, такъ и отъ смежной съ нею Щекавицкой горы. Литовскій замокъ былъ деревянный. Въ 1552 г. онъ состоялъ изъ 133 городень съ 15 башнями между ними; въ немъ находилось 3 церкви русскихъ и одна латинская; кромѣ того, было нѣсколько частныхъ домовъ для жителей на случай осады, съ колодеземъ въ 30 саж. глубины. Замокъ этотъ устоялъ при нападеніи на Кіевъ Тимуръ-Кутлука въ 1399 г. и Эдигея въ 1416 г., но былъ сожженъ въ 1482 г. Менгли-Гиреемъ, разорившимъ Кіевъ въ конецъ. Возобновленный вскорѣ по распоряженію польскаго короля, онъ сгорѣлъ въ 1605 г. отъ молніи и, будучи снова возобновленъ, просуществовалъ до воссоединенія Кіева съ Великою Россіею въ 1654 году.

Московскіе воеводы, съ княземъ Куракинымъ во главѣ, по принятіи Кіева подъ власть московскаго царя, нашли Литовскій замокъ неудобнымъ въ военномъ отношеніи и признали за лучшее возстановить древнія земляныя укрѣпленія Стараго Кіева, который въ это время назывался уже не городомъ, а „Софійскою слободою“, гдѣ между древними валами ютилось лишь нѣсколько десятковъ казачьихъ и крестьянскихъ хатъ, созданныхъ въ 1600 году кіевскимъ воеводою кн. Конст. Конст. Острожскимъ на „запустѣлое мѣсто“.

Помѣщенная при „Описаніи Кіева“ Н. Завревскаго „Роспись Кіеву 1682 г.“ показываетъ, что московскіе воеводы, устроивъ кіевскую крѣпость, воспользовались велико-княжескими валами, сохранивъ и древнее раздѣленіе Стараго Кіева на меньшій и большій городъ, но отдѣлили ихъ одинъ отъ другаго, по прежнему, валомъ и рвомъ съ двумя мостами и съ двумя воротами, изъ коихъ сѣверная, бывшая на пересѣченіи Владимірской улицы съ Житомирскою, называлась Софійскими, а у позднѣйшихъ писателей Батыевыми.

бывшія же къ югу—Михайловскими. Такъ они значатся и на чертежѣ г. Кѣва 1695 года, имѣющемся въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ. На немъ означены, также на древнихъ мѣстахъ, ворота Золотыя, Львовскія, Подольскія, что были ниже Десятинной церкви, но послѣднія названы уже „Кѣвскими“, а Лятскія въ концѣ Софійской улицы, названы „Печерскими“ съ того повода, что сквозь нихъ пролегла дорога отъ Михайловскихъ воротъ къ мѣстечку „Печероць“. Въ дополненіе къ валамъ, окружавшимъ Старый Кѣвъ, проведенъ въ это время валъ „поперечный“ отъ Золотыхъ до Михайловскихъ воротъ по лѣвой сторонѣ Софійской ограды на соединеніе съ валомъ, окружавшимъ церковь Трехсвятительскую и выходившимъ на черту Михайловской площади у нынѣшняго Реального училища. Въ промежуткахъ отъ однихъ воротъ обводнаго вала до другихъ были насыпаны земляные бастионы и раскаты, носившіе особыя названія. Въ Меньшемъ городѣ у Десятинной церкви находились Приказная палата и денежный погребъ; выше Десятинной церкви—домъ инженера генерала Гордова; къ югу противъ Десятинной церкви—амбары и погреба съ разными военными запасами; предъ Трехсвятительскою церквю былъ Житній дворъ, а подлѣ него нѣсколько дворовъ для бояръ, окольныхчихъ и воеводъ и особые дворы для полковника, протопопа, кѣвскаго войта и для дьяковъ. Въ Большомъ городѣ находились: 19 дворовъ, гдѣ были квартиры для генерала, стольниковъ, подполковниковъ и полковниковъ; дворы почтовый и пороховой; 32 двора для начальствующихъ; 8 для подъячихъ; 82 для рейтаровъ; 122 для стрѣльцовъ; 86 для солдатъ и дворъ Кѣво-Печерскаго монастыря на случай осады.

Изъ „Росписного списка Кѣву 1700 года“ видно, что кѣвская крѣпость мало измѣнилась противъ состоянія своего въ 1682 году по росписи г. Кѣву. Особенность росписного списка составляетъ подробное свѣдѣніе о составѣ кѣвскаго гарнизона съ перечисленіемъ боевыхъ запасовъ и разныхъ родовъ оружія, въ числѣ коего замѣчательны мѣдныя пищали 1498 года съ надписью: „Іоанъ, Божією милостью, государь всея Росіи“; пищаль 1505 г. русскаго мастера Якова Дубины и пищаль 1524 г. мастера Германа Энкина, а также пушки 1505 и 1506 г. мастера Антона Чехова. Есть указаніе на подземные выходы изъ крѣпости, которыхъ провалы появляются теперь черѣдко на площадяхъ Софійской и Михайловской, въ

Софійскомъ соборномъ домѣ и на улицахъ Десятинной и Стрѣтенской. Изъ улицъ упомянуты Софійская, Михайловская, Пушкарная и Рейтарская. Изъ церквей Меньшаго города названа только „Каменная Рождества Пресвятыя Богородицы Десятинная“ съ придѣланною къ ней деревянною церковью св. апостолъ Петра и Павла, которой не было въ 1682 году. Замѣчательно однако, что старожилы кѣвляне изъ простаго народа и доселѣ называютъ Десятинную церковь не Богородичною, а церковью св. Николая Десятиннаго, по имени деревянной церкви этого имени, существовавшей на развалинахъ начальной Десятинной Богородичной до 1633 года и служившей печальнымъ воспоминаніемъ того, что Десятинная Богородичная церковь и г. Кіевъ разорены Батыемъ въ день святителя Николая—6-го декабря. Церковь Николаевская принята митрополитомъ Петромъ Могилою въ свое вѣдѣніе отъ уніатовъ, вмѣстѣ съ Софійскимъ соборомъ, въ 1633 г., но вмѣсто нея м. Петръ Могила въ углу уцѣлѣвшихъ двухъ древнихъ стѣнъ начальной церкви, созданной св. Владиміромъ, устроилъ церковь Рождество-Богородичную, къ которой впоследствии московскіе воеводы пристроили деревянную трапезу и надъ нею надстроили деревянную церковь Петро-Павловскую. Въ этомъ видѣ Десятинная церковь просуществовала до 1823 года, въ которомъ разобрана митрополитомъ Евгеніемъ для изслѣдованія древнихъ фундаментовъ.

Старокіевскіе крѣпостныя валы возобновлялись и послѣ 1654 года: въ 1679 году княземъ Черкасскимъ изъ опасенія движенія Турецкой арміи отъ Чигирина къ Кіеву и въ 1732—1737 гг. графомъ Минихомъ, во время войны Россія съ Турціей. Къ сожалѣнію, при этихъ возобновленіяхъ и исправленіяхъ, при устройствѣ вновь бастіоновъ, раскатовъ и выводовъ и при всякихъ постройкахъ, производившихся внутри города, исчезали сохранившіеся еще къ началу 17 вѣка остатки церквей св. Θεодора, св. Симеона, св. Георгія, св. Никиты, св. Дмитрія, сооруженныхъ русскими князьями 1-го періода; ихъ матеріалами широко пользовались въ это время при разныхъ крѣпостныхъ и частныхъ постройкахъ.

Въ 1-й половинѣ 18 вѣка, когда гарнизонъ Кіева сосредоточился въ новой, Печерской крѣпости, старокіевскіе высокіе валы были оставлены безъ особаго о нихъ попеченія, заросли деревьями и кустарниками и сдѣлались мѣстомъ праздничныхъ прогулокъ для народа;

Золотыя ворота, „вищяго ради сохраненія“, засыпаны валомъ; Софійскія ворота, которыя народъ иначе называетъ Батыевыми, сломаны въ 1799 году по распоряженію коменданта Печерск. крѣпости, генерала Масса; на мѣстѣ Львовскихъ и Печерскихъ-Крепцатикскихъ воротъ въ 1833 году оставались лишь военныя караулки, изъ коихъ Крепцатикская была покрыта соломой, да при нихъ плагбаумы; но въ 1835 году исчезли и эти послѣдніе знаки Старо-киевской крѣпости, и вскорѣ за тѣмъ послѣдовало постепенное снесеніе валовъ, согласно новому распланированію Кіева. Послѣдствіемъ сего явились на мѣстѣ валовъ, улицы Подвальная, Костельная и Прорѣзная, а валъ поперечный, съ котораго при фельдмаршалѣ Ф. В. Сакенѣ († 1837 г.) производился въ высоторжественные дни 101 пушечный выстрѣлъ послѣ молебствія въ Софійскомъ соборѣ, снесенъ уже въ 1854 году при спланировкѣ мѣста для постройки огромнаго зданія Присутственныхъ мѣстъ, при чемъ снесены также деревянная Троицкая церковь, стоявшая на юго-востокъ отъ мѣста, гдѣ нынѣ памятникъ Богдану Хмельницкому; конюшенный митрополичій дворъ съ каменною оградой, съ домомъ и колодеземъ на Софійской площади, противъ колокольни, и покрытые то дранью, то соломой хаты разнаго люда, ютившагося у поперечнаго вала, въ промежуткѣ между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ. Валъ, окружавшій собою Михайловскій монастырь, снятъ еще раньше этого времени, въ 1841—1844 гг., при обдѣлкѣ Михайловской горы; тогда же засыпанъ и древній *Дмитріевскій* взвозъ, шедшій отъ Михайловской ограды на Александровскій спускъ, гдѣ нынѣ, въ выемкѣ горы, устроено водопроводнымъ обществомъ зданіе для фильтра воды.

ЗАПИСКИ
ІОАСАФА ГОРЛЕНКА,

ЕПИСКОПА БЪЛГОРОДСКАГО,

и

СТАРИННЫЯ ЗАМЪТКИ

О РОДЪ ГОРЛЕНКОВЪ.

—

Сообщилъ В. Л. Горленко.

Предлагаемыя записки найдены въ фамилныхъ бумагахъ, въ спискѣ, сдѣланномъ не ранѣе 1809 года, какъ свидѣлствуютъ водные знаки на бумагѣ рукописи, текстъ которой, по замѣткѣ анонимнаго ея сочинителя, составленъ въ Харьковѣ въ 1795 году. Нѣсколькими данными этой рукописи воспользовался г. Кулжинскій въ изданной имъ въ 1883 году біографіи Іоасафа Горленка, имѣя въ своемъ распоряженіи другой списокъ, находящійся въ бібліотекѣ Харьковской духовной семинаріи (№ 3889), т. е. бывшей бібліотекѣ Харьковскаго коллегіума. Предъ нами, такимъ образомъ, одно изъ произведеній того типа, который нерѣдко встрѣчался въ Южной Руси въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, произведеній, литературно обработанныхъ, но не печатавшихся, а предоставлявшихся авторами къ перепискѣ тѣмъ, кто находилъ въ нихъ достоинства или интересъ. Иногда это были фамилныя записки, какъ лѣтопись Квитокъ или настоящія замѣтки; иной разъ—богословскіе или философскіе опыты, какъ сочиненія Сквороды; или историко-политическіе труды, какъ знаменитая „Исторія Русовъ“. Въ составъ нашей рукописи входятъ два сочиненія: краткія подлинныя записки самого Іоасафа Горленка подъ заглавіемъ: „*путешествіе въ степь семъ зрѣщника Іоасафа, игумена Мгарскаго*“ и, какъ рамка для нихъ, замѣтки о родѣ Горленковъ анонимнаго Харьковскаго автора, или, какъ онъ самъ ихъ называетъ, „*уведомленіе*“, рѣзко отличающіяся и по характеру и по типу. Замѣтки эти, въ которыхъ сочинитель является безусловнымъ апологетомъ фамиліи Горленковъ, очень характерны для эпохи, въ которую онѣ писаны, и носятъ во всѣхъ подробностяхъ ея слѣды.

Время ихъ составленія, столь близкое къ годинѣ окончательнаго закрѣпощенія малороссійскихъ крестьянъ, есть время обособленія въ Малороссіи дворянства, какъ сословія, и развитія такъ называемаго дворянскаго духа. Многія лица изъ фамиліи Горленковъ въ то время были уже „маршалами“ губернскими и уѣздными; другія занимали также выдающееся положеніе въ своемъ кругу. Эти условія, по мнѣнію автора, требовали почти непремѣнно засвидѣтельствования чувства лойяльности, наслѣдственной, фамиліиной черты; замѣтки его проникнуты тенденціей доказать такую лойяльность и объяснить всѣ былыя „шатости“ стеченіемъ неблагоприятныхъ условій и вліяній. Желая стать на одну ногу съ великорусскимъ служилымъ дворянствомъ, южно-русскій авторъ-дворянинъ не хочетъ знать разницы историческихъ условій, не вѣдаетъ также истины о неотвѣтственности дѣтей за грѣхи отцовъ и является адвокатомъ тамъ, гдѣ долженъ бы оставаться только историкомъ. Главный пунктъ, гдѣ ему кажется необходимою реабилитація — это дѣятельность сообщника Мазепы, полковника Дмитрія Горленка, и его-то онъ и хочетъ защитить, выставляя жертвою недоразумѣнія и обмана. На самомъ дѣлѣ, документальныя свидѣтельства представляютъ намъ его дѣйствованіемъ вполне сознательно и бывшимъ, даже послѣ Полтавской катастрофы, однимъ изъ немногихъ убѣжденныхъ сторонниковъ дѣла Мазепы. Только полная безнадежность этого дѣла заставляетъ его положить оружіе и добиваться амнистіи и возвращенія на родину, чего, послѣ Прутскаго мира, дѣйствительно онъ страстно желаетъ. Что касается до первоначальнаго его участія въ замыслахъ Мазепы, то оно выразилось еще за годъ до Полтавы, когда, вмѣстѣ съ Орликомъ, Ломиковскимъ, Апостоломъ и Зеленскимъ, онъ „открылся“ Мазепѣ, дипломатически старавшемуся приписать замысль о переходѣ на сторону Карла инициативѣ старшины. Родство съ Мазепой по женѣ дѣлало Горленка еще болѣе близкимъ гетману человекомъ. Преступность его не была большею, чѣмъ и другихъ лицъ изъ числа старшины, бывшихъ за одно съ Мазепой, но во время перепешихъ на сторону побѣдителя. Онъ оставался тверже въ своемъ словѣ и намѣреніи и явился болѣе отмѣченнымъ, между тѣмъ какъ „шатость“ другихъ покрыта была забвеніемъ. Въ своей шестилѣтней эмиграціи онъ не оставляетъ политической дѣятельности: при выборѣ Орлика въ гетманы, онъ участвуетъ въ составленіи „статей“, ограничивающихъ

права гетманской власти въ пользу народныхъ интересовъ; въ 1711 г. ѣдетъ въ Константинополь во главѣ посольства, съ цѣлью помѣшать Петру, при заключеніи мира, предъявить права свои на малороссійскій народъ. Неудача дѣла Мазепы и Орлика въ Украинѣ и очевидная неравность борьбы приводятъ Дмитрія Горленка къ хлопотамъ объ амнистіи, которая и была дарована ему въ 1715 г.

Положеніе сына его Андрея Дмитріевича было не изъ легкихъ. До самаго восшествія на престолъ Петра II, онъ былъ въ постоянномъ подозрѣніи, хотя дѣйствительно чуждъ былъ политическихъ замысловъ. Избраніе въ гетманы тестя его Данила Апостола упрочило его положеніе. Но переменны настроеній при слѣдующихъ царствованіяхъ отражались еще на его судьбѣ, также какъ и на судьбѣ сына его Андрея Андреевича, послѣдняго полковника Полтавскаго, пользовавшагося покровительствомъ императрицы Елизаветы Петровны. Въ этомъ поколѣніи, впрочемъ, для проступковъ лицъ рода Горленковъ наступила уже давность, а одинъ изъ представителей фамиліи, епископъ Іоасафъ, дѣятельностью своей освѣтилъ ее совершенно инымъ свѣтомъ. Одинъ изъ пионеровъ новой гражданственности въ Слободской Украинѣ, жизнью своей и дѣятельностью онъ оставилъ въ томъ краѣ глубокой слѣдъ, память о которомъ не исчезла и понынѣ. Будучи большимъ ревнителемъ чистоты церковныхъ уставовъ и жизни духовенства, онъ не останавливался для исправленія той и другой ни передъ какими суровыми мѣрами, но въ то же время обезоруживалъ сѣтованія на эту суровость своимъ личнымъ примѣромъ и подвигомъ, доходившимъ до аскетизма и полного самоотреченія. Все состояніе свое, всѣ доходы онъ раздавалъ нищимъ, и въ день кончины внука гетмана и епископа громадной въ то время Бѣлгородской епархіи, при немъ нашли не болѣе семидесяти копѣекъ. Записки епископа Іоасафа, не предназначавшіяся для печати, очень кратки и писаны по тому же типу отмѣтки важнѣйшихъ событій и датъ своей жизни, какъ и „Дневныя записки“ св. Дмитрія Ростовскаго, гораздо болѣе пространныя.

Какъ авторъ, епископъ Іоасафъ извѣстенъ еще діалогомъ: „Брань честныхъ семи добродѣтелей зъ семи грѣхами смертными, въ челоуѣцѣ-путнику резидующая“, о составленіи котораго упоминаетъ онъ въ запискахъ. Списокъ этого діалога хранится въ бібліотекѣ Кіевскаго церковно-археологическаго музея и напечатанъ нами въ приложеніи къ издаваемымъ запискамъ.

Относительно вопроса объ авторѣ старинныхъ замѣтокъ можно сдѣлать одно лишь предположеніе. По близости отношеній къ фамиліи Горленковъ, по мѣсту нахождения замѣтокъ и по тѣмъ подробностямъ, которыя сообщаются объ участіи епископа Іоасафа въ горѣ сестры своей, полковницы Квиткиной, можно догадываться, что авторомъ ихъ было лицо изъ дома Квитокъ, гдѣ именно въ то время существовалъ скромный начетчикъ и кабинетный писатель Илья Ивановичъ Квитка, сынъ полковника и племянникъ Іоасафа, выступавшій и въ печати какъ анонимный авторъ по мѣстной исторіи. Въ любопытномъ этюдѣ г. Шугурова („Кіевская старина“, 1890 года, № 3), имѣвшаго въ своихъ рукахъ переписку означеннаго И. И. Квитки съ Тимковскимъ, несомнѣнно доказано, что этому лицу принадлежать вышедшія въ 1812 году въ Харьковѣ безъ имени автора „Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 года“. Впослѣдствіи этой книжкой воспользовался извѣстный Г. О. Квитка, племянникъ Илья Ивановича, какъ матеріаломъ для статьи своей о томъ же предметѣ. На основаніи многихъ вѣрныхъ соображеній, тому же И. И. Квиткѣ приписываетъ г. Шугуровъ и другой историческій трудъ: „Историческое описаніе о Малой Россіи“, напечатанное въ первоначальномъ вариантѣ (существуетъ и позднѣйшій) О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ императ. Москов. общ. исторіи и древностей“ за 1848 г., въ книгѣ 6-й, съ приложеніемъ писемъ И. Квитки и писемъ къ нему. Набожный тонъ печатаемыхъ замѣтокъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ Іоасафѣ Горленкѣ, вмѣстѣ съ изложенными выше соображеніями, заставляеть думать, что и наша рукопись вышла изъ-подъ пера того же скромнаго сочинителя, который, по свидѣтельству знавшихъ его, „жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ“. Въ подтвержденіе этого предположенія можетъ служить еще и то, что страницы нашей рукописи, относящіяся къ Іоасафу Горленку, послужили также пособіемъ для Гр. Оед. Квитки при составленіи имъ біографіи этого святителя, впервые напечатанной въ Кіевѣ въ 1836 году и потомъ много разъ перепечатанной.

Нѣкоторыя фактическія данныя этихъ замѣтокъ свѣрены съ показаніями другихъ историческихъ источниковъ, а въ дополненіе къ запискамъ епископа Іоасафа приложены три его письма изъ разныхъ собраній.

В. Горленко.

1. Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ. ¹⁾

Издавая въ свѣтъ собственноручныя преосвященнаго Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородскаго, сысканныя по смерти его, записки, нахожу нужнымъ извѣстить о происхожденіи дому его или фамиліи.

Прежде нежели Малая Россія пришла въ подданство Россійской монархіи съ гетманомъ ея Богданомъ Хмельницкимъ, не отыскано въ малороссійскихъ архивахъ извѣстія о фамиліи Горленковъ. Сіе отнестъ можно причиненнымъ разореніямъ отъ польскихъ вельможъ сему краю обстоятельныхъ лѣтописей уничтоженіе или истребленіе, когда только нѣкоторые о важныхъ сего народа преимуществахъ подлинники сохранены, и то съ великою осторожностію. Въ окончаніи прошедшаго столѣтія первоначально означается малороссійскихъ войскъ въ Прилукскомъ полку полковникомъ Лазарь Горленко; онъ окончилъ жизнь свою въ ненарушимой вѣрности, въ царствованіе тогда царей Россійскихъ Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, въ престолу своихъ монарховъ. Онъ командированъ былъ съ войскомъ, изъ разныхъ малороссійскихъ полковъ собранныхъ детешаментомъ, на стражу границы сего края, прилежащаго татарскому владѣнію. Подкомандные его, напищенные своевольствомъ и буйствомъ, пожелали быть лучше разбойниками, нежели защитителями своего отечества, забивъ присягу и честь, вмѣсто должнаго обереженія границы, и зная совершенно произойти отъ начальника своего за гнусныя таковы поступки могущіе препятствія, а паче надлежащую казнь, напавъ на сего вождя, не имѣвшаго о ихъ замыслахъ никакого подозрѣнія, живаго сожгли на разложенномъ среди стана

---

¹⁾ Анонимный авторъ настоящихъ „замѣтокъ“ называетъ свой трудъ въ одномъ мѣстѣ текста „уведомленіемъ“, автобіографія же Іоасафа Горленка носитъ заглавіе: „путешествіе въ сѣверъ селъ грѣшника Іоасафа, игумена Мгарскаго“. Для болѣе точнаго опредѣленія сущности и того и другаго произведенія, первое мы называемъ „Старинными замѣтками о родѣ Горленковъ“, а второе—„Записками Іоасафа, епископа Бѣлгородскаго“, какъ именуется оно также и въ „старинныхъ замѣткахъ“.

ихъ огнѣ въ степѣ ¹⁾. По такомъ тиранскомъ умерщвленіи своего военачальника, разграбивъ ставку его, думали пользоваться своею мерзкою вольностію; но, не имѣвъ начальства, сей измѣническій корпусъ, по развратности своей, не долго былъ въ согласіи между собою. Пьяныя распоряженія ихъ и буйство не имѣющее порядка довело ихъ до междоусобнаго убійства, чрезъ то самое уменьшилось ихъ число и, бывъ послѣдованны отъ посланныхъ за ними командъ, пойманы и должную казнь получили въ возмѣздіе своего звѣрскаго поступка.

Наказаніе злымъ не долго остановилось отъ правосудія Божія; скоро увидѣли на себѣ раздраженный за пролитую въ измѣнѣхъ противу отечества невинную кровь мстительный гнѣвъ Всемогущаго Создателя вселенной.

Знаменитая вѣрность полковника Лазаря Горленка и чрезвычайная смерть причиненная, какъ выше сказано, награждена отъ ихъ царскихъ величествъ въ оставшемъ сынѣ его Дмитріи. Онъ на мѣсто своего умерщвленнаго отца въ Прилукскій полкъ и вотчиннаи, въ недалнемъ отъ города Прилуки разстояніи, пожалованъ, который грамотою царскою, со внесеніемъ въ оную заслугъ отца его, утверждены въ потомственное владѣніе.

Дмитрій Горленко, во время гетмана Ивана Мазепы начальствованія въ Малой Россіи, всегда въ разсужденіи своего разумнаго

¹⁾ Въ лѣтописи Густынскаго монастыря событіе это разсказано такъ: Того (1687) рокѣ а мѣца августа в (2) пострадѣ невинное убійство ѿ своей побчанъ пнѣ Лазарѣ Горленко, полковни стародавнѣ прилѣцки, и похованѣ в рѣнѣ тѣже, в полю, межн Кодакѣ и Самарю, гдѣ и могилѣ знѣндо висипано на нѣ, в кѣрой лѣтъ г (10) лежѣ; а кды Гдѣ Бгѣ накерова сердце его м пнѣ Димірию Горленкѣ, полковникѣ прилѣцкомѣ, сынѣ и наслѣдникѣ его, за вѣдомости гетманскою вѣдѣчи з полкѣ свой на тѣ же мѣсцѣ, ѿкопѣ тѣло милѣ пна родича своего и почѣсне допровадѣ до Прилѣки, а ѿтома до мѣтра ишего Густинѣ, идеже с пѣнїемъ нагровнымъ положѣсь в склепѣ, в великѣ цркви Прѣтѣ Троици мѣрованѣ, рокѣ хлѣхз (1697), сѣн. сї (15)^а. („Лѣтописѣ монастыря Густынскаго“, изданная О. М. Бодянскимъ, Москва, 1848 г., стр. 63).

вождначальства приобрѣлъ во всѣхъ уваженіе¹⁾; а гетманъ весьма къ нему былъ благосклоненъ. Таковыя виды обращенія Мазепы съ Дмитріемъ Горленкомъ подають мысль, что сей послѣдній вѣрностію своею съ подлежащимъ повиновеніемъ столь именитому Малюя Россіи (вождю?) заслуживалъ въ знакъ благодарности и великой благосклонности гетманской не только къ лицу его, но и ко всему дому Дмитрія Горленка, уваженіе, какъ видно изъ сего, что, въ бытность Мазепы въ домѣ сына Дмитріева Андрея, пожаловалъ въ фамилію Горленковъ село Ярошовку со всѣми къ тому угодіи, болѣе шестисотъ дворовъ имѣющее въ себѣ поселянъ. Щедрость и благоволеніе гетмана Мазепы къ Горленку на каковой конецъ было, открыло послѣднее время. Мазепа обыкновенно приманивалъ милостивыми своими приѣмами знатныхъ въ Малой Россіи себѣ подкомандныхъ; оны ласкалъ, кромѣ Горленка, еще Миргородского полку полковника Данила Павловича Апостола; замыслы гетманскіи были заключить съ сими могущественными фамиліями союзъ въ разсужденіи предпріятія его противу государя Петра Великаго; но какъ Мазепинъ поступокъ или обхожденіе съ королемъ шведскимъ Карломъ двенадцатымъ свѣту извѣстны, не имѣю я нужды продолжать о семъ гетманѣ описанія; но возвращаюсь къ намѣренію моему, говоря о Горленкѣ, упомянуть долженъ, что Дмитріевъ сынъ Андрей привязанъ былъ крайнимъ родствомъ полковнику Данилѣ Апостолу, бывъ женатъ на дочери сего Апостола Марьи Даниловнѣ.

Дмитрій Горленко съ сыномъ своимъ Андреемъ и Данило Апостоль были тогда съ гетманомъ Мазепою безотлучно, когда Мазепа шелъ уже съ войскомъ, ему подвластнымъ, соединиться съ арміею короля Карла двенадцатаго.

Когда злустность предпріятія своего гетмана противу Петра Великаго или открыта уже была, и государь о мазепиномъ преда-

¹⁾ Въ 1693 году, вмѣстѣ съ Палиемъ, казаками четырехъ регулярныхъ полковъ и трехъ компанейскихъ Дмитрій Горленко, во главѣ Прилудскаго полка, участвовалъ въ успѣшномъ походѣ на Бужацкихъ татаръ, въ то время какъ запорожцы, съ кошевымъ Шарпиломъ, рабали татаръ Крымскихъ. Черезъ два года, въ 1695 году, оны принималъ участіе во вторичной осадѣ и взятіи Азова, съ пятнадцатитысячнымъ малороссійскимъ отрядомъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Лизогубомъ, Барановичемъ и Свѣчкой („Исторія Русовъ“, стр. 199). Подъ Гродномъ оны сражались вмѣстѣ съ царскими войсками, команду полками Кіевскимъ и Прилудскимъ, въ званіи наказнаго гетмана.

тельствѣ къ королю Карлу узнать, въ издаваемыхъ своихъ манифестахъ всѣмъ малороссійскихъ войскъ чинамъ, кои въ положенный срокъ, отставъ отъ своего гетмана, явятся у его величества, изъяснилъ всемилостивѣйшее прощенье; тогда Данило Апостолъ самоскрытнѣйшимъ образомъ, согласясь съ Дмитріемъ Горленкомъ и сыномъ его Андреемъ, а своимъ зятемъ, вознамѣрились всѣ три отстать отъ Мазепы и поспѣшить на назначенный Петромъ Великимъ срокъ явить себя въ вѣрности своей къ своему монарху. По сему вдругъ всѣмъ тремъ отлучиться отъ гетмана никакимъ видомъ, дабы укрыть подозрѣніе, невозможно было, то первый Апостолъ побѣгъ свой учинилъ и только успѣлъ въ самый срочный день явиться у его величества Петра Великаго, въ Воронежѣ пребывающаго на то время; а два или три дня спустя послѣ побѣгу Апостола, Андрею Дмитріевичу Горленку способствовало къ уходу отъ Мазепы отправление его въ малороссійскій городъ Гадячь съ повелѣніемъ гетманскимъ о нѣкоторомъ приготовленіи по интересамъ Мазепы; Андрей Горленко долженъ былъ къ гетману явиться скорѣ, какъ разстояніе мѣста, отъ куда посланъ былъ Горленко, не было далеко; но онъ, спасая отъ государскаго гнѣва себя, уѣхалъ прямо за тестемъ своимъ Апостоломъ въ Воронежъ. Сіе самое невозвращеніе Андрея Горленка къ Мазепѣ заградило путь къ побѣгу Дмитрія Горленка явиться къ Петру Великому. Дмитрій удержанъ подъ крайнимъ присмотромъ у ставкѣ гетмана Мазепы; а такому задержанію способствовало и соединеніе Мазепы съ арміею короля Карла. Теперь время узнать успѣхъ Андрея Горленка въ побѣгѣ его къ государю. Онъ какъ ни старался спѣшить, но срочный день, сказанный Петромъ Великимъ, былъ ему въ полпути; по сему уже, явсь у монарха своего послѣ срова, зналъ онъ, что никакія оправданія не могутъ быть уважены. Страхомъ въ разсужденіи государскаго гнѣва колеблемъ, Андрей Горленко еще надѣялся, что полковникъ Апостолъ, тестъ его, посредствомъ министровъ, которые въ Апостолу были благосклонны, исходатайствуетъ ему прощенье и милость государя.

Андрей Горленко явился по приѣздѣ своемъ въ Воронежъ къ Апостолу; сей, переговора съ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ, старался въ такое время, когда Петръ Великій не столько былъ обремененъ мыслями, представить его величеству при-

ѣзжаго вѣрноподаннаго со стороны отступившей части войска отъ вѣрности къ своему монарху.

Князь Меншиковъ и Апостоль, улучивъ, по ихъ мнѣнію, государя въ веселомъ видѣ и надѣясь, что могутъ исходатайствовать милость ожидавшему рѣшенія объ оной или казни, представили его; но весьма обманулись въ своей надеждѣ, ибо государь, какъ только увидѣлъ Андрея Горленко предъ ногами своими павшаго и просящаго помилованія, узнавъ притомъ, что одинъ только онъ безъ отца своего Дмитрія явился, наблюдая прямо свое государское слово, какъ въ манифестѣ изображено было—всѣмъ, кто послѣ срока явится, гнѣвъ непростильный—указалъ тотчасъ казнить смертію Андрея Горленка. Тутъ всѣ условія были княземъ Меншиковымъ употреблены къ извиненію Андрея, что онъ не могъ успѣть поспѣшить къ сроку, представилъ и то, сколько разстояніе не могло допустить желаніе свое бѣжавшему отъ Мазепы исполнить и что ежелибъ онъ мысли имѣлъ противныя службы его величества, онъ бы, конечно, не поспѣшилъ явиться уже передъ государя, когда былъ въ дорогѣ зная тотъ самый срокъ, отъ его величества назначенный, и время комиссіи, ему отъ гетмана врученной, во оправданіе, что онъ до срока отлучился, послужило ему.

Государь Петръ Великій, слышавъ всѣ представленія своего министра, наконецъ даровалъ Андрею Горленку жизнь и милость, указавъ при томъ, чтобы отецъ его Дмитрій безъ страха уже явился. Послѣ сего Андрей Горленко былъ всегда при полковникѣ Данилѣ Апостолу.

Дмитрій Горленко не могъ изъ арміи шведской такимъ образомъ, какъ сынъ его и полковникъ Апостоль, отлучиться; получа онъ отъ сына своего увѣдомленіе о государственной милости, радовался, но смущался духомъ, бывши въ разлуцѣ съ домомъ своимъ насильно удержанъ при Мазепѣ, въ отечества своего и въ подозрѣніи своего монарха, ибо, во время намѣренія короля Карла дать рѣшительную подъ Полтавою баталію, Мазепа, подъ прикрытіемъ королевскаго войска, Дмитрія Горленка и еще другихъ участвующихъ въ его интересахъ, отдалилъ изъ Малой Россіи въ Малую Польшу, гдѣ Карлъ двѣнадцатый имѣлъ своихъ партизановъ.

Послѣ побѣды, послѣдовавшей подъ Полтавою надъ арміею короля Карла и по уходѣ его съ Мазепою въ Бендеры, Малая Россія

осчастливлена спокойствіемъ; но Андрей Горленко, не видя въ домѣ отца своего и узнавъ, что Мазепа въ Безсарабіи пребываніе свое имѣеть и удерживаетъ отца, его не отпуская ни на какое время отъ себя, пресѣвши всѣ возможные способы употребить побѣгъ его въ Малую Россію, писалъ къ отцу своему таково содержанія письмо, что онъ рѣшился подать помощь ему къ уходу изъ Безсарабіи въ отечество, отлучась самъ съ нѣкоторымъ числомъ подчиненнаго ему войска, станеть стараться вывезть секретнымъ образомъ отъ окружающихъ его надзорщиковъ. Горячность сыновной любви къ отцу своему не допустила предпринять въ сеймъ случаѣ осторожность. Онъ не посовѣтовался ни съ кѣмъ и не объявилъ о своемъ письмѣ никому изъ начальниковъ. Статься можетъ, ежели бы онъ испросилъ дозволеніе писать въ такую провинцію, гдѣ отечественный непріятель резидовалъ и гдѣ отецъ его противу намѣренія удержанъ, позволено было; но сіе другимъ видомъ показалось у началства. Письмо Андрея Горленка перехвачено и представлено Петру Великому; по оному взято на Андрея Горленка подозрѣніе, не имѣеть ли мыслей отлучиться на всегда изъ отечества по резону преданности сыновней, и послѣдовалъ указъ отправить Андрея Горленка въ Москву для пребыванія, не касаясь уничтоженія чести его и имѣнія оставя всѣ въ его распоряженіи ¹⁾.

Андрей Горленко не долго прожилъ въ Москвѣ, по рѣзону возвращенія отца своего въ Россію ²⁾. Ибо когда Мазепа окончилъ свою жизнь, а король Карлъ изъ Бендеръ вывезенъ Турками, какъ уже свѣту о томъ довольно извѣстно, то Дмитрій Горленко, не имѣя уже

¹⁾ „Матерьяли, издан. Судіенкомъ“, Кіевъ, 1855, т. II, стр. 165: письмо гр. Головкина къ гетману Скоропадскому, отъ 10 янв. 1711 года, о подозрительности сношеній Андрея Горленка съ отцемъ и приказъ о высылкѣ его на житье въ Москву.

²⁾ Тѣ-же „Матерьяли“, т. II, стр. 248: письмо Головкина къ Скоропадскому, отъ 10 мая 1716 г.—такъ какъ Дмитрій Горленко съ товарищами вернулись на родину и обвинились, то имѣтъ болѣе причинъ удерживать сына его Андрея въ Москвѣ. „Когда Дмитрій Горленко прибудеть въ Глуховъ, ваша вельможность изволите приказать его, такому и вышесказанныхъ Гамалѣя, Кандыбу и Горленка, при стольникѣ Феодорѣ Протасевѣ привести къ вѣрѣ и взять по немъ въ его вѣрности добрыхъ и знатныхъ порукъ старшими, чтобы онъ никакой противности и невѣрности къ его царскому величеству отнюдь не учинилъ, и по взятіи тѣхъ порукъ позволить ему жить на Украинѣ въ частностяхъ, и ни въ какіе уряды его не допускать“.

ниязкихъ препонъ, тайнымъ однакожъ образомъ изъ Безсарабіи чрезъ польскую Украину прошелъ въ Кіевъ, а оттуда въ городъ Прилуки въ домъ свой ¹⁾. Чувствительно было для его отлученіе отъ домашнихъ столь долгое и въ разсужденіи причинъ, оскорбляющихъ всечасно невинно страдающій духъ подозрѣніемъ чести; но чувствительнѣе еще онъ пораженъ увидѣвъ, домашнихъ сына его, т. е. жену и дѣтей, пребывающихъ въ печали о разлуцѣ съ мужемъ и отцемъ жизнь свою провождающихъ ²⁾. Сраженъ Димитрій былъ болѣе, узнавъ себя причиною всей разстройкѣ дому своего, не умедлилъ онъ писать повинную къ государю Петру Великому, съ довольными выраженіями его пребыванія при Мазепѣ противу его воли и, заслуживши гнѣвъ государя, просилъ, въ разсужденіи несчастливыхъ для его приключеній, при сильномъ смущеніи духа, монаршаго помилванія. Государь Петръ Великій получилъ отъ Димитрія Горленка таковыхъ выраженій прозбу въ Москвѣ и немедленно послать велѣлъ указъ, дабы Димитрій Горленко явился у его величества, желая изслѣдовать и узнать самъ (видно, что и здѣсь князя Меншикова по дружбѣ съ Апостоломъ защищеніе показано было), подверженъ ли былъ Димитрій несчастію или было его произволснѣе такъ долго жить внѣ отечества.

¹⁾ Подробный разсказъ о возвращеніи изъ эмиграціи Димитрія Горленка съ товарищами и бѣжавшими въ Турцію казаками и запорожцами находимъ въ сочиненіи Костомарова „Мазепинцы“, въ главѣ четвертой. Горленко вошелъ предварительно по этому предмету въ переписку съ Голицынымъ и Скоропадскимъ, но на твердую почву дѣло стало, когда въ ходатайствѣ малороссіянъ принялъ участіе Іерусалимскій патріархъ при посредствѣ русскихъ резидентовъ въ Константинополѣ Шафирова и Толстого. Городовые казаки и запорожцы переходили изъ Турціи въ Украину толпами весною 1714 года. Лица изъ старшины перешли, послѣдними, не будучи увѣрены въ своей судьбѣ и добиваясь „ассекраціи“ въ безопасности ихъ жизни и свободы. Для возвращенія имъ даны были извѣстные знаки, которые надо было предъявлять на границѣ. Горленко привезъ съ собой гетманскіе клейноды, которые передалъ Скоропадскому.

²⁾ Составитель замѣтокъ или умышленно измѣнилъ здѣсь факты, или говоритъ о послѣднихъ годахъ пребыванія Димитрія Горленка въ эмиграціи. Документально извѣстно, что жена Горленка съ младшими дѣтьми была при мужѣ. Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ отрицаютъ это, но Костомаровъ нашелъ въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи подлинное письмо Горленка (№ 120) къ Скоропадскому съ заявленіемъ о пребываніи семьи его въ Бендерахъ („Мазепинцы“, стр. 162). Этими и объясняется, что Горленкову не постигла участь другихъ родственниковъ мазепинцевъ, которые содержались въ Москвѣ или, какъ Мировичи, сосланы были въ Сибирь.

Когда Димитрій Горленко представленъ былъ его величеству и государь, распрося самъ всѣ причины, недопустившія явиться ему въ тогдашнее еще время у его величества, не замедлилъ резолюціею, чтобъ Андрея Горленка отпустить, а отцу его, имѣя чинъ полковничій же, жить на своемъ отъ дому содержаніи въ Москвѣ впродъ до указа, повелѣніе отдавъ, что за Москву ѣздить только въ Сергіевскую Лавру, а такъ же и въ Москвѣ свободно, а по другимъ отъ Москвы дорогамъ ѣздить запрещено.

Димитрій Горленко изъ 1715 года прожилъ въ Москвѣ до восшествія на всероссійскій престолъ государя Петра втораго. Государь Петръ второй пожаловалъ дозволеніе Малой Россіи избрать гетмана, какъ оная долговременно не имѣла своего вождя, а управляема была учрежденною по смерти гетмана Ивана Скоропадскаго, вступившаго на сей степень вмѣсто ушедшаго изъ Россіи Мазепы, малороссійскою коллегіею, въ которой присутствовали члены, опредѣляемые отъ монаршей власти. Въ достоинство сіе избранъ отъ всѣхъ малороссійскихъ чиновъ Данило Павловичъ Апостоль. Государь Петръ второй пожаловалъ его кавалеромъ ордена святаго Александра Невскаго.

Теперь возвращаюсь изъяснить о происходившихъ въ фамиліи Димитрія Горленка разныхъ перемѣнахъ. Онъ окончилъ жизнь свою спокойно, послѣ всѣхъ бывшихъ съ нимъ приключеній, въ домѣ своемъ въ городѣ Прилукахъ, въ настоящемъ своемъ чинѣ полковника въ отставкѣ, а сынъ его Андрей Горленко, въ прежнемъ же чинѣ своемъ бунчужоваго товарища, жилъ спокойно-жъ¹⁾.

Не всегда человекъ бываетъ счастливъ и безпечаленъ; многіе случаи его и при всемъ изобиліи угнетаютъ и тѣмъ самымъ даютъ намъ судьбу видѣть или разумѣть, что тогда человекъ можетъ казаться счастливъ, когда конецъ его жизни въ семъ пунктѣ найдетъ.

---

¹⁾ Въ 1725 году Андрей Горленко, съ двумя тысячами казачьяго войска, вмѣстѣ съ Семеномъ Лизогубомъ и обознимъ Прилуцкаго полка Мих. Огроновичемъ, отправился въ Гиліискій походъ. По ложному доносу какого то чернеца Змѣевского, въ Петербургѣ истребовали Горленка и Лизогуба. Будучи оправданы, они уѣхали въ Персію, гдѣ, подъ начальствомъ бывшаго корпуснаго полковника Кандиби, прослужили около пяти лѣтъ. („Исторія Русовъ“, стр. 281).

Примѣръ ясный въ домѣ Андрея Дмитріевича Горленка. При жизни гетмана Данила Павловича Апостола, Андрей Дмитріевичъ видѣлъ всякіе въ жизни своей случаи и, утомяся въ чувствованіи оныхъ, избралъ жизнь спокойную, оставя сыновьямъ своимъ предшествующіе въ жизни человѣческой всѣ степени чести. Сыновой его здѣсь наименовать кажется должно: 1-й—Іоакимъ, въ монашествѣ Іоасафъ; 2-й—Андрей; 3-й—Михаилъ, въ монашествѣ Митрофанъ; 4-й—Павелъ; 5-й—Григорій, да дочери: Парасковея, Марфа и Ульяна. О старшемъ или первомъ сынѣ свидѣлствуютъ внесенныя записки въ сіе уведомленіе, собственною рукою писанныя и найденныя послѣ смерти его, въ архіерейскомъ достоинствѣ сколавшагося при жизни еще отца своего и матери; слѣдовательно, въ своемъ мѣстѣ и помянуто будетъ.

Второй сынъ Андрей служить началъ при гетманѣ Апостолѣ, дѣду своемъ. Гетманъ, какъ ни велика была государини императрицы Анны Ивановны къ ему милость, принужденъ какъ бы въ аманаты внука своего родного, рожденнаго отъ сына его Ивана Даниловича Апостола, Павла Ивановича, отправить въ Питербургъ, для пребыванія его въ столичномъ городѣ, гдѣ онъ и началъ продолжать службу (такова то была недовѣрчивость о Малой Россіи послѣ учиненныхъ Мазепою прогредъ). Данило Павловичъ, для сотоварищества или болѣе надзыранія надъ внукомъ своимъ Павломъ Ивановичемъ, отправилъ съ нимъ родного-жъ своего внука Андрея Андреевича Горленка, яко старѣйшаго въ лѣтахъ, гдѣ и прожилъ онъ до кончины гетманской да и брата своего двоюроднаго Павла Апостола. Сей молодой человѣкъ умеръ въ Петербургѣ среди цвѣтущихъ лѣтъ, служа въ императорской гвардіи.

Андрей Андреевичъ, проживая съ Апостоломъ въ Петербургѣ, познакомился съ нѣкоторыми придворными государини цесаревны Елисаветы Петровны; знакомство сіе привело его въ знаніе и цесаревнѣ, такъ что, при отъѣздѣ его въ Малую Россію, Елисаветъ Петровна препоручила ему особое надзыраніе надъ управляющими вотчинами ея собственными, лежащими въ малороссійскомъ Черниговскомъ уѣздѣ. По сему порученію отъ цесаревны Андрею Андреевичу, имѣла она всегда съ нимъ переписку, которая писалась до

ея экономіи и, въ воздаяніе его трудовъ, нѣкоторыя присылала подарки ¹⁾).

Каковы примѣчанія о дворѣ цесаревны отъ императорскаго двора на тогдашнее время происходили, мнѣ здѣсь описывать не слѣдуетъ; но сказать могу, по тогдашнимъ Елисаветы Петровны обстоятельствамъ, всѣ тѣ, которые милость ея высочества чувствовали, были въ подозрѣніи императорскому двору. Цесаревна, углубляя благоволеніе свое къ Андрею Андреевичу, отправила въ подарокъ ему своего имени везель, сдѣланный изъ алмазовъ. Сія посылка была перехвачена и, какъ письмо было написано не въ ясныхъ выраженіяхъ, за что таковъ подарокъ отправленъ,—дворъ въ другую сторону обратилъ свою догадку, подозрѣвая не собираться ли въ Малой Россіи участвующихъ къ приведенію во исполненіе интересовъ цесаревны въ противность установленія отъ двора наслѣдства Россійскому престолу. Таково подозрѣніе привело домы Андрея Дмитриевича въ печальное приключеніе, ибо чрезъ нарочныхъ офицеровъ гвардіи взяты въ тайную тогда бывшую канцелярію, какъ Андрей Дмитриевичъ, такъ и сей сынъ его Андрей Андреевичъ; по вопросамъ отъ предсѣдающаго въ оной канцеляріи архіепископа Теофана Прокоповича, бывшаго тогда при императорскомъ дворѣ первымъ министромъ, какою имѣютъ цѣль таковы переписки цесаревны съ Андреемъ Андреевичемъ, ясно отвѣчали оба, какъ сынъ, такъ и отецъ, что единственно порученіе отъ цесаревны вотчинъ ея надъ управляющими надзиранія тому причина. Во свидѣтельство ихъ безвинности привезены въ ту канцелярію всѣ письма, рукою цесаревны писанныя, обезоружили подозрѣніе и, какъ вичего не сыскано такого, чтобы касалось до интересовъ императорскаго двора во вредъ, импе-

¹⁾ См. „Исторію Малороссіи“ Маркевича, г. II, стр. 681, гдѣ приведено собственноручное письмо цесаревны Елисаветы Петровны къ Андрею Андреевичу Горленку отъ 1787 года. Давая ему порученіе, цесаревна выражаетъ надежду, на исполненіе его, „по нашей къ намъ благосклонности“. По восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны въ 1741 году, Андрей Горленко былъ въ числѣ четырехъ депутатовъ для поднесенія поздравленія императрицѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Даниловичемъ Апостоломъ, Г. Изюгобомъ и Я. Маркевичемъ. Во время отправленія депутатовъ для поздравленія онъ былъ уже въ Петербургѣ и посмалъ оттуда за паспортомъ генеральнымъ на званіе депутата запорожца Гриву (Записки Маркевича, II, 152).

ратрица Анна Ивановна указала отпустить ихъ въ домъ свободными ¹⁾.

Безвинное претерпѣніе безпокойствъ Андрея Андреевича и отца его государиня императрица Елисавета Петровна наградила по воцпештвіи своемъ на престолѣ. Андрею Дмитріевичу подарены разныя вещи, ознаминующія вѣрность къ его монархинѣ, и сей почтенный мужъ въ глубокой уже старости скончалъ жизнь, узнавъ сколь не непостоянна человѣческая система; проводилъ дни свои въ совершенномъ безмолвіи, упражняясь только въ книгахъ и созерцаая благополучіе будущей жизни. 1756 года декабря 6-го, Андрей Андреевичъ пожалованъ въ полковника въ Полтавской полкъ, особливо пожаловано мѣстечко въ Прилукскомъ полку Иваница, имѣющая въ себѣ триста дворовъ поселянъ, и жалованною грамотою утверждено. Андрей Андреевичъ въ послѣдующее время окончилъ жизнь, живши въ отставкѣ бригадиромъ, оставя наслѣдственное свое и жалованное имѣніе сыновьямъ своимъ.

Михаилъ Андреевичъ, третій сынъ Андрея Дмитріевича, вступилъ въ монашество и въ слѣдующее время, бывши архимандритъ Митрофанъ, окончилъ жизнь свою въ Кіевѣ, въ Богоявленскомъ Братскомъ монастырѣ.

Четвертый Андрея Дмитріевича сынъ Павелъ служилъ въ арміи поручикомъ и въ Кіевѣ лошадыи убитъ въ развалинахъ близъ дороги, лежащей отъ Печерскаго форштата на Подоль, оставивъ по себѣ наслѣдниковъ двухъ сыновей.

Послѣдній-же сынъ Андрея Дмитріевича, Григорій, окончилъ жизнь, бывши надворнымъ совѣтникомъ; также имѣніе его осталось наслѣдникамъ.

Дочери Парасковея Андреевна была въ замужествѣ за полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою, Марфа за сотникомъ Степаномъ Григорьевичемъ Стороженкомъ; а Ульяна за прилукскимъ подкоморымъ Андреемъ Фодоровичемъ Марковичемъ.

---

¹⁾ „Записки подскарбіа генеральнаго Якова Маркевича“, часть II, стр. 16, замѣтка отъ 16 января 1737 года: Горленки, отецъ и сынъ, взяты еще съ осени въ Петербургъ, отпущены и явились въ Глуховъ свободными.

Теперь приступаю ко внесенію въ сіе увѣдомленіе собственно-ручные записки старшаго, или перваго, сына Андрея Дмитріевича Іоакима Андреевича. Онъ вступилъ въ монашество въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, названъ Іоасафъ и, проходи степени священства, былъ въ Бѣлгородской епархіи епископомъ. О христіанской его жизни, о благоговѣніи къ Богу истинное свидѣтельство лежащее его и по сіе время нетлѣнное тѣло, также гробъ и одѣянія архіерейскія не перемѣнившія вида, ни пришедшія въ обветшалость ¹⁾. Жизнь его была основана прямо на правилахъ евангельской добродѣтели; рачителемъ былъ въ исполненіи званія его и употреблялъ строгость тамъ, гдѣ слѣдовало обуздывать подчиненность, приходившую въ неистовые поступки; однимъ словомъ, любилъ правду, негодовалъ на ложь, прямо добродѣтельнымъ любезенъ, противомудрствующимъ страшенъ, къ нищимъ милостивъ, обиду терпѣвшимъ защитникъ, ревнитель былъ о благочестіи, удалялъ отъ взора своего всѣхъ суевѣрныхъ, наконецъ истинно любящій Бога и послѣдователь святому Его закону.

Списокъ собственною рукою преосвященнаго епископа Іоасафа Горленка писанныхъ о жизни его записокъ, по смерти его въ 1754 году декабря 10-го сысканныхъ, здѣсь представляется:

2) Путешествіе въ свѣтѣ семь грѣшника Іоасафа, игумена Мгарскаго.

Родился, по сказкѣ родителей своихъ, въ годъ 1705, мѣсяца септемврія дня 8, нареченъ въ святомъ крещеніи Іоакимомъ.

Въ годъ 1716 возлюбилъ монашество; намѣреніе быть монахомъ возмѣлъ 1721 года и то въ себѣ хранилъ даже до года 1723; и въ томъ же годѣ объявился родителямъ моимъ, съ тѣмъ прося благословенія ко исполненію намѣреваемого; въ годъ 1725, а отъ рожденія моего 20-мъ, мѣсяца октомврія дня 27, принялъ рясофоръ отъ всечестнаго отца іеросхимонаха Теодора въ Кіево-Межигорскомъ мо-

---

¹⁾ Сакось голубой парчи, омофоръ цвѣту дикаго парчевій-же на его по смерти возложенъ, и нынѣ въ томъ же одѣяніи лежитъ его тѣло. Примѣч. автора.

настырѣ въ пещерѣ, въ храмѣ святыхъ богоносныхъ отецъ Овуфріа и Петра Аѳонскаго, и нареченъ въ иночествѣ Илларионъ.

Въ годѣ 1727 мантию принялъ отъ преподобнѣйшаго отца Иллариона Левицкаго, ректора и игумена Кіево-братскаго, въ томъ монастырѣ Братскомъ, ноемврія дня 21, и преименованъ нареченъ Іоасафъ.

Въ годѣ 1728 рукоположенъ въ діакона преосвященнымъ Варлаамомъ Ванатовичемъ, архіепископомъ кіевскимъ, генваря 6 дня въ великой церквѣ святыхъ Богоявленій братской.

Въ годѣ 1729, въ мѣсяцѣ августѣ послѣднихъ числъ, опредѣленъ въ училища кіевскія во учителя и въ томъ потрудился послушаніи, пробывъ черезъ три года.

Въ годѣ 1732, въ неделю седмую по Пасхѣ святыхъ отецъ, въ той часъ случившуюся маія 21 дня, въ преподаваніи школы Синтаксиса, дедиковалъ діалогъ привѣтствительный вшествіемъ на престолъ Кіевской епархіи преосвященному Рафаилу Заборовскому, архіепископу кіевскому.

Въ годѣ 1734, септемврія 13-го дня, опредѣленъ во экзаминатора архіепископіи Кіевскія отъ преосвященнѣйшаго Рафаила Заборовскаго, архіепископа кіевскаго; и въ томъ же годѣ отъ его преосвященства рукоположенъ во священники въ монастырѣ кіевскомъ Михайловскомъ, въ великой церквѣ, ноеврія 8-го. Переведенъ же зъ Братства въ катедру святя Софіи для житія того-жъ года, ноеврія 23-го.

Въ годѣ 1735, генваря 10, опредѣленъ членомъ въ духовную консисторію.

Въ годѣ 1737, іюня 24, посвященъ въ игумена, аще и по крайнему моему нежеланію, Божію же смотрѣнію преданный и волѣ архипастырской неотрицающій, въ монастырь Свято-Преображенскій Мгарскій, подъ Лубнами находящійся.

Выѣхалъ изъ Кіева того-жъ іюня 28; въ монастырь же свой въехалъ іюля 7-го.

Августа 16-го крѣпко заболѣлъ, съ какою болѣзнію боролся даже до мѣсяца генваря 1738 года, и уже близъ исхода обрѣтался; Божією же наказующею милостію паки здравіемъ помилованъ, однакъ не первымъ, но всегда въ слабости и отъ тѣхъ временъ часъ отъ

часу къ исхожденію шестую сію многопечалную житія моего стезю до воли Бога, подкрѣпляющаго мя.

Въ годѣ 1740-мъ, отъ сентября 27 паки заболѣлъ и болѣзновалъ въ отчаяніи живота до февраля среднихъ числъ; Богъ же милостивъ еще далъ жить въ хвалѣ Своей святой. Въ той болѣзни октября съ 26 противъ 27 сонъ видѣлъ такой: видѣлся святитель Христовъ Афанасій, иже въ Мгарѣ, ходящій близъ своей раки (гроба) въ своемъ архіерейскомъ одѣянніи, котораго я проводилъ подъ руку; потомъ возвратился къ ракѣ и опять ложился, и когда я, грѣшный, его положилъ и спряталъ, то началъ сіи слова къ нему говорить: Святѣйшій патріархъ! я желаю вашему святѣйшеству день праздничный уставить и давалъ о томъ доношеніе преосвященному Рафаилу (правде бо была); то на то святѣйшій отвѣтствовалъ: „а чтожь?“ Я отвѣтствовалъ: сказалъ преосвященный, что не можно, понеже надобно писать о томъ въ синодъ и показать чуда его; то святитель сказалъ: „о, да бывають же здѣсь изъ Москвы!“ и умолчалъ. А потомъ паки началъ я говорить: святѣйшій патріархъ, наважи мене въ житіи моемъ! то онъ сказалъ: „а я-жь разъ наказалъ;“ а потомъ скоро по изреченіи тѣхъ словъ, акибы прилѣжно согласуя моему прошенію, сказалъ: „другій разъ наказать? добре, добре;“ и потомъ, положивъ на грѣшной моей головѣ святыя свои руки, сіи сказалъ слова: „да благословить тя Господь отъ Сіона, живой во Іерусалимѣ“. И такъ окончано видѣніе.

1741 году, въ мѣсяцѣ мартѣ (дня за лѣнностію и небреженіемъ не означилъ), около недѣли Крестопоклонной, видѣлось, мало уснувши мнѣ, въ день быть въ сослуженіи панихиды нѣкоторой съ преосвященнымъ Рафаиломъ въ церквѣ святыя Софіи Кіевской, и тамо по обычаю кадилъ я церковь предходящему нѣякомусь мнѣ діакону котораго я и знаю и не знаю, а по большей части не знаю; и когда вошли въ святой олтарь, то онъ, хода предо мною, потерялъ свѣчу съ которою ходилъ; то я его бранилъ, сказуя: какой ты дуракъ! свѣчу съ рукъ потерялъ; а потомъ же свѣча тамъ-же обрѣлась близъ жертвенника въ олтари и, кади, я сказалъ: свѣча здѣсь, а ты ищешь свѣчи! въ кажденіи томъ горнаго мѣста, приполъ я въ правой сторонѣ, явился святой Афанасій, иже въ Мгарѣ, въ ракѣ лежащій; и когда я повадилъ святыя его мощи съ великимъ ужасомъ, то онъ простеръ свою руку и взялъ мене за руку крѣпко, то я началъ го-

ворить: святыи патріархъ, моли Бога о мнѣ грѣшномъ, да не отвержетъ мене Господь. Тогда онъ взялъ свою браду и поднесъ ю на лице, а потомъ низложилъ на персы и, акибы поглаждая, говорилъ прирѣкаячи: „О. У. отвержетъ, отвержетъ“; а потомъ сказалъ сіи слова: „якоже любить мя отецъ, тако любить ты сынъ“—и тако восприянулъ отъ видѣнія.

Въ томъ же годѣ, августа 24 дня, въ Нѣжинѣ кони разносили и ногу разбили такъ больно, что отъ показаннаго числа по ноябрю 8 съ постели не вставалъ.

Въ 1742 году, септемврія 10 дня, выѣхалъ въ Москву для испрошенія милости на погорѣлый монастырь и упалую церковь каменную. Въ той дорогѣ септемврія... дня, подъ городомъ Тулою, на ночлегѣ видѣлъ сонъ такой: показалось, въ церквѣ святыя Софіи катедральной Кіевской служилъ панихиду съ преосвященнымъ Рафаиломъ, архіепископомъ Кіевскимъ (еще тогда не былъ митрополитомъ), невѣдаю за кого; по правой же рукѣ стоялъ Іаковъ, духовникъ катедральный (уже тогда умершій), а по лѣвой—я; и когда пришло возгласъ говорить: „яко Ты еси воскресеніе“, то архіерей, оборотясь до духовнаго отца Іакова, началъ говорить: „говорите вы возгласъ, вы старшій братъ сея обители“; а потомъ до мене обернувшись, сказалъ: „будешь архимандритомъ“; и съ тѣми же словами началъ налагать на выю мою крестъ, отъ красныхъ камней здѣланный, причемъ я, (съ) несказанною радостію и умиленіемъ, руки цѣловалъ архіерейскія, а духовникъ тѣмъ временемъ возгласъ говорилъ,—и такъ окончилось видѣніе.

Въ 1744 году, августа 16 дня, возвратился съ Москвы съ милостиною и того-жъ мѣсяца дня 27 выехалъ въ Кіевъ до преосвященнаго, и въ бытіе мое тогда въ Кіевѣ, по имянному ея величества Елисаветъ Петровны, императрицы всероссійской, указу, данному словесно въ лагерѣ при Днѣпри преосвященному митрополиту Рафаилу, посвященъ въ архимандрита септемврія 14 въ монастырь Мгарскій, и пріѣхалъ съ Кіева 26 дня того-жъ септемврія, и отъ братіи съ великою радостію принять.

Въ томъ же 1744 годѣ, ноябрю дня 4-го, рано получилъ указъ изъ святѣйшаго синода ѣхать въ Москву для нѣкоей благословной вины. Послѣ того простился съ братією съ плачомъ и жалостію слезною съ обохъ сторонъ, выѣхалъ съ монастыря того-жъ ноябрю дня

29 первѣ въ Кіевѣ, для благодаренія преосвященному за монастырь; и когда благодарилъ, съ великою жалостію отпущенъ и во знаменіе архіерейскаго благословенія обдарованъ четками изрядными бруштинными (янтарными); а потомъ съ Кіева отѣхалъ въ Москву декабря дня 12-го.

Въ 1745 годѣ, генваря 29 дня, получилъ резолюцію принять правленіе въ Святотроицкой Лаврѣ, а самому ѣхать въ С.-Петербургъ.

1-го числа февраля пріѣхалъ въ Лавру и принялъ правленіе.

5-го выѣхалъ въ Москву; 7-го съ Москвы взялъ путь въ Петербургъ.

19-го пріѣхалъ въ Санктпетербургъ.

24 представленъ ея величеству.

8 марта выѣхалъ изъ Санктпетербурга.

23-го въ Лавру пріѣхалъ и началъ жить съ Богомъ на послушаніи намѣстническомъ.

Въ 1746 годѣ, апреля 4 дня, упалъ на ноги и даже до послѣднихъ дней маія не вставалъ съ ложа.

Конецъ собственноручнымъ запискамъ.

Таковы подлинныя записки взяты роднымъ братомъ сего преосвященнаго Андреемъ Андреевичемъ и теперь содержатся въ домѣ его сыновей. Но таковъ же списокъ отправленъ съ Харькова отъ господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Ивана Дмитриевича Пашкова къ находящемуся при императорскомъ дворѣ господину дѣйствительному тайному совѣтнику графу Александру Андреевичу Безбородку 1787 года октября 12-го ¹⁾).

Теперь осталось мнѣ окончить сіе увѣдомленіе о семъ преосвященномъ.

¹⁾ Здѣсь мы находимъ новое свидѣтельство о собираніи канцлеромъ Безбородкомъ историческихъ матеріаловъ, относящихся къ Малороссіи. Извѣстно, что изданная Рубаномъ въ 1777 году „Краткая лѣтопись Малыя Россіи“ появилась при участіи Безбородка, какъ о томъ и заявляется въ ней: „Записки сіи отъ смерти Давіила Апостола по 1776 годъ дополнены и изъясненіе настоящаго тамъ образа правленія, какъ и списокъ гетманамъ, генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ сочинены нинѣшнимъ кіевскимъ г. полковникомъ, находящимся при ея императорскомъ величествѣ у принатія челобитенъ, Александромъ Андрѣевичемъ Безбородкомъ“.

Онъ, по умертвіи правившаго БѢлгородскою епархією митрополита Антонія Червявскаго въ 748 году іюня 5-го, по именному государини императрицы Елисаветы Петровны указу, посвященъ въ Санктпетербургѣ въ присутствіи ея величества епископомъ въ БѢлгородскую епархію и того-жъ года августа 6-го пріѣхалъ въ БѢлгородъ.

Краткое время правительства его въ сей епархіи употребилъ онъ болѣе на исполненіе званія его: не упустилъ онъ каждаго дня, хотя и болѣзнями страдалъ, посѣщать паству свою, не оставилъ ни одной церкви въ своей области, чтобы лично не осмотрѣть состоянія оныхъ, также и священниковъ, при тѣхъ церквахъ обрѣтающихся, и неуспыннымъ своимъ стараніемъ о благочинномъ поведеніи ввѣреннаго ему отъ Бога народа, возвелъ онъ епархію на степень прямого благочестія и не себѣ угождалъ, но ограждалъ его отъ всѣхъ православію противныхъ вредностей. На шестомъ уже году своего пребыванія на престолѣ БѢлгородской епархіи, предчувствуя скорое окончаніе своей жизни, ѣздилъ преосвященный Іоасафъ къ родителямъ своимъ въ городъ Прилуки, жившимъ еще тогда въ старости своихъ лѣтъ; былъ тамъ и, простясь съ родственниками своими, возвращаясь въ епархію, посѣтилъ и монастырь свой бывшій Мгарскій, въ которомъ онъ былъ прежде игуменомъ и архимандритомъ, гдѣ и мощи святаго Афанасія патріарха, являвшагося въ прошедшее время преосвященному Іоасафу, находятся, какъ бы отдавая долгъ свой и вновь при окончаніи своей жизни подвергалъ себя сего святителя покровительству.

Оттуда посѣтилъ дядю своего родного съ матерней стороны, сына гетмана Даніила Павловича Апостола, лубенскаго полковника Петра Даниловича. Сей полковникъ Апостолъ въ послѣдующее время въ довольной старости окончалъ жизнь свою, пребывая въ отставкѣ бригадиромъ, 1779 года. Наконецъ преосвященный Іоасафъ, по прибытіи своемъ въ село, принадлежащее владѣнію БѢлгородской катедры, Грайворонъ, въ домѣ своемъ заболѣлъ и въ долгопротяжной болѣзни не прекращалъ своего бодрственнаго вниманія касательно до епархіальныхъ дѣлъ и, въ общему всей епархіи БѢлгородской сожалѣнію, декабря 10 числа съ полдня въ четыре часа и 20 минутъ 1754 года скончался, въ бытность при блаженной его кончинѣ матери его Маріи Даниловны, брата Андрея Андреевича и сестры Па-

расковей Андреевны полковницы Квиткиной и другихъ сродственниковъ его, коихъ онъ любовію своею жаловалъ.

Я здѣсь увѣдомить могу что сестра его Парасковей Андреевна, равно и онъ ее любилъ, и во время сильной его болѣзни въ 1751 годѣ, когда мужъ ее полковникъ Иванъ Григоріевичъ Квитка умеръ, презрѣлъ всѣ опасности, могущія случиться отъ простуды, выѣхалъ съ Бѣлгорода въ Харьковъ для погребенія полковника Квитки и, погребши, для уменьшенія скорби сестры своей и оставшихъ въ сиротствѣ дѣтей, прожилъ довольно въ домѣ ея близъ Харькова въ селѣ Основѣ. Преосвященный Іоасафъ Горленко отъ рожденія своего жилъ 49 лѣтъ 3 мѣсяцы и 2 дни, а на престолѣ Бѣлгородской епархіи—шесть лѣтъ 4 мѣсяцы и 4 дни¹⁾.

¹⁾ О жизни епископа Іоасафа Горленка существуетъ цѣлая біографическая литература, въ которой объемомъ своимъ или именемъ авторовъ выдаются книжки Григорія Квитки, Ковалевскаго и Кулжинскаго. Дѣятельность Іоасафа въ Слободской Украинѣ особенно обстоятельно изслѣдована въ сочиненіи преосв. Филарета: „Историко-Статистическое Описаніе Харьковской Епархіи“ (Москва 1862 г.). Здѣсь напечатано и большинство замѣчательныхъ указовъ, въ которыхъ Бѣлгородскій епископъ бичевалъ замѣченныя имъ провинности духовенства и міряна. Еще нѣкоторые указы Іоасафа найдены были въ Харьковскихъ и Курскихъ архивахъ духовныхъ учреждений проф. Амф. Лебедевымъ, дважды ихъ опубликовавшимъ: въ журналахъ „Миръ“ (1887 г., № 12) и „Кіевская Старина“ (1890 г., № 1). Біографы епископа Іоасафа единогласно говорятъ о глубокомъ вліяніи, которое имѣлъ онъ въ обществѣ Слободской Украины, подтвержденіемъ чего служатъ то почитаніе, тотъ культъ, какимъ пользуется и теперь въ томъ краѣ его память. Его высокая репутація предшествовала ему: когда, назначенный епископомъ Бѣлгородскимъ, онъ пріѣхалъ въ Харьковъ въ 1748 году, то встрѣченъ былъ за городомъ народомъ, съ двумя сотнями козаковъ, при знаменахъ. То же самое повторилось въ 1751 году, когда онъ, окончивъ экзамены въ Коллегіумѣ, уѣзжалъ въ іюлѣ изъ Харькова. Военная громада провожала до Хорошева. Въ резиденціи своей, Бѣлгородѣ, онъ былъ поддержкою всѣхъ бѣдниковъ. Въ Слободской Украинѣ циркулируетъ много преданій и разсказовъ, въ которыхъ Іоасафъ является дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлахъ, направленныхъ на доброе и благое. Уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Бѣлгорода въ 1754 году и предчувствуя кончину, онъ простился со всѣми и, съ вершины загородной горы, благословилъ городъ.

Въ дополненіе къ „Запискамъ“ приводимъ три характерныя письма епископа Іоасафа, относящіяся къ послѣднимъ годамъ его жизни:

1) *Къ матери Марьѣ Даниловнѣ.* Милостивѣйшая мнѣ матко и добродѣйко! За високомилостивое матернее въ домѣ моемъ мене посѣщеніе и пожитіемъ своимъ на малое время дому моего и мене оублагословеніе снвовнее мое, купно же и богомолческое, приношу благодареніе. Даруй Боже по жизнь мою всегда слышать о вашемъ матернемъ здравіи и во времена своя видѣти. О себѣ доношу, что я въ томъ же обрѣтаюсь состояніи, каковъ при присутствіи вашей родительской милости находился. А сердцемъ собо-

Тѣло умершаго преосвященнаго Іоасафа того-жь декабря 15-го съ села Грайворона отвезено въ Бѣлгородъ, а 1755 году февраля 27 дня, по указу синодальному, переяславльскимъ и Бориспольскимъ епископомъ Иваномъ Козловичемъ погребено въ катедральной соборной церквѣ въ Бѣлгородѣ, съ правой стороны, подъ придѣломъ храма недѣли Страшнаго Суда, въ нарочно уготованномъ каменномъ, за жизни еще преосвященнаго Іоасафа, погребу, гдѣ и нынѣ нетлѣнные его мощи пребываютъ.

лѣзную, что такъ неудобство пути скоро воспослѣдовало и возвращенію въ домъ вашей родительской милости. Богъ да исправитъ стопы ваши, оусердно желаю, и тако, при дальнѣйшемъ моемъ поклонѣ, остаюсь вашей родительской Милости нижайшій сынъ и богомолецъ смиренный Іоасафъ, епископъ бѣлградскій. З Бѣлгорода 1748 года, января дня 4 (Изъ фамильныхъ бумагъ княгини Н. А. Дабиза).

2) Благородному господину полковнику полтавскому Авдрею Андреевичу его благородію Горленку.

Любезнѣйшій мой брате! На письмо милостивѣйшей мати, полученное мною чрезъ козака вашего, при семъ отвѣтъ послаю, которій прошу сослать. Вамъ же о моемъ состояніи не оставлю объявить, и хоть уже о томъ же и прежде писалъ, однакъ теперь докладыве пишу: я въ мясопустную (февраля 14) недѣлю, прослуживъ съ великою трудностію, до келій возвратился съ церкви и отъ того времени обложною болѣзнію въ ногахъ легъ на постель и во весь святій великій постъ, даже до Ѳоминоѣ недѣлѣ, почти недвижимо лежалъ безъ пищи (кромя питія). И такъ дивенъ Богъ въ немощѣ моей совершившійся, что я, чрезъ осмь недѣль фунта хлѣба не зъивъ, въ живыхъ остался, а пищи никою вареною, кромя бубликовъ, и очима видѣть и смотрѣть не могъ. Между тѣмъ еще приключилась была болѣзнь, или отъ моей неосторожности, или отъ служительской погрѣшности: я всегда по веснѣ отбиваюся отъ скорбута настурціею водяною да березовымъ сокомъ. И противъ прежняго обновенія, марта 25-го, приказалъ заблаговременно внести сокъ березовій въ келію, чтобы онъ не былъ холодній пити. Однакъ того не сдѣлано, а я, заморенимъ животомъ наившимся настурцію, заснулъ немного; когда жъ всталъ отъ сна, попали мене рвоти. По рвотахъ спросилъ соку пити; то служитель тогда съ люду холодного подтаскалъ мнѣ напиться и, якъ скоро я выпилъ, то по всему животу маленькую ощутилъ колку, а къ вечеру знатно стало колоть въ лѣвомъ боку, а на утро 26 перейшр въ правій бокъ, и несозная стала колка, ажъ подъ плечо досягающая. А 27 началъ кровію кашляти и харкати съ превеликою и почти смертною колкою. Тутъ вси думали у мене формалніи сухоти и уже не встать съ постелѣ, понеже и висѣло тѣло было, (уповаю не отъ того, что безъ пищи). Однакъ чрезъ пущеніе кровѣ 28-го, съ повтореніемъ, легше, стало и колка устала, и легше становилося. Въ четвертокъ великій и въ день воскресенія Христа въ келіи сообщился Божественныхъ Таинъ, уже не лежащій, но одѣянъ въ мантию и прочее одѣяніе, стоящій самъ по обычаю, однакъ въ великой слабости. А на Свѣтлой недѣли въ четвертокъ первый разъ введевъ съ келіи и проездился. А въ Ѳомину недѣлю вѣхалъ съ Бѣлграда въ вотчину мою Петропавловку, где и нынѣ пребываю. Однакъ въ ногахъ слабость доселѣ имѣю сію: первое боль превеликій въ колѣнахъ и голенахъ, однакъ не завше, а другое ногъ же

1780 года, февраля 27 дня, господинъ фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій, проѣзжая съ Курска, по открытіи тамъ намѣстничества, въ Бѣлгородъ, былъ у тогдашняго епископа Андрея Колосовскаго; любопытствуя видѣть преосвященнаго Іоасафа мощи, ходилъ въ тотъ погребъ вмѣстѣ съ архіереемъ Аггеємъ и другимъ генералитетомъ и, видѣвъ, сказалъ: я не могу ничего судить, какъ только „святымъ, иже суть на земли, его удиви Господь вся хотѣнія своя въ нихъ“.

Окончано 1795 года въ Харьковѣ.

пухлятина твердая якъ дерево и тяжесть, будто оловяніи. И такъ я неносное терплю мученіе, пачеже всего сіе, что зъ показаннаго февраля донынѣ не могу служить. Впрочемъ имѣю отраду и надежду на Бога добраго, понеже аппетитъ хоть малъ, однакъ не потеранъ и веселость въ себѣ ощущаю и потераннаго чрезъ недугъ тѣла набуваю. Я и въ слѣдующую пятницу, то есть сего мая дня 28, хочъ сидѣти служить отважуся. Ради показаннаго моего состоянія, да и ради другой причины, что іуна въ послѣднихъ числахъ имѣеть нѣкаясь мнѣ быть отъ Коллегіумъ дедикація, и чтобъ два рази мнѣ въ Харьковѣ не ѣздить, теперъ не могу туда поехать, развѣ іуна, когда школяри приберутся. Желая жъ усердно дражайшаго гостя, любезнѣйшую вашу сожительницу въ Петропавловцѣ видѣть. Сѣмдесятъ верстъ отъ Харькова до Бѣлграда не тысяча миль, люде и далѣ ѣздить. А теперъ, при рекомендаціи моего уклона, пребываю, васъ, любезнѣйшаго мнѣ брата, вседоброжелательный и богомолецъ, смиренный Іоасафъ, епископъ бѣлградскій. Зъ Петропавловки, 1753 года, мая дня 25. (Изъ собранія В. В. Тарновскаго).

3) *Къ неизвѣстному лицу.* Возможный добродѣю. Я с' Курска чуть живъ приехалъ в' Бѣлгород. Пресильная колька уже смертію мнѣ грозила на дорогѣ, но Богъ помиловалъ мене; однакъ и теперъ еще въ великой слабости нахожуся. Вашей велможности и всей вашей фамиліи усерднейше желаю какъ наилучшаго здравія и всѣхъ благъ. Давно уже отъ васъ о васъ извѣстія не имѣю, которыми прошу меня не оставитъ и увѣдомитъ о полученіи того пакета, в которомъ послани червонцимъ господину Бѣлушенку. Вашъ полтавецъ преосвященный Афанасій с Тфери переведенъ в Ростовъ архіереемъ. Слишно ж, да и пишутъ, что и бывшій ростовскій архіерей *) помилован, и возвращенъ ему чинъ митрополитій, и поедетъ на обѣщаніе в Новгородскій Сѣверскій монастырь. Бѣда да горе! вси теперъ малороссіане вездѣ в крайнемъ презрѣніи. Самне честные люде остаются с нашихъ, а впередъ и в Владимиръ промованы, которіи еще и недавно монахами съ русских, однакъ добріе люде и достойные.

Сіе по прочетѣ прошу сожечь, а я, разсуждая теперъ пребѣдное отечества состояніе, плачу и воздыхаю: Господи помилуй. В Его святой милости и васъ, и себе вручаю. Вашей велможности вѣрный и вѣчный вседоброжелатель богомолецъ и слуга *Е. Іоасафъ*. Бѣлград, 1753 года, іуна 16 дня.

(Изъ рукописей Кіевскаго церковно археологическаго музея. Письмо писано на листѣ бумаги въ малую четверку, на двухъ съ половиною страницахъ.)

*) Арсеній Мацѣевичъ.

БРАНЪ
ЧЕСТНИХЪ СЕДМИ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ

В СЕДМИ ГРѢХАМИ СМЕРТНЫМИ,
В ЧЕЛОВѢЦѢ ПУТНИКУ ТАК ВСЕГДА, ЯКО НАИПАЧЕ ВЪ
ДНИ С-ТІЯ ВЕЛ. ЧЕТИРИДЕСЯТНИЦЫ,
РЕЗИДУЮЧАЯ,
ПО ЧИНУ СЕДМИЦЪ ЕЯ ИМАГИНАЦВЕЮ ПУТИЧЕСКОЮ
И РИѦМОМЪ

О П И С А Н Н А Я

1737 года априля 9 дня.

Вранъ честныхъ седми добродѣтелей з седми грѣхами смертными, в человекѣ
путнику так всегда, яко наипаче въ дни с-тия вел. четиридсятици, рези-
дующая. По чину седмиць ея имагинацѣю пугическою и римою описанная

1737 года априля 9 дня ¹⁾).

ПРЕОС-ЩЕННѢЙШІЙ ВЛ-Д-КО!

Совершенно вѣдаю, что високопочтеннѣйшіи в-шего Преосвя-
щенства, руцѣ снѣ моиѣ приношеніемъ напрасно утруждаю; не-
достойно бо есть, не только прятія, но ниже видѣнія височайшаго
лица в-шего с-тительскаго. Однакъ положенъ на такомъ разсужде-
ніи: воливая м-лость пастирская, и любовь отческая всегда, на

---

¹⁾ Это произведеніе сохранилось въ современномъ составленіи спискѣ одного изъ студен-
товъ Кіевской академіи, принадлежащемъ теперь Кіевскому церковно-археологическому му-
зею (по печатному описанію рукописей Кіевской Духовной Академіи № 664). Въ 1737 году
Іоасафъ Горленко былъ уже іеромонахомъ Софіевскаго монастыря и членомъ Консисто-
ріи (Аскоченскій, Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ и пр., т. II, стр. 48). Но, какъ
видно изъ этой пьесы, онъ оставался еще экзаменаторомъ Академіи. Сочиненіе это
относится къ послѣднему времени пребыванія Іоасафа въ Кіевѣ и принадлежности къ
Академіи. Въ томъ же году онъ дѣлается игуменомъ Лубенскаго монастыря. Очень вѣ-
роятно, что во время преподавательской дѣятельности своей въ Академіи (1728—1731)
онъ писалъ и другія произведенія, но, въ числѣ многаго другого, относящагося къ этой
эпохѣ, они до насъ не дошли. Мы не находимъ свѣдѣній о литературныхъ работахъ
І. Горленка ни у біографа его Г. О. Квитки-Основьяненка (первое изданіе книжки ко-
торого объ Іоасафѣ вышло въ Кіевѣ въ 1836 году и много разъ повторалось), ни у дру-
гихъ авторовъ, писавшихъ о немъ. Въ печати извѣстна только небольшая рѣчь его, гово-
рившая въ присутствіи императрицы Елизаветы Петровны въ С.-Петербургѣ въ 1745 году и
напечатанная тогда-же.

При изданіи этого памятника мы 1) замѣнили только произвольное тогочасное
употребленіе прописныхъ буквъ въ словахъ современнымъ, 2) отдѣлили частицы отъ словъ,
къ которымъ онѣ примыкають, и 3) посредствомъ тире въ среднихъ словъ означали со-
кращеніе въ подлинникѣ, гдѣ стоятъ титлы; надстрочныя буквы приняты въ строку. Все
остальное, особенно пунктуация, имѣющая тоническій характеръ, строго соблюдено, какъ
и правильное обозначеніе славян. цифрами главъ.

трудоуствующихся почиваетъ, в благой надеждѣ остаюсь, что и мой сей, хоть малѣйшій, трудъ не будетъ отъ пріятія отринутъ. Того ради взявъ дерзновеніе зъ низайшимъ моимъ рабскимъ челопреклоненіемъ сей в руки в-шего Преосв-щенства святителски предаю, смиреннѣйше и таяжде приискренно объёмъ лобизаю, содержащей мя Архипастырской милости во всегда вовѣряю.

В-шего Преос-щенства

низайшій рабъ и подножіе

Іеромонахъ Іоасафъ Ексамѣнаторъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

І здравле сей у христіанъ, пріять пребываетъ
 О бичай, что другъ друга, в празднѣе поздравляетъ
 У в день воскресша Хр-та, прочимъ нееднака
 О его привѣта форма: ибо и признака
 Д а ется писанка, я, отсюду узавши
 Ф ундаментъ, и тетрадь якъ писанку списавши,
 І лавами (7) читателя ея поздравляю
 О Хр-тѣ торжествуютъ надъ врагомъ желаю,
 Р абски же молю, аще кій грѣхъ в ней вънушиши
 Л юбовію той прикривъ, минѣ да простиши.
 Е щежь когда начнешь что, блудній предвараеть
 Н едѣлю митаря, вѣсть грѣхъ перо гадаеть
 К акъби лучше повести ритмомъ исторію
 О браніи яже прійми, превлоняю вию.

Глава ѿ.

Блудній ^{сынъ.} Человѣкъ пришлецъ въ свѣтъ, сей на земли странній
 Проходяше вся окресть, вселенія страни
 Ищущае безсмертія, в временной сей жизни
 В немъ хотя положить, часть своей отчизни
 И се абіе врагъ нанъ нападе на пути,
 Врагъ хотяще убити, зѣло зѣло лютей;
 Онъ же брань с нимъ сотворилъ. Не по своей силѣ
 Противъ крипчайша бо ставъ, в немощномъ сій тѣлѣ
 З седми грѣхи смертными, началъ воевати
 Обаче не возможе плоть духа поцрати,

И явленъ грѣховными прекрѣпко стрѣлами,
 Отчаялся живота, изнемогъ силами,
 Призвавши же духъ первій отчаянной жизни
 Размишляше же какъ воздат мест за укоризны
 Врагу, что ж творить совѣтъ таковъ ставит убо,
 Стяжу добродѣтели в помощь, и сугубо
 Отмщу уранившимъ мя, лицомъ в лице стану
 Посѣку враги моя, раною на рану.
 Совѣтъ убо сей принявъ, ко силнимъ бѣжаше
 Седми добродѣтелемъ, в нихъ ползи искаше
 Бѣжаше в страни тия, яже на востоцѣ
 (:Тамо бо на горницѣ, на мѣстѣ висоцѣ,
 Живут добродѣтели:) и прибѣгши тамо,
 Паде пред нихъ ногами, сѣмо и овамо
 Валяся и жалость свою предлагая
 А о помощь прилѣжно силнихъ умолая.
 Дадѣте рекъ ви мнѣ, крипкія богинѣ
 Помощь побѣжденному, погибаю нинѣ
 Зрѣте мя, человекъ естъ, плоть прия от Бога.
 Жизни сея тлѣннїя, ведеть мя дорога,
 Егдаже богомисля, хощу почивати
 (:Когда на пути труденъ начну унивати:)
 Тогда врагъ седмъ грѣхъ смертних, на мя набѣгает
 Душѣ моей лютіе язвы налагаетъ,
 Азъ же безсиленъ дерзнувъ ему противъ стати
 И крайню стревивъ силу нѣтъ на що вповати,
 Молю убо разоренъ, васъ непобѣдими
 Ви станѣте, станѣте на брани со ними.
 Сия, дѣви слишаще соболѣзноваху
 И за раба Божия в брани начинаху,
 Строитися, но прежде посланнихъ послали,
 Добродѣтели в Грѣхомъ и тако сказали
 Градѣти ви посланци в Западной Царицѣ
 Гордости грѣховъ смертних, и рцѣтъ да в велицѣй
 Будеть готова брани, с вои и три стѣти
 Хотемъ бо войну точить, не къ миру пристати

Брани же вину скажѣтъ: что пришелца странна
 Грѣхъ язва Б-жіею рукою созданна
 На пути мира сего, и сіе скажѣте,
 Къ брани-же день похотѣ, сами изберѣте
 Посланніи же указъ приемши идоша,
 На западъ в Гордости и пришедши ввадоша
 Грамоту и словесно, рѣчь всю предложили,
 Якъ имъ добродѣтели били повелѣли
 Бастъ же егда се Гордость надменна слышаше
 Тогда якъ на полчася, ничтоже вѣщаше
 И не скоро в гнѣвъ сіе, едва сказа слово
 Къ четиредесятници, будетъ все готово.
 Посли же возвратившись, воспят объявили
 Яко грѣхи в брани срозѣ постъ опредѣлили
 Убо вси стронитися, тщательно начаху.
 И дне нарочитого, чаяніемъ ждаху.

Глава ѿ.

Прихождаше же и день великъ нарочитый
 Вонъже обомъ странамъ, брань баше точити
 И начинаше дѣло, прежде борець силній
 Знавѣ творящи кого ждетъ, вѣнецъ неомилній,
 Неделя о 3 Грѣховъ борець Фарисей пихою надменній
 митаря и А зъ противніи страни, бист митаръ смиренній
 фарисей Сій прежде зъшедшеся показали славу
 Послѣдній смиреніемъ, перваго взях главу
 Се зрящи добродѣтель, начатъ созивати
 Отвсюль воевъ своихъ, и в брани готовати,
 Прежде же назначенна къ оружию часа
 Повелѣ воемъ своимъ, не вкушати мяса Масляница.
 Черезъ цѣлую седмицу, чтобъ злегчившись тако
 Лучше могли дѣйствоват. Грѣхи же инако
 Позволили впиватися и гулять доволи
 Въ той вонецъ что и въ дѣлѣ, такъ били весоли,
 И такъ черезъ всю седмицу тую многолюдній
 Грѣхъ воевъ своихъ стронивъ, цноти же прискудни

Въ воехъ чрезодва толко дни, чрезъ пятов и среду } Поклоны
 Строили. Строили же, тако всѣхъ на среду } начинаются
 Поля изведши стали, якъ з лука стрѣляти } тогда.
 О враговъ, и начали ружію раздавати.
 Имена же богинямъ сиа дана бяху
 Добродѣтелнимъ яже, по чину стояху:

Царица. Смирение

<i>Благоутробіе</i>	<i>Цѣломудріе</i>
<i>Любовъ</i>	<i>Постъ</i>
<i>Кротость</i>	<i>Побожность.</i>

- Егда-же всяка своимъ чини раздающе
 Нижеслѣдующимъ все порядкомъ зрѣтъ баше
1. *Смирения* полчища, сін вси водили
 Иже миръ сей и вся в немъ в суету вмѣнили,
 И себе такъ презрѣли, даже не радѣти
 И о животѣ своемъ, токмо бѣ врага збити,
  2. *Благоутробіе* же, чиномъ Іоанна,
 Милостива сотвори, старшину избранна,
  3. *Цѣломудрія* воевъ, хоръ старцевъ ведоше } Апокал., 4 г.
 Иже не позналъ ест женъ, ниже возжелаше.
  4. *Любве* же на двѣ части раздѣленни сили
 Любви } Первою мученики частию радѣли
 яже къ }
 Богу. } Святъ Димитрій снимъ еще и Теодоръ славній
 Стратилать и прочіи, имъ страданми равни,
 Вгорой же части войсва, в чини властелина
 О немъ же Лука притчу чететь Самарянина,
  5. *Поста* же мужемъ бяху, тысящники святы
 Постници сін сут такъ легки якъ пернати
  6. *Кротости* же войска тремъ мужемъ бяху данна
 О ихъ же терпѣнни повѣсть несказанна.
 Іову праведному, Іосифу красну
 Іоанну в множествѣ страданій ужасну.
  7. *Побожности* же дѣло, се бистъ дав часть брани
 Заиграеть музика и вдарять въ тимпани

Тоей бо ест началство, на ѳалми и лики
 Надъ тимпани и пѣвци пѣсней сут елики.
 Симъ всѣмъ хорамъ искуни капелмейстри бяху,
 Иже пѣсни слогами, и красно пояху
 Иоанъ от Дамаска, с нимъ чти Феофана
 Творца каноновъ, причти ж и пѣвца Ромава
 Тако добродѣтелей вооруженни вои
 Всякъ своимъ знаменемъ бих знаменитій в строи
 Смиренних воеводи, въ крести одѣяни
 Крестъ на персехъ, на крестѣ вервомъ поясанни
 В чернихъ плащахъ власянихъ и на главахъ племни
 Очи покривающа. Мечи глаголеми
 Чотехи в рукахъ остріи ко сѣчи удобни
 Тѣмъ воемъ от всѣхъ полковъ не бяше подобній
 Сии то нарѣчутся и кавалергарди,
 Словомъ бо Б-жимъ зъ усть бют врага якъ зъ бомбарди
 Милостини старшина, полнъ ковчежець злата,
 Держить в рукахъ надежденъ, что вся корист взята,
 Будет от врага. Полкъ той зѣло густій бяше
 Ибо наемнихъ много в слѣдъ себе вождаше
 Иже вси отчай души, на огнѣ дерзновенни
 Нищи бо бяху ничимъ необремененни
 Чистоти рачители, в бѣлія одежди
 Одѣяни крѣпляться, в такой же надеждѣ
 Что врага сотрутъ въ скорѣ, держать в рукахъ крини
 Все с радостію войны зъжидаютъ години.
 Любви же воеводи, огнемъ горять красно
 Огнь в устѣхъ, огнь и въ сердцахъ, все полчище ясно
 Постници сухи хлѣби, и води сосуди,
 Держать готови мертвит воююща уди.
 Кротціи-же со столпи стоят непорупни,
 Сии ж то во всемъ лисѣ, терпеливодушни.

Глава ҃.

Тогда и противнии, вопреки начаша
 Себе уготовляти и в строи такъ сташа

Царица Гордость

<i>Лакомство</i>	<i>Блудъ</i>
<i>Зависть</i>	<i>Обжирство</i>
<i>Гнѣвъ</i>	<i>Лѣность</i>

- Прежде же начатъ *Гордость* такова искати
 Кому би своя полки подъ началъ поддати.
 Се абие дияволъ избрався на сію
 Власть, и началъ носити више неба вию
 Протчіи же вси сами, полкомъ предъидаху
 Къ воемъ добродѣтели помалу ступаху
 Сама идяше Гордость дмуцися на преди
 Шестерицею коней колесници среди
 Сидящи ниже зряше славолубна камо
 Очи бо смѣзи, злата и бисерей тамо
 Много на ней висяше, а множесво въ слѣди
 Течаше грѣхолюбцевъ, и в кругъ а послѣди
 Самъ дияволъ идяше за тми полками,
 Зракъ перечерменъ вмуцій и бѣсовъ тми тмами
 Сама же Гордость зракомъ баше украшенна
 Ланитомъ вложи краску, перси обнаженна
 Златій имѣ ланцужокъ, на шіи висяцій
 Вѣнецъ драгій на главѣ, якъ лампу свѣтатій
 Очи смѣзи а главу на вязахъ держаше
 Тако яко конь держит и весь образъ баше
 Образъ меска сверѣпа и узду гризуща,
 Пляшуща и скачуща и зъ ярости ржуща,
- Таже *Лакомство* ишла видомъ же толика
 Очи имѣ несити; яко пропасть велика
- Страх драки таковня, и видѣти баше.
 Вслѣдъ же тих заразъ и *Блудъ* премерзкій идяше
 Весь въ гноищи проказѣ, скверній и нечистій
 Той не могъ помѣститись зъ войскомъ на томъ мѣстѣ,
 Похотей прелюбодѣи тысящи течаху
 Все елико ест скверно, з собою влечаху
- Еще ж что лютѣйшее, зри, *Зависть* находитъ
 Тая въ лютости своей, усѣхъ превосходитъ

Всюду бо окомъ мечет, и что достигаетъ
Только все якъ несита пропасть пожираетъ
За нею вслѣдъ идяху, богатства и гради
Яже пожре неситства ропщущаго ради,
Идяху бѣдни въ путахъ вси лицемъ смущенни
Лютою работою отъ врага плѣненни

5. Таже и *Гнѣвъ* горящій и очи горѣли
Вси пламенемъ обяти, пламенно смотрѣли
Въ слѣдъ же себе ведяше недалеко свари
Тѣи вси лающися идяху по парѣ
6. На концѣ же *Лѣность* бистъ слаба поясанна,
Лице въ ей немито, глава нечесанна
Въ рукахъ книги держала, прахомъ притрясенни.
Инни же моллю и цвѣллю изяденни
И воевъ ея едва, поступали нозѣ,
Сташа на конехъ и спя валяхуся мнози,
7. *А Обжирство* предъ лицемъ всѣхъ полковъ стояло
Ибо войсковой мѣсто музыки держало,
Симъ чиномъ сходящимся, знакъ данъ бист трубою
Годѣ: да станутъ оба воеи со собою
Тамъ мощно зрѣти бяхе, малу и велику,
Силу врагъ многу имѣ, Цнота нетолику
Зъшедшесяже такъ стали: Лакомства полкъ убо
З Благоутробиемъ ста силою сугубо
Болшій сего же ради и силнѣйшій бяхе
Цѣломудріе противъ Блуда ополчаше
У Блуда такъ же войско бяхе многолюдно,
В Цѣломудрія же хочъ сильно но прискудно
Тѣмъ еще къ нимъ придани, в комлетъ Поста люди
Тѣмъ силни бяху и легки на труди
Любовь же с Кротостію созади стояху,
Надежда бо в случаи, сіи толко бяху
Егда же прѣде время брани о, ужасно!
Побожности велено да възиграетъ красно
Тогда Побожность зъ лики, ста предъ полковъ види
Вдару в коловолъ красно, жалостно послѣди.

Вечеръ Пѣснь сію со пѣвцами, плачуци спѣваше
 понедельна Помощникъ и покровитель въ спасеніе наше
 1-й седмицы Св. Мнѣ, сей мой Богъ истинній, его и прославлю
 Поста. Богъ отца моего ест, хвалить не оставлю
 Егда же слышахуса в полкахъ сія гласи
 Все радующеса, вси, отложше ужаси
 Несяхуса на врага, тако нелѣниво
 Поклоны. Что ажъ падали лицемъ, вси немилостиво—
 Къ земли и ащебъ въ такомъ трудѣ не змагали
 Знакъ благій баше яко, врага бзоевали.
 Но зрѣть! Какъ въ первомъ разѣ, сами зъ себе зпили
 Добродѣтелей вои, себе бо прелстили.
 Бриднею, а врагъ хитрій, знавъ якъ поступити.
 Змисливъ чимъ огонь на себе палящъ отвратити
 Когда бо пришло круто, то Обжирство блюда
 Изрядникъ всякихъ потравъ наполнивши всюда
 Сласто- Постави предъ очима. Сіиже что сѣти
 лденіе Не зря. Прилчни сущи, винулись толити
 принадле- Голадъ найпачежъ постникъ, тогда вража сила,
 щя в постѣ. Росскочившисъ на двое вѣдарила на крила
 Хочъ же не храбростию ни множествомъ сили
 Но множествомъ народнимъ округъ оточили
 Добродѣтелей воевъ, и табуръ отвсюду
 И в такомъ облеженню зъ сторонъ ни откуду
 Не припуцаая хлѣба, такъ долго держали,
 Что припасъ который у обозѣ мали
 Уже зъзѣли. Что ж далѣй? Треба гладомъ мерти,
 Аще бъ не Богъ умъ даль, какъ сію пастку стерти,
 Суббота Пославъ имъ Θεодора, храбра Стратилата
 1-й седмицы вно- В того обозѣ (:Богъ вѣсть:) где пшениця взята.
 же почи- Сію убо раздѣливъ, всѣмъ воемъ по части
 тастся Казалъ у водѣ варить, и вутію ясти,
 память св. Такъ голодъ перервавши паки возмужали
 Θεодора. И пробившисъ чрезъ руки сѣтей избѣжали
 Тогда паки начали люто ударяти
 Огнь за огнемъ на врага отвсюду давати

Надивѣтеса паки щастя перемѣнѣ,
 Вразибо вергшесь ослѣпъ въ той замѣшанинѣ
 Въ баталѣонѣ Любве, короговъ отбили
 На ню же вси надежду били положили
 На той бо царскій образъ, начертанный баше
 Нанъже всякъ якъ на жива Царя воззираше
 И аще кто съ вѣрою, нанъ возрѣвъ умильно
 Тому надъ мѣру щастя, служило немилно.

Иконоборство. Сию короговъ врази, поставлше посредѣ
 Ругались якъ хотѣли, всякія швареди,
 Видѣ изобрѣтая: лугъ напргши стрѣляли
 А инніи повергше безбожно топтали,
 Зряше царска лица студъ не зря шиковъ раду
 Все зъ ревностію верглись, без всякого взгляду
 И не щадя живота, бранствовали тако
 На многъ часъ за честь царску, преужасно яко

Мученичество за иконы. Земля крови напилась, рѣка бо течаше
 По земли и сверху кровь яко дождь летяше
 Найпачежъ вои Любве, такъ храбро дерзали
 Себе нещадя образъ Царевъ отбивали
 На огонь и на копія, на мечи и стрѣли,
 Обнаженными персами дерзосно летѣли
 Тамо не бѣ видѣти, своихъ ни чужаго
 Убиваше въ тумултѣ свой единъ другаго
 Когдажъ ничто успѣли, в злую ту годину
 Благій Богъ царска рода, ручого дитину
 Сина Феодорина, пославъ Михаила
 Той узрѣвъ где корогов сила окружила,
 Вража, верглься напрасно, и пробившись сквозѣ
 Войско ругателя хвативъ и повергль поднозѣ
 Вирвавъ короговъ потомъ, воспятъ скочив вскорѣ
 Принесль в обозъ ко своимъ и возвѣсивъ горѣ
 Дольній иконѣ поклонъ, казалъ всѣмъ отдати,
 И Царскою яко царя, честю почитати
 Егда же въ вечеру бистъ, опочили мало
 А скоро ночь минула и утро свѣтало

Н-д-ля 1-я
 С. Поста
 в нюже
 празд-
 нуется во-
 ставленіе
 іконъ.

Заворушились паки, вои всякъ ко строю
 И сталъ единъ со другимъ, лицомъ в лице в бою,
 В той часъ добродѣтели, яша знакъ потѣшнѣй
 Яко попрали будутъ от праведнихъ грѣшнѣй
 Под вождемъ бо лакомства, паде конь на главу
 И се в вѣсть имъ бистъ, что, от врагов возмут славу
 Но и вправду зъ початку, щастя имъ служило
 Обаче же при концѣ налѣво скривило,
 Богъ ихъ скаравъ, а за чтожъ? умомъ возлетѣли
 Високо, въ часъ бо вонже врага силно били.
 Не благодаря Богу, за помощь велику
 И несмотря что онъ далъ, побѣду толику
 Всякому, но своей все силѣ приписали,
 И другъ другаго прозрѣвъ болно укорали
 Свой трудъ и свою службу паче возвишая,
 Ближняго же своего, нивочто вѣмъная
 За то Богъ ихъ прогнѣванъ, предалъ лютой брани,
 Врагъ бо погнавъ и язвивъ раною по ранѣ,
 А человекъ той тамо, въ обозѣ сидяше
 За него же брань сія начаться, и бѣше
 Ридяючи о своемъ таковомъ нещастѣ
 Самъ къ себѣ глаголючи въ коей свѣта части
 Я скриюсь егда сіи, будутъ побѣжденни,
 Вѣмъ всяко что ятъ буду, во пламень геенни.
 Се же помишляюще, начаша втѣвати
 Вои добродѣтелей кто куда могъ знати,
 Тогда добродѣтелей, грѣхи з поля збывши
 Въскочили в человекъ в обозъ и вловивши,
 Въ плѣнъ послали далеко въ страну свѣта инну
 Въ работу тоя страны, люту гражданну.
 Чтожъ творять далѣй? уже, сами себѣ ради
 Дать не могут оставшисъ въ скорбѣ безъ отради

Н-д-ля 2-я Когда-жъ в такой горестной zostались кручинѣ
 С. Поста Въ то время нѣктось пришедеъ, недавно зъ пустыня!
 в нюже по- Мужъ честенъ из их же войска, именемъ Григорій
 читается. Мужъ честенъ из их же войска, именемъ Григорій
 память С. Разсуднѣй и премудрѣй, и къ совѣту скорѣй
 Григорія.

Иже потомъ и пастирь Фессалійской баше,
 Ц-реви бодръ и ревностенъ (:сей совѣтъ дааше
 Нѣтъ что творити болше, токмо писат треба
 Къ Царскому Величеству Создателю Неба,
 О ратуновъ просячи, ибо еще брани...
 Часть долгій ест а люде, ово страждут рани,
 Ово же часть лягла мало уже сили,
 Боятся треба чтоб до конца не збили
 Сего убо приявши, за благо совѣта
 Добродѣтели честну дѣву:) от повѣта
 Побожности молитву, къ живущему горѣ
 Зъ писаниемъ послали, восворѣ
 Писанну же грамоту, тако бистъ читати
 Небезъполезно бо естъ, и се вѣдать дати,
 „Отче небесный, всѣхъ Царю Предвѣчній
 Вонми свисоти како необычній
 Язви терпятъ от синовъ Вавилона,
 Дщери Сиона
 Дщери Сиона, пишут к тебѣ сия
 От Тебе просятъ, помощи благія
 Не даждь насъ въ сей часть, врагомъ поруганных
 Не даждь поправныхъ.
 Нами поправна, да будетъ ихъ глава.
 О семъ бо Твоя умножится слава
 Паки и паки молимтиса слезно,
 Устрой полезно“.
 Се Молитва, приявши жалтирѣ на крилѣ
 Возсѣде и летяше во поселской силѣ
 Егда же зближашеся, къ небесной столицѣ
 Отверзоша небеса, ангелстии лица
 И вшедши во первое небо препочити
 Восхотѣ и препочи, и паки летѣти
 Начать воскорѣ зѣло, и поспѣшественно
 Окружаема чинми зъ всюду мужественно
 Оттуду бо несли ю Архангеловъ лики
 Въ благолѣпни палати, вишняго Владики,

Тамо убо пришедши, предъ царския врати
 Покушашеся прйти, предъ Царя кольерати
 Но не можаше ово, для пѣнни гласна,
 Ово сияній ради, и свѣта ужасна
 Ово яко тми тысящъ, престольъ обружаху
 Силъ небо вишних и пѣснь трисвяту спѣваху
 А тогда Сеалонилъ гдесъ посланъ быше,
 И уже возвратився, въ дворъ Божій идяше
 Узрѣвши же Молитву при вратѣхъ стоящу
 Вопросы кую иматъ нужду настоящу
 И извѣстившись яко бистъ присланна в Богу
 Рече, удержи убо, на малій часъ ногу:
 Есть здѣ Мати Царева, та дерзостна въ Сину
 Она земныхъ скорая помощница вину
 Ко Ней гряди но прежде, Архангелу требѣ
 Гавриилу явится, и Той о потребѣ
 Твоей донесетъ, той Ей тебе и представитъ
 Той о всей твоей нуждѣ, подробну объявитъ
 Совокупся же ликомъ, сказа Гавриилу
 Всю подробну Молитвы пришествія силу
 Тогда Гавриилъ притекъ въ Молитвѣ и сія
 Испитавъ рече добрѣ, но предъ Пресвятія
 Дѣвици лице идя, кринъ несій цвѣтуцій
 Бѣлъ, благовѣщенія, слово глаголюцій
 Самъ же отиде въ чертогъ, а Молитва крини
 Приявши ожидаше, званія години
 Потомъ изшедъ, Архангелъ, поманувъ рукою
 Сказалъ да грядетъ въ чертогъ тихою ногою
 И пришедши Молитва паде на колѣнѣ
 Приносящи цѣлаго свѣта Монархинѣ
 Глазъ архангельскій въ руцѣ бѣлій подаючи
 Кринъ благовоненъ, и сей привѣтъ вопиющи:
 Прими о Мати... о чистая Панно
 Дщерей Сионскихъ к Тебѣ мною данно
 Сие стебелце благовонно красно
 Тебѣ ужасно

Есть ан-
 гелъ же
 м-л-тву
 молящих-
 ся к Богу
 приносятъ.

Молитва убо дари, жертвы всесоуженни
 И оимѣамъ въ кадилахъ всезлатиѣхъ возженнѣи
 Приявши въ рудѣ пошла, в царскія палати
 И начать ко престолу славы приступати
 Въшедши жь паде предъ престолъ, Владика же славы,
 Повелѣ въстат и въней же бист присланна справи,
 Явить тогда м-л-тва, въста и в рудѣ Богу
 Писание отдавши, и словесну многу,
 Рѣчь значала распростре, великой той брани
 Како и бого ради, от врага попрагни,
 Царь же вслушавъ реч, да зъучатся како
 Висоудрствовати о себѣ и тако
 Милостно приявъ прочеть Себѣ въ рудѣ въданну
 Грамоту тайвовидцу отдалъ Иоанну;
 Иоанну бо всякихъ тайнъ есть власть сѣя,
 И повелѣ отписать стихи таковия:

Не бойсь малое, стадо Мое нинѣ
 Завтра предъстану, въ первой дня годинѣ
 Тебѣ на помощь, помощь и узриши
 Ти побѣдиши.

Ти побѣдиши, горда супостата
 Тобою слава, да и глава взята,
 Вражня будетъ, токмо стой бодренно
 Стой мужественно.

Стой мужественно за раба Моего
 Храни отъ врага силою твоего
 Отца, Азъ же ты въ бѣдѣ не забуду
 С тобою буду.

Сѣя же написавши, даде въ знакъ обѣти
 Дари коейжда зъ седми прекрѣпкѣи щити,
 Дадеже и Молитвѣ даръ, перстень на рудѣ
 Даде власть снѣти ей и крестъ во поруцѣ
 Яко не отставится, от нихъ, милость многа,
 Пойдетъ сила во помощь на врага от Бога
 Крестъ же даде для того, чтобъ в мѣста предѣла
 Поставилъ на мѣстѣ идѣже вся сила

Войскъ стояше и тамъ би поставленъ мижъ ними
 Да не скачетъ чрезъ предѣлъ врагъ на нихъ страшными
 Ударми, и тако ю Господня десница
 Украси якъ биваетъ, на сходѣ денница
 Да и болшъ удержанна, била би посланна
 Но яко прохождаше близъ година данна
 Второго огня, убо, отпусти почтенну
 Кресту же повелѣ бит, предъ его несенну
 Молитва же припадши ко ногамъ Владиви
 Лобже десницу, ноги, и плачъ превеликїй
 Сотвори не терпяци розлуви оттамо
 Потомъже поклоншися, всѣмъ и летѣ прямо
 Летяше же такъ: ангелъ, крестъ несаше преди
 Другїй же щити данни, несаше посреди
 А потомъ и Молитва, благовонна красна
 На крилахъ возлежащи архангельскихъ ясна
 Летяше скоро своро, и уже близъ баше
 А добродѣтелей страхъ великъ обдержаше
 Мняху что на воздухѣ, вѣдержалъ на заставѣ
 Молитву поднебеснїй духъ злобнїй лукавїй
 Когдажъ о семъ смутились, тогда от воздуха
 Гласъ от Молитви спущенъ, коснулся их уха
 Рекъ радуйтеса убо, вси очи подъяша,
 Къ горѣ и видѣша крестъ, Молитву познаша,
 И возжегши свѣтила, начаша стрѣтати
 Яко бившую в краяхъ небеснихъ прїяти
 Тщяхуся. Ангелъ же крестъ постави посреди
 Войскъ обоихъ рукъ, и став, предъ всѣми напреди
 Возопи гласомъ крѣпкимъ, о семъ побѣдиши,
 Тогда добродѣтели, всю печаль отрѣшши
 Стали в первомъ мужествѣ, крѣпки и силни
 Мечъ вражїй сѣни слабшїй, презря и бездѣлнїй
 Егдаже вознесеса, гласъ сей во всѣхъ слухи
 Тогда ощутивши то, борителни духи
 Избѣгоша видѣти, кто такъ возглашаетъ
 Насъ ли то от противникъ ктось симъ ужасаетъ,

Н-д-ля
 среднал
 С. Поста
 в ноже
 кланяемся
 честному
 Кресту.

Узрѣвши жь Крестъ крикнули, отъ намъ бѣда нинѣ
Бѣжѣте кто къ церквѣ и рцемъ се гординѣ
Уже ми многобѣдни, петребѣ намъ баше
Предѣль брани покладат, торжество не наше
Не побѣдимъ противныхъ еще бо и брани
Не творимъ а не можемъ зрѣти въ тѣя страни,
Идѣже знакъ водруженъ, иже нарицаеть
Людие Крестомъ и тѣмъ себе ограждают.
А понеже поставленъ, сей знакъ между нами
Будемъ и ми утѣкатъ зъ своими полками,
Сѣтующу такъ врагу, баше вѣстникъ даннѣй
Отъ добродѣтелей къ нимъ, зъ вѣстю второй брани,
На утрешнѣй день тоя, недѣли вси убо
Врази приложивши плачь, ко плачу сугубо
Совѣтъ ставятъ таковѣй, дадѣмъ рече гласнѣй
Знакъ трубою ко брани, да не ми ужасни,
Явимъ себѣ предъ нашимъ противнимъ послѣди
Пошлемъ къ нимъ глаголющи, не хотимъ обиди
Вамъ наносит, аще бо и гласъ бистъ трубою
Но безъ падежа хотимъ миръ здѣлатъ с тобою
Тогда всѣмъ своимъ воемъ, избылно пити,
Даша вина чтобъ въжершись себе изавити
Не возмогли смущенних, и здѣлали тако
Но всеу трудъ о враже, ни такъ ни инако
Не избѣгнемъ отсюду, гибель ти велика
За нами поборяеть, вѣрпкѣй нашъ Владика,
Аще бо вси виномъ, и весели бяху
Но страхомъ пянѣйшѣй, сердца униваху
И посель посланнѣй миръ здѣлатъ хотящѣй
Не миръ принесе но страхъ, наутри день вящѣй,
Егдаже уже слонце на ложѣ лѣгаше
И добродѣтель часу отнюдь не ймѣаше
Убо ангеловъ въ небо начать отпускати
Зъ Молитвою пришедших и симъ цѣловати:
Градѣте ви жители небесной столицѣ
Градѣте неба вишши, ангелстѣи лица.

Градѣте служители, престола Владична,
 Градѣте тамо идѣже, всегда пѣснь прилична,
 Троици с-той поеться, и молѣте Творца
 Да судить намъ побѣдит, злаго ратоборца
 Цѣлуйте Матерь Свѣта емленнихъ поруку,
 Да вознесеть, молѣте, в вѣрности намъ руку
 На плѣнь Вавилонъ; о семъ молимъ умолюте
 Цѣлуемъ васъ сверстници, со миромъ градѣте
 Потомъ въ сумракъ субботи, дня крайна ко брани
 Когда одѣяшася, звѣздами вся страни
 Когда всяка перната, въ гнѣздѣ своемъ стала
 Когда вся тварь на земли живуща молчала,
 Тогда в крутомъ мятежи, врази не заснули
 Сердцемъ тяжкую свою погибель почувли
 Зане овимъ на радость, а иннимъ ко скорбѣ
 Остатній вечеръ той бист, ко утрешней борбѣ.

Глава ѿ.

Свѣтающей неделѣ, якъ ночь уступила
 Тогда сила вражія въ себѣ заgrimѣла
 Гласъ бо трубою баше, на побудку дано
 Къ строю войскамъ предъ всходомъ слонца зѣло рано,
 И тимпанъ обхождаше воевъ всѣхъ намети,
 Укрѣпляя ко брани, дряхлія корнети
 Все убо мужественни, страхомъ трепетаху
 Небезътрепетно бо бистъ, егда помишляху
 Часъ той часъ ужасній часъ, коризни иль стерти.
 Сумнящеса силни ли: еще будутъ стерти.
 Потомъ же еще паки, послаша едину
 Побожпость знати давать, трубою годину
 Годину сию вню же всякъ воинъ да ходитъ
 Нелѣпно о себѣ, зане брань приходитъ,
 Она же возвѣстивши, возвратися паки,
 Дондеже устроятся оружиемъ всяки
 Во вторій часъ того дне, когда всякъ готовій
 Баше, паки труба бистъ да исходятъ з врови

На поле къ строю тогда, вси вси изидоша
 И прежде всѣхъ чест Богу, въ пѣснехъ воздадоша
 И съ вѣрою ко Кресту Его притѣкаху
 Къ земли кланяющися з страхомъ лобизаху
 Начаша жь строятись такъ: зъ войскомъ от востока
 Ста Добродѣтель велии мужествомъ висока
 А врази от запада, зѣло многолюдни
 Обаче малодушни, и ко брани трудни
 Полкъ же с полкомъ якъ прежде, в такомъ строи баше
 Кромѣ Побожност з ликомъ предъ лицемъ стояше
 Подобнѣ и у грѣховъ, музыка зъ начала
 Полковъ зъ пѣворѣзами, своимъ клиромъ стала
 Обжирство бо то в нихъ бистъ, что Побожностъ тамо
 Есть у добродѣтелей, тѣмъ мѣсто онамо
 Зъ пятницами сия взят, в нихъ бо то и лица,
 Пють, поють, зѣло шумни пѣвци винопійци,
 И уже всѣмъ стоящимъ, въ строй напредъ зпедши
 Добродѣтель предъ вои, и въ лице пришедши,
 Сидевими глаголи, начать поучати
 Ко трудомъ предлежащимъ и такъ увѣщати:
 Возмагайте убо нинѣ, ви обои благостини
 День бо сей есть вѣнценоснѣй. Намъ радостей плодоноснѣй
 Мати ваша, мати красна. Врагомъ зѣло всѣмъ ужасна,
 Винци яже соплѣташе. Чрезъ вся лѣта готоваше,
 Тебѣ даетъ сия, Аще же и злия.
 Тебе страшатъ враговъ зраки. Но погибнутъ скоро паки
 Ти войне всемирнѣй. Будешъ надъ всѣхъ вознесеннѣй
 И ти мужу милостини. Яви свою силу нинѣ
 Ти чистото убѣленна. Дѣвства цвѣти украшенна
 Стойте крѣпки в брани. Будете вѣнчанни
 Вожди любви, огнь любовнѣй Вержи в обозъ той грѣховнѣй
 Ти постнику, легкѣй вою, Возми Кротость со собою
 Ударѣте, и спалѣте, Врага въ пепель обратѣте
 Богъ со вами крѣпкѣй в брани, Се вамъ и Крестъ въ защитъ даннѣй
 Въ Бозѣ возмагайте, Врага побѣждайте.
 Тогда слышащи сия, вси радостни зѣло
 Восклицають ко Богу, о крѣпкая сило

Боже царю даждь врага сего побѣдн,
 Даждь от смерти твоего раба свободн.
 Се абие небеса гласъ сей возгремѣша
 Дерзайте побѣдн врага, и вси бнша
 Тогда тако крѣпцн, яко исполненн
 Сня бяху на оннхъ, глаголи реченн,
 И припоясашася, силою немощн
 Врази же бнша въ своихъ оружняхъ тощн
 Въ конецъ бо лукъ напряженъ силннхъ изнеможе
 Кто Добродѣтель избнть, возможе никтоже
 Изнйде и горднне, якъ прежде не тако,
 Гордость тогда идяше, а ннѣ инако
 Тогда бнсть украшенна, златомъ поясанна
 А ннѣ и живота, уже отчаянна
 И сходитъ лицемъ смутна, трепещеть и учнть
 Воевъ не надеждою, но болшъ страхомъ тучнть
 Воевъ великодушннхъ битн поучаетъ
 А сама лицемъ дряхла, сердцемъ униваетъ.
 То видящн и вои начаша втѣвати
 Оружнє руками не могутъ держати,
 Словомъ реку якоже во страсѣ биваетъ
 Духъ мутящнйся духа бодра убиваетъ.

Глава Ѧ.

Снмъ чнномъ сопедннмъся, побожности дѣло
 Молнत्वу прежде бранн, сню вострубнло:

Второ-
 законн
 глава.

Господн мой Господн Тн началъ есн показатн Твоему рабу
 крѣпостъ Твою, и силу Твою, и руку Твою крѣпкую и мнш-
 цу высокую Кто бо естъ Богъ на небесн, или на землн, или
 кто сотворнть якоже сотворнль Тн и крѣпостъ Твоя.
 Гласъ сей зѣло укрѣпн на врага вся вои
 И начаша палнтн полчнща обоя
 Врази въ той часъ узавшн дерзостъ (:обдержнн
 Страхомъ:) к палбѣ, но крестннмъ, предѣломъ держннн
 Не бѣгоша къ противннмъ, обаче палнлн,
 От страни мужей горднхъ, но ничто язвлнлн,

Сколько тѣи гордились, и всѣхъ презирали
Толь сіи смиралися, и себе вѣмѣняли
Ни вочтоже Гордіи кичились а сіи
Себе злѣ оуждали, тѣи убо вѣи
Возносили на вязахъ, сіи въ землю зрѣли
И тайно молящеса вънутрь слези точили
Не могъ зъ симъ ничтоже врагъ гордій успѣти
Мусѣлъ тѣль показавши з поля уступити
Многіи же къ смиреннимъ, змѣнили послѣди
Казано полкамъ Любве, огнь дати и всѣдїи
На коня с-тъ Феодоръ Стратилать зъ полками
Началъ наступать храбро, и палить огнями,
Тогда хитръ врагъ далъ хребетъ покол знемагати
Стали въ трудѣ въ той часъ вѣщаль себе ополчати,
И небезбѣдно било, язвиль бо хулою
Въ первомъ баталѣонѣ многихъ но малою
Працею далѣ прогнанъ; хулилъ бо елико
Сїи въ любвѣ жарчайшой молились толико
Не успѣлъ врагъ ничтоже, и здѣ, от на вторїи
Баталѣонъ Завистю, пустилъ пострѣх скорїи
Тая скоро припавши, начала здирати
И все елико зазрѣ, начать пожирати
Но вои Любве весма храбро побѣждали
Когда бо сувню драли, и хитонъ давали
Отбѣгши врагъ от Любве скочивъ ко Молитвѣ
И удари въ десній рогъ, убо в той годинѣ
Начаша сіи бити, мижъ очи денѣгами
И тако ослѣтиша, яко и ногами
Не тяжко баше врага, якъ червь попирати,
И уже поганскїа мало баше знати
Сили. Тѣмъ Добродѣтель желаше скончити
Труди свои и конецъ войнѣ положить
Ибо велми вражїа не значна бистъ сила
Но понеже Павлова труба въ ней трубила
Еще не у до крове, противъ Грѣху стасте
Подвизающеса, не, всѣхъ враговъ попрасте

Убо Добродѣтели к трудамъ трудъ прияша
 Паки зъ остаткомъ врага, на борбицѣ сташа
 Чистіи и постници, и кротци зъ столпами
 З нечистимъ обжирнимъ и Гнѣвомъ якъ з врагами
 Своими, тогдажъ то врагъ, наипаче нечистій
 Устремися яростно, на весь ихъ полкъ чистій
 Тогда то привождаше, на мысль и на очи
 Всякій доброзрачній видъ, мужескъ и жовочій
 Скольже симъ врагъ ударалъ пострѣломъ жестоко
 Столь сіи от зрѣнія, брегли мысль и ово
 Но прикро назирають, сіи очи мулять,
 Но бѣда чуть чут уже, сердцу не дошеулят,
 И уже близъ налазять, сіи отбивають
 Все ко Богу помилуй, вѣрно возивають
 Симъ врагу пересѣкли, спѣхъ и побѣдили.
 В конецъ натиски его, от себе отбили
 И такъ мужественнихъ, никако поправій
 Хоташе устрашити, и всякъ видъ сквернави
 Гади, раби испусти, но подъ криниомъ сѣни
 Подлѣзши все погибе, бѣлии бо крини
 Такову имут силу, обжирній убо
 Напрасно на постниковъ, огонь даша сугубо
 Болшій, не можаше, брухать сіи ничего
 А постникъ легкій воинъ, побѣждавъ премного
 И старшина обжирнихъ, страшилище чудно
 Ударенъ въ брухъ сухаремъ, живот сконча студно
 Наконецъ еще и Гнѣвъ, люто сверѣшитъ
 Кленеть бьетъ и зубами скрежетет, шалѣет
 Якъ песъ бѣшеній, однакъ, торжества нимало
 Перше бо у него, способу не стало
 Сверѣшит, ниже в кроткихъ терпѣнія смирн
 Аще бо то кое зло чинил вси терпѣли
 Аще той и проклиналъ, то сіи молчали
 Аще той въ щоку ударил, сіи обрачали,
 Другую, аще винно, терпеливодушни
 Стоять въ бѣдѣ якъ столпи вѣтромъ непорушни

Чтожъ когда Гнѣва вон, числомъ умаленни,
 Творять; внемлѣте вземше велик огнь зъ геенни,
 Хотяху всѣхъ сожертн, обаче нитакъ,
 Возможно одолѣти помстився еднако
 Едину бо изъ тріехъ, имамъ Іоанну
 Кроткихъ войскъ воеводѣ, по поясъ въкопанну
 Не могъ въ нюже засланъ бистъ. Та искат повсюду
 Послали по пустыняхъ, не мощноль откуду
 Провѣдат. Въ такомъ иску, въ глубокой пустинѣ
 Нѣякойсь жени нашли, слѣдъ Египтянини
 Н-д-ля 5С. Нѣякойсь жени нашли, слѣдъ Египтянини
 поставлю- же почи-
 тается па- Ей же имя Марія, тимъ слѣдомъ идаху
 мять Пр- бнѣя Дондеже дошли ея. и егда близъ бяху
 Маріи Обращши ея узрѣли. Вслѣдъ видѣ челоувѣчій
 Египтяни. И абие вземши бѣгъ скорій яв ліотъ птичій
 Бѣжаше далѣй от нихъ, а сія гонили.
 Гонящи же Божіимъ именемъ молили
 Да станет, слушащи же Божіе Марія
 Имя увѣда яко не сут зраки злия
 И ста, тогда начаша прилѣжно питати
 Кто она таковъ ест, и, не может ли знати
 Где плѣнъ горкій, в коей странѣ страдаютъ муки
 Лютому гражданину попавшися в руки
 Марія же отвѣща; что все тое знаю
 Тоей страни ищете, где я била чаю
 Ибо и я страдала, тамъ многими лѣти
 Избавленна же Богомъ от горкой той влѣти
 День и ноцъ свитаюся. Прохожу пустыню
 На всякомъ мѣстѣ имамъ безъдомна гостиню
 Боюся бо чтоб паки, туда ж неупасти
 В руки и чтоб сугубой не терпѣти страсти
 Хотите жъ ли слушати? Скажу страна тая
 Далеко ест да втому ж, в ней дорога злая
 Небезпечна лежит бо чрезъ смертни предѣли.
 Въ той путники веедни, глави положили
 Тогда фѣскали вѣсти, о странѣ той взявши
 И о пути до нея добрѣ распитавши.

Возвращаются въ своимъ, и все предлагают
 Что слышали, и трудност пути объявляют
 Убо Добродѣтели, приемлютъ совѣти
 Какъ би лучше поступит, и что з тимъ чинити
 Посилають разъ но вспять, ни посла ни вѣсти
 Другій разъ посылают, но все безъ користи
 И такъ много кто посланъ, то все без возврата
 Туда путь латвій оттолъ замкненіи врата
 На послѣдокъ еще разъ щастя съпробовали
 Нѣякогось Лазара именовъ, послали.
 И той также якъ протчи, тѣмъ путемъ отиде
 Возвратно же оттуду, ни онъ, ни вѣсть прїде
 Тогда сугуби слези, небо пробиваетъ
 Си здѣ, той въ неволѣ въ помощь призывают
 Премудрости Божія и Божия сили
 Тѣмъ яко моляхуся, тако получили
 Прислав Богъ Слово свое, от узъ ихъ возвати
 Той з Лазара власть смертну начат сокрушати
 Суббота Лазорева. Рекъ бо: Лазаре, гряди вонъ изъиде зъ гроба
 Бездыханній его-же держала утроба
 Черезъ четири днѣ. Смертняя, инни же застали
 Еще въ узахъ бяху бо от Лазара далѣи
 За шесть дней ходу, то зря Смерть себѣ гадаеть
 Кто тако силнѣи мене, моихъ отнимаетъ
 Узниковъ от тѣхъ временъ, доумлятса стала
 Мусят чтось бит но крайнѣ в томъ не домишляла,
 И день отъ две начала, внутрь себе нудити
 И во крѣпости своей, до конца слабѣти
 Еще и аду даеть въ томъ пересторогу
 Что стражею укрѣпит, ко себѣ дорогу
 Той абие поставилъ всюди караули
 Однакъ когда къ нимъ бѣда пришла не почувли.
 Слово бо Божие сквозь, далѣи проходаше
 Къ плѣннимъ и уже за шест днѣи од турми баше
 Гдѣ били заключенни. Когдажъ опутили
 Добродѣтели приходъ, его честно стрѣли,

Н-д-ла С^ъ вайами от финикъ, путь же постилаху
 вай. Ризами и велимъ гласомъ припѣваху
 Осанна, благословенъ гряди въ имя Боже!
 Зъ гражданъ же тѣхъ о семъ негодовав никтоже.

Глава 3̄.

Седмица С. Когдажъ прѣде наконецъ, смертнѣя граници
 Страстей. Здѣ трудъ, налучивъ бо двѣ болшии темници
 Къ нимъ же два входи единъ, близше смертенъ баше
 Симъ смерть людей ловящи, аду отдаваше,
 Другий же далѣ, тамъ адъ, живяше неситий
 Той души всегда огнемъ обикль бѣ томити.
 Первий же входъ иже бистъ сухороброй смерти
 Якъ сѣтъ на птицу баше, людямъ не заперти
 В пещерѣ власи обречь, главнии и браду
 Полкъ же Любве припавши, огнь свои дав нань ззаду
 Крѣпшій нѣжъ гнѣвнѣй въ той часъ, от лица огненна
 Часть нѣякась малая, оставшисъ спасенна,
 Хребетъ даде бѣгая, и тайно вѣтѣвали,
 Въ томъ бѣгу на нѣвуюсь, близъ крѣпост напали,
 Ей же имя Дружба и, заперлись, тамъ всякій
 Взявъ за себе, чтожъ далѣй, трудъ предлежит паки,
 Уже бѣда другая, треба доставати
 Крѣпости и начали къ стѣнамъ приставляти,
 Лѣствици, трудъ же великъ, а полви нимало
 Уже бо и хитрости и ума не стало
 Чи лѣствици ставляють, чи по нихъ збѣгають
 Всю каменемъ зверху бють и съ ружя стрѣляют
 И ащеби не билъ муръ, имъ отъ Бога даннѣй
 По имени Іоаннъ, руководѣль избраннѣй
 Трудно било спастисъ, всѣмъ пришло умрѣти,
 Той потщался такъ штучно лѣствицу сложити
 Н-д-ла 4 С. Поста видѣ. Что безтрудно всякъ по ней, могъ збѣжати вскорѣ
 же почи- Безбѣдно безпадежно зъ низу земли горѣ
 тается на- мят с. Іо- По ней убо вѣвалившисъ, внутрѣ стѣнъ безоглядно
 анна дѣ- стѣнника. Всѣхъ въ пень мечемъ и огнемъ, плѣнили нещадно

И уже тогда зъбистся глаголь сей ꙗлмисти,
 Мимо идохъ и не бѣ врага на томъ мѣстѣ
 Егоже видѣхъ вѣчера, себе возносяща
 Якъ ведри Ливанскія, в народѣхъ гордяща
 Такъ то всегда поспѣшно все дѣло биваетъ
 Кому Г-дъ во трудѣхъ сильно пособляетъ
 Брани же окончанной казали трубити
 И зшедшихъся всѣхъ въ купу начали лѣчити
 Много паде во брани, воинства толика
 Но по щоту воевъ всѣхъ сила невелика
 Добродѣтельнымъ малимъ числомъ не можаху
 Обрѣтиса но многи, немощни бяху
 Пораненнихъ бо бѣше сила велми зѣлна,
 А вражія воинства, надѣя омылна
 Тако бо падоша вси, яко ннединій
 Обрѣтесе во живихъ.—О чемъ благостинѣ
 Божіей да будетъ честь и слава велика
 Хвално имя Господне отъ нинѣ до вѣка.

Глава ѿ:

Когда врагъ побѣжденній, когда время мирно
 Баше, громи уснули, во покои смирно,
 Когда армата зъ трудовъ по крикахъ уснула,
 Когда уже година злая преминула
 Тогда Добродѣтели, приаша совѣта
 Въ началѣ Господевѣ возблагодарити
 За побѣду по томъ же, зъискать зъ неволѣ
 Человѣка и смотрѣтъ времени оттолѣ
 Начали приличнаго, потомъ же избрали,
 Въ седмицѣ день четвертокъ ещезъ приказали,
 Новую пѣснь сложити, на грудь же толкии
 Потщався Андрей Критскій, и сложивъ великій
 Канонъ, иже зъшедшея въ церковь на всеошчно
 Спѣвали зъ слезами и трудъ иже немощно
 Исчислити въ поклонахъ, обнощъ всю твораху
 Тако спобѣдившему, благодарствоваху

Четвертъ
 великаго
 канона.

В утрне же дне рано, совѣтъ сотвориша
 Еще Матери Божой, за тож вождельша
 Дать благодареній, страшной Воеводѣ
 Предстателствующой всѣмъ, во всякой пригодѣ
 Суббота. Избраша день субботній тоя похвали.
 акаѳиста. Молитвѣ же паче всѣхъ, сіе приказали
 Да оимѣамъ въ вадилахъ будетъ учиненнй
 И во время подобно, предъ Дѣву возженнй
 Да привесеться. Убо времени прешедшу
 Дне пятничного, дне же субботну пришедшу
 Въ ночь въ церковь зъшедшеса предъ образомъ сташа,
 Богоматернимъ, и пѣснь сію вси спѣваша:
Возбранной Воеводѣ побѣдителная и протчая.
 И протчая такожде стихи воспѣваху
 И свѣщамъ предгорящимъ вадило вжигаху
 Такъ возблагодариша, Царю и Царицѣ
 За побѣду въ пѣніяхъ, и страсѣ велицѣ.

Глава 5.

По всемъ томъ время пришло возвати зъ неволѣ
 Человѣка завъ же брань бяше и оттолѣ
 Искаху способу какъ, и кого послати
 И куда, ибо никто, тоя страни знати
 Адовъ же входъ прекрѣпкій, зъ мѣдяними врати
 Сквозъ подвои ланцугомъ, желѣзнимъ пронятй
 Тутъ у человекъ той бист пришлецъ въ свѣтъ страннй
 Иже добродѣтелемъ подалъ вину брани
 Бо здѣ слово Божіе, пришедъ зрит что трудно
 Чтож творит? Поступает умно у разсудно
 Видя что смерть лакомша на снѣдъ тѣла паче
 Неже на душу, адъ же, не такъ но иначе
 С: великій Здѣлавъ удицу штучно, всю Кресту подобну
 пятокъ. И наткнувъ на ню снѣдъ плот свою преподобну
 Ангеломъ же повелѣвъ, прилѣжно смотрѣте
 Егда смерть изтягнетъся, абие крушѣте

Крестомъ кости и такъ вергъ, удицу въ темницу
 Абие истягаетъ смерть зъ дна якъ плотицу
 Тогда ангели заразъ, взяли сокрушати
 Кости сухие. Самъ же душею сквозъ врати,
 Адски пробившися, ада побѣждаше
 Черезъ три дни в плѣнника от узъ свобождаше
 Когдажъ повѣренное, себѣ скончивъ дѣло
 Тогда облекся паки, въ побѣдное тѣло
 Тогдажъ радость всемирна, падаются гроби
 Адъ отрываетъ плѣнныхъ зъвнутрь своей утробы
 Мертвцы встають и ради, другъ другу вѣршуетъ
 Христосъ воскресъ приревши, и въ уста цѣлуетъ
 Инъ вонстинну воскресъ, в тому втѣщаеъ
 Гласъ сей любезнѣй по всемъ свѣтѣ прелѣтаеъ
 Добродѣтели убо, верхъ Христовъ вѣнчали
 Святѣи и сидевими стихи подздравляли
 Здравствуй Побѣдителю, державнѣйшій ада
 Здравствуй испразднителю смертоносна яда
 Тебѣ отъ вѣва сія корона побѣди
 Ждала, прими убо ю, онъ же в нимъ послѣди
 Здравствуйте и ви въ конецъ, грѣха побѣдивши
 Радуйте седмиглавна, врага сокрушивши
 Добродѣтель же въ отвѣтъ: властью Твоею
 О Владиво весь поспѣхъ в томъ бист не моею
 Потомъ начаша молить, чтобъ Богу представилъ
 Отцу Своему тѣнна, и чество прославилъ
 Юже имѣ у отца прежде всѣхъ денници
 За безчестіе еже пострада в темници,
 Убо радостно къ молбѣ ухо приклоняеъ
 На плѣнника утвари, класть повелѣваеъ
 Тогда добродѣтели, человекъ она
 Поставиша посредѣ царскаго амбона
 И вѣнецъ возложиша, драгій на верхъ главы
 Одѣяша в одежду свѣтоноснои слави,
 И тако провождаху, славно торжественно
 Въ слѣди Побѣдителя, округъ мужественно,

Побѣдо-
носнѣй
Воскресе-
ніа день.

Хорами оточивши, Кротость подѣ десницу
 Держащи провождаше а Постѣ подѣ шуйцу
 Любовь же попредѣ лица зѣ протчими идяше
 Побожность же поющи, з лики окружаше
 Егда же уже тако близѣ Едема бяху
 Яко вси очима нанѣ, ясно зрѣть можаху
 Се абие исходитѣ Пастирѣ добрѣ овчате
 Взискати и своего отецѣ отрочате
 И узрѣвши текѣ скоро, нападе на вию
 Лобже въ главу и въ уста, а Побожность сию
 Пѣснь воспѣваше, гласно взиваше:
 „Г-ди Г-ди сило спасенія моего, осѣнилѣ еси надѣ главою
 моею в ден брани“.

Рече же отецѣ къ рабомѣ, одежду вънесѣте
 Перву и перстень ему на руку дадѣте
 И телецѣ заколѣте жирнѣй упитаннѣй
 И ядѣше веселемѣся, заве отчаяннѣй
 Синѣ мой сей мертвѣ бѣ и жив ест и изгиблѣ быше
 И обрѣтесе. Паки къ ангеломѣ вѣщаше
 Радуйтесе о овцѣ, юже обрѣтаю
 Погибшую и обрѣтъ, ко вамѣ прилучаю,
 Тогда вси вопияху, радостно восклицаху
 Не торжествуй Грѣхѣ, зѣ Смертью, стойте еще мало
 Нинѣ васѣ вопрошаемѣ, гдѣ ти смерте жало
 Гдѣ ти Аде побѣда, сие намѣ скажѣте:
 Якѣ приясте студѣ на ся, такѣ же и держѣте
 Богу же побѣдившу буди слава многа
 Дайми за побѣду, градѣмѣ до чертога
 Съ нимѣ и идоша въ чертогѣ, ко брачной вечерѣ
 Божія тварѣ чловѣкѣ, и Сиону дщерѣ. Аминь.

Къ читателю стихи окончательнѣи.

Всякѣ убо уже, книгу сию чтеши
 О брани молю, да не такѣ речеши
 Что о нѣкоемѣ, сие чловѣцѣ
 Во прежнемѣ вѣцѣ.

Бившемъ писася, ни сіи достойно.

Сотворихъ слово, всякому пристойно
Иже ищещи, безсмертной отчизни
Въ тлѣнной сей жизни.

Обаче врагъ ти путь преинаетъ
Вооруженній, на тя набѣгаетъ
Чтожъ съ нимъ имаши, тако сотворити
Даби избити

Возможешъ крѣпко вооруженъ буди
Прилагай къ трудомъ еще болши труды
Нѣсть бо всякъ силенъ, того побѣждати.
Аще стяжати

Добродѣтели, не вѣсть стяжи всяко
Ихъ такъ побѣдишь, не можешъ инако.
Смиренный Гордость, всегда побѣдиши
Ей низложиши.

Аще ли зависть, на тя набѣгаетъ,
То милостива сію проганяетъ
Чтожъ о чистотѣ ангеломъ другиня
Всѣмъ монархиня

Что лучше тебѣ, смотри Іоанна
Дѣвственника ето здѣлавъ же власт данна
На персехъ Бога, при вечерѣ спати
Чистота Мати,

Аще ненависть, в ближнему и Богу
Имаши Любовь, приемши премногу
Еда не вѣси, что Любовь имѣетъ
Всѣми владѣетъ

Любовь и горы от мѣстъ своихъ движетъ
Любовь вражду всю, якъ сѣно полижетъ
Тая и мертвит, тая воскрешаетъ
Всѣмъ обладаетъ.

Аще Обжирство имаше презѣлно
Противній ей Постъ, того не омилно
Призывай в себѣ, врага побѣдиши
И вѣнецъ узриши.

Аще же гнѣвнїй огонь та распалаетъ
Кротость имаши яже угашаетъ
Аще би огонь подъ небо палали
Твердь сожигали.
Небесну Кротость, сила угасити
Аще ли Лѣность схощет та разбити
Но Побожность власть болшу имат колми
Аще и полми
Лѣность разбиет, Побожность исцѣлит
Грѣхъ окаляетъ а Цнота убѣлит
Такъ латво может, врагу одолѣти
И побѣдити
Побѣдивий же, будеши вѣнчаннїй
И на вечеру, еще будешъ званнїй
Брачную въ чертогъ, ей правду вѣщаю
Зъ сердца желаю.

Сообщилъ В. Торленко.

О разборѣ архива графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.

(Записка М. О. Судіенка).

Во время пребыванія государя императора въ Кіевѣ, въ 1850 г., г. генералъ-губернаторъ всеподданнѣйше докладывалъ Его Величеству, что въ г. Черниговѣ находится архивъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, до сихъ поръ никѣмъ не разобранный, не имѣющій описей и подвергающійся уничтоженію; что учрежденная въ Кіевѣ комиссія для разбора древнихъ актовъ могла бы заняться разборомъ этого архива, и что предсѣдатель комиссіи изъявилъ желаніе принять на себя всѣ издержки на доставленіе архива въ г. Кіевъ.

По этому докладу Его Императорское Величество, въ 23 день сентября 1850 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: снести съ военнымъ министромъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, о передачѣ архива графа Румянцева въ здѣшнюю комиссію съ тѣмъ, чтобы, по разборкѣ его въ комиссіи, дѣла военныя были отосланы въ главный штабъ Его Величества, относящіяся къ отечественной исторіи оставлены въ комиссіи для приготовленія къ изданію, а дѣла по управленію Малороссійскимъ краемъ возвращены для храненія въ архивъ Черниговскаго губернскаго правленія.

Въ исполненіе таковой монаршей воли, послѣ происходившей переписки съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ о передачѣ въ комиссію архива графа Румянцева-Задунайскаго, а съ г. военнымъ министромъ о назначеніи офицера для участія въ его разборѣ, архивъ этотъ, въ январѣ мѣсяцѣ истекшаго 1852 года, былъ доставленъ въ Кіевъ иждивеніемъ предсѣдателя комиссіи Судіенко, и, по прибытіи ка-

питана генеральнаго штаба Саковича, въ концѣ марта мѣсяца того-жъ 1852 года, предсѣдатель относился къ членамъ комиссіи, приглашая ихъ къ разбору упомянутаго архива, но какъ они, по другимъ своимъ занятіямъ служебнымъ, не могли сего исполнить, то предсѣдатель комиссіи и капитанъ Саковичъ, принявъ съ апрѣля мѣсяца этотъ трудъ на себя, окончили разборъ упомянутаго архива совершенно 2 февраля сего 1853 г.

Десяти-мѣсячный трудъ по разбору архива графа Румянцова-Задунайскаго привелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1. Архивъ по пространству времени заключается между 1712 и 1787 годами.

2. По объему содержитъ 2,901 дѣло.

3. По содержанію обнимаетъ дѣла гражданскаго управленія Малороссією и дѣла военныя по командованію войсками и военнымъ дѣйствіямъ.

4. Большая часть дѣлъ архива не имѣетъ должной полноты и хронологической послѣдовательности. Многія дѣла въ отрывкахъ, отъ дурнаго сбереженія сгнили или обгорѣли. Утрата дѣлъ болѣе всего должна была послѣдовать отъ пожаровъ тѣхъ зданій, въ которыхъ архивъ складывался и отъ потери при перевозкахъ. При разсмотрѣніи дѣлъ между прочимъ найдено всеподданнѣйшее донесеніе графа Румянцова о пожарѣ въ Глуховѣ 4 августа 1784 года, жертвою котораго была и часть архива военно-походной его канцеляріи.

5. Дѣла съ 1712 по 1757 годъ суть исключительно гражданскаго содержанія; послѣ 1757 года гражданскія и военныя мѣшаются вмѣстѣ: между 1757 и 1775 годами изобиліе на сторонѣ послѣднихъ, а съ 1775 по 1787 опять берутъ перевѣсъ первыя.

6. Дѣла *гражданскаго содержанія* суть слѣдующія. По части исполнительной: приведеніе въ дѣйствіе высочайшихъ указовъ, сенатскихъ и коллегіальныхъ постановленій, преобразование управленія Малороссіи, открытіе Малороссійской коллегіи и судовъ, открытіе намѣстничествъ и проч. По части судебной: производство слѣдствій и судовъ надъ преступниками, приведеніе въ исполненіе конфирмацій и проч. По части инспекторской и полицейской: назначеніе къ должностямъ, перемѣщеніе и увольненіе чиновъ, наблюденіе за отправленіемъ благочинія въ краѣ, нарядъ на службу казаковъ, послужные

списки и аттестаты малороссійскихъ чиновъ и проч. По части финансовой и статистической: движеніе суммъ, поступившихъ въ приходъ отъ различныхъ сборовъ, вѣдомости о населеніи городовъ, таковыя цѣнности на разные продукты и проч.—Всѣ эти дѣла состоятъ изъ отрывковъ весьма неудовлетворительнаго объема и не представляютъ ничего замѣчательнаго, ни въ историческомъ, ни въ административномъ и статистическомъ отношеніи, и потому будутъ возвращены въ Черниговскій губернсвій архивъ.

7. Дѣла *военнаго содержанія* суть мирнаго и военнаго времени. Первые относятся до командованія, управленія, службы войскъ въ мирное время и ихъ хозяйства; вторыя обнимаютъ распоряженія и сношенія начальниковъ между собою и военныя дѣйствія. Изъ числа всѣхъ этихъ дѣлъ, замѣчательныхъ въ военно-административномъ и военно-историческомъ значеніи оказалось 670. Содержаніе ихъ слѣдующее:

а) Мирнаго времени: журналы исходящимъ предписаніямъ и распоряженіямъ по войскамъ отъ графа Румянцова, по частямъ: инспекторской, строевой, артиллерійской и инженерной, комиссаріатской и военно-судной; формулярныя о службѣ списки войсковыхъ чиновъ украинской дивизіи и другихъ войскъ, бывшихъ въ командованіи гр. Румянцова; семидневныя, мѣсячныя, третныя и годовыя вѣдомости о числительномъ составѣ и перемѣнахъ въ войскахъ; указы правительствующаго сената и военной коллегіи, заключающіе также административныя распоряженія и постановленія, которыя нынѣ отдаются по войскамъ Высочайшими приказами и приказами военнаго министра; переписка командовавшаго до гр. Румянцова войсками на украинской линіи генерала Стрѣшнева съ его подчиненными генералами, о наблюденіи за Крымомъ и татарами, переписка по реформированіямъ и укомплектованію войскъ и проч.

б) Военнаго времени: 1) *семилѣтней войны 1757—1762 г.* переписка главнокомандующихъ: Апраксина, Фермора, Салтыкова и Бутурлина съ начальниками дивизій и отрядными командирами по военнымъ дѣйствіямъ; секретныя журналы военныхъ дѣйствій; переписка по Кольбергской экспедиціи гр. Румянцова, реляціи, диспозиціи, и инструкціи, различныя свѣдѣнія и прочіе документы военнаго времени. 2) *Войны конфедератской и 1-й турецкой 1768—1774 г.* Распоряженія гр. Румянцова по усмиренію гайдамаковъ, распоряженія

командующихъ 1-ю армією кн. Голицына, и 2-ю Румянцева къ расположенію войскъ въ Польшѣ и на границахъ. Отрывки журналовъ о военныхъ дѣйствіяхъ 1-й арміи. Распоряженія Румянцева по вступленіи въ командованіе 1-й армією послѣ кн. Голицына, къ занятію Молдавіи и Валахіи; отрывки журналовъ военныхъ дѣйствій, журналы частныхъ военныхъ начальниковъ; дѣло о Туртукайскихъ экспедиціяхъ Суворова въ 1773 г.; черновые ордера гр. Румянцева своимъ генераламъ военнаго содержанія, черновыя всеподданнѣйшія донесенія, частная черновая переписка Румянцева съ Обрѣзковымъ, Панинымъ, Бибиковымъ, Войейковимъ, Рѣпнинымъ, Голицынымъ, Безбородко, Вяземскимъ, Потемкинымъ и др. его современниками. Содержаніе писемъ: политическое, военное и дипломатическое. Переписка по ратификаціи Кайнарджійскаго трактата полковника Петерсона. 3-е) *по Крымской экспедиціи 1776—1779 г.*: Наставленія Румянцева начальникамъ войскъ на Кубани, въ Крыму и по всей Турецкой границѣ расположенныхъ, по предмету изготовленія къ походу. Переписка съ кн. Прозоровскимъ по усмиренію бунта въ Крыму и возведеніи Шагинъ-Гирея въ ханы; переписка съ Суворовымъ по отраженію турецкаго десанта и выводу христіанъ изъ Крыму; распоряженія по частямъ: артиллерійской, комиссаріатской и провіантской; переписка Румянцева съ ханомъ, Стафіевымъ, татарами и другими лицами по крымской экспедиціи. Журналы, веденныя въ Крыму кн. Прозоровскимъ и Суворовымъ. Всѣ дѣла этого содержанія отправлены въ Департаментъ генеральнаго штаба военнаго министерства.

Объ окончаніи разбора этого архива донесено 2 февраля сего 1853 г. г. генераль-адъютанту Бергу за № 32 и г. министру внутреннихъ дѣлъ за № 34.

Предсѣдатель комиссіи для разбора древнихъ актовъ Михаилъ Судіенко.

Примѣчаніе. Часть документовъ изъ архива гр. Румянцева была сообщена М. О. Судіенкомъ въ собственноручномъ спискѣ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ“ и напечатана О. М. Бодянскимъ на страницахъ этого изданія (Бумаги, до управленія Малороссією гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго относящіяся, 1861 г., кн. I; „Архивъ военно-походной канцеляріи гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго“ ч., I, 1767—1769, *ibid.* 1865, I, 1—270; ч. II, 1770—1774, *ibid.*, II, 1—330; ч. III, 1774—1777,

ibid. 1866, I, 1—274; ч. IV, 1777—1786, ibid. 1875, IV, 1—112; 1876, I, 113—240; II, 241;—294). Въ значительной степени военно-походнымъ архивомъ Румянцова воспользовался П. Саковичъ для своего труда: „Историческій обзоръ дѣятельности гр. Румянцова-Задунайскаго и его сотрудниковъ князя Прозоровскаго, Суворова и Бринка, съ 1775—1780 годъ (Русская Бесѣда 1858, I, с. 1—86; III, 62—151; IV, 173—260)“ а также пользовались и другіе изслѣдователи.

Сообщилъ В. Иконниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДРЕВНІЙ ПОМ'ЯННИКЪ
КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

(конца XV и начала XVI столѣтія).

Сообщилъ С. М. Толмачевъ.

Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры

(конца XV и начала XVI стол.).

Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры, — упоминаніе о коемъ встрѣчается въ одномъ изъ послѣдующихъ помянниковъ той же обители, — очень долгое время считался погибшимъ во время бывшаго въ лаврѣ въ 1718 году пожара, ¹⁾ когда пламенемъ истреблено было, между прочимъ, не мало и книжныхъ сокровищъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ случайно найденъ былъ въ одной изъ лаврскихъ ризницъ. Впервые упоминаніе объ этой находкѣ сдѣлано было нами въ примѣчаніи къ одному изъ документовъ, приложенныхъ къ сочиненію: *Кіевскій митрополитъ П. Могила и его сподвижники*, — гдѣ приведены и нѣкоторыя наиболѣе интересныя выдержки изъ предисловія къ помяннику ²⁾. Во время преній, происходившихъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца ³⁾ по вопросу о древнемъ говорѣ Южной Руси и, въ частности, Кіева, означенный помянникъ признанъ былъ письменнымъ памятникомъ, представляющимъ немаловажный матеріалъ для рѣшенія этого спорнаго и доселѣ окончательно нерѣшеннаго вопроса. Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми историческими данными, разсѣянными въ нашемъ помянникѣ, привело къ мысли о благовременности изданія сего помянника въ полномъ объемѣ и притомъ съ соблюденіемъ всѣхъ его ороографическихъ особенностей, — что въ настоящее время Историческимъ Обществомъ Нестора лѣтописца и выполняется.

¹⁾ Описаніе Кіево-Печер. лавры, п.д. 1847 г., стр. 93.

²⁾ Т. I., *прилож.* къ докум. № II, стр. 16—19.

³⁾ См. „Чтенія въ Ист. Общ. Нест. Лѣт.“, кн. 2-я, стр. 215—218 и слѣд.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VI, отд. III.

Каково филологическое значеніе печатаемаго поманника, судить объ этомъ предоставляемъ спеціалистамъ ¹⁾. Мы же, съ своей стороны, ограничимся нѣсколькими краткими замѣчаніями о значеніи памятника въ отношеніи историческомъ.

Начнемъ съ замѣчаній общихъ.

Число сохранившихся до нашего времени поманниковъ, хотя болѣею частію сравнительно уже за позднѣйшее время (XVII и особенно XVIII стол.), довольно велико. Ихъ въ изобиліи мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ нашихъ древнехранилищахъ—Императорской Публичной Библіотекѣ, Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, бібліотекахъ нашихъ Духовныхъ Академіѣ, и т. п.; находятся они также (зачастую и не въ одномъ только экземпляръ) въ бібліотекахъ или архивахъ при древнихъ церквахъ и особенно монастыряхъ. Такое обиліе этого рода письменныхъ памятниковъ понятно. Русскіе благочестивые люди часто обращались своими мыслями въ жизни загробной, и заботы о спасеніи своей души, а также душъ лицъ близкихъ къ себѣ, поставлены были ими на первомъ планѣ. Молитвы за умершихъ, обращеніе съ этой цѣлью къ помощи церкви,—были явленіями столь же частыми и повсемѣстными въ древней Руси, какъ это мы видимъ и въ наше время. Можно сказать даже болѣе: древняя Русь въ этомъ отношеніи опередила Русь новую. На встрѣчу такому благочестивому чувству древне-русскаго человѣка преимущественно шли наши обители. Здѣсь дѣло поминовенія усопшихъ было наиболѣе прочно организовано и всегда отличалось особенною торжественностію. Кромѣ обычныхъ поминовеній за литургіями, въ опредѣленные времена года, послѣ утреней и вечерней, установлено было „исхожденіе въ притворъ усопшихъ“, гдѣ „надъ кутією и канонами“, по особому чину, совершаема была литія за умершихъ. Кромѣ того, почти во всѣхъ обителяхъ опредѣленъ былъ нарочитый день въ недѣлѣ, когда въ томъ же „притворѣ усопшихъ“ поминовеніе совершалось по болѣе распространенному

---

¹⁾ Мы ждали авторитетнаго слова относительно филологическаго значенія поманника отъ извѣстнаго нашего ученаго А. И. Соболевскаго, который обязательно взялъ на себя трудъ просмотрѣть въ корректурныхъ листахъ печатаемый памятникъ и сообщить намъ свои замѣчанія о филологическихъ данныхъ, представляемыхъ имъ. Къ сожалѣнію, другія спѣшныя работы не позволили проф. Соболевскому своевременно сдѣлать эти замѣчанія. Надѣмся, что свое авторитетное слово уважаемый ученый произнесетъ по выходѣ въ свѣтъ нашего изданія.

чину, съ особенною торжественностію, въ присутствіи всей братіи.— Огсюда понятно и выдающееся значеніе въ обителяхъ *помянника*, *или синодика*, — книги, въ которую заносились имена лицъ, о поминовеніи которыхъ вѣрующіе просили церковь. Книга эта (разныхъ форматъ, но всегда довольно объемистая) обыкновенно тщательно переплеталась¹⁾, и веденіе ея поручалось особому, довѣренному отъ монастырской братіи, лицу, при чемъ для послѣдняго съ теченіемъ времени выработаны были и нѣкоторыя инструкціи. Именно: книга должна была вестись тщательно; обращеніе съ нею предлагалось самое бережливое; заносить имена въ помянникъ, безъ вѣдома братіи, строго (подъ карою гнѣва Божія) воспрещалось; долженъ былъ наблюдаться извѣстный распорядокъ въ занесеніи именъ, — т. е. помянникъ какъ бы раздѣлялся на извѣстные отдѣлы: въ однихъ изъ нихъ помѣщались имена лицъ духовныхъ — патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ, и т. д.; въ другихъ — роды княжескіе, боярскіе,

¹⁾ Добавимъ: почти всегда тщательно (уставомъ) и писались.—Нѣкоторые помянники въ началѣ украшались старательно нарисованными и раскрашенными картинками, изображающими кончину праведныхъ и грѣшныхъ людей, сорокодневныя мытарства, проходящія душою по разлученіи ея отъ тѣла, страшный судъ, и т. п.—Въ началѣ нѣкоторыхъ помянниковъ встрѣчаются и стихи, большею частію заключающіе размышленія о смерти, о необходимости молитвъ церкви за умершихъ, молитвенныя воззванія къ Господу о спасеніи душъ скончавшихся и записанныхъ въ синодникъ, и т. п. Для образца сдѣлаемъ извлеченіе изъ одного подобнаго стихотворенія, помѣщеннаго въ помянникъ Кіево-Михайловскаго монастыря (XVII стол.):

О смерти, якъ горка твоя памяти! . . . . .
 Горька есть, бо много живота лишаешь,
 Родителей зъ дѣтми и друзей роздѣляешь.
 Горка, на оружія гды твои взираемъ:
 Розными розно рачишь, слезне вспоминаемъ.
 Слабная царя, князя и пана не бачишь,
 Наймолодшему зъ старымъ равно не пробачишь.
 Ушей згола не маешь, цѣлкомъ есте глуха,—
 Такъ ничин не входятъ вопли въ твоя слуха.
 Старого, яко сѣнь изсохшее, косишь,
 Молодого, якъ траву серпомъ жнешь, въ гробъ вносишь.
 На щожъ кони дожда до людей заживаешь,
 Догнала бы пѣшо, трупъ тонко легкой маешь.
 Кто въ дому умираеть, за тимъ пѣша бродишь,
 Рицеровъ въ полю, конемъ догнавши, угодишь.
 На воиновъ твой и лукъ зъ стрѣлами уготавала,
 Не догнавши ихъ, хижиныхъ абсь дострѣляла. . . и т. д.

дворянскіе; далѣе—мѣщанскіе, козацкіе, и т. д.—„Повинность вписующаго (читаемъ въ одномъ изъ монастырскихъ помянниковъ начала XVII стол.) вѣдати напредъ, если тотъ, который проситъ о уписованье въ поминникъ, з родомъ своимъ уписоватися хочеть или безъ роду; если з родомъ, маеть повѣстися, отколь и прозвиско свое; и если будетъ шляхтичь, до шляхетскихъ родовъ прилучати; еслижъ мѣщанинъ з мѣсть (городовъ) тутъ положеныхъ, до мѣщанъ мѣста того и его родъ с прозвискомъ его приложити; если нѣтъ мѣста, з которогоса повѣдаеть, особливе положенного в поминнику томъ, то маешь, писару, до родовъ з розныхъ мѣсть родъ его прилучити с прозвискомъ его. Козацкіи особливе маешь роды. Если не родомъ уписуючийся уписоватися схочеть, до посполства припиши: если козакъ, до козацкого; если простый, до простыхъ. Таевъ тежъ епископа до епископовъ, архимандрита до архимандритовъ, и иныхъ всѣхъ по чину духовного стану“... Дѣлаемы были и другія, болѣе детальныя наставленія завѣдующему помянникомъ, въ родѣ слѣдующихъ: имена должны быть заносимы въ синодикъ въ *внимательномъ* падежѣ, но отнюдь не въ *родительномъ* („нѣгды абысь не клалъ... вмѣсто Овдотію, Овдотіи; вмѣсто Мину, Мины; вмѣсто Евву, Еввы,—и иныхъ тымъ подобныхъ, которыи в виновномъ з роднымъ не согласуются“); не прибавлять къ имени словъ: *младенецъ* или *дѣвица* („якъ есть звычайъ въ старыхъ поминникахъ“); не вносить именъ, нареченныхъ не при крещеніи, но искаженныхъ или данныхъ при жизни въ насмѣшку („абысь власне имя клалъ, якъ у свяцохъ стоить, а не змытрыченое презъ пещоту любъ презъ жарты“), ¹⁾ и т. д.

Что касается до лицъ, желавшихъ занести въ помянники имена своихъ родственниковъ и знаемыхъ, то имъ предлагались отъ лица монастырскихъ братій напомицванія слѣдующаго характера: „Должні есте вѣдати, възлюбленніи, что служай жертвеннику, отъ жертвенника да питається, по Божественному писанію, и нікогда вѣинствуай питастся оброки своими; и въ ветхомъ завѣтѣ леввите отъ приношенія и жертвъ людскихъ питахуса съ женами и чады своими. Тѣмъже и ваше благовѣріе, койждо отъ вписующихся и вписующихъ, должні

¹⁾ Синодикъ, або поминникъ, обители Межгорскія, новоспораженій повеленіемъ отца Коментарія обители тои игумена, тцаніемъ же и трудомъ клериковъ в ней бывшихъ, в року 1625 (*Рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 374*).

есте не туне налагати бремя на выю богомолцевъ вашихъ, но подающе отъ имѣній вашихъ *по возможности* на пропитаніе тѣмъ и одѣваніе. Аще бо в духовныхъ, по Апостолу, причастницы бысте: не паче ли тѣмъ плотскихъ вашихъ причастницы будутъ“¹⁾.—Что влады лицъ, желавшихъ внести въ помянники имена своихъ родичей, дѣйствительно, были *добродетельными* даяніями, „ведле преможенья“ каждаго,—это, до извѣстной степени, подтверждается разнообразіемъ этихъ владовъ. Богатые давали много: нерѣдко записывали монастырямъ цѣлыя села, земельныя угодья, надѣляли церкви обителей роскошною утварью, и т. д. Лица менѣ состоятельныя вносили посильныя жертвы деньгами или же какими-нибудь продуктами—медомъ, воскомъ, житомъ, и т. д. Встрѣчаются въ синодикахъ и такія замѣтки: записанъ „за ручницу“ (ружье); далъ „сермагу“, „кожухъ“, возъ дровъ, сукно, и т. п.

Не смотря на значительное (какъ мы говорили) количество сохранившихся до нашего времени помянниковъ, наши изслѣдователи при своихъ историческихъ изысканіяхъ почти вовсе (исключенія весьма рѣдки) не обращаются къ этого рода письменнымъ памятникамъ, очевидно считая ихъ матеріаломъ для себя мало пригоднымъ. Такой взглядъ на помянники, какъ историческій матеріалъ, не несправедливъ, мы здѣсь встрѣчаемъ почти одни голыя имена, и хотя они зачастую и приурочиваются къ тѣмъ или другимъ фамиліямъ, но прослѣдить по нимъ генеалогію этихъ фамилій—дѣло иногда положительно невозможное и, во всякомъ случаѣ, требующее кропотливой работы, большихъ историческихъ свѣдѣній и крайне тщательной критики. Тѣмъ не менѣе уже и въ этомъ отношеніи помянники въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ оказывать историкѣ немаловажныя услуги, въ особенности если нѣкоторыя записанныя въ нихъ имена сопровождаются (что хотя не часто, но все-таки случается) какими либо краткими замѣчаніями, въ которыхъ обозначаются, наприм., время кончины лицъ умершихъ; мѣсто погребенія; продолжительность ихъ жизни; услуги, оказанныя ими церкви и отечеству; родственныя отношенія къ лицу, по просьбѣ котораго они заносятся въ помянникъ, и т. д. Кромѣ того, въ синодикахъ встрѣчаются иногда краткія замѣтки какъ-бы и лѣтописнаго характера, напримѣръ,—о повѣтріяхъ, сви-

¹⁾ Ibid.

рѣпствовавшихъ въ извѣстное время въ той или другой мѣстности и вызвавшихъ большую смертность; о набѣгахъ непріятелей, сопровождавшихся человѣческими жертвами (избіеніемъ жителей) и т. п. Особенно довольно цѣнныя свѣдѣнія встрѣчаются иногда въ *предисловіяхъ*, которыми снабжались очень многіе помянники. Здѣсь находится нерѣдко упоминаніе объ обстоятельствахъ, при которыхъ былъ заведенъ помянникъ, о настоятеляхъ того времени; а иногда сообщаются и историческія свѣдѣнія о самыхъ обителяхъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько подобныхъ разнородныхъ замѣчаній, встрѣчающихся въ помянникахъ.

1. „Року 1622, апрѣля 10 дня, благочестивый мужъ панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, гетманъ войска его кр. мл. Запорозкого, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звытязствахъ, на ложіи своемъ простеръ новѣ свои, приложися къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣл и милостыни, в Кіеве. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте, на Подолѣ, въ дому братства церковного“.

2. „Родъ преосвященнаго митрополита Петра Могилы, воеводича земли Молдовлахійской, архимандрита печерскаго, іже церковь соборную святой Софіи, подъ унѣятами до чтиридесяти лѣтъ бывшую, тщаніемъ своимъ по благочестію паки отискавъ и падшую зѣло своимъ промысломъ и великимъ иждивеніемъ воздвиже и благолѣпно украси; такожде монастырь Выдубицкій и церковь святого Спаса въ Печерскомъ; многоже о благочестіи потрудивъся и церкви многа полезная оставивъ, во вѣчный животъ приставися въ лѣто отъ Рождества Христова 1647, мѣсяца януаріа 1 дня“.

3. „Родъ Іоанна Матѣевича Борецкаго и жены его Никифоры Ѳедоровны Чеховичевны.—Помяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ: Стефана, Григорія, Ѳеодора“...—и проч. „Дѣвицы Феодоры, дщери Іоанна Борецкаго, яже преставися в лѣто 1615, марта 25, в субботу, маючи недель 19 отъ рождества своего, на четвертокъ день рожденія“.

4. „Родъ пана Богдана Хмѣльницкаго, гетмана войска Запорозского, покрывшаго медю и позлатившаго верхъ церкви святого Архистратига Михаила, року 1655“.

5. „Родъ его милости пана Іоанна Мировича, полковника переясловского, взятого въ неволю шведскую на службѣ его царскаго пресветлаго величества, въ тотъ часъ будучого въ союзѣ съ королев-

Скитъ величествомъ, на поролъ короля шведскаго въ осадѣ Ляховицкой, въ панствѣ Корони Польской, року 1706, мѣсяца мая 1 дня. Которій, запроваженный за море до мѣста Тоттенбурну зо всѣмъ полкомъ и тамъ въ великой нуждѣ многіе скорби терпячи, скончался въ день святыхъ великомученицы Варвары и похороненъ ссть тамъ же подъ зборищемъ лютерскимъ отъ своихъ полчанъ съплениковъ“.

6. „Року 1710. Поупущеніемъ Божиимъ бѣ губительное моровое повѣтріе въ Кіевѣ и въ окрестныхъ городахъ многихъ, по obu сторонъ Днѣпра; многіе до сто тисуць въ градѣ Кіевѣ умроша; такожде и въ всѣхъ обителяхъ мужескихъ и женскихъ многи умроша, едина точію святая обитель Свято-Михайловска-Золоверхая кіевская пребысть цѣла и невреждена, яко ни единому монаху, ниже послушнику въ ней и въ приписной обители пустинской свято-Онуфринской Липницкой умрѣти. Тогожде року бѣ саранча велія и тяжкая зѣло повсюду, но и та въ обители Свято-Михайловской единой точію не бѣ; въ Кіевѣ же верхнемъ и нижнемъ много и долго пребысть. Се же все бысть благодатією Божією, молитвами Пресвятыя Дѣвы Богородици, въ іконѣ Новодворской тамо присутствующей и чудодѣйствующей, заступленіемъ святаго Архистратига Христова Михаила и всѣхъ святыхъ Ангелъ, представительствомъ святыхъ Великомученицы Варвары, нетлѣнно тѣломъ тамъ почивающей“¹⁾.

Если принять во вниманіе, что нѣкоторыя изъ подобныхъ замѣтокъ, встрѣчающихся въ помянникахъ, представляютъ иногда *единственный* источникъ, откуда узнаемъ о томъ или другомъ историческомъ фактѣ,—то нельзя не признать, что мнѣніе о *крайней скудости* этого рода письменныхъ памятниковъ, въ смыслѣ матеріала историческаго, должно быть принято съ извѣстными ограниченіями.

Обращаемся къ издаваемому нами древнему Лаврскому помяннику.

По внѣшнему виду онъ представляетъ довольно объемистую, писанную на толстой бумагѣ и снабженную кожаными (повидимому современнымъ заведенію помянника) переплетомъ книгу in-8; всѣхъ листовъ въ ней (ненумерованныхъ) 266; изъ нихъ почти 8 л. л. занимаетъ преди-

¹⁾ Приведенныя выдержки сдѣланы изъ помянниковъ (XVIII ст.) Кіево-Печерскаго и Кіево-Златоверхо-Михайловскаго.

словіе; 215 л.л. исписаны именами, занесенными для поминовенія; около 44 л.л. остаются чистыми.—Почти половина помянника (первые 126 л.л.) за весьма немногими позднѣйшими вставками именъ) писана очень старательно уставомъ, одною рукою; остальная половина писана разными (многими) лицами, и хотя тоже уставомъ, но съ меньшею тщательностію.

Время, въ которому относится заведеніе рассматриваемаго помянника, довольно опредѣленно указывается въ предисловіи къ нему. Здѣсь говорится, что во время нашествія на Кіевъ „безбожнаго царя Менкирѣя с поганными агоряны“ Кіево-Печерская обитель подверглась опустошенію, при чемъ всѣ святія книги и иконы (а въ томъ числѣ и помянникъ, по отношенію къ нашему древнѣйшій) были сожжены. Монастырская братія частію разбѣжалась, частію отведена была въ плѣнъ. Но „по дняхъ нѣколикихъ“—разсказываетъ составитель предисловія—„мы, изъ ихъ поганьства изшедше, паки начомъ имена писати, ихже помняще, еже исперва написаны быша“. Это возобновленіе помянника относится, по словамъ того же предисловія, ко времени настоятельства въ обители архимандрита *Теодосія Войниловича*: „а сія уставъ“—читаемъ здѣсь—„написахомъ по повеленію господина и отца нашего и пастыря архимандрита печерскаго *Теодосія* (на поляхъ и сверху: *Войниловича*) и еже о Христѣ брати старцевъ“... и проч.—Такъ какъ нашествіе на Кіевъ крымскаго хана Менгли-Гирея случилось осенью 1482 года, а настоятельство *Теодосія Войниловича* въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ продолжалась не далѣе конца 90-хъ годовъ XV стол.,—то этими данными начало (заведеніе) нашего помянника приурочивается приблизительно къ 1483—90 гг.

Когда прекращено было занесеніе въ рассматриваемый помянникъ именъ для поминовенія и онъ замѣненъ былъ новымъ синодикомъ?

Думаемъ, что въ самомъ началѣ второй четверти XVI столѣтія.

Безъ сомнѣнія, преимущественное право на внесеніе въ помянникъ Кіево-Печерскаго монастыря имѣли *настоятели сей обители*. Дѣйствительно, инокъ, которому поручено было *Теодосіемъ Войниловичемъ* возобновленіе Лаврскаго помянника, внесъ въ него, подъ рубрикою: *архимандриты печерскіе*,—всѣхъ (за исключеніемъ только одного Никифора I) кіево-печерскихъ архимандритовъ, начиная съ *Іоанна II*, жившаго въ концѣ XIII столѣтія, и кончая предмѣстникомъ *Теодосія*—

Іоасафомъ. Впослѣдствіи тотъ же инокъ, а затѣмъ и другія лица, имѣвшія въ своемъ вѣдѣніи помянникъ, постепенно вписывали въ него имена умершихъ настоятелей своей обители. Но занесено послѣднихъ въ нашъ помянникъ число очень ограниченное: всего, съ Теодосіемъ Войничовичемъ во главѣ, пять именъ: *Теодосій, Филаретъ, Феодосій, Сильвестръ и Вассіанъ*. Этотъ послѣдній скончался не позже 2-го десятилѣтія XVI в.; а такъ какъ преемниковъ его въ разсматриваемомъ помянникѣ не находимъ, то, очевидно, при одномъ изъ этихъ ближайшихъ преемниковъ, слѣдовательно не позже 3-го десятилѣтія XVI вѣка въ Кіево-печерской обители заведенъ былъ уже новый синодикъ. Это предположеніе оправдывается и внимательнымъ просмотромъ нашего помянника во *всемъ его объемѣ*: даже въ копечныхъ частяхъ рукописи мы *не встрѣчаемъ занесенными* для поминовенія извѣстныхъ историческихъ лицъ, скончавшихся въ 30-хъ годахъ XVI столѣтія, несмотря на то, что родичи (роды) ихъ нашли здѣсь мѣсто.—Для болѣе же опредѣленнаго обозначенія времени, когда нашъ помянникъ замѣненъ былъ другимъ, могутъ служить слѣдующія, находящіяся почти въ самомъ концѣ его, замѣтки: 1) *какъ архимандритъ Антоній приехалъ* (стр. 84), и 2) *Никонъ полату (взялъ) на сошествіе Св. Духа 24 мая*. Извѣстно, что Антоній два раза вступалъ на Кіево-печерскую архимандрію,—причемъ первое его вступленіе относится къ 1524 году, а вторичное къ 1526-му. Въ первой половинѣ XVI стол. праздниъ Сожествія Св. Духа случался 24 мая всего *три раза*,—именно въ годахъ—1511, 1526 и 1541. Въ виду всѣхъ вышеуказанныхъ данныхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ приведенной замѣткѣ рѣчь идетъ о днѣ Св. Духа во второмъ изъ поименованныхъ годовъ, т. е. въ 1526-мъ.

Такимъ образомъ, разсматриваемый нами помянникъ по времени его составленія относится приблизительно къ 1483—1526 гг. ¹⁾.

¹⁾ Что самое начало второй четверти XVI столѣтія было временемъ замѣны нашего помянника новымъ,—это вполне подтверждаетъ и сохранившійся въ Лаврѣ синодикъ XVI в., непосредственно заведенный послѣ разсматриваемаго нами. Здѣсь занесеніе новыхъ именъ начинается съ начала второй половины означеннаго столѣтія, — какъ, наприм., это можно видѣть изъ слѣдующихъ замѣтокъ: а) *почалъ октябръ 20, индикта 1*; б) *На в Кіевъ приехалъ, отца Константина хоронилъ, 7039 (1630 г.) сен. 24*. Такъ какъ первая замѣтка помѣщена раяѣ второй (впередъ на 6 лисговъ), а первый индиктъ (въ октябрѣ) въ первой половинѣ XVI столѣтія падаетъ на годы 1512, 1527 и 1542,—то очевидно, что означенная замѣтка относится къ 1527 году.

Первое, что бросается въ глаза даже при поверхностномъ разсмотрѣніи издаваемаго памятника, — это громадное количество занесенныхъ въ него для поминовенія именъ и при томъ въ большинствѣ случаевъ принадлежавшихъ къ знатымъ княжескимъ и дворянскимъ фамиліямъ. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ громаднымъ религіозно-правственнымъ значеніемъ, которымъ искони пользовалась въ средѣ русскаго народа Кіево-печерская обитель. Слава о ней гремѣла по всей Россіи и привлекала сюда множество богомольцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Послѣ смерти быть похороненнымъ въ святой обители составляло завѣтное желаніе многихъ, и лица состоятельныя, иногда не взирая на свою отдаленность отъ Кіева, имѣли въ лаврѣ собственные (фамильные) склепы. Разумѣется, большинство умершихъ лицъ, принадлежавшихъ къ этимъ фамиліямъ, заносилось въ лаврскіе синодики. Но если далеко не для всѣхъ, желавшихъ успокоить свое бренное тѣло въ нѣдрахъ св. обители, это могло быть дѣломъ исполнимымъ, — то лаврскіе помянники, для включенія въ нихъ съ цѣлію поминовенія именъ, *всѣмъ* радушно были открываемы, и естественно, что они наполнялись быстрѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ.

Сказанное приводитъ насъ и къ другому замѣчанію, — именно, что тѣми большими матеріальными средствами, какими, несмотря на довольно частыя опустошенія, Кіево-Печерская лавра располагала къ концу XVI стол., она въ значительной степени обязана была своимъ синодикамъ. Каждый, заносившій въ нихъ своихъ родичей для поминовенія, памятовалъ, что „служи жертвеннику, отъ жертвенника пѣтается“, и потому вносилъ посильную жертву „жрецамъ“. Эти добротныя даянія, начиная отъ малыхъ лептъ, достигали иногда и очень крупныхъ вкладовъ, — вкладовъ цѣлыми помѣстьями. Объ этихъ жертвахъ (малыхъ и великихъ) находятя иногда указанія въ самыхъ помянникахъ. Такъ въ издаваемомъ помянникѣ читаемъ: *„Пани Елена Кичкирева уписала въ домъ Пречистой выслугу пана своего селмице Брылевщину Новоселки, въ Житомирскомъ повѣте, а за то уписала пана своего, и себе, и родъ свой, 6 душъ (см. стр. 42); сіи души старица Оленинаа вписала за имѣнье Коилово (стр. 87); С Путивля сотникова жена Хотъньского Немша вписала родъ свой, 11 душъ, а за тыи души имать давати з году на годъ по кади меду (стр. 39); С Путивля, с Лопатина, вписалъ Яковъ Климовичъ отца и*

матеръ свою, а за ты души имаеть давати з юду на годъ по кади меду (ibid); *Родъ игумена Троицкого Симеона, а описанъ за уставъ за харатійный* (стр. 68); *Сихъ пять душъ за ручницу вписалъ* (стр. 72), ¹⁾ и т. д. И хотя подобныя указанія въ помянникахъ сравнительно рѣдки, это отнюдь не доказываетъ, что остальные имена въ нихъ внесены безъ добротныхъ даяній. Во-первыхъ, послѣднее лицомъ, ведущимъ помянникъ, само собой подразумѣвалось (слѣдовательно, на замѣтки относительно сего должно смотрѣть, какъ на случаи исключительныя); а во-вторыхъ, касательно крупныхъ пожертвованій за поминовеніе составлялись особые акты, имѣвшіе юридическое значеніе и естественно не находившіе для себя мѣста въ помянникахъ. Что такіе акты дѣйствительно существовали, объ этомъ свѣдѣнія сохранились частію уже въ обнародованныхъ документахъ, а частію находящихся еще въ рукописяхъ. Для примѣра укажемъ „на листъ пани Григорьевое Обуховны (1508 г.), которымъ записуетъ на монастырь Печерскій у Вигочеве три озера по души пана своего Григорія Обуховича: одно на имя Поповское, а другое Сосновское, а третіе Галичское“ (*Археол. сборникъ докум., относящихся къ Северо-Зап. Руси, т. II.*). Подобные акты составлялись даже по поводу сравнительно незначительныхъ пожертвованій. Мы имѣемъ подъ руками еще неизвѣстный въ печати листъ на копу грошей, данный Печерскому монастырю,—какъ значится въ заглавіи,—при архимандритѣ Θεодосіи (1498 г., ноябра 21). „Я Семень Сколковъ—читаемъ здѣсь,—по повеленію господина отца моего, вписалъ есми въ домъ Пречистой Богоматери Печерскому монастырю родители наши: Иоанна, Артемія, Анну, Ефрема, Селивестра, Александра, Бориса, Θεодосію, Евпраксію, Иоанна; а записалъ есми на своемъ имѣніи въ домъ Пречистой; въ годъ же копу гроши взять въ Моисиповичахъ, а въ Лѣсникахъ, при моемъ животѣ и послѣ моего живота, кто иметь тыи имѣнія держати, а съ тыхъ имѣній маеть тую копу гроши давати на Воведеніе Святыя Богородицы; а хто сію грамоту мою порушитъ родителей моихъ,

¹⁾ Какъ матеріально разнообразны были мелкія жертвы за поминовеніе, это особенно видно изъ упомянутого нами Лаврскаго синодика XVI стол. Здѣсь относительно пожертвованій встрѣчаемъ такія, напр., замѣтки: *сми четыре души за 4 сермяги; сми две души за котель; за 60 локоть полотна; за масло; уписалъ семь душъ, за то далъ две мисе цинковыя, а ложку серебряную; уписаны за скатерть и полотно; за коня; сми двѣ души за сукно сермяжное; за шубы 6 душъ; за Евангеліе; за Студитъ книгу 4 души и т. д.*

кто или павъ, иншіи хто, тому судить Богъ и Святая Богородица во второе и страшное Христово пришествіе“ и т. д. ¹⁾—(Родъ Семена Сколкова помѣщенъ въ нашемъ изданіи на стр. 24. Слѣдуетъ отмѣтить, что имена здѣсь расположены въ томъ же порядкѣ, какъ видимъ ихъ и въ помѣщенномъ извлеченіи изъ документа) ²⁾.

Относительно именъ, занесенныхъ въ нашъ помянникъ, должно замѣтить слѣдующее. Тѣ правила, „постерегати“ которыя—какъ мы видѣли—предлагалось „писаревѣ“ Межигорскаго синодика 1625 г.,—въ издаваемомъ нами помянникѣ не всегда строго соблюдались. Имена умершихъ заносились всегда „въ виновномъ падежи“ только первымъ по времени „писаремъ“ нашего помянника; его же преемники по этой обязанности перѣдко это правило нарушали (см. стр. 51, 53, 54 и слѣд.). Затѣмъ не всегда заносились въ помянникъ собственныя имена, какъ онѣ значатся въ святцахъ. Такъ мы встрѣчаемъ между поминаемыми: *Дабижива* (15 стр.), *Жихоря*, *Батуру* (27 стр.), *Ходыку* и т. д. Впрочемъ, подобное занесеніе въ синодикъ нѣкоторыхъ (немногихъ) лицъ по фамиліямъ объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что христіанскія имена умершихъ для желавшихъ ихъ помянуть оставались неизвѣстными,—на что есть указаніе въ самомъ помянникѣ. Такъ, включивъ въ него *Жихоря* и *Батуру*, писецъ дѣлаетъ на поляхъ такое замѣчаніе: *Батура не вѣдаютъ имъ именъ, а коліся до вѣдаютъ, тогда ихъ упишутъ* (27 стр.). Довольно много именъ искаженныхъ произношеніемъ, напр: *Иосихъ* (44), *Есифъ* (47)—вмѣсто *Иосифъ*; *Трухонъ* (46 и др.)—вмѣсто *Трифонъ*; *Онѣцифоръ* (49 и др.)—вмѣсто *Онисифоръ*, и т. д.—нашли себѣ мѣсто въ помянникѣ, надо полагать, потому, что съ такимъ говоромъ они передавались писцу (можетъ быть, на письменныхъ замѣткахъ). То же должно сказать и относительно именъ ласкательныхъ (напр. *Оносія*, *Ганя*), и вообще „змыштрыченыхъ“ (*Евлашка*).

¹⁾ Рукоп. Лаврской библіот., содержащая копіи древнихъ документовъ.

²⁾ Безъ сомнѣнія, родъ Семена Сколкова, занесенный въ помянникъ, ограничивается здѣсь только тѣми именами, какія значатся въ его „листѣ“; между тѣмъ подъ рубрикою этого рода, кромѣ означенныхъ именъ, помѣщено множество и другихъ,—обстоятельство, považивающее, съ какою осторожностію должно относиться къ размѣрамъ родовыхъ рубрикъ помянниковъ.

Что касается до *историческихъ данныхъ*, имѣющихъ характеръ новизны, то въ этомъ отношеніи издаваемый нами помяникъ скуднѣе нѣкоторыхъ однородныхъ съ нимъ памятниковъ позднѣйшаго времени (XVII стол.); такъ какъ въ немъ *оставочныхъ замѣчаній* гораздо менѣе, чѣмъ въ послѣднихъ. Но кое-что небольшое можетъ дать нашъ помяникъ и въ указанномъ отношеніи. Не поставляя свою задачу штудировать съ этою цѣлію весь издаваемый помяникъ, мы отмѣтимъ нѣкоторыя данныя, непосредственно нами замѣченныя.

а) Въ ряду именъ митрополитовъ вслѣдъ за Герасимомъ было первымъ писцемъ написано: *Исидора*; но затѣмъ имя это было выскоблено (читается, впрочемъ, свободно) и замѣнено именемъ — *Алексыя*. Далѣе между именами великихъ князей было первымъ писцемъ написано: *князя великаго Витовта, нареченнаго въ святомъ крещеніи Александра*, — что впоследствии тоже было выскоблено. Занесеніе въ концѣ XV столѣтія въ Кіево-Печерскій помяникъ вышеозначенныхъ лицъ, въ особенности же митрополита Исидора, какъ извѣстно, измѣнившаго православію, принявшаго на Флорентинскомъ соборѣ унію и пытавшагося ввести ее въ Россіи (я первѣе всѣго юго-западной), — фактъ далеко не безынтересный для изслѣдователя и не можетъ быть обойденъ при разсмотрѣніи вопросовъ — о попыткѣ ввести въ XV стол. унію въ юго-западной Россіи, объ отношеніи къ этой попыткѣ южно-русскаго духовенства, въ особенности при рѣшеніи доселѣ спорнаго вопроса о пресловутой грамотѣ кіевскаго митрополита Мисаила къ папѣ Сиксту IV (1476 г.). Что касается до уничтоженія въ помяникѣ вышеозначенныхъ именъ *Исидора* и *Витовта*, — то оно, по всей вѣроятности, случилось въ концѣ XVI стол., когда религиозный вопросъ, вслѣдствіе латино-уніатской пропаганды, принялъ жгучій характеръ, и ревнители православія въ историческимъ фактамъ прошлаго стали относиться сознательнѣе.

б) Отдѣлъ о Кіево-печерскихъ архимандритахъ въ помяникѣ, какъ мы видѣли, заканчиваютъ слѣдующія пять именъ: *Теодосій, Филаретъ, Теодосій, Сильвестръ* и *Вассіанъ*. Первый Теодосій извѣстенъ: это *Теодосій Войниловичъ*, при которомъ заведенъ былъ нашъ помяникъ. Извѣстны также и *Филаретъ, Сильвестръ, Вассіанъ*. Но *Теодосій II*, отличаемый въ помяникѣ отъ Войниловича и поставляемый здѣсь между Филаретомъ и Сильвестромъ, во всѣхъ перечняхъ Кіево-

печерскихъ архимандритовъ опускается. Такимъ образомъ, нашъ помяникъ сообщаетъ имя новаго, до послѣдняго времени неизвѣстнаго, Кіево-печерскаго архимандрита съ приблизительнымъ обозначеніемъ времени, куда онъ долженъ быть относимъ (къ нач. XVI стол.), и это указаніе помяника безспорно имѣетъ значеніе *современнаго историческаго свидѣтельства*.

в) Въ помяникѣ (см. стр. 43) помѣщенъ „родъ пана Романа Елизаровича, *воеводы кіевскаго*“. Въ перечнѣ правителей города Кіева мы въ числѣ кіевскихъ воеводъ не встрѣчаемъ *Елизаровича*. Помяникъ такимъ образомъ восполняетъ означенный перечень (Р. Елизаровичъ долженъ быть поставленъ непосредственно за княземъ Дмитріемъ Путятичемъ, конца XVI в.).

Можно встрѣтить въ издаваемомъ помяникѣ упоминанія и о другихъ лицахъ, занимавшихъ болѣе или менѣе важные посты и доселѣ неизвѣстныхъ по другимъ источникамъ (напр. о туровскомъ и пинскомъ епископѣ Давидѣ, конца XVI в.; о кіево-выдубицкомъ игуменѣ Евстафіи, нач. XVI в., и друг.). Есть упоминанія о дворянскихъ фамиліяхъ, извѣстій о которыхъ въ другихъ памятникахъ не находится, и т. п.

Впрочемъ, изданіе настоящаго помяника, повторяемъ, обусловливалось значеніемъ его не историческимъ, но филологическимъ.

С. Толубевъ.

ПОЖИНАНІЄ.

Престыѣ влѣца нашеѣ вѣѣ и прѣшдѣ мрїѣ. и прѣпѣны
и вѣшносны ѡцѣ нашѣ пѣрьскы, ѡнтонїа и ѡешѡсіа и
всѣ стѣхъ печерьскы.

Сїа книга спсїтелна и дше полезна єсть. внеже напїсоуютсѣ. хотѣ-
щен дшамъ своимъ спїїа и помощи. въ страшныи и великїи днѣ. гроз-
наго и трепетнаго хѣа соуда. и сими книгами. ѡзбавитсѣ ѡ вѣчныѣ мѡуки.
и причатисѣ. въ лїкѣ стѣи и правѣны. оугодившї хѣи и потроудившїхсѣ
вѣга ради и пострадавшї цѣва ра^а нѣнаго и своего ра^а спїїа. єгоже ра^а вз-
спрїаша. вѣнца нетлѣнныѣ. и цѣтѣоу нѣншмоу наслѣдници выша єгоже гѣ
вѣе нашѣ. молитвами прѣтымъ влѣца нашеѣ вѣѣ. и прѣпѣны и вѣносны ѡцѣ
нашѣ ѡнтонїа, и ѡешѡсіа, и всѣ стѣи печерьскы. и на спо^авн наслѣдникѡмъ
быти. нѣнаго житїа. видѣти и наслѣ^асѣ, неизреченнаго и неспѡвѣ^амаго тво-
его свѣта, и ра^асти неизгланныѣ, и пища нѣныѣ. ѡ хѣѣ їсѣѣ гѣ нашѣ.

Мы же потщѡхѡмсѣ нардїти поминникѣ сѣ прѣтымъ вѣѣ и прѣпѣны
и вѣносны ѡцѣ нашѣ ѡнтонїа и ѡешѡсіа печерьскы. и начахѡмъ вписовати
їмена в сїю книгоу. прѣсїѣнныѣ ѡрхїєпѣпѣ. и вѣговѣрныѣ великыѣ кнїзєи, и
вѣгочестївыѣ кнїгнѣ, и честнѣншїѣ сїѣншїинокѡвѣ, и вѣговѣнныѣ инокѡвѣ, и
всѣ православныѣ хрїтіанѣ. которїи же преже сєго оуписовалисѣ оу прѣвыи по-
минникѣ, ѡзвѣстнѡ вѣдѡще штѡ прѣвыи оуписѣ ѡзгорѣлѣ *). пѣненїемъ

*) На поляхъ красными чернилами, но другою рукою: влѣ. хѣ. ѡ: ѡ: Далѣе слѣдуютъ позднѣйшая приписка: ѡ Рѡ. Хѣва хѣтѣѡ.

киевскыи безбожнаго црѣл. менкирѣа и сз погаными агармны. тогда и сѣк вѣтвеню цркви шпѣстиша, и всѣ стѣм книги, и иконы пожгоша. мѣ по днѣхъ нѣколикы, и з нхъ поганьства. и зшѣше. и пакы начахѣ имена писати. и хже помнѣше, еже и сперва написаны быша.

Мы же послѣдоюще прѣнемѣ оуставоу, іакоже и преже было въ сем стѣи нѣси по^овнои цркви. преданое на ча^омъ нхъ. стѣ тѣ и бѣгосныи шѣ того ра^м потщахомъ списати сѣ поминаніе. аще и гроуби соуще но по неже колико постнхомъ толико и написахомъ. на оутѣшеніе православныи хрѣтіанѣ. и на помощь блговѣрнымъ дшамъ и на възпоминаніе еже въ страшныи днѣ. грознаго шного, и трепетнаго втораго хѣа прішества, егже помнѣюще вси благочестивіи бѣчетци, и страннипримци страшныи и грыдыи, ш, днѣ, требующе помощи, и пріюмлюще грѣхомъ прощеніе. сз истинныи исповѣданіемъ. и написающе имена своѣ, въ книги сѣа. и подающе нѣкѣю часть ш и мѣнен свой въ дѣ вѣла мѣре. и стѣ шѣ антоніа. и ѳеодосіа. и хже мѣтвами на^оемея. пріати и мѣ и на прощеніе грѣхѣ. и и збавитисѣ ш страшныи моченін, и полуучити цртво нѣное. и полуучити жизнь вѣчнѣю. мѣтвами, прѣтыа бѣл, и прѣбныи и бѣгосныи шѣ нашѣ печерьскыи антоніа, и ѳеодосіа, и всѣ стѣхъ, аминь:.

А сѣи оуставъ написахѣ по повелѣнію, гна і шѣа нашего и пастыря, архимандрита печерьскаго, кѣ. ѳеодосіа *, и еже ш хѣ вѣа и старцевъ печерьскаго монастыря. вписовати, монастырьскѣю братію всѣкого. иже преставитсѣ въ Обители.

І аще кто сѣи оуставъ разроуши. или танио кто кого впишетъ, ш тѣ хошетъ таковыи шѣвѣтз дати бѣгу:-

Вѣдомо же даѣ, како сѣ четъ шѣщее поминаніе. всеѣа наконецъ оутрени. и наконецъ. вѣрни. и схоженіе бываѣ въ прѣтворъ оусопшы.

Починаѣтжесѣ вѣелю вечеръ даже до сѣботнои заоутрени. навѣрни ж в сѣботѣ не бываѣтъ. ни вѣелю оутре. ни на гѣьскыа празнѣнкы. ни на великы стѣ, и мже всеноцнаѣ бывають. и когда постнаѣ литоргіа. ш цвѣтоносіа до ѳомины нѣли. не творѣтъ и схоженіа.

---

*) На верху (въ текстѣ) и на поляхъ приписано красными чернилами и другою рукою: вонилонича.

Йже творитсѧ. йсхоженіе. сице да бываеѧ. по шпоустѧ оутрени. или вѣрни. іерен недѣлникъ. патрахилю сѣщюу на немъ. взимаеѧ кадильницюу. и покладаеѧ тиміанъ. и градеѧ въ притворъ. а пономарь, прѣградеѧ съ свѣщникѡ. а коноархъ съ стихѣрою. стго егоже еѧ храмъ.

Йже соѡ на малѣи вечерни и на гѣ възвѣ. и на литѣи. гдѣ и пѣли вѣдѣ стѣры стго еже еѧ хрѣ или празничны и вси свѣзкоупити взмѣсто, глѣтжесѧ, по єдиномѣ стихюу прѣменѣ. и поставлѣемѣ столѣ посредеѣ притвора, и на нѣ коутіа, и канѡ и прѣ нѣ свѣщнѣи. съ свѣщю горѣщюю і глѣт сѣщнѣи. Помилѡи нѣ бже, по велнѣи мѣти твоєи, молимитсѧ оѡслыши и помилѡи, вше молимсѧ. ш покон, и тишины и блженныа памяти, и о шс-тавленіи грѣховѣ. прѣпоминаемѣ сзѣтелен швитѣли сѣл, и всѣ прѣже почившыѡ шѣ и брати нашѣ, иже зѣ лежѣи, и повсюдоу православнѣи.

вѣ а а, гѣ помилѡи. не престаннш.

Щѣнникъ иже чѣтеѧ, таино: въ сорокоустиѡ листюу написанѣ. тѣ прочитаеѧ листа два, ли гѣ. по рѣдѣ всѣ тѣ. възгласѣ.

о проститисѧ имъ всѣкомѣ свгрѣшенію, възномѣ и невзномѡу.

вѣ а а, гѣ помилѡи. гѣ.

Йко да гѣ оѡчинити дхѣ ихѣ. ижеже вси стѣи и праведнѣи почивають.

Млѣть вѣіа и цѣтво небесное и просишѣ сами себе, дроѡ дроѡгоу весь животъ нѣ хѡу вѣлѣ предади.

Йко ты еси възкрѣніе и живѡ оѡсопшыѡ рабѡ твоимъ хѣ вѣе нашѣ и тобѣ славоу възсылаемъ съ безначальнѣи ти шѣмѣ, и всесѣмѣи и блгѣи и животворѣшим ти дхѡм нѣмѣ и присно и въ вѣкы вѣкѡм слава тобѣ вѣе нашѣ оѡпованіе наше слава тобѣ. вѣа, сѣа. і нѣмѣ іерѣи. і поѡ.

Хѣ истинныи вѣе нашѣ млѣтвами, прочѣта его мѣре и всѣ стѣи дшѣ рабѣ свой всѣ прѣже почившыѡ шѣ и брати нашѣ, зде лежѣи и повсюдоу православнѣи, въ нѣдрѣ, авраѣма, и ісаѣка іакова вселити, и нѣ помилуѡуть, іако блгѣи и члѣшлюбець. и вѣа. рекоѡ вѣчнаа, имѣ память.

Поуди же и ш сѣ вѣдомо въ всѣкѣи пѣтѡ. вѣ панахѣда бываеѧ, съ непорочныи йссполнѣ. і сзѣрѣ. стѣи ликъ шѣрѣте йсто, развѣ токмо гдѣскѣи празнѣикъ и стѣи пасхѣи. і аще ктѡ без лѣности съ тѣпаніемѣ поминаеѧ написанѣи въ книзѣ сѣн. и самъ помановенъ боудеѧ прѣ вѣмѣ въ цѣтѣи нѣнѣмъ. Поминающе вѣтѣное писаніе. въ нюже мѣроу мѣрѣте възмѣритсѧ вѣ. кто что сѣтеѧ, то и пожнеѧ *).

*) Въ подлинникѣ пробѣлъ на 1½ страницы.

ПОМІНАНІЄ Й МОЛБА КЪ БГҀХ

й прѣтѣй вѣи, й прѣвнѣй ѡцѣмъ ѡнтонію, й ѡсѡсїю, й всѣ сѣымъ. Ѡ правъславнѣхъ христіанѣхъ Ѡ патріарсѣхъ. й црѣѣ ѡ архієпѣпѣхъ, й ѡ єпѣпѣхъ Ѡ кнѣзѣхъ, й ѡ вѣзѣхъ й й Ѡ всѣхъ кон дшн христіанскон.

ПОМІНИ ГИ ДША ОУСОПШЫ РАБЪ СВОЙ.

й же зѣ лежащнй й повсюдоу правъславнѣхъ. ѡнтоніа. ѡсѡсїа. никона. стефана. ѡсѡра. василіа. николю. ѡнисфора. йсакіа. марка. аѡса *).

Поміни ги вселенскѣхъ патріархн. патріарха. нила. патріарха. ѡотіа. патріарха. іѡ.

Поміни ги, сѣѣйшнй митрополїй. петра. пимина. ѡсѡгнѡста. миханїла. диѡннсіа. кѡпріана. ѡотіа. герасима. (ѡлѣсимъ). **). іѡноу. григорїа. галахтїѡна. смѡшна. іѡноу. макаріа. ***).

Архиманѣнты печерьскыи. іѡанна. ѡзарїю. варсонѡїа. давыда. ѡвраїма. никнѡфора. йгнатїа. николю. макаріа. іѡ. іѡсаѡфа. ѡсѡсїа. ѡиларета. ѡсѡсїа. селнѡвѡстра. васїана. ****).

*) Это имя вписано позднѣе.—Далѣе въ подлинникѣ пробѣлъ почти на страницу.

**) Это имя вписано позднѣе. Прежде было написано (но соскоблено; читается, впрочемъ, легко): нсндора.

***) Въ подлинникѣ пробѣлъ болѣе чѣмъ на 2 страницы.

****) Послѣдвіа три имени приписаны позднѣе, другою рукою и иными чернилами.—Далѣе пробѣлъ на 2 1/2 страницы.

Мисаіла. сумешна. антоніа. андроніка. матѣѣа. ѿанасіа. дороѣа. ѣмеліана.
 ѣвѣмліа. геронтіа. неѡѣнта. никона. касіана. йвоноу. антоніа. ѣеш^осіа. анто-
 ніа. ѣулініѣеріа. йвонѣ. никона. деѡнісіа. ѣлінарха. никітоу. іѡнѣ. ѣѣрѣма.
 леѡнтіа. лѣкоу. йзосіма. никітоу. сумешна. ѿгава. касіана. стеѣана. гер-
 мана. купріана. селівана. сумешна. мисаіла. серѣѣа. йвоноу. генадіа. каліста.
 герасіма. ѣеш^огноста. йгнатіа. харлампеа. васіліа. касіана. никіѣора. йвоноу.
 ѣомѣ. ѣирса. Ѣнісіма. михаіла. лоукъана. ларіѡна. никіѣора. антоніа.
 лавра. ѿрста. йгнатіа. йгнатіа. павла. логвіна. никіѣора. васіана. варсо-
 ноѣіа. ѿверкіа. васіана. митроѣана. сісоа. герасіма. ѣеш^ора. ісаію. павліна.
 мисаіла. ѣілоѣа. германа. герасіма. пантелѣа. михаіла. никона. логына.
 глѣѣа. боріса. андреа. йлью. ѣеш^ора. кѣзмѣ. кліментіа. кѣрила. конана.
 лоукоу. романа. тыхона. іѡноу. серапіѡна. ѿркадіа. іѡсаѣа. герасіма. тыхона.
 герасіма. йгнатіа. ѿлѣзанѣа. йзмаіла. леѡнтіа. ѣеш^офіла. тимоѣа. іѡноу.
 левоніда. митроѣана. матѣа. ѿрсеніа. ѣвменіа. іѡноу. варсоноѣіа. іѡноу.
 никіѣора. йгнатіа. нیکолоу. іѡѣ. йгнатіа. антоніа. ѣвсевіа. мисаіла. анріана.
 микілоу. сідора. рѡѡѡна. ѣвстаѣіа. марка. антоніа. захарію. ІѢноу. йсаію.
 галасѣа. ѣеш^осію. савѣ. ѣвѣстратіа. ѿрсеніа. іѡсіѣа. антоніа. лаврентеа. ма-
 каріа. макаріа. скіміка іосіѣа. ѣвѣмліа. васыана. малоѣа. антоніа. гена-
 діа. ѣераѣонта. васіліа. іѣѣа. михаіла. іѡсіѣа. ѿвраміа. полікарпа. мелен-
 тіа. нектаріа. германа. мисаіла. германа. грігоріа. ѡмельѣана. никітоу. іѡноу.
 възкола. йгнатіа. данліа. сідора. сумешна. паѣнотіа. ѣвѣмліа. селіверста.
 кѣрила. парѣеніа. матѣѣа. іѡакіма. іѡріа. ѣеш^одосіа. йѡноу. васыана. ісаію.
 варсонѡѣен. йгнатіа. іѡріа. герасіма. галасѣа. герасіма. йгнатіа. іѡноу. ѿв-
 раміа. ѣвпразію. матреноу. ѣвпразію. ѣеш^ороу. ѡнанію. стеѣана. іѡноу. іѡ-
 ноу. никітоу. саватіа. ѿрсеніа. ѣотѣа. сергеа. макаріа. селівана. мисаіла.
 іѣѣа. ѿѣанасіа. дѣѣа. дементіа. селіверста. ѣеш^огноста. йгнатіа. левоніда. ле-
 воніда. герасіма. герасіма. захарію. захарію. грігоріа. матѣа. ѿрсеніа.
 тарасіа. ѣеш^осіа. селівана. ѣѣрѣма. Ѣноѣреа. іѡноу. германа. іѡакіма. де-
 ментіа. сімона. никона. матѣѣа. мазіма. мазіма. романа. козѡу. павла.
 ісаію. ѣеш^ороу. іѡсаѣа. іѡноу. никітоу. лаврентеа. мисаіла. ѣеш^октіста.
 Ѣноѣреа. деѡнісіа. митроѣана. пелагію. вѣѣана. ѿлѣѣа. ѣеш^осіа. мисаіла.
 ѣеш^осіа. іѣѣа. германа. лаврентеа. герасіма. Ѣноѣреа. ѣеш^ора. дементіа. ва-
 снана. ісакіа. Ѣкоулоу. герасіма. паісіа. оўляноу. васіана. рѡѡѡна. ѣеш^осію.
 сімона. оўліаноу. йгнатіа. тимоѣа. поладію. мѣію. ѣѣрѣма. матѣѣа. савѣ.
 йгнатіа. хрстіноу. михаіла. іѡноу. тімона. андрѣа. варсоноѣа. мисаіла.

Ѡеѡ^осія. трѹфона. Ѡиларета. Ѡвѡстратіа. Ѡвсевіа. варсоноѠіа. Ѡфрѡма. василіа. григоріа. іѡ. мрїю. петра. логвина. антоніа. іѡакима. купріана. савоу. ака тіа. настасіа. арсеніа. герасима. нектаріа. іѡнѡ. анрѡана. анрѡа. пафнотіа. Ѡфрѡма. авраміа. іѡ. за^арїю. іакова. Ѡвдшкію. василіа. димитріа. Ѡнисима. Ѡетинію. іакшва. анфиногена. іѡ. василіа. григоріа. Ѡмеліана. стѠфана. мрїю. оуліанѡ. іакова. іѡноу. настасію. сопрона. Ѡеѡ^ороу. ѡлѠѡва. василіа. ѡгроѠиноу. іѡ. ілію. миѡанла. клима. іѡ. матреню. Ѡеѡ^осію. матренѡ. ѡзнію. Ѡеѡ^осію. Ѡвлѡпим. дамїана. меланію. зиновіа. оуліаню. Ѡвстафіа. іѡ. оуліаню. Ѡевронію. григоріа. павла. арѠѡ. аквліноу. фотіа. алѠзанрѡ. Ѡвѡ. софрона. Ѡеѡ^орѡ. мкова. *)).

Ѡетинію. патрикїа. алѠандра. никитоу. анноу. агафію. полоуекта. Ѡеѡ^ора.

Рѡ. чапликирдїевї. миѡанла. лазарѡ. Ѡеѡ^осію. тимоѠеѡ. петра. Ѡеѡ^орѡ. николю. глѡва. мрїю. матѡѡа. Ѡетинію. мрїю. іѡ. іѡ. никифора. кнѡ патрикїа. кнѡ мрїю. кнѡ андрѡа. кнѡ анноу. никона. мѠфодїа. миѡанла. ѡво^отію. іакова.

Рѡ. кнѡ миѡанла івановї деревенскыи. кнѡ димитріа. кнѡ іѡ. арсенїа. лва. антонидѡ. домноу. агапію. глѡва. тимоѠеѡ. іѡ. мрїю. оулианѡ. данила іѡ. Ѡвѡмїю. настасію. Ѡеѡ^ора. Ѡеѡ^орѡ. макаріа. нифонта. настасію. григорїа. ірїнѡ. василїа. мрїю. миѡанла. Ѡленю. Ѡеѡ^ора. іѡ. анисима. ѡгрофиноу. степана. дарїю. никифора. Ѡеѡ^ора мрїю. христофора. сѡмѡна. настасію. макаріа. димитріа. іѡноу. варварю. мрїю. ѡкѡлю.

По мѡни гї кнѡи нашї великї. кнѡ великаго владимѡра, наречѡннаго вз стѡ крїпїн, василїа. кнѡ великаго ѡлгѡрда, наречѡннаго вз стѡ крїпїн, димитріа **). кнѡ великаго сѡмѡна. великаго кнѡ, данила. великаго кнѡ. іѡ. великаго кнѡ. димитріа. великаго кнѡ. василїа. великаго кнѡ. василїа. великаго, кнѡ. сѡмѡна. великаго, кнѡ. Ѡеѡ^ора. великаго, кнѡ. іѡ. великаго, кнѡ. сѡмѡна. великаго, кнѡ. алѠандра. великаго, кнѡ димитріа. великаго кнѡ. скирганла, наречѡннаго вз стѡ крїпїн іѡ. великаго, кнѡ. владимѡра, кнѡвскаго и сѡа Ѡго кнѡзѡ. алѠандра. кнѡвскаго, наречѡннаго взїноцѡ.

*) Послѡднее имя вписано позднѡе. Далѡе пробѡлъ на 1 1/2 страницы.

***) Далѡе въ подлиннѡеѡ около 3 строкѡ соскоблено. Было написано: кнѡ великаго витовта, наречѡннаго вз стѡ крїпїн, алѠандра.

моу. сонрона. сѣпрона іѡноу. аѳанасіа. нѣсн^ора. іѡ. тимо^а. взкѣлоу. кнѣ. іѡа. никодима. еѳрѣміа. аніѡ. настасію. аниѣ. нѡнѣ. самонла. миѡанла. касіана. ѳеѡ^ора. шѡдѣа. домнѣ. іѡа. ариста. григоріа. тимо^а. александр. дяшнісіа. іѡ. миѡанла. іѡ. григоріа шнанію. василіа. миѡанла. василіа. нѡуліана. симона. ермолоу. нлію. василіа. конана. миѡанла. миѡанла. мѣсима. ѳеѡ^осію. миѡанла. лоукіана. зинію. ѳеѡ^ора. марію. іѡана. коньстантина. ѳеѡ^ора. оуліанѡ. александрѡу. іакова. шѡдотію. коньстантина. аниѣ. настасію. іюдоу. шгрофинѡ. еѡстафіа. мрїю. григоріа. тита. димитріа. кляментіа. ѳеѡ^осію. захарію. григоріа. іѡ. ѳетинію. настасію. ѳеѡ^ора. софію. григоріа. іакова сѡмешна. екатериноу. мрїю. софроніа. петра. іѡ мариноу. аандрѣа. іѡ. нѣфа дншнісіа. шгрофиноу. миѡанла. аѡвакоума. агафію. іакова моѡсѣа. агрифинѣ. захарію. еѳрѣма іринѣ герасима. дншнісіа. пелагію. харлампіа. ѳеѡ^ора. кнѣ. сѡмешна. кнѣ. шленѣ. кнѣ ѳеѡ^ора. кнѣ. степана. кнѣ. аниѣ. кнѣ ѳеѡ^ора. ѳеѡ^ота. кнѣ димитріа. кнѣ сѡмешна. кнѣ. іѡ. кнѣ димитріа. кнѣ ѳеѡ^ота. кнѣ василіа. кнѣ. іѡ кнѣ оуліанѣ. кнѣ шленѣ. кнѣ настасію. кнѣ шгафію. кнѣ василіа. маремѣанѣ. вокѣла. кнѣ сѡмешна. шленѣ. аніоніа. наталію. николоу. аниѣ. бориса. іѡнѣ. василісѣ. миѡанла. еѳросинію. іѡ. парасковгію. ѳеѡ^ора. марѡж. мрїю. василіа. ѳеѡ^ора. еѡстафіа. аандрѣа. павла. василіа. аѡулинѣ. григоріа. григоріа. григоріа. агапію. александра. ѳеѡ^ора. парасковгію. іакова. матѡіа. іринѣ. іѡа.

Рѡ, пѣ. іѡ. елецъ. оуписѣ свои. іѡ. романа. захаріѡ. игнатіа. василисѣ. ѳеѡ^ора. григоріа. ѳеѡ^орѡ. оуліанѣ. коньстантина. маринѣ. ѳеѡ^ора. аніанію. оуліанѣ. анофреа. іѡ. григоріа. оуліанѣ. григоріа. ѳетинію. агапію. сѡмешна. нестера. аниѣ. павла. данила. іѡ. глѣѡа. татіанѣ. владмера. александрѡ. василіа. іѡ. логина. коузѣ. кирила. ѡленѡ. панфила. іринѡ. іелнсѣа. настасію. юріа. шѡдотію. лешнтіа. миѡанла. іѡ. григоріа. зинію. еѡѡиміа. еѡѡимію. сѡмешна. димитріа. іѡа. мрїю. мартеміана. кнѣ димитріа. кнѣ. аниѣ. кнѣ. миѡанла. кнѣ іѡ. кнѣ ѳеѡ^осію. кнѣ іѡакима. кнѣ макаріа. кнѣ настасію. кнѣ татіанѡ. кнѣ мрїю. кнѣ аниѣ. кнѣ. іѡ. василіа. іѡсифа. іѡ. ѳеѡ^ора. еѡтихіа. бориса. сѡмешна. софію. василіа. іринноу. ѳеѡ^ора. сѡмешна. софію. алекѣа. пелагію. ѳеѡѡѡла. шгрофинѣ. аниѣ. ермоѡѡ. паѡоміа. шгрофиноу наоѡма. ѳетинію. мелентіа. аліѡеріа. ѳеѡ^осію. фофана. аандрѣа. павла. павла. ѳеѡ^орѡ. анісима. аандрѣа. аандрѣа. миѡанла. мартіна. іакова. іѡ. іакова. агафома. александра. дарію. александра. мартиріа.

аґанію. петра. прокопіа. сѹмеѡна. данила. ѳеѡ^{ра}. мартина. дементіа. да-
нила. а́кѹлоу. степана. є́ѵѳимію. максима. іакова. сѹмеѡна. є́ѵѳимію. ти-
моѳеа. настасію. мрїю. софію. костантина. поликарпа. павла а́лезанѢра. сі-
меѡна. сѹмеѡна. марію. мрїю. а́кѡлинѢ. меланію іѡ. парасковгію. ігна-
тіа. никифора. никона. аґанію. харлампіа. аґанію. оуліанѢ. ѡлґѢ. є́лиѵѳеріа.
василіа. а́ноуфрїа. є́лену. ѳеѡ^{ра}сію. іѡ. двѢа. ѡннисима кѹпрїана. пола^{ра}.
є́Ѣросинію. климентіа. перѢоурїа. василіа. василіа. татїанѢ. григорїа. ілію.
матрену. ѳеѡ^{ра}. ѳеѡ^{ра}сію. а́лезанѢра. зинію. іакова. ѳеѡдосію. миѡанла.
а́лезїа. іѡсифа. тимоѳеа. павла. ѳеѡ^{ра}. є́лиѵѳеріа. а́лезїа. миѡанла. гри-
горїа. іѡ. василіа. сѹмеѡна іакова. іѡ. юрїа. а́никса. а́реѢоу. мрїю. васи-
ліа. оуліанѢ. миѡанла. ѡвдотїю. заѡарїю. василіа. ѳеѡ^{ра}сію. а́лезїа. ѳеѡ^{роу}.
варсоноа. ѳеѡ^{ра}рѢ. а́ртеміа. карпа. николю. є́лену. димитрїа. є́леѡзара.
ѳеѡ^{ра}. ѳоמוу. настасію. ѳеѡ^{ра}. іѡ. василіа. є́ленѢ. сѹмеѡна. полѵєкта.
назарїа. ѳеѡ^{ра}. григорїа. ѳеѡ^{ра}. мрїю. а́ндрѢа. є́вдокію. софію. василіа.
ѳеѡ^{ра}. зинію. іѡ. ѳоמוу. димитрїа. ѳетинію. климентіа. є́вдокіма. аґа-
пію. петра. а́ндрѢа. а́ннѢ. є́вгоу. аґапита. є́вдокію. максима. а́лезїа. гав-
рила. є́ѢрѢма. василіа. оуліану. костантина. василїсоу. іѡ. стеѢана. ѳеѡ-
^{ра}. мартина. іѡ. іакова. ѳетинію. ѳетинію. костантина. симеѡна. миѡанла.
а́ннѢ. іоѡстина. заѡарїю. іакоѢ. а́кѹлиноу. филиппа. а́ннѢ. ѳеѡ^{ра}. филимона.
кирила. никифора. василїсоу. тимоѳеа. миѡанла. меѢодїа. є́встаѢїа. сѹмеѡна.
марѢѢ. іѡноу.

А се рѡ саѡастѢа новї, и пѢшковї, и пѢмковї. саѡзу.
кѹпрїана. а́ѡа. маремїанѢ. є́ленѢ. іє́лнѢѢа. василіа ѳеѡ^{ра}сію. коѢ.

Сѹмеѡна. є́иѳимію. ѳеѡ^{ра}. а́нноу. климентіа. мрїю. павла. филиппа.
іринѢ. рѡ^{на}. а́нноу. ѳетинію. матѢѢа. мрїю. а́нанію. іѡ. никитоу. є́Ѣ-
рема. миѡанла. григорїа. николю. а́Ѣонасіа. ѳеѡ^{ра}. варварѢ. ігнатїа. ѡка-
тіа. ѳеѡ^{ра}. миѡанла. іѡ. а́нтонидоу. тимоѳеа. іакова. іѡ. аґанію. ѡвдо-
тїю. ѳеѡ^{ра}рѢ. данила. іѡноу. є́ѵѳимію. сімеѡ. мрїю. іакова. никифора.
василіа. парасковгію. є́ѵѳимію. а́нтонїа. паѡомїа. соѢона. протасїа. ѳеѡ^{ра}тїю.
григорїа. ѳеѡ^{ра}. мрїю. мрїю. мрїю. василіа. миѡанла. миѡанла. миѡанла.
даѡыда. ѡгаѢона. мрїю. ѡгаѢїю. а́нанію. іѡ. іѡ. іѡ. меѢодїа. оуліанѢ.
іакова. матрену. дарїю. сѹмеѡна. климентїа. існ^{ра}. матренѢ. павла. заѡа-
рїю. григорїа. григорїа. настасію. юрїа. матѢѢа. ѡлґѢ. григорїа. ѳеѡ^{ра}рѢ.
симона. василнѢ. григорїа. іакова.

П̄а, василєи, павлови, а́настасіа пани є́го. василіа. настасію.

Р̄ѡ; кн̄ѣ, димитріа, ѡдинцевї. кн̄ѣ іѡ. кн̄ѣ. іѡ. кн̄ѣ а́ндрѣа.
кн̄ѣ є́рмелан̄. кн̄ѣ ѳеѡ^{ра}. кн̄ѣ романа. кн̄ѣ димитріа. кн̄ѣ лаврентіа. кн̄ѣ
іѡсифа. кн̄ѣ василіа. кн̄ѣ Ѡреѡу. кн̄ѣ василісѣ. кн̄ѣ зинію. кн̄ѣ мр̄ію.
кн̄ѣ анноу. ѡвдотію. кн̄ѣ ѳеѡ^{сію}. кн̄ѣнѣ домникѣ. симона. кн̄ѣ, романа.
юріа. кѡ.

Ѳетинію. бориса. ѡленѣ. димитріа. двѣа. ѳеѡ^{рѣ}. савоу. ілію. іакова.
настасію. григоріа. оуліанѣ. а́лєзанѣра. мр̄ію. а́кулиноу. бориса. ѳеѡ^{сію}.
ѳеѡ^{сіа}. іѡ. ѡвдотію. мр̄ію. ѳеѡ^{та}. григоріа. мр̄ію. парасковгію. марка.
а́нноу. іѡноу. є́вдокію. пелагію.

Р̄ѡ п̄а, мишка, павлови. михаила. а́лєзанѣра. іѡ. павла. ѳеѡдоѣ.
іѡ. бориса. іѡ. іѡ. а́ѳонасіа. іѡ. василіа. татианѡу. соломондоу. є́фроси-
нію. ѡленѣ. мр̄ію. сѣмѡна. а́ндрѣа. ѡвдотію. ѡвдотію. слоѡѡ є́го. іакова.
богдана. юріа. іѡ. а́ндрѣа. григоріа. катеринѣ. взкола. галактиѡна. кѡ.

Мр̄ію. карпа. а́никіа. іѡ. а́ннѣ. іѡсифа. а́ндрѣа. григоріа. оуліанѡу.
татианѣ. ѡвдотію. іѡ. є́ѡнмїю. ѳеѡ^{сію}. іѡ. мр̄ію. лампада. ѳевронію.
є́ленѣ. кн̄ѣ димитріа. кн̄ѣ, настасію. кн̄ѣ, романа. кн̄ѣ є́ленѣ. іѡнѣ. кн̄ѣ,
мр̄ію. каленика. григоріа. іринѣ. ѳеѡ^{ра}. гавріила. іѡ. василіа. іакова. ѡли-
зара. ѳеѡ^{ра}. іѡ. василіа. а́гапію. петра. михаила. а́ндрѣа. а́нтоніа. маринѣ.
манѣила. іѡ. ѡгрофноу. паѡміа. кн̄ѣ а́ндрѣа. кн̄ѣ, є́ѡнмїю. герасима.
а́лизара. а́лєзанѣроу. ѳетинію. а́гафію. прокопіа. а́гафію. іѡ. іѡнѣ. глѣба.
а́ннѣ. ѳеѡ^{ра}. є́ѡпразію. матѣѣа. козмоу. козмоу. іакова. ѡгрофноу. ѳе-
ѡ^{ра}. вавѣлоу. ѳетинію.

С̄е р̄ѡ, кн̄ѣ, ѳеѡ^{сіи} боїницкои. кн̄ѣ, корниліа. кн̄ѣ а́ндрѣа.
кн̄ѣ, юріа. кн̄ѣ мавроу. кн̄ѣ, а́ннѣ. кн̄ѣ степана. кн̄ѣ, сѣмѡна. кн̄ѣ, іѡ.
кн̄ѣ. а́лєзанѣра. кн̄ѣ, іѡ. кн̄ѣ, сѣмѡна. кн̄ѣ, димитріа. кн̄ѣ, є́ѡстафіа. кн̄ѣ,
григоріа. кн̄ѣ, а́ндрѣа. кн̄ѣ, іѡѣ. кн̄ѣ, харитона. кн̄ѣ, василіа. кн̄ѣ, миха-
ила. кн̄ѣ. а́ндрѣа. кн̄ѣ, михаила. кн̄ѣ, василіа. кн̄ѣ іѡ. кн̄ѣ, а́ннѣ. кн̄ѣ,
татианѣ. кн̄ѣ, настасію. кн̄ѣ, мр̄ію. кн̄ѣ, іриноу. кн̄ѣ, ѡгрипиноу. кн̄ѣ,
оуліанѣ. кн̄ѣ, іѡ. кн̄ѣ, ѳеѡ^{ра}. кн̄ѣ, михаила. кн̄ѣ іѡ. кн̄ѣ, іѡ. кн̄ѣ,
татианѣ. ѡвдотію. кѡ.

Р̄ѡ кн̄ѣ, василіа ѡстроѣкѡ. кн̄ѣ, данила. кн̄ѣ, ѳеѡ^{ра}. кн̄ѣ,
а́лєзанѣра. кн̄ѣ, іѡ. кн̄ѣ, а́лєѣа. кн̄ѣ, а́ндрѣа. кн̄ѣ. іѡ. кн̄ѣ, сѣмѡна. кн̄ѣ,

ІѠ. кнѣ, александра. кнѣ, іѠ. кнѣ, анноу. кнѣ василісѣ. въ иноческомъ чинѣ. кнѣ, агафію. кнѣ ѳеѡдорѣ. іѠ. сѣмѣѡна. анноу. іѠ. гервасіа. азарію.

Полтевѣ рѠ. павла. мрїю. ѡгрофинѣ. іѠ. ѳеклоу. ѳеѡсіа. іѠ. стефана. ѳетинію. сѣмона. пелагію. миѡанла. іѠ. іриноу. ѣвгенію. леѡнтіа. димитріа. козмоу. павла. никитоу. василіа. григоріа. ѳеѡсію. никитоу. сергіа. ілію. григоріа. ѣфросинію. кѠ.

А се рѠ. кнѣ, іѠ, сѣменѡвѣ, кобриньскѣ. кнѣ ѳеѡра. романа кнѣзѣ. кнѣ, сѣмѣѡна. кнѣ, аандрѣа. кнѣ, александра кнѣ іѠ. кнѣ, аѳонасію. кнѣ сѣмѣѡна. кнѣ, миѡанла. кнѣ, глѣѡа. кнѣзѣ аандрѣа. кнѣ, ѳеѡра. кнѣ, юріа. кнѣ, аандрѣа. кнѣ, димитріа. кнѣ, іѠ. кнѣ, юріа кнѣ, іѠ. кнѣ василіа. кнѣ, юріа. кнѣнѣ, ѡленѣ. іѠ. ѡвѣтію. кнѣ, василісѣ: кнѣноу настасію. кнѣ. ѣвпразію. мрїю. кнѣ, глѣѡа. кнѣ. данила. кнѣ, данила. кнѣ, аандрѣа. кнѣ сѣмѣѡна. конѣрата.

РѠ кнѣзен, корецкѣхѣ. кнѣ, глѣѡа. кнѣ, патрикіа. кнѣ, іѡсіѳа. кнѣ василіа. кнѣ ѳеѡра. *) кнѣ, миѡанла. кнѣ, александра. кнѣ, лѡа. кнѣ, іѠ. кнѣ, ѣвлашка. кнѣ, ѳеѡра. кнѣ, григоріа. кнѣ, фомѣ. кнѣ. іѠ. кнѣ, ѳеѡра. кнѣ, николѣ. кнѣ, василіа. кнѣ, василіа. кнѣ, лѡа. кнѣ, сѣмѣѡна. кнѣ, іѠ. кнѣ, адрѣа. кнѣ. ѡвдотію. василіа. василіа. прокопіа. василіа. кѣзмѣ. іѠ. іѠ. кнѣ, сѣмѣѡна. петра. вокла. іѠ. іѠ. зиновіа. ѳеѡра. димитріа. лоукѡана. іѠ. ѣфрѣма. ѡмеліана. кнѣ, мрїю. кнѣ, мрїю. оуліанѣ. настасію. оуліанѣ. агафію. агафію. кнѣ, ісакіа. ѡвѣтію. ѳеѡсію. кнѣноу, мѣтронѣ. кнѣ, оуліану. агафію. кнѣ. ѡгрофиноу. кнѣ, татіану. кнѣ, ѣвпраксію. ѡгрофиноу. лѡкіана. татіану. василисоу. ѣленѣ. софію. іѠ. ѣленѣ. зиновію. ѳетимію. настасію. кнѣ, василісѣ. кнѣ, ѳеѡрѣ. кнѣ іѠ. іѠ. василіа. данила. іѠ. ѳеѡра. ѣлену. іѠ. ѣмеліана. ѡгрофинѣ. василіа.

РѠ, кнѣ іѡана, трѣбѣцкѣго. кнѣ. димитріа. кнѣ, миѡаіла. кнѣ, іѠ. кнѣ романа. кнѣ, ѳеѡсію. кнѣ, мрїю. кнѣ, настасію. кнѣ, фомѣ. варсонофіа. іѠ. агафію. іѠ. макаріа. вавѣлоу. бориса. варварѣ. ѡноѳріа. сѣмѣѡна. ѳеѡѡнла. ѳеѡсію. оулитѣ. агапію. роѡѡна. паѡоміа. іѠ. роѡѡна. ѣвѡимію. ѳеѡсію. аѡрааміа. василіа. артеміа. рѣсана. ѳеѡра. климентіа. ісаіа. ѳеѡсію. александра. ѡвдотію. іѠ. савостіана. арсеніа. агафію. сѣмѣѡна. іѡакѡма. татіанѣ. григоріа. аѳанасіа. сѣмѣѡна. мрїю. тимоѳеа.

*) Это имя приписано на поляхъ позднѣйшимъ почеркомъ.

михаїла. мрїю. василїа. ѳеω^осію. є̇стафіа. ѳетинїю. стефана. матеѳа.
 григорїа. данїла. мрїю. софона. ѱгрофинѳ. іѱ. є̇ѳимїѳ. крискента. іоуліанѳ.
 софрона. димитріа. іакова. матренѳ. оустинїю. марїю. григорїа. василїа. си-
 мона. григорїа. іѱ. григорїа. іѱ. лазарѳ. ѳеω^осіа. пахомїа. іриноу. зєнію.
 гѳрїа. ѳетинїю. кззмѳ. варвароу. меланїю. єрмолаѳ. єленѳ. зиновіа. є̇пра-
 зїю. ѳеклѳ. є̇докїю. зєнію. мрїю. є̇праксїю. євѳвіа. лѳкоу. лоукїана.
 ѳнастасїю. дарїю. ѱксентїа. ѳїлію. мрїю. є̇ѳимїю. лоукїана. ѳнциѳора. по-
 нарїю. ѳрсенїа. симона.

Рѱ, іѱ, балагѳроува. флора. матренѳ. ѳверкїа. є̇ѳимїю. іѱнѳ.
 мрїю. матеѳа. василїа. є̇докїю. ѳннѳ. ѳеω^орѳ. ѳннѳ. ѳсаѳка. тїмоѳса.
 варѳоломеа. герасїма. ѳгаѳїю. кѱ.

Рѱ. кѳпрїанѱвѳ. василїа. іѱ. кврїла. пєлагїю. іѱ. вавѳлы. іѱ.
 данїла. симона. ѳеω^орѳ. мрїю. ѳнноу. татїаноу. понарїю. є̇ѳросинїю. ѳгаѳїю.

Рѱ. кнѳзѳ. іѱ. козловѳскѱго. кнѳ, іѱ. кнѳ. оулїтѳ. кнѳ.
 іѱ. кнѳ. хрїстїнѳ. кнѳ ѳндрѳѳ. кнѳ василїа. нїкомы. кнѳ софїю. макаріа. кѱ.

Рѱ, кнѳ, лѳа. бѳннїцкѳ. кнѳ, іѱ. кнѳ, лѳа. корнїліа. кнѳ, іѱ. кѱ.

ѳвраамїа. є̇ѳменїа. василїсѳ. оуліанѳ. іѱ. сѳмєѱна. ѳнтонїа. захарїю.
 нїкїтоу. кѱ.

Рѱ. ѳрхїмандрїта, ѳеω^осіа пєчерскѱ *)). воїнїма. ѳеω^ора.
 логїна. іѱ. іѱ. ѳкѳнѳа. пахомїа. клїментїа. ѳеω^ора. ѳеω^ора. юрїа. юрїа.
 іакова. ѳеω^осію. ѳнноу. ѳгапїю. василїсѳ. софїю. ѳеω^ороу. конѳстѳнтїна.
 ѳеω^осіа. мрїю. матреноу. ѳнрѳѳа. ѳеω^ороу. ѳрхїмандрїта ѳеω^осіа. кѳпрїана.
 макаріа. марѳоу. тїмофїа. мрїю. ѳеω^осію. мартїна. ѳгнатїа. зїновїю. ма-
 тренѳ. ѳеω^орїта. стефана. ховрѳ. мїсаїла. оустинїю. ро^оѱна. мрїю. вас-
 лїа. ѳетинїю. григорїа. ѳнноу. іѱ. ѳеω^осію. прохора. паѳнотїа. ірїнѳ. сергїа.
 герасїма. парасковїн. маврѳ. ѳгнатїа. василїа. стефана. іакума. матреноу.
 ірїнѳ. ларїѱна. зєновїю. савѳ. фїлїппа оуліаноу. ѳлєзѳѳа. є̇ню. герасїма.
 ѳгаѳїю. ѳеѱгноста. ѳвѳ. григорїа. ѳетинїю. є̇ѳимїа. ѳнтонїа. ѳеω^осію. ко-
 нана. ѳнтонїдѳ. ієва. ѳеω^осіа. марѳѳ. сїмєѱна. пєрѳїрїа. ѳєвронїю. зєнію.
 іѱакїма. соѳрона. григорїа. іакова. іѱ. савоу. мрїю. іѱ. ѱгрофинѳ. логїна.
 ѳнтіпѳ. тїмоѳїа. іѱ. соѳронїа. кнѳ, ѳеω^ора. кнѳ, ѳетинїю. кнѳ, данїла.

*) На поляхъ позднѳйшимъ почеркомъ приписано: ѳдїмловїча.

кнѣ, оуліану. кнѣ, мрїю. захарїю. ѳеω^ата. василїа. филиппа. євѳимїю.
 є-ѳросимїю. нестера. пахолїа. іўсифа. єленѸ. іѠсифа. *) ѳеω^асію. герасима.
 анѳиногена. мрїю. маремїану. александра. євпразію. іў. григорїа. ѳеω^асіа.
 миноу. ѳеω^ара. кнѣ, андрѣа. кнѣ, сѣмѣѸ. кнѣ, марка. кнѣ, євѳимїю. кнѣ,
 мамелѳу. кнѣ, мрїю. євѳимїю. іринуу. сергїа. дороса. мрїю. зенїю. іа-
 кова. квзмоу. василїа. сѣмѣѸна. максима. ѳевронїю. ѳеω^асію. захарїю.
 матѳѣа. андрѣа. **) григорїа. лазарѸ. ўдарїю. мрїю. сѣмѣѸна оуліанѸ. іў. єв-
 ѳимїю. ѳеω^асію. татїанѸ. єфросинїю. іў. андрѣа. матѳѣа. євѳимїю. никона.

По л г а р і н ш в ѣ. василїа. іваникїа. митрофана. іоустинїю. пелагїю. григорїа.
 єкатеринѸ. амбросїа. нестора. харитона. ѳевронїю. григорїа. оуліану. ѳеω^асію.
 євпразію. іакова. агапїю. шнисма. варѳоломїа. антонїа. мрїю. іѸрїа. анто-
 нидѸ. іѠсифа. ѳе^арѸ. ісаїю. євѳимїю. миханла. євстафїа. павла. софїю.
 ѳеω^ара. домиѸ. настасїю. євѳимїю. аннѣ. ігнатїа. коурїана. софїю. григорїа.
 пелагїю. солломондоу. парасковгїю. никитю. сѣмѣѸна. мѳодїа. іринѸ. дн.
 митрїа. іакова. матѳѣа. ѳеω^ара. настасїю. ѳеω^ара. кѸпрїана. зиновїю.
 мрїю. лсѸнтїа. харитона. кондрата. меланїю. єлїѸферїа. іў. сѣливона. лсѸн-
 тїа. варварѸ. оуліану. матрѳоу. зенїю. іў. филиппа. парѳенїа. єфросинїю.
 гсласїа. ѳеω^асію. іў. мрїю. хрїстїноу. аннѣ. матѳѣа. ўксинїю. ансїма.
 ємелїана. димитрїа. герасима. єлїсѣа. сѣмѣѸна. іў. мрїю. аннѣ. ѳеω^асію.
 софрона. євгенїю. димитрїа. матрѳоу. іакова. юрїа. наталїю. іакова. ўвдотїю.
 зиновїа. оустинїю. ариста. парасїю. наталїю. аѳанасїа. матрѳоу. сѣмѣѸна.
 мрїю. іўноу. доросїа. євѳимїа. аѳанасїа. варѳоломїа. василїсоу. никифора.
 іўнѸ. никитю. ўвдотїю. неѸфїта. іакова. касїана. мрїю. карпа. влсїа. аннѸ.
 ігнатїа.

Р Ѹ, панєн калницкон. агапїта. іўсифа. далматїа. іў. іў. ѳети-
 нїю. софїю. євѳимїю. павла. александра. іў. миханла. ѳеω^ара. ѳеω^ароу. лва.
 лва. хрїстинѸ. катерїноу. василїа. григорїа. агапїю. григорїа. оуліану. іри-
 ноу. іў. іўсифа. тимоѳїа. сѣмѣѸна. софона. григорїа. ѳерафона. настасїю.
 іў. мрїю. мрїю. ѳетинїю. оуліанѸ. мрїю. оулитѸ. оулитю. мрїю. євгенїю.
 ѳеω^ата. татїанѸ. парасковгїю. лсѸнтїа. понарїю. мандїла. аѳанасїю. никитю.

*) Послѣднїя два имени приписаны на поляхъ, но кажется, одно-
 временно съ текстомъ.

**) Это ими приписано на поляхъ позднѣйшимъ почеркомъ.

мрїю. настасїю. іѡноу. іѡнѸ. іѡнѸ. настасїю. іѡнѸ. матреноу. оуліанѸ. іє-
насія. мамелфоу. ѳеѡ^{ра}. пахольмъ. моланїи. іѡноу. іѡ. мартирїа. зино-
вію. антонїа. домнѸ. александїа іѡ. софію. квпрїана. настасїю. іриноу. александ^р.
іѡноу. димитриа. козмоу.

Р ѡ панєи мечевѸ. романа. домонта. мслентїа. іѡ. іѡ. іѡ. гри-
горїа. василїа. петра. анноу. мрїю. анноу. ѡвдотїю. еленѸ. зинїю. аѡкїан.
анноу. кѸ.

Коньстантина. елѸфіа. ѳеѡ^р. іреѳоу. акѸлинѸ. герасима. ієрєлї
андрѸа. еленѸ. ѡвѡ^тїю. бориса. акѸлиноу. дїѡнїсїа. кирила. игнатїа іѡ
акѸлиноу. зенїю. амвросїа. логгина. клима. фаоуста. мрїю.

Р ѡ кнѸ, миѸаїла, димитреєвї, вѡземьскѸ. кнѸ. іѡ. кнѸ,
коньстантина. кнѸ. анноу. кнѸ коньстантина. кнѸ ѳеѡ^{ра}. кнѸ, андрѸа.
кнѸ, ѳестинїю. кнѸ, ѳеѡ^р. кѸ.

КнѸ, димитрїа. миѸаїла. іѡ. димитрїа. ісакїа. ннкїтоу. іѡ. ро^мѡн.
еленѸ. хрїстїноу. катернїѸ. матреноу. глѸва. ѳеѡ^{ра}. ѳеѡ^сїю. євстафіа.
іѡ. ѳеѡ^сїю. іриноу. сѸмєѡна. игнатїа. трифона. димитрїа. ѳеѡ^{ра}. елѸ-
ѳерїа. мрїю. василїа. оуліанѸ. козмѸ. агафїю. оуѡра. ѳеѡ^{ра}. варварѸ.
ѳеѡ^сїю. авзентїа. матѳеа. сѸмєѡна. іѡ. мрїю. мрїю. мрїю. агафїю. се-
ливана. козмѸ. ѳеѡ^сїю. мазнла. макарїа. м. сїлпана. анѸѳреа. катернїѸ.
ѳеѡ^р. сѸмєѡна. акѸлиноу. софона. полѸекта. мрїю. варварѸ. ѳеѡ^сїю.
коньстантина. іѡ. парасковгїи. агапїю.

Р ѡ, кнѸни, марїи семеновое трабѸ. кнѸ. ѳеѡ^{ра}. кнѸ,
александра. кнѸ. іѡ. кнѸ. іѡ. кнѸ, василїа. кнѸ, воло^ммера. кнѸ, ѡгро-
фїноу. кнѸ, ѳеѡ^сїю. кнѸ, ѡвдотїю. кнѸ. еленѸ. кнѸ, филиппа. кнѸ,
євпатѸа. кнѸ, парѳенїа. кнѸ, марїю. кнѸ, димитрїа. кнѸ, сѸмєѡна. кнѸ
харитона. кнѸ, софїю. кнѸ, семєна. кнѸ, марѸманѸ. кнѸ, ірннѸ. кнѸ,
мрїю. кнѸ, ѡлѸгїмонта. вѸ іноцѸ, єѸѳимїа. кнѸ. іѡ. кнѸ сѸмєѡна. кнѸ,
іѡ. кнѸ андрѸа. кнѸ, іѡ. кнѸ григорїа. кнѸ, іѡ. кнѸ василїа. кнѸ, миѸаїл.
кнѸ, андрѸа. ѳеѡ^{ра}. оуліанѸ. кнѸ, миѸаїла. кнѸ, александра. кнѸ, ѳестинїю.
кнѸ, софїю. єрмола. ѳеѡ^сїю. кѸ.

Софїю. зовревицѸю:- кнѸ, димитрїа, вѸ іноцѸ, демїана. кнѸ, ѡгро-
фїноу. вѸ іноцѸ, еленѸ. кнѸ, ѳеѡ^{ра}. кнѸ, настасїю. кнѸ, іѡ. кнѸ, андрѸа.
кнѸ, акѸлиноу. кнѸ, савѸ. кнѸ, мрїю. кнѸ, татїанѸ. кнѸ, василї.
кнѸ, оуліанїю. кнѸ, оуліанїю. андрѸа. іѡ. настасїю. григорїа. кнѸ, іѡ. кнѸ,

саламона. мѣа, костантина. оуліану. кмѣ, мрїю. кмѣ мрїю. євстаѳіа. аклі-
линоу. настасію. александра. екатериноу. геѡргїа. андрѣа. євѳимїю. миѡаила.
никона. фегноста. оулитѣ. іакова. трифона. александра. мрїю. григорїа. еле-
ноу. ѳеѡра євѳимїю. матреноу. євѳимїю. василїа. герасима. савостїана.
зенїю. марїю. данила. захарїю. оуліану. іѡ. григорїа. мрїю. мартина. кв-
ліна. лѣкіана. марїю. євѳимїю. татїану. мрїю. тихона. папкратїе. іринуу.
григорїа. козмоу. іакова. данила. татїану. двѣа. бориса. климентїа. варвароу.
анѳофеа. василїа. макаріа. стефана. оуліану. сѣмешна. марфоу. прокопіа.
єлену. іѡ. аннѣ. зенїю. ѡгрофиноу. ѳеѡфана. мрїю. ѳеѡра. іакова. бо-
риса. андрѣа. перфїрїа. антонїдоу. леѡнтїа. селиверста. меланїю. игнатїа.
перфїрїа. мрїю. домнѣ. ємелїана. євѳимїа. лоукїана. александра. петра. іѡ.
хотнїю. парасковїю. никитѣ. оулиноу. аѳанасїа. ісакїа. єфрѣма. сидора.
настасїю. ииѡ, аѳанасїа. мрїю. петра. єѳросинїю. левонтїа. варсонофїа.
василисы. ѡгаѳїю. леѡнтїа. ѳеѡра. ѳеѡсїю. ѳоמוу. манѣила. єлену.
Филипа. єѳросинїю. меланїю. александра. зенїю. рѡѡна. євѳимїю. соло-
монїдоу. флора. зиновїю. варвароу. стефана. парфенїа. єлену. василїа.
анноу. євдокима. єлену.

Іапѡ, варлама. антонїдоу. іакова. іоустинїю. кмѣ.

Зиновїа. никитоу. парасковїю. єфрѣма. іѡ. іѡсифа. ѳеѡра. сава-
стїана іѡ. аклілиѣ. александра. настасїю. ілію. матѣѣа. іѡ. іѡ. євѳимїю.
іѡ. ѳеѡсїа. зиновїа. ананїю. зенїю. никитоу. іѡа. николау. євдокию. на-
стасїю. ѳеѡра. двѣа. софїю. ѳеѡсїю. димитрїа. іѡ. іѡа. варвароу. никитоу.
кмѣ іорїа чернїговскаго. лѣа. дабжїва. аннѣ. іѡ. василїа. аклилиѣ. ѳе-
ѡра. василїа. василисоу. ѳеѡра. миѡаила. ѳетинїю. василїа. іѡ. бориса.
ѡвдотїю. аввакума. єлену. стефана. мамелфоу. василїа. настасїю. григорїа.
антонїа. стефана. петра. оулиноу. сидора. настасїю. сѣмешна. іѡ. петра. ва-
силїа. гаврїла. ѳеѡсїю. настасїю. іѡ. григорїа. александра. григорїа. *) григорїа.
іѡ. сѣмешна. карма. зенїю. василїа. парасковїю. ѳеѡта. маринѣ. іѡ.
ѳетинїю. євламїа. настасїю. мрїю. александра. ѳетинїю. оуліанѣ. євстафїа.
анноу. захарїю. гаврїла. миѡаила. матреноу. матѣѣа. євстафїа. григорїа.
ѳеѡроу. игнатїа. ѳеѡтїю. василїа. єѳросинїю. матѣѣа. василїа. іринуу.

*) Послѣднїя два имени приписаны на поляхъ, но—кажется—одно-
временно съ текстомъ.

ішанна. дншнсіа. іш. євсевіа. оулітоу. євѣмїю. мрїю. варфоломѣа. параквогїю. филиста. владимера. аниѣ. александрѣ. наталїю. оуліанїю. василїев. василїа. миханла. євѣмїю. матреноу. григорїа. матѣѣа. агрїппинѣ. терентїа. євѣмїю. оуліанѣ. акундина. анноу. касїана. власїа. антонїа. александрѣ. миханла. григорїа. ѿш^осію. єленоу. варварѣ. настасїю. єленоу. григорїа. анноу. ішакїма. аанасїа. игнатїа. ѿевронїю. пахомїа. єленѣ. александрѣ. амуса. семїшна. оулітоу. максїма. климентїа. татїанноу. ѿш^ора. єрссїнїю. сѣмешна. пантелїмона. варварѣ. марїю. іш. григорїа. герѣ. григорїа. маремїанноу. іш. іш. мрїю. ішѣ. оулітоу. кш.

Капетелїноу. євстратїа. мартїрїа. павла. меланїю. матреноу. мрїю. лешнїа. ѿш^ора. ішакїма. стефана. іш. стефана. климентїа. іоуліансї. сїлшна. сѣлївестра. анноу. василїа. євдокїю. сѣмешна. єленоу. настасїю. іш. нестера. лѣкврїю. зїновїа. іншѣ ѿш^ора. мрїю. андрѣа. лешнїа. мартїна. ілію. василїа. євстафїа. коньстантїна. ѿш^осію. григорїа. мрїю. григорїа. іакова. козмѣ. швдотїю. ѿш^орѣ. наталїю. ішакїма. долноу. герасїма. зенїю. ѿш^ора. феуїгнста. анкїтоу. сѣмешна. тарасїа. василїа. александра. мартїна. игнатїа. мрїю. ішѣ. шлїзїа. конана. василїа. вавїлоу. мрїю. германа. солломонїды. стефана. іш. григорїа. єленоу. євдокїю. лоукврїю. анноу. сн^ора. хотїмїю. іш. соѿронїа. ѿш^ора. алексѣа. василїа. євстафїа. оулітоу. софїю. сѣмешна. дїмитрїа. сѣмешна. євѣмїю. прокопїа. александра. хрїстїноу. іш. мрїю. арсенїа. алексѣа. феклоу. василїа. василїсоу. спїридонїа. терентїа. аквїноу. ѿш^ора. павла. євѣмїю. іш. єленѣ. матреноу. шѿонасїа. василїа. стгаѿю. галасїа. шносїю. шгафїю. шндрѣа. ѿш^осїю. сѣмешна. ішѣ. савн. шгафона. іш. василїа. коньстантїна. герасїма. сѣмешна. іш. юрїа. іш. васїана. ѿш^ора. василїа. матреноу. василїа. кїпсїана. протасїа швдотїю. тїмоѣѣа. аквїноу. григорїа. петра. стефана. ѿш^ому. анноу. зенїю. ѿш^ора. іш. ѿш^ому. єлїнарха. февронїю. мазіма. карпа. миханла. сѣмешна. іакова. григорїа. ішсїфа. кнѣ, сїмешна. кнѣ, солломонїдоу. кнѣ, григорїа. кнѣ, єпїхарїю. кнѣ филїна. зенїю. ѿш^осію. зосїма. козмоу. анноу. євдокїю. ѿш^осію. александруу. матѣїа. агапїю. іш. игнатїа. тїмоѣеа. ірїноу. глѣба. ѿш^осію. матреноу. ѿш^ора. настасїю. козмѣ. прокопїа. анноу. ѿш^осію. варвароу. мрїю. настасїю. лаврентїа. іакова. татїанноу. оуліанноу. оуліанѣ. *) нкїтоу. мрїю. коньстантїна.

*) Это имя написано на поляхъ, но — кажется — одновременно съ текстомъ.

Нердєвѣчнѣ. никифора. ѿфонасія. ёрмоу. іѡ. игнатіа. ѿмѡ.
 терентіа. оуліанію. іѡ. гаврила. миханла. ѿсѡ^{ра}. ѿндрѣа. матреноу. ѿ-
 тинію. ѡлєзандра. полукарпа. сѡмѡна. оустинію. никитоу. потана. іѡ.
 оуліану. василіа. іѡну. ѿндрѣа. мануила. ѿсѡ^{ра}. татіану. зиновію.
 диѡнісія. ёфросинію. софію. конѣата. іѡ. матреноу. татіану. савоу. мрїю.
 ёвѣрмію. ѿсѡ^{ра}. мрїю. малофіа. стефана. ѿсѡ^{роу}. татіану. пелагію.
 ѡникія. василіа. ѿнѡ. данила. гриріа (sic). карпа. іріноу. ѿсѡ^{сію}. наталію.
 іѡну. матреноу. макаріа. миханла. настасію. оуліану. ховронію. захарію.
 василисоу. іакова. тимоѿіа. маврѡ. стефана. іѡ. григоріа. миханла. іѡ.
 марѡу. игнатіа. миханла. мсѡдіа. петра. ѿсѡ^{та}. ѿноусію. зенію. ёвпра-
 зію. іакова. петра. іѡа оулітоу. ѿлєзандра. стефана. іѡ. юріа. лоукѣрію.
 зенію. митрофана. матрєнь. григоріа. ёремѣа. ёвгинію. ёлиѡзара. мрїю.
 матреноу. ёлхима. іѡ. зенію. оустинію. ѿнѡника. захарію. мрїю. пантелѣи-
 мона. іѡа. мрїю. нѣтера. марѡѡ. ёфросинію. василіа. варвароу. никитоу.
 ѿсѡ^{сію}. тимоѿіа. ѿрєміа. бориса. спирі^{ніа}. соломондоу. матреноу.
 савоу. стефана. ѿндрѣа. іѡ. ѿсѡ^{сію}. ѡвдотію. ѡгрофиноу. іакова. ёрмоу.
 парасковгію. ѿсѡ^{сію}. логгина. мрїю. михайла. іѡанна. іѡсиѡа. трѡфана.
 іакова. іѡ. миханла. іѡну. зенѣфонта. варвароу. иполита. іѡанна. гаврила.
 павла. ёлѡзара. ѿнну. нигасію. василіѡ. ѿсѡ^{ра}. рѡ^{ѡна}.

Рѡ, григоріа, пантелѣева. пантелѣимона. ёвѡмліа. ёвсѣвіа. фотіа.
 григоріа. максима. ѿгафію. матѡіа. рѡ^{ѡна} настасію. іѡ. трифона. лва. ѿлє-
 зандра. ёленѡ. іѡакима. коньстантина. мрїю. ёвѡмліа. ёѡстафіа. диѡнісія.
 мелентіа. варсонофіа. іѡну. трѡвецкый. *), іѡ. іѡнѡ. петра. іѡну. ѿгафію. конь-
 стантина. ѿкова. (sic) ѡрінѡ. зеновію. ѿнну. ѡгрофноу. сѡмѡна. татіану.
 григоріа. іоуліану. ѡксинію. ёвѡмлію. іріноу. ёлену. ѿганію. ієлисѣа. ёмелі-
 ана. лоукіана. григоріа. оуліану. захарію. сѡмѡна. ёлену. василіа. лаврентіа.
 ѿндрѣа. ѿсѡ^{ра}. диѡнісіа. василіа. прѡндріа. гаврила. григоріа. ѿнну. іса-
 кіа. іѡ. димитріа. давыда. мрїю. ѿгафію. іѡ. ёлену. ѿетинію. матреноу.
 димитріа. никитоу. миханла. дѡда. ёвлампіа. ёмеліана. петра. вѡкола. іѡнѡ.
 оуліану. ѿгафію. ѿгафію. іѡ. ѡгрофиноу. миханла. васыана. григ^{оріа}.
 ѿкинѡа. дарыи. ёвсѣвіа. меланію. ѿрсеніа. патрїкіа. іѡ. зенію. диѡнісіа.

*) Это слово приписано внизу, на поляхъ, красными чернилами, —
 при чемъ сдѣлано увазаніе въ вакому мѣсту текста оно относится.

Андрѣа. василіа. меланію. ѿеу^{ра}. ісидора. самсона. оуліану. Андрѣа. іо-
 насія. іу^н. ѿмоу. татіану. ѿфрѣа. васяна. прокопіа. антониду. игна-
 тіа. генадіа. феклоу. швотію. іу. анноу. николау. захарію. швдію. хилі.
 стефѣа. анноу. григоріа. іакова. швотію. пелагію. павла. пантелеїмона.
 ѿмоу. шгрофину. ѿеу^р. ѿмоу. борнса. ѿфросинію. ѿвстафіа. натаію.
 іакова. оуліану. григоріа. настасію. юріа. димитріа. ѿеу^{ра}. іу. василіа.
 ѿвпразію. оуліану. анрѣа. дементіа. антониду. константина. ѿеу^{ра}. к-
 ментіана. анноу. логгина. сѣмѣна. варварѣ. юріа. диміида. мрїю. іу.
 ѿмеліана. варвароу. кнѣ, іу. василісоу. швотію. мрїю.
 конана. ѿѿимію. данила. пелагію. Олизара. леуітїа. ѿвлампіа. мамелфѣ.
 мрїю. григоріа. іу. василіа. ѿеу^с. ѿеу^{ра}. пагкратіа. нестора. іу.
 зенію. ѿлѣфїа. василіа. ѿѿимію. локѣрію. филиппа. зенію. димитріа. іу.
 григоріа. Огрофину. іу. оуліанѣ. аввакума. настасію. василіа. іу. вас-
 лїа. іу. мрїю. васяна. татіану. харитона. зиновію. ѿмеліана. карпа. іу.
 стефана. ѿвстафїа. іакова. ѿфросинію. мареміану. мархоу. игнатїа. игна-
 тіа. іу. сѣмѣна. матрену. іу. Ознію. ѿлнѿѿерїа. ѿетинію. сѣмѣна.
 козмоу. іріноу. сѣмїѣ. ісакїа. іу. кнѣ, борнса. шлезанрѣа. іу. ѿвстафїа.
 ѿлтоуфїа. кондрата. стефана. макаріа. іуноу. кирла. мрїю. мнхана. шгро-
 фину. пансіа. ѿеу^р. григоріа. ѿеу^{ра}. іринѣ. ѿлезїа. григоріа. матр-
 ноу. ѿкатерину. юріа. григоріа. ѿвсѣвіа. анцифора. фетинію. марינוу. на-
 стасію. ѿеу^с. ѿлену. ѿвстафїа. мамелфѣ. анноу. андрѣа. кирла. вѣ-
 сонофїа. давіда. макаріа. мартина. шксинію. захарію. мѿфодїа. стефана.
 ѿвстафїа. нестора. шзнію. патрікіа. максима. григоріа. и женоу. ѿ.
 анппа. матренѣ. ѿѿгноста. ѿеу^{ра}. іуѣ. мнхана. іу^нкеѣ. марфоу. фи-
 липпа. аннѣ. германа. іу. швотію. коньстантина. василіа. іу. мнхана.
 григоріа. шгапнїю. ѿлену. митрофана. герасима. іу. зеновіа. шгафїю. сте-
 фана. мрїю. снлвана. ѿеу^{ра}. андрѣа. шксинію. іу^накима. мрїю. анноу.
 ісакїа. іу^нсафа. ѿеу^{ра}. варсонофїа. никифора. іннѣ. аносію. григоріа.
 мрїю. акѣлиноу. іу. анноу. стефана. геронтїа. солломондѣ. дарїю. рѣ^н.
 ѿвгенію. іуѣ. ѿрмолаѣ. іу^накима. ѿлезїа. іу. коньстантина. юріа. василіа.
 ѿфросинію. татїанѣ. андрѣа. ѿеу^с. ѿеу^{ра}. ѿанасїа. ѿмоу. швотію.
 ѿетинію. тарасїа. василіа. снмѣна. мѣѣа. василїсоу. василїсоу. ѿвгенїю.
 павла. ѿеу^с. швотію. швотію. іу. зиновіа. василіа. ѿлезанрѣа. анто-
 ниду. ананїю. мареміану. леуітїа. анрѣана. ѿетинію. понарню. іу. анрѣа.
 іѣлісѣа. келсіа. мрїю. шлнѿѿерїа. іу. іакова. матрену. григоріа. григорїа.

матреноу. симеѡна. корнилїа. ѳеѡ^ата. ѡксинїю. герасїма. захарїю. конд-
рата. терентїа. іакова. іѡсифа. ѳеѡ^{ра} іакова. андрѣа. козмѣ. григорїа.
стефана. ананїю. мазима. їфрѣма. димїнсіа. павла. василїа. ѳанасїа. данї-
ила. меланїю. ѡѳонасіа. ѡгрофїноу. мрїю. ѳеѡ^{сію}. зїновїю. їлїѳерїа.
данила. матѳїа. ѳеѡ^{ра}. стефана. андрѣа. лавра. агрипїноу. лѣкѣрїю. їгна-
тїа. димїнсіа. данила. нїкїфора. хїмоу. конана. дїмитрїа. іакова. марїю.
ѡвдотїю. настасїю. нїколоу. домноу. ѳеѡ^{рѣ}. їгнатїа. татїаноу. мафїа.
їпїхарїю. ѡвдотїю. василїа. ѡксинїю. ѳомоу. ѳеѡ^{сію}. аксентїа. антонїа.
андрѣа. ѳеѡ^{ра}. ївстафїа. їсїдора. іѡ. ѳеѡ^{ра}. агапона. тїмоѳеа. варвароу.
ѳеѡ^{ра}. мрїю. терентїа. іѡ. іѡсифа. конана. стефана. филїппа. василисоу.
іѡсифа. софонїа. дїмитрїа. карпа. григорїа. агафїю. іѡ. іѡнїкїа. домини-
кїю. григорїа. іѡа. конана. андрѣа. ілїю. ѡвдотїю. стефана. кїкелїю. іѡ-
сифа. оўлїтѣ. іѡноу. їѳїмію. їѳрѣма. захарїю. ѳеѡ^{ра}. акїліноу. сте-
фана. аннѣ. іакова. потапїа. пелагїю. анїоу. ѳетїнїю. ѳомоу. іѡ. їмелїана.
ѳеѡ^{сіа}. іакова. ѳетїнїю. мрїю. іларїѡна. максима. матреноу. борїса.
максима іѡ. мїханла. захарїю. семеѡна. їѳїмїа. ѡѳроснїю. їгнатїа.
мїханла. агрипѣны. мрїю. александра. стеѳана. іѡ. ѳеѡ^{ра}. парѳенїа. мат-
рены. мїханла. григорїа. їнѣ лсѡнтїа. маремїанѣ. нїкїфора. данїїла. їри-
ноу. кнї, василїа. меланїн. іѡ. їлїю. їнокы анны. сїѳеннѡ, їнока. їгнатїа.
алеѳандра. ѳеѳїлакта. (sic) їнѡ, мелентїа. Ѣленѣ. їфрѣма. іѡа. моланїю.
ѡлєзіа. іѡ. лоукѣрїю. дорофѣа. мїкїтѣ. ѡкоула. Ѣлизара. ѡгафїю. настасїю.
наоўма. їгнатїа. татїаноу. матреноу. понарїю. коузмоу. матреноу. ѡлѳерїа.
тарасїа. григорїа.

[Рѡ, пѣ, скипорѣ старосты житомерьского]. *) зенифонта
данила. василїа. іѡ. їленоу. іакова. григорїа. оўлїанѣ. ѡвдотїю. їлїѳерїа.
ївстафїа. їѳва. арка^а. іѡноу. їриноу. оўлїаноу. іѡ. їлѣ. настасїю. матрены.
матфїа.

Рѡ, вардичѣ. іѡ. дїмитрїа. борїса. ѳеѡ^{сіа}. ѡксинїю. софїю.
мрїю. дїмитрїа. ѳеѡ^{ра}. кѡ.

Филїппа. пелагїю. григорїа. сїмеѡна. їнѡ. ѳеѡ^{роу}. кѡ.

Рѡ, черькаскыи. матѣфѣа. нїкона. парасковїю. власїа. андрѣа.

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,
внизу, съ обозначенїемъ, куда въ текстъ оно должно быть отнесено.

фетинію. дишнісія. є҃ѵѳімію. матѳѳа. василіа. савы. настасію. матренѣ. степана. филипа. шкниію. іриноу. швѳа. костантина. матренѣ ѳатіана іакова. аннѣ. андрѳа. ѳешѳра. бориса. іѵ. ѳомѣ. іѵ. кѣ.

Мрїю. оулітоу. зиновію. григоріа. аввакума. макаріа. василисы. шзаріа. иншкѣ, мрїю. іѵ. зенію. максима. оуліану. тимофіа. катеринѣ. фатіана. козмы. мрїю. варварѣ. перфіріа. антоніа. андрѳа. григоріа. акѵндарію. іриноу. григоріа. дімитріа. оуліану. анноу. шнанію. єлену. григоріа. костантина. єсипа. захарію. оуліану. шфонасіа. артема. козмы. шкниію мрїю.

Рѵ, пана іѵ, пилиповѣ черкаского. іѵ. тимофѳа акѵлинѣ. хотимію. єфрѣма. никифора. матрены. игнатіа. шлезандра. фірса. никита. шгафію. инѵ, гарасима. полѣкта. іриноу. андрѳа. ѳомоу. бориса. шгаєію. фетинію. инѣ захарію. василіа. сѵмеѵна. матреноу. євгенію. климентіа. парасковгію. инѣ, шфонасіа. татіану. ѳешѳра. ѳешѳра. дімитріа. оуліанѣ. анноу. парасію. катеринѣ. шлезандра.

Рѵ, пана кѣзмы шапочкина. коузмоу. андрѳа. михаила. семѵна. шгрофиноу. дишнісія. мрїю. іакова. шкниію. гаврила. мартина. семіѵна. івана. шпрактию. лоукѣрію. анноу. єлену. моланію. єкатеринѣ. семѵна. єѵѳімію. степана. настасію. татіану. хотимію. ѳешѳра. хотимію. іѵ. єлену. ѳешѳра. амвросіа. игнатіа. никитѣ. инѣ, акыма. инѣ селивестрѣ. инѣ, євдѣкѣ. степана. семіѵна. савы. сергѳа. инѣ касьяна. шлекѳа. григоріа. нѣа. матрены. анноу. настасію. ѳешѳра. шгафію. андрѳа. шринѣ. ѳфросинію. швоѳтію. нѣа. андрѳа. тарасіа. анноу. михаила. настасію. василисы. єфрѣміа. матрены. конѣнтинѣ. ѳешѳра. григоріа. ѳезіа. ѳешѳра. инѣ оулітоу. инѣ, мрїю. ѳешѳра. татіану. пахоміа. іѵ. швѳотію. нестера. татіанѣ. іѵ. іѵ. гаврила. шмеліана. сѣєннишнѣ, агѳа. сѣєннѣ, инѣ. ѳотѳа. маланін. швѳотін. алєзандрѣ. ѳешѳра. бориса. іѵ. ѳешѳра. іѵ. михаила. єлишѳара. єлѳоуфіа. андроника. сергѳа. оуліану. іѵ. нектарѣ. василисоу. іларіѵна. оуліану. григоріа. алєзандроу. іакова. павла. афанасіа. ѳешѳроу. григоріа. іѵ. агафію. андроника. ѳешѳроу. іѵ. єрмолоу. іакова. євдѣкѣ. іѵснѳа. ілію. парасковгію. татіану. василисоу. юрїа. антоніа. мрїю. григоріа. двѣа. оулітоу. аннѣ. соѳію. матреноу. єлишѳара. пагкратіа. бориса. євронію. ѳешѳра. семѵна. ѳешѳра. конѣнтинѣ. григоріа. оулітоу. іриноу. варламїа. єлену. никифора. іѵ. єѵѳразію. тимоѳіа. аєанасіа.

мирона. оуліану. григоріа. ѿєш^ата. козмоу. химоу. алеѣандра. миханла. аннѣ. татіану. григоріа. мѣѣіа. игнатіа. *) романа. агафію. меланію. аѣанасіа. малафіа. ѣфросинію. василіа. іѡ. матреноу. коньстантина. савоу. савостіана. ро^аш^ана. ѿетинію. ѣвстафіа. іѡа. лаврентіа. пелагію. ѣрмолоу. игнатіа. ѿєш^ара. ѿетинію. никона. софію. іѡ. іѡ. димитріа. вориса. ѿєш^асіа. ѡксинію. софію. мрїю. димитріа. ѿєш^ара. никитоу. тимоѣіа. мрїю. варвароу. савоу. ѣвгоу. ѣкатериноу. настасію. іѡ. анноу. іакова. аннѣ. андрѣа. ѡвдотію. зиновіа. оулитоу. павла. ѡксинію. іріноу. никитоу. ѣкатериноу. стефана. тихона. ѡгрипинѣ. лаврентіа. сѣмѣіа. ѡгрофиноу. акѣлинѣ. алеѣѣа. ѡвдотію. марка. ѡвдотію. ѣвстаѣіа. игнатіа. савоу. никитоу. ѣвѣимію. василіа. захарію. матѣіа. тимоѣіа.

Ѧє^ара іконника рѡ. ѿєш^ара. савоу. іѡ. іѡсифа. мрїю. Ѧксинію. татіану. зиновію. василисоу. іѡ. агафію. аньдроника. іѡ. ѣрмолоу. ѡвдотію. парасковгїю. татіану. іакова. іѦсифа. ілію. василисоу. мрїю. григоріа. інокоу ѿєш^ароу. іоріа. меланію. анноу. двѣа. софію. матреноу. оулитоу. ѿєш^ара. ѣвдокію. варвароу. сѣмѣіа. пантелѣимона. іриноу. василисоу. ѿєш^ара. матреноу. кззмоу. сѣмѣіа іѡ. анноу. тріфона. оуліану. ѿєш^ара. григоріа. тимоѣіа. алеѣіа. григоріа. **) меланію. іѡ. матреноу. ананію. мрїю. ѣлнѣѣеріа. ѡзвинію. понарію. іѡ. іѡ. іѡакима. аннѣ. агафію. парасковгїю.

Рѡ, пана, юріа зиновѣєвнѣ. іноѡ, іѡнѣ. іноѡ. захарію. мрїю. василіа. іноѡ. іѡнѣ. іноѡ. андрѣа. миханла. іѡ. прокопїа. ѿєш^ара. лѣа. инѡ, мареміану. настасію. пацка. юріа. іѡ. мариноу. агаѣію. іноѡ. оулиану. миханла. ѡгрипиноу. андрѣа. іноѡ. ілію. іѡноу. стеѣана. анноу. лѣсонтіа. димитріа. григоріа. інокоу оулитоу. ѿєш^асію. юріа. ѡксинію. кѣдина. ѣленѣ. катериноу. ѿєш^арѣ. іноѡ, василіа. іноѡ, ѿєш^ара. мрїю. оуліану.

**) Послѣдніа три имени приписаны на поляхъ, внизу, съ увазаніемъ, куда должны бытъ отнесены въ текстѣ. Приписка сдѣлана одною (по сравненію съ текстомъ) рукою и одинаковыми чернилами.

**) Послѣдніе три имени приписаны внизу, на поляхъ, одновременно съ текстомъ,—при чемъ обозначено, куда—въ ряду прочихъ именъ—онѣ должны бытъ отнесены.

агафію. анцифора. пола^аю. димитріа. софію. григоріа. мрїю. стефана
инѡ, сѡмешна. миханла. оуліану. и ро^ателен и. кѡ.

Бориса. алеѣіа. парасковгїю. максима. романа. григоріа. епихарїи.
ѡксинїю. іѡа. мрїю. артемїа. варвару. еѡстафіа. іси^ара. еѡпраѣію. сѡмешна.
нїфора. ѡвдотїю. евсенїа. стефана. мрїю. пола^аю. антонїа. зиновіи.
іѡнѡ. вла^амира. іеремѣа. агафію. ѡвдотїю. димитріа. григорїа. іѡсифа.
їлію. павла татїану. татїану. тимеѡїа. диѡнисїа. ѡеѡ^ароу. бориса скимни-
ника. агафію скимниѡ. василїа. татїану. ѡеѡ^асію. оуліану. григорїа.
матренѡ. костантина. леѡнтїа. ѡгафію. ѡеѡ^асіа. ѡстафіа. порасїю. ѡле-
ѣїа. настасїю. инѡ, епифанїа. парасковгїю. карварѡ. ѡлеѣїа. ѡнисїма. іѡ.
ѡеѡ^асію. мрїю. диѡнисїа. павла. оуліану. фѡѡана. оуліанѡ. ѡвдѣа. по-
ладїю. григорїа. еѡѡимїю. логгина. бориса. миханла. марѡу. павла. аннї.
лоукїана. мрїю. анцифора. мрїю. миханла. еѡѡимїю. іѡ. максима. екате-
ринѡ. мартина. варвару. ѡеѡ^асію. ѡвдотїю. еѡстаѡїа. іѡ. ѡеѡ^ара. сер-
гїа. миханла. іѡ. григорїа. стефана. татїану. іѡ. трїфона. пѡсковгїю.
мрїю. лоукїана. кѡрїана. іѡ. іакова. іѡва. елену. агапїю. анѡника. мат-
реноу. василїа. алеѡанѡа. агапїю. мрїю. диѡнисїа. іѡсифа. ѡеѡ^ара. іакова.
ѡгаѡїю. матѣа. николау. марїю. василису. агапїю. фѡтѣа. василїа. ѡв-
дотїю. іѡ. петра. ѡвдотїю. стефана. елиѡѡерїа. іриноу. сѡмешна. елену.
мрїю. прокопїа. іакова. ермолу. варвару. ѡетинїю. савоу. ѡгрофину.
мрїю. лоукїана. леѡнтїа. мѡкѣа. мрїю. петра. кондѣа. сѡмешна. григорїа.
ѡксинїю. татїанѡ. леѡнтїа. анѡѣа. еѡстафіа. антонїа. іѡ. агапїю. марѡѡ.
ананїю. павла. аннѡу. пелагїю. пелагїю. оувара. пелагїю. марїноу. агрипиноу.
марїю артемїа. сѡливерста. іриноу. іѡ. еѡгенїю. филиппа фирса. аннѡу.
іѡ. мрїю. оуліану. ѡстафіа. пелагїю. миханла. бориса. ѡксинїю. никеѡра.
захарїю. ѡнанїю. ѡноѡреа. татїану. оуліану. іакова. миханла. иншка.
варвару, иноку. бориса, инѡ. ѡѡонасіа, иншка. аннѡу, инѡ^а. марѡу.
іѡ. игнатїа. оѡстинїю. пелагїю. григорїа. павла. настасїю. макаріа. маремї-
ноу. іѡнѡ. дементїа. оуліану. ѡвдотїю. аврамїа. самсона. ѡѡрса. фетинїю.
киликїю. ѡнѡфїла. ѡеѡ^асію. гаврила. ѡгрефинѡ. кѡрїла. агрипиноу. ни-
колоу. ро^аѡна. аноуѡрїа. зиновіа. макаріа. маврѡ. іѡноу. сѡмиѡна. мрїю.
зиновіа. василїа. емеїана. солломондѡ. харлампїа. мартина. матѡѣа. еѡѡѡїа.
аннѡу. димитріа. ѡсклѡ. игнатїа. іѡ. аѡанасїа. солломондоу. ісаака. петрѡ.
іѡ. ѡеѡ^арѡ. сѡливестра. іакова. терентїа. анѡлиноу. гаврїла. агафію. ѡеѡ

ω^αρα. іў. іў. захарію. стефана. ілію. марфоу. ѿεω^αсію. а́квліноу. ѿн-
липпа. ѿомоу. григоріа. мавроу. ѿεω^αсію. євѿѿмліа. солѿмонідѿ. сѿмліѿна.
іў. лѿа. настасію. ѿεω^αра. ѿεω^αта. василіа. васисоу. григоріа. ѿεω^αсію.
а́лєзанѿа. а́лєзіа. матрєноу. єлтоуѿіа. ѿвдотію. іўакима. ємєліана. іѿсифа.
ілію. єфросинію. мѿїю. нєрєміа. іў. мѿїю. савостіана. дамьана. єленоу.
єленоу. іў. ірїнѿ. іў. ѿεω^αсію. ѿεω^αсію. васіана. конана. лоукіана. павла.
харитона. євѿстаѿіа. моѿсіа. іў. іў. а́гапію. ѿεω^αсію. а́нїю. зиновіа. іѿ-
сифа. а́гапію. а́гапію. мѿїю. ѿвдотію. іакова. ми́ханла. никандра. а́ннѿ.
митрофана. стефана. стефана. дмитріа ѿнлимона. петра. оуліану. іў.
татіану. ѿεω^αсію.

Рѿ, кнѿ, сєнкоушкѿ. ѿε^αровї. кнѿ, іўакима. кнѿ василіа.
кнѿ, а́нанію. кнѿ настасію. кнѿ, іў. кнѿ. василіа. кнѿ, василисоу. кнѿ, єленоу.
мѿїю. кнѿ а́гапію. кнѿ, ѿεω^αра. ѿлқирдовї, кнѿ, єго, ѿлгоу. кнѿ ѿєтинію.
кнѿ, єоустѿіа. кнѿ, василіа. кнѿ ми́ханла. кнѿ, мѿїю. кнѿ, іў. кнѿ, лва. кнѿ,
іў. кнѿ, василсѿ. кнѿ, євѿпразію. а́ндрѿа. кнѿ ѿεω^αра. ми́ханла. іў.
іакова. фєω^αра. оуліану. прокопіа. василіа. кнѿ, іў. пєлагію. василіа. зино-
вію. а́нїю. николю. а́настасію. мартина. ѿεω^αта. іў. николю. а́лєзіа. ѿε-
ω^αра. євѿпразію. єстаѿіа. ѿεω^αра. єліѿѿєріа. домнѿ. мѿїю. дософіа. кнѿ,
мѿїю а́ндрѿєвѿю. матрєноу. євѿстафіа. євѿѿмлію. іўакима. ѿвдотію. никитоу.
василісоу. євѿстафіа. а́куліноу. іакѿва. павла. матѿѿа. наталію. ѿєтинію. кнѿ.
ѿεω^αра. кнѿ, а́нїю. кнѿ, ми́хайла. настасію. ѿлфєра. домноу. оуліану.
кнѿ, сємєїна ѿε^αровї, воротынскѿ. а́куліноу. оуліанѿ. василіа. іў. а́нтоніа.
ірїноу. мартина. ѿεω^αра. ѿиларєта.

Рѿ, кнѿ, юрьєвѿ оупїтолкѿ. кнѿ, а́лєзанѿа. кнѿ, а́настасію. кнѿ
сѿмліѿна. кнѿ, мѿїю. кнѿ васисѿ. кнѿ, сѿмліѿна. кнѿ, ми́хайла. кнѿ, євдотію.
кнѿ, ми́ханла. кнѿ софїю. кнѿ, іў. кнѿ, мѿїю. кнѿ, іў. василіа. кнѿ, юрїа. лє-
ѿнтїа. іў. філіппа. мамєлфоу. василсоу. [кнѿ сємєїна юрьєвича. кнѿнїю
сємєновѿю юрьєвича, настѿїю н сѿа н кнѿазѿ лѿа.] *) ѿвдотію. а́гапію. мо-
кѿа. зиновіа. ѿѿнїю. ѿвдотію. а́нїю. а́кинфа. оулітоу. варвароу. ѿεω^αра.
а́нфима. нектарїа. ірїноу. малафіа. мѿїю. домноу.

*) Оскобленныя имена приписаны на поляхъ другою рукою и иными чернилами.

Р ѿ, пана семена, сколкова. іѿ. ірїноу. ѡеѡ^асію. василїа ѿ. артемїа анїоу. ѣѡрѣма. селивестра. алеѡанрѣ. бориса ѡеѡ^асію. ѣѡрѣѡм. іѿ. тимоѡїа. іѿ. сѡмїѡна. василїа. мїхайла. ѡеѡ^ата. василїа. антонїа. коурїана. захарїю. меланїю. ісидора. іѿ. ірїноу. анїоу. ѡвдотїю. никонд. карпа. ѡетнїю. іакова. власїа. василїсоу. дementїа. меланїю. григорїа. никитоу. варвароу. бориса. климентїа. ѡенїю. варсонофїа. оулитоу. аноуси. оулїаноу. ѡенїю. іѡакима патрїкїа. мїхайла. данила. мрїю. ѡлгоу. павла. мѡвсїа меланїю. еленоу. ѡеѡ^ара. ѣвгенїю. димїида. фалелѣа. алеѡїа. ірїноу. сѡмїѡна. григорїа. григорїа. іѿ. іакова. ѡенїю. ѡомоу. ѡенїю. кѡрїма. оулїаноу. сѡмїѡна. іѿ. мрїю. іѿ. крестиноу. савоу. алеѡанрѣоу. григорїа. іакова. іѿ. ѣѡнїїа. маноуїла. лѡкверїю. ігнатїа. стефанїдоу. васїана. ілїи. зїновїа. анѡсїю. карпа. конана. стефана. димїтрїа. ѣвдокїю. нестера. оулїаноу. стефана. ѣѡстафїа. самонла. мрїю. еленоу. захарїю. сѡлївана. маврѡ. дорофїа. сѡмешна. василїа. алеѡанрѣа. агафїю. алеѡїа. ѡеѡ^ароу. мартїна. варварѡ. іѿ. іѿ. мартїна. ѡеѡ^ароу. кѡрїла. мелентїа. варварѡ. филїмонд. ѣрмолоу. оустїнїю. стефана. настасїю. голендѡхоу. марию. ѡвдотїю. доминоу. іѡсїфа. ѣрмолоу. ѡеѡ^асію. ѣѡнїїю. ірїноу. нїкїѡра. іакова. анїоу. ѡеѡ^ара. ѡеѡ^арѡ. козмѡ. пелагїю. сѡмесїна. ѡгрїпїноу. андрѣа.

Р ѿ, кнѡ, івановоѡ коло^а меровїї, кнѡ, василїсы, вѣлїевнї. кнѡ, андрѣа. кнѡ, оустїнїю. кнѡ, іѿ. кнѡ. мїхана. кнѡ, іѿ. кнѡ. іѿ. кнѡ, мрїю. кнѡ, ѡеѡ^арѡ. кнѡ, оулїаноу. кнѡ, василїа. іакова. потапїа. пелагїю. анїоу. ѡетнїю.

[Р ѡ, пана, фѡрса, романѡвїї *)] карпа. романа. іѿноу. алеѡанрѣа. іѡсїфа. кѡрїла. іоустїна. ѡвдотїю. ѡенїю. мрїю. ігнатїа. акулїноу. нїкїтѡ. анїоу. алеѡѣа. мрїю. петра. іакова. ірїноу.

[Р ѿ петра калїнїна великого новагорода с чернїчїны ѡанци **)]. карпа. наталїю. іѿ. мїтрофана. оулитоу. іѿ. ѡгрофїноу. аїкїндїна. нїкїѡра. нектарїа. ѡеѡ^ара. ѣѡшкїю. е. мелїана. анїоу. романа. іоустїнїю. нектарїа. ігнатїа. ѡеѡ^ата. екатерїнѡ. анрѣа. матѡїа. татїаноу. алеѡанрѣоу. агрофїноу. вѣроу. стефана. мартїна. василїа. агафїю. алеѡѣа.

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ, съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть отнесено.

**) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ.

михаїла іѡ. ѣфросинію. Ѡгрофиноу. іѡ. іѡ. агафію. михаїла. ѳеѡ^асію. ѣѸстаѳіа. іѡ. іѡ. пелагію. пелагію. павла. мартина. аѳанасіа. а̀нтоніа. гавриїла. іѡ. ѳеѡ^арѡ. ілію. наоѹма. а̀ннѡ. іакѡва. стефана. параскѡвгню. григоріа. мрїю. ѳеѡ^ара. оустинію. настасію. василіа. мрїю. а̀ндроника. неѠнилоу. ѣѷнимію. ѳомоу. харитона. тимоѳіа. ѣвѡ. ѣвгенію. іѡ. гавриїла. Ѡжсинію. діа. іриноу. ѳеѡ^ара. іѡ. каленика. пахо́міа. зиновію. а̀нтоніа. ѳеклоу. а̀ннѡу. стефана. ѳеѡ^ара. гавриїла. мрїю. софроніа. ѡжсьинію. ѣрмолоу. ѣвѡ. іѡ. іакѡва. ѡвдотію. соломонидоу. а̀гафію. а̀нѳима. *)).

ѳеѡ^ара. а̀нтонидѡ. григоріа. а̀ндрѡ. а̀враміа. двѡ. ѡгрофинѡ. зиновіа. василіа. ѣфросинію. іакѡва. матрєноу. ѳеѡ^асію. григоріа. а̀нанію. потапіа. василіа. герасима. мануїла. а̀ртеміа. михаїла. петра. сѷливана. никитоу. стефана. фаоѹста. ѣфрѡма. оулитоу. а̀нноу. мелентіа. василіа. мрїю. леѡнтіа. ѣвдоксію. оулитоу. ѣѷнимію. домноу. ѳеѡ^асіа. іѡ. іакѡва. мрїю. ѳетинію. іакѡва. мавроу. мрїю. ѣѷнимію. дарію. татіаноу. зиновію.

Рѡ кнѡ семена а̀лєѡандровѡ кнєвсьскаго, і кнѡгини ѣго мрїи і сѡа ѣго, кнѡзѡ василіа семеновѡ. кнѡ, а̀лєѡандрѡ. кнѡ, а̀ндрѡ. кнѡзѡ, ілію. кнѡ, владимєра. іиѡ, кнѡ, а̀лєѡандрѡ. кнѡ, сѷмєѡна. кнѡ, михаїла. кнѡ іѡ. кнѡ, романа. кнѡ а̀лєѡандра. кнѡ, михаїла. кнѡ, петра. кнѡ, ілію. кнѡзѡ сѡмєѡна. **) кнѡ, владислава. кнѡ, петра. кнѡ стефана. кнѡ, михаїла. кнѡ, а̀нноу. кнѡ, а̀лєѡандроу. кнѡ, інѡкѡ мариноу. кнѡ, інокоу. настасію. кнѡ, великѡю софію. кнѡ, інокоу, настасію. кнѡ, софію. кнѡ мрїю. кнѡ, василисоу. кнѡ, а̀ннѡу. кнѡ, воинѡ. кнѡ, ѡвдотію. кнѡ мрїю. кнѡ, інокѡ, а̀ннѡ. кнѡнѡ, настасію. кнѡ маринѡ. кнѡ, ѣѷпраѡію. кнѡ, ѳеѡ^ароу. митрополита, григоріа. а̀рхімандрита, николѡ. інѡ, мисанла. інѡ, ігнатіа. інѡ, герасима. інѡ, германа. інѡ, іѡнѡ. а̀рхімандрита, іѡсафа. кнѡ, настасію. а̀гафію. настасію. іриноу. василіа. оуліанѡ. стефанндѡ. лоукіана. ѳетинію. кнѡ, ѳомоу. ѳеѡ^асію. ѳеѡ^ара. василіа. а̀гафію. сѡмона. іѡ.

*) За сямъ въ подлинникѣ пробѣлъ почти на цѣлую страницу.

**) Это имя приписано внизу. на поляхъ, повдѣйшею рукою, — безъ означенія, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Рѡ, кнѣзєн, масальскій. кнѣ, іѡ. іѡнѣ. ѳеѡ^асію. димитріи. андрѣа. іѡсію. михаила. михайла *). ѳвдокию **). настасію. татіаню. стефанѣ ѳефилакѣ. антонидѣ. калинника. коньстантина. кнѣ данила. іѡ. пахѡмѣ филиппа. наоѡма. василисоу. григоріа. сѣмѡна. захарію. козмѣ. аннѣ. дарію. ѡвдотію. нестера. никитоу. понарію. іларха. самѡна. гаврила. симона. агрипиноу. акѣлиноу. йнѡ, іѡнѣ. йнѡкѣ ѡксинію. парфеніа. лѡа. ѳвдокию. іакова ѳрѣа. акѣлинѣ. ѳеѡ^ара. мрїю. іѡ. солонидоу. алеѣанрѣа патрїкїа. маковїа. варвароу. ѳѣнїмію. ѳеѡ^ара. оустинію. іринѣ. сѣмѡна. ѳеѡ^асію. наоѡма. іѡ. данила. мрїю. диментїа. ананію. ѳеѡ^асію. трофїмѣ. аннѣоу. филимона. агрифиноу. коньстантина. ѳлиѡзара. василїа. ѳвдѡбїю. сѣмѡна. татіаню. пелагїю. калинника. кнѣ, данила. димитріа. іѡнѣ. ѳалѣа. парасковгїю. михаила. ѳеѡ^арѣ. ѳѣстафїа. сѣмѡна.

Пана, андрѣа, калницкаго. андрѣа. лоукїана. татїанѣ. лоукїана. карпа. андрѣа. іѡ. зиновію. григоріа. настасію. солонидоу. стефана. алеѣсанрѣа. христиноу. ілію. никифора. ѳфросинію. никитоу. антастасію. іѡ. іакова. соувотоу. пелагїю. матреноу. дорѡфіа. ѳвдокию. сѣмѡна. геѡргїа. агафїю. ѳвсѣвіа. филиппа. минѣ. ѳѣнїмію. козмѣ. дорѡѳѣа. максима. парасковгїю. ѳвдокию. нестора. николю. ѳеѡ^асію. маковїа. ѳѣстафїа. ѳвдокима. лавра. мисаила. карпа. аннѣ. варвароу. петра. ѳѣпраксию. лоукоу. іѡа. пелагїю. никитоу. захарію. ѳеклоу. іѡ. ѳетинію. пелагїю. савастїана. агрипиноу. андрѣа. вѣроу. іѡ. мрїю. паїсна. ѳѣпраѣїю. данила. іѡ. павла. варвароу. алеѣсанрѣа. пелагїю. григоріа. іѡ. оуліанїю. іѡ. петра. ѳевронїю. ѳеѡ^ара. аннѣоу. іѡ. никона. парасковгїю. григоріа. ѳеѡ^ара. алеѣанрѣа. матреноу. іѡ. ѳилимона. ѳеѡ^ара. ѳадѣа. василїа. стефана. аннѣ. павла. ѳеѡ^асіа. оуліанюу. петра. григоріа. ѳемелїана. ѳеѡ^ароу. василїа. пелагїю. никифора. ѡлеѣанрѣа. михаила. аннѣоу. григоріа. юрїа. аннѣоу. андрѣа. ѡвдотію. домноу. коньстантина. григорїа. андрѣа. ѳемелїана. ѳетинїю. іѡсифа. андрѣа. настасію. ѳленюу. козѡю. варварѣ. ілію. ѳемелїана. іѡ. іѡ. григорїа. іѡ. павла. ѳѣнїміа. ѳѣнїмію. малофїа. коньстантина. ѡгрѣпинѣ. іѡ. сѣмѡна. агафїю. сѣмѡна. мрѡфоу.

*) Это имя приписано внизу, на поляхъ тою же, что и въ текстѣ. рукою.

**) Это имя приписано внизу, на поляхъ, позднѣйшею рукою,— безъ обозначенїа, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

іѡсифа. никитѡу. іакова. іѡ. терентіа. дементіа. аннѣ. вѣроу. Ѡгафію. іѡ,
іѡ. григоріа. зиновію. ѣвѣиміа. ѳеѡ^{ра}. іѠсифа. василіа. іси^{ра}. софію.
никитѡу. леѠнтіа. павла. меланію. никитѡу. леонтіа *). демяна. оуліанѡу. ѳеѡ^{ра}.
анцифора. агафію. мрїю. григоріа. іѡ. наталію. татіанѡу. филиппа. іѡ. на-
стасію. агафію. сѹмешна. ісаака. григорна. мрїю. анцифора. меланію. ѳеѡ^{ра}-
сію. диміида. ѳеѡ^{ра}. ѡвдогїю. ѳеѡ^{ра}. іѡ. ѡвдотїю. парѳенїа. іѡ.
оулитѡу. іакова. агафію. никитѡу. оуліанѡу. андрѣа. ѣвѣстафіа. оуліанѡу. дарїю.
жихорѡ. [Жихорѡ. іѡ. ѳеѡ^{ра}. батѣра невѣдають имъ именъ,
а колїса довѣдають тогда ѣ ѣпишѣ] **). іѡ. ѳеѡ^{ра}. батѣрѣ.
ѣленѡу. ѡвдотїю. василіа. ісаака. марѡу. ілію. матренѡу. сосипатра. ѳеѡ^{ра}-
сію. тимоѳїа. ѳеѡ^{ра}. петра. митрофана. анцифора. ѣлѡуфіа. ѳеѡ^{ра}. петра.
агафію. солѡмонидѣ. ілію. ѡннїсїа. сѹмешна. матфіа. василїсоу. димїнсіа.
мрїю. іѡ. прокопїа. іеремѣа. ѣвѣстаѳїа. іакова. ѣфросїнїю. м^{ла}фіа. ѳеѡ^{ра}.
григорїа. василїсоу. тарасїа. агриппноу. оулитѡу. сѹмешна. василіа. григорїа.
настасїю. никитѡу. мрїю. ѡвдотїю. никитѡу. тимоѳїа. оуліанѡу. сѹмешна.
сѹмешна. ѳетнїю. ѳеѡ^{ра}. ѣвѣстафіа. сѹмешна. ѳеѡ^{ра}сію. ѣвламїїа. але-
ксандрѣа. пелагїю. агафію. ѣленѡу. козѡу. ѡленѡу. алексїа. оуліанѡу. дознѣ.
агафію. захарїа. софію. татїанѡу. татїанѡу. пелагїю. стефана. мїхайла. андрѣа.
саѡу. андрѣа. акѡлиноу. лоукѣрїю. ѣвѣимїа. григорїа. іѡ. игнатїа. аннѡу.
марѣѡу. ѳеѡ^{ра}. настасїю. ѣвѣстафіа. іриноу. василїа. ѳеѡдора. патрїкїа.
ѣвѣимїю. к^{дина}. ѣленѡу. іншкѣ ѳеѡ^{ра}сіа. сергїа. ѣвдокію. никитѡу. стефана.
мїханла. ѳеѡ^{ра}. матѳїа. филипп^а. александрѣа. агафію. м^{ра}їю. іѡ. мартїна.
іѠакима. іѡакима. іѠноу. алексїа. пелагїю. стефана. іриноу. филїмѡна.
їринѣ. іѡа. сѹливана. аннѡу. ѣленѣ. василїа. филиппа. мрїю. парасковгїю.
григорїа. татїанѡу. іацїна ***). іакова. агафію. матѳїа. василїа. аннѡу. іриноу.
мрїю. григорїа. матфіа. сѹмешна. ѣфросїнїю. димїтрїа. василїсоу. аннѡу.
ѣмелїана. тимоѳїа. ѡвдотїю. ѣвѣстафіа. іриноу. ѣленѡу. матренѣ. неѡнїлоу.
пелагїю григорїа.

*) Это имя въ подлинникѣ зачеркнуто красными чернилами.

**) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами.

***) Это имя приписано вверху, на поляхъ, по видимому одновре-
менно съ текстомъ,—при чемъ обозначено, куда въ текстѣ оно должно
быть относимо.

Пѣ, романъ, йвашквѣ, рѣ, свѣ Ѹписѣ. тарасіа. софроніа.
 аньноу. агафію. василіа. ѳеω^асію. іѡсифа. игнатіа нестера. іѡ. игнатіа.
 скѣ, нѣфора. агафію. іѡ. адрѣа. агафію. оулитоу. адрѣа. іѡ. данила^а. іѡ-
 кима. сѹмеѡна іринѣ. іѡ. нестера. наталію. григоріа. ѳетинію. стефанѣ
 данила. павла. данила. александра. афилофіа. левнтіа. агафію. мѡнсіа. пар-
 ковгію. рѡ^аѡна. іѡ. григоріа. мрїю. ѳеω^асію. елиѡзара. ѳетинію. кнѣ
 миѡила. кнѣ, сѹмеѡна. іакова. елиѡзара. оуліану. варвару. ананію. ѳеω^а-
^ата. дѡннисіа. козмоу. пайнратіа. симѡна. іѡ. елтоуфіа. ѳеω^асін. еѡн-
 мію. матреноу. ѳеω^ара. сѹмеѡна. іѡ. оуліану. анноу. іриноу. елиѡферіа.
 мрїю. тимофіа. василіа. Ѳрофиноу. ксенефонта. варвару. еленѣ. стефана.
 татіану. оуліану.

Рѡ, пана, мишка свирнѣ. елиѡферіа. климентіа. ілію. анноу
 настасію.

Пахомен балагрѡ. оуписалъ. аї. дшѣ. іѡ. акулнну.
 алаєѣа. варвару. миѡила. агафію. пахома. зиновіа. в^арфоломіа. еѡдокію, кѣ.

Натѣѣа. аксинію. сѹмеѡна. ѡксинію. ѡвдотію. стефана. зенію. козмоу.
 іѡ. тимофіа. татнанѣ. левнтіа. матреноу. гервасіа. азарію. іакова. ѡвдотію.
 ѳеω^асію. коньстантина. оулитоу. еѡнмію. еѡрѣа. ѳеω^асію. димитрѣ.
 софію. парѳеніа. іларіѡна. еѡнмію. пелагію. миѡила.

Рѡ пана, никиты страшка. никитоу. пелагію. ѳеω^ара. ѳеω^а-
^ара. миѡила. еѡдокію. василіа. ѳеω^асію. артеміа. іѡ. оуліанѣ. ѡндрѣа.
 анноу. ѡгаѣю. іѡ. степана. матѣіа. іриноу. макаріа. гаврила. іриноу. ни-
 мина. димитриа. оуліану. іларарѣа. еѡсѣвіа. еѡнмію. ѳеω^ара. настасію.
 самѡона. ѳеω^ата. ананію. захарію. ѡзнію. перфиріа. софію. ѳеω^атію.
 зиновію. імѡросіа. солонидоу. іакова. агафію. димитрѣ. алаєіа. ѳеω^асію.
 мисаила. ѳеω^асіа. василіа. ѳеω^ара. адрѣа. іѡ. агафію. марину. іѡнѣ.
 варфоломіа. варфоломіа. ѳеω^ара. солонидоу. ѡвдотію. данила. григоріа.
 савоу. екатериноу. матѣіа. миѡила. рѡ^аѡна. сѹмеѡна. ѳомоу. лоукіана.
 катерноу. пласіа. ѳеω^ара. настасію. еѡнмію. сѹмеѡна. александра. ѳеω^ара.
 сѹмеѡна. іѡсифа. іѡ. никитоу. прокопѣа. гена^а. никитоу. прокофіа, іѡнѣ
 еѡго, и мѣрѣ еѡго. григоріа. вѣроу. аѳонасіа. оуліану. назаріа. боулгака.

Рѡ, іѡакима, мозѣскѡго, еѡвнчѣ. іѡа. анноу. васына.
 мрїю. іѡ. савастіана. савѣ. настасію. іѡакима. кѡ.

Григорія. феѡ^ары. ѡгафію. лоукѣрію. елнѡзара. аквлинѡ. монѡа. софонія. климентіа. сѡмешна. ефросинію. агафію. агафію. аксинію. сїѣннѡ-инѡ^ѣ, калста. парасковгїю. грїрїа. андрѡа. никитоу. ерѡа сѡмешна. двѡ скимника. елісѡа. полинарїю. созонта. двѡа. феѡ^асїю. рѡ^аон^а. васлисоу. димитрїа. феѡ^ара. анїоу. еѡ^анмїа. сергїа. ефросинїю. іакова. меланїю. василїа. еленѡ. инѡ^ѣ, николоу. мрїю.

Сорока з володимера ѡписалз родз свои. іѡ^ѣ. ѡетинїю. алѡ^аандрѡа. васлисоу. еѡ^анмїа. филиппа. мїхана. катеринѡ. мрїю.

Доѡ^ѣ, з володимера, оѡ^ѣписалз, рѡ^ѣ свѡ. феѡ^асїю, скимницоу. зиновіа. іосифа. іѡ^ѣ. ѡомѡ, скимнїка. агафію, скимницѡ. ѡвдотїю. еѡ^анмїа. григорїа. ѡетинїю. васлисоу. еленѡ. кѡ^ѣ.

Мрїю. варвароу. анїоу. климентїа. ѡлора. козмоу. васлисоу. григорїа. феѡ^ара. матренѡ. мрїю. германа.

Ѣоѡ^ѣстретенїева дїѡ^ѣ. іѡ^ѣ. терентїа. максим^а. карпа. феѡ^асїю. оѡ^ѣлїанѡ. матреноу. іѡ^ѣ. даниліа. мрїю. козмоу. пелагїю. еѡагрѡа. іакова. сѡмешна. іѡ^ѣ. еленѡ. никитѡ. настасїю. еѡ^анмїю. васлисѡ. мисаїла. феѡ^ара. сѡмешна. григорїа. феѡ^ара. германа. оѡ^ѣлїанѡ. сѡмешна. данила. мисаїла. ефросинїю. григорїа. мїхана. павла. сѡмешна. матренѡ. ѡгрофинѡ. іларнѡна. пелагнїю. ірїнѡ. тимоѡїа. софію. сѡмешна. іѡ^ѣ. феѡ^асїю. василїа. ѡвдокима. феѡ^ара.

Рѡ^ѣчаплича. кердиєвїѡ. лоукїана. татїаноу. кандіана. павла. мамелѡѡ. ѡверкїа. наоѡ^ѣ. ірїнѡ. маврѡу. нннїѡор^а. трофнма. оѡ^ѣлїаноу. петра. еѡстафїа. Ѣмелїана. Ѣгафона. феѡ^ара. ѡгафію. василїа. мѡѡедїа. іѡ^ѣклїнѡ. васїана. іакова. оѡстинїю. терентїа. мрїю. ѡгафїю. оѡ^ѣлїанѡ.

Полѡбенскыи. кнѡ^ѣ, феѡ^ара. феѡ^асїю. митрофан^а. семена. феѡ^ара. мїхана. макарїа. ірїнѡ. татїанѡ. марка. родїѡна. ѡатїана. василїа. еѡстаѡїа. матреноу. григорїа. татїаноу. захарїю. сѡмешна. козмоу мїхана. мартїнїана. іѡ^ѣ. мартїна. іакова. феѡ^ара. филиппа. іѡ^ѣ. гаврила. сѡмешна. павла. григорїа. іоѡстїна. ієѡа. ігнатїа. ірїнѡ. аннѡ. софію. ѡксинїю. оѡ^ѣлїанѡ. іѡсифа. сѡмешна. артемїа. матфѡа. оѡ^ѣлїаноу. феѡ^ароу. матренѡ. козмоу. анїоу. екатерїнѡ. іѡ^ѣ, инѡ^ѣ. ннфонта. ѡксеньтїа. настасїю. вїктора. сѡмешна. іакова. ігнатїа. іѡ^ѣ, инѡ^ѣ. іѡнѡ. нншкоу, пнн҃гасїю. іакова ѡлезїа. ннока, іѡ^ѣ. ѡетинїю. ісаїа. еѡгенїю. ѡносїю. сн^ара. феѡ^асїю. оѡстинїю. еѡ^анмїа. максима. ѡдарїю. матреноу. іакова. анїоу. іакова. ѡвдштїю. созонта. мѡ-

лєнѣтїа. ѡвдотїю. савѣ. ѡетинїю. анїюу. ѡмелїанъ. ѡксинїю. инокѣ, нехтарїа. іакова. иишка, логина. тимоѡїа. тарха. варварѣ. ѡешъра. фомоу. ѡдирїю. кнѣ двѣа. алезїа. григорїа. їсиъра. никона. софїю.

Р ѡ, нечає в з. и, дшъ. стефана. мрїю. дѣа. мрїю. инокѣ, касїана. филимона. тимоѡеа. [Данїїла нечаъ Пѡлкѡ: враслѣско ѡвїенаго в рѣ хаѡна] *). стефана. мрїю. їѡ. анрѣа. иґнатїа. анрѣа. рѡмѡна. їев іакова. павла. ѡешъсію. сергїа. лєѡнтїа. ѡлезѣа. димитрїа. оуліану. єкатеринноу. єѡстафїа. димїида іакова. виновїа. долматїа, мрїю. єѡнїїа. понарїю. софонїа. іакова. анрѣа. матренноу. ѡешъта. ииѡ, ѡешъсіа. оуліану. їѡ. ѡгрофиноу. ѡевронїю. їѡ. сѡмєѡна. тарха. флора. триѡна. агрипинѣ. филимона. їѡ. оуліанноу. анїюу. аннѣ. їѡсифа. петра. татїанноу. ѡешъта. васнїа ѡеклоу. їѡва.

Р ѡ пана ивашка пышнеѡнї. васнїсоу. герасима. єкатеринноу. филимона. їѡ. оуліанноу. аннѡу. аннѡу. їѡсифа. алезанрѣа. татїанноу. симона. ѡешъра. аналстасїю. їѡ. їѡ. ѡгрофиноу. парасковгїю. нестера. ѡомоу. захарїю. миханла. ѡетинїю. єлнѣа. аґафїю. ѡешъра. иишка димїисїа. сїмєѡна. ѡетинїю. єѡгнїю. григорїа. єфросинїю. ииѡ, єрофїа. инокѣ марѡѡ. їѡ. маноуила. козмоу. никитѣ. ѡешъсію. сємиѡна. амвросїа. алезїа. оуліанноу. їѡ. ѡешъсію. єлнѣсїа. макарїа. ивана. ѡетинїю. єкатеринноу. патрїкїа. сѡмєѡна. єѡстафїа. єѡстафїа. сысоа. їѡ. павла. аннѡу. неѡфїта. настасїю. сѡмєѡна. оуліанноу. рѡмѡна. григорїа. ѡешъроу. ѡешъсію. акулїноу. аґафїю. никона. стефана. їѡ. юрїа. алезїа. акулїнѣ. їѡ. ѡешъра. стефана. козмоу. павла. васнїсоу. пєлагїю. иґнатїа. коньстантина. єленноу. їѡ.

Кнѣ, великѣ, їѡа, васнїєѡнї, московскѣ вписѣ, рѡ свон. Великого кнѣ, васнїа. Великѣю, кнѣню єго, иишкоу, марѡоу. Рєликѣю, кнѣ, мрїю. великого, кнѣ, їѡанна.—аксенїю. оуліанноу. їѡакїма. їѡ. єлтоуфїа. мокѣа. євдокѣю. їѡноу. їѡ. тимоѡѣа. їрїноу. гєнадїа. двѣа. єппа тоуровьскѡго, и пиньскѡго. єѡнїїа. азарїю. оулитѣ. ѡвдотїю. іакова. ѡешъра. оулитноу. єѡфросинїю. їрїнѣ. мандїла. миханла. сѡмєѡна. єѡнїїа. ѡгрофїноу. матѡїа. гєнїю. софронїа. аннѣ. миханла. іакова. мѣкринѣ. варвароу. романа. їѡ. ѡешъроу. касїана. степанидоу. ѡешъра. ѡвдокію. данила. їѡ. ѡешъсію. серапиѡна. козмоу. їѡ. варвароу. неѡдїа. самонла. ѡг-

*) Оскобленное мѣсто приисано на поляхъ позднѣйшею рукою.

рофину. васіліа. софроніа. василісоу. ігнатіа. іѡ. пелагію. оуліанію. васіліа. матреноу. варвароу. оломоу. алезіа. анрѣа. патрикіа. дementіа. ареста. оеш^ороу. євстафіа. мареміанѡ. панфила. афонасіа. матреноу. ішакѡма. никитоу. пелагію. татіаноу. оеш^ора. марію. ігнатіа. пелагію. хімѡ. єрмолоу. марѡоу. васіліа. никитоу. прокофіа. лоукѣрію. п^авла. ігнатіа. оетинію. оулітоу. татіаноу. іншка, євѡиміа. іншка, лоукоу. татіанѡ. ілію андрѣа. нестера. інокѡ, ѡкилинѡ. домникію. аніоу. оеш^ора. алеѡанрѣа. євѡиміа. іѡ. мрїю. оуліаноу. семена. ларіѡна. м^арїю. миѡаніа. вориса. мрїю. оеш^ора. мрїю. вельаміна. іѡ. варвароу.

Рѡ кнѣ, воротыньскѡго. Кнѣ оеш^ора. кнѣ, мрїю. кнѣ, васіліа. оеш^осію. васіліа. існ^ора. квндрата. євладіа. мокѣа. васіліа. аніоу. анрѣа. іѡ. никифора. фѡана. оеш^ора. парасковгію. ѡвдотію. іакова. пелагію. кнѣ, даніла. кнѣ, оеш^ора. іѡ. акѡлиноу. мрїю. дѣа. лоукіана. адрѣа. аніоу. лоукіана. павла. мамелѡѡ. іѡ. оуліанѡ.

Рѡ, пана анрѣа, павловї. ілію даніла. зиновіа. оеш^ороу. логгін^а. ѡгрипниноу. оеш^ора. оуліанѡ.

Рѡ, пана мишка, затычї. даніла. оетинію. нвкона. настасію. аніоу. ѡенію.

Рѡ, кнѣ, іѡа, анрѣєвї, шѡтишї мѡзєцькї. кнѣ, інѡ, іѡноу. сѡмєѡна. оуліаноу. іѡанніа. оеш^ороу. марѡѡ. димитріа. мрїю. бориса. єпифаніа. оеш^осію. миѡаніа. юрїа. єлнѡзара. іакова. агафію. меланію. сѡмєѡна. дорофіа. оустинію.

Єрмакѡ, великаго, нова города. оуписалѡ, свои. никитоу. коньстантина. петра. іакова. ананію. васіліа. алеѡѣа. коньстантина. юрїа. іѡ. григорїа. іѡ. ананію. аѡанасїа. алеѡанрѣа. матреноу. василісоу. євдокїю. анїѡ. пелагію. парѡєніа. іѡ.

Рѡ, кнѣ, димитріа, івановї., пѡтѡтича, воеводи, киевскаго. кнѣ, димитрѣ^а *). кнѣ, даніла, дреоцкѡ. кнѣ, миѡаніа. кнѣ, миѡаніа. кнѣ, димитрїа. кнѣ, сѡмєѡна. кнѣ іѡ. кнѣ, алеѡандра. кнѣ, глѣба. кнѣ, іѡ. кнѣ, григорїа. кнѣ, іѡ. кнѣ, васіліа. кнѣ, димитріа. кнѣ, васіліа. кнѣ, анрѣа. кнѣ миѡаніа. кнѣ, оеш^ора. кнѣ, миѡаніа. кнѣ, іѡ. кнѣ, васіліа. кнѣ, іѡ. кнѣ, оеш^ора. кнѣ, мрїю. кнѣ, оетинію. кнѣ,

*) Это имя приписано сверху, на поляхъ, позднѣйшею рукою.

мрїю. кнѣ анноу. кнѣнѣ, соломонидоу. кнѣ, мрїю. кнѣ оуліаноу. кнѣ, димитріа кнѣ, мрїю. кѣ.

Ѳфросинїю. агаѳїю. ѳеѡ^{ра}. парасковгїю. іѡ. анноу.

Трѣвѣцкѣ. кнѣ, іѡ. іѡсифа. іереа ѳеѡ^{ра}. аксинїю, скимницѣ. василисоу, скимницѣ. ѡгрепиноу. сѣеннѣ, инѣ, тарасїа. іѡсифа. парасковгїк. миѡанла. мавроу. александра. фотїана мрїю. оулитѣу. леѡнтїа. матрѣну. скимницѣ. козмоу. анноу. андрѣа. савоу. ѳетинїю. аѡксентїа. дарїю.

Шѣзинець, оуписѣ, сестричнѣ своѣ. ѳеѡ^{рѣ}. прокопїа. кнѣ, григорїа. инѣ, іѡнѣ. иншоу оуліанѣ. елиѡзара. ѳетинїю. кнѣ, ѳеѡ^{ра}. кнѣ, ѡгрипиноу. кнѣ, іѡ. іѡсифа. инѣ ананїю. ѳевронїю. еѡдокию. агаѳїю. григорїа. еѡнїмію. іѡ. герасима. ѳеѡ^{сїа}. александра. ілію. оустинїю. павл. іѡноу. ісѡ^{ра}. григорїа. двѣ. андрѣана. іеленоу. кнѣ, инѣ мисаила.

Плтинѣ, рѣ. ѳеѡ^{ра}. иншкѣ, мамелѣоу. инѣ, димїсїа. матрѣну. козмоу. кнѣ, татїаноу. григорїа. прокопїа. василисоу. коньстантина. акѡлинноу. іакова. инѣ, акулиноу. ѳомоу. анноу. тимоѳїа. рѣ^{ѡна}. лазарѣ. мѣкоу. миѡанла. аленоу.

Рѣ, кнѣ, юрїа пиньскѣ. кнѣ, еѡпраѣїю. кнѣ, юрїа. кнѣ, іѡ. кнѣ, юрїа. кнѣ, іѡ. кнѣ, агрипиноу. кѣ.

Инѣ, германа. инѣ, Ѳфросима. инѣ, игнатїа. кнѣ, романа. карма. еѡфросинїю. ѳеѡ^{ра}. марѣоу. леѡнтїа. ѡвдотїю. микоуѣ. ісѡ^{ра}. настасїю.

Рѣ, пана, быка ѡлександрѣѡнї, старосты вѣницкѣго. василїа. василїа. ѡлександра. азинїю. софию. оуліаноу. димитріа. юрїа. ѳеѡ^{ра}. юрїа *).

нїа. коньстантина. ѳеѡ^{сїю}. василїа. синовїю. миѡанла. маврѣнтїа. григорїа. мрїю. лоукѣрїю. іерофѣа. ѳеѡ^{та}. ѳевронїю. ѡлифѣра. іѡ. гаврила. никиѣора. павла. марѣоу. іоулитѣоу. ѡвдотїю іѡ. ѡкоуѣоу. варвароу. логгїна. настасїю. соупона. анноу. ѳеѡ^{ра}. паѡміа. ѳеѡ^{ра}. оуліаноу. ѳеѡ^{ра}. ѳеѡ^{роу}. прокоѳїа. іакова. варвароу. бориса. димїсїа. ѡвдотїю. степанидѣ. аносїю. мавроу. игнатїа. оуліаноу. аѣонасїа. неѣеда. ірїноу. ѡгроѳенѣоу. марѣміаноу. тїта. ѡкинѣа. павла. іѡѣ. синовїю. іѡ. миѡанла. димитріа. антонидоу. ѳеѡ^{роу}. василиа. андрѣа. петра. анноу. іѡ. полинарїю. ѳеѡ^{та}. пемгїю іѡ. іѡ. оуліаноу. ѳетинїю.

*) Повидимому, здѣсь въ подлинникѣ одного или нѣсколькихъ листовъ не достаесть,—и первыя три буквы слѣдующей страницы (нїа) сѣть окончанїе конечнаго имени утраченнаго листа.

Рѡ, александра соухого. александра. коньстѣнтина.

Рѡ ми хан лѡ. а҃грефенѸ. конана. коудина. єѵѳимію. ѳнѡ, перфиріа. инока, ішны. іѡ. а҃гафію. ѡксинію. оуліанѸ. ѡлиферіа. єлисавы. ѳеш^ора. семена. а҃анасіа. василіа. єѵпраѣію. ѳерапонта. инока, ѡгафона. матѳѣа. матрену. никифора. ѡксинію.

Семенъ петрѡ, рѡ. сѵмеѡна. іѡ. оуліану. іѡ. лоукѣрію. оуліану. павла. матрену. [Рѡ пѣ. іѡ, влѣы] *) пелагію. [іакова. василіа пелагію]. **) [іѡ. марью]. ***) іакова. ѡвдотію. василіа. ѳилофѣа, ѳнѡ.

Кнѣ, ѳкнѣ, корецкы. кнѣ, ѳншкѸ, а҃нтонидѸ. сѣа єа, кнѣ, єѵѳиміа. кнѣ, глѣва. кнѣ а҃нѳоу.

Панъ ворисъ коурьскыи. ѳевронію. ѳнѡ, іелисѣа. фотеа. ѡвдотію. аввакоума. оуліану. кѡ.

Бориса. іакова. григоріа. катерину. юріа. васлисоу. десѡнисіа. а҃гафію. терентіа. лоукѸ. іѡ. конана, скимні. а҃кѸлнѸ. мрїю. александра. матфіа. григоріа ѳеш^осію. іерѣа власіа. захарію. василіа. козмоу. ѡгрефиноу. мрїю. карпа. ісакіа. оуліану. филппа. а҃гафію. мрїю. іѡ. меѳедіа. василіа. ма҃нма. диѡнисіа. іѡ. іакова. парфеніа. маврѸ. сѵмеѡна. оуліану. василіа. филппа. іѡ. ѳевронію.

Рѡ, пана, матѳѣєвъ вилневцевъ. євдокію. мареміану. ѳеш^ора. козмѸ. ѳетинію. єлиазара. ѳншкѸ, ѳеш^осію.

Рѡ. іѡ, коупалчича. смолнѣнина. іѡ. мрїю. іѡ. сѵмеѡна. ѳгнатіа. ілію.

Рѡ, кнѣ, іѡ, жеславскѣа. кнѣ, ѳетинію. ілію. євлада. стефана. димитріа. іѡ. ѳевронію. а҃нанію.

Рѡ, пана семена, полозовича. василіа. єлтоуфіа. ѳеш^ора. ѳншкѸ, а҃нѸ. ірину. іѡ. єлиазара. димитріа. иноку, євпраѣію. а҃гафію. ми ханла. кѡ.

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Оскобленные имена написаны внизу, на поляхъ, одновременно съ текстомъ,—причемъ обозначено, куда въ ономъ они должны быть относимы.

***) Оскобленные имена приписаны внизу, на поляхъ, поздѣйшею рукою,—безъ обозначенія, куда въ текстѣ должны быть относимы.

Павла, стефана. татианоу. анноу. христиноу. василіа. григоріа. андрѣа. инѡ, аноуфріа. юріа. еѡфимію. іѡ. матреноу. іакова. агафію. софона. акѡлиноу. инѡ, александра. іакова. варвароу. лѡкиана, скимника. коньстантина. агафію.

[Рѡ, кнѡ, василіа мама лвовича.] *) кнѡ, лва. иншкѡ, агафік. ѡсѡра. андрѣа. кѡ.

Тарасіа, скимні. екатериноу. инѡ, ермолоу. іѡ. акѡлиноу. василіа. павла. настасію. татианѡ. герасима. григоріа. аѡанасіа. ермолаѡ. ѡсѡсію. григоріа. мартиміана. іѡ. мелентіа. іѡноу. іакова. еѡстаѡіа. ѡсѡсію. елнзара. пелагію. григоріа. денію. димитріа. анастасію. еѡгенію. агафію. кипріана, инѡ, елену. леѡнтіа. мартина. василисоу. сѡмѡна. еѡгенію. тарасіа. ѡкоулоу. василіа. сѡмѡна. іѡ. софронѡ. савѡ. димііа. іѡвѡ. оѡліану. харитона. іѡ. денію. василіа. тимѡѡіа. іѡсифа. игнатіа. екатериноу. леѡнтіа. никитоу. лоукнана. ермолоу. ѡсклоу. инокѡ, мрїю. еѡгоу. инѡ, іѡ. скимні варсоноѡіа. матфїа. варвароу. екатериноу. іриноу. сѡмѡна. ѡсѡноста. богдана. сѡмѡна. маѡіа. денію. савѡ. потапїа. матренѡ. данила. оѡліану. агрипиноу. акѡлиноу. ісаію. матреноу. мареміанѡ. емеіана. парасковгїю. конана. ананію. бориса. іринѡ. іѡ. ѡвдотїю. димитріа. іакова. александра. настасію. андрѣа. варвароу. козмоу. селивана. маринѡ. агрепиноу. тимѡѡіа. настасію. іѡ. мрїю. [геѡргїа. мрїю.] **) лоукоу. еленѡ. агафона. пелагію. аксинію. варвароу. ѡкснію. ѡсѡсію. варвароу. маковїа. антонїа. ѡвдотїю. елену. софію. зиновію. прокопїа. ѡсѡсію. петра, иншка. ішнѡ, скимника. агаѡію, скимницѡ. ананію. іѡ. сѡѡенш, инѡ варсоноѡіа. епїѡанїа, діакона. геѡргїа. андрѣа. еѡпраксію, инокѡ. ѡсѡрѡ, иншкѡ. сѡѡенш, иншка, анѡника. настасію. инокоу, оѡліану. инокѡ ѡстинію. анноу. оѡстинію, инокѡ. аноурїа. марфоу. никона. іѡнна.

Златоверхѡ. тита. стефена (sic.) еѡсѡвіа. іринѡ. матфїа, инѡ. ѡсѡдорѡ, иншкѡ. сѡѡенно инѡ, симона. никитѡ. миѡанла. семена. софію. матренѡ.

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Оскобленные имена написаны внизу, на поляхъ,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ они должны быть относимы.

Ѡєw^ора. кнѣ, василіа. кнѣ, маринѣ. прова. сѣєниш, іноѣ, сѣмешна. іриноу. єѵѠимію.

Ігнатєн, рѣ свои оуписѣ, сезонѣ. гаврила. інѣ сезонѣ. Ѡєw^осію, иншкоу. іѣ інѣ. зєнію. інокѣ Ѡєw^осію. василіа. кѣ.

Інѣ, ішноу. агафію. стефана. мрїю. анрѣа. іакова. григорїа. марфоу. романа. інока, пахомїа. іншкѣ, оулитѣ. єѵѠимію. іѣ. ѡгроѠєнѣ.

Рѣ, кнѣ, оулїаны, кнѣ, іѣ, юрьєвї, лѣгвенїєвї. кнѣ ѡлгирда. кнѣ, семена, лоугвенѣ. кнѣ іѣ. кнѣ, диѡнїсіа інѣ. кнѣ, оулїану. скимнї, митроѠана. інѣ, тарасїа. патрїкїа. мисанла, скимнї. варварѣ. іноѣ, стефана. інѣ, анѣфрїа. інѣ, сергеа. іноѣ пантелїа. нїтоу. арефоу. мрїю. никифора. інѣ, Ѡєw^ора. ѡвдотїю. семена. анїю. аннѣ. кѣпрїана. ѡвдотїю. аньтонїа. агафію. алеѣїа. антонїа. тимоѠїа. павла. інѣ, германа. кѣпрїана. зиновїа. миханла. власїа. ѡвдотїю. семена. інѣ, филипа. інѣ, Ѡєw^орѣ. анїю. іѣ. анїю. семена. настасїю. анрѣа. диѡнїсіа, скимника. ѡѠросинїю, скимницю. мартїна. зиновїю. іноѣ силмона. іриноу. іѣ. парасковгїю. василїсоу. інѣ, макаріа. зєнію. Ѡєw^осію. лєѡнтїа. миханла. ісаїю. аревоу. марфоу. сѣмешна. іриноу. данила. ішноу. інѣ парфєнїа. іѣ. агафона. тимоѠїа. єѵдшкїю. ієрѣа аврамїа. мрїю. зиновїю.

Рѣ, пана семена григорьєвї. патрїкїа. григорїа. сѣмешна. іѣ. Ѡєw^ора. іриноу. іншка никифора. ѡкснїю. пєстєра. ѡвдѣа. оулїану. антонидѣ. сѣмешна єлноуѠєрїа. катерїноу. тимоѠїа. мрїю. єлену. павла. лоукиана. дороѠїа. гаврила. мрїю. аноѠрїа. григорїа. григорїа. матѣїа. єрѣа, миѣа. інѣ, єѵѠимію. Ѡєw^осію. трѣѠана. аньноу. єрѣа, єѵстаѠїа. Ѡилїмона. алеѣїа. захарїю. савоу. єѵстѠїа. пєлагїю. кѣ.

ЄѵѠимїа. агафію. анрѣа. матрену. марфоу. іакова. анїю. матрену. василїа. григорїа. авдѣа. андрѣа. оулїану. захарнїю. василїа. рѣѣшна. стефана. миханла. оулїану. варвароу. Ѡєw^осію. авєркїа. максима. єлену. оулїану. Ѡєw^отїю. рѣѣѠна. Ѡєw^ота. карпа. василїа. григорїа. зєнію. Ѡєw^ора. варвароу. лоукоу. андрѣа. захарїю. тєрєнтїа. миханла. агрєфнїноу.

Є костромѣ, авєркїн. є. дшѣ вписѣ. іѣ. ѡкснїю. стефана. карпа. дєѣмїда. оустнїю. іакїма. лєѡнтїа.

Волчкѣ калавоу ровї, рѣ, спнїєска, оупнса. Ѡєw^ора. мрїю.

Прѣжѣскї. Ѡєw^ора. макаріа. алеѣанрѣа. сысоѣ. агафію. Ѡєw^ора. марфоу. тимоѠєа. аѠонасна.

С ѿъ, іаки мшвзъ, ѳѣко ѡца свого іаки ма й рѣ свои. іакимъ. іѡноу. настасію. никитоу.

[Шѣ, никита х^лѣсновѣ. спинка рѣ вписѣ.]*) зиновію. стефана. малафѣа. диѡнісія. іриноу. мрїю. іакопа. конѣата. іриноу. акуліноу. пахоміа. іѡ. григоріа. василисоу. тарасіа. марѳоу. оуліанѡу. власіа. конана ѡвдотію. мрїю. мамелѳоу. инокѣ, зенію. власіа. інѡ, паѳноутіа. нестеръ. сумешна. інѣ, антоніа. моѡсѣа. єрмолѣ. мареміанѣ. ѳеш^лроу. тимоѣа. стефана. зенію. ѡнанію. матреноу. ѳеш^лра. ѳеклоу.

Иихайло соѡдеше* ѡца свого вписѣ. ѳеш^лра. скимницю. ѳеш^лроу. мрїю. аніѡу. сумешна. іѡ. іѡ. єрмолоу. татіанѡу. ісаіао. (sic) матфїа. марѳоу. сумешна. іриноу. данила. іларишна.

З мозырѣ, рѣ, іѡ. ковызе*. іѡ. домноу. матреноу. пелагію. матреноу. сумешна. аніѣ. ѡксинію. ігнатїа. ѡксинію. ѡганію. агапію. артемїа. євѡмїа, ски. мрїю. мрїю. єѡстафїа, єрѣа. татіанѡу. григорїа. ігнатїа. тита. ѳеш^лсію. ѳевронію. миханла. іѡ. кнѣ, миханла. ѳеш^лра. тита, скимника. гаврила. ѳевронію. ілію. інокоу ѳеклоу. ѳетинію. матреноу. геѡргїа. ски. козмоу. інѣ, максима. оуліанѡу. савастїана. ѡксинію. ѡѳонасіа. кѡ.

Александра. інѡ, никифора. александра. прокопіа. агафїю. ѡвдотію. рѣ^лѡна. наталію. григорїа. никифора. сумешна. наталію. лешнтіа. александра. іакова. григорїа. ѡвдотію. сумешна. ѳеш^лра. миханла. іѡ. домноу. євгенію. єленѣ.

Коултѣкѣ. данила. катеріноу. зенію. филиста. оуліанѡу. василїа. мелентїа. ѡгрефїноу. євѡмїа. мрїю, скимницю. ілію. пахомїа. єленѡу. оулианѣ. мартина. ѳеш^лсію. левона. оулітоу. квпрїана.

Судоршвзъ. сумешна. мрїю. скимницѣ, оуліанѡу. мрїю. никифора.

Рѣ, пана іѡ. дашковѣ, іпане єго. коньстантина. інѣ оуліанѡу. інѡ, даниліа. мрїю. ѡстафїа. агафѡна. димитрїа. іѡ. аніѡу. євпраксію. григорїа. татіанѡу. василїа.

Рѣ, ѡговитѣ*. єлнѣєрїа. аніѣ. іѡсифа. тимофїа. мрїю. даниліа. леванида. аніѡу. ѳеш^лсію. ѳеш^лсію. матфїа.

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ, сверху, безъ обозначенїя. куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Рѡ, пани, нимилы, ѡбернеєвоє. сѹмешна. василіа. ѡксинію.
[симешна. ішана. агѡю.] *)

Рѡ, скипорєвѣ, збрѣньска. григоріа. іакова. агафію. аннѹ.
козмоу. семена. инѡ фадѣа. варвароу. анцифора. іакова. агѡфію. матѡѣа.
матреноу. ѡешѡра. аносію. сергіа. стефана. григоріа. матреноу, иншоу. глѣа.
филіпа. єрѣа, козмоу. мареміаноу. ѡешѡра. прокѡа. василіа. ѡешдота. іѡ.
зенію. ѡвдотію. ілію. василисоу. миѡила. ѡкоулоу. матреноу. ѡешѡроу,
скимницѹ. ѡешѡра. бориса. аншоу. пахоміа. максима. матреноу. мариноу.
мрїю. оуліаноу. настасію. іѡноу. сѣєнш инѡ, левонтіа. степанидоу.

Рѡ, толѣстикѡ. инѡ, сѹмешна. иншоу, матреноу. диѡнисиа. кате-
ринѹ. ѡомоу. парасію. єѡросинію. аввакоума. сѹмешна. григоріа. макаріа.
аншоу. єкатериноу. оуліаноу. юриѡ. іѡ. парасію. євѣстаѡіа. григорна. ѡешѡ-
роу. ананию. анфилотіа. іѡ. іакова.

Рѡ, іѡнинѣ ис поустынки. прокопіа. ѡешѡсію, скимницоу. мат-
фѣа. антоніа. аншоу. василисѹ. ѡвдотію. нестера. настасію. анисима. іѡ. ским-
ницѹ, ѡешѡсію. карпа. инока, пимина. логгина. аннѹ.

Пѡ гриѡко шєстовікѣ ис чернигова. рѡ ѡнисѡ. євѡимію.
инѡ, савоу. єкатериноу.

Рѡ, кнѡ александра сеигоушковѣ а воиноцѣ, александіа. кнѡ,
маноуіла. кнѡ, сѹмешна. петра. сѹмешна. стефана. іѡ. кѹрила. сѹмешна.
ѡешѡра. петра. миѡила. сѹмешна. іѡ. матфеа. іѡ. муртина. іѡ. іѡ. ва-
силіа. іѡ. сѹмешна. іѡ. миѡила. ѡешѡра. петра. василіа. іакова ѡешѡра.
[Кнѡ, романа.] **) двѡа. ілію. тита. сѹмешна. іѡ. ѡешѡра. ѡомоу. ісаію. іѡ.
кнѡ, ѡешѡроу. солломонидоу. ірнноу. кѡ. василіа.

Моураль. ѡомоу. [скимницѡ наталію.] ***) меланію. лаврентіа. диѡнисиа.
калєника. семена. аншоу. іѡ. миѡила. єрѣа александра. сѣєнш, иншка сѹ-
мешна. захарію, скимнѣ. логгина, скимника. настасію, скимницоу. антонію,

*) Оскобленныя имена приписаны на поляхъ, сверху, позднѣйшею рукою,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ они должны быть относимы.

**) Оскобленное имя приписано на поляхъ, сверху, позднѣйшею рукою,—безъ обозначенія, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) Оскобленное имя приписано на поляхъ, внизу, нѣсколько позднѣйшею рукою, съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

скимницоу. іакова. игнатіа. ѳеω^ωсію. матреноу. варфоломѣа. настасію. мѣтина. сѣмѣйна. двѣа. матреноу. іѡ. ѣлтоуфіа. ѣвгенію.

Ѡцѣ, и мѣти, лозина. бориса. ѡвдотію. ѳеω^ωсію. іѡ. димитрію іѡ. мѣфедіа. настасію. павла. меланію. лѣѡнтіа. акѣлнноу. игнатіа, ииѡ ѣѡиміа. наоѡма. ѳеω^ωсію. анѣѣана. малаѳеѣ. ѣѡпразію. димѡннсіа. софни. ѳоמוу. матѣѣа. дѣментіа. никифора.

Рѡ, пѣ ѳеω^ωра. іанѡшковіи. писарѣа, великѣа кнѣ. іѡсифа. прокопіа. іѡ. іакова. іриноу, скимниѣ. мѣію, скимницоу. анѣѣа. кѡѣ.

Ѡвдокію. кондрата. сѣмѣйна. оѡліану. роусана. оѡліану. агаѳона. мамелѳоу. иишка, васѣана. рѡѡѡна. сѣмѣйна. ѡстафіа. ѡдарію. іѡ. ѡксентіа. никитоу. ѡриноу. варвароу. іѡ. ѣѡгенію. парѣеніа. марѣліану. ииока, іѡнѣу. ѡанасіа. анциѳора. марѣліанѡ. ииѡ, иѡсифа. павла. ѳеω^ωсію. лѣѡнтіа. ѡенію. ѡлѣѣѣа. ѳеω^ωсіа, ииѡ.

[Рѡ, масальскыѣ.] *) василіа. анѣѣа, скіиѣ. аніюу. ѣлѡшзара. мѣію. никифора.

РѠ григоріѣ. григоріа, скимника. ѡлѣзіа. варварѡ. петра. семѣна. аніюу. стеѳана. настасію. ѣвѣѡвіа. семѣна. мамелѳоу. ѳеω^ωсію. мѣію. іѡѡ семѣна. ѡлену, скіиѣѡѡ. стеѳана. прокопіа. аніюу. ѣвдокію, анѣѣа. ииѡ. іѡнѡ. ииѡ, никона. дороѣѣа. ѳевронію. агаѣію. ииѡ, іѡакыла. аніюу. кипріана. ѡфонасіа. татіану. ѣѣѣа, іѡѡѡ. викторіа. ѳеω^ωсію. ананію. іриноу. ѳетнію. настасію. мелентіа. ѳеω^ωра. акѣлнноу. ѣѡимію. сѣѣннѡ, іѣѣѣа. ѣѡлиѣѣріа. скимника, іѡакима. ииокоу, ѣѡфросинію. настасію, скимниѡѡ. мѣію. вокоулоу. лѣѡнтіа. савоу. мѣію. оѡлнтоу. григоріа. варварѡ. димѡннсіа. димитріа. матреноу. игнатіа. ииока, пимина. пѣлагію. химѡ. ѣѡиміа. тараса. протасіа. акѣлнноу. ѣѡгенію.

Ѡ поутивѣѣа, мѣковичи некрашѡ, богданѡ, вписали рѡ, свои. флора. павла. гаврила. іѡакима. тарасіа. іакова. триѳона.

Рѡ ѳиларета, ѡрхимандрита печѣрьскаго. **) Ѡціиѣа іѡѡ,

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ, сверху, красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

) На поляхъ противъ этого мѣста позднѣйшею рукою приписано: **Волынца.

Іриноу. Єщїиш, инѡ, антонїа. Мартина. Татїанѡ. Ирїю. Феѡ^{ра}. Архї-
ландрита, Филарета. [акїлиноу. єрѡ^{ана}.] *)

Рѡ, скипоревъ, з врѡньска. Василїа. агаѡню.

З ншва, гѡа. кнїрїанъ старецъ вписалъ рѡ, свои. оустина.
Іриноу. Феѡ^{та}. инѡ. ѡносїю, скимницѡ. власїа. наталїю. сѡмеѡна. акѡлиноу.
пафомїа. пахомїа, инѡ. григорїа. зеновїю. павла. игнатїа. мефедїа. денїю.
андрѡа. ілію.

Слоугы печерьскїѡ тотаръ, коунецъ и товарищї
єго, повїты. конѡата. єфрема. анрѡа. серѡа. никона. існ^{ра}. игнатїа.
мефедїа.

Рѡ, пана воулгака лисиченка. іакова. єкатерїноу. максима.
григорїа. васисоу. євдокїю. агапїю.

Рѡ кнѡ, іѡ, юрьевї. с москвы. кнѡ, юрїа. кнѡ, анїоу.
кнѡ василїа. кнѡ, мїхайїла. варѡломѡа. євдшкїю.

А се самъ кнѡзь іѡа юрьевї. кнѡ, іѡ, юрьевї, кнѡ, єго.
євдшкїю, и снѡ єго. кнѡ, василїа. друугаго, снѡ, єго, кнѡ, іѡ. кѡ.

Анастїа. стефана. мрїю. євксентїа. андрѡа. доминїю.

С поутивлѡ, сотнїкова жена, хотѡньскаго. неїша,
вписала рѡ свѡ аї. дшѡ, азатындѡши, и ма давати, з годѡ
на гѡ по ка^а меѡу. лоукѡ. оулїаноу. існѡа. агафїю. анрѡа. василїа.
понарїю. денїю. варвароу. оулїаноу. карпа. кѡ.

Феѡ^{ра}. павла. іакова. грека. лоукоу. мрїю. татїаноу. павла. євѡро-
синїю. ѡвдотїю. инѡ, мартина. иншкѡ, мрїю. мрїю. акѡлоу. маврѡ, ским-
ницѡ. євгенїю. іакова. пелагїю. Феѡ^{сїю}. григорїа. агафїю. акѡлоу. татїаноу.
іѡ. соломонїдоу.

С поутивлѡ слонатїна вписалъ, іаковъ климовї, ѡ іїа,
и мтрѡсвою. азатыдѡши, и маєть давати з годоу на годѡ по ка^а
меѡ. климентїа. Феѡ^{сїю}. мрїю. євтнхїа. юрїа. ѡвдотїю. єкклоу.

Рѡ кнѡ, коньстѡнтїна кроциньскѡ, казначїа см о-
леньскѡ мтї єго, и снѡ єго. кнѡ иншкѡу, єфросинїю. кнѡ, Феѡ^{сїа}.
власїа. ѡксинїю. александѡа. ѡвдотїю. инѡ, ларїшна. козмоу.

*) Оскобленныя имена приписаны въ текстъ позднѡйшею рукою.

іѡ. тихона. мартина. скимника. соломонидоу. іосифа. єѹфиміа. антипоу. стефана. матѳіа. тимоѳіа. єленоу. данила. настасію. ѡгрефіноу. єкатериноу. іакова. мрїю. василіа. мрїю. ѳεω^αсію. павла. ѡноѳріа. оуліаноу, скимницоу. андрѳа. геронтіа, скимника. петра. настасію. ѳεѡгноста, інѡ. василіа. мрїю. матфіа. ѳεω^αсію. ѳεω^αра. филипа, інѡ. інѡ, тихона. мрїю. інѡ, филипа. алеѡанра. ѳεω^αта. григоріа. ірину. іѡа.

Калантаєвъ. василіа. павла. мареміаноу. ѳεω^αсію. миѡанла. сѹмеѡна. мрїю. карпа. ѳетинію. алеѡанра. мрїю. афанасіа. анноу. матреноу. іѡ. ілію. пелагію. лоукіана. ѳетинію. ѳεω^αра. никитѸ. мрїю. настасію. марію. диѡмида. петра. харитона. алеѡіа. макаріа. іѡ. зиновіа.

Рѡ по па шандырѡ. іѡ. єкатериноу. ананію. іѡа. агапію. митрофана. єкатериноу. тимоѳіа. наталію, інѡкѸ. васіана, скимника. лаврентіа. пелагію. марка григоріа. пелагию. сцїнѡ, іерѳа ѳεω^αра. ѳεω^αрѸ, інѡкоу. марка. василіа.

ѡ Ѣноуфреєва дїн. савоу. іакшва. іерѳа козмоу. іѡ. козмѸ. никитоу. татіаноу.

Ѣ москвы, оуписали рѡ кнѡ, семена рѡполовьскшго, ѡцѸ, і мѣн, і сѡ. кнѡ. іѡ. инокоу, скимниѸ, кнѡ, наст^αсію. кнѡ, симіѡна.

Пѡ, страшкѡ. никитоу.

[Кнѡ алеѡанро сендюшковѡ]*) кнѡ алеѡанра, а во иноцѸ, єліѸѳеріа, скимнї. єоустафіа. гаврила. григоріа. никитоу. артемїа. євлампіа. иринѸ. миѡанла. василіа. скимницѸ фросинію. іноѡ алеѡандра. скимнї. єзнію. скимнї. тимоѳеа. ѡгаѳію. іноѡ. алеѡѳа. соѡню. гаврила. ѡгаѳію. аинѸ. іноѡ. леѡнтеа. євдокію. єреа. назаріа. іноѡ. агрепинѸ. василіа. марію. сцїнно іноѡ. іѡсифа. іноѡ. васіана. ѳεω^αра. єкатеринѸ. ісаака. татіанѸ. євдоктю. іѡ. ѳεω^αра. єфрема. марѳоу.

Рѡ пана бѸкѡ. петра. юріа. харитона. ѡдарію. іѡ. игнатїа. назарїа. григорїа. іѡ. геѡргїа. христинѸ. іѡ. василіа. василіа. скимнї. єленѸ.

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ, вверху, красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть отнесимо.

марію. василіа. петра. григоріа. парасію. Ѡгаѡію. ѡно. ѡнѡаніа. нѡвоу.
василіа. аннѣ ѡно андрѣа. ѡно ѡнію. лаврентеа. ѡсѡдора. стеѡана. еѡдо-
кѣа. пелагію. ѡсѡсію. ѡлію.

Пана завиши ѡ пани єго. сѡлана. татіану.

Рѡ пана калениковѣ ѡ пани єго іѡ. настасію. мѡхѡла. грі-
горіа. стеѡана. єлазара. іѡ. ѡєкѣ. марѡу. василіа. марію. скѡмѣ. вар-
варѣ. климентеа. ѡгреѡнѣ. панарію. іѡ. хѡмѣ. пахѡміа. григоріа. василіа.
василисѣ. іосѡа. андрѣа. ѡсѡра. ѡно аннѣ.

Пани ѡлена кѣкиреѡа оуписала в до прѣтои ѡ сѡлѣ
пана своего селище брылевѡнѣ новоселкѣ. в житомир-
скѣ повѣте. а зато оуписала пана своего ѡ себе ѡ рѡ свои.
ѡ дѡшѣ. ѡно селивестра. ѡно ѡѡдотію. сѡмешна. ѡленѣ. ѡно наталію. па-
нарію. ѡно домнѣ. ѡннатіа. матренѣ. настасію. захарію. ѡно акиндіна. ан-
тонидѣ. пелагію. хрѡстиноу. ѡно. іѡнѣ. ѡно. васіана. марію. єѡнѡмѡю. ти-
мѡѡа. оуліанѣ. павла. матренѣ. ѡдіна. миноу. матренѣ. аникитоу. козѡу.
іосѡа. павла. ѡгреѡноу. іереа. василіа. татіанѣ. мѡхѡла ѡно. наталію. єѡ-
мешна. єфросинію. григоріа. ѡнонѣ. мареміанѣ. іѡа. григоріа. єѡустаѡа.
ѡно мѡхѡла. єѡдокима. ѡно ѡмоу. іѡ. єѡнѡмѡю. кондратіа. ѡно. ѡни-
сіма. стеѡана. іесеа. сопрона. рѡшна. єзінію. пелагію. перфѡуріа. григоріа.
лєѡнтєа. ѡсѡра. павла. мануїла. малѡѡѣа. алєѡдра. василіа. дєѡнѡсіа.
лѡкіана. іакова. дѡмитреа. гаврила. симіѡна. іѡ. оульѡнѣ. василіа. іѡ. мѡрѡ.
кѣа ѡрѡнѣ. ѡанасіа. климентєа. настасію. ѡстинью. єзінію. єфросинію. ва-
силіа. аннѣ. полинарію. парасковію.

Пана семена ѡлизаровѣ. сѡмешна. василіа. романа. іѡсіѡа. ва-
силіа. ѡгреѡноу. ѡгаѡію. ѡнѡ, мѡсѡла. сѡмешна. нѡнѡѡра. василіа. скѡнѣ.
настасію. іѡноу. сѡнѡнѡ, ѡнѡ, матѡѣа. ѡндрѣа. скѡмѣ, савастіана. ісаню.
єліѡѡеріа. татіану. дєѡнѡсіа. захарію. ѡгапію. *) ѡндрѣа.

Тѡи дѡшѣ, пѡдєсѡ ѡ, пѡ звѣрь волчковѣ намѣснѣ слоу-
цкѣи. вписѡ рѡ свои. ѡндрѣа. ѡнѡу. василіа. настасію. павла. дѡа. єс-

*) Это имя приписано на поляхъ позднѣйшею рукою,—съ обозначе-
ніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

чиѳора. савы. игнатія. євпраксін. анны. петра. григорыа. сергеа. пан-
 телѣа. ішва. мартинія. пелагію. галактыўна. захарію. павла. ілью. сімеўна.
 марію. макарія. іў. трўхона. сидора. юрія. игнатія. їмолаа. домнѣ. мрїю.
 ѳетинію. василіа. татіанѣ. швдотію. аннѣ. григоріа. ѳетинію. василіа. савостіана.
 миҳанла. ѳешора і жонѣ его. ѳевронію. іўа. настасію. мрїю. ѳешорсію.
 шѳанасіа. ѳешдота. марію. зинію. григоріа. іў. григоріа. леўнтія. никитоу.
 іўнѣ. матренѣ. мамонтѣ. шгаѳію. миҳанла. марію. леўтѣа. елфимію. марка.
 ѳешора. меланію. марію. швдотію. василіа. никитѣ. даліана. ѳешора. ма-
 тренѣ. кѳдратія. лоукоу. тимоѳеа. никѳора. марію. оульанію. григоріа. пер-
 ѳирія. ївстаѳіа. логвина. марію. марію, инѣ їоуѳиміа. оульанію. акин-
 дина. сімеўна. сѣмишна. наѣма. іў. игнатія. костантина. никѳора. шкѣ-
 лнны. ѳешорѣ. никиты. марію. миҳанла. агаѳію. василісѣ. лѣкіѣна. ели-
 зара. лѣкіѣна. даниліа. симиўна. симиўна. шгреѳиноу. инѣ, алексіа. наста-
 сію. агаѳію. андрѣа. григоріа. алексіа. шленоу. мрїю. їсннію. сімеўна.
 прокопія. зиновію. миҳанла. інокоу оўліаню. лоукоу. зинію. ѳеодота. на-
 талію. миҳанла. нестера. матреноу. григоріа. захарію євдокію. іўана. але-
 ксандра. ѳешора. мрїю. матреноу. грїгоріа. їўснѳа. пелагію. шленоу. ѳе-
 тинію. їлинарѣа. оўліаню. ѳешора. андрѣа. василіа. агаѳію. инѣ зинію. юрія.
 татіанѣ. парасковію. шндѣа. матренѣ. григоріа. іў. ісакіа. бориса. їринѣ.
 агаѳію. инѣ. шкѣленѣ. василіа. никитна. парасковію. пелагію. целагію. їе-
 реа. василіа. ѳешора. василіа. миҳанла. ісаіа. ѳетинію. романа. григоріа.
 пелагію. монсѣа. аннѣ. агаѳію. симиўна. деўнісіа. григwрїа. іакwва. ага-
 ѳію. татіанѣ. марію. оуліанѣ. ѳешора. ішакима. димитреа. никитѣ. даниліа.
 павла. ѳетинію. аннѣ.

Рѣ архимандрита жидничѣскѣ іасаѳа. архимандрита іасафа.
 тимоѳеа. марію скимницю. романа. марію. марію. іўа. геўргіа. їрмолаа.
 ѳешору. андрѣа. матѳѣа. мамонта. оўліаню. швдотію. анноу. козмоу. ѳе-
 тимію. андрѣа. шленоу. захарію. савѣ. агрипину. настасію. їриноу. мрїю.
 анноу. агаѳію. євдокію. сімеўна. іўа. швдотію. ѳешора. настасію. скїніка.
 инѣ. мартина. матроуны. даниліа. монсѣа. симиўна. захарію. іўа. іўа.
 парасковію. шриноу. ѳешсїи. іакова. макрены. воріса. василіа. оульаню.
 андрѣа. мрїю. стеѳана. димитреа. александра. ѳешора. тимоѳеа. филиппа.
 никитѣ. алеѣіа. іў. дементеа. алеѣандра. агрефинѣ. матѳеа. ѳешорсію. да-
 выда. василісѣ. деўмида. пелагію. сімеўна. дементеа. марію. марію. єфро-

синію. николѸ. іакова. настасію. фотіана. марію. ѳеω^ара. химоу. соложа-
нидѸ. елиферіа. зинію. алезіа. агафію. марію. ішреста. іѡ. вавилѸ. згрѣ-
фенѸ. григоріа. аннѸ. лазарѸ. гаврила. козмѸ. матреноу іно̇. деміана. іѡ.
іно̇. арсеніа. тимоѳеа. троѳима. тарасіа. марію. ішва. татіанѸ. васіліа. оула-
тоу. миханла.

[Рѡ п̄а д м̄ѣра вѸтов̄и]*) ѡкѡлинѸ. оустина. димитреѸ. парасковгѣм.
кнѣ. іѡ. матронѸ. ѳомѸ. ѡвдотію. ѳеω^ара. настасію. іно̇ мартіѡна. ма-
троноу. даниліа. монстѣм. निकолоу. татимноу. анноу. оуліанѸ. пелагію. ѳеω^а-
сію. ѳеω^ара. іно̇. варсонофѣм. павла. троухона. стефана. василіа. григо-
ріа. іларіѡна. софью. ѳеω^ароу. кнѣ. григоріа. бориса. іно̇, іѡноу. іно̇,
іѡноу іно̇, мр̄ню. давида. максима. карпа. филипа. кнѣ, александра. іно̇, не-
ктаріа. павла. миханла. іѡа. марію. зиновію. гаврила. мр̄ю. іно̇, калста
ѳеω^ара. авксентіа. еустаѳіа. ѳеѡра. васіліа. парасковгію. іно̇ никитѸ. іѡ.
ѳеѡра. ѳевронію. аммоса. васіліа. алезіа. евфимію. варварѸ. стефана. іно̇.
скимника. васіана.

Богда̄ крылошані оуписа̄ рѡтели свои. ісрѣм харлампіа.
скіницю, ѳеѡрѸ. сѡмиѡна. кѡ.

іакова. ѳеω^асію. оулитѸ. аносію. ѳеѡра. николѸ. павла. настасію.
миханла. ѳомѸ. ѳеω^ара. ѡвдотію. леонтіа. ѳеω^ара. маѳѣм. іѡа.
оуліанѸ. варварѸ. ѳеω^ара. марію. оуліанѸ. іно̇. серафиміа. ѳеω^ара.
ѳеω^асію. николѸ. агафію. ѳомѸ. антоніа. зиновію. мѣѳеѣ. евфросинію.
іно̇. васіана. григоріа. васіліа. юріа. конана. ірінѸ. андрѣа. стефана. евфро-
синію. александра. матѳѣа. тимоѳеа. ѳеω^ара. пелагін. лоѡна. ѳевронію.

Рѡ пана і в̄а ка дѣков̄и. андрѣа. іеленѸ. меланію. ѳеω^ара. евста̄а.
ѳеω^ара. іѡ. власіа. настасію. домінікію. іакова. александра. васіліа. стѣна.
юріа. настасію. ѡгрѣнѸ. григоріа. пелагію. матренѸ. семншна. ѳеω^асію. ни-
колѸ. манола. марію. іакова. аѳанасіа. маѳеа. тимоѳеа. григоріа. настасію.
малаѳеа. харитона. ѡмеліана. ѡвдою. матренѸ. іно̇. іакима. ісрѣа. васіліа.
перфиріа. іѡ. евста̄а. кѡріана. карпа. андрѣа. ішсиѳа. николѸ. васіліа. ан-
дрѣа. прокопіа. акѡлинѸ. григоріа. настасію. ірінѸ. анзкыдина. антоніа. зах-
рію. василисѸ. іеленѸ. іно̇. ішсиѳа. григоріа. ѳеω^ара. іѡ. іеѡа. аннѸ. меланію.
акѡлінѸ. евсегеніа. кѡстатіна. ѳетинію. скіні. іѡ. іѡ. зеновію. пахома іѡ.

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами, —
безъ означенія, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

:и мѣшна. стѣна. никитѣ. матренѣ. ѳеѡсїю. игнатїа. ермолѣ. тита. ѡвдѣю.
 ѡвдѣю. марїѡ. шгаѳїю. александра. ѳеѡѡра. козмѣ. еленѣ. марїю. елиѳерїа.
 сергеа. григорїа. дмитреѣ. ѳеѡсїю. никитѣ. данила. софонїа. іѡ. никитїа.
 саавѣ. малоѳеа. марїю. мамонта. єзїнїю. ѳеѡсїю. їнѣ. наталїю. ѳеѡѡра.
 їнѣ. наталїю. їнѣ. євдокїю. симеѡна. грїгорїа. аннѣ. ѡвдотїю. просїю. ми-
 хала. ірїнѣ. ѳеѡѡра. василїсѣ. никитїа. петра. ѡвдотїю. григорїа. аннѣ.
 пархолоїа. грїгорїа. ѡдѣтеа. іѡ. аннѣ. мрїю. лоукїана. ѳеѡсїю. ѡгрефинѣ.
 татїанѣ. василїа. пелагїю. єзїнїю. харитонїа. павлѣ. настасїю. минѣ. пѣра. іѡ.
 михала. іѡ. александра. никифора. ѳеѡсїю. наѣма. романа ѳеѡѡра. матренѣ.
 маѳеа. васїліа. стѣфана. ѡгрефинѣ. мрїю. ѡльмнїю. ірїнѣ. іѡ. васїліа. мрїю.
 соломонидѣ. оульмнїю. елиферїа. василїа. ѳеѡѡра. оульмнїю. тарасїа. євдєн-
 теѣ. ѳевронїю. ѳеѡсїю. князѣ. дмитреѣ. сергеѣ. шгаѳїю. шгафїю. василїа.
 євдокею. сємишна. миханла. василїа. александра. юрїа. ѳеѡѡра. євсєвіа. ма-
 рїю. малофѣѣ. василїа. ілію. анастасїю. козмѣ. хотїа. сєновїа. марїю. мн-
 ханла. їнѣ. агафїю. стѣфана. анастасїю. єсїфа. ѳеѡсїю. ѳеѡѡра. василїсѣ.
 григорїа. їнѣ. ірїнѣ. андрѣѣ. ѳеѡсїю. маѳеѣ. аннѣ. їнѣ. сєновїа. агафїю.
 ѡгрефинѣ. ѳеѡсїю. князѣ симеѡна. миханла. фомѣ. соломонидѣ. андрѣѣ.
 никитѣ. фїрса. ѳарафонта. єзїнїю. лѡкїана. василїсѣ. агафона. їнѣ. макарїа.
 аннѣ. їнѣ. пелагїю. іѡ. їнѣ. германа. спїридонїа. гаврїїла. захарїю. євдо-
 кею. козмѣ. їнѣ. їсакѣѣ. єкатерїнѣ. їнѣ. іанарха. харитона. ѳеѡѡроу. па-
 вла. манонла. іѡ. іѡ. климентѣ. євфїмїа. настасїю. мрїю. панкратїа. ма-
 тренѣ. ссїю. симеѡна. іѡ. мрїю. шгреѳинѣ. їнѣ. ірїнѣ. ірїнѣ. александра. сте-
 фана. сімона. мєфодїа. лєштїа. ієрѣѣ. савы. варварѣ самонла. дєшмида.
 симеѡна. данила. димитрїа. їнѣ. сімона. їнѣ. никифора. захарїю. василїа.
 меркорїа. григорїа. ѡвдѣю. оуліанѣ. мрїю. сидора. акїлінѣ. єсїфа. мрїю.
 варлаама. рафанла. гаврїїла. іѡ. варлаама. їнѣ. іѡсїа. юрїа. іѡ. ѳеѡѡрѣ.
 стѣна. агаѳїю. сєновїа. євфїмїа. їнѣ. василїсѣ. можа. ѳеѡсїю. конана.
 александра. григорїа. іѡ. ѡнїсїла. андрѣѣ. мрїю. татїанѣ. оулїтѣ. данила.
 фомѣ. петра. сємишна. єкатерїнѣ. ієрємѣѣ. ѡвдотїю. мрїю. князѣ. мрїю.
 князѣ. іѡ. князѣ мрїю. нєстєра. євдокею. іѡ. ѳеѡѡра. їнѣ. ѡліанѣ. ксннїю.
 стѣфана. василїа. ѡдарїю. іѡ. савѣ. ірїнѣ. антонидѣ. ѳеѡсїю. ѳеѡсїю.
 мрїю. александра. прокопїа. мрїю. карпа. антонидѣ. ѡліанѣ. мартѣѣна. ѳеклѣ.
 елиферїа. їнѣ. євфїмїа. ѳилиппа. дєшмида. климентѣ. єзїнїю. татїанѣ.
 сїннїю. їнѣ. макарїа. григорїа. василїа. анноу. єкатерїнѣ. параскѣвїю. ѳеѡѡра.

григоріа. григоріа. євфимію. іѡ. іѡ. василіа. трѣхона. трѣхона. власіа. григоріа. євфимію. нестера черноризца. андрѣа чернорі. даміана. черноризцѣ. оуліанѣ. ѡвдотію. маѳеа. григоріа. ѡвдотію. сеновіа. петра. мартіана. чернорі. мрїю. євфимію. євгенію. матренѣ. іакова. марію. черноріц. іѡ. матренѣ. вокола. оуліанѣ. алеѣдра. феѡфана. ереа. іѡ. іакова. аннѣ. ѡсидора. сціно. сціно. нестера. глікерію. павла. аннѣ. іакова. марію. григоріа. євдокею. іѡ. нерона. оулитѣ. григоріа. іѡ. созонтеа. екатеринѣ. инокѣ. италію. елѣфіа. прокопіа. ѡггѣію. іѡ. василіа. євдокеа. вѣрѣ. ѳеѡсїю. лѣкіана. ѡгрефинѣ. авраміа. амбросіа. козмѣ. інѣ. павла. еленѣ. інѣ. євфиміа. василіа. єфросинію. іѡ. василіа. настасію. ѡвдотію. євстаа. лѣкіана. василіа. оуліанѣ. іѡ. іакова. іѡ. ермолаа. ѳеѡсїю. петра. андрѣа. ермолаа. аннѣ. симеѡна. даниліа. іакима. іѡ. євфросію. димитреа. василіа. зинію. нахтасію. петра. маѳеа. дарію.

Р ѡ. пана ѡлехнѣ скарѣтинѣ. інѣ. василіа. скїницѣ. марію. алеѣдра. юріа. ієва. анастасію. інока. каленика. сціно. наѡма. никыфорѣ ксинію. інѣ. игнатіа. ра^авона. ієлиферіа. ѡвдотію. терѣтеа. димитреѣ. оулетоу. тита. ѡдарію. адрѣа. василисѣ. левона. андрѣа. єфросинію. інѣ. іѡнѣ. тимоѳеа. фетинію. андрѣа. аннѣ. савѣ. тимофѣа. никитоу. андрѣа. василисѣ. григоріа. оуліанѣ. татїанѣ. іѡ. матренѣ. марію. ксинію.

Р ѡ пана миѡхилѣ гагнновѣ. савѣ. андрѣа. іѡ. іосифа. леукѣ. скїнї христинѣ. ѳилиппа скї. іѡ. ѳеѡра. василисѣ скїнї. єфроѡск. скї. ѡксѣтеа. андрѣа. фомѣ. кѣстїтина. іѡ. елиферіа. козмѣ. ѡкѣленѣ. ксинію. никитіа. анѣфала. нестера. юріа. савеліа. іѡ. максима. ѳеѡста. симеѡна. мрїю. алеѣіа. козмѣ. кнѣ. димитреа. кнѣ. іѡ. юріа. кнѣ. іѡ. кнѣ. миѡхила. кнѣ. василіа. кнѣ. романа. кнѣ. анастасію. кнѣ. оуліанѣ. кнѣ. іринѣ. еленѣ. анастасію. іакова. іѡ. мрїю. іѡ. ієленѣ. іринѣ. кнѣ анастасію. кнѣ. іѡ. кнѣ. іѡ. кнѣ. іѡ. анастасію. пелагію. сѣю. марію. сеновію. аннѣ. оуліанѣ. меланію. іѡ. ермолаа. григоріа. оустинію. іакова. акѣлинѣ. влѣтѣ. інѣ. іѡнѣ. ксинію. сціенно. ієпа. ннѣ. ѡлиѣѣа. ієленѣ. інѣ. никитѣ. дѣнѣ. иринѣ. інѣ. ѡмеліана кнѣ алеѣѣа. кнѣ іноку ѳеѡсїю. ѳетинію. євсевіа. ѡгрефинѣ. симеѡна. євфиміа. василіа. алеѣѣа. ѳилимона. ѡѳанасіа. інока. іакыма. ерофеа. ємеліана. інѣ. нектаріа.

РѠ пѧ семена вѣжкѠ. миѡанла. григоріа. іно оуліанѡ. аннѡ. ко-
 нана. іѡ. симешна. іеленѡ. полинарію. ѳешфана. филиппа. іѡ. елиферіа.
 елиферіа. іно никифора. скѣ леѡтѡ. скѣ игнатіа. василіа. екатеринѡ. ди-
 шнісіа. іѡ. никона. іелисавы. сціно. миѡанла. ѡгафью. бориса. созона. та-
 раса. даниліа. андрѡ. настасію. ніктоу. знію. еѡфимію. іѡ. бориса. ѡггю.
 максима. миѡанла. ра^аѡна. ѡгаю. ѡнисима. захарію. ѳеш^асію. симешна.
 оуліанію. тимоѳѡ. стефана. іѡ. григоріа. григоріа. тимофеа. григоріа. нас-
 тасію. іно. аггю. еѳросимію. іно. скѣника. ѡжѡтѡ. іѡ. іринѡ. еѡгенію.
 матренѡ. сѡ^аю. андрѡ. василисѡ. матренѡ. миѡанла. оуліанѡ. оуліанѡ. ѳе-
 ш^ара. бориса. анноу. марью. василья. аѳонасыя. ѡриноу. іѡнна. матроуноу.
 дементіа. іѡ. семіѡна. іѡ. анрѡ. ѳеш^асьи. петра. григорыа. скѣника
 стеѳана. скимзницѡ анзтонидоу. ѡнрѡ. снмона. ѳомѡ. дмитреѡ. ѡндрѡ.
 григорыа. левонтіа. патрекіа. ѳеш^ара. елиѡзара. лѡкерью. григорыа. ма-
 ксима. дарью. іѡ. ѳеш^ара. дарью. семіѡна. ѡнзциѳора. іѡ. іѡ. сцінон-
 нока анѡма. оульганѡ. сціноіерѡ ерѡмѡ. мрѡю. ирины. іерѡ ѡно-
 ѳрѡ. [іѡ. ѳеш^ара. дарью.] *) екатеринѡ. іѡ. ѳеш^асію. инѡ іѡнѡ.
 инѡ, скѣника елиѡзара. инѡ ѳеш^асію. григорыа. степанидѡ. данилыа.
 ѳевронью. іѡ. ѡмельяна. дмитреа. мрѡю. іѡ. анноу. андрѡ.
 іакова. аннѡ. никитоу. матренѡ. василья. филипа. матѳсіа. аѳо-
 насіа. григорыа. ѳеш^ара. микѡлѡ. ѡриноу. іѡ. сера^аѡна. степана.
 наталю. анноу. ѡвдотю. ѳомѡ. еѡсеныа. настасію. іѡ. меленіа.
 миѡанла. наоума. ѳеш^асію. матрѡнѡ. григорыа скимзника. ѡленоу
 скѣницѡ. ѡндрѡ. оульгану. іѡмолѡ. григорыа. ѡгафью. зиновю. ѳеш^ара.
 ѳевронью. екатеринѡ. василья. дороѳѡ. екатеринѡ. ѡриноу. ѡнзциѳора.
 перѡнѡ. ѡриноу. марью. ѳомѡ. григорыа. меланью. татыгану. миѡанла.
 парѳеныа. анрѡ. кѡзмоу. іѡ. лоукыана. семіѡна. ѡвгинью. анноу. іако-
 ва. оустинью. павла. ѳеш^ара. варьварѡ. акилинѡ. ме^антіа. миѡнѡ. аннѡ.
 павла.

[Стѡѡ рѡ свѡ вѡн] **) инѡ. ѡноѳрнѡ. инѡ каліста.

*) Оскобленные имена приписаны тою же рукою и тѣми же черни-
 лами на поляхъ, ввизу,—съ обозначеніемъ, куда въ текстъ они должны
 быть относимы.

**) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,—
 съ обозначеніемъ, куда въ текстъ оно должно быть относимо.

іакова. ѳеѡ^ата. максима. ѳеѡ^{ра}. ермолѸ. деѡнисиїа. артеміа. мрѣю.
варзварѸ. мрѣю. ѡндрїа. ѡѡотїю. гаврила. гѡрьа. микѸлѸ. еѳре-
сінью. іакова. степапа. инѡ. паѡомзга. мрѣю. николѸ. инѡ скимнї
протасїа. оўльпапа. ксинью. тимоѳеїа. василисѸ. ѡкѸла. лоукзана. зя-
повью. инѡ ѡринѸ. нестера. акнанѸ. іѡ. парьѳеєнїа. ѡндрїа. василїа.
дмитреїа. ѡгроѳинѸ. іакова. ѳеѡ^асіа. ѳеѡ^асїн. ѡлександр. оўльпапѸ.
ѡгаѳью. инѡ скїпа, іѡѡа. дороѳеїа. карма. дмитреїа. григорїа. семѸѡна.
настасїю. ѳеѡ^{ра}. стеѳана. мрїю. татїанѸ. харитона. еѳросинью. ѡндрїа.
іѡсїфа. григорїа. леванида. іѡ. мрїю. ѡнтонїа *)... ѡѳонасіа. максима
еѡгнїю. вѡрѸ. ѡгаѳона. татїанѸ. инѡ. ѡгаѳью. зяповью. ѡдѸла. акн-
лѣноу. сн^{ра}. полоуѳкта. лоукзана. ѡндрїа. дмитреїа. инѡ. іѡ. конана. ма-
хїла. ѡкснїю. ѳаѡста. василисѸ. климентїа. еѳросимью. перьѡнрїа. по-
лоуѳкта. ѳеѡ^асїю. петра. василїа. настїа. іѡана. ѳеѡ^асїн. еѡѡмїа. марїн.
їсаїа. іѡана. матроуны. андреїа. наталїю. ѡриноу. марїю. ѡгреѳїноу. ма-
троуноу. сїмона. карма. еѡтѸхїа. аїноу. григорїа. хрїстїноу. савоу. іѡана.
нестера. марка. павла. ѳеѡ^асїн. ѳетїн. ѳеѡ^асїн. аїны. зяповїа. фрѡла.
харитона. скїпїа. захарїю. іѡѡ. васїана. татїанѸ. деѡмїда. еѡфїлїю. іѡѡ.
германа. тнѡна. мнѡанла. дмитреїа. іакѡва. іѡана. тимоѳеїа. наталїа. іѡ-
сїфа. аїїа. домноу. сїмеѡна. парасковїю. павла. скїпїа. сїмѡѡна. скї-
пїа стеѳана. ѳеѡ^асїю. григорїа. ірїноу. савоїла. [рѡ а л е ѳ е а
з ѡ б а р ѡ] **) а л е ѳ е а. маврѸ. еленоу. марїн. аїноу. іѡана. іѡана. ермолю.
захарїн. назарїн. григорїа. осїа. потапїа. ѡѡѡн.

Рѡ василїа дмитрова ермоїа. марїю. іѡана. скїпїици настїа.
борїса. іѡока ѡїїана. еѡпросїн. мнѡѡа. касїана. іѡока стеѳана. андреїа.
аїноу. ѡриноу. іѡока нїѳонта. іѡока паѡомїа. іѡоки еѡпрасїн. іѡока
ѡїїана. аїнѸ. ігнатїа. троѳона. савѸ. марѡоу. аїгреѳїноу. тимоѳеїа. аїноу.
сїїенно іѡока захарїн.

Ѧ рѡства хѡѡа. іакова. аїїа. сїїно іѡока. мотѳеїа. іѡока зя-
нїю. ѡгаѳью. іѡѡа. ермоїа. скїпїю мрѣю. іѡѡ. сѡѡїю. еѡѡїю. мнѡанла.
іѡока скимнї савостїїана. нїкїтоу. матреноу. троѡїма. вѡроу. марїю. іѡѡ.
іѡноу. лзорѡ.

*) Выскобленное мѣсто.

**) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ.

Гнѣр. кѣ. давы. крилошанінъ. є. дѣшъ оупісѣ. сѣно інока
 йѡноу. сѣно інока айрѣа. інокоу оулитѣ. [інока васиана скимника]*). марью.
 агрепинъ. ѡвдотью. ѡртемыа. ѡлферіа скимника. василсы. аннѣ. андрѣа.
 матреноу. татыану. скимници євфросимѣ. ивана. скимника. филарета. йѡ.
 ѡвдотью. константина. [ивана ртищева. ѡетинью. аннѣ.]**)

[Ѡць и мѣръ пѣ гѣрка ѡешѡровнѣ.]***) скимника ѡсѡгноста. зле-
 кѣадра.****) меланѣ. ѡкоулины. марѣи. ѡрола. карпа. оульѣану. ѡфонаса. йгна-
 тиль. йноки скимници маремѣаны. фрола. іакова.

[Ѡ м. мѣченікъ.]*****) перьѡирыа. юрѣа. іѡ. інокоу скіѣю фѣдосью.
 монсѣа. ѡмельяна. ѡешѡра. іѡ. іѡ. стефена. ѡантета (sic). лешѣтета. семена.
 татыанѣ. іѡ. клима. інѡ. ѡленоу. карпа. ѡвдотью. скимнѣ васыана. ѡвдо-
 тью. гордѣа. скимнѣ. василисоу. васілисоу. йгната. ѡксіннѣ. настѣсьи.

Ѡ велика дни. полатоу. фѣдора дмитреѣ. ѡгреѡиноу. фѣдора. долѣ-
 ноу. іѡ. кнѣвдокею. васильѣа. мамельѡоу. ѡкоулиноу. [рѡ новіцъ кѡ]*****)
 нестера. євѡкїю. миханла. марѡоу. пелагѣю. пелагѣю. кнѣ. василнѣ. настасью.
 іѡ. іѡ. агаѣю. матреноу. стеѡана. фѣдоѣ. скимнѣ. селивана. ѡсѡѣ. анрѣа.
 сысол. стеѡфана. ѡгай. никытїа. мѣю. настасьи. єупраксїи. панзкратїа.
 ѡндрїа. гнѣврю. тарасѣ. ѡешѡра. марїю. аѡанасїа. ѡешѡра. ѡвдотнѣ.

Рѡ пѣ ѡлѣхна мїтьковїча. ѡешѡра. наталью. геѡѣргїа. ни-
 канѣра. ѡсѡдора. ѡешѡроу. ѡгафью. єйстаѡѣа. кѡць.

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ (сверху),—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ,—безъ означенїа, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) Это имя приписано позднѣе на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Анцифора. ѿѿимы. логіна. гликирью. прокофѿя. ѿѿдора. іѿ. меланью. фѿдосью. данила. козѿмоу. ѿриноу. ѿвстаѿм. агафѿи. кнѿ а҃греѿѿи. агаѿю. григорѿм. соуѿию. варварѿ. дмитріѿм. лѿкерѿи. іѿ. ѿмелзѿѿ скипницѿ. кнѿ іѿ. ѿрѿа іѿ. ѿвдокію. оулиѿтоу. ѿкѿліноу. коңдрата. васильѿ. иноѿ скипницю а҃нноу. фѿдора. гри҃рѿа (sic). матѿѿа. ѿриноу. а҃ндронны. а҃лекѿѿа. иноѿ тимофѿа. иноѿ ѿленоу. кнѿ. іѿ. домзнікію. іѿ. василисѿу. васильѿ. ѿстїныю. ѿоѿмоу. глїкѿрью. мѿрью. васильѿ. іѿ. ѿксинью. савѿу. мелентеѿа. матѿѿа. настасю. стеѿана. зеновію. ѿвдоію. а҃ртемѿа. іѿ. ѿгафѿи. настасью. павѿла. семѿ. ѿѿимью. а҃нноу. захарѿѿ. марью. микїѿтоу. ѿѿдора. а҃коулиноу. трофима. матроунѿ. ѿѿдора. оульнѿ. фѿдосью. козѿмы. иноѿ скипнї а҃лекѿадрѿ. ѿксїю. юрьм. михаила. ѿрола. полагїю.

Ѹ прѿѿѿбраженїс, га нашѿ іѿ. хѿ. ѿѿстафіа. коурыѿана. ѿѿстафіа. лѿвонтїа. іѿа. а҃нѿу. матѿѿа. григорѿа. павѿла. ѿсифа. ѿксинью. ѿстїню. пахомиѿа. ѿгафѿи. іакоѿ. а҃нноу. зиновью. марью.

Ѹ оуспенѿа прѿчтѿя. іѿ. оульѿноу. а҃кілы. иноѿ. пахомиѿа. іакова. иноѿ. василисѿу. иноѿ марсмыѿанѿу. марью. васильѿ. іѿ. іѿ. иноѿа. іѿсїѿѿа. петра. ѿ҃рїниноу. а҃ндрѿана скїмѿика. германа. скимнї. фѿстимїѿ. савоу. сер҃гїа. нестра. матрѿнѿ. иноѿ скимнїка вѿсонофѿа. іѿ. оуѿтїна. іѿ. оуліѿнѿ. а҃гаѿю. матрѿнѿ. ѿѿимью. а҃лекїа. иноѿ скїпнїцю а҃нноу. ѿѿерїноу. ѿѿѿѿра. оуліѿноу. грїгорїа. ѿліѿѿерїа. настасю. іѿ. коңстѿнїтина.

Рѿ пана іацька ратѿског. лоуѿкоу. михаила. іѿ. соѿью. іѿ. семїѿна. варвароу. іаковѿ. ѿѿѿдора. матѿѿа. ѿѿѿѿѿ. матѿѿа. грїгорїа. оуліѿнѿ.....)*) татѿѿанѿу.

Панї дѿдова. ѿвдѿкію. іаѿа. ѿ҃рїпиноу. матреноу. грїгорѿа. ѿѿѿїмію. мрїю. скимнї. зеновѿа. скимнїцу маремѿѿанѿу. іакова. иноѿа скимнї генадїа. иноѿа скимнї нїѿонта. ѿѿѿѿѿроу. мрїю. скїпнїцю ѿѿѿїмію.

Ѹ рѿѿѿѿѿ хѿѿа. васїліа. лоуѿїана. василїта. марью. ѿвдоѿю. ѿгафѿона. семїѿна. домноу. оулиѿтоу. а҃ндрѿа. грїгорїа. перѿѿирѿм. лѿкимна. герасима. наоума. тимоѿѿа. дмитреа. грїгорїа. сѿміѿна. грїгорїа. інѿу скїпнї матрѿноу. фѿѿдосьѿа. ѿвздокима. лѿѿнтѿа. полікарпа. ѿѿѿѿѿра. дѿмнїѿѿю.

*) Въ подлинникѿ выскоблено.

максіма. кнѣ. ѳеω^ороу. варфолѣа. ѳѣдокію. ѳѣдокію. воріса. воріса. ніки-
фора. агрепѣнѣ. грігорья. домнокію. агрепѣнѣ. гавріла. зеновію. ѳеω^осію.
ѡстафіа. ѡфонасіа. тарасіа. іѡ. гавріа. серьгѣа. домноу. татьяноу. стеѳана.
ѡксинью. галахтиѡна. козьмоу. ѳеѡ^осью. іѡ. леѡитіа. сидора. матроунѣ.
сѡмиѡна. тимоѳѣа. іѡ. ѳеω^осію. спородона. васіліа. вѣліа. ігнатіа. айноу.
василісоу. оульѣану.

[Ѡ велика дѣн].*) евдокѣю. йвана. стеѳана. ѳоросинзю. бориса. ѳе-
ω^ора. йнока сели^остра скимника. ѳвтіхна. григоріа. петра. стеѳана. ма-
трѣноу. скїїніка пантелеимона. дѣнники. сїѣнїоннока мисайла. ѳустаѳѣа.
боѳана. іѡ. ѳеω^осіа. власна. данила. кипригана. са^остигана. ѳеω^ора. на-
талья. оульѣану. скїїїцію ѡгрефнѣ. йно германа. ѳетїнію. оульѣнѣ. ан-
дрѣа. татѣнѣ. федосію. семшна. оульѣанѣ. йнока скїїника еремита. ѳеω^ора.
андрѣа. павла.

Ѡ ѡспїтїа. дмитрїта. ивана. лазорѣ. айну. наѣма. айну. власнїа. ма-
рию. йнокѣ скїїїцію алексѣдру. семиѡна. харитона. оульѣану. ѳеω^ора.
иѡна. василїа. марию. йноку скїїїцію варьвару. иѡнна. бориса. си^ора.
бориса. си^ора. ѡвдотію. оульѣану. феѡѳана. скїїника йнока трофима. йѡа.
феклы. петра.

Рѡ йгумена спѣского з дубна. николѣ. марию. ігнатїа. ѡфо-
насіа. пелагїю. пелагїю. февронью. ѡнофрїта. протаснїа. оульѣану. пола-
гїю. прокопнїа. стеѳана. терентїа. стеѳаниду.

Ѡ рожества хїа. василісу. ѳфмнїа (sic). ѳе^ора. варварѣ. свїцїго
єрїа микѣлы. федора. айну. татїанѣ. йѡана. іакимїа. пораснї. аннѣ. ѡрннѣ.
григорїа. ѡстиннїи скимници.**) ананью. лѣкерью. ѳеω^ора. филиппа. иѡнна.
меланью. тимофїта. ѡстафїа. марью. дениснїа. тимофїта. свїцїно єрїта. скїї-
ника. єфрїта. такова.

З вѣниці волосовї рѡ вписѣа. иѡнна. ѡгафїй. ѳеω^ора. оуль-
ѣану. конѣ.

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ,—съ обозначенїемъ,
куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано:
ѡсо.

Сергеѣ. ѡкулинѣ. захарѣи. ѡгрофинѣ. ѡвдотью. мѣфедіѣ. ѡвѣду.
настасью. максима. стефанидѣ. марью. ѡсѡ^ору. лаврентеѣ. максима. инока
ѣвсѣвигѣ. инока. ишину. татиѣну. скѣницю александру. александра. петра
дмїреѣ. семена. нѡнна. матрѣну.

Ѡ великѡ дѣл. радиѡна. иѣва. фѣдосию. ѡксентеѣ. трофима. гаврила.
татиѣнѣ. полагаию. варьвару. фомы. семена. матрену. ѣвфросиньс.
васильѣ. конона. ѡгафѣ. анны.

Рѡ по па порецкѡ. ереѣ дѣнисигѣ. иѣвана. зинию. конѣ.

Анны. романа. стефана.

Рѡ кнѣзь мать фѣѣ микитинича. кнѣзь фѣдора. кнѣзь дмитреѣ.
кнѣзь ѡсѡ^ора. кнѣзь иѣва. кнѣзь микитѣ. кнѣзь ѣвдокею. иноку кнѣзь ѣвѣрос-
сїю. кнѣзь настасью. семинѣ. дмїреѣ. кнѣзь иѣва. ѡсѡ^осїю. кнѣзь настась.
кнѣзь мелѣю. кнѣзь васильѣ. кнѣзь миѡайла. кнѣзь петра. ѡльгѣны скѣ-
ници. иѣкова. семена. ѡлѣксеѣ. фотѣѣ. филиппа. ѡвдотью. коѣ.

Фѣдора. иѡнна. гѣкова. григорьѣ. ѡгафѣи. матѣи.

С калуги мѣ фѣ пѣров рѡ вписѣ. ѡнѣнью. ѡвѣлы. анѣлинѣ.
марью. петра. гѣрита. конѣ.

иноку скѣницуѣ полинарью. иѣвана. анны. гаврила. филѣи. иѣвѣ. иѣвѣ.
иѣвана. катерину. ереѣ венѣдїта. ѡвѣлины. ѡтаѡыѣ. лариѡна. мѣреинѣ. ма-
кринѣ.

Рѡ костѣи кѡдратовѣи з нова горѡка севѣскаго. фѣѡдорѣ.
аннѣ. стефанѣ. кѡдрата. иноки ѡсѡ^осїи. ѡвдоки. козмы. микѣлы. ми-
ѡамлѣ. кѡстѣтина. конѣ.

Ѡлизара. кнѣзь фѣвронью. марью. мамѣфю. мамѣфы. дмїреѣ. игнѣ-
тиѣ. ильи. иѡвѣ. лазорѣ. миѡайла.

[Рѡ садилловѣ].*) григорьѣ. дѣѡнисилѣ. ѡгафью. матѣѣлѣ. свѣщенѣ
ѣрѣѣ ѡрѣмельѣ.

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,—
съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

оустинью. прокофил. ѳетинию. григоріа. алѣксѣѣ. сцѣно ѣрѣа, ѣмоса. пом-
нарию. иѡѡ. матрену.

Р ѡ кнѣзѣ сѣтанѡ. инока кнѣ семиѡна. скѣницю кнѣ ѡгрифинѣ.
кнѣ. иѡѡ. семиѡна. кнѣ ѡннѣ. кнѣ семиѡна. иноѡ. оульѡнѣ. ѡннѣ. тил-
ѳем. тарасил. ѳешѡра. раднѡна. инѡ герасима. ѳешѡсїю. петра. семннн
сѡфїю. власїа. еленѣ. лоукїана.

[Ѳ р ѡ х ѣ а.]*) иѡѡ. ілію. захарїю. діакона. дмитрем. фомѣ.
матрену. ѳешѡроу. фѣтїю.

Р ѡ кнѣзѣ васильѣ семеновича можѣскѡ. кнѣзѣ семе-
на. кнѣ семена. кнѣню. софью. кнѣню. марью. ѡвѣѣа.

Р ѡ. коптѣ. писарѣ. королѣ. василїа. настасїю. ѡнїю (sic).
ѡнннѣ. ерѣѣ. ѣлиферѣ. ѡсноу. тимѡѳета. коньдрата. павла. ѳетиннн. м-
нила. давыда. семена. ѡгаѡью. данила.**)

[Ѳ великѡнѣ герасїѣ полатѣ]. ***) ворнса. варварѣ. ѡмслыѣна.
наталїю. скѣ. герасима. василїа. ѡгрѣфинѣ.

[Р ѡ ивана лѣпнина]. ****) сидора. мїрнн. харлѣпнѣ. иноѡ. ѣфре-
сннїю. давыда. матроны. иноѡ. варвары. тимѡѳета. иѡѡ. григорїѣ. мїрїю.
ѡксннїю. кѡѣ.

ѡннѣ. фѣѡдора. ѣфросннїю. ѡнастасїю. скѣ. иѡсифа. андрѣѣ. пон-
рїю. григорѣ. ѡртемина. ѡннѣ. мїрїю. наталїю. иѡѡ. григорїѣ. василнѣ. иѡѡ.
дѣѡннннѣ. савастїана. ѡвдотїю. скѣ. дѣмнннн. варварѣ. іѡѡ. ірннѣ. василнѣ.
скѣ. ѡкилннѣ. иѡсифа. ѣвдокїю. скѣ. иѡннѣ. ѡгафнн. ходоры.

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,—
сѣ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Противъ послѣднихъ именъ на поляхъ приписано: *Απρ̄ι ει.*

***) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами (за исклю-
ченїемъ слова: полатѣ),—сѣ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно
быть относимо.

****) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ
противъ ниже слѣдующихъ именъ.

Мѣа. іюна. єї. почѣ оуписыва™ герасїѣ. козмоу. марїю. матрєноу. мѣѳеа. лоуїана. лєвѣѳеа. ѳєш^ороу. мариноу. іакова. пєлагїю. ѳєс^осїю. ѿникитїа. дмитра. іакова. сцѣннонѣ тїхона. іакова. андр^а. марїю. ѳєш^ора. бориса. іѡана.

Рѣ стєпана савина (ію з мѣси^{***}). макаріа. скїѣ грїгорїа. скїѣннѣ оуліаноу. скїѣннѣ настѣю. нѣ пайсіа. нѣ савоу. іѡа. ѿнѣ. ѳєш^ора. ѡсїю. василїа. марїю. іѡа. семишна. троѳїма. мїхѣйла. ѿгѣю. варварѣ. анноу. нѣ агрєфїноу. іѡѣ. настасїю. василїа. мїхѣйла. анноу. ѳєтїю. ѿндрѣа. патрїкеа. ѳєш^осїю. альфєрїа. нѣ ѿрсєнїа. мѣѳеа. троѳїма.

Ѧ оуспенїа прѣтыа вѣа. грїгорєи шєстовїкїи з дшѣ оуписѣ. нѣ симєшна. нѣ марїны. васїа. грїгорїа. мїхѣйла. оульїны. нѣ іѡноу. ѿксїны. татїнѣ. єлєнѣ. татїнѣ. ѿфанасїѣ. марїи. фєшдора. тарасїѣ. акїлїнѣ. агрєпѣнѣ. інока ишнѣ. ѳєш^осїю. данїла. ѿжїнїю. настасїю. татїанѣ. іѡа. Ѧлєзан^{дра}. внѣмѣ мїхѣйла. інокѣ оуліанѣ. (нѣ™ ка шлєкѣєвї ѣлѣвїцкѣ **) Ѧлєжѣѣ. Ѧрїнѣ. інока... ***) ѣоуѣнїѣ. Ѧгроѣѣноу. савоу. ільї. пєлагїю. іѡана. ігнатїѣ. марїю. рѣ грїгорїє чєшєнкѣ. єоуѣстафїѣ. мїхѣйла. ѿнѣ. ѳєш^одѣра. грїгорїѣ. (марїю^{****}). конєцѣ.

(Рѣ шлєхна мїтѣковнѣ *****) Нїканѣдра. фєшдорѣ. матѣфѣѣа. аннѣ. сємїшнѣ. іѡана. ірїнѣ. сїдора. іѡана. савѣ. наоуѣа. сємїшнѣ. (Ѧ ржѣтѣа хѣѣа. *****) барпа. іѡана. данїла. козѣмѣ. інокѣ ѣлїтѣ. полїєкта. ѣлєнѣ. іѡа. ѿннѣ. пєтра. ѣвѣнѣ. ѳєш^ора. татїаноу. пєтра. ѳєш^ора. ѳєш^онѣ. мїхѣйла. мрїю. ѿнїсїѣа. нїполїнарїю. мїхѣй. сїдора. пєлагїѣю. іѿнїма.

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами.

**) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ.

***) Въ подлинникѣ одно имя выскоблено.

****) Оскобленное имя приписано на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Василє захарѣ и стародоуба рѣ свои вписалъ зъ дшѣ.
захаріа. ѡксини. григоріа. василіа. захаріа. кнѣзь влѣмира. кнѣгини марзѣфы.
павла. єреа силвестра. ѳеѡ^ара. євфросїи. іѡ.

Рѣ пана васїга жерѣвѣтича да грѣковъ дидї. ѳеѡ^ара.
иѡ. ѡвдѣи. христини. васїга. варвары иноки. іѡсифа. григоріа. василиа.
полоуєкта. іакова. агѣю. ѳеѡ^ара. ѳетїи. нестера. павла єреа. ѡвдокїи. іакова.
ѡлєѡдара. ѡнноу. юріа. ѳолмоу. єпнхарїю. іѡ. ѳетини. инока варсонофіа.
ѳеѡ^ары. нестера. андрѣга. агрепѣнѣ. агаѣю. понарїю. понарїю. антипоу.
агреѣнѣ. євѣимїю. єленоу. инока деннїа. оуліаноу. левона. петра. марїю.
марзѣоу.

Алексєи мещанї мѣнѣскїи рѣ свои вписѣ. (алєѡфа *). гри-
горіа. карпа. агѣи. єлены. григоріа. кѣ.

Троуѳена. агѣи. инока мисаила. ѡнѣю. матрєны. оулаа. іѡ. ѡнноу. іѡ.
григоріа. василіа. василисоу. ѳеѡ^ара. іѡ. петра. ѳевронїю.

Нотѣбрѣ кѣ. богданъ полатоу взѣлѣ. самоїла. іѡсифа. єкатє-
рїнѣ. конана. пласїа. іакова. скїмнї аноуѳреѣ. кнѣ василїа. кнѣ аграѳе-
ну. іакова. ѳеѡ^асїю. євдокїмїю. ѡленоу.

Рѣ іѡ. доментїєва. сїѣнноинѣ протасїа. єпдокїи. іѡ. ивѣ. ѳеѡ^а-
сїю. мнѣѣ. ѡгроѳѣноу. єжепа. савоу. антонїа. харитона. инока іѡсифа.
євгоу. макаріа. григоріа. василїа.

Рѣ пана богдана гостѣскѣ. гаврїила. марїи. борнса. єленѣ.

Рѣ пана юна зѣковича з волини лоукоу. євдокїю.

Рѣ пана жоусї ѡлєѡдара з волини. алєѡандра. настасїи.
сєргїа. пєлагїи. сєргїа. агѣю.

Рѣ оустѣнїка иѡннї. сїѣнноинока ро^аѡна. сїѣнноинока иѡноу.
ѡлєѡандра. христиноу. игнатїа. днѣнтрїа. наталїю. мамѣта. петра. ѡнноу.
скїннїка дѣа. василїска. ѳетинїи. іѡсифа. оулыїанїи. макаріа. сѣю. фили-
па. сїѣнноєреа ѳеѡ^ара. скїннїци ѳеѡ^ары. сѣмешна. сїѣнноєреа іѡ. скї-
ннїци мрїи. симона. марїи. ѳетинїи. євѣїїа. ѡннї. іѡѡкіма. конона. ѳеѡ-
^ара. євѣїю. іѡ. лєѡтїа. скїннїци єфросїи. соѳѣтїа. дмїрїа. кѣ.

*) Это имя приписано на поляхъ позднѣе.

Фешора. макарія. еленѣ. стефана. сиора. василисоу. симео́на. про́нїа. швѣди. иноки марѣфы. иноки дарїи. инока сергеа. василїа. сїѣннойнока іѡнѣ. скимника селиветра. скїницоу фешорѣ.

Рѣ фомї по па възкрїньскѣ оу мѣскоу. никиты. татыаны. фомы. акилины. агаѣи. іосифа. данила. сою. настасїю. сїѣнноѣреа потапїа акюлы. ірины. скїника іѡны. скїници ірины. скїници еѣѣи. шѣи. захарїи. марїтїліана. фешоры. андрѣа. еѣгїи. тита. инока, андрѣа. маѣѣ. агаѣю. іакова. аннѣ. іѡа. варварѣ. мрїю. никифора. фешоры. параксѣви. василїа. леѣтїа. еѣѣи. анноу. стефана. василїа. григорїа.

И зъ калюуги ерен іѡанъ рѣ свои вписѣа. сїѣнноѣреа трїѣо-на. стефанидоу. мрїю. кї.

Фешора. матроны. харитона. февронїю. елисеа. миѣайла симїѡна софронїа. еѣѣи. инока вѣтана. іѡ. петра. архимандрита скїника іѡ. порѣенна. фешосїи. миѣайла. фешосїи. инока никифора. дѣвѣдї ірины. (к)онецъ.

Фешосью. ірины. пелагїи. григорїа.

Рѣ пана миѣайла павшинъ. павла. василїа. кнѣ демиана. василисы. василисы. марїи. семиѡна. сидора. ілїю. артеміа. василїа. неѣвгенїи. полинарїи. раѣѣна. іѡна. игнатїа. шксинїи.

Рѣ иѣсїѣа мѣсоѣдова, ізобрѣнска. василїа. знїю скїни-цоу. карма. шгрепнѣ скїници. фешора. иѣсїѣа григорїа. іакова. еѣросинїи. іѡа. василисоу. алексіа. ермилѣ. микиты. марїю. фешорѣ. хрїстиноу. оусти-на. фешора. матроуноу.

Рѣ горѣишѣ грїнова*). лѣа. швотїю. григорїа. паѣомїа. ввар-вары (sic). ѣетинїи. іѡа. лѣки. фешосїи. алекѣа. марїи. дмитреѣ. еѣѣвиѣ. настасїи. фешора. тимоѣеа. мн.

Игнатїа. варвары. дмитреѣ. мазорѣ. хѣйры.

Рѣ шлсхнѣ васїѣвнїа рѣзѣцова дѣѣка королеѣа. вѣ-сильѣ. шлены. андрѣа. шгросноу. кѣ.

*) Въ подлинникѣ этотъ родъ стоитъ какъ бы отдѣльно, обведенный красными чернилами.

(На паметь за неделаю до сѣго дмитреѣа мачасе полата
аца * . петра. григоріа. ховроній. полагаей. варвароу. іѡа. матрѣны. сте-
панидоу. васильна. інокы оульѣанс. іѡа. ѡвдотій.

(Адрѣ понама істародѣва даші ѡписѣ **). тимоѡеѣа. ѡс-
ѡсію. никиты. іѡа.

Іѡа. ***) ѡсѡра. іѡна. семена. ѣкатериноу. васильѣа. ікоулоу.
ѡгаѡію. скатериноу. ѣвъѡвїѣ. сїноинѣ мисайла. іно манѣтоурїа. оум-
гѣнїѣ. савѣ. агаѡію. інокѣ марѡоу. васильѣа. лазарѣ скїѣ. марїю скїѣ.
костѣнтина. петра. климѣтіа. андрѣѣа. марїю. івана. маю. інокы марѣтамїн.
сїноїѣрѣѣа ілексїа. івдотїю. інока скїѣ, васїана. меманїю. василїа. ілексан-
дра. івана. інокѣ аннѣ. кшнѣ мѡкѣѣ.

(ѡстѣ налѣнї ****) степана. ѡвдотїѣ. никитѣ. рождана. скїѣ герасїма.

Рѡ мнѣханла андрѣѣевича плещѣѣва з москѣвы ѡстѣнї
оуписѣ. іно мисайла. іно кѣрїла. іѡанна. ѡсѡра. іно антонїѣ. тимо-
ѡѣѣ. іно веньѣмина. григорїа. ѡсѡра. іѡанна. іно саламанїды. іно мї.
іно ілексѣдры. мрїѣ. іѡанна. інастасїѣ. данїла. ілкова. ірїнѣ. аннѣ.
ілифѣра. левона. васнїскѣ. матѣѣѣ. хїмы. ѡгаѡїѣ. мартїна. івана. ѡсѡ-
сію. василїа. інока нїкїфора. ілены. парасѣю. сїмїѡна. ****) ѡаннїю.
ірїннѣ. ѣрѣмѣѣ. іно іѡноу. івана. ѡстїнїю. ѡдарїю логїна. оульѣанѣ.
нестѣра. ігнѣѣ. ѡгаѡїю. васильѣа. ѡрїнѣ. ѣвгїнїѣ. татїанѣ. ѡсѡра. матрѣны.

(ѡасїнѣ и ѡлѣнѣ рѣ *****) ѡсѡдора: матроуны. ѡгаѡона. мнѣхѣйла.
аннѣ. ѣлиѡѣрыѣа. ігнѣѣ. пѣмѣѣнїѣ. ѡсѡѡсїю. даѣѣда. дарїѣ. івана
григорїѣ. пѣвла. варварѣ. марѣа.

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ
сверху.

**) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на по-
ляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) На поляхъ въ выносѣѣ противъ этого имени написано:
кїѣскїѣ дѣѣки.

****) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами между этоу
и предшествующею строками.

*****) На поляхъ противъ этого имени написано: ѡлѣѣскѣ.

*****) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными черни-
лами,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

РѠ коузминъ войта тѠрѠскѠ. сидора. анноу. василисоу. семивна. евдокіи. ѠсѠта. ѠгѠю. григоріа. ѠсѠсїю. Ѡриноу. ѠсѠра. ѠсѠсїи. мѣнка. [родъ волинца]*). сїѣнноїереа хрисанфа. савы. іоуліаны. афанѣа. сумлѣноу. михайла. акѠлѣны. сїмешна. тереньтіа. агресфины. данила. пеллїк. іванна. григоріа. козмоу. настасїи. фсѠра. василїа. йриноу. йнока сергїа. родїѡна. ѠѠѠїю. сеновию. йно филофеа. скимника силѣана. митрофан. фотїа. миханла. татыноу. фсѠдосїи. василїа. сїѣнноїереа сергїа. йно фтоста. сїѣнноїереа тимоѠса. сїѣнноїереа іѡа. ѡвдѠю. ѠсѠсїю. Прасковїи. вориса. евдокїи. анноу. татїиѠ. Ѡуліаноу. василїа. татїаноу. нестера. татїноу. левонтиѠ. логвина. сїмешна. феклѠ. наталїю. сїѣнноїнока йѠва. йѠана. йнокоу настасїю. парасковїю. романа. дѣа. тимоѠса. фсѠронїи. сїмешна. доминїи. михайла. григорїа. никиты. іѡана. василїѠ. сїмешна. ѠѠѠїи. никитоу. йнокоу ѠсѠсїю. іѡана. скїника андрїана. антонїа. сїмешна.

По рожествѣ хѣвѣ. доминїи. ѡкоуленоу. алекѣа. григорїа. мѣана. фрола. іѡа. сївдокїю. скїника йѡноу. ѠсѠра. мѣреноу. йлїю. зїнїю. мѣрю. іѡа **). скимника десїїсїи. алекѣа. пахомїа. настасїю. іѠкова.

РѠ пана юна йванова сїна йвайкевича йз слоуцка. іѡа. оувара. пеллїи.

РѠ лсцка есмановича йз слѠцка. іѡа. ѠсѠсїи. ѠсѠсїи. гсѠргїа. евдокии. іѠкова. григорїѠ.

Скїника. йѡсїфа. афанасна. сїмешна. михайла. фсѠсїю. василїа. ѡлены. [По личѣвѣ великоденной ѡ сѣвоты лазарєвы]***). ивѣ. зеновиѣ. сїмешна. ивѣ. ѡгрефенѠ. петра. іѡанна. (РѠ пана ворана****). данилиѠ. мѣрию. анноу. гаврїила. анстасїю. юрїїа. антонїѠ. мѣрїю. парасковїю. ѡксїнїѠ.

*) Оскобленное выраженїе приписано на поляхъ,—безъ точнаго обозначенїя, куда оно въ текстѣ должно быть относимо.

**) Противъ этого имени на поляхъ написано: Ѡльѡновї сивцевї.

***) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) Оскобленное мѣсто написано сверху, на поляхъ,—безъ обозначенїя, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

(иноки наталію ..*) григорна. полагаю. ... ..**) ерѣа григорѣ. неѡнилоу. раднѡна. лоукѣрю. иѣа. марью. миѡанла. свѣцноинока игнатыѣ. григорьѣ. мамѣфѣ. ѡеѡѡра. настасью. агреѡепоу. прокоѡимѣ. оулімѣнѣ. ѡннѣ. ѡлезадра. ѡноу. оустинью. инока скимниѣ ѡноѡреѣ. иѡана. ѡѡинью. ѡѡкерью. григоріѣ ***). инѡ филофѣѣ. ѡоуфимію. радівона. стефана. ѡнноу. инѡ геронтиѣ. ѡеѡсію. варвароу. пелагию. григорьѣ. варвароу. пелагею.

Рѡ пани настѣи попѡкиноѣ. миѡайла. еѡгы. настасін. левона. парасковгій. стефана. свѣцноинока филофѣѣ. ѡленоу. соѡнью. ѡеѡсію. полууѣктоу. иѡана. васійѣ ****). григорьѣ. иѡѣ. ромѣ. иѡѣ. конона. димитреѣ. ѡнноу. тита. ѡндрѣѣ. тимоѡѣѣ. иѡана. ірины. миѡанла. семиѡна. ѡкоулину. ѡлезаѣ *****). сімешна. никітѣѣ. ельтоѡѡа. ириноу. симеѡна. мѣ. оульѣна. мамѣѡѡ. ѡндрѣѣ. марію. григоріѣ. ѡгафию *****). варвары.

Рѡ папа іѡцка романовича із вѣницы. романа. ѡетиниѣ. іѡнна. ѡнтоніѣ. іѡкова. семиѡна. ѡнноу. ѡгафию.

Рѡ пана миѡа*ла полѡкнѣзевича. семеѡна. феѡсію. стефана. григоріѣ. ѡнноу. миѡайла. іѡѡна. ѣвстаѡнѣ. григоріѣ. петра. марію. ѣвдокію. ѡгаѡию. стефа (sic). марѡы. ѣвдокію. лоуѡна. ѡмеѡна. максима.

(Ро*на бѣвитиновѣ женѣ свою ѡписѣ *****). ѣвдокію.

Костѣтѣѣ жаба рѣ сво* ѡписѣ. костѣтина. мѣрены. ѡленѣ. ерѣѣ ѡнтоніѣ. матрѡноу. іѡѣ. ѡгафию. архимандрита алексеѣ. ѡнны.

*) Оскобленное мѣсто въ подлинникѣ зачеркнуто; на поляхъ противъ него было написано (но тоже зачеркнуто): ѡбралеѡе. Слѣдующее за симъ имя въ подлинникѣ выскоблено.

**) Выскобленное въ подлинникѣ мѣсто.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: коудинова чаркасѣѣ.

****) На поляхъ противъ этого имени написано: жереѡѣтѣѣ.

*****) На поляхъ противъ этого имени написано: морозовѣ.

*****) На поляхъ противъ этого и предшествующихъ именъ красными чернилами написано: іѡ .... полозовѣ старосты вѡѡѣѣѣ.

*****) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Рѣ пана семена бабійскѣ, тита, михайла, іѡа скимника, ірѣѣ ѳеѡсїю, стеѳана харлаііа, ѡвдотїю, татїаны, павла оуліанѣ, лѣрїѣ ѳеѡра, софрона, маѳѣа, іакова, дмитреа, єрѣа іѡанна, василїа, оуліанѣ, ѳомы, єрѣа данила, іѡанна, григорїа, ѳеѡсїю, ѡрїнѣ, мрїю, єрѣа агрепенѣ, варламїа, скимнї герасима, скїника, козмы, ѳирса, іѡанна, лєнѣ, козмѣ, інокѣ мрїю, самоїла, аїрѣа, ємельїана, дороѳѣа, нїѣлѣ, василї іѡа, ѳеѡсїю, ѡгаѣю, максимїа, інокоскїнїци мрїн, лєѡтїа, мартемїанѣ, марїї, скимнїци, євдокїї, александра, іакова, симона, семїна, тарасїа, інѣ мисайла, васїлїа, іѡанна, лєѡтїа, іѡанна, лєѡтїа, іѡа, василїа, ѳеѡсїѣ ѡгаѣю, інѣ, ѳеѡсїа, ѡкоулины, раѡѡна, євѣїю, ѳеѡра, карпа, ларишѣ, григорїа, іакова, артемїа.

Рѣ пана михайла халецкѣ, михайла, матрєны, ѡвдотїю, настасїю, терентєа, настасїю, фєѡсїю, конє.

Інока скимника геронтїа, лоукѣ, ірїоу, інока іѡнѣ, мрїю, дємїдѣ, стефана, ѡдарнї, григорїа, стефана, ѡлены, василїа, єрмолоу, юрїа, андрѣа, козмы, ѡгрєѳины.

Рѣ з новагорѣ ка сѣверскѣ рагозинѣ, настасїю.

Рѣ ігѣмена з новагорѣ ка симонѣ троєцкѣ, івана, антонїды, ѡгаѳона, мамѣфы, аїны, єрєа симона, ігнатїа, оульїаны, андрѣа, інѣ єоѡфросинїи, інѣ пасїа, інокѣ скимницю марїмїану, оуліану, дмитреа, данила, матроуны, павла, матренѣ, просїмнї, никифора, інѣ германа, марїю, лєѡтїа, марїю, тимоѳѣа, аїны, андрѣа, савостїїана, никифора, ѡвдотїю, татїаны, інокѣ понарїю, інѣ скїницю єѳросинїю, кєстїантїна, алєѣѣа, інока скїника арсенїа, никиты, оуліану, михайла, антєнїа, дємїїана, іѡанна, мрїю, аїны, аїны, мрїю, григорїа, семїїна, татїанѣ, ѳетинїю, матроуны.

(Рѣ пана богдана корсаковї *), стефана, ірїны, ільѣ, захарїю, ѳомы, андрѣа, ѡзїнїю, ѡмєлїана, іакова, інѣ скїника іанїма, скїннїци євїраѣїн, оуліанїны, сисоа, никифора, алексѣа, мартина, ірїны, єѳросинїї.

*) Освобожденное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—сѣ обозначаетъ, куда въ текстѣ ово должно быть относити.

[Фцпнїй савлѣ с острога є дшѣ вписѣ] *). іѡана. ѡгаѡнію.
рѣѣ, григорїя. єрѣѣ, ѡнрѣѣ. марѣы.

[Викѣра є дшѣ вписѣ]**). іакона. марѣы. нифантіа. ѡнисима. мат-
ѣѣ. ѡѡра. леѡнтїа. семиѡна. наоума. іѡанна. іѡанна. скимници. татїаны.
цїнно. інѡ, германа. ѡлєѣѣ.

Рѡ іацка боіарина жєславского. ѡѡра. ѡетинїю. іакима.
ѡкронїю. василїа. ѡеронїю, скїнницю. василїа скимника. ѡфонасїа. скимни-
ци, ѡгрефини. іакона. ірины. дементїѣ. ѡетинїю. матѣѣѣ. матроуны.

Рѡ семена мамича. симеѡна. ѡгрефіноу. стєѡана. григорїя.
ірины. мины. єлену. єсифа. микоулы. ѡѡра.

Рѡ пана богѣша писарѣ гдѣьского. павла. настасїю.
михайла. конє.

Зєновїю. ѡѡсїю. данїла. петра. ѡнрѣѣ ***). ѡѡра. ѡнїпа. василїа.
настасїю. ваѣвароу. інока. ѡстаѡнѣ. ѡлєѣѣ. оуліанѡу. паѡомїѣ. доминки.
єкатєрины. василїа. мартина. наоума. оуѡнїїю****). настасїю ****). марїї.
ѡлєкѣѣ. ѡртема. василїа. матрєноу. сїрїно. ієрѣѣ, ѡнисима *****). матѣѣѣ.
ѡѡры. соупрона. ѡетинїю. пєлагїю. ілью. наоума. фалєлѣѣ. григорїѣ.
мѣю. ѡнѡу. сєлївєстра. ѡстафїѣ. соѡнѣ. настасїю. ѡвдотїю. бориса.
матѣѣѣ. максїма. матроуны. ѡѡсїю. ѡнѡу. ігнатїѣ. зєновїа. хрїстїны.
мартина. іѡана. дементїа. ѡлєкѣѣ. ѡфонасїѣ. ѡкоулоу. ѡстафїѣ. василїѣ.
інѡ серѣѣѣ. ѡгаѡїю. єкаѣрины. ѡетинїи. іѡана. іѡсїѡа. інѡ васлїсоу.
євдокїю. сїрїно, інѡ. іѡны. парасконїю. сїѡннєрѣѣ соустѣѣ *****). єка-

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами.

**) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами.

***) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано:
зѣбо з слоуца.

****) Противъ этого имени на поляхъ красными чернилами приписано:
Козїьского.

*****) Это имя приписано между строкъ, позднѣе; на поляхъ противъ
него сдѣлана красными чернилами слѣдующая замѣтка: мѣи козїьского.

*****) Въ подлинникѣ выскоблено.

******) На поляхъ противъ этого имени написано: игоумена ви-
дѣбнїю.

терины. романа. григорія. лоукьяна. конона. шрофѣноу. дороѣѣа. синѣа:
агафію. іѡа.

Семенъ старецъ вписѣ родъ свои. семишна. мартиана се-
геню. миѡила. пантелеа. димитрія. євдокею. сімеѡна. оульѡнѣ. мѣ:
іѡанна *). серьгиѡ. ѡкова. євдокѣю.

[Рѡ пана боговѣтинѡ] **). петра.***) євдокѣю. агрепѣнѣ. фєдѣр:
вѣрѣ. ивана. фєѡдорѣ. инока скимника, льва. мѣрю. фомѣ. фєѡдора мѣ:
ка. пелагию. перасковѣю. тита. дарю. пелагѣю. аннѣ. єкатериинѣ. игн:
тиѡ. пелагѣю. петра. євдокѣю. василиѡ. шринѣ. фєѡдора. фєѡдора. васил:
сѣ. захарїи. матрїнѣ. василисѣ. фрѡла. лоукьяна. марю. игнатиѡ. герас:
ма. фєѡдосїю. оульѡнѣ. харитѡна. настасю. гаврила. шринѣ. стєфана.

Рѡ пана ѡвана кошки. ѡвана. кнѡгиню настасю. ѡнокѣ пѣ:
нарю. семишна марю. кѡнє. (sic).

Миѡайла. єѡстафиѡ. семишна. никифѡра. агафію. инока паѡмиѡ.
фєѡдосїю. ємельѡна. григорѣѡ.

Рѡ пана богѡша писарѡ гѡарѣьського ****). скимника
єльфєриѡ. кнѡзѡ ѡвана. кнѡзѡ ѡвана. кнѡзѡ ѡкова. кнѡзѡ владимѣрѣ
кнѡзѡ миѡайла. кнѡзѡ романа. кнѡзѡ ивана. павла. миѡила. скимникѣ
марфѣ. скимникѣ. фєкѣ. кнѡини фєѡдоры. кнѡини василисѣ. кнѡини ѡ:
репѣны. марѣ. кнѡжны єкатерины. ѡрины. семена. гликерю. кнѡзѡ ѡвѡи.
фєѡдосѣ. гєшѣргѣѡ. аннѣ. ишсѣфа. акилины. варварѣ. данила. ивана. ив:
на. бѣвѣтина. оульѡны. настасѣ. настасѣ. миѡила. домѡны. аннѣ. пет:
ра. павла. данила. аннѣ. кѡнєцѣ.

Лєшнѣтиѡ. софронїѡ. марю. марю. солѡмонидѣ. аннѣ. єкатериинѣ.
инока семишна скимника. пелагѣи. инока скимника, варлаѡа. фєѡдосїю. гри:
горїѡ. аксинию. пѡлѣфѣла. ѡкова. ѡсака. макарьѡ. гликѣрью. ивана марѣѡ.

*) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано:
Иѡкьяновї з жїтомирѡ.

**) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ, —
сѣ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) Въ подлинникѣ выскоблено.

****) На поляхъ противъ этого юда сдѣлана слѣдующая приписка:
недано.

пелагѣю. сцѣнноерѣмъ семишна. оульмнѣ. сцѣнноиннока марка. никифора. васильмъ. стефана. еоустафѣмъ. фешдора. григоримъ. зеновнью. матронѣ. еленѣ.

Рѣ сцѣенника афанасимъ сослужителя великого никола въ дѣбровици. ерѣмъ григоримъ. еленѣ. ерѣмъ афанасимъ. иринѣ. иѣана. йева. семишна. пелагѣю. пахомимъ. оксинью. ивана. ермолѣ.

Кнѣини (sic) и князѣ юрѣмъ дѣбровицзкого. кнѣини оульмнѣ. евдокѣю. шѣмъ. еленѣ. марью. максима.

[Старца никольского тихонѣ снѣ дѣко]*). терентіамъ. инока никандра. фотимъ. лѣкьмна. ефросію. фешдора. инока скимника мартиріамъ. григоримъ. [ивана ртицена. фетинью. аннѣ]**). фетинью. давыда. аннѣ. еоустафимъ. мануила. лешнтимъ. иерона. марью.

Фешдорѣ с мозырѣмъ рѣ свои вписалѣ. фешдорѣ. ивана. агапью. фешдора. [Рѣ тиши выкѣскѣ]***). аннѣ. аннѣ. хатіана. деѣнісіамъ.

Искрѣ с канѣва женѣ свою вписалѣ. настѣю. настасью.

Рѣ сцѣенника исакиамъ ѣ великаго никола пѣстыньского манастирѣмъ. исакиамъ. домнѣ. васильмъ. юрѣмъ. агафью. марью. ивана. ивана. никитѣ. стефанидѣ. пелагѣю. аксинью. стефана. андрѣмъ. миханла. поу-татѣ. афанасимъ. зеновнью. агафью. итакова. домнѣ. марью. ѣ пана гринковѣ шрѣскѣ степана, и женѣ еѣо анны. фешдорѣ. ѣ пана мѣфѣмъ юнѣковича. матфѣмъ и женѣ еѣо мрѣю. савѣ. стефана. пелагѣю. софронимъ. матфѣмъ. шринѣ. аннѣ. никитѣ. евдокѣю. захарью. еоустафѣмъ. илью. климентимъ. матфѣмъ. матронѣ. кнѣмъ мрѣю****). пелагинъ. фешорѣ. инѣ. еоѣфиміамъ. иси-дора. парасковгін. мрѣю. ефрема. стефана. лоукѣтана инока герасима. зс-новіамъ. іѣмъ. никиты. настѣю. іѣмъ. филипа. фешдорѣ. василіамъ. аннѣ. тита. константина. геѣргіамъ. фешдорѣ. ивана. мрѣю. парасковгін. евдокію. григоріамъ. евдокію. итакова. стефана. филипа. мрѣю. оулиты. селивона. йрины.

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Оскобленное мѣсто приписано позднѣе внизу на поляхъ.

***) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ, съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами припи- сано: ровенскамъ.

[Р ѿ и г Ѹ мена тр ѿ ко г ѡ симе ѡ н ѡ а в пис а за Ѹ ст а за у р ат і ѣ ы ѣ] *). а р х и е п і а. і ѡ ны. і н ѡ, і ѡ а к и м а. ѣ в д о к і н. с ц і н н о, і н ѡ, с и м е ѡ н. п ав л а. м р і ю. в а с и л і а. а л е к с а н д р а. п р о к о п і а. з е н о в і а. о у л и г а н ы. г р и г о р і я. ѣ ф р о с и н і ю. ѳ о м о у. г р и г о р і а. в а с и л і a. і л ю ю **). а в в а к о у м а. ѡ м е л у х и. п а м г і н. м о й с т а а. т а т і а н ы. п а в л а. ѳ е ѡ ѡ с і н. м а р ѳ о у. т и м ѳ ѣ a. м е в о и л і ю. т а т і a н ы. і н ѡ. і ѡ с и ф а. м а к с и м a. м р і ю. [и ѡ с і п ѡ] ***). ѣ в д о к і а. д о р о ѳ ѣ a. м р і н. ѳ е ѡ ѡ с і a. ѳ о м ы. к о у з м ѡ. і в а н а. ѣ в г ы с е л и в а н a. к р і с т і а т и н a. і с а к і a. ѣ ѳ р ѣ m a і н о k a. і н ш k a ѡ л ѣ к с ѣ a. ѣ в д о к і ѣ. ѣ ф р о с и н і н. ѣ ѳ и м і n. ѡ ѳ о н а с і a. к а л е н и k a. ѣ н с т а ф і a. п а в л a. д а р і ю. ѣ м е л і a n a. м а р k a. м т р ѡ н о у. і a к ѡ в a. м а р і ю. ф е ѡ ѡ с і ю. м и х а й л a. ф и л и п a. ѣ к а т е р и н ѡ. к н а, і л и с т а с і ѡ. [в а ѡ л е н і a к о в і б о г а р і с л ѡ к і] ***). в а с и л і a. т и м о ф ѣ a. с е м и ѡ n a. з и н і k. ѡ в а. ѣ л с н о у. і в а n a. а г р е ѳ и н ѡ. а л е ж ѣ a. с а в ы. ѡ г р ѣ н и н ы. і в а n a. р а д и ѡ n a. і н ѡ. і л і ю. м а к а в і a. х а р и т о n a. с т е п а н і д ѡ. а ф о n a с і a. а н н о у. г р и г о р і a. а н д р ѣ a ѡ г а ѳ і ю. і ѡ а n n a. з а х а р і ю. м а р і ю. ѡ г а ѳ і ю. о у л и т ѡ. а л е к с а й р a ****). с и м е ѡ н ѡ ѣ в з ф и м і a. т а т і a n ѡ. в а с и л і a. ф е ѡ ѡ с і n. м а к с i m a. м а р т и n a. м а р і ю. з у м а н о у. п а р ѡ х ѡ a.

[Р ѡ б о г о і а л ь н с к ѡ з д о в р о в і] *****). с ц і н н о і н o k a, в а с и л і a n a. п с и г и ѡ. ѣ р ѣ a д а н и л a. ѡ р и n ы. ѡ л е к с ѣ a. а н н ѡ. і г н а т и a. і н ѡ і ѣ в a. в і в ѡ м и n a. і н ѡ т и х о n a. л е в o n a. в а с и л и с о у. т а т і a n ѡ. п о л а г і ю. і a к i m a. ѡ г а ѳ і k. а г р е ѳ и n ѡ. ф е ѡ ѡ с і ю.

Р ѡ б о г а р і п и н с к ѡ д м і р a ѳ ѣ k o в і. д м і р a. а к ѡ л и n ы. ѣ л и ѡ з а r a *****). т а т і a n o u.

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) На поляхъ противъ этого имени написано: сергѣ мещанинъ киѣскі.

***) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: некрѣ с канѣва.

*****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) Въ подлинникѣ послѣ этого имени пробѣлъ въ нѣсколько строкъ, обведенный красными чернилами, очевидно для предполагавашагося вписыванія именъ изъ того же рода.

РѠ щепї і вѧ чѣнорїца. ѳетинїи. і вѧ. і вана. і нѠ. стефа-
на. ѳеш^орѧ. оуліаны.

[РѠ кнѧ ѳеш^ора іа рославї] *). кнѧ. феш^ора. кнѧ ѣсноу.
ѧнастасїю. деѡнїсїа. ѧннѧ. ѳеш^ора**). ѡвдогїю. соѳронїа. іакшва. ѡгаѳїю.
оуліанѧ. і вана. стеѳана. ѧнрѧ. семена. семїона. павла. ѡгрефинѧ. ноудѧ.
деміана. ѧннѧ ***). ѧреѳы. марїї. і вана. грїгѳа. скїнїї. макаріа. ѡгїю. марѳѧ.
хнмоу ...****). мартіана. скїнїї. іакимїа. мнхайла. і нѠ, германа. ѳеш^осїю.
і ѡѧ. ...*****). васїѧ ...*****). ѡвдогїю. і ѡѧ. ѧнтона. ѧнрѧ. скїнїици, пелагїи.
захарїю. ѣвстафіа. василїа. ѡсноу. і вана ѡга^ої. і ѡѧ. нїкона чернорїца.
меланїи черноризици. ѣпимаха. ѳеѡсїї. нїкїфора. і ѡѧ. василїа. прокопїа.
ѡгрефинїи. ѣлены. діакона феш^ора. ѣсноу. ѧноу. ѡгаѳїю. василїсоу. ѧлек-
сѧ. матроны. і вана. василїа. матроны. василїа. ѧннѧ. ѡнїсїма. оуліаноу.
гнкерїи. ѳеш^оры *****). дементїа. і нѠ скїмнїка калїста. василїсоу. грїгорїа.
несѧтера. василїсоу. ѳеѡдора. і вана. ѣленѧ. і ѡанна. ѡгаѳїю *****). сїнїїоїнѧ
васїана. і ѡанна *****). ѡвдогїю. феш^ора *****). кнѧ стефана *****).
і нѠ феш^осїа. стеѳана. василїа. фетенїю. борїса. ѳеш^ора. грїгорїа. тїмофѧ.

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Это имя въ подлинникѣ зачеркнуто.

***) Противъ этого и предшествующихъ двухъ именъ написано ѡбверсевиѳѧ.

****) Въ подлинникѣ выскоблено.

*****) Въ подлинникѣ выскоблено.

*****), Въ подлинникѣ выскоблено.

*****) Въ подлинникѣ противъ этого имени красными чернилами написано: мандїлова матка з волѧ.

*****) Противъ этого и предшествующаго имени на поляхъ красными чернилами написано: рѡ^атели сергѧѳы.

*****) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: со мѧтїславѧ.

*****) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: срънѧ.

*****) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: домѧтовїѧ.

марѣу. ѳетинію. александра. ѿно̄ григоріа. ѿно̄ евдокѣи. сисо̄м. ѿно̄ соломоници. андрѣа. настасію. тимофѣа. ѡстаѣа. ѿриноу. артеміа. евсегеніа. марію. евдокѣю. сирійоіереа, алектѣа. понарію. іакова. ѣвгоу. никитоу. матѣа (sic). дѣментіа. василсоу. левѣтіа. скѣника фешѣсїа. ѿно̄ ісаію. андрѣа. ѿно̄ венедикта. скимницю евдокію.

[Рѣ кѣзѣ ѿнока ишны соколѣскѣ]*). кѣзѣ, ѿно̄ іѡну. скимника симона. кѣзѣ александра. кнѣиію еленѣ. кѣзѣ алимѣпсѣа. кѣзѣ васильѣ. оулитѣ. кнѣжны соуфимѣи. кнѣжнѣ марьи. кѣзѣ іѡана. ѡгаѣи. христиноу. ѡксинію. ермолоу. кѣзѣ александра**). ѡксинію. фешѣра. ефросинію. скимника іѡноу. бориса. скимницю ѳетинію. ѳешѣра. мрїю. ѳешѣра. григоріа. ѿно̄, іѡсифа. іѡа. христинѣ. іѡа. оуліаноу. пелагію. ѿно̄ іѡнникіа. ѳеклу. нестера. пелагію. петра. ѳешѣра. зиновѣа. павла. варпароу. логина. фомоу. пелагію. агафона. сирійоіно̄. скимника селивана. ѡнисима. агафона. михайла***). ѿно̄, ефрѣма. мариноу. конона. дарію. игнатіа. фешѣра. ѳетинію. іѡноу. алектѣа. макаріа. іринѣ. хоноу. григоріа. семишна. фетинію. мартіана. фетиніи. ѣвгоу. данила.

Рѣ потанѣ ѡлснковѣ. потаніа. іѡана.

Рѣ кѣзѣ кѡстантина крѡшѣского з смоленска. кнѣ, романа. кнѣ іѡа. кнѣиію ѿно̄, соупраксію. кнѣ. фешѣра. оуліаноу. кнѣ. кѡстантина. кнѣиію. аіноу. кнѣ василіа. оуліанѣ. кнѣ.

Ѣсноу. гаврііла. іѡа. марѣу. василіа****). епифаніа. василіа*****). александра. григоріа. ерѣа. андрѣа. аниѣ. артемиѣ. григоріа*****). андрѣа.

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами, -- съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Это имя въ подлинникѣ выскоблено (читается, впрочемъ, легко).

***) Противъ этого имени на поляхъ красными чернилами написано: павша.

****) Противъ этого имени на поляхъ красными чернилами написано: василси волѣковѣ.

*****) Сверху этого имени сдѣлана красными чернилами надпись: кѡстюшковѣ.

*****) Сверху этого имени красными чернилами сдѣлана надпись: глѣшкин.

[Шолатнї пѣстыѣскї мислило рѣ свои оуписѣ] *). скимника моуѣѣ. мартина. татїану. христиноу. тимоѣѣ. григорїа. аннѣ **). матроуноу. парасковѣгѣю. матрѣнѣ. настасїю. ѡлежїа. прокопїѣ. рѣ^мѡна. ѡгрипѣнѣ. ѡвкоу. ѡстїнїю. їѡа. гликѣрїю. ѣмельѡна. мѣрїю. ѣмелїана. дмитрїа. ѡлежїа. ѡмѣ. василїа. їрннѣ. прокопїа. ѣннѣ. вѣрварѣ. марью. трифона. ѣоуѣимью. ѡндрѣѣ. ѡсѡдосїю. їнѣ. мартїрїа. ѣрѣѣ їакова. мѣрїю. ѡнїсїю. .... ***) оульѡнѣ. ѡзарѣ. мѣрїю. трѣфана. ѡгафїю. григорїа. деѡнїсїа. татїанѣ. ѣлизара. фѣ^мѡсїю. парасковнїю. василїа. татїанѣ. скимнїци. їѣлєннѣ. юрїтїа. кѣпретїана. їнѣ їларїѡа. мѣрїю. матрѣнѣ. їгна^тѣ. фѣ^мѡра. ѡгафїю. гаврила. ѡгрєпєнѣ. ѣѣмїа. ѡртемиїа. татїанѣ. ѡленѣ. фѣ^мѡра ****). оустїнїю. вѣрварѣ. скимнїцу. ѡленѣ. ѣвмѣзпнїѣ. фѣѡдора.

[Ѧрхимѡнїритѣ прислѣ маркѣ намѣстнїкѣ листѣ велѣ ѣ дшѣ оуписѣ]... *****). їѡанна. ѡнтонїдѣ. деѡнїсїа. їѡанна. нїкїфора. їѡанна. мїхѡйла. матрѣнѣ. сєновнїю. фѣ^мѡра. їѡа. василїа. матрѣнѣ. скїнї ѡленѣ. ѡннѣ. скимнї ѡлєжѡндрѣ. матѣѣ. татїанѣ. ѡвкѣ. василїа. сїѣнноѣрѣѣ їсакїа. василїсѣ. оулнїанѣ. тимоѣѣ. мѣрїю. нєлагѣю. фѣ^мѡра. мѣрїю. ѡвдотнїю. панарїю. сїѣнноѣрѣѣ ѣоуѣстафїѣ. ѡгафїю.

Чїуднїх трѣфановї стародѣвецѣ ѣ дшѣ вписалѣ. кѣстѡнтина. ѣоупразїю. їнѣ скимника вєнѣдикта. їнокѣ скїнїцю. ѡннѣ. ѡртема. їрннѣ. ѣвдѡкєю. василїсѣ. їнока ѡнѣѣїана. їнокѣ скїнї. настасїю. мїхѡйла. трїфана. сїѣнноннѣ скимнїка деѡнїсїа. їнѣ скимнїка, дѣсофѣѣ. мѣрїю. клїментїа. ѡрннѣ. макѡнѣїа. тарасїа. сємена. ѡкѣлѣ. ѣоуѣфїю. їрннѣ. ѣвдѡкѣю. марью. їнока ннѣонта. кѣнана. марїю. їнока скї дєжєннїїа. ѣоуфїмїю. ѡгрєпѣнѣ. софнїю. ѡвѡю (sic). дмитрѣѣ. мєланїю. ѣѣ^мѡра .ѣлїппа. макарїа. марїю. ѣѣ^мѡсїа. грїгорїа. ѣѣ^мѡсїю. рѣѡргїа (sic). матрѣнѣ. ѣлєшзара. марїю. ѣвдѡкїма. пєтра. їѣѣѣ. парфєнїа. марїю. ѡнѣрѣѣ. ѡнастїсїю. тїмофѣѣ. сѣмїѡна.

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,— съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Это имя написано на поляхъ.

***) Въ подлинникѣ выскоблено.

****) На поляхъ противъ этого имени написано: сїѣса.

*****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,— съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо (Здѣсь же сдѣлана была и еще какаѣ-то приписка, но потомъ выскоблена).

натіа. матроноу. кѡстантина. михайла. тотіаноу. ксинію.) гликѣрін. мойста. матроноу. семіѡна. оуліаноу. даннліа. ариста. зеновію. йнока, арсеніа. кзмы. васліа. ѡксинін. ѡгаѡін. іакова. степанидоу. іакова. матроноу. аниѡ. семіѡна. йнокѡ оуліаноу. йнока, никиѡора. васліа. іакова. е меліана. семіѡна. климентіа. ѡмоу. феш^ора. павла *). іноѡ, оулитѡ. йноѡ, мисайла. маѡца. марію. діѡинсіа. меланію. феш^ора**). іакова. феш^ора. мрью. игнатіа. агрѣпінъ. деѡмида. левонтеѡ. йриноу. аѡрѣѡ. рш^нна (sic). мариноу. пелагію. дімитріа. мррю. тотіанѡ. сергеѡ. захарію. васліа. ѡевронію. агрѣпінъ. пелагію. савѡ. степана. захарію. афонасіа. феш^осію. йноѡ, сераниѡ. семіѡна. михайла. сїїно іереѡ, йвана. парасковію. аниѡ. йвана. скиѡницѡ. елену. мартіан. ѡгаѡію. тимоѡѡѡ. васліа. давыда. хрстинѡ.

Іа навѣ рш^нчь з бѣска рѡ свои вписѡ. григоріа. матренѡ. аѡдрѣѡ. лаврентѡ. еѡдокиѡа. фомѡ. кон^ррата. хрстинѡ. скїѡницѡ, еѡссинію. варварѡ. ксинію. игнатіа. аѡдрѣѡ. васліа. марію. стеѡана. стеѡана. михайла. йвана***). елену. елену. романа. марію. феш^осію. герасима йноѡ. іакиѡа. ѡгаѡію.

[Н а с і а г е з і]****). пелагіѡ. еѡвстаѡіа. татиѡѡѡ. симіѡна. аѡдрѣѡ. мртина. еѡросинію. іакова. есиѡа. зѣновію. йнока наснѡна. софроніа. феш^орнію. еѡгоу. аѡдрѡсіа. йвана. йсидора. михайла. васліа. татиѡѡѡ. михайл. мрѡн. ерѡѡ григоріа. леѡнтьѡѡ. зиннѡ. мрїю. аѡцифора. еѡреѡа. маѡца. феш^одора. ходоры. конона. мрїю. глаѡкерію. скїѡника ереѡѡѡ. фомы. йноѡ протасіа. йвана. марѡѡ. ѡалелеѡ. аѡдрѣѡ. агрѣѡины. еѡѡфиліа. алекѡѡ. аѡгаѡію. феш^осію. [Р ѡ ѡ кол ѡ]****). [Р ѡ пана ш а ма к ѡ дв о р ѡ н н и к о р о л ѣ с к ѡ]*****). йнока скїѡника. еѡѡиміа. скїѡницю. марѡѡ. григоріа. йно-

*) На поляхъ противъ этого и слѣдующаго имени написано: рѡ пѡ бориса. королѣскіѡ дворѡ смѡнѡннѡ.

**) На поляхъ противъ этого и слѣдующаго имени написано: сѡ брѡска львовичи.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: нѡѡ дѡрасѡѡ.

****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—сѡ обозначеніемъ, куда въ текстѡ оно должно быть относимо.

***** и *****) Оскобленныѡ мѣста написаны красными чернилами на поляхъ,—безъ обозначенія, куда въ текстѡ они должны быть относимы.

ка арсенія. мрїи. и҃гнатїа. ѿсѣдосїи. фрола. йнока скїни. германа. свирѣда. герасима. макаріа. катерини. йрины. [Ѡ в е л и к ѡ н ѡ] *). пашька. панкратїа. скїнника семиѡна. феклы. василїа. трѣхона. соломониды. микѣлы. феѡтїиний деѡнисїа. йвана. григорїа. йвана. мрѣю. йвана. симиѡна. ѿетинїю. григорїа. ѿсѣдосїю. ѿвдокѣю. ѡстаѡїа. йвана. ѣрѣмъ ѡфанасїа. василїа. ксинїи. василїа. матроны. филимона. ѿвдокѣю. ѣкатерини. йнока павла. пелагїю. касїанѡна. татїанѡ. феѡдора. максима**).

Кнїа҃гїни. анны. кнѣмъ феѡдора петра. ѣрѣмъ ѣремѣмъ. лаврентїемъ йноци парасковїи скїнїи. такова. йвана. варвары. йнока трохама. ѡкѣлины. григорїа. йрины. фомѡ. наталїю. скїнника йвонѡ. василїа. хрїстины. василїа. йноци полїнарїи. никитїа. каленика. михаїла. и҃гната. фрола. тимоѡѣмъ. феѡронїи. настасїи. ѿетѣмъ. степана. ѡгаѡнїи. ѣѡимїи. оуліанѡ. йвана. скїнници ѡупраксїи. феѡдора. лѡва. прокопїа. стеѡана. ѿсѣдосїю. ѣвсєѡїа. йрины. козмоу***).

[Рѡ кнзєи крошїнскїи]****). кнѣмъ йвана кн҃гїю ѣвзпраксїю кнѣмъ феѡдора кн҃гїю ѡксїнїю йноѡ ѣфросїнїю кнѣмъ ѿсѣдосїа кнѣмъ филипа йнока филорета кнѣмъ костантїна кнѣмъ дмитрїа кнѣмъ йвана кнѣмъ дмитрїа кнѣмъ йвана йвана оуліанѡу никиты лаврентїемъ сїмиѡна оуліанѡ ѣвстаѡїа ѿѡронїи ѡганїи дмитрѣмъ пелагїи. никиты василисы. йнока феѡдосїа стеѡана*****). мрѣи хрїстины ѡндрѣа ѡндрѣмъ. полѡгѣю. настасїю. ѿсѣдора. анны. петра. ѡртємїа*****). марїю. дорѡѡѣмъ. *****) такова. павла ка-

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,— съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) За этимъ именованїемъ, до конца строки, слѣдуетъ пробѣлъ, въ срединѣ котораго написано слово кнѣмъ и зачеркнуто, хотя легко читается. Противъ этого же и ниже слѣдующихъ именъ приписано на поляхъ: митѡнадѡннѣ ѡнѡкъ сѡпоннѣскыѣ рѡ своѣ оупнсѣ,—безъ обозначенїя, куда въ текстѣ должна быть относима приписка.

***) Противъ этого имени на поляхъ написано: заморєнѡ.

****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ, съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) На поляхъ противъ этого и слѣдующаго имени написано: родители пана матѡсѣмъ заморєнка.

*****) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: гоголсѡвїи.

*****) На поляхъ противъ этого имени написано: родители ѡроѡсѣа заморєнкова.

панидѣ. ѡлєдїа. дїинїю. аїрѣа. іакова. іринѣ. єкатєринѣ. євѣѣ. маїмма. ѳєѡфонта. інокѣ, наталїю. ѳєѡсїю. манїїла. єлїѣфіа. ѳєѡра. павла. ѡгафію. іѡа. парасковїю. рѡѡна. юрїѣ. аїноу. татїанѣ. грїгорїѣ. ѡвдотїю. ѡлєдїа. мїрїю. аїнанїю.

Рѡ кїзѣ івѣ ви шьневзскѡ. кїзѣ, мїхайла. кнїгїню, ѡгафію. кнїзѣ василїа. кнїнѣ, марїю. кнїзѣ, мїхайла. кнїнѣ, марїю. кнїзѣ, єроѡѣѣ. ѡвдотїю. конѣ.

Марка. євѡмїю. фєвронїю. ѡгафію. євдокїю. зїновїю. ірїнѣ. василїа. сєлївєстра. лоуки. фомѣ.

Рѡ пѣ єска маѡѣєвї. аїнѣ. ѡгафію. мамєлѣѣ. скїнїка, іѡсїфа.

Рѡ пѣ івѣ рагачѡскѡ дмїрєєвї. дмїтрїа. фєтїнїю. аїрѣа. татїанѣ.

Рѡ пѣ івѣ прїверєдѡвскѡ. аїлєксѣдра. василїсѣ. васїа. івѣ.

Рѡ пѣ івѣ дмїрєєвї мєвскѡ. дмїтрїа. аїнѣ. івана.

Мїка з острѣѣка. аѡнасіа. варварѣ. аїрѣѣ. настасїю. настасїю. мїхайла. оўльнїѣ.

Рѡ пѣ івѣ покотїловї. аїрєѣ. марѣѣ. гєѡргїа. ѡгафію. мїхѣѣ. фєѡра. аїнѣ. івѣ. аїнѣ. грїгорїа. конѣ.

Мїкїтѣ. марїю. єкатєринѣ. іакова. василїа. ѡгафію. аїрєпїнѣ.

Рѡ пѣ єрїлїдаѡкорскѡ сєка. аїсїѡора. меланїю. івѣ. євдокїю. василїа. мрїю. сїмона. аїнѣ. івѣ *). івѣ. іакова. фєвронїю. єрєа, павла. [ивѣко даѣѣѡѣ трї дшї ѡпїсѣ] **). мрїю. скїнїцѣ, аїкїлїѣ. аїнѣфрїа. ѡвдотїю. сєлїѡна. солѡмонїдѣ. кїрїла. меланїю. іакова. сѣфана.

*) Противъ этого имени на поляхъ приписано: ѡстасѡѣѣ (sic).

***) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,—сѣ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

ива. григоріа. іва. ѳетинію. нестера. [Рѣ васїевъ шестокѣ].*) инса.
васіана. мрїю. максима.

Рѣ пѣ данила васїевї писарѣ кнѣзь костаѣтина ів-
новича. ѡстрѣскѣ и ѣ жоны мрїи по ѡцмѣ и по мтрѣмъ
и. прѣѡсцїнна ѣпїпа, варсоноѣа. володимира, въ стѣмъ крїнїи, василї.
скїнника, фесїгноста. василїа. феш^ара. вниѳантїа. ѡннисима. семїѡна. інока,
аїнїа. меланїю. аїтонидѣ. маринѣ. ѣкатерицѣ **).

Рѣ чешейкѣ. григорїа. потапіа.

Івана ***). ѣленѣ. іва. івана.

Рѣ ѣнкѣ. феш^ара. григорїа. ѡгаѳїю.

Рѣ кнѣзь рѣжїскѣ. вниѳантїа. скїнницѣ, февронїю. феш^асїю ѡв-
дотїю. івана. іва. мрїю. павла. меланїю. немљѣ. лихача. наѡѡма.

Рѣ прѣченкѣ васїевъ. игнатїа. ѣвѣмїю. іѡсїѳа. скїнницѣ,
ксинїю.

Рѣ лавосѣ. мїхайла. гаврила. василїсѣ.

Рѣ пѣ лѣкѣ іванѣ. ва. (sic). татїанѣ.

Рѣ пѣ вѣдана госкѣ. іва. александра.

Рѣ пѣ іва ѳедоровичѣ кощесвї. арумѣдрита жиди-
чїскѣ, іѡны. костаѣтина. скїнника, фесїгноста. іно, лоуки. стѣфана.
сїїного, арумѣдрита, ішнѣ. александра. гесїргїа. феш^ара. лаврсїтїа. мсла-
нїю. настасїю. меланїю ****). мрїю. мрїю. феш^ара. настасїю. іѡнна. аїна.
[івана шпрайскѣ. мїхайла. ѣѳемїю. іѡанна. соѳонїа] *****).

Рѣ валаха ѡлексїевї зовемѣ ѣроѳѣа писарѣ и нѣ-
скарвѣ кнѣзь костаѣтина ѡстрѣзскѣ. іѡанна. алексїа. ѣвзсегенїа.
вориса, інока, варсоноѣа. григорїа. пахомїа. гаврїла. мрїю. зеновїю *****).

*) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—
сѣ обозначенїемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Далѣе въ подлинникѣ пробѣлъ въ $\frac{1}{2}$ стран., обведенный красной
чертой.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: ворона.

****) На поляхъ противъ этого имени написано: гѣрка ѳеш^аровї.

*****) Оскобленные имена въ подлинникѣ зачеркнуты; далѣе слѣдуетъ
пробѣлъ въ $\frac{1}{2}$ стран., обведенный красной чертой.

*****) Далѣе въ подлинникѣ пробѣлъ въ $\frac{1}{2}$ стран.

Й вѣ кѡ рѡ ѡ хрѣмовѣ. никифора. христинѣ.

Рѡ прѡ чѣнкѡ. ивана. мрїю. никитѣ. ѣреміа. михайла. ѡгафію.
ѡртемїа.

Рѡ пѣ й вѣ котовѣ. іѡанна. ѣфросимїн. скїника, фирса. феклѣ.
ѡнрѣѣ. ѣленѣ. юріа. петра. льва. мрїю. фешара. настасїю. ивана. льва.
оуліанѣ. оуліанѣ. манойла. варварѣ.

Рѡ стѣна петжховѣ. йѣва. мрїю. скїницѣ, ѡгрєпинѣ. фешара.
парасковїю. петра. татїанѣ. скїника, дософіа. ѡгрєпинѣ. ивана. лоукерїю.
йнока, ѡнтонїа.

Поминї. кнзѣ, константина, ивановѣ. ѡстрѡскѡ. воєво-
ды трѡкого. прѡсѡпнѡ ѡрхїеппа. митрополита, іѡсифа. прѡсѡпнѣ, ѡр-
хїеппа, митрополита, іѡнѣ. сїннаго єппа, васїана. сїнно, йнока, іѡнѣ.
сїнно йнока, ѡрхїмаїрита. йсайа. сїнно йнѡ, ѡрхїмаїрита, іѡнѣ. сїнно
йнока, ѡрхїмаїрита, мисайла. великую королєвѣю, ѡленѣ. кнзѣ, геѡргїа.
кнзѣ, дмитрїа. кнзѣ тимофѣѣ. кнзѣ, даниліа. кнзѣ, іѡѣ. кнзѣ, фешара.
кнзѣ, семїѡна, вз йноцѣ, фешарсїа. кнзѣ, ѡлєксїа, вз йноцѣ, ѡлєксѡра.
кнзѣ, ѡнрѣѣ. кнзѣ, василїа. кнзѣ, даниліа. кнзѣ, іѡѣ. кнзѣ, геѡргїа. кнзѣ,
іѡѣ. кнзѣ. семїѡна. кнзѣ, іѡѣ. кнзѣ, фешара. кнзѣ, семїѡна. кнзѣ, феш-
ара. кнзѣ, филиппа. кнзѣ, василїа. кнзѣ, романа. ѡнрѣѣ. семїѡна. іѡѣ.
кнзѣ, семїѡна. кнзѣ, геѡргїа. кнзѣ, семїѡна. кнзѣ, михайла. кнзѣ, семї-
ѡна. кнзѣ, михайла. кнзѣ, ѡѣ. кнзѣ, геѡргїа. кнзѣ, василїа. кнзѣ, феш-
ара. кнзѣ, фешара. кнзѣ, геѡргїа. кнзѣ, лѡа. кнзѣ, іѡѣ. кнзѣ, сергїа.
кнзѣ, іѡсифа. кнзѣ, родїѡна. кнзѣ, лѡа. кнзѣ, ѡлєксѡра. кнзѣ, дмитрїа.
петра. ѣреміа. даниліа. сїнно йнока, никифора. фрѡла. николѣ. іѡѣ. йлію.
филїппа. ѡнсїѡра. внифантїа. ѡнсїма. фешара. петра. никифора. лоукїа-
на. йнокѣ кн҃ню, ѣлєсаѡѣ. кн҃ню, василсѣ. кн҃ню, ѡгафію, вз йноцѣ,
ѡгрєпинѣ. кн҃ню, фешарѣ. кн҃ню татїанѣ. скїницѣ, мафѣѣ. кн҃ню, ѡннѣ.
кн҃ню, настасїю. кнѣ, фешарѣ. кнѣ, мрїю. кн҃ню, оуліанїю. кн҃ню, наста-
сїю. кн҃ню, оуліанїю. кн҃ню, маїрѣ. кн҃ню, настасїю. кнѣ, мрїю. кнѣ,
софїю. кнѣ, ѣфросинїю. мрїю. тарасїа. никитѣ. фешара. грїгорїа. мрїю.
конѣ. василїа *).

*) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано:
дєвока.

Рѡ пана данила семеновича. вориса. іѡсѣа. семиѡна. оўліаноу. димитреа. ананію. григоріа василіа *). ѡсѡ^ара **). оўліаноу. мефедіа.

Помѡни гѣи інока филарета і ѡца ёго і мтръ ѣ і кѣ рѡ ёго. інокоу, анастасію. аннѡ. іакова. мрїю. марфѡ кондратіа. захарію. зѣнію. ірины. калиника. гаврііла. филиппа. григоріа. анноу. пелагію. ѡсѡ^ары. ми- хайла. мрїю. матронѡ. акилинѡ. пелагію. феклѡ. ігнатіа. івана. настасію. тимоѡѣа. матренѡ. оўліанѡ. інокѡ, фефронію. інока, романа. петра. семіо- на. ѡсѡ^арѡ. стѡана. аннѡ. діонісія. конратіа. мрїю. соѡію. ѡвдотію. леѡнтіа. ѣвдокію. сімеѡна. [ѣрѣа ігнатіа. ѣрѣа ѡсѡ^афата. василисоу. по- лагію. маврѡ. домнікію] ***). іѡанна. григоріа. христнѡ. ѣрѣа амоса. ѣрѣа анисима. василіа. марію. соѡроніа. ѣвдокію. оўліанію. іѡа. івана. мрїю. наталію. максима. ѡсѡ^ара ****). карна. патрікіа. пелагію. александра. сидора. ѡгаѡію. семіѡна. климентіа. сціноіерѣа, григоріа. василіа. Григо- ріа. марка. агренинѡ. агренинѡ. інокѡ мареміанѡ. татіанѡ. гаврила. стѡа- на. івана. оўліанію. ѣѡрѣа. пелагію. фрола. аннѡ.

Рѡ іноѡ, никона дѣкові. інокѡ, ѡсѡ^асію. інока, никона. гри- горіа. ѣкатеринѡ.

Рѡ івана васіѣвича воѣводы стародѡвскѡ. настасію. іноѡ, оўліанію. іноѡ, зѣнію. марфѡ. аннѡ. іѡа. никитю. аннѡ. айрѣа. афанасіа.

Рѡ микѡлы дворецкѡ ****). іноѡ, никаіра. іноѡ, деннісія. іноѡ, дом- никію. іринѡ. ѡвдою. мрїю. іноѡ, ѡстнію. алектѡ. григоріа. матронѡ. кѡ. мрїю. івана. просимію. агаѡію. іѡа. мрїю. романа. айрѣа. настасію. ѣвдо- кію. деміана.

Рѡ іорѣвъ з волѡ. георгіа. івана. ѣленю. кнѡ, настасію. інока савостіана. алектѡ. михайла. настасію. агаѡію. ѣвдокін. никитю. дѡа. ме-

*) Въ выноскѣ на поляхъ къ этому имени сдѣлана слѣдующая при- писка: кѡ^аноѡ.

***) Это имя въ подлинникѣ зачеркнуто.

****) Оскобленныя имена въ подлинникѣ зачеркнуты.

*****) Въ выноскѣ на поляхъ къ этому имени сдѣлана слѣдующая приписка: никѡ поѡоу на сошествіе стѡго дѡа маѡ кѡ.

*****) Вверху, на поляхъ, передъ этимъ родомъ, начинающимъ новую страницу, написано: сін дѡ вписѡ полѡникѡ нѡкѡскі кѡ з новогорѡка приѡѡа.

миона. матренѣ. михайла. парасковѣю. сѣмиѡна. фѣсѡсїю. анастасїю. инѣ
мисайла. ермолѣ. максима. сцїпно инѣ семїѡна. ѡвана. скїпницю, днїѣ *).
инѣ тихона. ѣфимїю. михайла. анну. афанасїа. инѣ скїпницю фѣстїю **). прѣ-
тасїа. аїгрѣфинѣ. ѡленѣ. инѣ скїпника андѣѣ. фѣсѡра. доминѣѣ. фѣстїнїкѣ.
данїйла. скїпницю марѣѣ. (а)андрѣѣ***). (а)ннѣ. (о)лену. (п)арасковѣю. (а)мѣ-
сѣѣ. (и)рїноу. (м)рїю. (х)аритона. (и)гнатїа. (и)вана. (ѣ)сѡсїю.

Рѣ кнѣзей соколиньскїхъ з воына. кнѣзѣ, михайла. кнѣгїкѣ,
оуланїю. мрїю. василїа. семїѡна.

Іерѣѣ данїйла. ѡванна. грїгорїа. фѣсѡсїн. ѡрїны. марїн.

Рѣ андрѣѣ дмитреѣвича холеневьскаго. петра. дмитрїѣ.
несѡнїлы. ѡкова. софронїа. мрїю. фѣстїнїю. панделеїмона (sic). днїкѣ.
скїпника, зеновїа.

Рѣ іѡсїфа митрополнта кїевьскаго, ѡ всеѣ реусн.
инѣ, фѣсѡдосїа. инѣ, тарасїа. инѣ, іѡноу. ѡнокѣ, варварѣ. инѣѣѣ александѣрѣ.
ѡнокѣ ѣфросїнїю. сцїпнойнѣ, ѣвѣмїа. инѣ іларїѡна. фѣсѡдосїю. ѡаннїкѣ.
фѣсѣдїа. ѡванна. ѣленѣ****). дмитрїа, ѣлїсѣѣ. ѡнатїа. каленїка. ѣвѣмїю. ѣвѣ.
дмитрїа. ѡвана. левѣтеѣ. лѣкїана. тотїанѣ. ѣкатерїнѣ. фѣсѡсїю. лазарѣ.
наталїю. фомѣ. аннѣ. фѣсѡдосїю. стеѣана. аїѣрѣѣ. аннѣ. лѣкїану. вѣѣрѣ.
ѡкова. ѣлїѣзара мрїю. матроноу. мрїю.

Рѣ пана стеѣана кáши, ѡ ѣ жены меланѣї: грїгорїа. мѣ-
ланїю. мрїю. марѣѣ. грїгорїа. михайла. михайла. ѣвсѣвїа. грїгорїа. мрїю.
фѣстїю. настасїю. матронѣ. зїновїю. ѡгаѣю. мокѣѣ. ѡгаѣю. андрѣѣ. ти-
моѣѣ. ѡвана.

*) Къ этому имени на поляхъ сдѣлана слѣдующая выноска: сѣвенча
сцїѣнникѣ рѣ свои вписѣ.

**) На поляхъ противъ этого имени сдѣлана-слѣдующая замѣтка:
гоурѣѣѣвѣ дочка с торѣсы.—Далѣе слѣдуетъ слѣдующая приписка другою
рукою (безъ указанїа, куда относится): ѡ стародѣѣѣ пронѣ котѣѣѣ ѡца да
матерѣ ѡписѣ.

***) Это и слѣдующїа десять именъ въ подлинникѣ написаны безъ
начальныхъ буквъ. Очевидно, имѣлось въ виду вполнѣдствїемъ написать ихъ
киноварью,—что, однако, не сдѣлано.

****) Въ подлинникѣ оставленъ здѣсь пробѣлъ для одного имени.

РѠ пана йвана харитоновѣ. скѣника, андрѣа. ѣвзѣтєа. пахоміа. кѣ-
 стѣнтина. скѣиници, маріи. йвана. мрїю. игнатїа. оулитѣ. ірїнѣ. василїа.
 Ѡгаѣю. васильа. андрѣа. агрепинѣ. йнокѣ настасїю *). йлію. ѳешѣра.
 стєѳана. семїона. мартина. ѣленѣ. йвана. аѳанасїа. ѳешѣсію. лоукїана
 марѣѣ. агапїю. ѳешѣсію. парасковїю. ѳешѣра. варварѣ. ѳилипа. Ѡгаѣю.
 йвана. йвана. андрѣа. йнока, ѳокоу. акилиноу. василисѣ. гѣрїа. григорїа. та-
 тїаноу. григорїа. айньноу. марью. йвана. настасїю. аѳоуленѣ. йнока. герой-
 тєа. конона. йлью. настасїю. йнокѣ, ѳешѣрѣ. Ѡнисима. інѣ, андрѣоника.

Рѡ пана сидора писарѣ кѣзѣ кѣстѣнтина крошиньскѣ
 ѣвтихїа. маринѣ. сидора. лѣкоу. варварѣ. дорѣа. йнокѣ, ѳетинїю. геѠр-
 гїа. левонтїа. кѣстѣнтина. йвѣ. марѣѣ. марѣѣ. Ѡвдотїю. Ѡгаѣю. корни-
 лїа. ѣвѣимїю. никитѣ. йвана. парасковїю. тимоѳѣа. ѣвсєгнїа. ієрѣа.
 пантєлєїмона. мрїю. петра.

Рѡ пѣ васка вокшича йз слѣцка. ворнєа. йриноу. василїа,
 михайла.

Рѡ йвѣка зѣвковї йз слѣцка. матронѣ. дєѣмнда.

[Родѣ кнѣей друцькихѣ] **) кѣзѣ андрѣа прихѣвзєского. кѣзѣ
 володимєра йвановича. кѣгнїю Ѡлєксѣадру. кѣгнїю марью. пани ан-
 на. пани Ѡгрипина. тимоѳѣа. марїю. радїона. ѳешѣры. мєѳєдїа. савы.
 ѳєдора. ѳєвроньи. йвана. Ѡлєксѣандрѣ. оульнѣ. йєва. андрѣа. соѳронїа.
 йсака, климєнтїа, марїи, ѣѳросинїи стєѳана. татїана. Ѡгреѳинѣ. євдокин.

РѠ ѣвлашьковї с мѣньска. ѣвлапзїїа. айны. любьви. ѣвѣон-
 мьї. климєнтїа. стєѳана. лоукїана. петра.

Ѡи дшїи вписаль йванѣ шкєтковѣ за сєрьмѣгї. соѳро-
 нїа. григорїа. ѣленю. Ѡкснїї. ѳешѣра. ѳєдѣи. максїма. гѣкова. ѳешѣра.
 григорїи. йнѣ ѳетинїю. йнѣ ѣпрактїи. йвана. сопонѣ. Ѡѳоулинѣ. игнатїа.
 василїа. ѣвѣѣннѣ. ѣвѣстѣа. ѣвѣгенїи. ѣрѣмолѣ. гѣкова. Ѡкснїю. мїны.

*) Противъ этого и слѣдующихъ двухъ именъ на поляхъ сдѣлана
 слѣдующая замѣтка: сїи дшїи стародѣва.

**) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ. На поляхъ же этой
 страницы находится (безъ указанїя, куда относится) слѣдующая замѣтка:
 ѳилимѣ почѣ.

Калетіа. зиновію. євтихіа мрїю. іно сѹмеона. марѳы. іоуліантїю.
аннѸ.) анрѳа. полинарїю.)

Сїи є дшѣ пѧ василей гостьскї вписѧ. архимѧдрита іонѸ.
павла. станислава. григорїа. іѡа. оуліанѸ. симеона *). василїа. глинтрїю.

Рѡ пана йвана шпрайскѡ. михайла. євѳимїю. іѡа. сафонїа.
василїа. ксинїю. іѡанна. агаѳїю. харитона. Ѡфонастїа **). євстаѳїа. ѳеш^осію.
іѡа. скїнниця, іѡустинїн. скїнника геронтїа. григорїа. стеѳана. ієреѧ, проко-
ѳїа. іноѸ, фадѳа. іѡанна. пелегїю ***). матьвѳа. єрѳа григорїа. ѡвдотїю.
власьа. іїѳа. оульганѸ. ареста. марїю. василїсѸ. єрѳа лесѡнїтїа. єрѳа.
їгнатїа. єрѳа семена. настасїн. татїаны. агапїн. сѹмеѡна. макарьа. єфро-
синїю. филиппа. ємельяна. зеберестовниця. скимника іѡнѸ. йвана. ѳесѡсію****).
василїа. сїѳенноскимника александра. агаѳїю. ѡленѸ. леѡнтїа. козмѸ. ми-
хайла. ѡгаѳїю. григорїа. акиминѸ. швдокїю. феш^ора. настасїю. єсїна.
іорїа. оуланїтїн. тїмофѳа. євдокїн. савѸ.

Рѡ покаленяскоє стефанїда денїсовна з оѳрѸчѡ. іѡа. акѡлинїа. хѡлмы
євгы ****). дмитрїа. деѡнїсїа.

Ѡмєліа. ѳедосї *****). андрѳа *****). аннї. фєдоры, іакїмїа,
Аѳанасїа. іїновѸ скїпцѸ євдокїю. стефана. захарїа. євдокеї *****).
антонїа. ѡлєны, ѡдїю, катєрїнѸ, григзрїа андрєа.

*) Сверху этого имени красными чернилами написано: бѣлчї.

**) На поляхъ противъ этого имени написано: быкѡскї.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: лєвѡ дшѣу вписалѧ —
На поляхъ этой же страницы (сверху, безъ означенїя куда относится) на-
ходится слѣдующая замѣтка: андрєи пономѧ истародѸба и дшїи вписѧ.

****) На поляхъ противъ этого и предшествующихъ именъ красными
чернилами написано: рѡ пана семїѡна марїнїча из мѣньска.

*****) На поляхъ противъ этого и предшествующаго имени написано:
Ѹписѧ снѧ дмитрї бѣ дшїн.

*****) На поляхъ въ выноскѣ въ этому имени написано: андрєй михайлїн.
На этой же страницѣ на поляхъ находятся еще двѣ замѣтки: а) (вверху):
сѸпрѸ дшѸ Ѹписѧ александра; б) (внизу, безъ означенїя, куда относится):
данило жкимовї зо мстислѧла оуписѧ двѣ дшїи.

*****) На поляхъ противъ этого и предшествующаго имени написано:
борї шмаковї оуписѧ бѧка и матрѣ.

*****) На поляхъ въ выноскѣ къ этому и предшествующему име-
намъ написано: с чєнигова афанѧ васїє снѧ счѣбїнїи Ѹписѧ бѣ дшїи.

Рѡ сщнка бѣдана сѣго николаы слѣжителѣ спятїлѣ.
инока іѡнѣ марѣфоу инока скїїніка назарїю, инока скїїніка мисайла, игнатїа.

Рѡ ивѣ сидоровича мещанина киѣскѣ. Помѣни ги ива-
на, стефана, з остра. ѣкова, *).

Сни дши писаны в слѣжебници. помнинаю и на всѣ днѣ.
архїепѣпа іѡсифа. макаріа. пѣмина. іѡноу. василїа. іѡа. николаѣ. епѣпа
іѡнѣ. стефана. кнѣзѣ смїшна. ѣвдокію. игнатїа. іѡа. еѡвменїа. нектасїа.
епѣпа лоукѣ скїїніка. матренѣ. іѡа. касїана. макаріа. кнѣзѣ іѡа. василїа.
кнѣзѣ михайла. арсенїа. іакова. григорїа. ѣвдокію. ѡолѣ. григорїа. кнѣзѣ ве-
ликого іѡанна. епѣпа еѡнїа. іѡноу. іѡа кнѣнѣ маринѣ. кнѣзѣ василїа.
еѡпраксию. кнѣзѣ іѡа. симона. ѡлены. никитѣ. семїшна. михайла. димитрїа.
кнѣзѣ іѡа кнѣгню мрїю кнѣзѣ іѡа. феѡсїа мрїю конона агафию ѡсѣрѣ
николаѣ. арсенїа кнѣзѣ григорїа. кнѣзѣ глѣва. родишна. семѣна. настасїю. си-
мїшна василїа. ѡвдотню. инока симиѡ. павла іѡасафа. іѡа. михаила. кнѣ
симїшна. инока феѡсїа. кнѣзѣ димитрѣ. кнѣзѣ симиѡ. кнѣгню ѡсѡсїю. кнѣзѣ
алексѣа. матфѣа. іѡа. архїмандрита селивестра. евтихїа. скїїніка сергѣа
скїїнницу ѡсѡсїю. кнѣзѣ алѣсандра. скїїнницу еѡросинню. костанїтина. кнѣгню
ѣвдокію. кнѣзѣ василїа. іѡа. іѡа. ферапѡта. ѣфрема. скїїнницу еѡросинню.
ѡсѣра. мрїю. свтихїа. іѡа. мрїю. сѡю. сїїноннѡ игнатїа. агрѣенѣ. си-
мїшна іѡа стефана ѡсѣра. сїїноннѡ маѡѣа. сїїноннѣрѣа антонїа. бориса
іакова симиѡ кнѣгню настасїю инѡ скїїніка ісаакїа. павла. симѣѡ. тита.
анноу ѡсклѣ лѣкѣ евдокію василїа. василїа іерѣа потапїа. кнѣгню февронню.
павла. марїю. іѡа. кнѣзѣ феѡра. кнѣзѣ михаила. айрѣа. алексѣа. ірїнѣ.
кнѣгню аннѣ. іѡа. логина. марїю. григорїа. ѡсѡра. кнѣгню марїю. айрѣа.
ірїны. инѣ скїїніка іакима. инѣ. скїїніка, ісакїа. хрисанѡа. іѡанїсїа.
кнѣзѣ ивана. симиѡна. ѡсѡсїю. инѣ, серанїона. инѣ лаврѣтїа. ѡѡѡимню.,
павла. павла. кнѣзѣ, демїана. василїсы. василїсы. мрїю. семїшна. инѣ сер-
гѣа. ивана. іѡанна. кнѣзѣ тимоѡѣа. епѣпа васїана **). петра. кнѣзѣ романа.
настасїю. кнѣгню оульанѣ. инѣ іакима. кнѣгню марѡоу. кнѣзѣ филпа.
кнѣзѣ иакова. михайла. кнѣ. анастасїю. василїа. игнатїа. кнѣ ѣлену. іѡаѣ.

*) Далѣе въ подлинникѣ пробѣлъ въ 38¹/₂ листовъ.

**) Это имя написано на поляхъ,—съ обозначенїемъ, куда въ текстѣ
оно должно быть относимо.

дєміана. а́нноу. ѡгафію. ѡгаю. сцїноннѡ дєшнїсїа. фєш^ара. никитоу. бо-
рїса. васїліа. фєш^асїа. кнѣ а́лєксѣдра. петра. грїгорїа. а́нноу. а́настасїю.
потапіа. іѡанна. іѡсїѡа *). петра. грїгорїа. васїліа. артеміа. **) ларї-
ѡна. петра. іѡанна. логїна інока. кнѣноу, марїю***). грїгорїа****). івана.
грїгорїа. фетїнїа****). фєш^ара. сємїѡна. тарасїа. марїа. а́ноуфрїа. а́нноу.
оуліана. матфѣѣ. іікѡва. фомы. сїдора. захарїю. інока маремїаноу. ма-
карїа. марїю. фєш^ара. кнѣгїнїю. а́настасїю*****). кнѣ фєш^адора. кнѣгїю
а́ннѡ. фєш^адора. кнѣ кѡстѣнтїна*****). оулітоу. а́нрѣа*****). оуліанѣ.
васїліа. іно марїїанѣ. фєш^ара. фєш^асїю. єндокїю. а́настасїю. коі.

Патѣѣ*****). сцїноскѣмнїка. єустратїа. кнѣгїю, татїанѣ. грїго-
рїа*****). васїліа*****). інока лєшнїтїа. мрїю*****). Сѡасїа.
мїхалѣ*****). сємїѡна*****). грїгорїа. мрїю. фєш^ара.

*) Сверху этого имени красными чернилами написано: трына.

**) На поляхъ въ выносѣ къ этому имени красными чернилами на-
писано: сѣдешовѣ.

***) На поляхъ въ выносѣ къ этому имени красными чернилами
написано: дѡка кнѣзѣ кѡстѣнтїна штрѡскаго.

****) На поляхъ противъ этого имени написано: дѣлновї.

*****) На поляхъ противъ этого имени написано: зєвѣрєвалѣ.

*****) На поляхъ въ выносѣ къ этому имени написано: кнѣ іѡ-
новѣа вїшѣскѡ.

*****) На поляхъ въ выносѣ къ этому имени красными чернила-
ми написано: крошїнскїи.

*****) На поляхъ въ выносѣ къ этому и слѣдующимъ двумъ
именамъ красными чернилами написано: сїа дшїа старїца шлєсїнѣа впї
за имѣнїє коилово.

*****) На поляхъ въ выносѣ къ этому имени красными чер-
нилами написано: заморєнѡ.

*****) Сверху этого имени красными чернилами написано:
козїнскї.

*****) Сверху этого имени красными чернилами написано:
дєвочка.

*****) На поляхъ въ выносѣ къ этому имени красными чер-
нилами написано: сїа дшїа вїїана за кѡннїторлѡ....(трудно прочестъ).

*****) Сверху этого имени написано: гогола.

*****) На поляхъ въ выносѣ къ этому имени написано:
кѡстїюковї.

